ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Scopus

Clarivate Web of Science

OPEN ACCESS

We are Crossref Member

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU РИНЦ

DOAJ

ERIH PLUS

Dimensions

Google scholar

CYBERLENINKA

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 13, выпуск 3, 2024

Nauchnyi Dialog

Volume 13, Issue 3, 2024

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 13, выпуск 3, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Барнаул	Пенза
	Владикавказ	Петрозаводск
	Екатеринбург	Пятигорск
	Елабуга	Ростов-на-Дону
	Елец	Санкт-Петербург
	Иркутск	Тамбов
	Краснодар	Тюмень
	Москва	Челябинск
	Нижний Новгород	Шымкент (Казахстан)
	Новый Уренгой	Павлодар (Казахстан)
Авторы, имеющие ученую степень	73 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Дата выхода в свет 23.04.2024

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 3, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Лабунец Н. В., Эртнер Д. Е., Эртнер Е. Н. Лингвосемиотика имени собственного в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» 9

Леонтьева Е. В. Моя Римская империя : от флешмоба до фразеологизма 31

Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента) 54

Ремхе И. Н. Матрично-сетевое моделирование переводческой коммуникации с позиции экотранслатологии 72

Селеменева О. А., Потехина П. С. «Восточный» ономастикон И. А. Бунина-прозаика : иерархичность и системность 89

Медиакоммуникации и журналистика

Грибер Ю. А. Персиковый пух : концептуальная инженерия цветовых категорий 109

Гукосьянц О. Ю. Стилистические приемы в демотиваторах периода пандемии COVID-19 и самоизоляции 127

Шакенова М. Т., Айтмагамбетова М. Б. Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана) 149

Литературоведение. Фольклористика

Бауэр Т. В. Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков) 170

Богданова О. В., Баранова Т. Н. Мотив маски в «Большой элегии Джону Донну» Иосифа Бродского 190

Дроздова А. О. «Лучший из известных мне примеров относительности в литературе» : персональный сверхтекст Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин» 215

Плотникова А. Г. Особенности жанра профессионального киносценария в России 1910-х годов : теория и практика 233

Сердечная В. В., Жаткин Д. Н. Эволюция литературно-критического метода Ю. И. Айхенвальда и его взглядов на творчество Шекспира 251

Шастина Е. М., Казакова Ю. К. Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века 267

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Исторические науки

Архипова Н. Е. Поведение духовенства Нижегородской епархии в период первой революции в России 289

Буслаев Г. Н., Немудров К. А. Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы : пути формирования и особенности развития 308

Егоров А. А., Бойко О. О. Эскалация англо-германских отношений на фоне укрепления позиций «партии войны» в Германии в кризисный период 1908—1911 годов 331

Егорова К. Б. Празднование юбилея Яна Гуса в Российской империи : предпосылки, история, культурный контекст 348

Елдинов О. А. Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области) 365

Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 гг.) 384

Ипполитов В. А. «Аграрные беспорядки» в Центральном Черноземье осенью 1905 года 405

Казиев Э. В. Аланы и Чингизидские государства в XIII—XV веках 427

Корноухова Г. Г. Российско-персидские экономические отношения в начале XX века : дорожное строительство 445

Кругликов А. С., Цысь В. В. Деятельность приходских попечительств Тобольской епархии во второй трети XIX — начале XX веков 463

Лахтионова Е. С. Роль органов государственной власти в сохранении индустриального наследия Челябинской области (1960—1980-е годы) 488

Нестерова Т. П., Ушаков Д. В. «Одиночество Каталонии» : сепаратизм в регионах каталанского языка в Испании в XXI веке 506

***Слезин А. А.*, Безгин В. Б.** Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого» 526

АВТОРАМ 543

CONTENTS 549

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Дарья Евгеньевна Эртнер, канд. филол. наук (Тюмень)
Екатерина Владимировна Леонтьева, лаборант-исследователь (Екатеринбург)
Елена Николаевна Эртнер, д-р филол. наук (Тюмень)
Елена Юрьевна Позднякова, канд. филол. наук (Барнаул)
Ирина Николаевна Ремхе, д-р филол. наук (Челябинск)
Надежда Николаевна Шпильная, д-р филол. наук (Барнаул)
Наталья Вадимовна Лабунец, д-р филол. наук (Тюмень)
Ольга Александровна Селеменева, д-р филол. наук (Елец)
Полина Сергеевна Потехина, соискатель (Новый Уренгой, Елец)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Лабунец Н. В. Лингвосемиотика имени собственного в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» / Н. В. Лабунец, Д. Е. Эртнер, Е. Н. Эртнер // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 9—30. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-9-30.

Labunets, N. Y., Ertner, D. E., Ertner, E. N. (2024). Linguosemiotics of Proper Names in Novel 'Night Watch' by S. Lukyanenko. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 9-30. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-9-30. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Лингвосемиотика имени собственного в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор»

Лабунец Наталья Вадимовна
orcid.org/0000-0002-0999-5070
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
и литературоведения
корреспондирующий автор
n.v.labunec@utmn.ru

Эртнер Дарья Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-6600-4237
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
прикладной и теоретической
лингвистики
d.e.ertner@utmn.ru

Эртнер Елена Николаевна
orcid.org/ 0000-0003-1523-6561
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания
и литературоведения
e.n.ertner@utmn.ru

Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)

Linguosemiotics of Proper Names in Novel 'Night Watch' by S. Lukyanenko

Natalia V. Labunets
orcid.org/0000-0002-0999-5070
Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies
Corresponding author
n.v.labunec@utmn.ru

Daria E. Ertner
orcid.org/0000-0002-6600-4237
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Applied
and Theoretical Linguistics
d.e.ertner@utmn.ru

Elena N. Ertner
orcid.org/0000-0003-1523-6561
Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics
and Literary Studies
e.n.ertner@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Лабунец Н. В., Эртнер Д. Е., Эртнер Е. Н., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме лингвосемиотической интерпретации имени собственного, функционирующего в художественном тексте. Цель исследования состоит в выявлении лингвосемиотической специфики онимов, посредством которых конструируется фантастический мир произведения в жанре городского фэнтези. Источником исследования стал роман С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор», послуживший основой для создания литературного цикла «Вселенной Дозоров». Впервые комплексно рассмотрен ономастический континуум (более 300 слов), означивающий мир реальный и ирреальный. Предложена классификация материала, формирующего ономастическое пространство текста. Рассмотрены имена персонажей произведения: антропонимы, мифоантропонимы, неомифонимы. Применяются методы контекстуального, компонентного, корпусного, лингвостилистического, структурно-семиотического анализа, способствующие установлению роли онимов в формировании художественных образов, пространственной организации произведения, авторского идиостиля. Выработанная авторами статьи процедура декодирования «скрытых смыслов» онима осуществляется с использованием приемов семантизации этимологических данных. Доказано, что в романе осуществлено ономастическое миромоделирование: имя персонажа — образоцентрирующий знак, антропогруппы категоризируют Светлых и Темных как конфронтацию Востока и Запада. Среди основных функций онимов — метатекстовая, аллюзивная, аксиологическая.

Ключевые слова:
Сергей Лукьяненко; *Ночной Дозор*; имя собственное; ономастика; мифоним; лингвосемиотика; фэнтези.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of linguosemiotic interpretation of proper names functioning in a literary text. The research aims to identify the linguosemiotic specificity of onyms through which the fantastic world of the work in the urban fantasy genre is constructed. The primary source of the study is S. Lukyanenko's novel "Night Watch," which served as the basis for the creation of the "Watch Universe" literary cycle. For the first time, a comprehensive analysis of the onomastic continuum (over 300 words) denoting the real and unreal world is conducted. A classification of the material forming the onomastic space of the text is proposed. The names of the characters in the work are examined: anthroponyms, mythoanthroponyms, neomythonyms. Contextual, componential, corpus-based, linguostylistic, and structurally-semiotic analysis methods are applied to establish the role of onyms in shaping artistic images, spatial organization of the work, and authorial idiolect. The decoding procedure of the 'hidden meanings' of onyms is carried out by utilizing techniques of etymological data semanticization. It is demonstrated that onomastic world modeling is implemented in the novel: character names serve as image-centric signs, anthropogroups categorize the Light and Dark as an East-West confrontation. Among the main functions of onyms are metatextual, allusive, and axiological.

Key words:
Sergey Lukyanenko; Night Watch; proper name; onomastics; mythonym; linguosemiotics; fantasy.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’367.622.12:821.161.1Лукьяненко.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-9-30

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Лингвосемиотика имени собственного в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор»

© Лабунец Н. В., Эртнер Д. Е., Эртнер Е. Н., 2024

1. Введение = Introduction

В последнее время продолжается активное развитие литературной ономастики, в рамках которой широко обсуждаются семантические вопросы: коннотативные оттенки, импликации, «скрытые» смыслы имени, его аксиологический потенциал и др. На воплощение смыслов имени собственного в художественном тексте влияет жанровое своеобразие произведения. Фантастическое, фэнтези произведение, моделирующее многомирие, воссоздает оппозицию реального и ирреального ономоконтинуумов, каждый из которых «оснащается» особыми способами смысловых реализаций имени собственного.

Актуальность настоящего исследования обусловлена вниманием современной филологии к аспектам отражения в тексте художественного произведения «возможных, воображаемых миров», воспринимаемых как иные, альтернативные истолкования существующей действительности. В исследовательском отношении особую значимость представляет роман С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор», ставший «культурным феноменом России 2000-х годов» [Майер, 2010, с. 104]. Произведение, вышедшее более четверти века назад, не только послужило фундаментом для расширяющейся «Вселенной Дозоров», созданной самим автором (около десятка произведений, 1998—2023), другими писателями межавторского цикла Дозоров (2014—2022), но и продолжает приковывать внимание новых читателей, в том числе и благодаря глубоко разработанной ономастической составляющей «Ночного Дозора».

Научная новизна работы определяется как выбором аналитического объекта, одного из наиболее репрезентативных произведений современной фантастики — романа С. В. Лукьяненко, так и обоснованием лингвосемиотического подхода к изучению имени собственного в художественном тексте. Впервые исследуются процессы семантических и семиотических трансформаций, метафоризации, персонификации и кодирования имени

CC BY

собственного; выявляются принципы моделирования ономастического пространства романа «Ночной дозор».

Объектом настоящего исследования является ономастическое пространство произведения, предметом — особенности реализации лингвосемиотического потенциала онимов в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор». Основные задачи исследования — описать ономастическое пространство романа; охарактеризовать онимы как образоцентрирующие компоненты художественного произведения; выявить лингвостилистические функции имен собственных в тексте «Ночного Дозора».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом послужили онимы (более 300 единиц), функционирующие в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» [НД]. Особенности их словоупотребления (далее — sl) устанавливались по данным Пользовательского подкорпуса «Ночной Дозор» Национального корпуса русского языка [ППНД], своеобразие авторского онимообразования — по основному корпусу Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Кроме обозначенных в аннотации методов, которые использовались нами в их сопряжении, в работе применялись также процедуры систематизации и классификации ономастикона; этимологического анализа, непосредственно связанного с семантизацией антропонимов и мифонимов; семиотической интерпретации их образоцентрирующей роли в тексте произведения.

Современные исследователи неоднократно отмечали, что художественные ономастиконы должны изучаться комплексно, необходимо учитывать многомерность имени, его значимость в понимании художественного текста, интерпретации авторского замысла. В этой связи актуальным становится лингвосемиотический подход, когда, опираясь на знаковую природу имени, его билатеральность, ученые рассматривают имя как лингвокультурный знак, как символическое средство, создающее тот или иной художественный образ.

Методологической основой мультифилологического изучения [Васильева, 2020] имени собственного в художественном тексте послужил семиотический подход, позволяющий рассматривать художественное произведение как знаковую систему через призму ее «языковых кодов». Стратегия способствует выявлению сети семантических констант, семантических трансформаций, дает возможность декодировать текст и интерпретировать «матричные» и новые смыслы знака и символа. Как подчеркивает У. Эко, именно «код воздвигает из <…> символов систему различий и оппозиций и закрепляет правила их сочетания» [Эко, 1998, с. 67].

Понятие «языкового кода» во многом было обосновано еще Р. О. Якобсоном. Код — важнейшая часть структуры хорошо известной в науке ком-

CC BY

муникативной модели Якобсона. Кроме того, ученый закладывает традицию, в основе которой — понимание «языкового кода» как миромоделирующей системы. Теоретически важной является концепция Р. О. Якобсона имени собственного, изучаемого в семиотическом аспекте: «Имена собственные… занимают в нашем языковом коде особое место: общее значение имени собственного не может быть определено без ссылки на код» [Якобсон, 1972, с. 96]. Заметим, что Р. О. Якобсон рассматривает имя собственное в контексте «языкового кода» русского языка и обосновывает процесс выявления национального кода русского ономастикона.

Изучение лингвосемиотики имени собственного осуществляется нами и в свете идей Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, в основе которых — исследование мифологического языкового кода имени: понимание, что «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени» [Лотман, 2000, с. 527], а «имена являются единственным источником, на основании которого можно судить о всей мифологической системе» [Топоров, 1980, с. 508]; обоснование «специфического типа семиозиса, который сводится к процессу *номинации»* [Лотман, 2000, с. 527], и подвижности статуса имени в мифологическом тексте, где, по определению, «апеллятив стремится стать именем собственным, одновременно сакрализуясь и мифологизируясь» [Топоров, 1980, с. 508.].

Актуальным для исследования мифологической модели нового пространственного мира в фантастическом романе С. В. Лукьяненко оказывается и суждение Ю. М. Лотмана о продуктивности «языка имени» в художественном тексте: «“Язык собственных имен” и связанное с ним мифологическое мышление стимулируют <…> установление отождествлений, аналогий и эквивалентностей» [Лотман, 2000, с. 542].

В последнее время изучение имени собственного получает широкое развитие в рамках «лингвосемиотики имени», где оним может рассматриваться как словесный знак, знак-символ, «образонесущий знак», способный трансформироваться в авторской, художественной картине мира за счет различных приращений смысла, «креации сверхсмысла» и «превращения текста в целостный знак сверхсмысла» [Ронжина, 2011, с. 4].

Лингвосемиотическая интерпретация художественных ономастиконов разрабатывается в трудах целого ряда исследователей, где имя собственное рассматривается не только как своеобразный концепт, вербализованный в языке, но и как компонент художественного целого, обусловленный законами построения, динамикой художественного произведения [Астафурова, 2009; Катермина, 2020; Кропачева, 2021; Якушкевич, 2016]. Подчеркивается, что художественные онимы, проявляющиеся и как код ономастической культуры, и как элемент ономастического кода произведения, существуют

CC BY

в двух измерениях: с одной стороны, в них «отражены определенные тенденции и правила именования, существующие в языке и культуре, с другой стороны, это фикциональный мир, где проявляются особенности творческого мышления автора и реализуются законы жанра» [Косиченко, 2017, с. 5].

Проблемы декодирования художественного онима, предстающие как весьма значимые для современной лингвосемиотики, требуют своего дальнейшего рассмотрения, в том числе и на материале романа С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор», который еще не становился объектом лингвосемиотического изучения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Ономастическое пространство романа «Ночной Дозор»

В фантастическом произведении «Ночной Дозор», относящемся к жанру городского фэнтези, события разворачиваются в городской среде, в реальном мире читателя, но «прочитываются» иначе, альтернативно истолковываются. С. В. Лукьяненко, творец особой, московской, вселенной, создает две ономастические сферы. В соответствии с терминологической традицией указанные сферы можно подразделить на реалонимы и мифонимы (в их числе и мифоантропонимы), очерчивающие реальный и ирреальный миры [Подольская, 1978, с. 124]. Особое внимание, как и в других фэнтезийных произведениях, обращают на себя неомифонимы, авторские окказионализмы [Белоусова, 2017, с. 94; Носорева, 2022, с. 60]. Специфическую группу в исследуемом тексте составляют квазимифонимы, детерминируемые словообразовательными средствами.

По данным ППНД, общий объем существительных, функционирующих в тексте «Ночного Дозора», составляет 243 35 sl, из них на долю онимов-существительных (онимы-прилагательные немногочисленны) приходится около трех тысяч (12,5 %) единиц, что свидетельствует об онимной плотности текста. Основной корпус онимов романа «Ночной Дозор» (более 70 %) соотносится с **реалонимами**, номинирующими объекты не только реального мира, но и ирреального. Так, члены семьи вампиров (сын *Костя*, его отец *Геннадий* и мать *Полина*), проживающие среди обычных людей, получают онимы из реального именника, хотя «… они вовсе не люди» [НД, с. 32]. Сфера **мифонимов** исследуемого текста, связанная с номинацией ирреального мира, значительно менее объемна по своему составу, широте диапазона, но частотность отдельных имен достаточно высокая (*Гесер* — 124, *Завулон* — 170, *Иной* — 84, *Ночной Дозор* — 69 sl).

3.1.1. Реалонимы

Преобладают антропонимы (более 70 единиц), наиболее частотны *Светлана, Ольга*, *Егор*; другие имена (*Гарик, Лариса, Петр, Фарид*) ис-

CC BY

пользуются значительно реже, при этом отчества (*Васильевна, Игнатьевич*), фамилии (*Донникова, Назарова, Рогова*) и прозвища (*Дикарь, Медведь, Тигренок*) единичны в использовании. Наиболее частотным антропонимом среди всех существительных (и собственных, и нарицательных) является личное имя главного героя — *Антон* (*Анто** — 350 sl).

Объемна, но менее частотна по сравнению с антропонимами, хотя и разнообразна по содержанию, топонимическая группа. Среди топонимов многочисленны хоронимы (*Азия, Восток, Европа, Запад, Китай, Россия*), полисонимы (*Москва, Самарканд, Ташкент, Ялта*), урбанонимы (*ВДНХ, Останкинская Башня, Старый Арбат, ст. Проспект Мира*). В остальных случаях географические названия немногочисленны, малочастотны: гидронимы (*Черное море*, *Яуза*), ойконим («*Поступь Ильича*»). Наиболее частотным является полисоним *Москва* (*Моск** — 78 sl), указывающий на место, где разворачиваются события.

К периферийной группе онимов, выступающих в единичных реализациях, относятся: фелиноним (кот *Грэйс / Грэйсик*), идеонимы (названия музыкальных групп «*Воскресение*», песен «*Кто виноват?*», фильмов «*Дракула*», литературных произведений «*Понедельник начинается в субботу*»), а также прагмонимы (марки автомобиля *«Москвич», «Нива», «BMW», пистолета «Desert Eagle»,* сигарет *«Золотая Ява», «Полет», вино-водочных изделий «Кутузов», «Наполеон», «Праздничный*).

3.1.2. Мифонимы

Сфера мифонимов в исследуемом произведении неоднородна по своему составу и способам онимообразования:

— мифоантропонимы, обозначающие человекоподобных существ, соотносятся с определенными традициями именования: русской, российской (*Борис Игнатьевич Гесер*) или древнейшей, библейской (*Завулон*);

— неомифонимы, репрезентирующие фантастические феномены ирреального мира. Выражены апеллятивами, маркированными заглавной буквой. Наиболее многочисленны существительные: *Свет, Тьма, Сила, Зов, Сумрак, Воронка* (60, 40, 20, 12 sl) и др., менее представлены прилагательные: *Темный, Иной, Светлый* (90, 40, 40 sl). Некоторые оформлены на основе словосочетаний: *Ночной Дозор, Дневной Дозор, Великая Волшебница, Великий Договор, Книга Судьбы*;

— квазимифонимы называют вампиров, не имеющих собственного имени, но их персонализация, индивидуализация осуществляется посредством окказионального словообразования: *вампиренок, вампирша, девушка-вампир, парень-вампир*. Вампиры не принадлежат к миру людей, представляя собой сущность, «мертвое тело», «мертвую плоть», трансформирующуюся в некое естество, животное. Ср.: «…попытки *вампиренка*

CC BY

превратиться в *летучую мышь* — это задача для высшего *вампира*» [НД, с. 34]. Этимологически *вампир* < франц. *vampire* (*pire* «парить»), связано с рус. диал. *нето-пырь* «летучая мышь», *упырь,* где *праслав. *ǫ < *vъn* (рус. *вон*) < и.-е. **an(a)* «наверх (вылетающий) [Шведова, 2008, с. 73, 1032]. По данным ППНД, *вампир** обладает высокой частотностью (191 sl). К окказиональным, авторским образованиям следует отнести формы, осложненные суффиксами: *вампиренок* с суф. *-к-* (*-онок-*) и *вампирья* с суф. *-j-*, а также композиты *девушка-вампирша* и *парень-вампир*. Судя по данным лексикографии и НКРЯ, словоформы *девушка-вампирша и парень-вампир*, а также *вампиренок* и *вампирья* следует считать авторскими окказионализмами, маркирующими номинации сущностей ирреального мира. По сути, за счет словообразовательного «эффекта» осуществляется деапеллятивизация с последующей онимизацией отмеченных лексических единиц.

3.2. Лингвосемиотический потенциал реалонимов романа «Ночной Дозор»

К числу реалонимов, называющих главных героев, относятся четыре наиболее частотных:

— *Антон Сергеевич Городецкий.* Этимология имени главного героя дает возможность декодировать «скрытые» смыслы онима. Ср.: *Антон* < греч. *anteo*, *antao* «вступать в бой, состязаться», *Сергей* < лат. *sergius* римское родовое имя, соотносящееся с высшим классом [Суперанская, 2005, с. 37, 199]. Антропоним *Городецкий* восходит: к апеллятиву, топониму или фамилии (*город, городец, городецкий, Городецкий*). Прилагательное, оформленное суффиксальным способом, встречается в древнейшем русском летописном своде, относится к исконно русскому лексическому фонду. По данным НКРЯ, «князь *городецкий»* (внук Игорев) впервые упоминается В. Н. Татищевым под 1750 годом. Анализ показал, что имя главного героя «Ночного Дозора» «говорящее», прочитывается как «живущий в городе (в Москве) русский (Светлый маг) высокого ранга, вступивший в бой (с силами Тьмы)»;

— *Светлана*. Оним (338 sl) этимологически прозрачен, связан с рус. *светлая* [Суперанская, 2005, с. 339] < праслав. **světъ* «светлый, белый; блестеть, мерцать» [Фасмер, т. III, с. 575—576]. Контекстное развертывание имени, сопровождаемое существительным *свет*, прилагательными *светлый*, *белый*, делает оним символом Света, Светлых: *Светлана* станет «гордостью *Светлых*». И именно *Светлана* должна взять (*белый)* мел Судьбы, способный изменить «Вселенные Дозоров». Фамилия Светланы, *Назарова*, фиксируется в единичном словоупотреблении, восходит к *Назар* < *Назарий* < др.-евр. *nāzar* «он посвятил» [Суперанская, 2005, с. 162] или араб., перс. *Nazar* «милость» [Гафуров, 1987, с. 174]. Имя главной ге-

CC BY

роини также является «говорящим»: по замыслу Вселенной, *Светлана Назарова* должна была посвятить себя делу *Света*, переписав Книгу Судьбы;

— *Ольга.* Говорит о себе как о «простой русской женщине», хотя Антон Городецкий считает ее «аристократкой», участвовавшей в знаковых событиях далекого прошлого (восстание декабристов, мировые войны). Оним (266 sl) «восходит к древнерусскому имени *Ольга»* (945 — 957 годы) [Фасмер, т. III, с. 137], этимологически связан со значением ‘святая’ [Суперанская, 2005, с. 325]. Одно из значений современного слова *святой* — «носитель чудодейственной силы» [Шведова, 2008, с. 866]. Именно такую силу, по мнению главного героя, и олицетворяет *Ольга*. В тексте антропоним прочитывается как аллюзивный, отсылает к русской истории, к «равноапостольной княгине Ольге» [Православная Энциклопедия];

— *Егор*. Оним (164 sl) рассматривается как «русский народный вариант имени *Георгий*», восходящий к греч. *Geōrgios <geōrgos* «земледелец» [Суперанская, 2005, с. 101, 75]. Если всех трех персонажей — Антона, Светлану, Ольгу — связывала «незримая», «мистическая нить», то их встреча с мальчиком *Егором* стянула «узел судьбы». Оним *Егор* конкретизирует мир реальный: «земля», земной», «земледелец» — человек, работающий на земле [Шведова 2008, с. 276, 871]. Ономастический текст романа начинается с имени *Егор* (первый абзац Пролога), когда персонаж находится ***под землей***, в метро, где ветер, который замечает только ***Егор***, не дает ему отрываться ***от земли***. Имя *Егор* «заземляет» героя. Этимологизация онима становится одним из способов реконструкции событий, происходящих в многомирии, имя «разводит» реальный и ирреальный миры фантастического произведения.

3.3. Лингвосемиотический потенциал мифоантропонимов «Ночного Дозора»

Мифоантропонимы означивают центральных персонажей романа: *Гесера* и *Завулона*, руководителей Ночного и Дневного Дозоров, противостояние которых определяет сюжетный ход произведения. Противоборство Света и Тьмы, Светлого и Темного, Дневного и Ночного обусловливает и оппозицию мифоантропонимов в романе «Ночной Дозор», задаваемую как Восток — Запад.

Гесер. Развернутая характеристика представлена автором в «Шестом Дозоре» (2023), но полностью соответствует и персонажу «Ночного Дозора». Ср.: «Пресветлый *Гесер,* Высший маг и маг вне категорий, Светлый Иной, победитель демонов и Сын Неба, герой Тибета и Монголии, главный персонаж народного эпоса *Гесериада*, почитаемый калмыками и удостоенный огромного конного памятника в Бурятии, руководитель Ночного Дозора Москвы, а значит, по факту, и всей России» [Лукьяненко, 2023, с. 671].

CC BY

Оним является частотным (160 sl), по данным НКРЯ. В художественных текстах оним практически не представлен, но встречается в «Кащее бессмертном, былине старого времени» А. Ф. Вельтмана (1833). В этом тексте герой уподобился *Гесер-Хану*, «этому монгольскому Геркулесу», но «избавленному от очарования». *Гесер* (*Гесар / Кесар*), согласно сказаниям, сын владыки неба, «наиболее древняя локализация *Гесера* — Кром (возможно, от *Рум* — иранское наименование Византии)» [Мифологический словарь, 1990, с. 151]. Позже *Гесер* стал восприниматься как покровитель воинов, Бог войны. В историческом ключе имя *Гесер* впервые появляется в повести, изданной на монгольском языке в Пекине (1716), возводится к тибетскому, добуддийскому эпосу *Гесериаде / Гэсэриаде*. «Решительно все сказания изображают *Гесера* существом божественным, обладающим сверхчеловеческой мощью, и искоренителем зла» [Гесериада ..., 2023, с. 11].

Читателю «Ночного Дозора» мифологический контекст имени *Гесер* малознаком, поэтому С. В. Лукьяненко конструирует русскую трехчленную антропонимическую формулу, вводя в нее имя и отчество: *Борис Игнатьевич*. Этимологически, по одной из версий, рус. *Борис* < *Борислав* «бороться + слава», *Игнатий* < латин. *ignatius* «огненный» [Суперанская, 2005, с. 53, 115]. Отметим, что рус. *огонь- / огн-* этимологически связано с латин. *ignis* < и.-е. *agnih.* По одной из версий, огонь сопряжен с индоевропейским ритуалом очищения при трупосожжении [Шведова, 2008, с. 555].

Евразийский контекст мифоантропонима *Гесер* в тексте произведения связан с «восточным» онимом *Алишер Ганиев* (22 sl). Имя *Алишер* имеет смешанное происхождение: *Али* < араб. *Али* «высший, могучий», тадж., узб. *Алишер* / *Алишир* < араб. *ʾAlī* + перс. *Šīr* «лев» > «лев Али» [Гафуров, 1987, с. 123, 124, 212]. В истории Средней Азии, Персии существовал культ *Али*, наместника пророка Мухаммеда на земле, поэтому имя *Алишер* понималось как «лев, сторожащий покой наместника пророка, у его двери». Позже понятие «лев» трансформировалось в понятие «собака, пес» [Гафуров, 1987, с. 69]. Русифицированная фамилия (с суф.*-ев-*) *Ганиев* восходит к арабскому мужскому имени *Ġanī:* «богатый, ни в чем не нуждающийся» [Гафуров, 1987, с. 138]. Декодируемый смысл двучленного антропонима *Алишер Ганиев* манифестируется следующим: «Как лев / собака, я готов сторожить твой покой, Великий Пророк. Ничего другого мне не нужно». Такая интерпретация коррелирует с призывом *Алишера* к *Гесеру* взять его в Дозор: «*Гесер*, возьми меня в Дозор. Учеником учеников. *Цепным псом*. Памятью отца прошу» [НД, с. 299].

Антропоним *Гесер Борис Игнатьевич* в аспекте реконструкции «скрытых смыслов» можно условно интерпретировать как «российский, ев-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

разийский Бог войны, побеждающий врагов с помощью огня». В тексте «Ночного Дозора» имеется достаточно много отсылок к *огню*, *пламени* как боевому оружию Светлых, руководителем которых и является *Гесер*. Ср.: белый *огненный* клинок, возникающий из ничего, мел Судьбы, превращающийся в *огненную* иглу, колонна белого *огня*, обрастающая чешуйками и душащая Завулона и др.

Завулон. Тёмный Иной, Тёмный маг вне категорий, руководитель Дневного Дозора Москвы; дед главного героя цикла Антона Городецкого (в «Шестом Дозоре». Отметим, что в этом случае обыгрывается отчество Антона Городецкого *Сергеевич* (см. выше «родовое имя, соотносящееся с высшим классом»). *Завулон* (170 sl) — редкое, экзотическое имя, которое незнакомо и главному герою, Антону Городецкому: «Имя? — спросил я. — *Завулон.* — Я не слышал раньше этого имени. Либо он не слишком известен, либо стоит у самых верхов Дневного Дозора» [НД, с. 90—91]. Имя *Завулон* незнакомо и читателю. Однако, в отличие от *Гесера*, оним *Завулон* прочитывается с позиций фоносемантики, ассоциативно связывается с чужим, чуждым, страшным, загробным миром. Ср. В народных поверьях: ветер *завывает*, протяжно, жалобно; *воют*, волки; собаки — к покойнику и т. д. [Даль, 1, 1989, с. 322]. Фоносемантические ассоциации наделяют имя *Завулон* мистическим ореолом. Антропоним (греч. *Ζαβουλών*) восходит к Ветхозаветной истории, к истории одного из колен Израилевых. «Имя происходит от созвучного ему корня *zbd* со значением «дар» или от однокоренного *zbl* с исходным значением «превозносить, благоволить <…> которое приобретает вторичное значение «обитать <…> Возможно, имя *Завулон* относилось к какому-либо особенному месту проживания», находящемуся «на севере Святой земли, в низменной части Галилеи» [Православная энциклопедия]. В Ветхозаветном предании говорится также о *Завулоне*, «владеющем тростию писца», о *Завулоне* — «народе, обрекшем душу свою на смерть» [Мифологический словарь, 1990, с. 215].

По данным НКРЯ, имя *Завулон* встречается (31 sl) в Православной энциклопедии, в трех художественных текстах в качестве фамилии *Завулонов* (у М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. С. Лескова). Лексикографы указывают на антропоним *Завулон* как весьма редкое и старинное имя [Петровский]. Этимологическая сопряженность имени *Завулон* исключительно с «Израилевой историей» придают ониму «условно западный» ореол.

С позиций декодирования «скрытых смыслов» антагонизм мифоантропонимов *Гесер* и *Завулон,* маркирующих *Свет и Тьму,* можно рассматривать как «вселенскую» противопоставленность евразийского и западного контекстов, как противостояние Востока и Запада, обозначенное в романе «Ночной Дозор».

CC BY

3.4. Лингвосемиотический потенциал неомифонимов «Ночного Дозора»

Неомифонимы, маркируемые заглавной буквой, обозначают фантастические сущности, явления вселенского масштаба, «существа без воплощения».

3.4.1. Неомифонимы-апеллятивы

Рассмотрим наиболее значимые.

— *Зов.* Оним используется в значении ‘голос, призывающий войти в ирреальный, «сумеречный мир»’: «Я уже начал слышать *Зов,* пока еще не вербализированный, просто нежная, тягучая мелодия <…> И тут мелодия *Зова* ликующе взвилась, в нее стала вкрадываться речь» [НД, с. 17];

— *Свет.* Оним означивает явление, противостоящее Тьме, однако отчетливо отграничить одно от другого невозможно: *«Свет* и Тьма — все скручено в узел» [НД, с. 45]; тысячелетия назад «*Свет* пытался менять судьбу мира». По данным НКРЯ, *свет* — одно из активных слов русского языка, используется как метафора Христа: «Я *свет* миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во *тьме*, но будет иметь *свет* жизни» (Евангелие от Иоанна, 8: 12). В тексте используются авторские неологизмы: «*Свет и Тьма*!», «*Свет с тобой*!», а также апеллятив *свет* в своем основном значении: «Вокруг потемнело, словно солнечный *свет* за окном померк» [НД, с. 63];

— *Тьма.* Оним конкретизирует явление, противостоящее Свету: *«Тьма* — это гидра, и чем больше голов отсечешь, тем больше их вырастет! [НД, с. 195]; *«*И ты идешь, а вокруг колышется *тьма,* и протягиваешь руку — не можешь различить пальцев» [НД, с. 70]. Согласно НКРЯ, *тьма* также является источником метафор, восходящих к евангельским текстам.

3.4.2. Неомифонимы-словосочетания

Означают, судя по тексту произведения, невоплощаемые сущности иного масштаба, высшего вселенского уровня, контролируемые магами «вне квалификаций».

3.5. Ночной Дозор: «имя текста и имя в тексте»

Ночной Дозор — главный герой романа С. Лукьяненко. Постепенно мифологический образ Сил Света в тексте персонифицируется, обретает имя собственное и становится антропомифонимом. По литературной традиции, имя героя дает заглавие произведению. *Дозор* Лукьяненко изначально строится на матричных значениях слова: «обход для осмотра, обходить дозором»; «разведывательная, наблюдательная группа от воинского подразделения» [Шведова, 2008, с. 205]; «наблюдение с целью охраны, разведки <…> связи, служба» [Ефремова]. Отметим, что о значении слова *дозор*, судя по данным НКРЯ, размышлял еще В. Н. Татищев в 1733 году, утверждая, что это слово является славянским по происхождению, синонимичным латинскому *ревизия*, в русском обозначает «пересматривание».

CC BY

Заглавие романа и его семантические смыслы восходят и к названию картины Рембрандта «Ночной Дозор» (1642), на которой художник изобразил группу хорошо вооруженных мушкетеров-ополченцев, ночную стражу Голландии XVII века, отправляющуюся в дозор с целью охраны города. Более того, в новом, еще не оконченном романе «Вечный Дозор» С. В. Лукьяненко использует и обыгрывает имя и творческую историю картины. Глава Ночного Дозора Москвы *Гесер* утверждает, что в левой части полотна Рембрандт изобразил себя и его и что картина «была обрезана» по воле самого Гесера: «В своё время я озаботился, чтобы картину обрезали <…> На память. Да и вообще, по глупости позировал. Опасно оставаться таким же, как на картине, сотни лет кряду» [Лукьяненко, 2022]. Теперь этот «фрагмент» висит в московской штаб-квартире Ночного Дозора. Так, С. В. Лукьяненко раскрывает великую историю мирового Ночного Дозора и создает «биографию» Гесера.

Слово *Дозор*, входящее в состав словосочетания *Ночной Дозор,* — авторское имя собственное: оно пишется с заглавной буквы и представляет новые символические смыслы: «следить за соблюдением Договора между силами Света и силами Тьмы» [НД, с. 79]. *Ночной Дозор* наделяется писателем особой многозначностью пересекающихся конфликтных значений языковых кодов. Рассмотрим процесс метафорической кодификации *Дозора* в романе.

РАБОТА**.** Одним из таких кодирующих смыслов становится понимание *Дозора* как *работы*: *рутинная работа, ударный труд, обычный патруль*. Терминология *Ночного Дозора* представляет современную речевую ситуацию: *наемные работники, оперативники, дежурная бригада, контора.* Однако главной целью патруля по-прежнему остается: «*смотреть, смотреть и смотреть*» [НД, с. 179], то есть выполнять свои обязанности в соответствии с долгом дозорного. В тексте романа *Ночной Дозор* выступает разветвленной структурой, организацией, призванной охранять покой жителей столицы.

МИССИЯ. Ярким контрастом по отношению к реальному пространству города и работе одной из его городских служб выступает ее *миссия*: *миссия Дозора*, *высшая миссия.* Семиосфера фантастического пространства *Дозора* обусловливает расширение семантических кодов, определяющих модель мира писателя, где в вечном конфликте пребывают силы Света и Тьмы, действуют *Ночной* и *Дневной Дозоры.* И тогда «работа» *Дозора Светлых* в романе обретает новые значения в процессе своей метафорической трансформации: «*Охранять закон. Преследовать зло. Защищать невинных»* [НД, с. 236], спасая людей от *вербовки*, *инициации вампиров*, а также «*реморализовывать»* Темных и т. д. Образ *Дозора* индивидуализируется, субъективи-

CC BY

руется, наделяется антропологическими чертами, выступает высшим носителем сознания и действий *Света*. Человек, дозорный Антон Городецкий, становится «голосом» *Дозора*, Веры, Добра: «*Мои слова — слова Ночного Дозора*» [НД, с.83]. Субъект и объект меняются местами. *Служба* оборачиваются *служением*: «*он служит Свету*» [НД, с. 241].

Метафоризация *Ночного Дозора* расширяет символику образа: Силы Света способны уступить, смириться ради «перемирия», балансировать на острие жизни и смерти, мира и войны. *Дозор* в значении: ‘удержание мира любой ценой, победа без победителя’ — обретает новые мифологические смыслы. Конфликт реального и мифологического продуцирует метафорические переносы или обратный процесс — деметафоризацию.

ВОЙНА И ВЕЛИКИЙ ДОГОВОР. Одним из доминантных в романе является языковой код войны: «*Это война. А война преступна всегда*» [НД, с. 236]. Код представлен семантикой *битвы, переднего края, военной операции, подвига, измены* и др., однако автор подвергает и ее метафорической трансформации: военные действия ведут «*армии Света и Тьмы*» [НД, с. 223], «*солдаты мировой войны Добра и Зла*» [НД, с. 298]. Фронт образует «*незримый рубеж*, где *стоим мы, дозорные, разделяя Свет и Тьму* [НД, с. 236]. *Дозор* в романе призван различать «незримое». По С. В. Лукьяненко, история всех войн может быть рассмотрена в русле вселенского философского конфликта конфликтных сил *Дозоров*.

Великий Договор Света и Тьмы в романе также имя собственное. Личностная конкретизация нарицательного существительного дает ему Имя, прием олицетворения порождает нового героя. *Великий Договор в* тексте С. В. Лукьяненко имеет портрет — мистически всплывающие «пылающие красные буквы» [НД, с. 78]. Действие *Договора* являет его «язык», «слово»: он *диктует, требует перемирия, дает право* «*каждой стороне жить по своим законам*» [НД, с. 78].

Земля Москвы символизирует в романе Силы *Света*. Боец *Дозора* спускается в «подземный мир» московского метро в надежде уйти незамеченным и спасти мальчика Егора: «*Обратить его к Свету <…> Дать ему взор отличать Добро от Зла. Дать ему веру идти за Светом*» [НД, с. 223]. Незримая война *Ночного Дозора* — «главный *бой за души людей*» [НД, с.172]. Москва олицетворяет собой исконную Русскую землю, скрывающую от врага, дающую силу как мать сыра земля героям фольклора и древнерусской литературы. И героя С. В. Лукьяненко «охраняет» память земли: «*… маги Темных не могут засечь мою ауру — сквозь слой грунта, сквозь древние могилы, на которых стоит* Москва» [НД, с. 202]. Реальность, научная фантастика и родовая вера предков, оказываясь в одном пространстве, расширяют символику Москвы в романе С. Лукьяненко.

CC BY

ИГРА. *Дозор* как игра раскрывается в нескольких семиотических смыслах, основанных на гетерогенной природе символики языкового кода. Игровое моделирование отличает хорошо продуманные многоходовые комбинации, шахматные «многоходовки» [НД, с. 133] *Ночного Дозора* [Шахматы: энциклопедический словарь, 1990, с. 256]. Именно белые — силы Света — начинают «партию» и «выигрывают» ее в несколько ходов. Столкновение Света и Тьмы раскрывается в символике сражения белых и черных шахматных фигур, игрового поля темных и светлых. Роли «игроков» определяются функциональностью фигур, *пешек* или *ферзей.* Сражаясь, Маги *«жертвуют пешками»* [НД, с. 149]. *Свет*, по определению, не может «*играть с Тьмой* в *поддавки*» [НД, с. 41], тем более «*в бирюльки*» [НД, с. 227].

Код игры имеет в романе яркую негативную коннотацию, представляя интриги и тайные умыслы, личные амбиции героев. Столкновение *Дозоров* в финале романа неожиданно даже для Светлых оказывается «игровой партией» Великого Мага Гесера. Манипулятор заставляет своих приверженцев поверить в истинность целей операции, провоцируя Темных со всей отдачей противостоять Светлым. Задачами манипуляции, игровым контекстом, имитационным моделированием ситуации оказываются и обучение, профессиональное «натаскивание» Магов «низших ступеней», дозорного Антона и будущей Великой Волшебницы Светланы, и достижение личной цели Гесера — спасение своей возлюбленной. Не случайно в тексте подчеркивается, что до какого-то момента это «*противостояние еще не стало игрой* [НД, с. 238]; затем отмечается, что все его участники — лишь «*фигуры на доске*» [НД, с. 247], и в итоге главный герой решает: «*Мой шанс — выйти из игры»* [НД, с. 335].

ОХОТА. Функциональная природа *Дозора* проявляется в мифологемах охоты: мотивах *слежки, приманки, добычи, зверя, капкана* и т. д. Так, «сотрудник *Дозора*» Антон Городецкий — не только *наблюдатель* или *смотрящий, охранник* или *разведчик,* но *и следопыт, ловец, опытный* охотник. Процесс номинации расширяет возможности лингвосемиотики имени в тексте. Работа *Света* — каждую ночь *караулить в засаде*, чтобы *«выследить и обезвредить*» [НД, с. 24], в буквальном смысле, подобно уже не охотнику, а охотничьей собаке, «*вынюхивая»* следы Темных. Лейтмотив охоты развивается в романе на уровне приема метаморфозы охотника и добычи («*Я вел свою охоту. На меня вели свою*» [НД, с. 35]), фантастической «*боевой трансформации*» «магов-перевертышей». И если для дозорных Света люди — *«наши корни*», то для их противников «*люди — корм, добыча, пища»* [НД, с. 226].

ЭКСПЕРИМЕНТ. Мифологию *Дозора* определяет его великий эксперимент: «переписывание» истории и изменение будущего мира. Великая

CC BY

Волшебница Светлана должна, «*зачеркивая прежние строки, вписать новые*» [НД, с. 343] в *Книгу Судьбы*. Эксперимент и есть концепция «*реморализации*» [НД, с. 347], «*перепрограммирования*» [НД, с. 19] человека и человечества. Территорией осуществления замысла Гесеру видятся «молодые» страны: «*Европа, Северная Америка* — эти страны <…> *уже в дреме, уже засыпают* <…> *экспериментировать надо на молодых*. *Россия, Азия, арабский мир* — плацдармы сегодняшнего дня» [НД, с. 306—307]. Заметим, что писатель в романе во многом предвосхищает современную геополитическую ситуацию. В итоге страной эксперимента избирается Россия, ибо только у нее есть перспектива: «*Получить мир, покой, процветание! Встать во главе человечества*» [НД, с. 307].

Однако истинную позицию *Дозора* в этом случае раскрывает «слово» Городецкого: «*Нельзя кроить, нельзя править* чужую судьбу» [НД, с. 337], нельзя «*переписывать "Книгу судьбы"* так, *как хочется Свету*» [НД, с. 350]. Любовь — вот высшая сила мира. Эксперимент будет в итоге осуществлен другими героями, но Антон и Светлана откажутся участвовать в нем. В момент генерального сражения *Дозор* доверит Антону все *Силы Света* и тот разрушит замысел Гесера.

Мифологический мир всегда иерархичен в семантико-аксиологическом смысле. Автор романа и есть «голос» *Ночного Дозора*. *Дозор* в романе С. В. Лукьяненко выступает верховноличностным Субъектом, образ которого формируют многослойные пересечения семантических смыслов со сложными внутренними отношениями, мифологическими и культурно-историческими ассоциациями. Процесс субъективации *Дозора* раскрывает природу ономастического мышления С. В. Лукьяненко, позволяет выявить особенности авторского «мифа о Дозоре».

Таким образом, использование лингвосемиотического инструментария показывает его эффективность в интерпретации литературного ономастикона, обусловленного текстовой многомерностью. В произведении нет нейтральных имен, хотя антропонимы и воспроизводят реальный русский именник, но сочетание имен в составе антропонимической формулы, мотивация их использования «наполняются» в художественном тексте новыми символическими значениями. Декодирование семантического содержания онимов способствует пониманию системы образов, авторского замысла, художественного текста в целом.

4. Заключение = Conclusions

Изучение авторских ономастиконов русских писателей актуально как для традиционного языкознания, так и в аспекте развития его новейших направлений: в рамках лингвосемиотической, структурно-семантической,

CC BY

социолингвистической, когнитивной, психолингвистической, динамической моделей. Многоаспектность исследования дает возможность выявить антропоцентрические установки автора в плане становления, формирования, а также динамики языковых процессов персонификации.

Лингвосемиотическая специфика онимастикона романа С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» заключается, во-первых, в особом конструировании ономастического континуума (более 300 слов), означивающего мир реальный и ирреальный; во-вторых, в выстраивании онима как образоцентрирующего компонента художественного произведения; в-третьих, в осуществлении ономастического миромоделирования, категоризирующего стихию Света и Тьмы как конфронтацию Востока и Запада.

Основными семиотическими кодами конструирования фантастического мира, Мира Иных в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» являются авторские онимизация и процессы трансформации языковых реалий (метафорической, метонимической, метаморфозной, аллюзивной), порождающие ирреальное пространство, магический континуум, наполненный «иными» субъектами, явлениями, предметами, событиями.

В тексте произведения С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» авторская фразеология строится на семантических трансформациях и словообразовательном моделировании. Подавляющее большинство имен собственных в романе Сергея Васильевича Лукьяненко образовано путем семантической деривации, то есть новые значения развиваются путем метафоризации, деметафоризации и реметафоризации, расширения или сужения смысловых рядов. Наиболее многочисленной группой авторских онимов в романе С. Лукьяненко «Ночной Дозор» являются имена существительные: *Дозор, Свет, Тьма, Договор, Силы, Зов*, — многие из которых входят в состав словосочетаний, где уточняется их семантика: *Круг Силы, Книга Судьбы, Магическое шулерство, Ночной Дозор, Дневной Дозор, Великий Договор*.

Декодирование «скрытых смыслов» онима, экспликации его «фоновой информации» позволили установить лингвостилистические функции имен собственных в исследуемом произведении. Авторский ономастический лексикон выполняет следующие функции:

— номинативную, обозначая новое, необычное, неизвестное, свойственное фантастическому, фэнтезийному миру: названия магических предметов — *Плеть Шааба, Белый Меч*; названия фантастических видов реальности — *Сумрак, сумеречный мир, вампирья тропа* и др.;

— метатекстовую, аллюзивную, присущую именам собственным: онимы-неологизмы образованы путем семантической деривации — *Завулон, Гесер*. Переосмысленные библейские и мифологические антропонимы,

CC BY

восходящие к древнейшим образам Бытия, позволяют воссоздать картину двоемирия, панораму борьбы Светлых и Темных сил;

— аксиологическую, способствующую выражению авторского отношения к тому или иному предмету, подчеркивающую эмоционально-смысловой оттенок авторского онимикона. Словообразовательные модели актуализируют отрицательное, презрительное отношение автора к миру вампиров (*вампиренок, вампирье, вампирья тропа*, *девушка-вампир, парень-вампир)*. Семантические трансформации, напротив, маркируют высокий магический статус персонажа, магического предмета, «высокое», «почтительное» отношение к миру Иных (*Светлый, Судия,*).

Дальнейшее изучение авторского ономастического лексикона в романе С. В. Лукьяненко «Ночной Дозор» намечает перспективы более глубокого исследования процессов семиотического кодирования, с помощью которого создается мифологическое городское пространство Москвы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Гесериада* : Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света / переводчик С. А. Козин. — Москва : Юрайт, 2023. — 254 с. — ISBN 978-5-534-11650-2

2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. — Москва : Рус. яз., 1989. — Т. 1. — 699 с. — ISBN 5-200-01250-3 (т. 1).

3. *Ефремова Т. Ф.* Толковый онлайн-словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://lexicography.online/explanatory/efremova/ (дата обращения 25.02.2024).

4. Лукьяненко, 2022 — *Лукьяненко С. В.* Вечный дозор / С. В. Лукьяненко [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.litres.ru/book/sergey-lukyanenko/vechnyy-dozor-42671123/chitat-onlayn/ (дата обращения 25.02.2024).

5. Лукьяненко, 2023 — *Лукьяненко С. В.* Шестой Дозор / С. В. Лукьяненко // Дозоры : Последний Дозор. Новый Дозор. Шестой Дозор. — Москва : АСТ, 2023. — 928 с. — ISBN 978-5-17-147360-0.

6. *Мифологический* словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 672 с. — ISBN 5-85270-032-0.

7. НД — *Лукьяненко С. В.* Ночной Дозор / С. В. Лукьяненко. — Москва : АСТ, 2022. — 352 с. — ISBN 978-5-271-19627-0.

8. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 25.02.2024).

9. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен / Н. А. Петровский. — Москва : Сов. Энциклопедия, 1966. — 384 с.

CC BY

10. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; Отв. ред. А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1978. — 198 с. — ISBN 5-02-010892-8.

11. ППНД — *Пользовательский* подкорпус «Ночной Дозор» // НКРЯ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 25.02.2024).

12. *Православная* Энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.pravenc.ru/text/2578361.html (дата обращения 25.02.2024).

13. *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен : Сравнение. Происхождение. Написание / А. В. Суперанская. — Москва : Айрис-пресс, 2005. — 384 с. — ISBN 5-8112-1399-9.

14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 832 с.

15. *Шахматы :* энциклопедический словарь / гл. ред. А. Е. Карпов. — Москва : Сов. энциклопедия, 1990. — 621 с.

16. *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2008. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-015-5.

Литература

1. *Астафурова Т. Н.* Лингвосемиотика сакральности : знак, слово, текст / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2009. — № 1 (9). — С. 80—87.

2. *Белоусова В. В.* Роль неомифонимов и авторских мифоапеллятивов в создании художественного образа / В. В. Белоусова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 4 (117). — С. 94—97.

3. *Васильева Н. В.* О терминологических границах литературной ономастики / Н. В. Васильева // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. — 2020. — № 2 (13). — С. 44—55. — DOI: 10.37892/2218-1393-2020-13-2-44-55.

4. *Гафуров А.* Имя и история : Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь / А. Гафуров. — Москва : Наука, 1987. — 221 с.

5. *Катермина В. В.* Личное имя собственное в художественном тексте (на материале русского и английского языков) / В. В. Катермина. — Москва : ФЛИНТА, 2020. — 101 с. — ISBN 978-5-9765-4452-9.

6. *Косиченко Е. Ф.* Лингвосемиотическая концепция ономастикона (на материале художественных текстов) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. Ф. Косиченко. — Москва, 2017. — 49 с.

7. *Кропачева К. И.* Лингвосемиотическое моделирование ценностей в антропонимическом пространстве английского языка : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.04 / К. И. Кропачева. — Нижний Новгород, 2021. — 22 с.

8. *Лотман Ю. М.* Имя — миф — культура / Ю. М. Лотман // Семиосфера. — Санкт-Петербург : Искусство, 2000. — С. 525—543. — ISBN 5-210-01488-6.

9. *Майер Б. О.* «Иные» в литературе и в жизни / Б. О. Майер // Идеи и Идеалы. — 2010. — Т. 2. — № 4 (6). — С. 104—110.

10. *Носорева Н. Г.* Типология мифонимов в тексте современной сказки в жанре «фэнтези» и способы их перевода (на материале сказки Э. Д. Бейкер «A Tale of the Wide-Awake Princess: Princess between Worlds») / Н. Г. Носорева // Известия Южного феде-

CC BY

рального университета. Филологические науки. — 2022. — № 2. — С. 57—69. — DOI: 10.18522/1995-0640-2022-2-57-69.

11. *Ронжина Я. Н.* Лингвосемиотический анализ процессов креации смысла в художественном тексте : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.19 / Я. Н. Ронжина. — Челябинск, 2011. — 24 с.

12. *Топоров В. Н.* Имена / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : Энциклопедия : [в 2 т.] / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1980. — Т. 2. — С. 508—510.

13. *Эко У.* Отсутствующая структура : введение в семиологию / У. Эко ; пер. с ит. В. Резник и А. Погоняйло. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. — 432 с. — ISBN 5-86708-114-1.

14. *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / Сост. и предисл. О. Г. Ревзиной. — Москва : Наука, 1972. — С. 95—113.

15. *Якушкевич И. В.* Лингвосемиотическая модель символа и его языковое варьирование в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XIX—XX вв.) : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.01 / И. В. Якушкевич. — Москва, 2016. — 46 с.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024,
одобрена после рецензирования 06.04.2024,
подготовлена к публикации 16.04.2024.

Material resources

Chess: an encyclopedic dictionary. (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. 621 p. (In Russ.).

Dahl, V. (1989). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language, 1.* Moscow: Rus. yaz. 699 p. ISBN 5-200-01250-3 (vol. 1). (In Russ.).

Efremova, T. F. (2000). *Explanatory online dictionary of the Russian language.* Moscow: Russian Language. Available at: https://lexicography.online/explanatory/efremova / (accessed 02/25/2024). (In Russ.).

Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language, 3.* Moscow: Progress. 832 p. (In Russ.).

Heserias: The Legend of the Merciful Gesar Mergen Khan, the exterminator of ten evils in ten countries of the world. (2023). Moscow: Yurait. 254 p. ISBN 978-5-534-11650-2. (In Russ.).

Lukyanenko, 2022 — Lukyanenko, S. V. *Eternal Watch.* Available at: https://www.litres.ru/book/sergey-lukyanenko/vechnyy-dozor-42671123/chitat-onlayn/ (accessed 02.25.2024). (In Russ.).

Lukyanenko, 2023 — Lukyanenko, S. V. (2023). Sixth Watch. In: *Watches: The Last Watch. A new Watch. The Sixth Watch.* Moscow: AST. 928 p. ISBN 978-5-17-147360-0. (In Russ.).

Mythological dictionary. (1990). Moscow: Soviet Encyclopedia. 672 p. ISBN 5-85270-032-0. (In Russ.).

ND — Lukyanenko, S. V. (2022). *Night Watch.* Moscow: AST. 352 p. ISBN 978-5-271-19627-0. (In Russ.).

NKRYA — *National Corpus of the Russian language.* Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 02.25.2024). (In Russ.).

Orthodox Encyclopedia. Available at: https://www.pravenc.ru/text/2578361.html (accessed 02.25.2024). (In Russ.).

Petrovsky, N. A. (1966). *Dictionary of Russian personal names.* Moscow: Sov. Encyclopedia. 384 p. (In Russ.).

Podolskaya, N. V. (1978). *Dictionary of Russian onomastic terminology.* Moscow: Nauka. 198 p. ISBN 5-02-010892-8. (In Russ.).

PPND — *User Subcorpus "Night Watch" / NKRYA.* Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed 02.25.2024). (In Russ.).

Shvedova, N. Y. (2008). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words.* Moscow: Azbukovnik. 1175 p. ISBN 978-5-91172-015-5. (In Russ.).

Superanskaya, A. V. (2005). *Modern dictionary of personal names: Comparison. Origin. Writing.* Moscow: Iris-press. 384 p. ISBN 5-8112-1399-9. (In Russ.).

References

Astafurova, T. N., Olyanich, A. V. (2009). Linguosemiotics of sacredness: sign, word, text. *Bulletin of Volgograd State University, 1 (9):* 80—87. (In Russ.).

Belousova, V. V. (2017). The role of neomiphonyms and author's mythoapellatives in creating an artistic image. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 4 (117):* 94—97. (In Russ.).

Eco, U. (1998). *Missing Structure: An Introduction to Semiology.* St. Petersburg: Petropolis. 432 p. ISBN 5-86708-114-1. (In Russ.).

Gafurov, A. (1987). *Name and history: About the names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks. Dictionary.* Moscow: Nauka. 221 p. (In Russ.).

Katerina, V. V. (2020). *Personal proper name in a literary text (based on the material of the Russian and English languages).* Moscow: FLINT. 101 p. ISBN 978-5-9765-4452-9. (In Russ.).

Kosichenko, E. F. (2017). *Linguosemiotic concept of onomasticon (based on the material of literary texts).* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 49 p. (In Russ.).

Kropacheva, K. I. (2021). *Linguosemiotic modeling of values in the anthroponymic space of the English language.* Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 22 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2000). Name — myth — culture. In: *Semiosphere.* St. Petersburg: Iskusstvo. 525—543. ISBN 5-210-01488-6. (In Russ.).

Mayer, B. O. (2010). "Others" in literature and in life. *Ideas and Ideals, 2 / 4 (6):* 104—110. (In Russ.).

Nosoreva, N. G. (2022). Typology of mythonyms in the text of a modern fairy tale in the genre of "fantasy" and ways of their translation (based on the fairy tale by E. D. Baker "A Tale of the Wide-Awake Princess: Princess between Worlds"). *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences, 2:* 57—69. DOI: 10.18522/1995-0640-2022-2-57-69. (In Russ.).

Ronzhina, Ya. N. (2011). *Linguosemiotic analysis of the processes of meaning creation in a literary text.* Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1980). Names. In: *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: [in 2 volumes], 2.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 508—510. (In Russ.).

Vasilyeva, N. V. (2020). On terminological boundaries of literary onomastics. *Linguistics and methods of teaching foreign languages, 2 (13):* 44—55. DOI: 10.37892/2218-1393-2020-13-2-44-55. (In Russ.).

Yakobson, R. O. (1972). Shifters, verbal categories and the Russian verb. In: *Principles of typological analysis of languages of various systems.* Moscow: Nauka. 95—113. (In Russ.).

Yakushkevich, I. V. (2016). *Linguistic semiotic model of a symbol and its linguistic variation in a poetic text (based on the material of Russian poetry of the XIX—XX centuries).* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).

The article was submitted 14.02.2024;
approved after reviewing 06.04.2024;
accepted for publication 16.04.2024.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Леонтьева Е. В. Моя Римская империя : от флешмоба до фразеологизма / Е. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 31—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53.

Leontyeva, E. V. (2024). 'My Roman Empire': From Flashmob to Idiomatic Expression. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 31-53. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Моя Римская империя: от флешмоба до фразеологизма

Леонтьева Екатерина Владимировна
orcid.org/0009-0005-4283-5529
лаборант-исследователь
лаборатории социально-
правовых исследований
e.v.leontieva@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет средств гранта
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01530
"Типология новых слов социальной
тематики, образованных от
русскоязычных основ: семантико-
мотивационный анализ неологизмов",
https://www.rscf.ru/project/24-28-01530/

'My Roman Empire': From Flashmob to Idiomatic Expression

Ekaterina V. Leontyeva
orcid.org/0009-0005-4283-5529
research assistant,
laboratory of social
and legal research
e.v.leontieva@urfu.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01530
"Typology of new socially themed words
derived from Russian roots: a semantic-
motivational analysis of neologisms",
https://www.rscf.ru/project/24-28-01530/

© Леонтьева Е. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Обращение к семантике и истории появления выражения *моя Римская империя* актуально в контексте исследований неологизмов. Новизна исследования заключается в уникальной возможности наблюдать реальную ситуацию формирования языковой единицы в живой коммуникации. Сообщается, что в 2023 году в молодежной сетевой коммуникации русскоязычного сегмента сети Интернет приобрели популярность высказывания, которые оформляются в виде развернутых предложений, содержащих устойчиво воспроизводимую конструкцию *моя Римская империя* в значении ‘предмет моих постоянных воспоминаний, раздумий, переживаний, мыслей’. В статье реконструируется история появления выражения. Подчеркивается, что выражение моя Римская империя нельзя считать образовавшимся путем калькирования, поскольку не возникла ситуация перевода языковой единицы, сложившейся в другой лингвокультуре. Появление выражения имеет истоки в опросе, проведенном блогером из Швеции. Взаимодействие интернет-пользователей стихийно сложилось в формат флешмоба. Интернационализация эксперимента привела к появлению в русской лингвокультуре не слова, не выражения, а всего экспериментального сюжета. Выделены этапы преобразования вербальной части экспериментального коммуникационного сюжета вплоть до формирования устойчивого выражения. Доказывается, что в связи с открытостью интернет-пространства и блогосферы возникает феномен нового варианта калькирования — калькирование всего процесса возникновения фразеологизма, а не только его формы или значения.

Ключевые слова:
флешмоб; интернет-мем; социальные сети; калькирование; словообразование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The semantic and historical analysis of the expression ‘moya Rimskaya imperiya’ [‘my Roman Empire’] is relevant in the context of neologism studies. The novelty of the research lies in the unique opportunity to observe the real-time formation of a linguistic unit in live communication. It is reported that in 2023, expressions formatted as elaborate sentences containing the stable construction ‘moya Rimskaya imperiya’ [‘my Roman Empire’] gained popularity in the Russian-speaking segment of youth internet communication, signifying ‘the subject of my constant memories, reflections, experiences, and thoughts’. The article reconstructs the history of the expression’s emergence, emphasizing that it cannot be considered a result of calquing since there was no situation of translating a linguistic unit from another linguistic-cultural context. The origin of the expression stems from a survey conducted by a blogger from Sweden, which spontaneously evolved into a flashmob format among internet users. The internationalization of the experiment led to the emergence of an experimental narrative in Russian linguistic culture, rather than individual words or phrases. The stages of transforming the verbal part of the experimental communication narrative into a stable expression are outlined. It is argued that due to the openness of the internet space and blogosphere, a new phenomenon of calquing emerges — calquing of the entire process of idiomatic expression formation, not just its form or meaning.

Key words:
flashmob; internet meme; social networks; calquing; word formation.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’373.611/.613
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Моя Римская империя: от флешмоба до фразеологизма

© Леонтьева Е. В., 2024

1. Введение = Introduction

Обращение к семантике и истории появления выражения *моя Римская империя* актуально в контексте исследований, посвященных новым словам и выражениям, появившимся в речи носителей русского языка. В частности, С. Г. Шулежкова подчеркивает необходимость изучать сверхсловные именования объектов действительности и отмечает два пути их появления: «...обновление фразеологических фондов <…> происходит не только за счёт заимствований, но и за счёт внутренних резервов (при этом реализуются фразообразовательные возможности родного языка). <…> И если первая тенденция вносит вклад в интернационализацию славянских языков, то вторая, не менее мощная, удерживает славянские языки в национальных рамках, не даёт им раствориться в потоке иноземных слов и выражений» [Шулежкова, 2019, с. 177—178].

Буквально несколько месяцев назад в молодежной сетевой коммуникации приобрели популярность высказывания, которые оформляются в виде развернутых предложений, содержащих устойчиво воспроизводимую конструкцию *«моя Римская империя»*. Например:

[Комментарий в соцсети под постом о планах на декабрь]: ***Жду новогоднее чудо — это моя Римская Империя*** (Про планы на январь и декабрь // boosty.to, 19.12.2023) [АА];

[О кафе]: ***Ваша курочка — моя Римская империя*** (Chicko-вкус Кореи // 2gis.ru, 26.03.2024) [АА].

Далее мы посвятим внимание истории появления выражения, составившего каркас подобных публикаций, размещаемых в социальных сетях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В связи с тем, что интернет-технологии прочно вошли в жизнь мирового сообщества, появляются и набирают силу новые форматы коммуникации. В частности, укрепляет свои позиции визуальная культура, интер-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

нет-пользователи увлеченно создают изображения, называемые *мемами*, обмениваются ими. Чаще всего мем имеет поликодовую организацию, то есть включает одновременно элементы визуального и вербального кода, поэтому вполне понятно, что из мемов часто вырастают устойчивые выражения, которые приобретают свойства фразеологизмов, способных функционировать в речи самостоятельно, отдельно от визуального элемента. Ср. известный мем «Вы продаете рыбов?» с изображением милых котиков, которые расположились около места продажи рыбы на рынке, и вербальным компонентом — диалогом из трех реплик (рис. 1).

Рис. 1. Мем «Вы продаете рыбов?»

Сюжет мема увлек носителей русского языка, и впоследствии на основе языковой игры в интернет-коммуникации стали множиться вариации этого лапидарного диалога, часто с грамматическим искажением — ненормативным для ключевого слова буквенным окончанием *-ов /-ев*:

— Вы продаете котятов? — Нет, только показываем. — Красивое...

— А вы булкоф продаёте? ... — Нет, показываем.

— Вы скрипков продаете? ... — нет показываем..

— Вы продаете идеальных отношениев? ... — Нет, только показываем.

— А вы яйцов показываете? — Нет, продаем. — Дорогое.

— «Вы мотоциклов продаёте? — Нет, просто показываю!» Красивое же?

Ярмарка уральских мастеров: — Вы это всё показываете? ... — Продаём!

— Вы вид на море продаёте? — Нет, показываю. — Красивое. [АА]

Все приведенные примеры-диалоги выступают названиями постов (интернет-публикаций в соцсетях).

CC BY

Как правило, в подобных случаях вербальный элемент, элиминируясь из поликодовой структуры мема, воспроизводится в речи в точности так же, как он был представлен в составе мема, или с существенными заменами, но в целом структура высказывания остается опознаваемо похожей на мем-источник.

Конструкцию *моя Римская империя* тоже можно встретить в структуре современных мемов (рис. 2, 3).

Рис. 2. Интернет-мем «Моя Римская империя — волосы Джулии Робертс» (VICTIM // vk.com, 02.03.2024) [AA]

Рис. 3. Интернет-мем «Моя Римская империя в мире игрушек и детских мультиков — это...» (визуальную часть образует изображение мультипликационного персонажа — Лунтика) (Прохождение теста // wellemo.com) [AA]

CC BY

Однако неверно думать, что в анализируемом выражении мы имеем случай реализации того же механизма, как и в представленном выше меме «Вы продаете рыбов?». В действительности же заинтересовавший нас мем уникален тем, что он восходит вовсе не к мему, а к флешмобу как сетевому эксперименту.

В Кембриджском онлайн-словаре даётся следующее определение: *flashmob* — a group of people who arrange, by email or mobile phone, to come together in a place at the same time, do something funny or silly, and then leave (*флешмоб* — группа людей, которые договариваются по электронной почте или мобильному телефону собраться в одном месте в одно и то же время, чтобы сделать что-нибудь смешное или глупое, а затем уйти (здесь и далее перевод наш. — *Е. Л.*) [Cambrige dictionary]).

Авторы лингвистических работ также обращались к вопросу осмысления структуры данного слова: «В дословном переводе с английского слово “флешмоб” складывается из двух слов: *flash* (вспышка) и *mob* (толпа), то есть “вспышка толпы” или “мгновенная толпа”» [Макарова и др., 2021, с. 32]. Специальные разыскания в отношении слова провели А. В. Курьянович и И. Е. Охолина: «В словарях русского языка лексема *флешмоб* отсутствует вплоть до 2011 г. <...> Этимология *flashmob* прозрачна: слово состоит из двух основ — *flash* ‘быстрый, внезапный’ и *mob* ‘толпа, сборище’» [Курьянович и др., 2019, с. 246].

Ученые выделяют ключевые характеристики флешмоба: «Первым признаком флешмоба является его массовость <...> Вторым признаком является одновременность, состоящая в повторяемости одинаковых действий. Третий признак — это использование современных технологий <...> Четвертый признак — это публичность <...> Пятым признаком является эмоциональная вовлеченность участников» [Макарова и др., 2021, с. 33]. В. Г. Довжик, сравнивая флешмобы с такими явлениями, как толпа и социальная группа, указывает на следующие свойства флешмоба: организованная структура, наличие лидера, наличие постоянного взаимодействия длительное время, ориентация на определенную территорию, наличие общей цели, анонимность, внушаемость [Довжик и др., 2014, с. 242]. Таким образом, как можно видеть, *флешмоб* определяется то как группа людей, то как акция.

Сложившейся типологии флешмобов (как акций) пока не существует, но их различают, например, по критерию «цель»: «...реклама и продвижение определенных товаров или услуг (рекламный флешмоб), знакомство участников для дальнейшего общения (датингмоб); акция, заставляющая задуматься о чем-либо (интеллигентмоб); стремление вызвать улыбку и подарить хорошее настроение прохожим (смайлмоб); эстетические цели (мобарт, артмоб)» [Макарова и др., 2021, с. 33].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Мы хотим обратить внимание на различия в формате проведения флешмоба: офлайн-флешмоб, требующий физического нахождения участников в месте проведения, и челлендж, который характеризуется активностью на интернет-площадках и социальных сетях.

В случае с выражением *моя Римская империя* исходной точкой истории его развития следует считать, видимо, интеллигентмоб «Как часто ты думаешь о Римской империи?». Он родился из поста, размещенного в личном аккаунте пользователя одной из соцсетей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Личная история из социальных сетей как отправная точка для появления будущего фразеологизма

В сентябре 2022 года блогер из Швеции Саския Корт (Saskia Cort) разместила на своей личной странице Instagram[1] предложение своим подписчицам узнать у знакомых мужчин, «что они едят и о чем думают» по вечерам после работы. Во время интерактива одна из подписчиц девушки написала, что её молодой человек, по его словам, либо ни о чем не думает, либо думает о Римской империи. Неожиданный ответ вызвал недоумение и смех у девушки-блогера, после чего и она, и остальные подписчицы решили поинтересоваться у знакомых мужчин, как часто они думают о Римской империи. В результате Саския опубликовала пост (на шведском языке), поделившись собственном диалогом со своим парнем и историями других девушек (рис. 4). Девушки, читательницы блога Саскии, опросив

One girl wrote:

“Asked my boyfriend: 1) thinks about nothing
2) thinks about the roman empire”

Рис. 4. Скриншот записи на личной странице блогера Саскии Корт (Швеция, сентябрь 2022) [АА]

1 Социальная сеть запрещена в России; принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

мужчин, выяснили, что многие из них думают о Римской империи достаточно часто: раз в день, раз в неделю и т. п. Это вызвало общий смех в комментариях к посту. Размещенная в аккаунте запись и ее обсуждение подписчиками и читателями блога расценивались автором и участниками блога только как забавная шутка, недоразумение, хотя они не могли не заметить закономерность в ответах мужчин. Обсуждение осталось в рамках шведского интернет-сообщества.

3.2. Организованный флешмоб (интеллигентмоб) в блоге как вторая ступень к формированию будущего фразеологизма

Через год шведский блогер с ником *gaiusflavius*, видимо, прочитав пост Саскии Корт, решил воспроизвести эксперимент. Важно отметить, что этот блогер профессионально занимается историческими реконструкциями, воссоздавая костюмы и битвы римских легионеров, будучи членом команды CENTVRIA II SVIONVM. Его блог посвящен различным фактам, косплеям и шуткам про Римскую империю. В своем личном блоге в той же соцсети он опубликовал следующую запись на английском языке: «Девушки, многие из вас даже не представляют, как часто мужчины думают о Римской империи. Спросите своего мужа или парня, или брата — их ответы вас удивят!» (рис. 5).

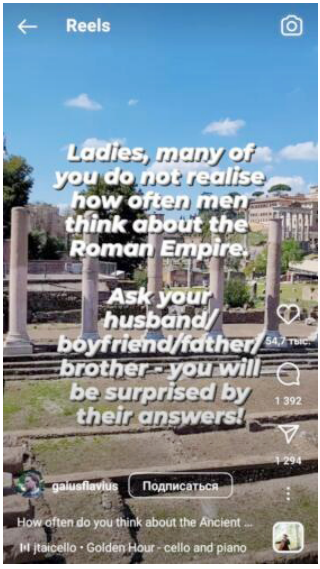

Рис. 5. Скриншот записи на личной странице блогера Гаиуса Флавиуса с предложением задать вопрос о Римской империи [АА]

CC BY

Флешмоб, придуманный на основе гипотезы о частотности определенных мужских ответов на поставленный вопрос, получил широкое распространение. Данная интернет-публикация послужила катализатором для формирования мема и его распространения через социальные сети: множество девушек и женщин фактически выступили участниками эксперимента, спрашивая у знакомых мужчин, как часто они думают о Римской империи, и публикуя их ответы.

3.3. Интернационализация интеллигентмоба: параллельное воспроизведение эксперимента в русскоязычных блогах с использованием перевода вопросительной реплики из англоязычного флешмоба

Через месяц, в сентябре 2023 года российское блогер-сообщество подхватило акцию англоязычных сообществ и форумов. В русском сегменте сети Интернет параллельно начал воспроизводиться описанный эксперимент на русском языке, то есть девушки, интернет-пользователи, спрашивали у своих молодых людей: «*Ты часто думаешь о Римской империи?*», — и неизмено получали в большинстве случае подтверждение гипотезы. На столь неожиданный, нетипичный, казалось бы, вопрос мужчины отвечали, что думают о Римской империи с некоторой периодичностью.

Закреплению и распространению **ключевого вербального модуля флешмоба** способствовали рекламные кампании организаций, использующих интернет-мем для креативного привлечения новых клиентов (рис. 6).

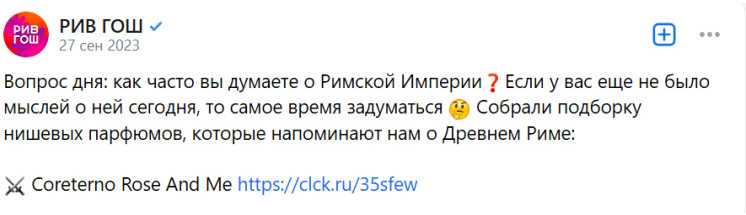

Рис. 6. Запись рекламы РИВ ГОШ (РИВ ГОШ // vk.com, 27.03.2023) [АА]

3.4. Первое структурно-семантическое преобразование вербальной единицы, а именно — ключевого вербального модуля флешмоба (переводной вопросительной реплики) в русскоязычных блогах: от вопроса к утверждению; от флешмоба к мему «Мужчины думают о...»

Многократное воспроизведение эксперимента и полученное подтверждение ведущей гипотезы послужило к возникновению утвердительно сформулированного интернет-мема «Мужчины часто думают о Римской империи» (рис. 7, 8).

CC BY

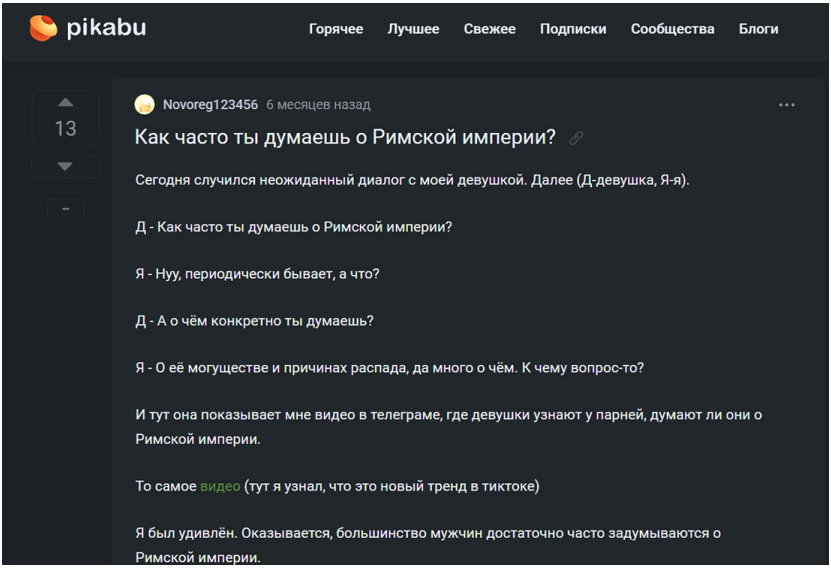

Рис. 7. Скриншот истории об использовании интернет-мема «Мужчины часто думают о Римской империи» (Pikabu, сентябрь 2023) [АА]

Рис. 8. Интернет-мем «Мужчины часто думают о Римской империи» (Как часто вы думаете о Римской империи? // Pikabu, сентябрь 2023) [АА]

Интернет-мемы, как формы интернет-фольклора, характеризуются краткостью, ироничностью, запоминаемостью, мобильностью распростра-

CC BY

нения интернет-пользователями. Исследования показали, что они играют важную роль в формировании культурных идентичностей и коллективных представлений.

Утвердительная формулировка появляется и в живых обсуждениях в соцсетях без изображений, вне мемов:

1) *А я еще и крестиком, и на машинке умею! Фотографировать не умею.* ***Как известно все нормальные ребята думают о Священной Римской Империи****, но мои заказчики эрудированные штучки, они думают и о более поздних эпохах, а я помогаю им в реализации мыслей. Сегодня парад аксессуаров для шеи — воротник фреза и шейный платок аскот!* (Флора и невменяема // vk.com, 28.02.2024) [АА];

2) *Ну в общем представляю ещё один предмет моего помешательства помимо twenty one pilots. Что ж, если* ***кто-то хотя бы раз в день думает о Римской империи****, то я с высокой вероятностью подумаю об этих ребятах* (ИДЕЙНиК // vk.com, 17.02.2024) [АА].

3.5. Фразеологизм: второе структурно-семантическое преобразование вербального модуля мемов в русскоязычных блогах: утрата гендерной идеи и кристаллизация речевой формулы

Несомненно, интернет-мем «Мужчины часто думают о Римской империи» является подвидом интернет-мема, конституирующего семантическую группу «Разобщение» по половому признаку. Интернет-мемы этой категории стали особенно популярны в период с 2019—2021 гг. в связи с переживаемыми кризисами и пандемией [Ребрина, 2022].

Поскольку изначально этот мем имел гендерную специфику, то есть был «сюжетно» приложим только к мужчинам, то это спровоцировало женщин задуматься над тем, о чем же они сами часто думают, что вспоминают постоянно. Так, в сентябре 2023 года в англоязычном сообществе TikTok стало одним из популярных видео американского блогера Эмми Реннер «Что может быть такое, о чем мы постоянно думаем, и в то же время характерно для женщин?». Были предложены следующие варианты: принцесса Диана, суд над салемскими ведьмами, греческая мифология, выступления знаменитостей на телешоу и т. п. (Women respond to viral TikTok prompt asking about ‘female version’ of male Roman Empire obsession // independent.co.uk, сентябрь 2023) [АА].

Процессы в российском интернет-сообществе шли параллельно, девушки из России также делились своими мнениями и предлагали собственные варианты, уже окрашенные спецификой русской действительности: были отсылки к царскому дому Романовых, кто-то поделился увлеченностью разгадыванием истории гибели группы Дятлова и т. д. (рис. 9).

CC BY

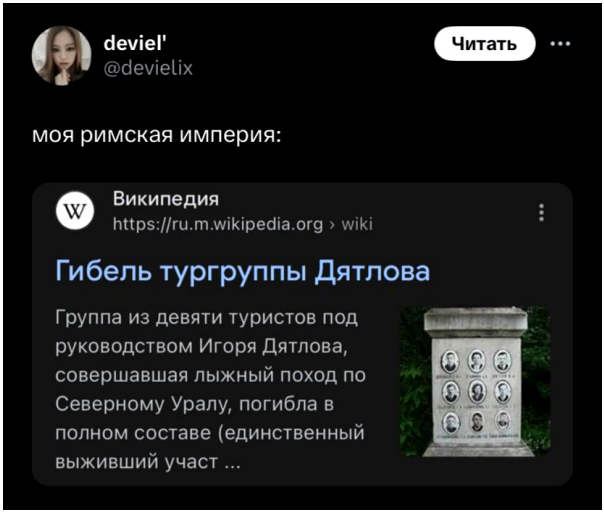

Рис. 9. Пример русскоязычного «женского» варианта интернет-мема *моя Римская империя* («Моя Римская империя»: почему в трудных ситуациях наши мысли фокусируются на чем-то странном и как это нам помогает //psychologies.ru, 10.02.2024) [АА]

По мере того как интернет-мем терял свой гендерно-детерминированный характер, носители языка и создатели мемов выработали языковую конструкцию, которую могли использовать все независимо от гендера: ***моя Римская империя*** **‘предмет моих переживаний, то, о чем я часто и много или время от времени с некоторой регулярностью думаю, вспоминаю’.**

Далее состоялась сегрегация поликодового образования, генерализация вербального компонента, он отделился (изолировался) от первоначальной личной истории шведской девушки-блогера, прошел много этапов и трансформировался из вопроса через утверждение в атрибутивную устойчивую конструкцию.

Фразеологизм активно функционирует в соцсетях, служит организующим компонентом в высказываниях о себе, своих задушевных мыслях, может использоваться в живом диалоговом общении вне соцсетей, в устной речи:

1. ***Моя римская империя*** *это думать о том, насколько на самом деле мой отец депрессивный человек, который мог умереть несколько раз и вообще очень одинок во всем мире, но не смотря на это может смеяться так чисто и искренне. Он трудоголик и гиперэмоциональный, а я его точная копия* (канал sova-vodka // tumblr.com) [АА].

CC BY

2. ***Моя римская империя*** *— это лежать и смотреть так на тебя, когда ты рассказываешь мне что-то умное* (Саша Космонавт // pixwox.com, январь 2024) [АА].

3. ***Моя римская империя*** *это то что я заканчиваю колледж в этом году и технически я могу поступить в университет в корее или японии как я мечтала ВСЮ свою осознанную жизнь и быть той самой девочкой первокурсницей в стране мечты но я не могу этого сделать потому что из за тревожности и депрессии я одна даже в автобусе в соседний район никогда не ездила* (Кристина Ким // vk.com, 29.02.2024) [АА].

4. ***Моя римская империя*** *это отношения актеров на съемочной площадке а если они после окончания проекта продолжают общаться и бестфрендиться у меня вообще почки отказывают* (Путь домой // vk.com, 01.03.2024) [АА].

5. Это ***моя Римская империя***... *Как это душераздирающе — осознать в 9 лет, что тебе нигде нет места. Не получить любви отца, быть для матери всегда второй, всю жизнь из кожи вон лезть, чтобы притвориться, что ты в порядке* (Здесь нет места фальшивкам // mangabuff.ru, 12.03.2024) [АА].

6. *Точно могу заявить вот что: чем старше я становлюсь, тем больше думаю про недвижимость и ипотеку. Это определенно* ***моя Римская империя*** (Лера и кадры // tgstat.ru, 12.12.2023) [АА].

7. ***Моя Римская Империя*** *— это Рома Жёлудь* (Mon Amy // ru.telegram-store.com, 2024) [АА].

8. ***Моя римская империя*** *— это мысль о том, если бы мы были крохотными лягушками, мы могли бы вместе качаться, сидя на листьях* (Затерянная // vk.com, 25.09.2023) [АА].

9. ***Моя римская империя*** *это сам факт существования человека к которому я всегда готова вернуться* (Айседора любит красный // vk.com, 25.02.2024) [АА].

10. ***Моя Римская империя*** *— это теория невидимых струн, и как Вселенная будет держать двух людей друг от друга до тех пор, пока не наступит подходящее время* (Сынуля // vk.com, 01.03.2024) [АА].

3.6. Поликодовые композиты: фразеологизм *моя Римская империя* и визуальный компонент без интеграции как части сетевой реплики (высказывания о себе)

На следующем этапе социальные сети стихийно наводнились сообщениями интернет-пользователей о себе и о том, что составляет предмет их мыслей и переживаний в текущий момент. Люди стремятся рассказать о себе, у них появилась возможность высказаться в условиях языковой игры, поскольку выражение имеет открытую валентность — способно вы-

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ступать подлежащим, которое требует подстановки сказуемого как переменного компонента.

Посты и комментарии представляют собой либо вербальные сообщения, либо ***поликодовые композиты***, не дотягивающие до оформленного цельного мема, однако совмещающие вербальный компонент (фразеологизм в качестве названия поста или его первой вводной строчки) и подобранный визуальный компонент.

Сетевая реплика распадается на две составляющие, ***размещенные отдельно друг от друга, без интеграции, но образующие высказывание о себе*** (рис. 10).

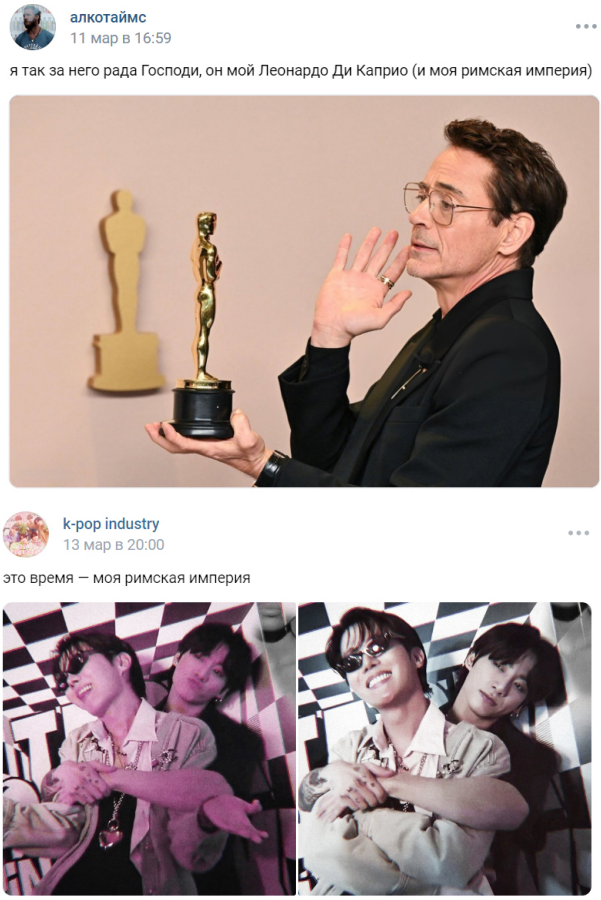

Рис. 10. Примеры поликомпозитов *моя римская империя* (vk.com, март 2024) [АА]

CC BY

Завершенный мем — пока большая редкость, ср. пример открытки (рис. 11):

Рис. 11. Скриншот карточки товара на сайте магазина цветов («ТЫ МОЯ...» ОТКРЫТКА // https://f-f.flowers/ty-moya-otkrytka.html) [АА]

3.7. Структурно-семантическое варьирование фразеологизма моя Римская *империя*

Итак, устойчивое выражение ***моя Римская империя*** функционирует в составе высказываний о собственных мыслях, предмете переживаний, эмоциональной привязанности. Значение выражения симптоматично в контексте ориентированности интернет-культуры на поиск и проявление эмоций: «...“zoomers” do not consider Internet surfing to be an activity aimed at solving discrete work tasks. Internet communication occupies such a large place (and time) in their lives that emotional perception of information comes first. <…> For Generation Z, Internet communication is more important in terms of maintaining emotional well-being than intellectual work. Emotionality of Internet users is encouraged and developed through social media» [Leontyeva, 2021, p. 50] (…для «зуммеров» пребывание в сети Интернет не является деятельностью, направленной на решение дискретных рабочих задач. Интернет-общение занимает в их жизни столь большое место (время), что на первое место выходит эмоциональное восприятие информации. <…> Для поколения Z интернет-коммуникация важнее с позиций поддержания эмоционального благополучия, а не интеллектуальной работы. Эмоциональность интернет-пользователей поощряется и развивается за счет социальных сетей).

CC BY

3.7.1. Структурное варьирование

Поскольку сейчас этот оборот широко используется, он подвергается структурному варьированию. В частности, вводится **семантическая редупликация** (удвоение смысла, повтор): рядом со словом *моя* добавляется прилагательное *персональная* или *личная*. (Под семантическим повтором, или семантической редупликацией, понимается «неоднократное появление в соседних участках синтагматической последовательности одинаковых или сходных семантических компонентов, обозначенных разнокоренными словами» [Арнольд, 1981, с. 128]).

1. *Ну а в конце этого месяца вас ждёт большое видео про одну из моих главных подростковых гиперфиксаций и **мою персональную Римскую империю*** (Новости шоу-бизнеса // vk.com, 18.03.2024) [АА].

2. *Этот пост я увидел года полтора назад. И до сих пор периодически о нем думаю. Так сказать, это **моя личная Римская Империя*** (Станислав Пожарский // vk.com, 17.03.2024) [АА].

3. *Я думала, что мне поможет сам факт того, что кто-то это озвучил, и **моей личной Римской империей** очень долго были мысли о том, почему <…> никто из моего окружения не додумался мне это сказать* (Екатерина Чернецова // vk.com, 02.03.2024) [АА].

Иногда в составе фразеологизма посредством слова *новая* акцентируется идея изменчивости навязчивых («сверхценных») мыслей: *Простите, но этот перфоманс — **моя новая Римская империя**, поэтому хочу поделиться им и здесь! Если бы я умела во что-нибудь творческое, он бы вдохновил меня на шедевр, но я не умею, поэтому чувствую жёсткую неудовлетворенность от переизбытка эмоций* (Секреты | k-popers blog // vk.com, 23.02.2024) [АА].

3.7.2. Грамматическое варьирование

Этот фразеологизм претерпевает и грамматическое варьирование, а именно — встречается в форме множественного числа, что согласуется с семантикой выражения, обозначающего предмет переживаний, мыслей, а мысли (интересы, переживания) способны сменять друг друга:

*Актуальный список **моих римских империй**! идеи, за которые я взялась бы на тфп условиях <…>* (winter | косплей фотограф спб // vk.com, 14.03.2024) [АА];

*Один из любимейших его аутфитов. Все-таки промо Маньяка было легендарным. **Мои римские империи** в количестве: Хенджин, Джисон, Феликс* (We make Stray Kids stay // holywarsoo.net, 29.02.2024) [АА].

3.7.3. Семантическая деривация

Кроме того, на данном этапе развития русского языка выражение приобретает новые значения или смысловые оттенки:

‘мечта, грезы, желание’: ***Моя римская империя***: *главная героиня ромкома меняет свою жизнь, достигает всех целей и начинает по-настоящему любить себя* (mean girls // vk.com, 04.03.2024) [АА]; *Сбылась* ***моя давняя римская империя*** *— я сделал стикерпаки по Щиту и мечу! ну и открыточки перепечатал и перепечатываю, принты и постеры будут добавляться* (Волки да вороны // vk.com, 24.02.2024) [АА];

‘цель’: *Жду новогоднее чудо* — это ***моя Римская Империя*** (Про планы на декабрь и январь // boosty.to, 19.12.2023) [АА]; ***Моя римская империя*** *— это похудеть обратно до 50 кг* (Дзен // vk.com, 28.01.2024) [АА].

Еще одна семантическая модуляция — это способность передавать смысл ‘то, от чего я нахожусь под большим впечатлением’ (хотя это очень близко к основному значению выражения): *ЭТИ АРТЫ —* ***МОЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ*** *НА БЛИЖАЙШИЕ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ* (trendbooks 🕮 книги YA // Telegram, 30.01.2024) [АА]; *Я под большим впечатлением до сих пор, теперь это* ***моя “Римская империя”****. Почему книга- революция?* (Книга-революция // livelib.ru, 11.02.2024) [АА]; *Лучшее и самое комфортное место! Ваша курочка* ***моя римская империя*** (Chicko-вкус Кореи // Chicko-вкус Кореи, 2gis.ru/tyumen, 26.03.2024) [АА]; *Юнги который читает 117 слогов за 14,033 секунды —* ***моя Римская империя*** (BTS // vk.com, 04.03.2024) [АА]; *Я так за него рада Господи, он мой Леонардо Ди Каприо* ***(и моя римская империя)*** (Алкотаймс // vk.com, 11.03.2024) [АА].

4. Заключение = Conclusions

Итак, ***заимствование*** и ***калькирование*** как пути освоения лексики чужого языка давно и постоянно выступают предметом лингвистических исследований [Нефедова, 2015; Багана и др., 2007]. Так, Жером Багана и его коллеги определили различия между этими явлениями следующим образом: «Различие между кальками и заимствованиями состоит в том, что, обогащая лексику языка, те и другие действуют разными способами: при заимствовании происходит перенесение материальной формы, а при калькировании — перенесение значения» [Багана и др., 2007, с. 7].

В случае с формированием в русском языке выражения *моя Римская империя* в значении ‘предмет моих постоянных воспоминаний, раздумий, переживаний, навязчивых мыслей’ невозможно заключить, что оно появилось путем калькирования, поскольку не возникла ситуация перевода языковой единицы, сложившейся в другой лингвокультуре.

Выражение *моя Римская империя* уникально своим происхождением.

В русском сегменте сети Интернет оно появилось с сентября 2023 года, и к настоящему времени срок его жизни и присутствия в речевой практике носителей русского языка (теперь уже необязательно в соцсетях) составля-

CC BY

ет 7 месяцев. Это видно по графику частотности запросов интернет-пользователей, которые интересуются значением и происхождением выражения (рис. 12).

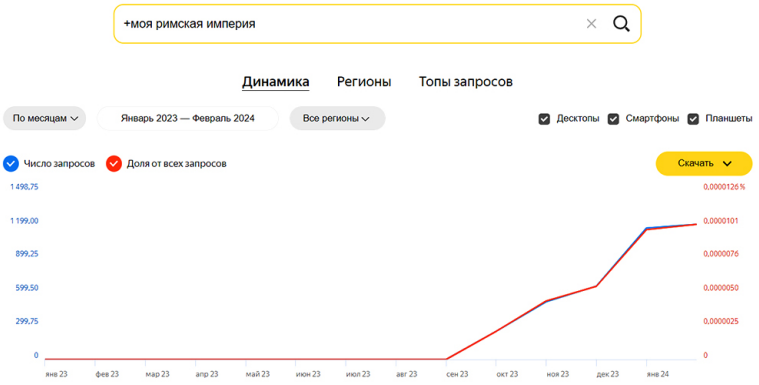

Рис. 12. График динамики запросов «моя римская империя» (ya.ru, последнее обновление: 30.03.2024) [АА]

Благодаря интернет-пространству и социальным сетям у людей появилась возможность не только заимствовать частотные фразеологические выражения с другого языка, но и ***перенимать весь процесс создания и формирования новой языковой единицы***.

Истоки выражения *моя Римская империя* обнаруживаются в таком новом формате коммуникации, как флешмоб. В частности, в нашем случае сыграл свою роль так называемый *интеллигентмоб*, то есть акция вовлечения интернет-пользователей во взаимодействие в связи с просьбой организатора проверить гипотезу, родившуюся у него после прочтения записи в личном аккаунте в одной из соцсетей, где девушка, автор блога, поделилась с подписчиками и посетителями сайта личной историей. Собственно, размещение в личном блоге небольшого эмоционального поста с личными наблюдениями сделало ее наблюдение доступным для ознакомления широкому кругу лиц.

А. Ф. Ибраева указывает в качестве одного из основополагающих признаков блога ***отсутствие временных рамок между самой записью и реакцией на нее***: «Блог, являясь частью интернет-коммуникации, обладает всеми характеристиками, присущими данному виду онлайн-взаимодействия между людьми. Индивидуальной характеристикой блога как вида интернет-коммуникации является асинхронность, проявляющаяся в отсутствии временных рамок в процессе коммуникации. Так, например,

CC BY

между публикациями основного текста сообщения и текстом-реакцией на данную информацию может пройти несколько месяцев или даже лет» [Ибраева, 2022, с. 333].

Далее, как уже было сказано, один из интернет-пользователей, обнаруживший этот блог и высказанное в нем наблюдение, переосмыслил частный случай (то, что казалось случайным и смешным девушке, автору первичного поста) через призму своих интересов (а он оказался почитателем и знатоком истории Рима), своего мировоззрения и предположил, что такое восприятие Римской империи молодым человеком девушки-блогера — это вовсе не единичный случай, касающийся одной персоны или нескольких знакомых блогера, а интересный феномен, охватывающий, возможно, если не всех, то многих людей. Гипотеза заключалась в том, что юноши, мужчины в отличие от женщин больше увлечены историческим образом Римской империи. Пользователь соцсетей, увлеченный этой идеей, не просто привлек людей к обсуждению вопроса, а «запустил» организовал ***сетевой интеллектуальный эксперимент***, который увлек широкую аудиторию и получил известность благодаря тому, что в сети Интернет не существует непреодолимых границ для пользователей, фактически нет ограничений по национальности, стране, и даже языковые различия в условиях экспансии английского не являются большим препятствием.

Затем сыграл свою роль экспериментальный характер коммуникации: взаимодействие интернет-пользователей стихийно сложилось в формат флешмоба.

Интернационализация эксперимента привела к ***появлению в русской лингвокультуре не слова, не выражения, а всего экспериментального сюжета***.

Ученые комментировали ранее только случаи калькирования готовых, сложившихся языковых единиц: «Предпосылкой для калькирования является достаточная мотивированность значения фразеологизма значениями его компонентов. Соответствия-кальки обладают определенными достоинствами и достаточно широко используются в переводческой практике. Характерно применение калек для перевода образных ФЕ, сохранивших живой и яркой свою внутреннюю форму. Калькирование дает возможность донести до русскоязычного читателя живой образ английского фразеологизма, что невозможно при использовании, например, описательного перевода» [Ухтомский, 2015, с. 262]; «Принято различать ментальные образования, не меняющие своего концептуального содержания в процессе заимствования из одной лингвокультуры в другую, и ментальные образования, которые в процессе заимствования претерпевают некоторые трансформации» [Нефёдова, 2018, с. 123].

CC BY

Теперь, вероятно, в связи с открытостью интернет-пространства и блогосферы возникает феномен нового варианта калькирования — ***калькирование всего процесса возникновения фразеологизма, а не только его формы или значения***.

Елена Самуиловна Кубрякова писала об одной специфической черте внимания как такового: «<…> мы фокусируемся на отдельных свойствах объектов, чтобы синтезировать их в целостный образ, а также обладаем способностью к сканированию (передвижению фокуса) <…> в пределах <…> объектов» [Кубрякова, 2012, с. 188].

В пределах пути формирования фразеологизма *моя Римская история* от случайного личного вопроса и наблюдения одного блогера через флешмоб, мем, трансформацию вербального выражения идеи несколько раз смещался фокус внимания носителей русского языка:

1) «вброс» в иноязычное коммуникативное пространство случайно выбранной диалогической структуры (вопрос — ответ), ориентированной на вовлечение подписчиков и читателей соцсетей в коммуникативную активность, и обнаружение атипичного ответа: *О чем думаешь? О Римской империи*;

2) конструирование атипичного вопроса и его обнародование в формате непрофессионального эксперимента: *Как часто думаешь о Римской империи? — Часто / иногда*;

3) вывод о гендерной специфике, подтвержденное наблюдение из области непрофессинальной гендерной психологии: *Мужчины часто думают о Римской империи*; интернацинализация эксперимента;

4) смещение фокуса в пределах непрофессионального обсуждения гендерных вопросов с опорой на логику бинарной оппозиции: «Если мужчины думают о Римской империи, то о чем думают женщины?»;

5) снятие гендерной специфики в рамках смещения фокуса за пределы образа Рима в сферу психологии — обобщений наблюдений за поведением людей — и тривиализация идеи, доведение до трюизма: «Каждый человек о чем-то часто думает, переживает»;

6) внедрение (возвращение) образа «мужчины часто думают о Римской империи» как сюжетного эталона и индивидуализация (экспрессивизация) семантического трюизма за счет образа (сюжета): «Каждый человек о чем-то часто думает, переживает, вспоминает ровно так же, как мужчины о Римской империи»;

7) закрепление в речи фразеологизма, имеющего устойчивый состав и семантико-грамматическую структуру, связанное значение;

8) варьирование структуры и семантики новой фразеологическй единицы.

CC BY

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 30.02.2024).

3. *Тучкова С.* «Как часто ты думаешь о Римской империи?» История популярного мема [Электронный ресурс] / С. Тучкова // 7 дней.ru. — 20 сентября 2023. — Режим доступа : https://7days.ru/kids/sovety-roditelyam/kak-rasskazat-rebenku-o-razvode.htm?from=infinity_announcement&type=SuperView (дата обращения: 21.12.2023).

4. Cambrige dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ (дата обращения: 30.02.2024)

Литература

1. *Арнольд И. В*. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. — Ленинград : Просвещение, 1981. —128 с.

2. *Багана Ж*. Калька и заимствование как результат иноязычного влияния / Ж. Багана, А. Н. Безрукая, М. В. Тарасова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2007. — № 1. — С. 5—10.

3. *Довжик Г. В.* Социально-психологическая сущность флешмоба / Г. В. Довжик, Е. И. Глухова // Вестник университета. — 2014. — № 21. — С. 239—243.

4. *Ибраева А. Ф.* Языковые особенности текстов англоязычной и русскоязычной блогосферы / А. Ф. Ибраева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — №8-2 (86). — С. 333—336. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-2.25.

5. *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка : Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. — Москва : Знак, 2012. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0461-4.

6. *Курьянович А. В*. Концепт «флешмоб» в современной российской лингвокультуре: к вопросу формирования и специфики языкового воплощения / А. В. Курьянович, И. Е. Охолина // Сибирский филологический журнал. — 2019. — № 2. С. 243—253. — DOI: 10.17223/18137083/67/20.

7. *Макарова М. Н.* Тенденции функционирования флешмобов в России: роль социальной онлайн-среды и самоизоляции в становлении новых форм флешмоба / М. Н. Макарова, Е. А. Мокрушина // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 32—39. — DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-32-39.

8. *Нефедова Л. А.* Прямое заимствование и калька как средства языковой репрезентации заимствованного концепта (на примере фразеологических концептов first lady / первая леди в немецком и русском языках) / Л. А. Нефедова // Язык и культура. — 2018. — № 42. — С. 118—136. — DOI 10.17223/19996195/42/7.

9. *Ребрина Л. Н.* Интернет-мемы 2019—2021 годов как актуальный феномен интернет-коммуникации : смыслы единения и разобщения / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 235—267. — DOI 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-268.

10. *Ухтомский А. В.* К вопросу о калькировании фразеологических единиц при переводе / А. В. Ухтомский // Взаимодействие науки и бизнеса : сборник научных статей

по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2015 года. — Москва: Научный консультант, 2015. — С. 261—264.

11. *Шулежкова С. Г.* Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания / С. Г. Шулежкова // Научный диалог. — 2019. —№ 9. — С. 173—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189.

12. *Leontyeva T. V.* Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid / T. V. Leontyeva // Communication Today. — 2021. — Vol. 12. — No. 2. — Pp. 46—57.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024,
одобрена после рецензирования 11.04.2024,
подготовлена к публикации 18.04.2024.

Material resources

AA — *Authors' Archive.* (In Russ.).

Cambrige dictionary. Available at : https://dictionary.cambridge.org/ (accessed 30.02.2024)

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 30.02.2024). (In Russ.).

Tuchkova, S. (2023). "How often do you think about the Roman Empire?" The history of a popular meme. In: *7 days.ru*. Available at: https://7days.ru/kids/sovety-roditelyam/kak-rasskazat-rebenku-o-razvode.htm?from=infinity_announcement&type=SuperView (accessed 21.12.2023). (In Russ.).

References

Arnold, I. V. (1981). *Stylistics of the modern English language.* Leningrad: Education. 128 p. (In Russ.).

Bagana, Zh., Bezrukaya, A. N., Tarasova, M. V. (2007). Tracing and borrowing as a result of foreign language influence. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Linguistics, 1*: 5-10. (In Russ.).

Dovzhik, G. V., Glukhova, E. I. (2014). Socio-psychological essence of flash mob. *Bulletin of the University*, 21: 239-243. (In Russ.).

Ibraeva, A. F. (2018). Linguistic features of texts in the English-language and Russian-language blogosphere. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, *8-2* (86): 333—336. DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-2.25. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2012) *In search of the essence of language: Cognitive research*. Moscow: Znak. 208 p. ISBN 978-5-9551-0461-4. (In Russ.).

Kuryanovich, A. V., Okholina, I. E. (2019). The concept of "flash mob" in modern Russian linguistic culture: on the issue of the formation and specificity of linguistic embodiment. *Siberian Philological Journal*, *2*: 243-253. DOI: 10.17223/18137083/67/20. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. (2021). Daydreaming of internet users about a someone else's love relationship as a virtual vs real hybrid. *Communication Today*, *12*(2): 46-57.

Makarova, M. N., Mokrushina, E. A. (2021). Trends in the functioning of flash mobs in Russia: the role of the online social environment and self-isolation in the formation of new forms of flash mob. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships, 5*(1): 32-39. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-32-39. (In Russ.).

CC BY

Nefedova, L. A. (2018). Direct borrowing and tracing paper as a means of linguistic representation of a borrowed concept (on the example of phraseological concepts first lady / first lady in the German and Russian languages. *Language and culture*, *42*: 118—136. DOI: 10.17223/19996195/42/7. (In Russ.).

Rebrina, L. N. (2022). Internet Memes of 2019—2021 as Current Phenomenon of Internet Communication: Meanings of Unity and Disunity. *Nauchnyi dialog, 11*(6): 235—267. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-235-268. (In Russ.).

Shulezhkova, S. G. (2019). Russian and Bulgarian Phraseological Neologisms as Objects of Dictionary Description. *Nauchnyi dialog*, *9*:173-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-173-189. (In Russ.).

Ukhtomsky, A. V. On the issue of tracing phraseological units during translation. In: *Interaction of science and business*. Moscow: Scientific Consultant. 261—264. (In Russ.).

The article was submitted 02.03.2024;
approved after reviewing 11.04.2024;
accepted for publication 18.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Позднякова Е. Ю. Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента) / Е. Ю. Позднякова, Н. Н. Шпильная // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 54—71. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71.

Pozdnyakova, E. Yu., Shpilnaya, N. N. (2024). Actualization of Interpretational Potential of a Common Noun with Abstract Semantics (based on an Associative Experiment). *Nauchnyi dialog, 13* (3): 54-71. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента)

Позднякова Елена Юрьевна [1]
orcid.org/0000-0002-6239-5023
Scopus Author ID: 58557225600
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра философии и социологии,
корреспондирующий автор
helena_poz@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна [2]
orcid.org/0000-0002-0709-4308
доктор филологических наук, доцент,
кафедра общего и
русского языкознания
venata85@mail.ru

[1] Алтайский государственный
технический университет
им. И. И. Ползунова
(Барнаул, Россия)

[2] Алтайский государственный
педагогический университет
(Барнаул, Россия)

Actualization of Interpretational Potential of a Common Noun with Abstract Semantics (based on an Associative Experiment)

Elena Yu. Pozdnyakova [1]
orcid.org/0000-0002-6239-5023
Scopus Author ID: 58557225600
PhD in Philology, associate professor,
Department of Philosophy and Sociology,
Corresponding author
helena_poz@mail.ru

Nadezhda N. Shpilnaya [2]
orcid.org/0000-0002-0709-4308
Doctor of Philology, associate professor,
Department of General and
Russian Linguistics
venata85@mail.ru

[1] Polzunov Altai State
Technical University
(Barnaul, Russia)

[2] Altai State
Pedagogical University
(Barnaul, Russia)

© Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предлагается следующая идея: слово (имя нарицательное) является компонентом интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание. Ассоциация носителя языка предстает как свернутый (потенциальный) интерпретационный дискурс. Изложены результаты свободного ассоциативного эксперимента. В качестве стимула использовались имена нарицательные с абстрактным значением. В результате были получены ключевые лексемы, по которым возможно развертывание дискурса имени нарицательного с абстрактной семантикой. На примере ассоциативного ряда лексем *страх* и *удовольствие* были описаны референциальные области, актуализируемые при реализации интерпретационного потенциала лексемы. Анализ семантической структуры указанных лексем показал, что полученные ассоциаты актуализируют прямое (словарное) и косвенное (интерпретационное) значение слов. Большая часть полученных реакций демонстрирует смыслы, не зафиксированные в словарной статье. Это доказывает, что в процессе интерпретации происходит усложнение семантической структуры имени нарицательного, исходное (словарное) значение дополняется и обогащается дополнительными компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта.

Ключевые слова:
ассоциативное поле; ассоциативный эксперимент; дискурс; имя нарицательное; интерпретационная лингвистика; текст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article proposes the following idea: a word (common noun) is a component of the interpretational activity of the addressee perceiving the lexeme and creating interpretational speech utterance. The language speaker's association appears as a condensed (potential) interpretational discourse. The results of a free associative experiment are presented. Common nouns with abstract meanings were used as stimuli. Key lexemes were obtained, allowing for the unfolding of a discourse of a common noun with abstract semantics. Using the associative series of lexemes 'fear' and 'pleasure,' referential areas actualized during the realization of the interpretational potential of the lexeme were described. The analysis of the semantic structure of the mentioned lexemes showed that the obtained associates actualize both direct (dictionary) and indirect (interpretational) meanings of words. A significant portion of the obtained reactions demonstrate meanings not fixed in the dictionary entry. This proves that during interpretation, there is a complication of the semantic structure of a common noun, where the initial (dictionary) meaning is supplemented and enriched with additional components related to personal meanings, values, existential attitudes of the interpreting subject.

Key words:
associative field; associative experiment; discourse; common noun; interpretational linguistics; text.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’37+81-114.4
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента)

© Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н., 2024

1. Введение = Introduction

По мнению Н. Ю. Шведовой, «прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов, как предложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта явится переход от лингвистики текста к лингвистике слова» [Шведова, 1982, с. 142].

Традиционно в лингвистической литературе слово рассматривалось как номинативная единица, основное назначение которой закрепить в дискретной форме тот или иной «кусочек действительности» [Реформатский, 1996]. Переосмысление положения о некоммуникативности лексемы стало возможным в рамках коммуникативной грамматики русского языка, признающей факт коммуникативного потенциала лексемы, актуализируемого при порождении и восприятии высказывания. По мнению Н. С. Болотновой, коммуникативный потенциал слова — это «такие особенности слова, которые обусловливают его готовность участвовать в общении в качестве элемента высказывания — носителя определённого “кванта” знания и прагматического заряда» [Болотнова, 2014, с. 231]. Ученый отмечает, что благодаря «коммуникативным свойствам лексических единиц в сознании автора и адресата рождаются соответствующие (не идентичные из-за разного знания о мире) микросмыслы, значимые для последующего обобщения в процессе смыслового развёртывания текста и его понимания адресатом» [Болотнова, 2014, с. 231]. При таком подходе лексема — это средство объективации смысла речевого высказывания. Однако лексема может выступать в актах текстообразования не столько средством, сколько объектом речемыслительной деятельности. В таком случае лексема предстает как дискурсивный референт — как источник ассоциативных связей, актуализируемых в дискурсе адресата.

CC BY

Е. В. Клобуков, полагая, что «в слове <…> широко отражаются разноплановые коммуникативно-прагматические свойства текста» и что «ничто (или почти ничто) текстовое не чуждо слову», формулирует сверхзадачу функциональной (коммуникативной) грамматики слова — установление дискурсивных возможностей слова в передаче коммуникативно значимой информации [Клобуков, 1997, с. 32].

Развивая идеи ученых о том, что коммуникативный потенциал слова реализуется в ситуации не только порождения, но и восприятия высказывания, мы полагаем, что одним из аспектов коммуникативного функционирования слова является интерпретационный аспект, соотносимый с интерпретационным функционированием слова. Интерпретационный потенциал слова обычно связывают с анализом прагматически маркированного слова [Булыгина и др., 2015]. В рамках данной статьи развивается идея, согласно которой слово (имя нарицательное) является компонентом интерпретационной деятельности адресата, воспринимающего лексему и создающего интерпретационное речевое высказывание. Истоки подобного подхода к имени нарицательному мы находим в работе Л. Г. Ким «Вариативно-интерпретационное функционирование текста». В указанной монографии анализируется внутренняя форма слова как фактор его вариативно-смыслового функционирования [Ким, 2009]. Анализируя смысловые версии, актуализируемые адресатами, Л. Г. Ким, по сути, говорит об интерпретационном потенциале лексемы, который по-разному реализуется в рецептивной деятельности адресатов.

Актуальным для нас является положение, согласно которому в структуре языкового знака выделяется интерпретанта, определяющая восприятие знака адресатом (Ч. Пирс). Иными словами, одним из свойств языкового знака, в том числе и нарицательного имени, является интерпретируемость. Интерпретация — когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и / или неречевых действий [Демьянков, 1996, с. 31]. Как следствие, имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, способно наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса адресата.

В поле нашего зрения — реализация интерпретационного потенциала имени существительного с абстрактным значением. Мы исходим из предположения, согласно которому имя нарицательное имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может быть развернута в процессе коммуникации в зависимости от условий, содержания, целей общения и его участников, то есть в целом от специфики разворачивающегося дискурса. При этом актуализация того или иного компонента значения зависит от интерпретации воспринимающего субъекта. С таких позиций

CC BY

лексема предстает как свернутый текст или «пучок смыслов», который может быть развернут и интерпретирован в процессе речепорождения: «речь рождается от слова или целых кусков (chunks) будущего высказывания» [Кубрякова, 1986, с. 133].

Далее мы исходим из мысли, согласно которой интерпретационная ориентация слова обусловлена ассоциативно. Иными словами, мы считаем, что ассоциативное поле лексемы фиксирует ее интерпретационный потенциал. При восприятии имени нарицательного с абстрактной семантикой носитель языка намечает референциальную модель разворачивания дискурса, актуализирующего концептную семантику существительных. В современных исследованиях доказывается, что слово «задает направление репрезентации смысла и активизирует психические, лексические и грамматические механизмы» [Степыкин, 2021, с. 21]. Языковое сознание субъекта хранит не только фрагменты или «следы» текстов, но и любые произнесенные или услышанные высказывания, касающиеся ключевого слова, выступающего стимулом для воспринимающего субъекта в процессе речепорождения. Как следствие, носитель языка актуализирует интерпретационный потенциал ключевого слова, который связан с индивидуально-авторскими микросмыслами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Говоря о том, что носитель языка, воспринимая лексему, разворачивает интерпретационный дискурс, мы далее исходим из положения, согласно которому интерпретационный дискурс адресата проявляется в ассоциациях носителя языка. Иными словами, мы полагаем, что ассоциация носителя языка предстает как свернутый (потенциальный) интерпретационный дискурс.

Методологической посылкой такого понимания ассоциации служат представления о связи лексемы и текста. Ю. Н. Караулов пишет: «Тексты не просто окружают человека вовне, они запечатлены в его индивидуальной АВС (ассоциативно-вербальной сети. — *Е. П., Н. Ш.*) не только в виде фрагментов прецедентных общекультурных текстов, но и в виде грамматикализованных в словоформах следов повседневного речепроизводства, фиксируемых моментально при приведении в эксперименте АВС к выражению следов, в которых оказывается “схваченным”, как бы “застывает” одно из грамматических состояний узла, имя которого активизировано прежде всего семантической связью с предложенным в данный момент стимулом, а состояние или оформление обусловлено памятью о недавних текстах» [Караулов, 1993, с. 190]. Как следствие, лексема-стимул порождает разные ассоциации, которые способны развернуться в процессе их восприятия адресатом. При таком подходе мы актуализируем узкий подход

CC BY

к пониманию интерпретационного дискурса, рассматривая последний как дискурс адресата, объективирующий различные ментальные (в том числе и референциальные) модели, «упакованные» в слове-стимуле.

В лингвистической литературе уже давно отмечается предикационная связь между лексемой-стимулом и лексемой-реакцией. Имеются работы, в которых утверждается, что лексема-стимул — это тема высказывания, а лексема-реакция — это рема высказывания. Признавая сказанное, мы полагаем, что лексема-стимул и лексема-реакция представляют собой свернутое диалогическое единство. При таком подходе лексема-стимул — это инициальная реплика, а лексема-реакция — это ответная реплика, а отношения между ними носят интерпретационный характер. В кандидатской диссертации А. С. Абрамовой доказывается, что ответная реплика появляется вследствие реализации адресатом тех или иных интерпретационных стратегий — холистической или элементаристской [Абрамова, 2023]. В ранее опубликованной нами работе [Дударева и др., 2021] мы показали, что ответные реплики-комментарии к новостной статье представляют собой интерпретационный дискурс, разворачивающийся вокруг определенного коммуникативного (новостного) события.

Ассоциативная деятельность — это интерпретационная деятельность, связанная с актуализацией ключевых слов будущего высказывания. Такие ключевые слова предстают как коммуникативные фрагменты, компонентами которых они являются. Б. М. Гаспаров утверждает, что имя нарицательное актуализирует коммуникативные фрагменты (КФ) в языковой памяти говорящих: «Каждый КФ кристаллизован в нашем сознании в качестве индивидуализированного смыслового “предмета”, во всей неповторимой совокупности его интеллектуального и эстетического содержания, ассоциативных валентностей, тематических потенций, эмоциональных обертонов, стилевой и жанровой фактуры» [Гаспаров, 1996, с. 95]. Ассоциативные валентности слова-стимула «вытягивают» слово-реакцию как прообраз будущего дискурса. Сказанное согласуется с идеей Е. С. Кубряковой о номинативном характере речевой деятельности [Кубрякова, 1995]. Высказанные соображения коррелируют также с тезисом Л. С. Выготского, согласно которому «мысль не только оформляется в слове, но и формируется в слове». Согласно мысли ученого, создание текста опосредуется внутренней речью — внутренним предикатом, который «как бы вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов, расширяя почти безгранично рамки своего значения» [Выготский, 1982, с. 350]. Развивая идеи Л. С. Выготского, Е. С. Кубрякова уточняет, что внутреннее слово является носителем «личностных смыслов, отличных от языковых системных значений, закрепленных за словом в системе языка именно благодаря ореолу

CC BY

индивидуальных ассоциаций и личностному отношению к обозначенному словом объекту» [Кубрякова, 2008, с. 144]. Это означает, что лексема — это свернутый дискурс, специфика разворачивания которого определяется «ореолом индивидуальных ассоциаций». Индивидуальность ассоциаций определяется интерпретационным компонентом языкового сознания, актуализирующимся при восприятии лексемы-стимула адресатом.

Для доказательства гипотезы о том, что лексема с абстрактной семантикой разворачивает интерпретационный дискурс адресата, мы провели свободный ассоциативный эксперимент.

В качестве стимула использовались имена нарицательные с абстрактным значением (всего 17 лексических единиц). Респондентами стали студенты 1—2 курса АлтГТУ им. И. И. Ползунова (109 чел.) в возрасте от 18 до 22 лет. Испытуемым предлагалось записать все возникшие при восприятии слова ассоциации, всего было получено 2243 реакции, в 69 случаях отмечено отсутствие ассоциаций. Полученные ассоциации рассматриваются нами как ключевые лексемы, по которым возможно развертывание дискурса имени нарицательного с абстрактной семантикой. Совокупность ассоциатов, относящихся к конкретной лексеме, формирует ее ассоциативное поле.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Описание ключевых ассоциаций имен нарицательных

Рассмотрим полученные в результате эксперимента ключевые ассоциации более подробно:

1. Страх: *темнота (7); боль (5); ужас (5) / ужасы; пауки (4) / паук (2); сессия (4); боязнь (3); испуг (3); одиночество (3); Андрей (2); армия (2); высота (2); глубина (2); Каракулова (2); крыша (2); математика (2); неизвестность (2); ночь (2); опасение (2); опасность (2); отсутствует (2); отчисление (2); потеря (2); пустота (2); смерть (2); тьма (2); страха нет (2); физика (2); фильм (2); фобия (2); экзамены (2) / экзамен; электротехника (2); долг / долги; проблема / проблемы; угроза / угрозы* и др. (155 ассоциаций, в том числе 65 единичных ассоциаций; 2 — нет ассоциаций).

2. Удовольствие*: отдых (18); еда (10) / вкусная еда (5); радость (7); успех (2), сон (5) / спать; тепло (4); кайф (3); лето (3); любовь (3); мороженое (3) / мороженка; друзья (2); наслаждение (2); природа (2); секс (2) / sex; сладкое / сладость (3); спокойствие (2)* и др. (142 ассоциации, в том числе 62 единичных ассоциации; 6 — нет ассоциаций).

3. Спокойствие: *сон (16) / спать; отдых (11); тишина (10); дом (8) / дома; умиротворение (7) / умиротворенность; вода (4); одиночество (4), костёр, дождь (3); кровать (3); лес (3); лето (2); природа (3), баланс (2);*

CC BY

вечер (2); луна (2); медитация (2); музыка (2); пустота (2); семья (2); скала, смерть (2); чил (2) и др. (141 ассоциация, в том числе 42 единичных ассоциации; 1 — нет ассоциаций).

4. Притяжение: *магнит (16); земля (13) / земли (4); любовь (12); гравитация (8); физика (8); Ньютон (5); сила (5); фильм (5) / фильм Бондарчука; космос (4); F=mg=GMm/R2 (4); больше нет / притяженья больше нет; влечение (2); магнитное поле (2); масса (2); планета (2) / планеты (2); g * m1m2/R2 (2)* и др. (131 ассоциация, в том числе 32 единичных ассоциации; 3 — нет ассоциаций).

5. Трудолюбие: *работа (25); успех (7); деньги (5); упорство (5); зарплата (3); лень (3); папа (3); мотивация (2); нет (2); труд (2); тяжесть (2); усердие (2)* и др. (124 ассоциации, в том числе 62 единичных ассоциации; 5 — нет ассоциаций).

6. Простор: *поле (34) / поля (1); свобода (17); море (5); степь (5); дом (3) / дома; магазин (3); небо (3); горизонт (2); горы (2); легкость (2); много места (2); мысли (2); природа (2); пространство (2); пустота (2); торговый центр / ТЦ* и др. (130 ассоциаций, в том числе 40 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

7. Беспощадность: *злость (12), жестокость (11); убийство (6); война (5); месть (5); гнев (4); Гурова (3); кровь (3); зверь (2), зло (2); огонь (2); пытки (2); слабость (2); цель (2)* и др. (130 ассоциаций, в том числе 67 единичных ассоциаций; 8 — нет ассоциаций).

8. Детство: *беззаботность (12) / беззаботное; радость (7); игрушки (6) / игрушка; веселье (5); друзья (5); деревня (5); свобода (4); школа (4); детский сад (3) / детсад / садик (2); дом (3); лето (3); песочница (3) / песочница и куличики; игра (2) / игры (2); велосипед / велик (2); воспоминания (2); качели (2); мама (2); молоко (2); песня (2); смех (2); счастье (2); юность (2); Юра Шатунов / трек Юры Шатунова / песенка Шатунова* и др. (136 ассоциаций, в том числе 44 единичных ассоциации; 2 — нет ассоциаций).

9. Радость: *смех (12) / смех людей; улыбка (10) / улыбки (2); счастье (10); детство (5); веселье (4); друзья (4); лето (4); семья (4); автомат (2) / автомат по вышмату (3); дом (2); еда (2), легкость (2); подарки (2); праздник (2); удовольствие (2); эмоции (2), близкие люди / близкие; сдали сессию / сданная сессия / сессия сдана* и др. (135 ассоциаций, в том числе 54 единичных ассоциации; 3 — нет ассоциаций).

10. Старость: *пенсия (9); смерть (9); болезни (6) / болезнь (2); спокойствие (6); мудрость (5); дед / дедушка (4); не радость (4); боль в спине / спина болит, морщины (3); опыт (3), тяжесть (3), бабушки / бабушка (2); внуки (3); возраст (3); время (2); грусть (2); конец (2); песок (2); покой (2); страх*

CC BY

(2); уважение (2); кресло / кресло-качалка; седой цвет / седые волосы и др. (138 ассоциаций, в том числе 54 единичных ассоциации; 6 — нет ассоциаций).

11. Дружба: *помощь (9); доверие (9); верная / верность (5); люди (4); друзья (3); друг (3); жвачка (3); поддержка (3); преданность (3); радость (3); бензопила (2) / пила; веселье (2); дружба крепкая (2); крепкий / крепкая (2); навеки (2); не существует (2); общение (2); понимание (2); рукопожатие (2); честность (2); брат / братан / братство / братья; кент / кенты; мир, дружба, жвачка / мир, жвачка* и др. (122 ассоциации, в том числе 44 единичных ассоциации; 9 — нет ассоциаций).

12. Красота: *природа (18); цветы (10) / цветок; девушка (6) / девушки (5); внешность (3); закат (2); искусство (2); косметика (2); море (2); небо (2); помада (2); простота (2); роза (2); требует жертв (2); я (2); вечная / вечность; звезды / звезда; красиво / красивый; мир / мир (окружение) / окружающий мир; сила / страшная сила* и др. (130 ассоциаций, в том числе 56 единичных ассоциаций; 5 — нет ассоциаций).

13. Мудрость: *старость (21) / старый; опыт (14) / жизненный опыт (2); знание (8) / знания (3); дед (3) / дедушка (2); возраст (4); совы / сова (4); ум (4); борода (3); книга (2) / книги (2) / книжки; развитие (2); старики / старик (2) / старец; учеба (2); философия (2); кот / кошка; умность / умный* и др. (132 ассоциации, в том числе 43 единичных ассоциации; 2 — нет ассоциаций).

14. Неизведанность: *космос (17); страх (14); океан (10); интерес (7); пустота (5); темнота (4); любопытство (3); бездна (2); вселенная (2); глубина (2) / глубины моря; жизнь (2); загадка (2); математика (2); опасность (2); неизведанность / неизведанное* и др. (123 ассоциации, в том числе 46 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

15. Свобода: *простор (6); небо (5); поле (5); птичий полет / полет (5); жизнь (4); воля (3); независимость (3); путешествие (3) / путешествия; природа (3); Россия (3); горы (2); воздух (2); выбор (2); деньги (2); иллюзия (2); каникулы (2); лето (2); мир (2); радость (2); тюрьма (2); сдача сессии / сессия сдана; слова / слово* и др. (122 ассоциации, в том числе 56 единичных ассоциаций; 3 — нет ассоциаций).

16. Древность: *история (14); старость (5) / старина / старое; дерево (3) / дряхлое дерево; Египет (3); пещеры (2) / пещера (2); руины (3), камень (3); камни (2); память (2); прошлое (2), пирамиды / пирамида Хеопса (2); динозавр (2) / динозавры; старый дом (2); наскальная живопись / наскальные рисунки* и др. (116 ассоциаций, в том числе 63 единичных ассоциации; 2 — нет ассоциаций).

17. Непонимание: *физика (17); глупость (6); вопросы (3) / вопрос; вышмат (3); математика (3); страх (3); жизнь (2); замешательство (2);*

CC BY

злость (2); недоумение (2); незнание (2); ребенок (2); сложность (2); ссора (2); трудность (2); тяжесть (2); учеба (2); конфликт / конфликты; тупизм / тупость (135 ассоциаций, в том числе 55 единичных ассоциаций; 5 — нет ассоциаций).

При восприятии имени реципиенты актуализировали существующие в языковом сознании отдельные лексемы, выстраивая ассоциативный ряд, рассматриваемый как ряд ключевых слов, по которым в дальнейшем возможно развертывание диалогических или монологических высказываний. На дотекстовом этапе большое значение имеют личностные смыслы воспринимающего субъекта, поскольку именно они порождают низкочастотные, субъективно-окрашенные ассоциации и, кроме этого, именно они связаны с интерпретационной деятельностью адресата.

3.2. Особенности разворачивания интерпретационного дискурса адресатом

Рассмотрим на примере ассоциативного ряда лексем *страх* и *удовольствие* интерпретационный потенциал имени нарицательного с абстрактной семантикой. Имя нарицательное, выступая в роли дискурсивного референта, позволяет наметить референциальные модели разворачивания интерпретационного дискурса, связанные с личностными смыслами адресата.

Полученные в результате ассоциативного эксперимента данные позволяют говорить о том, что интерпретационно обусловленные референциальные области потенциального дискурса адресата обусловлены как прямыми (словарными) ассоциациями, так и личностно-окрашенными смыслами (интерпретантами, по Ч. Пирсу).

3.2.1. Референциальные области, актуализируемые при реализации интерпретационного потенциала лексемы *страх*

Словарная статья дает следующее определение лексемы *страх* — *‘Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.; боязнь’* [БТСРЯ, 1998]. В числе референциальных областей, актуализируемых при объективации лексемы *страх*, выделяются «словарно» обусловленные ассоциаты: *испуг, вина, ненависть, боязнь, неизвестность, боль* и др.

В зону личностно-окрашенных ассоциатов мы относим ассоциации, актуализирующие следующие референциальные области:

— **бедность:** *бедная жизнь, 1500 в день;*

— **война:** *армия, война;*

— **животные:** *медведь, волки, собака;*

— **насекомые:** *большие насекомые, клещ, насекомые, паук, пауки, тараканы, шершни;*

— **неизвестность:** *сомнение, неизвестность, неопределенность;*

CC BY

— **опасность:** *высота, глубина, гроза, ДТП, катастрофа, крыша, нож, опасность, проблема, проблемы, смерть, угрозы;*

— **переживание, эмоции:** *бояться, боязнь, волнение, вина, дрожь, испуг, ненависть, неприязнь, опасения, паника, растерянность, сомнение, унижения;*

— **потери:** *лишение стипендии, потеря, потерять все, предательство;*

— **пугала:** *монстр, привидение, пугала, скелет;*

— **страха нет:** *отсутствует, стоим не боимся, страха нет, храбрость;*

— **состояния:** *боль, болезнь, голод, злость, одиночество, растерянность, сердцебиение, слабость, фобия;*

— **темнота:** *выключатель, темная комната***,** *темнота, тьма, ночь, мрак, морок, черный;*

— **фильмы:** *ужасы, ужастики, фильм;*

— **экзамены:** *долг, долги, защита лаб.раб., математика, незачет, отчисление, сессия, физика, экзамены, экзамен, электротехника.*

Выделенные компоненты семантической структуры ассоциативного поля лексемы *страх* связаны с ее лексическим значением скорее косвенно, поскольку большая часть ассоциатов демонстрирует смыслы, не зафиксированные в словарной статье. Как утверждает Н. И. Степыкин, «в ассоциативном поле представлены реакции, которые говорят о способности индивида представить личностный смысл за счет расширения сочетательных связей инвариантного значения» [Степыкин, 2021, с. 27]. Мы полагаем, что появление реакций, напрямую не связанных со словом-стимулом, говорит не только об актуализации личностных смыслов реципиентов, но и об их интерпретационной деятельности. Интерпретация адресатом предполагает конкретизацию и развертывание дискурса имени нарицательного в языковом сознании реципиента.

А. Р. Лурия указывает на то, что «слово становится центральным узлом для целой сети вызываемых им образов и “коннотативно” связанных с ним слов, которые говорящий или воспринимающий задерживает, тормозит с тем, чтобы из всей сети “коннотативных” значений выбрать нужное в данном случае “ближайшее” или “денотативное” значение» [Лурия, 1998, с. 44].

Соотношение референциальных областей прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения лексемы *страх* можно представить в виде схем (рис. 1, рис. 2):

3.2.2. Референциальные области, актуализируемые при реализации интерпретационного потенциала лексемы *удовольствие*

Словарная статья лексемы *удовольствие* содержит два основных значения:

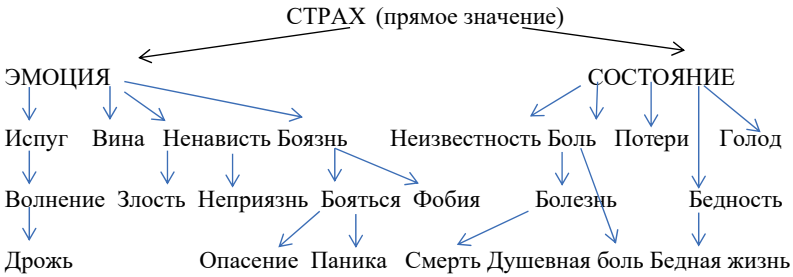

Рис.1 Схема прямого развертывания семантики лексемы *страх*

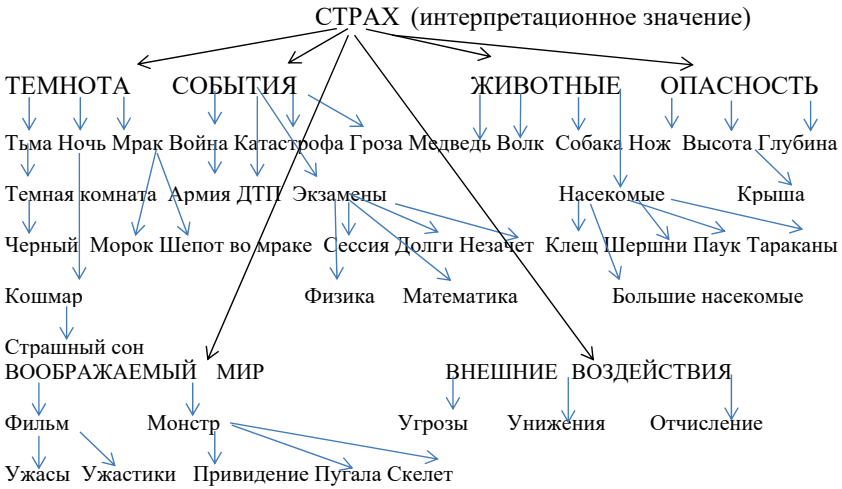

Рис. 2 Схема интерпретационного развертывания семантики лексемы *страх*

1. Чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний.

2. То, что вызывает, создаёт такое чувство; приятное развлечение, забава [БТСРЯ, 1998].

В числе референциальных областей, актуализируемых при объективации лексемы *удовольствие* выделяются «словарно» обусловленные ассоциаты: *кайф, радость, любовь, счастье* и др.

В зону личностно-окрашенных ассоциатов мы относим ассоциации, актуализирующие следующие референциальные области:

— д**еньги:** *стипендия, деньги, 100 000 в месяц;*

CC BY

— **еда:** *еда; вкусная еда; вкусно; мороженое; мороженка; обед; поесть; прием пищи; скушать курочку жареную; сладкое; сладость; KFC;*

— **общение:** *девушки; друзья; дружба; общение; посиделки с друзьями; разговоры;*

— **отдых:** *время после сессии; дом; лето; отдых; первый день отпуска, а позади еще целый месяц; природа; relax;*

— **путешествия:** *Дубаи; поездки; путешествие;*

— **положительные эмоции:** *блаженство, кайф, любовь, наслаждение; приятное времяпрепровождение; радость; счастье; успех, хорошее настроение; эндорфин;*

— **работа, учеба:** *автомат; закрытая сессия; работа; результат; сданная сессия; экзамен;*

— **развлечения:** *автомобиль; алкоголь; вкид; езда за рулем авто; кальян; кино; машина; просмотр ютуба; развлечение; сигареты; секс; sex;*

— **сон:** *сон; спать; одеяло;*

— **состояние:** *азарт; жизнь; мягко; расслабление; редкость; спокойствие; тепло; тишина и покой, уединение;*

— **увлечения, хобби:** *игра; майнкрафт; спорт; турник; футбол; хобби.*

Большинство зафиксированных в ассоциативном поле лексемы *удовольствие* реакций не связаны с ее словарным значением. Появляющиеся реакции, казалось бы, напрямую не связанные с семантикой слова, свидетельствуют о «прохождении» лексемы через личностные смыслы адресата и актуализации тех прагматических, субъективно окрашенных ассоциаций, которые обладают психологической релевантностью для воспринимающего субъекта в данный момент в конкретной ситуации.

Соотношение референциальных областей прямого (словарного) значения и непрямого (интерпретационного) значения лексемы *удовольствие* можно представить в виде схем (рис. 3, рис. 4):

Таким образом, представленные схемы наглядно демонстрируют усложнение семантики имени нарицательного с абстрактным значением в процессе интерпретационной деятельности реципиентов. Исходное значение дополняется и обогащается дополнительными компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта.

На предложенных нами схемах отражены в числе прочего и особенности организации ментального лексикона адресата, воспринимающего лексему. Ментальный лексикон имеет сетевой принцип организации, при котором «узлы сети образуют кластеры, объединяясь по различным основаниям. В свою очередь, кластеры также соединяются в более крупные группы единиц. Благодаря узлам сети каждая единица связана со всеми

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

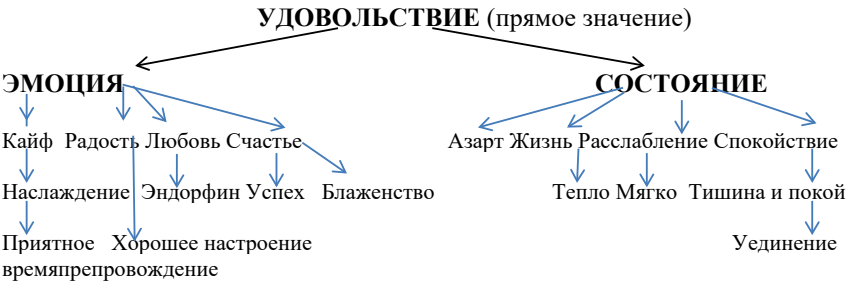

Рис. 3 Схема прямого развертывания семантики лексемы *удовольствие*

Рис. 4 Схема интерпретационного развертывания семантики лексемы *удовольствие*

остальными, однако расстояние между единицами (сила связи) варьирует весьма существенно, что отражается на времени их совместной активации» [Овчинникова, 2018, с. 161]. Получаемые в процессе ассоциирования лексические единицы можно назвать ключевыми словами (узлами сети), которые имеют потенциал развертывания и интерпретации в процессе порождения высказывания. По справедливому утверждению А. Р. Лурия, «в процессе высказывания как “тема” (то, о чем будет идти

CC BY

речь), так и “рема” (что именно это высказывание будет сообщать) должны быть существенно расширены, т. е. должны быть разделены на целую цепь звеньев определенной программы целостного высказывания» [Лурия, 1998, с. 252].

4. Заключение = Conclusions

В статье мы исходили из предположения, что имя нарицательное с абстрактной семантикой имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может быть развернута в процессе коммуникации в зависимости от условий, содержания, целей общения и его участников. В процессе актуализации того или иного компонента значения ведущая роль принадлежит интерпретационной деятельности воспринимающего субъекта. При таком подходе лексема предстает как объект речемыслительной деятельности адресата.

При восприятии имени нарицательного с абстрактной семантикой носитель языка намечает референциальную модель разворачивания дискурса, актуализирующего концептную семантику существительных. Для доказательства данной гипотезы был проведен ассоциативный эксперимент, в результате которого были получены ассоциативные ряды, содержащие ключевые слова, рассматриваемые нами как свернутые тексты, по которым в дальнейшем возможно развертывание диалогических или монологических высказываний. Проведенный эксперимент доказал, что в ассоциативном поле зафиксирован интерпретационный потенциал лексемы.

На примере ассоциативного ряда лексем *страх и удовольствие* нами был проанализирован интерпретационный потенциал имени нарицательного с абстрактной семантикой. Выделенные компоненты семантической структуры ассоциативного поля указанных лексем связаны с их лексическим значением скорее косвенно, поскольку большая часть ассоциатов демонстрирует смыслы, не зафиксированные в словарной статье. Это доказывает, что в процессе интерпретации происходит усложнение семантической структуры имени нарицательного, исходное (словарное) значение дополняется и обогащается дополнительными компонентами, связанными с личностными смыслами, ценностями, бытийными установками интерпретирующего субъекта. Все вышесказанное позволяет утверждать, что при восприятии лексемы адресат актуализирует определенные компоненты семантики имени нарицательного. Получаемые в процессе ассоциирования лексические единицы можно назвать ключевыми словами (узлами сети), которые имеют потенциал развертывания и интерпретации в процессе порождения высказывания.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Абрамова А. С.* Актуальное членение высказывания в русской диалогической речи : диссертация … кандидата филологических наук : 00.00.00 / А. С. Абрамова. — Барнаул, 2023. — 145 с.

2. *Болотнова Н. С.* Коммуникативный потенциал слова / Н. С. Болотнова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет / Под редакцией А. П. Сковородникова. 2-е издание, переработанное и дополненное. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2014. — С. 231—232.

3. БТСРЯ — *Большой* толковый словарь русского языка [Электр.] : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1534 с. — ISBN 978-5-6043768-7-4.

4. *Булыгина Е. Ю.* Интерпретационный потенциал прагматически маркированного слова : взаимодействие идеологического и оценочного компонентов [Электронный ресурс] / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вестник НГПУ. — 2015. — № 5 (27). — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsionnyy-potentsial-pragmaticheski-markirovannogo-slova-vzaimodeystvie-ideologicheskogo-i-otsenochnogo-komponentov (дата обращения 13.03.2024).

5. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. — Москва : Педагогика, 1982. — Т. 2. — 794 с.

6. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.

7. *Демьянков В. З.* Интерпретация / В. З. Демьчнков // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. — С. 31—33.

8. *Дударева Я. А.* Обыденный медийный дискурс как интерпретационный дискурс (на материале интерпретирующих высказываний интернет-речи) / Я. А. Дударева, Н. Н. Шпильная // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 74. — С. 28—42. — DOI: 10.17223/19986645/74/2.

9. *Караулов Ю. Н.* Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. — Москва : Русский язык, 1993. — 330 с.

10. *Ким Л. Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Монография / Л. Г. Ким. 3-е изд., испр. и доп. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2012. — 272 с. — ISBN 978-5-9710-0553-7.

11. *Клобуков Е. В.* Проблемы изучения коммуникативной грамматики русского слова / Е. В. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация / В. В. Красных, А. И. Изотов (ред.). — Москва : Филология, 1997. — С. 32—39.

12. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — Москва : Наука, 1986. — 158 с.

13. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 158 с. — ISBN 978-5-39-707058-4..

CC BY

14. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. — 416 с.

15. *Овчинникова И. Г.* Входящие и исходящие связи слова в ментальном лексиконе младшего школьника / И. Г. Овчинникова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2018. — № 189. — С. 160—169.

16. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; Под ред. В. А. Виноградова. — Москва : Аспект Пресс, 1996. — 536 с.

17. *Степыкин Н. И.* Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла : автореферат … диссертации доктора филологических наук : 10.02.19 / Н. И. Степыкин. — Москва, 2021. — 53 с.

18. *Шведова Н. Ю.* Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI Виноградовские чтения. — Москва : Наука, 1982. — С. 142—154.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024,
одобрена после рецензирования 12.04.2024,
подготовлена к публикации 17.04.2024.

References

Abramova, A. S. (2023). *Actual articulation of utterance in Russian dialogic speech.* PhD Diss. Barnaul. 145 p. (In Russ.).

Bolotnova, N. S. (2014). The communicative potential of the word. In: *Effective speech communication (basic competencies): Dictionary-reference.* Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 231—232. (In Russ.).

BTXR — *A large explanatory dictionary of the Russian language [Electr.].* (1998). St. Petersburg: Norint. 1534 p. ISBN 978-5-6043768-7-4. (In Russ.).

Bulygina, E. Y., Tripolskaya, T. A. (2015). Interpretative potential of a pragmatically marked word: interaction of ideological and evaluative components. *Bulletin of the NGPU, 5 (27).* Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsionnyy-potentsial-pragmaticheski-markirovannogo-slova-vzaimodeystvie-ideologicheskogo-i-otsenochnogo-komponentov (accessed 03/13/2024). (In Russ.).

Demyankov, V. Z. (1996). Interpretation. In: *Concise dictionary of cognitive terms.* Moscow: Moscow State University Press. 31—33. (In Russ.).

Dudareva, Ya. A., Shpilnaya, N. N. (2021). Everyday media discourse as an interpretive discourse (based on the material of interpretative statements of Internet speech). *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 74:* 28—42. DOI: 10.17223/19986645/74/2. (In Russ.).

Gasparov, B. M. (1996). *Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence.* Moscow: New Literary Review. 352 p. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (1993). *Associative grammar of the Russian language.* Moscow: Russian language. 330 p. (In Russ.).

Kim, L. G. (2012). *Variative-interpretative functioning of the text. Monograph.* Kemerovo: Kemerovo State University. 272 p. ISBN 978-5-9710-0553-7. (In Russ.).

Klobukov, E. V. (1997). Problems of studying the communicative grammar of the Russian word. In: *Language, consciousness, communication.* Moscow: Philology. 32—39. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2008). *Nominative aspect of speech activity.* Moscow: LKI Publishing House. 158 p. ISBN 978-5-39-707058-4. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (1986). *The nominative aspect of speech activity.* Moscow: Nauka. 158 p. (In Russ.).

Luria, A. R. (1998). *Language and consciousness.* Rostov-on-Don: Phoenix. 416 p. (In Russ.).

Ovchinnikova, I. G. (2018). Incoming and outgoing connections of words in the mental lexicon of a younger student. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen, 189:* 160—169. (In Russ.).

Reformatsky, A. A. (1996). *Introduction to linguistics.* Moscow: Aspect Press. 536 p. (In Russ.).

Shvedova, N. Y. (1982). Types of contexts constituting a multidimensional description of a word. In: *Russian language. The text as a whole and the components of the text. XI Vinogradov readings.* Moscow: Nauka. 142—154. (In Russ.).

Stepykin, N. I. (2021). *Speech action as a psycholinguistic mechanism of generation and actualization of meaning.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 53 p. (In Russ.).

Vygotsky, L. S. (1982). *Thinking and speech, 2.* Moscow: Pedagogy. 794 p. (In Russ.).

The article was submitted 14.03.2024;
approved after reviewing 12.04.2024;
accepted for publication 17.04.2024.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ремхе И. Н. Матрично-сетевое моделирование переводческой коммуникации с позиции экотранслатологии / И. Н. Ремхе // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 72—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-72-88.

Remkhe, I. N. (2024). Matrix-Network Modeling of Translation Communication from Perspective of Eco-Translatology. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 72-88. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-72-88. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Матрично-сетевое моделирование переводческой коммуникации с позиции экотранслатологии

Ремхе Ирина Николаевна
orcid.org/0000-0001-6441-6804
доктор филологических наук, доцент,
кафедра теории и практики перевода
rilix@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счёт гранта Российского
научного фонда № 23-28-10218,
https://rscf.ru/project/23-28-10218/,
и Челябинской области в Челябинском
государственном университете

Matrix-Network Modeling of Translation Communication from Perspective of Eco-Translatology

Irina N. Remkhe
orcid.org/0000-0001-6441-6804
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Theory and
Practice of Translation
rilix@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
This study was funded
by the Russian Science Foundation,
Grant No 23-28-10218,
https://rscf.ru/en/project/23-28-10218/,
and the Chelyabinsk Region of the Russian
Federation, and was conducted
at Chelyabinsk State University

© Ремхе И. Н., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты поискового исследования, выполненного на основе экосистемного и сетевого подходов в переводоведении, в русле концепции «человек — сетевая среда». Актуальность обусловлена важностью учета социально-коммуникативного аспекта в переводческой деятельности и рассмотрения переводчика как функционально-интегрированного элемента сетевой среды. Описывается коммуникативно-сетевое взаимодействие участников переводческого проекта. Методология исследования основывается на потенциале методов матричного и сетевого моделирования с целью обработки и визуализации данных переводческой коммуникации. Анализ проводится с применением двух моделей: матрицы распределения ответственности и неориентированного графа, составленного с помощью программы визуализатора социальной сети как гипотетической проекции более сложной модели, верифицируемой на практике. В качестве материалов используются примеры анализа проектного взаимодействия письменного и устного переводов на основе протокола пилотного интервью с переводчиками английского языка об опыте работы в переводческом отделе на промышленном предприятии Челябинской области. Комплексная методика матрично-сетевого моделирования позволяет эксплицировать специфику работы в переводческом проекте на предприятии, выявить контрольно-сетевые узлы, аккумулирующие основную коммуникативную нагрузку, и определить стратегии повышения эффективности коммуникации.

Ключевые слова:
транслатология; переводоведение; коммуникация; матрица переводческой коммуникации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article presents the results of a search study conducted based on ecosystemic and network approaches in translation studies within the framework of the concept of “human — network environment”. The relevance is determined by the importance of considering the socio-communicative aspect in translation activities and viewing the translator as a functionally integrated element of the network environment. Communicative-network interaction of participants in a translation project is described. The research methodology is based on the potential of matrix and network modeling methods for processing and visualizing data of translation communication. The analysis is carried out using two models: a responsibility distribution matrix and an undirected graph compiled using a social network visualizer program as a hypothetical projection of a more complex model, verified in practice. Examples of analyzing project interaction between written and oral translations based on a protocol of pilot interviews with English language translators about their experience working in a translation department at an industrial enterprise in the Chelyabinsk region are used as materials. The comprehensive methodology of matrix-network modeling allows for explicitating the specifics of work in a translation project at an enterprise, identifying control-network nodes that accumulate the main communicative load, and determining strategies to enhance communication efficiency.

Key words:
translatology; translation studies; communication; translation communication matrix.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’255.2:6
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-72-88

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Матрично-сетевое моделирование переводческой коммуникации с позиции экотранслатологии

© Ремхе И. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Современный вектор развития концепций когнитивного переводоведения опирается в большей степени на положения экстернализма — концепции, знаменующей переход к когнитивной науке нового поколения, в противовес интернализму, рассматривающему внутреннюю языковую способность как систему репрезентаций, необходимую для всех видов языковой деятельности. При этом интернализация связывается с воспроизводством культуры, а экстернализация — с созданием новых артефактов, создающих условия для трансформации культуры и общества [Engeström, 1999].

Указанные особенности проявляются при выстраивании процессов в переводческой деятельности в формате переводческого проекта и коллаборации, что находит выражение в распределении ответственности, многозадачности, а значит, с позиции когнитивного переводоведения речь идет о перераспределении когнитивной нагрузки между участниками проекта. В современных исследованиях отмечается ведущая роль экокогнитивного и сетевого подходов и их выражение в концепциях «человек — среда» и «человек — сетевая среда». Выход во внешнее пространство, декларируемый социо-когнитивной теорией перевода, дополняется рассмотрением сетевого пространства переводчика, что расширяет концепцию «человек — среда» в сторону организационно-деятельностных решений переводческой коммуникации, а также оптимизации динамических процессов, регулирующих работу переводчика в группе, в команде. В результате позиционируется важность визуализации коммуникативного взаимодействия в рамках переводческого проекта с применением методов моделирования. Особый интерес вызывают варианты моделирования переводческого процесса как переводческого события для описания сетевого взаимодействия участников переводческого проекта, что составляет цель данного исследования.

В современном переводоведении происходит погружение переводческой деятельности не только в социокультурную и когнитивную среды,

CC BY

но также и в природную. В поиске новых оснований для рассмотрения переводческих процессов в терминах экологии исследователи используют понятия экологии перевода, или экотранслатологии. Как справедливо отмечает Ху Гэншэнь, наряду с усиленным влиянием движения по защите окружающей среды, в 60—70-е годы произошло переосмысление термина *экология* в сторону специфики взаимоотношения между человеком и природой. В гуманитарных и социологических науках понятие экологии получает расширенное толкование как совокупность природного баланса и гармонического сосуществования в системе [Hu Gengshen et al., 2016, p. 123]. В результате переводческая деятельность рассматривается с позиции холизма, постулирующего главенство целостности исследуемых объектов, интегративности и системности при учете эмерджентности, трансцендентального характера перевода и синергетической сущности переводческой деятельности [Филиппова, 2013].

Концепция экологии перевода развивается в исследованиях Л. В Кушниной и Е. М. Пылаевой как логическое продолжение «эколингвистики и теории гармонизации переводческого пространства» [Кушнина и др., 2014, с. 72]. Данный подход позволяет решить задачу учета природосообразности и культурообразности языка при передаче смыслов, которые трактуются как «экосмыслы» при переводе на иностранный язык. Авторы выдвигают идею существования в переводческом пространстве «природно-биологического поля, где происходит порождение экосмысла», что в результате гармонизации всех смыслов приводит к «порождению гармоничного текста перевода» [Там же].

Коммуникативный аспект экокогнитивного взаимодействия профессиональных групп рассматривается в исследовании Е. В. Чистовой. Автор предлагает «универсальную схему взаимодействия» в рамках экокогнитивной модели профессиональной коммуникации, включающей следующие элементы: субъект деятельности, объекты материального мира, участники проекта и реципиенты получаемой услуги, взаимодействующие на основе принципов экологичной когниции для выработки наиболее оптимального производственного решения [Chistova, 2022].

Вслед за Ху Гэншэнь, мы придерживаемся понимания экологии в переводе как функциональной категории, позволяющей упорядочить и синтезировать переводческий процесс в созидательных целях формирования гармоничной системы в темпоральном, временном и качественном выражении. Каждый переводческий проект представляет собой ситуативно обусловленную экосистему коммуникации, моделирование которой позволяет выявить возможные пути решения для обеспечения ее устойчивости и эффективного функционирования в формате «человек — сетевое пространство».

CC BY

Профессиональное пространство переводчика уже не мыслится без понятия и термина *сеть*, который используется в различных значениях, включая социальные сети для установления контактов друг с другом и развития отношений профессионального партнёрства [Гарбовский и др., 2015; Risku et al., 2015] или для кооперации в рамках любительского перевода [Krasnopeyeva, 2018], а также под ним подразумевается использование сети в качестве моделирующего основания переводческого процесса [Гавриленко, 2017], в том числе для организации и описания переводческого взаимодействия в рамках реализации рабочего проекта [Ремхе и др., 2023].

Нельзя не отметить описание сущности сети и акторного взаимодействия в акторно-сетевой теории (АСТ) Б. Латура. Не вдаваясь в детали глубокого междисциплинарного понимания данной концепции, важно отметить, что исследование Б. Латура позволяет переосмыслить ряд ключевых типологических особенностей сети: оппозиционного существования дистанции и близости, микро- и макро- масштаба, а также «стирания различия внутри-снаружи в пользу имманентизма сетей» [Латур, 2017, с. 173]. В продолжение рассуждений ученого российские исследователи Е. С. Краснопеева и С. С. Краева на основе акторно-сетевой теории обращаются к пониманию ситуации перевода как переводческой констелляции, которая рассматривается как «социотехнический коллектив из людей и объектов» [Краснопеева и др., 2023, с. 165].

В рамках данного исследования ***экология в переводе*** трактуется в условиях организационно-сетевого коммуникативного пространства работы переводчика в рабочей группе, в которой формируются связи и взаимодействие между участниками переводческого проекта. При этом рабочие процессы рассматриваются не статично, а в действии и динамике их исполнения, а также отмечаются контрольно-сетевые узлы, которые выполняют функцию управления действиями и операциями. Вариантов представления организационно-сетевой структуры рабочей переводческой группы может быть несколько: матричные модели (организационная матрица, матрица ответственности) [Ремхе и др., 2023], сетевые модели (ориентированные и неориентированные графы, матрица смежностей, матрица инциденций) [Батенков, 2017], схемы на основе методов анализа социальных сетей (social network analysis) [Scott, 2007; Tichy et al., 1979; Методика оценки влияния ..., 2016 и др.]. В современных научных исследованиях данные методы используются не только для изучения социальных феноменов, но и как новый инструментарий, применимый для изучения динамического анализа коллективов, сообществ, проектных групп и организаций в целом с целью комплексного представления переводческого процесса и его практической реализации. Мы предлага-

CC BY

ем концепцию моделирования переводческого проекта на основе матричной и сетевой схематизации процессов переводческой коммуникации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В качестве материала исследования рассматривается пилотное интервью с переводчиками английского языка об опыте работы в переводческом отделе промышленного предприятия Челябинской области. На основе данных протокола об организации взаимодействия членов рабочей группы при выполнении переводческих проектов были составлены *перспективные* модели переводческого процесса с применением матрично-сетевых методов моделирования.

В матричной модели управление организационными процессами описывается как по горизонтали (функциональной линии), так и по вертикали (проектной линии). Подобное распределение ролей и функций позволяет выстраивать взаимоотношения на основе функционально-эвристического взаимодействия. Как и в любом проекте, в данном случае назначаются лидеры, которые являются экспертами, отвечают за качество и отслеживают процессы обработки информации в различных функционально-тематических направлениях. Обмен информацией происходит в нелинеарном потоке с возможностью рекуррентных направлений с целью уточнения деталей и налаживания коммуникации.

Подобная модель была представлена на примере письменного кооперативного перевода в нашем недавнем исследовании [Ремхе и др., 2023]. Анализ оперативных процессов в рамках проекта показан с помощью *организационной матрицы*, которая построена на основе пересечения горизонтального и вертикального уровней управления и коммуникации. Охарактеризованы роли участников и их место в матричной структуре проекта, а также функциональные обязанности при решении основных задач проекта. Модель представлена в формате таблицы с указанием ролей, задач и картированием взаимодействия между участниками проекта [Ремхе и др., 2023, с. 36]. К достоинствам матрицы можно отнести визуализацию для удобства анализа структурных элементов и компактность, что позволяет представить картину распределения ролей для эффективного налаживания коммуникации. В числе недостатков необходимо отметить статичность и ограниченное предъявление качественных пояснений к количественной информации.

В качестве органичного дополнения организационной матрицы в рамках данного исследования предлагается использование *матрицы распределения ответственности* (RACI), которая предполагает назначение определенных ролей участникам проекта:

CC BY

R (responsible) — исполнитель, обеспечивающий своевременное и качественное выполнение работы.

A (accountable) — ответственный за конечный результат.

C (consulted) — консультант, выполняющий роль эксперта в ходе выполнения задач, выступающий с рекомендациями и предложениями по улучшению результата.

I (informed) — лицо, заинтересованное в результатах и получающее сведения о ходе выполнения задач и о завершении выполняемых работ.

При распределении ролей между участниками, исполняющими переводческий проект, данная матричная модель может стать ориентиром, позволяющим внести ясность в определение степени ответственности каждого члена команды с целью обеспечения эффективной коммуникации в проекте. Графическое исполнение дает возможность визуализации при распределении работ, помогает избежать их дублирования, что повышает прозрачность при взаимодействии и более четкое понимание задач.

При анализе устного переводческого сопровождения проекта была использована сетевая модель переводческого взаимодействия, основанная на методе теории графов, в частности, неориентированного графа для изучения структурных взаимосвязей актора [Чураков, 2001, с. 114]. По словам Н. Кристофидес, «систему связи любой организации можно интерпретировать как граф, в котором люди представлены вершинами, а каналы связи дугами» [Кристофидес, 1978, с. 29]. Данное видение взято за основу сетевого представления взаимодействия между участниками переводческого проекта, в котором акторами выступают лица, причастные к организации процессов и выполнению функциональных действий. Структурный подход акцентирует внимание на геометрической форме сети и интенсивности взаимодействий (весе ребер). Все акторы рассматриваются как вершины графа, которые влияют на конфигурацию ребер и других акторов сети [Чураков, 2001, с. 110]. В теории социальных сетей «в качестве акторов как неделимых структурных единиц могут определяться разные величины — от отдельной личности до целых общественных объединений. Акторы и их действия считаются скорее взаимозависимыми, чем независимыми сущностями» [Методика оценки влияния ..., 2016, с. 457].

Таким образом, матрично-сетевое моделирование используется как разновидность структурного моделирования, применяющегося для описания сложных систем с большим количеством операций и взаимосвязей между ними. к данным системам относим переводческие проекты письменного и устного перевода на примере их реализации на промышленном предприятии.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Матрица распределения ответственности среди участников переводческого проекта

В данном исследовании в качестве примера рассматривается командная работа над переводом технического текста в переводческом отделе промышленного предприятия Челябинской области. Для перспективного моделирования рабочих процессов в переводческой группе были выделены следующие роли участников: переводчик, терминолог, специалист, корректор, верстальщик, менеджер, редактор — как наиболее типичные для переводческих проектов. На следующем этапе был определен круг задач, выполняемых каждым из участников:

1. *Переводчик*: переводит текст при учете всех необходимых параметров передачи стиля, тональности, смысла, прагматических, культурных и лингвистических особенностей.

2. *Терминолог:* проводит работу по выборке терминов из текста и составлению глоссария, поддерживает связь с переводчиками и редакторами, выступает с рекомендациями по поводу использования терминологии.

3. *Специалист:* владеет знанием терминов, концепций и особенностей специализированной области знаний посредством изучения отраслевых статей, технических спецификаций и других источников, следит за правильным пониманием сложного контекста и передачей информации в переводе, может вступать в коммуникацию с клиентом при необходимости уточнения деталей проекта.

4. *Корректор*: выполняет правку ошибок, проводит работу над улучшением стиля и структуры текста, проверяет соответствие терминологии стандартам или глоссарию проекта, следит за правильностью пунктуации и расстановкой знаков препинания в переводе.

5. *Верстальщик*: отвечает за оформление переведенного текста в соответствии с требованиями и стандартами предприятия или клиента, исправляет ошибки, опечатки или несоответствия форматирования, может выполнять адаптацию и локализацию, изменение дизайна для соответствия специфическим требованиям региона или культуре, заниматься форматированием специализированной документации, работать с таблицами, графиками, диаграммами и другими элементами, чтобы правильно отобразить информацию в переведенном документе.

6. *Менеджер*: анализирует требования клиента, определяет объем работы, устанавливает сроки выполнения и разрабатывает план действий, занимается распределением ресурсов, определяет роль и вес каждого члена команды, осуществляет контроль качества всех этапов переводческого процесса, проверяет соответствие перевода требованиям и ожиданиям клиента.

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

7. *Редактор*: анализирует переведенный текст и сравнивает его с оригиналом, обращает внимание на грамматические ошибки, пунктуацию и стилистические несоответствия, проверяет, играет важную роль в контроле качества перевода, взаимодействует с переводчиком, уточняет непонятные моменты, предлагает альтернативные варианты перевода, проводит финальную проверку переведенного текста перед его передачей клиенту.

По итогам анализа функционально-деятельностной картины распределения ролей в переводческом проекте составлена матрица распределения ответственности в виде таблицы, в которой указываются действия и степень вовлеченности в них каждого участника начальными буквами аббревиатуры RACI.

Таблица

Матрица распределения ответственности
в условиях реализации переводческого проекта
= Distribution of Responsibility Matrix within a Translation Project

	Переводчик	Терминолог	Специалист	Корректор	Верстальщик	Менеджер	Редактор
Перевод текста	A	C	C	I	I	I	I
Коррекция ошибок	R	C	R	A	C	I	R
Работа с терминологией	C	A	R	R	I	I	R
Форматирование текста	R	I	C	R	A	I	I
Взаимодействие с клиентом	C	I	R	R	R	A	I
Контроль качества	C	C	R	R	R	R	A

CC BY

Исходя из таблицы, можно отметить выделение ключевых узлов ответственности, условно обозначенных латинской буквой A (accounted), которые присваиваются каждому участнику проекта в различных блоках его реализации. В сущности, это означает ответственность за качество выполнения данного конкретного действия. Остальные же работы распределяются между участниками с разной степенью вовлеченности и контролем качества, но при этом каждый член команды информируется обо всех происходящих процессах, даже тех, к которым он имеет косвенное отношение. Такое взаимодействие создает основание говорить о переводческом проекте как об экосистеме, в которой для успешного функционирования и поддержания жизнеспособности всего механизма важна роль каждого элемента в действии. Контроль качества и коррекции ошибок на разных этапах разными членами команды обеспечивает минимизацию риска потери качества итогового продукта, а налаживание коммуникации с клиентом и использование внешних ресурсов и информации создают основания для открытости и адаптивности системы, встраивание в среду, выход в которую получает переводческий продукт.

3.2. Перспективная сетевая модель переводческого сопровождения проекта

Коммуникация между членами рабочей группы устного переводческого сопровождения проекта на предприятии предполагает сетевое взаимодействие с более широким кругом специалистов в рамках конкретной переводческой ситуации. Описание данного взаимодействия возможно посредством репрезентации внутрипроектных коммуникаций на основе методов анализа социальных сетей. Основное назначение сетевой модели в данном случае состоит в анализе и оптимизации сложных процессов. Мы рассматриваем сетевую модель (или сеть) как неориентированный граф с заданными функциями и связующими звеньями коммуникации. Вершины графа изображены в виде круга и представляют собой актантов переводческого события. Дуги представлены сплошными линиями с разным весом (толщиной) линии в зависимости от плотности осуществляемой коммуникации между актантами.

В рассматриваемом устном переводческом сопровождении проекта на предприятии длительностью в 2 дня были выделены следующие актанты (вершины графа): заказчик (1), переводчик (2), специалист по механизации (3), специалист по электрооборудованию (4), специалист по автоматизации (5), специалист по гидравлике (6), начальник цеха (7), прочие технические службы (8).

В качестве инструмента для составления *перспективной* модели сетевого графа был использован визуализатор социальной сети (Social Network

CC BY

Visualizer). Для формирования направлений коммуникации (рёбер графа) были введены условные весовые величины каждого из актантов в зависимости от интенсивности взаимодействия в проекте, выявленной в ходе интервью. В итоге получился неориентированный граф, отображающий коммуникационные узлы переводческого взаимодействия участников проекта (рис. 1).

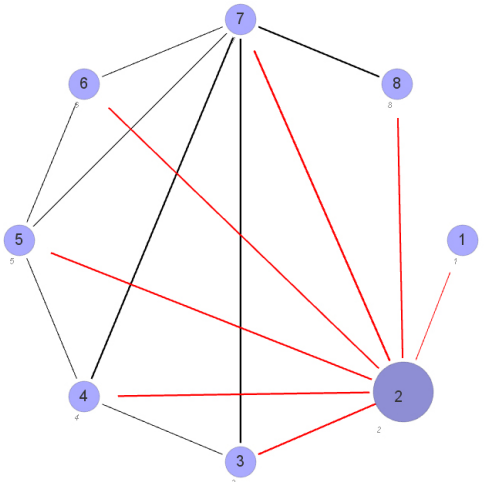

Рис. 1. Сетевая модель переводческого сопровождения проекта № 1
= Network Model of Communication within a Translation Project no. 1

В дополнение к указанной модели как вспомогательный аналитический инструмент используются матрица степеней (degree matrix) и матрица смежности (adjacency matrix). Матрица степеней (degree matrix) — это диагональная матрица, в которой по диагонали записываются степени вершин графа. Если граф состоит из N вершин, то матрица степеней имеет размерность в формате N × N, и её элементы на диагонали соответствуют количеству ребер, инцидентных каждой вершине. В нашем примере матрица степени позволяет выявить основные коммуникационные паттерны в виде контрольно-сетевых узлов и структурного распределения коммуникативной нагрузки в сети проектной коммуникации. На основе общих показателей степеней вершин можно сделать вывод об интенсивности коммуникации, сосредоточенной в локации конкретных акторов. В соответствии с таблицей, ключевыми узлами являются «переводчик» (2) и «начальник цеха» (7). Данные вершины рассматриваются в качестве ведущих

CC BY

акторов, выполняющих основную роль по координации работы в проекте и налаживанию коммуникационных связей (рис. 2).

Матрица смежности позволяет представить информацию о связях между вершинами графа. Если граф содержит N вершин, то матрица смежности представляет собой двумерный массив, где каждый элемент указывает наличие (или отсутствие) ребра между соответствующими вершинами. Если ребра взвешены, то элементы матрицы содержат информацию о весах соответствующих ребер. В предлагаемом примере можно отметить весовой коэффициент взаимодействия между актантами и выявить узловые звенья сети в соответствии с максимальными показателями. В нашем случае наибольшая интенсивность взаимодействия наблюдается между актантами 2 и 7, наименьшая — между 1 и прочими участниками

Actor/Actor	1	2	3	4	5	6	7	8
1	30	0	0	0	0	0	0	0
2	0	108	0	0	0	0	0	0
3	0	0	28	0	0	0	0	0
4	0	0	0	24	0	0	0	0
5	0	0	0	0	13	0	0	0
6	0	0	0	0	0	7	0	0
7	0	0	0	0	0	0	62	0
8	0	0	0	0	0	0	0	14

Actor/Actor	1	2	3	4	5	6	7	8
1	0	30	0	0	0	0	0	0
2	30	0	15	12	10	5	30	6
3	0	15	0	1	0	0	12	0
4	0	12	1	0	1	0	10	0
5	0	10	0	1	0	1	1	0
6	0	5	0	0	1	0	1	0
7	0	30	12	10	1	1	0	8
8	0	6	0	0	0	0	8	0

Рис. 2. Матрица степеней и матрица смежности № 1
Matrix of Degree and Adjacency Matrix no. 1

На основе модели неориентированного графа и полученных на его основе матриц можно сделать вывод о перегруженности переводчика в контексте усилий, средств, времени и ответственности при выполнении устного переводческого сопровождения. Это выражается в функционально-коммуникативном фокусировании на ключевом узле сети под номером 2, который обозначает переводчика. Данная особенность создает напряженность сети и необходимость в ее разгрузке путем оптимизации процессов взаимодействия. Для уменьшения когнитивно-коммуникативной нагрузки на переводчика необходимо перераспределить некоторые из его функциональных задач с привлечением еще одного переводчика или внедрить в процесс коммуникации между участниками проекта переводческие технологии в режиме реального времени.

Добавление нового узла в лице второго переводчика (9) позволяет получить новый вариант перераспределения нагрузки в системе, что выражается в изменении параметров вершин и веса ребер. Новые показатели формируются в результате автоматического перераспределения исходных количе-

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ственных данных весовых коэффицентов рёбер и узлов цепи, и оно наглядно представлено с помощью графа (рис. 3) и матричных таблиц (рис. 4).

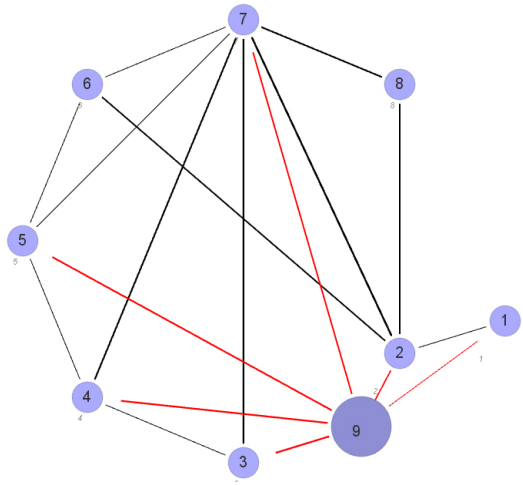

Рис. 3. Сетевая модель переводческого сопровождения проекта № 2
Network Model of Communication within a Translation Project no. 2

Actor/Actor	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	30	0	0	0	0	0	0	0	0
2	0	59	0	0	0	0	0	0	0
3	0	0	28	0	0	0	0	0	0
4	0	0	0	24	0	0	0	0	0
5	0	0	0	0	13	0	0	0	0
6	0	0	0	0	0	7	0	0	0
7	0	0	0	0	0	0	67	0	0
8	0	0	0	0	0	0	0	14	0
9	0	0	0	0	0	0	0	0	60

Actor/Actor	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	0	15	0	0	0	0	0	0	15
2	15	0	0	0	0	5	30	6	3
3	0	0	0	1	0	0	12	0	15
4	0	0	1	0	1	0	10	0	12
5	0	0	0	1	0	1	1	0	10
6	0	5	0	0	1	0	1	0	0
7	0	30	12	10	1	1	0	8	5
8	0	6	0	0	0	0	8	0	0
9	15	3	15	12	10	0	5	0	0

Рис. 4. Матрица степеней и матрица смежности № 2
Matrix of Degree and Adjacency Matrix no. 2

Исходя из данных в матрицах (рис. 4), можно заключить, что значения ключевых узлов и весовой коэффицент взаимодействия изменились в сторону меньшей напряженности сети в узле под номером 2 за счет переноса весовых величин коммуникации на ребра взаимодействия между вторым переводчиком и вершинами 4, 5, 7. На практике это также будет означать перераспределение потока коммуникации и ответственности за ход оперативных процессов между актантами.

Для получения фактических данных с использованием представленной методики матричного моделирования переводческой коммуникации необходимо определение весовых коэффициентов элементов по результатам анализа процесса ее реального функционирования. Это возможно на основе полевого эксперимента в естественных условиях протекания коммуникации с фиксированием коммуникационных потоков и времени исполнения коммуникативных и переводческих задач.

Сетевое моделирование последовательности переводческих событий во времени и их соотношение с целями и задачами проекта позволит выявить проблемы эффективности распределения потока информации и их влияние на качество выполняемых переводчиком действий и принимаемых решений. На данном этапе исследования была представлена перспективная модель анализа переводческой коммуникации в качестве гипотетического конструкта для последующей его верификации на практике.

4. Заключение = Conclusions

В рассматриваемой концепции «человек — сетевая среда» применительно к переводческой деятельности выстраивается комплексная картина работы переводчика в команде на основе предложенных вариантов матрично-сетевой модели. Основное внимание уделяется системе управления участниками и выполняемыми ими задачами при эффективном распределении *времени и ответственности. Темпоральный* аспект предполагает последовательный анализ результатов исполнения задач, распределенных в информационно-временном пространстве переводческого проекта, и прогнозирование последующих шагов. *Ответственность* за определенный участок проектного задания изначально определяется той ролью, которой наделяется каждый участник группы, а впоследствии процесс отслеживается на протяжении всего объема выполняемых переводческих задач.

Результаты проведенного эксперимента доказали возможность оптимизации рабочих процессов переводческой группы с применением матрично-сетевого моделирования переводческого проекта. Матрица распределения ответственности и сетевая модель переводческого процесса отражают деятельностную сторону перевода при учете ролей, динамики и поступательного движения с элементами рециркуляции, свойственной коммуникативным системам. Экспланаторный характер моделей позволяет проанализировать динамику и интенсивность сетевой профессиональной коммуникации для выявления возможных проблем и поиска их решения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Литература

1. *Батенков К. А.* Числовые характеристики структур сетей связи / К. А. Батенков // Труды СПИИРАН. — 2017. — № 4 (53). — С. 5—28. — DOI: 10.15622/sp.53.1.

2. *Гавриленко Н. Н.* Сетевая платформа обучения профессионально ориентированному переводу / Н. Н. Гавриленко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2017. — № 4 (775). — С. 117—127.

3. *Гарбовский Н. К.* Сетевое взаимодействие в переводческой деятельности / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2015. — № 22 (3) — С. 3—21.

4. *Краснопеева Е. С.* Перевод в условиях медиатизации и глобальности / Е. С. Краснопеева // Ментально-языковые трансформации русской лингвокультурной личности : поиск идентичности в медиатизированном обществе. — Челябинск : Челябинский государственный университет, 2018. — С. 169—194.

5. *Краснопеева Е. С.* Сетевая природа переводческой констелляции (на примере отдела переводов регионального коммерческого предприятия) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Научный диалог. — 2023. — № 12 (8). — С. 156—178. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178.

6. *Кристофидес Н.* Теория графов : алгоритмический подход / Н. Кристофидес. — Москва : Мир, 1978. — 432 с. — ISBN 5-9502-0057-8.

7. *Кушнина Л. В.* Экология перевода : современные тенденции и подходы / Л. В. Кушнина, Е. М. Пылаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2014. — № 2 (26). — С. 70—76.

8. *Латур Б.* Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / Б. Латур // Философско-литературный журнал «Логос». — 2017. — Т. 27. — № 1 (116). — С. 173—200.

9. *Методика* оценки влияния социальных коммуникаций на результативность инновационного проекта / Д. В. Плохов, Е. В. Никульчев, С. А. Титов, И. В. Осипов // Cloud of science. — 2016. — № 3 (3). — С. 444—492.

10. *Ремхе И. Н.* Матричная модель кооперативного перевода / И. Н. Ремхе, Л. А. Нефедова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2023. — № 22 (3). — С. 30—42. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.3.

11. *Филиппова И. Н.* Редукционизм и холизм в переводоведении [Электронный ресурс] / И. Н. Филиппова // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — Режим доступа : https://science-education.ru/ru/article/view?id=10874 (дата обращения 21.03.2024).

12. *Чураков А. Н.* Анализ социальных сетей / А. Н. Чураков // Социологические исследования. — 2001. — № 1 (1). — С. 109—121.

13. *Chistova E. V.* Eco-cognitive model of translation activity : methodological boundaries and perspectives / E. V. Chistova // Proceedings of the Conference Synergy of Languages and Cultures : Interdisciplinary Research. — Saint-Petersburg : Saint-Petersburg State University, 2022. — Pp. 116—128.

14. *Engeström Y.* Innovative Learning in Work Teams : Analyzing Cycles of Knowledge Creation in Practice / Y. Engeström // Perspectives on Activity Theory. — Cambridge : Cambridge University Press, 1999. — Pp. 377—404.

15. *Hu Gengshen.* Eco-Translatology : A New Paradigm of Eco-translation — A Comparative Study on Approaches to Translation Studies / Hu Gengshen, Tao Youlan // Sociology. — 2016. — Pp. 115—132.

16. *Risku H.* Extended translation : A sociocognitive research agenda / H. Risku, F. Windhager // Interdisciplinarity in translation and interpreting process research. — Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2015. — Pp. 35—47.

17. *Scott J.* Social Network Analysis : A Handbook / J. Scott. — 2nd ed. — London : Sage Publications, 2007. — 248 p.

18. *Tichy N. M.* Social network analysis for organizations / N. M. Tichy, M. L. Tushman, C. Fombrun // Academy of Management Review. — 1979. — № 4 (4). — Pp. 507—51. — DOI: 10.2307/257851.

Статья поступила в редакцию 07.03.2024,
одобрена после рецензирования 14.04.2024,
подготовлена к публикации 18.04.2024.

References

Batenkov, K. A. (2017). Numerical characteristics of communication network structures. *Proceedings of the SPIIRAN, 4 (53):* 5—28. DOI: 10.15622/sp.53.1. (In Russ.).

Chistova, E. V. (2022). Eco-cognitive model of translation activity: methodological boundaries and perspectives. In: *Proceedings of the Conference Synergy of Languages and Cultures: Interdisciplinary Research.* Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University. 116—128.

Churakov, A. N. (2001). Analysis of social networks. *Sociological research, 1 (1):* 109—121. (In Russ.).

Engeström, Y. (1999). Innovative Learning in Work Teams: Analyzing Cycles of Knowledge Creation in Practice. In: *Perspectives on Activity Theory.* Cambridge: Cambridge University Press. 377—404.

Filippova, I. N. (2013). Reductionism and holism in translation studies. *Modern problems of science and education, 6.* Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10874 (accessed 03/21/2024). (In Russ.).

Garbovsky, N. K., Kostikova, O. I. (2015). Network interaction in translation activities. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22: Theory of Translation, 22 (3):* 3—21. (In Russ.).

Gavrilenko, N. N. (2017). Online learning platform for professionally oriented translation. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences, 4 (775):* 117—127. (In Russ.).

Hu, G., Tao, Y. (2016). Eco-Translatology: A New Paradigm of Eco-translation — A Comparative Study on Approaches to Translation Studies. *Sociology.* 115—132.

Krasnopeyeva, E. S., Kraeva, S. S. (2023). Network Nature of Translation Constellations: Translation Department at a Regional Commercial Enterprise. *Nauchnyi dialog, 12 (8):* 156—178. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-8-156-178 (In Russ.).

Krasnopeeva, E. S. (2018). Translation in terms of mediatization and globality. In: *Mental and linguistic transformations of the Russian linguistic and cultural personality: the search for identity in a mediatized society.* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. 169—194. (In Russ.).

Kristofides, N. (1978). *Graph theory. Algorithmic approach.* Moscow: Mir. 432 p. ISBN 5-9502-0057-8. (In Russ.).

Kushnina, L. V., Pylaeva, E. M. (2014). Ecology of translation: modern trends and approaches. *Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology, 2 (26):* 70—76. (In Russ.).

Latour, B. (2017). On actor-network theory. Some clarifications, supplemented by even greater complications. *Philosophical and literary journal "Logos", 27 / 1 (116):* 173—200. (In Russ.).

Plokhov, D. V., Nikulchev, E. V., Titov, S. A. (2016). Methodology for assessing the impact of social communications on the effectiveness of an innovative project. *Cloud of science, 3 (3):* 444—492. (In Russ.).

Remkhe, I. N., Nefedova, L. A. (2023). Matrix model of cooperative translation. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 22 (3):* 30—42. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.3. (In Russ.).

Risku, H., Windhager, F. (2015). Extended translation: A sociocognitive research agenda. In: *Interdisciplinarity in translation and interpreting process research.* Amsterdam, Netherlands: John Benjamins. 35—47.

Scott, J. (2007). *Social Network Analysis: A Handbook. 2nd ed.* London: Sage Publications. 248 p.

Tichy, N. M., Tushman, M. L., Fombrun, C. (1979). Social network analysis for organizations. *Academy of Management Review, 4 (4):* 507—51. DOI: 10.2307/257851.

The article was submitted 07.03.2024;
approved after reviewing 14.04.2024;
accepted for publication 18.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Селеменева О. А. «Восточный» ономастикон И. А. Бунина-прозаика : иерархичность и системность / О. А. Селеменева, П. С. Потехина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 89—107. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-89-107.

Selemeneva, O. A., Potekhina, P. S. (2024). 'Eastern' Onomasticon of I. A. Bunin Prosaist: Hierarchy and Systematicity. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 89-107. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-89-107. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Восточный» ономастикон И. А. Бунина-прозаика: иерархичность и системность

Селеменева Ольга Александровна [1]
orcid.org/0000-0002-0488-8428
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русской филологии
и журналистики,
корреспондирующий автор
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Потехина Полина Сергеевна [1, 2]
orcid.org/0000-0001-9257-456X
[1] соискатель, кафедра русской
филологии и журналистики;
[2] учитель русского языка и литературы
polina.lysenko7@mail.ru

[1] Елецкий государственный
университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

[2] Арктический лицей
(Новый Уренгой, Россия)

'Eastern' Onomasticon of I. A. Bunin Prosaist: Hierarchy and Systematicity

Olga A. Selemeneva [1]
orcid.org/0000-0002-0488-8428
Doctor of (Philology), Associate Professor,
Department of Russian Philology
and Journalism,
Corresponding author
ol.selemeneva2011@yandex.ru

Polina S. Potekhina [1, 2]
orcid.org/0000-0001-9257-456X
[1] Researcher, Department
of Russian Philology and Journalism;
[2] Teacher of Russian
language and literature,
polina.lysenko7@mail.ru

[1] Bunin Yelets
State University
(Yelets, Russia)

[2] Arctic Lyceum
(Novy Urengoy, Russia)

© Селеменева О. А., Потехина П. С., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу репрезентации художественного образа-топоса Востока у И. А. Бунина. Цель исследования — выявить, классифицировать и систематизировать онимы «восточного» ономастикона писателя. Анализу в работе подвергались прозаические тексты как ориентальной проблематики, так и прямо не связанные с восточной темой. Применялись следующие методы: философско-общелогические (анализ, обобщение, синтез), описательный, таксономический, квантитативный, контекстуального анализа. Установлено, что «восточный» ономастикон Бунина-прозаика представляет собой иерархически организованную структуру, в которой присутствуют различные семантические группы реальных и мифологических имен: антропонимы / мифоантропонимы, топонимы / мифотопонимы, гидронимы / мифогидронимы, библионимы и др. Отмечено, что системность онимов-экспликантов бунинского Востока обеспечивается экстралингвистическими и лингвистическими факторами: авторской пресуппозицией, фоновыми знаниями читателя, внутритекстовыми и межтекстовыми связями онимов. Авторы приходят к выводу, что многочленные топонимические ряды, синонимия хоронимов и теонимов, перекрещивающиеся астионимические и мифоантропонимические ряды поэзии и прозы, онимы-интертекстемы свидетельствуют о синкретичности художественного образа-топоса бунинского Востока, его представленности частными геокультурными образами пространств Египта, Турции, Палестины, Индии и т. д.

Ключевые слова:
И. А. Бунин; геокультурный образ-топос Востока; реальные и ирреальные онимы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the representation of the artistic image-topos of the East in the works of I. A. Bunin. The research aim is to identify, classify, and systematize the onyms of the writer's 'Eastern' onomasticon. Prosaic texts related to oriental themes and those unrelated to the Eastern topic were analyzed in the study. The following methods were employed: philosophical-logical (analysis, generalization, synthesis), descriptive, taxonomic, quantitative, and contextual analysis. It was established that Bunin's 'Eastern' onomasticon is a hierarchically organized structure containing various semantic groups of real and mythological names: anthroponyms / mythoanthroponyms, toponyms / mythotoponyms, hydronyms / mythohydronyms, biblionyms, etc. It is noted that the systematicity of the explicant onyms of Bunin's East is ensured by extralinguistic and linguistic factors: authorial presupposition, reader's background knowledge, intratextual and intertextual connections of onyms. The authors conclude that the multifaceted toponymic series, the synonymy of choronyms and theonyms, the intersecting astionymic and mythoanthroponymic series in poetry and prose, and the onyms-intertextems indicate the syncretism of the artistic image-topos of Bunin's East, its representation by specific geocultural images of spaces such as Egypt, Turkey, Palestine, India, etc.

Key words:
Ivan Bunin; geocultural image-topos of the East; real and unreal onyms.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’42:821.161.1Бунин.08
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-89-107

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

«Восточный» ономастикон И. А. Бунина-прозаика: иерархичность и системность

© Селеменева О. А., Потехина П. С., 2024

1. Введение = Introduction

Художественное сознание И. А. Бунина по критерию охвата изображенного и спектру освоения «культурных, литературных, религиозно-философских традиций» представляет универсалистский тип, ориентированный на синтез различных ценностных и эстетических смыслов [Пращерук, 2020, с. 30], регулярное сопряжение национального и инонационального начала. Воспроизведенные и редуцированные сюжеты этнических мифов, священных текстов мировых религий, произведений устного народного творчества находят место в прозе и поэзии писателя.

Особую роль в формировании мировоззрения, миропонимания и эстетики И. А. Бунина сыграл ориентализм, к изучению которого в разное время и в разных аспектах (буддийские и исламо-арабские мотивы, ветхозаветные и новозаветные реминисценции и цитаты, концепция бытия мира в контексте восточных учений, особые восточные образы и т. д.) обращались Дж. Вудворд [Woodward, 1970], Т. Г. Марулло [Marullo, 1998], О. С. Чебоненко [Чебоненко, 2004], Э. Каримириаби [Каримириаби, 2015], М. Яхьяпур [Яхьяпур и др., 2021], К. В. Анисимов [Анисимов, 2022], Лю Юаньюань [Лю, 2022] и т. д.

Несмотря на незатухающий интерес отечественных и зарубежных — английских, американских, иранских, китайских и др. — литературоведов к проблеме ориентального начала в художественном наследии писателя, в лингвистике средства репрезентации бунинского многоликого Востока практически не изучены и не подвергнуты систематизации. Хотя спорадически встречаются работы, посвященные функционированию экзотической лексики, арабских и тюркских слов в лирических и прозаических текстах автора [Ван Хаои и др., 2016; Таирова, 2020], особенностям некоторых субстантивов-номинантов концепта «Восток» [Хашимов, 2006; Мацкевич, 2014], метафорическим моделям, использующим восточные образы [Руднева, 2011]. Например, Р. И. Хашимов утверждает, что лексемы-репрезен-

CC BY

танты концепта «Восток» в художественном наследии И. А. Бунина, называя «инонациональную или инокультурную реалию», «окрашиваются в “родные” и понятные образы» [Хашимов, 2006, с. 33]. С. М. Мацкевич, обращаясь к апеллятиву *восток в* языке бунинских произведений, указывает на присутствие в его значении не только базовой семы ‘пространство’, но и сем ‘особый мир’, ‘другое население’, ‘непознанное’, ‘путешествие’, ‘жажда нового’ [Мацкевич, 2014, с. 46]. Ван Хаои и А. Г. Маслова выделяют 5 тематических групп слов, участвующих в создании образа Востока в бунинском рассказе «Братья»: этнонимическую (*индус*, *сингалез*, *малаец* и др.), религиозную (*Будда*, *Мару*, *кумирня* и др.), этнографическую (*рикша*, *рупия*, *бетель* и др.), топонимическую (*Анарадхапур*, *река Келани*, *остров Мадура* и др.) и природоописательную (*камфара*, *эбеновое дерево*, *мускус* и др.) [Ван Хаои и др., 2016, с. 247—249]. А О. В. Руднева среди артефактных метафор при репрезентации концепта ЖЕНЩИНА в художественном дискурсе писателя обнаруживает метафору «женщина — арабский кувшин» [Руднева, 2011, с. 30].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель нашего исследования — выявить, классифицировать и систематизировать онимы, выступающие репрезентантами геокультурного образа-топоса Востока в прозаических текстах И. А. Бунина.

Под ***геокультурным образом-топосом Востока*** мы будем понимать тот многослойный художественный образ пространства Востока, одновременно языческого, исламского и библейского [Пращерук, 2020, с. 30], в состав которого входят геоцивилизационный (географическое положение, организация быта, менталитет и т. д.), культурно-исторический (факты истории, культуры), религиозно-философский (учения, символы, религиозные традиции и т. д.), нравственно-этический (ценности, мировоззренческие убеждения и др.) компоненты. Этот образ-топос отражает особенности индивидуально-авторского осмысления действительности И. А. Буниным и эксплицируется специально отобранной писателем системой языковых единиц, взаимодействующих между собой на уровне микро- (одного произведения) и / или макроконтекста (группы художественных текстов, всего художественного наследия).

Некоторые геокультурные образы пространств Палестины, Египта в художественной картине мира И. А. Бунина уже становились объектом филологических исследований [Трубицина, 2018; Мулахи и др., 2021; Мулахи, 2023]. Так, Н. А. Трубицина геокультурный образ Иудеи определяет как достоверный, индивидуально-авторский, связанный «с метафизическим понятием “Святая Земля”» [Трубицина, 2018, с. 95—97]. А С. Му-

CC BY

лахи, Е. Н. Ельцова и С. М. Пинаев отмечают, что в бунинской поэзии геокультурный образ Египта органично вписан, с одной стороны, «в мир гармонии природы, религии и быта», а с другой — «в восточное мистическое учение о борьбе света и тьмы» [Мулахи и др., 2021, с. 251].

Однако названные работы являются литературоведческими. Исследование языковых средств репрезентации рассматриваемых в них геокультурных образов пространств либо не проводится [Трубицина, 2018], либо ограничивается констатацией использования «городской ономастики» [Мулахи и др., 2021, с. 245]. Поэтому изучение лингвистической составляющей выявленных в индивидуально-авторской картине мира Бунина-художника «восточных» геокультурных образов-топосов представляется перспективным. Первые шаги на этом пути были сделаны нами: теонимы из древнеегипетских мифов о гелиопольской эннеаде (*Озирис*, *Сет*, *Ястреб-Гор* и др.) были рассмотрены в качестве репрезентантов геокультурного образа-топоса Древнего Египта в бунинской лирике 1903—1907 годов [Селеменева, 2023], а реальные и мифологические топонимы типа *Ливан*, *Египет*, *Тунис*, *сады Рихи*, *Рай*, *Град Небесный* и некоторые др. — в качестве маркеров образа-топоса Востока в бунинской прозе [Потехина, 2023].

Фактическим материалом данного исследования служат прозаические тексты И. А. Бунина трех групп: 1) собственно ориентальной проблематики: «Тень птицы» (1907—1911), «Копье Господне» (1913), «Братья» (1914), «Скарабеи» (1924) и др.; 2) произведения с ведущим мотивом путешествия: «Господин из Сан-Франциско» (1915), «Сны Чанга» (1916), «В ночном море» (1924) и др.; 3) некоторые усадебные тексты, в которых тоже обнаруживаются лексемы, принадлежащие «восточному» ономастикону: «Аглая» (1916), «Последняя весна» (1916), «Жизнь Арсеньева» (1949) и др.

Всего методом сплошной выборки из 2,524 условно-печатных листов собрания сочинений И. А. Бунина в 6-ти томах (Москва : Художественная литература, 1987—1988) было собрано 557 художественных онимов, составивших авторскую картотеку примеров и систематизированных с использованием электронных таблиц Microsoft Exel 2016.

При интерпретации языкового материала использовались *философско-общелогические методы* (анализ, обобщение и синтез при наблюдении за ономастиконом И. А. Бунина); *описательный метод* (при установлении основных характеристик онимов); *таксономический метод* (при классификации онимов, выстраивании иерархической системы единиц); *метод контекстуального анализ*а (для прояснения семантики проприальной единицы в случаях зависимости от контекста); *квантитативный метод* (при определении частотности имен собственных различной семантики).

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предметно-номинативная классификация «восточного» ономастикона в прозаических текстах И. А. Бунина

Для репрезентации геокультурного образа Востока И. А. Бунин использует разветвленную систему имен собственных. При всем многообразии уже имеющихся в лингвистике классификаций онимов — хронологическая, этимологическая, стилистическая, эстетическая и др. — наиболее приложимой при создании модели «восточного» индивидуально-авторского художественного ономастикона считаем предметно-номинативную классификацию, которая отражает принцип иерархичности, многоступенчатости анализируемой структуры. В ее основу положены следующие критерии: а) реальность ~ ирреальность объекта номинации, б) вид именуемого объекта (город / человек / божество / водоем / регион / горная цепь / животное / птица и др.).

В результате состав «восточного» ономастикона бунинской прозы формируется двумя большими группами имен: реальными и ирреальными (или мифологическими).

Реальные онимы (или реалонимы) включают семь основных семантических подгрупп: антропонимы, топонимы, гидронимы, библионимы, хрононимы, фитонимы, хрематонимы.

Антропонимы представлены преимущественно именами египетских, арабских, турецких, индийских, персидских политических, государственных и военных деятелей, писателей, философов, западных ученых, изучавших восточную культуру: *Абд-эль-Кадер* (арабский эмир, ученый), *Клеопатра* (имя последней царицы эллинистического Египта из династии Птолемеев), *Сулейман* (имя десятого султана Османской империи, сына Селима I), *Рамзес Великий* (фараон Древнего Египта из XIX династии), *Мариетт* (французский египтолог, получивший в середине XIX века от египетских властей монополию на археологические исследования в стране), *Саади* (персидский поэт) и др.

Пласт топонимической лексики у Бунина-ориенталиста очень дифференцирован и сформирован хоронимами (*Палестина*, *Персия*, *Судан*, *Тунис*, *Турция*, *Эфиопия* и др.), астионимами (*Абудис*, *Багдад*, *Газа*, *Обок*, *Ур*, *Фостат*, *Стамбул*, *Суэц*, *Харбин*, *Хеврон*, *Ятриб* и др.), комонимами (*Керак*, *Масара*, *Неби-Шит*, *Штора* и др.), урбанонимами (*Площадь Консулов*, *Чарша*, *Шериф-Паша* и др.), экклезионимами (*мечеть Омара*, *Голубиная мечеть Баязета*, *Эль-Азхар*, *Капернаумская синагога* и др.), оронимами (*Абиссинские горы*, *Кармил*, *ущелье Кельта*, *Михинтале*, *гора Нево*, *Синай* и др.), инсулонимами (*Мармора*, *Перим*, *Филиппинские острова*,

CC BY

Цейлон, *Ява* и др.), дримонимами (*Кедры*, *сады Рихи*, *сад Гордона, Роща Магамега* и др.).

В индивидуально-авторской картине мира одновременно функционируют и современные писателю именования государств, областей, регионов, поселений, а также их исторические названия. Например, *Персия* — древнее название страны в Юго-Западной Азии, происходящее от этнонима *персы*, с 1935 года официальное название страны — *Иран* [Поспелов, 2002, с. 172], или *Форстат* — древний город (от римского *фоссатум*, что означает ‘лагерь’) на месте современного *Каира* [Олдридж, 2010, с. 37].

Среди гидронимов обнаруживаются океанонимы (*Индийский океан*), пелагонимы (*Красное море*, *Мраморное море*, *Средиземное море*), потамонимы (*Нил*, *Мухавели*, *Келани*) и лимнонимы (*Галилейское море*, *Мертвое море*).

Библионимы представлены названиями религиозно-философских трактатов, священных текстов индуизма, буддизма, ислама, иудаизма, христианства и др.: *Веды* (сборник самых древних священных писаний индуизма на санскрите), *Екклезиаст* (книга, входящая в состав Танаха и Ветхого Завета), *Второзаконие* (последняя книга Пятикнижия Моисея), *Книга Руфь* (пятая книга раздела Ктувим еврейской Библии) и др.

Для названий книг, входящих в «восточный» бунинский ономастикон, отмечаем процессы редуцирования, сокращение состава и трансформирования графико-фонетического облика. Например: «*Песнь Песней*» вместо «*Песни Песней Соломона*» (книга, входящая в состав Танаха и Ветхого Завета [Песни Песней Соломона]); «*Гилльюн*» вместо «*Гулистан*» (поэма Саади, написанная в 1258 году на фарси [The Gulistan of Sa’di]). В этой группе встречаются и отапеллятивные образования, выступающие контекстуальными синонимами к знакомым читателю названиям собраний текстов Священного Писания, содержащего мифы и догматы иудейской и христианской религий и состоящего из Ветхого и Нового Завета: библионим *Книга Книг* и его редуцированный вариант *Книга.* Например: *Там*, *в вечной Книге Книг*, *так и сказано*: *навсегда* [Бунин, 1988, т. 4, с. 453].

К хрононимам относим лексемы *Великий пост* (в православном календаре многодневный пост для подготовки христиан к празднованию Пасхи), *Шавваль* (месяц после Рамадана), *Шаму* (в древнеегипетском календаре время тепла, жары), *Великая суббота* (суббота Страстной седмицы, посвященная воспоминанию погребения и пребывания во гробе тела Иисуса Христа) и др.; к фитонимам — *Роза Иерихона* (название нескольких видов однолетних пустынных растений, высыхающих после созревания семян и образующих шары), *Платан Янычар* (платан в одном из дворов Старого Сераля в Стамбуле) и др.; к хрематонимам — *Сфинкс* (памятник с головой человека и телом льва, вырубленный из скалы), *Всевидящее Око* (в ико-

CC BY

нописи сложная символико-аллегорическая композиция, символизирующая Всевидящего Бога), *колонна Константина Багрянородного* (обелиск в Стамбуле) и др.

Подгруппа ирреальных онимов не менее дифференцирована по своему составу, чем группа реальных онимов, и включает девять подгрупп: мифоантропонимы, мифотопонимы, теонимы, демононимы, мифофитонимы, мифохрематонимы, мифохрононимы, мифоорнитонимы, мифоперсонимы.

Мифоантропонимы представлены именами персонажей священных книг авраамических религий (иудаизм, христианство, ислам), оригинального учения буддизма: *Авраам* (сын Фарры, родоначальник евреев и различных арабских племен), *Ева* (в авраамических религиях праматерь всех людей), *Ясодхара* (жена принца Сиддхартхи Гаутамы), *Саурид* (легендарный царь из средневековых исламских преданий, который жил до Великого потопа) и др.

Мифотопонимы семантически неоднородны и представлены мифомакротопонимами (*Царство Небесное*, место пребывания Бога, святых, ангелов), мифохоронимами (*Шеол*, ад, обитель мертвых), мифоастионимами (*Сигор*, небольшой библейский ветхозаветный город, расположенный недалеко от Содома); мифодримонимами (*Эдем*, райский сад в древнееврейских религиозных текстах).

Теонимы, используемые Буниным-ориенталистом, отсылают читателей к древнеегипетским, древнеарабским, шумерским мифам, религиозно-философским текстам вишнуизма, шиваизма, буддизма: *Астарта* (греческий вариант имени богини любви и власти Иштар), *Вишну* (верховное божество в вишнуизме), *Эль-Лат* (древнеарабская и шумерская богиня неба и дождя), *Шива* (один из главных богов в индуизме, главный бог в шиваизме), *Мара* (в буддийской мифологии божество, персонифицирующее зло) и др. Среди них обнаруживаются уникальные индивидуально-авторские билексемы и полилексемы. Например, *Солнце-Ваал* (и его вариант *Ваал-Солнце*) или *Амон-Ра-Гормахис*. В энциклопедических справочниках отмечается, что Ваал — «грецизированная передача библейского “Баал”, возникшего из первоначального “Балу”» [Мифы…, 1998, т. 1, с. 206], обычно бог-громовержец, бог плодородия. Но у Бунина-ориенталиста Ваал — солярное божество, отсылающее, полагаем, к финикийскому Баалу-Хаммону («финик. bʻlhmn, “хозяин-жаровик”» [Мифы…, 1998, т. 1, с. 149]). Амон изначально в фиванской триаде — бог солнца, муж богини неба Мут и отец бога луны Хансу; в эпоху Нового царства (16—14 вв. до н. э.) Амон отождествляется с Ра (Амон-Ра фигурирует в «Текстах пирамид») и возглавляет гелиопольскую эннеаду, позже — с Гором (Амон-Ра-Гарахути) [Мифы…, 1998, т. 1, с. 70—71]. *Гармахис* — латинизированная форма

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

(лат. *Harmakhis*, «Гор обоих горизонтов») имени Гора [Гармахис, 1892, с. 131]. Таким образом, билексемы-варианты *Солнце-Ваал / Ваал-Солнце* и полилексема *Амон-Ра-Гормахис* в бунинском «восточном» ономастиконе включаются наряду с именами *Агни*, *Бальдер*, *Датар*, *Митра*, *Ормузд* и др. в круг средств-маркеров левого члена бинарной перцептивно-аксиологической оппозиции «свет / огонь — тьма».

К демононимам относим *Михаил Архангел* (главный архангел в авраамических религиях), *Сатана* (дьявол, антагонист Бога в иудаизме и христианстве), *Гавриил* (один из архангелов, составляющих 8-й чин ангельских сил) и др.; к мифофитонимам — *Дерево Шала* (в индуистской традиции священное дерево), *древо Заккум* (в Коране адское древо); к мифохрематонимам — *Ковчег Завета* (священный объект из Ветхого Завета, представляющий собой переносной ящик с каменными скрижалями Завета); к мифохрононимам — *День Суда и Воздаяния* (в исламской эсхатологии день Божьего суда); к мифоорнитонимам — *Хумай* (в иранской и арабской мифологиях волшебная птица); к мифоперсонимам — *Смерть* (физическая сущность женского пола, мифологический персонаж).

Выделенные семантические подгруппы онимов обладают разной степенью продуктивности. Так, реалонимы (рис. 1) в прозаических текстах И. А. Бунина представлены 426 лексическими единицами, что составляет 76 % имен авторской картотеки примеров. Наиболее продуктивной семантической подгруппой являются топонимы (77 %). Это обусловлено тем, что именно реальные топонимы и создают географическое пространство текста, и выступают носителями культурно-исторического контекста.

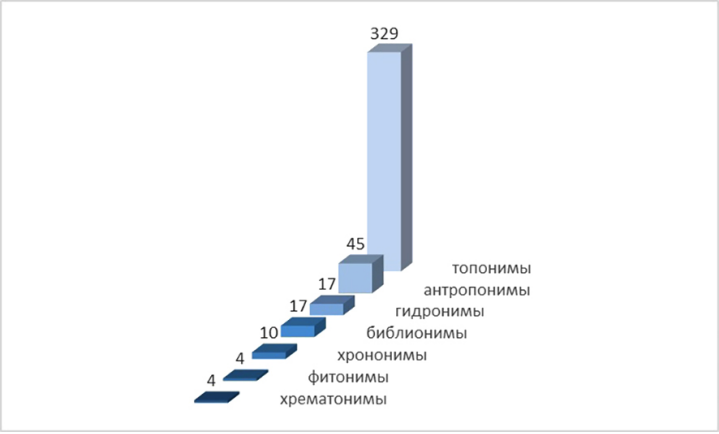

Рис. 1. Реалонимы

CC BY

Мифонимы включают 131 единицу, то есть 24 % от состава всех собранных лексем (рис. 2). Здесь самыми частотными подгруппами выступают мифоантропонимы (51 %) и теонимы (23 %). Их активность мы связываем с интертекстуальной природой, прецедентным характером. Именно так писатель «сквозь призму общечеловеческих, архетипических понятий и мотивов» расширяет границы читательского восприятия и понимания художественного текста [Гойко, 2020, с. 145].

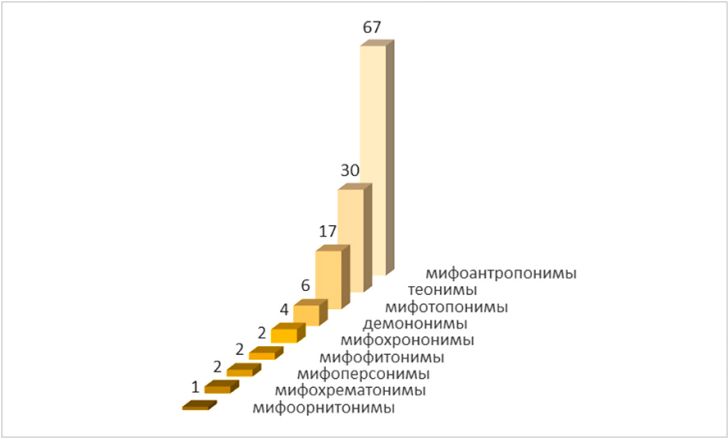

Рис. 2. Мифонимы

3.2. Системность «восточного» ономастикона в бунинской прозе

Выделенные в прозе И. А. Бунина семантические группы онимов разной частотности не существуют изолированно друг от друга, а образуют упорядоченную систему благодаря предтекстовым пресупозициям; фоновым знаниям читателя о связанных с ориентальной темой местах, людях, мифологических персонажах и т. д.; текстовым связям имен собственных на уровне микро- и макроконтекстов прозаических текстов, на уровне всего художественного наследия писателя (проза и поэзия); интертекстуальным связям бунинских текстов с текстами этнических мифологий, религиозно-философской литературы, фольклора.

Поскольку понятие пресуппозиции с момента появления в работах Г. Фреге трактовалось неоднозначно, отметим, что мы, вслед за Н. С. Валгиной, под ***предтекстовыми пресуппозициями*** имеем в виду тот компонент смысла текста, который находится за его пределами и представляет «результат знания и опыта» автора [Валгина, 2003, с. 7]. Известно, что у И. А. Бунина был богатый опыт постижения, осмысления религиозно-философских,

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

нравственно-этических, эстетических ценностей восточной культуры. Такое предварительное писательское знание актуализируется уже на этапе знакомства читателя с названием художественного текста, его жанровой принадлежностью. Например, в названии рассказа «Храм Солнца» (1909) из цикла путевых очерков «Тень птицы», вдохновленных путешествием И. А. Бунина по Ближнему Востоку в 1903—1909 годах, аккумулировано предварительное знание писателя о Востоке как «царстве Солнца», о поклонении солярным божествам в египетской мифологии — Амон, Ра, Гор, ханаанской — Баал, персидской — Митра и др., о Солнце как символе Колеса Жизни в шумеро-семитской, индуистской, иранской традициях.

Процесс понимания художественного текста «диалогичен», поэтому системность «восточного» ономастикона Бунина-прозаика обеспечивается и фоновыми знаниями читателя-интерпретатора о чужой культуре, которые помогают ему декодировать бóльшую часть единиц авторского тезауруса. Например: *Там есть два камня* ***из Мекки*** *— один сиреневый, другой розовый — и на них следы* ***Магомета*** [Бунин, 1987, т. 3, с. 531] (астионим *Мекка* именует город на западе Саудовской Аравии, который является центром паломничества для мусульман; а мифоантропоним *Магомет* — основателя ислама и первой мусульманской уммы, последнего пророка, передавшего миру Коран); *Сады уже одеваются*, *млеют под солнцем*, *а море точно северное*, *низкое*, *ледяное*, *заворачивает крутой зеленой волной*, *все в барашках*, *вдали тонет в сизой мути*, *одним словом*, ***Понт Эвксинский*** [Бунин, 1988, т. 5, с. 356] (пелагоним *Понт Эвксинский* — древнегреческое название Черного моря, то есть Πόντος Εὔξεινος — «Гостеприимное море» [БРЭ]).

При всей важности для системности индивидуально-авторского «восточного» ономастикона указанных экстралингвистических факторов, все же основным определяющим средством выступают текстовые связи топриальных лексем на уровне микро- и макроконтекстов, всего художественного наследия писателя.

Регулярно в рамках микроконтекстов Бунин-прозаик одновременно использует реальные и ирреальные онимы, за счет чего геокультурный образ-топос Востока предстает вещественным, предметно детализированным и в то же время химерным, нечетко локализованным во времени и пространстве, выходящим за рамки традиционных этнографических и культурологических понятий. Например: *За* ***Суаном*** *видел я малый* ***остров Изиды*** *и два храма Ее*, *дальше — черную* ***Нубию*** *и* ***Пороги нильские*** [Бунин, 1988, т. 5, с. 522]; *В знойном неоглядном просторе открываются оттуда огнем горящие на юге и теряющиеся в блеске неба и солнца воды*, *поглотившие* ***Содом*** *и* ***Гоморру***; *за ними — таинственная светоносная* ***Аравия*** [Бунин, 1987, т. 3, с. 552].

CC BY

При репрезентации непосредственно географической составляющей образа Востока писатель формирует двучленные и многочленные топонимические ряды. Например: *Вот старая*, *старая карта земного шара. Опять гляжу на нее… и опять вспоминаю*: ***город Царя Царей***, ***Анарадхапура***… [Бунин, 1988, т. 4, с. 288] (*Анарадхапура* — город в Шри-Ланке, построенный сингалами в V в. до н. э.). В подобных рядах проприальные единицы, окказиональные и / или узуальные, нередко заимствованы из разных источников, хотя именуют один и тот же объект внеязыковой действительности. Например: *А впереди* — ***долина Солнца***, ***долина Авен***, ***Келесирия*** [Бунин, 1987, т. 3, с. 575]. В приведенном примере историческая область на юге Сирии названа и *Келесирией*, и *долиной Авен*, и *долиной Солнца*. Причем фактическое географическое название — топоним *Келесирия* — используется последним, а открывается ряд индивидуально-авторским отапеллятивным оронимом *долина Солнца*, который, с одной стороны, служит прямой отсылкой к месту почитания бога солнца — Баальбеку, Илиополю, а с другой — представляет традиционный для художественной картины мира И. А. Бунина архетипический образ — образ Солнца, Света, побеждающего Тьму. Еще один ороним — *долина Авен* — заимствован писателем из Книги пророка Амоса: «И сокрушу затворы Дамаска, и истреблю жителей долины Авен…» [Амоса, 1:5]. Однако имеющиеся в священных текстах отрицательные коннотации ‘ничтожество’, ‘суетность’ названной топонимической единицы (ведь пророк предсказывал неминуемые бедствия сириянам за идолослужение Ваалу) у писателя исчезают. Попадая в интерпозитивное положение в топонимическом ряду (между *долина Солнца* и *Келесирия*), указанная единица, напротив, аккумулирует положительное начало бинарной оппозиции «Свет — Тьма».

На уровне макроконтекстов прозы И. А. Бунина существуют двучленные или многочленные синонимические ряды онимов, в состав которых включаются разноструктурные единицы: простые (одно слово), сложные (билексема), составные (два слова). Синонимия имен «восточного» ономастикона отмечена для следующих семантических подгрупп реальных и ирреальных онимов: хоронимов, теонимов, мифоантропонимов, мифодримонимов, демононимов. Например: *Христос — Царь — Бог — Сын — Христос-бог* (билексема явно делает акцент на божественной ипостаси Иисуса, а не человеческой); *Матерь Божия — Царица Небесная*; *Гор — сын Солнца* (индивидуально-авторский теоним указывает на то, что Гор — одно из солярных божеств); *Египет — Страна Жизни — Страна Солнца*; *Эдем — Сад* (небесный); *Иоанн — Иван Креститель*; *Сатана — Дьявол* и др.

Часть единиц-репрезентантов геокультурного образа Востока встречается не только в бунинской прозе, но и в поэзии, образуя перекрещиваю-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

щиеся астионимические (*Медина — Стамбул — Назарет — Баальбек — Газа — Вифлеем*), мифоантропонимические (*Адам — Ева — Иаков — Каин — Магомет*), теонимические (*Ра — Ваал — Гор — Иисус Христос*) и иные ряды. Такие ряды являются открытыми, поскольку модель геокультурного образа Востока в художественном наследии И. А. Бунина еще не создана.

Системность бунинского «восточного» ономастикона обеспечивается и способностью входящих в него единиц реализовывать интертекстуальные связи. Например, при репрезентации места события писатель использует составные топонимы, в качестве структурообразующего элемента которых выступают мифонимы. Такие имена собственные обладают широким этнокультурным фоном и межтекстовыми связями. Например: *Под его водительством сурии вторглись по Мосту Адама в царство Авеля* [Бунин, 1988, т. 4, с. 290]. В приведенном контексте при описании вторжения на Цейлон арийской армии под предводительством мифического царя Виджаи инсулоним *Мост Адама* именует цепь отмелей и островов в Индийском океане, между Индостаном и Шри-Ланкой [ССГН, 2003, с. 13]. Он становится интертекстемой, отсылающей одновременно к мусульманским преданиям, согласно которым именно по этому мосту шел на полуостровную Индию Адам, изгнанный из Рая, и санскритскому эпосу Рамаяна, в котором упоминался мост, построенный главным божеством индуизма Рамой, чтобы добраться до столицы-крепости царя Раваны и спасти супругу Ситу [Адамов мост, 1890, с. 159]. Аллюзией на ветхозаветный сюжет о братоубийстве служит топоним *царство Авеля*, замещающий традиционное географическое имя *Цейлон*. Контаминируя онимы разного уровня прецедентности из христианских, исламских и буддийских легенд, писатель создает индивидуально-авторский миф и особое культурно-географическое пространство, на фоне которого этот миф реализуется.

Анализ единиц «восточного» ономастикона Бунина-прозаика показывает, что его геокультурный образ Востока синкретичен. Об этом свидетельствует, например, регулярное использование в текстах топонимов-синонимов из разных источников, а также индивидуально-авторских билексем, построенных по модели «имя собственное (один источник) + имя собственное (второй источник)». Например, ср. следующий ряд: … *Обелиск розового гранита, когда-то стороживший вход в храм Солнца в* ***Гелиополе***… [Бунин, 1987, т. 3, с. 513]. — *На месте* ***Она***, *ныне покрытом хлебами, пальмами и хижинами арабской деревушки Матариэ, среди оаза… одиноко стоит десятисаженный обелиск, на треть утонувший в земле, изъеденный иероглифами и облепленный гнездами ос* [Бунин, 1987, т. 3, с. 532]. — …*Дорога мимо погостов ведет по пустыне к обелиску*

CC BY

Гелиополя-Она [Бунин, 1987, т. 3, с. 531]. Употребленные в приведенных контекстах астионимы *Гелиополь*, *Он*, *Гелиополь-Он* именуют один из городов Древнего Египта, расположенный к северо-востоку от современного Каира. Однако *Гелиополь* происходит от греческого названия Ἡλιούπολις, поскольку греки отождествляли своего Гелиоса с солярными богами-демиургами Древнего Египта — Атумом и Ра [БЭБ]; *Он* (на иврите אָוֶן, וְאָ) отсылает к тексту Ветхого Завета, где указано, что, когда Иосиф был высокопоставленным чиновником в Египте, он женился на Асенефе, дочери Потифера, жреца из Она [Бытиé, 41:45]; а вот *Гелиополь-Он* — уже окказиональное образование, которое мы не находим в художественных картинах мира других отечественных авторов [НКРЯ].

Или И. А. Бунин может употреблять ряд теонимов из разных пантеонов, не просто контекстуально сближая их, а встраивая в один синонимический ряд с индивидуально-авторской доминантой, возникшей как результат семантической онимизации апеллятивов. Например: *А это называйте, как хотите* — ***Роману***, ***Вишну***, ***Фта... Дух Жизни***, *одним словом* [Бунин, 1987, т. 2, с. 129]. Если *Роману* (Рамман) — бог, олицетворяющий гибельные и плодоносные силы природы в вавилоно-ассирийской мифологии, *Вишну* — бог-хранитель и защитник священной природы в вишнуизме, то *Фта* — божество жизни, творец мира в древнеегипетской мифологии. Контекстуальная синонимия мифологических имен основана, очевидно, на семах ‘сверхъестественность’, ‘рождать’, ‘сущее’, которые аккумулированы и в окказиональном отапеллятивном составном теониме *Дух Жизни*.

4. Заключение = Conclusions

Анализ и интерпретация собранного языкового материала из прозаических текстов И. А. Бунина приводят нас к нескольким ключевым выводам:

1) индивидуально-авторскому «восточному» ономастикону писателя свойственны иерархичность и системность;

2) иерархичность понимается как «этажность», «ступенчатость» организации, которая отражается в предметно-номинативной классификации, когда на первой «ступени» выделяются реальные и ирреальные онимы; на второй — основные семантические подгруппы реалонимов (7 подгрупп) и мифонимов (9 подгрупп); а на третьей — уже мелкие таксоны семантических групп второго «этажа» (топонимы — астионимы, комонимы, урбанонимы, инсулонимы, дримонимы и др., гидронимы — океанонимы, пелагонимы, потамонимы и др.);

3) степень продуктивности единиц ономастикона Бунина-ориенталиста различна; к наиболее продуктивным относим топонимы (59 %), мифоантропонимы (12 %), антропонимы (8,1 %) и теонимы (5,4 %);

4) реалонимы обеспечивают детализированность образа-топоса Востока, а мифонимы — масштабность и вневременной характер;

5) системность «восточного» ономастикона создается как экстралингвистическими (авторская пресуппозиция, фоновые знания читателя), так и собственно лингвистическими факторами (внутритекстовые и межтекстовые связи онимов), которые проявляются в двучленных и многочленных топонимических рядах; синонимии хоронимов, теонимов, мифоантропонимов, мифодримонимов, демононимов; перекрещивающихся астионимических, мифоантропонимических, теонимических рядах бунинской поэзии и прозы; онимах-интертекстемах.

Синкретичность геокультурного образа Востока, его сформированность серией локальных художественных образов пространств позволяет наметить перспективы исследования: во-первых, выявление систем онимов-репрезентантов геокультурных образов Турции, Палестины, Индии и др.; а во-вторых, конструирование непротиворечивой модели образа-топоса Востока художественной картины мира И. А. Бунина в целом путем вычленения и описания всех лексических средств его экспликации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Адамов* мост // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — Санкт-Петербург : Семеновская Типо-Литография, 1890. — С. 159.

2. *Амóса*. Глава 1 (Ам. 1) на русском языке. Ветхий Завет. Синодальный перевод Библии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://azbyka.ru/biblia/?Am.1 (дата обращения 14.02.2024).

3. *Бунин И. А.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Произведения 1887—1909 г. / Статья-послесловие О. Михайлова ; Коммент. В. Титовой. — Москва : Художественная литература, 1987. — Т. 2. — 511 с.

4. *Бунин И. А.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Повести и рассказы 1907—1914 / Редкол. : Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич ; Подгот. текста и коммент. А. Бабореко ; Статья-послесловие Л. Крутиковой. — Москва : Художественная литература, 1987. — Т. 3. — 671 с.

5. *Бунин И. А.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Произведения 1914—1931 / Редкол. : Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич ; Статья-послеслов. и коммент. А. Саакянц. — Москва : Художественная литература, 1988. — Т. 4. — 703 с.

6. *Бунин И. А.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи ; Рассказы 1932—1952 / Редкол. : Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич ; Подгот. текста и коммент. А. Бабореко ; Статья-послесловие А. Саакянц. — Москва : Художественная литература, 1988. — Т. 5. — 639 с.

7. БРЭ — *Большая* российская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3158165 (дата обращения 23.02.2024).

8. *Bytié.* Глава 41 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://azbyka.ru/biblia/?Gen.41 (дата обращения 16.02.2024).

9. БЭБ — *Библейская* энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринекер, Г. Майер. — Москва : Российское Библейское Общество, 1999. — 1088 с. — ISBN 978-5-0000-0000-0.

10. *Гармахис* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Гальберг — Германий. — Санкт-Петербург : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. — Т. VIII. — С. 131.

11. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru (дата обращения 15.02.2024).

12. *Мифы* народов мира. Энциклопедия : в 2-х тт. / Гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — Т. 1. — 672 с.

13. *Олдридж Д.* Каир. Биография города / Д. Олдридж ; пер. с англ. О. Орестова. — Москва : АСТ, Астрель, 2010. — 349 с. — ISBN 978-5-17-069543-0.

14. *Песни* Песней Соломона [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://azbyka.ru/biblia/?Song.1 (дата обращения 14.02.2024).

15. *Поспелов Е. М.* Географические названия мира : Топонимический словарь / Е. М. Поспелов ; отв. ред. Р. А. Агеева. — Москва : Русские словари, 2002. — 512 с. — ISBN 5-89216-029-7.

16. ССГН — *Словарь* современных географических названий / Под ред. акад. В. М. Котлякова; Институт географии РАН. — Екатеринбург : У-Фактория, 2003. — 829 с.

17. *The Gulistan* of Sa'di [Electronic resource] // The Internet Classics Archive. — Access mode : http://classics.mit.edu/Sadi/gulistan.html (accessed 12.11.2023).

Литература

1. *Анисимов К. В.* Ближний Восток И. А. Бунина и Африка Н. С. Гумилева : путешествия по «карте» литературных школ / К. В. Анисимов // Имагология и компаративистика. — 2022. — № 17. — С. 237—265. — DOI: 10.17223/24099554/17/12/.

2. *Валгина Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003. — 278 с. — ISBN 5-94010-187-9.

3. *Ван Хаои.* Ориентальная лексика в рассказе И. А. Бунина «Братья» / Ван Хаои, А. Г. Маслова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2016. — № 2—3. — С. 247—250.

4. *Гойко Ю. Н.* Библионимы как знаки интертекстуальности : особенности функционирования в поэтическом тексте / Ю. Н. Гойко // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. — 2020. — № 7. — С. 137—146.

5. *Каримириаби Э.* Восточная лирика И. А. Бунина : истоки, произведения, образы / Э. Каримириаби // Русский язык за рубежом. — 2015. — № 4 (251). — С. 73—78.

6. *Лю Юаньюань.* Буддийская концепция «сансара» в творчестве И. А. Бунина / Лю Юаньюань // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 5. — С. 1344—1353. — DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220268.

7. *Мацкевич С. М.* Концепт и слово «восток» в языке произведений И. А. Бунина : к вопросу об основаниях художественной концептуализации / С. М. Мацкевич // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2014. — № 5. — С. 43—48.

8. *Мулахи С.* Топос Египта в поэзии Серебряного века / С. Мулахи, Е. Н. Ельцова, С. М. Пинаев // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 237—255. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-237-255.

9. *Мулахи С.* Геокультурный образ Северной Африки в русской литературе путешествий конца XIX — начала XX веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / С. Мулахи. — Москва, 2023. — 26 с.

10. *Потехина П. С.* Топонимическая картина мира Бунина-ориенталиста / П. С. Потехина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16. — Выпуск 10. — С. 3173—3178. — DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230494/.

11. *Пращерук Н. В.* о типе художественного сознания И. А. Бунина / Н. В. Пращерук // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология, журналистика. — 2020. — № 4. — С. 30—35.

12. *Руднева О. В.* Метафорическая модель мира в творчестве И. А. Бунина / О. В. Руднева // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 345. — С. 26—33.

13. *Селеменева О. А.* Теонимы как репрезентанты геокультурного образа Древнего Египта в стихотворениях И. А. Бунина 1903—1907 гг. / О. А. Селеменева // Вестник славянских культур. — 2023. — Т. 68. — С. 273—283. — DOI: https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-273-283.

14. *Таирова И. А.* Восточная лексика в поэзии И. А. Бунина / И. А. Таирова // Языки в диалоге культур : проблема многоязычия в полиэтническом пространстве. Сборник научных трудов. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2020. — С. 220—225.

15. *Трубицина Н. А.* Геокультурный образ Иудеи в цикле путевых очерков И. А. Бунина «Тень птицы» / Н. А. Трубицина // Filologos. — 2018. — № 4 (39). — С. 95—99.

16. *Хашимов Р. И.* Концепт «Восток» в поэтическом наследии И. А. Бунина / Р. И. Хашимов // Национальный и региональный «Космо-Психо-Логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И. А. Бунин, Е. И. Замятин, М. М. Пришвин) : научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. — С. 26—33.

17. *Чебоненко О. С.* Восток в художественном сознании И. А. Бунина : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. С. Чебоненко. — Иркутск, 2004. — 28 с.

18. *Яхьяпур М.* Иван Бунин и восточная мистика / М. Яхьяпур, Дж. Карими-Мотаххар // Quaestio Rossica. — 2021. — Т. 9. — № 2. — С. 533—546. — DOI: 10.15826/qr.2021.2.594.

19. *Marullo T. G.* If You see the Buddha : Studies in the fiction of Ivan Bunin / T. G. Marullo. — Evanston : Northwestern University Press, 1998. — 208 p. — ISBN 0-8101-1612-X.

20. *Woodward J.* Eros and Nirvana in the An of Bunin / J. Woodward // The modern language Review. — 1970. — Vol. 65. — № 3. — Pp. 576—586.

Статья поступила в редакцию 23.02.2024,
одобрена после рецензирования 15.04.2024,
подготовлена к публикации 18.04.2024.

Material resources

Adamov Bridge. (1890). In: *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary.* St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography. P. 159. (In Russ.).

Aldridge, D. (2010). *Cairo. Biography of the city.* Moscow: AST, Astrel. 349 p. ISBN 978-5-17-069543-0. (In Russ.).

Amos. Chapter 1 (Am. 1) in Russian. The Old Testament. Synodal translation of the Bible. Available at: https://azbyka.ru/biblia/?Am.1 (accessed 02.14.2024). (In Russ.).

BRE — *The Great Russian Encyclopedia.* Available at: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3158165 (accessed 02.23.2024). (In Russ.).

Bunin, I. A. (1988). *Collected works. In 6 vols., 5. Arsenyev's life. Dark alleys; Short stories 1932—1952.* Moscow: Fiction. 639 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1987). *Collected works. In 6 vols. Novellas and short stories 1907—1914, 3.* Moscow: Fiction. 671 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1987). *Collected works. In 6 vols., 2. Works of 1887—1909.* Moscow: Fiction. 511 p. (In Russ.).

Bunin, I. A. (1988). *Collected works. In 6 vols., 4. Works of 1914—1931.* Moscow: Fiction. 703 p. (In Russ.).

Genesis. Chapter 41. Available at: https://azbyka.ru/biblia/?Gen.41 (accessed 02.16.2024). (In Russ.).

Harmachis. (1892). In: *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Galberg is Germanium, VIII.* St. Petersburg: Typo-Lithography of I. A. Efron. P. 131. (In Russ.).

Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes, 1. (1998). Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 672 p. (In Russ.).

NKRYA — *National Corpus of the Russian language.* Available at: https://ruscorpora.ru (accessed 02/15/2024). (In Russ.).

Pospelov, E. M. (2002). *Geographical names of the world: Toponymic dictionary.* Moscow: Russian Dictionaries. 512 p. ISBN 5-89216-029-7. (In Russ.).

Songs of Solomon's Songs. Available at: https://azbyka.ru/biblia /?Song.1 (accessed 02/14/2024). (In Russ.).

SSGN — *Dictionary of Modern Geographical Names.* (2003). Yekaterinburg: U-Factoriya. 829 p. (In Russ.).

The Brockhaus Bible Encyclopedia. (1999). Moscow: Russian Bible Society. 1088 p. ISBN 978-5-0000-0000-0. (In Russ.).

The Gulistan of Sa'di. *The Internet Classics Archive.* Available at: http://classics.mit.edu/Sadi/gulistan.html (accessed 12.11.2023).

References

Anisimov, K. V. (2022). The Middle East I. A. Bunina and Africa N. S. Gumilyova: travels on the "map" of literary schools. *Imagology and comparative studies, 17:* 237—265. DOI: 10.17223/24099554/17/12/.(In Russ.).

Chebonenko, O. S. (2004). *The East in the artistic consciousness of I. A. Bunin.* Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 28 p. (In Russ.).

Goiko, Yu. N. (2020). Biblionyms as signs of intertextuality: features of functioning in a poetic text. *Proceedings of the Yakut Theological Seminary, 7:* 137—146. (In Russ.).

Hashimov, R. I. (2006). *The concept of "East" in the poetic heritage of I. A. Bunin. In: National and regional "Cosmo-Psycho-Logos" in the artistic world of writers of the Russian Sub-Steppe (I. A. Bunin, E. I. Zamyatin, M. M. Prishvin): scientific reports, articles, essays, notes, abstracts, documents.* Yelets: I. A. Bunin YSU. 26—33. (In Russ.).

Karimiriabi, E. I. (2015). A. Bunin's Oriental lyrics: origins, works, images. *Russian language abroad, 4 (251):* 73—78. (In Russ.).

Liu, Yu. (2022). The Buddhist concept of "samsara" in the works of I. A. Bunin. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 15 (5):* 1344—1353. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220268. (In Russ.).

Marullo, T. G. (1998). *If You see the Buddha: Studies in the fiction of Ivan Bunin.* Evanston: Northwestern University Press. 208 p. ISBN 0-8101-1612-X.

Matskevich, S. M. (2014). Concept and the word "East" in the language of I. A. Bunin's works: on the question of the foundations of artistic conceptualization. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 5:* 43—48. (In Russ.).

Mulahi, S., Eltsova, E. N., Pinaev, S. M. (2021). Topos of Egypt in Poetry of Silver Age. *Nauchnyi dialog, 5:* 237—255. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-237-255. (In Russ.).

Mulakhi, S. (2023). *Geocultural image of North Africa in the Russian travel literature of the late XIX — early XX centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 26 p. (In Russ.).

Potekhina, P. S. (2023). Toponymic picture of the world of Bunin the orientalist. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 16 (10):* 3173—3178. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20230494. (In Russ.).

Prashcheruk, N. V. (2020). On the type of artistic consciousness of I. A. Bunin. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology, journalism, 4:* 30—35. (In Russ.).

Rudneva, O. V. (2011). Metaphorical model of the world in the works of I. A. Bunin. *Bulletin of Tomsk State University, 345:* 26—33. (In Russ.).

Selemeneva, O. A. (2023). Theonyms as representatives of the geocultural image of Ancient Egypt in the poems of I. A. Bunin 1903—1907. *Bulletin of Slavic Cultures, 68:* 273—283. DOI: https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-273-283/. (In Russ.).

Tairova, I. A. (2020). Oriental vocabulary in the poetry of I. A. Bunin. In: *Languages in the dialogue of cultures: the problem of multilingualism in a multiethnic space. Collection of scientific papers.* Ufa: Bashkir State University. 220—225. (In Russ.).

Trubitsina, N. A. (2018). The geocultural image of Judea in the cycle of travel essays by I. A. Bunin "Shadow of a bird". *Philologos, 4 (39):* 95—99. (In Russ.).

Valgina, N. S. (2003). *Text theory*. Moscow: Logos. 278 p. ISBN 5-94010-187-9. (In Russ.).

Van, H. (2016). Oriental vocabulary in I. A. Bunin's short story "Brothers". At the intersection of languages and cultures. *Topical issues of humanitarian knowledge, 2—3:* 247—250. (In Russ.).

Woodward, J. (1970). Eros and Nirvana in the An of Bunin. *The modern language Review, 65 (3):* 576—586.

Yahyapur, M., Karimi-Motakhhar, J. (2021). Ivan Bunin and Oriental mysticism. *Quaestio Rossica, 9 (2):* 533—546. DOI: 10.15826/qr.2021.2.594. (In Russ.).

The article was submitted 23.02.2024;
approved after reviewing 15.04.2024;
accepted for publication 18.04.2024.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Майгуль Тулегеновна Шакенова, канд. филол. наук (Шымкент, Казахстан)
Марал Бейсетаевна Айтмагамбетова, канд. филол. наук (Павлодар, Казахстан)
Ольга Юрьевна Гукосьянц, канд. филол. наук (Пятигорск)
Юлия Александровна Грибер, д-р культурологии (Смоленск)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Грибер Ю. А. Персиковый пух : концептуальная инженерия цветовых категорий / Ю. А. Грибер // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 109—126. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-109-126.

Griber, Yu. A. (2024). Peach Fuzz: Conceptual Engineering of Color Categories. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 109-126. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-109-126. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Персиковый пух: концептуальная инженерия цветовых категорий

Грибер Юлия Александровна
orcid.org/0000-0002-2603-5928
Researcher ID AAG-4410-2019
ScopusAuthorID 56809444600
доктор культурологии, профессор
кафедры социологии и философии
y.griber@gmail.com

Смоленский
государственный университет
(Смоленск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
в Смоленском государственном
университете
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00407,
https://rscf.ru/project/22-18-00407/

Peach Fuzz: Conceptual Engineering of Color Categories

Yulia A. Griber
orcid.org/0000-0002-2603-5928
Researcher ID AAG-4410-2019
ScopusAuthorID 56809444600
Doctor of Cultural Studies, Professor
Department of Sociology and Philosophy
y.griber@gmail.com

Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Acknowledgments:
The research was conducted
at Smolensk State University
with financial support
from the Russian Science Foundation,
project № 22-18-00407,
https://rscf.ru/en/project/22-18-00407/

© Грибер Ю. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию продуктов концептуальной инженерии в современной медиакоммуникации и массовой культуре. Представлен анализ механизмов и коммуникативных последствий намеренного создания цветовых категорий. В качестве стади-кейса рассматривается оттенок под названием *персиковый пух* (англ. — *peach fuzz*), выбранный институтом «Пантон» цветом 2024 года. Показано, что в случае с цветом года трансляция концептуальной идеи задействует сразу два канала (визуальный и вербальный), каждый — в двух различных формах. Автор отмечает, что визуальный канал используется для остенсивного предъявления оттенка с определенными хроматическими характеристиками и презентации разработанного на этой основе сложного визуального образа. Особое внимание уделяется вербальному каналу, который задействуется в форме намеренно сконструированного цветообозначения и поддерживающей его истории (концептуального мифа). Сделан вывод о том, что с точки зрения цветовой коммуникации, вербальный и визуальный текст выполняют принципиально различные функции. Визуальная репрезентация показывает, как зритель должен видеть цвет; вербальная — объясняет, зачем этот оттенок нужен. Доказано, что заложенный в цветонаименовании образ задает нужную коннотацию, которая способна трансформировать восприятие оттенка, добавив к нему необходимые «отправителю» смыслы. Словесная история определяет когнитивную «точку зрения» для внедрения новой категории в уже существующую цветовую систему.

Ключевые слова:
концептуальная инженерия; цветовая категоризация; цветонаименование; персиковый пух; цвет года.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the products of conceptual engineering in contemporary media communication and mass culture. The analysis examines the mechanisms and communicative consequences of intentionally creating color categories. The shade known as peach fuzz, selected by the Pantone Institute as the color of the year 2024, is used as a case study. It is shown that in the case of the color of the year, the transmission of the conceptual idea involves two channels simultaneously (visual and verbal), each in two different forms. The author notes that the visual channel is used to ostensively present the shade with specific chromatic characteristics and to develope a complex visual image on this basis. Special attention is paid to the verbal channel, which is utilized in the form of intentionally constructed color designations and supporting stories (conceptual myths). It is concluded that from the perspective of color communication, verbal and visual texts serve fundamentally different functions. The visual representation shows how the viewer should see the color, while the verbal explanation clarifies why this shade is needed. It is demonstrated that the image embedded in the color name sets the desired connotation, which can transform the perception of the shade by adding necessary meanings to it. The verbal story defines a cognitive “point of view” for introducing a new category into an existing color system.

Key words:
conceptual engineering; color categorization; color naming; peach fuzz; color of the year.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81::535-22+159.937.511/.513+612.843.31
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-109-126

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Персиковый пух: концептуальная инженерия цветовых категорий

© Грибер Ю. А., 2024

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия одной из интенсивно обсуждаемых тем в теоретической лингвистике и философии языка становятся механизмы концептуальной инженерии (англ. — *conceptual engineering*) (см., например: [Грифцова и др., 2024]). В отличие от концептуальных изменений, которые отражают эволюционный процесс, включающий случайные изменения (концептуальный дрейф), незапланированное улучшение (концептуальную адаптацию), намеренно разработанные, но неконтролируемые улучшения (концептуальные реформы), — концептуальная инженерия представляет собой специально разработанную и полностью управляемую программу действий [Decock, 2021, p. 169]. Подобные инженерные процессы характеризуются четкой структурой, понятными стратегиями реализации и контролируемыми результатами [Cappelen, 2018]. Когда мы имеем дело с концептуальной инженерией, речь идет о целенаправленном конструировании или преднамеренном изменении объема понятия или его содержания; причем изменение объема, как правило, происходит под влиянием изменения содержания [Chalmers, 2020].

Изначально ориентированные на критическую работу прежде всего с научными и философскими понятиями (см., например: [Isaac, 2021]), авторы, изучающие концептуализацию, постепенно расширили «инженерную» перспективу практически на все сферы общественно-политической жизни. Фокус исследовательского интереса сначала сместился на понятия, обозначающие разного рода «проблемные» социальные, культурные и политические представления, такие как ГЕНДЕР или РАСА [Haslanger, 2000]. Позже в качестве материала стали рассматриваться новые области, способные дать свежие импульсы для обсуждения идеи взаимосвязи языка и социума (см., например: [Fenner, 2018; Decock, 2021]).

Изменилась и главная установка. В аналитической философии центральными в рамках исследования концептуальной инженерии были вопросы

CC BY

о том, какой смысл кроется в использовании того или иного понятия, какую роль оно должно сыграть, какие задачи и насколько эффективно позволяет решать [Грифцова и др., 2024]. В теоретической лингвистике главной целью стало изучение коммуникативных механизмов и продуктов концептуальной инженерии в контексте культуры, прежде всего — с точки зрения их когнитивного потенциала и коммуникативных последствий [Decock, 2021].

В настоящей статье мы продолжим исследование искусственно созданных концептов в современной медиакоммуникации и массовой культуре. Цель статьи заключается в том, чтобы представить анализ механизмов и коммуникативных последствий концептуальной инженерии цветовых категорий, используя в качестве стади-кейса самый яркий пример «инженерной» деятельности в этой сфере — цвет года. Фокус статьи направлен также на обсуждение природы, структуры и границ цветовых категорий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С точки зрения современной теоретической лингвистики, цвет года представляет собой классический продукт концептуальной инженерии — намеренного создания цветовой категории для конкретных когнитивных, научных, общественных или этических целей (ср.: [Cappelen 2020; Decock 2021]).

Первая искусственная категория, воплощающая цвет года, была разработана специалистами американского института цвета «Пантон» («Pantone») в конце 1999 года [Color…, 2019]. По словам руководителей компании, выбранный в качестве символа наступающего нового года знаковый нежно-голубой оттенок под названием *cerulean* (англ. — *лазурный*) должен был воплотить в себе «дух времени» [Eiseman et al., 2013, p. 108], выстраивая в сознании потенциальных потребителей яркий и незабываемый образ надежды на будущее тысячелетие.

Являясь одной из стратегий продвижения цветовых трендов, призванных стимулировать продажи за счет использования сезонных цветов [Tracy et al., 2005], выбор и объявление цвета года подчиняется строго продуманной методологии [Cassidy, 2019]. Чтобы выбрать один оттенок из множества, «Пантон» ежегодно собирает представителей различных институтов, специализирующихся на исследованиях цвета. В течение нескольких дней эксперты обсуждают возможные варианты, постепенно сокращая количество оттенков-претендентов с двух тысяч до одного. После этого компания объявляет цвет года и представляет его историю [Lee, 2015, p. 10].

В последние десятилетия традиция «инженерного» создания искусственных цветовых категорий стала массовой. Все больше компаний каждый год определяют свой оттенок и присваивают ему соответствующее имя. Наибольшую известность в свете концептуальной инженерии цветовых

CC BY

категорий получили компании «AkzoNobel» (разрабатывает искусственные цветовые категории с 2004 года), «Benjamin Moore» (с 2006 года), «Sherwin-Williams» (с 2011 года); «PPG», «Beauti-tone» и «Jotun» (с 2014 года); «Diamond Vogel», «Behr», «Asian Paints», «Nippon Paint» и «Pratt & Lambert» (с 2015 года); «Kansai», «Dutch Boy», «Dunn-Edwards» и «Glidden» (с 2016 года) (см. подробнее: [Analyzing…, 2020]). Однако, несмотря на стремительный рост количества «производителей» искусственных цветовых категорий, законодателем трендов и бесспорным лидером концептуальной инженерии в этой сфере по-прежнему остается институт цвета «Пантон».

В декабре 2023 года «Пантон» представил новый цвет наступающего 2024 года — оттенок под названием *персиковый пух* (англ. — *peach fuzz*) (условное обозначение в каталоге — «PANTONE 13-1023») (рис. 1). Согласно описанию на официальном сайте института, это «утонченно чувственный», «проникновенный» оттенок, который «дарит ощущение доброты и нежности», «передает послание заботы и взаимопомощи, сообщества и сотрудничества». «Теплый и уютный цвет», подчеркивающий «стремление к единению с другими людьми» или к «наслаждению моментами тишины и ощущением убежища». «Цвет, который вдохновляет на сопричастность, переосмысление и возможность заботы», навевая «атмосферу спокойствия», предлагая «пространство, в котором можно быть, чувствовать, исцеляться и процветать» [What…, 2024].

Именно этот продукт концептуальной инженерии — оттенок *персиковый пух* — в настоящей работе мы используем в качестве материала исследования.

Рис. 1. *Персиковый пух* (англ. — *peach fuzz*) — оттенок, выбранный институтом «Пантон» цветом 2024 года [What…, 2024]

CC BY

В основе представленного в статье анализа лежит методология кейс-стади [Stake, 1995; Yin, 2013]. Выбор кейс-метода объясняется тем, что этот тип эмпирического исследования направлен на глубокое изучение особенностей и сложности частного случая, относящегося к определенному классу феноменов. Он дает представление о решении или наборе решений, описывает, почему данные решения были приняты, каким образом они внедрялись и к какому результату привели.

Поскольку выбор цвета года представляет собой показательный случай особого типа изменений в системе цветовых категорий и цветовых концептов, ключевыми понятиями исследования являются «категоризация» (когнитивное расчленение онтологического пространства на обособленные друг от друга области) и «концептуализация» (процесс отнесения объекта к какой-либо категории) [Маслова, 2008, с. 41]. Концепты и категории понимаются при этом как ментальные структуры, которыми человек оперирует в процессе мышления. Термины *цветовая категория* и *цветовой концепт* рассматриваются как синонимы; разница заключается в большем акценте последнего на психологической составляющей [Decock, 2021, p. 170]: концепты вербализуются в языке и объединяют гетерогенные множества (категории) [Шафиков, 2007].

Так как в случае с цветом года механизм трансляции концептуальной идеи задействует не только вербальный, но и визуальный канал, анализ новой цветовой категории включает обсуждение хроматических характеристик выбранного оттенка и визуальный анализ его места в системе цветовых категорий в цветовом пространстве CIELAB. Это цветовое пространство позволяет описывать любой воспринимаемый цвет в виде трех координат: две передают цветность (a* — красно-зеленую и b* — сине-жёлтую составляющие), а третья — яркость (L*) (см. подробнее: [Грибер, 2021, с. 25—26]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В случае с цветом года механизм концептуальной инженерии задействует сразу два канала (визуальный и вербальный), каждый — в двух различных формах. Визуальный канал используется для остенсивного предъявления оттенка с определенными хроматическими характеристиками и презентации разработанного на этой основе сложного визуального образа. Вербальный канал задействуется в форме намеренно созданного цветообозначения и поддерживающей его истории (концептуального мифа).

Каждый из обозначенных четырех элементов механизма концептуальной инженерии искусственной цветовой категории мы рассмотрим в отдельном разделе.

CC BY

3.1. Остенсивно предъявляемый оттенок: хроматические характеристики в пространстве CIELAB

С точки зрения структуры цветовой категории, остенсивно предъявляемый цвет года представляет собой ее фокальный цвет — эталонный оттенок, который является когнитивной точкой отсчета для формирования цветового концепта (см. подробнее: [Andrick, 1986]).

Анализ хроматических характеристик эталонного оттенка, который «Пантон» выбирает в качестве фокального в 2024 году, показывает, что он является светлым и имеет среднюю насыщенность. Как и большинство оттенков, которые разные компании называли цветом года в последнее десятилетие [Analyzing…, 2020], этот цвет является нейтральным.

Проекция координат цвета в пространство CIELAB (L*=82.032, a*=18.692, b*=28.322) не совпадает, не пересекается и даже не соприкасается с центроидами наиболее распространенных цветовых категорий русского языка (рис. 2). Новый оттенок занимает существовавшую в системе цветонаименований нишу.

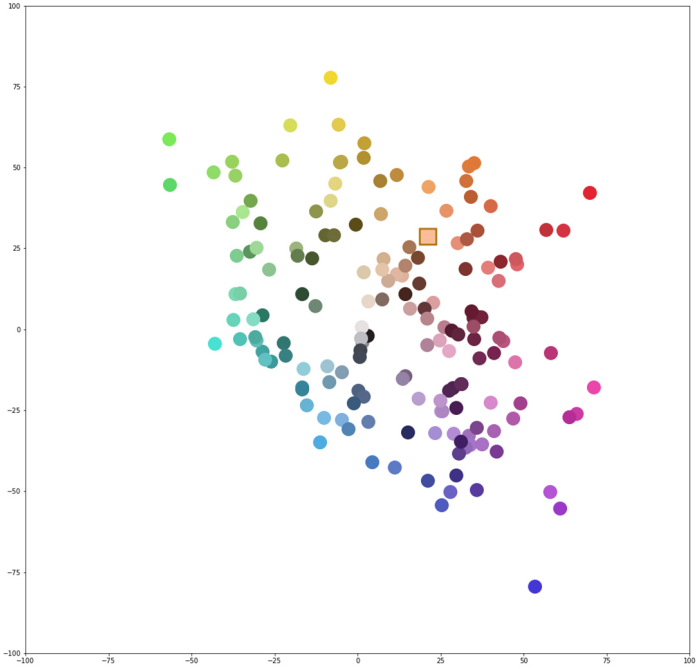

Рис. 2. Центроиды наиболее часто встречающихся цветонаименований русского языка в цветовом пространстве CIELAB;
плоскость a*b*; оттенок *персиковый пух* отмечен квадратным маркером

CC BY OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Более детальный анализ расположения нового цвета, представленный на рисунках 3 и 4, подтверждает, что по своим хроматическим характеристикам выбранный оттенок довольно существенно отличается от *персикового* по цветности (ось a*) (рис. 3) и яркости (ось L*) (рис. 4). По сравнению с *персиковым*, он больше смещен в «зеленую» сторону по оси a* и расположен значительно выше по оси яркости L*.

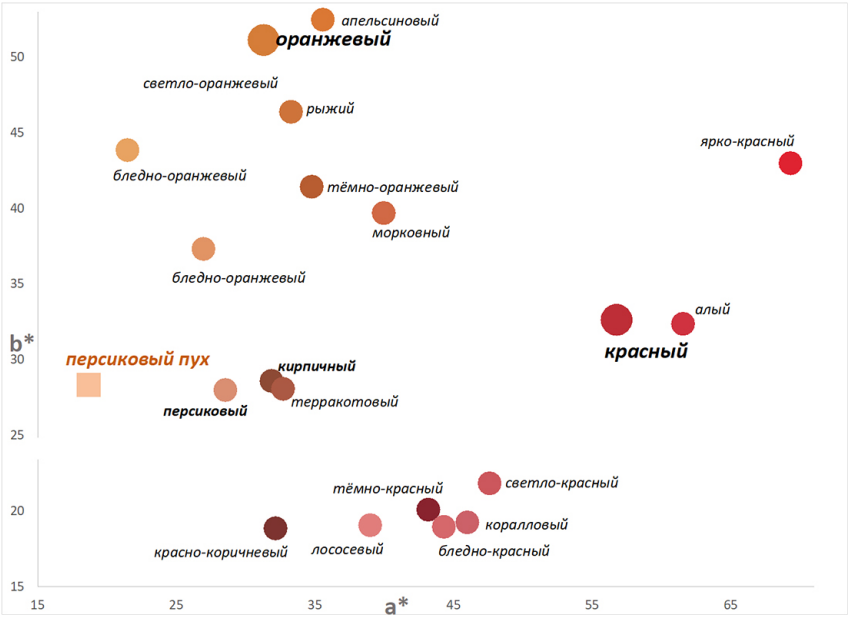

Рис. 3. Цветонаименования, обозначающие оранжевые и красные оттенки; плоскость a*b*; оттенок *персиковый пух* отмечен квадратным маркером

3.2. Сложный визуальный образ: границы новой цветовой категории

Вокруг эталонного оттенка искусственно формируется новая цветовая категория. Для того, чтобы задать ее границы, авторы новой цветовой категории используют ряд визуальных образов с изображениями мягкой травы и легких ворсистых цветов, колышущихся деревьев и бархатистых тканей. Сотни сменяющих друг друга сюжетов подсказывают зрителю, какие из тысяч светлых розово-оранжевых оттенков, которые человек способен различить физиологически, можно включить в новую группу, а какие — должны остаться за ее пределами.

В случае с естественными цветовыми категориями, формирование которых представляет собой гораздо более длительный процесс, в основе

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

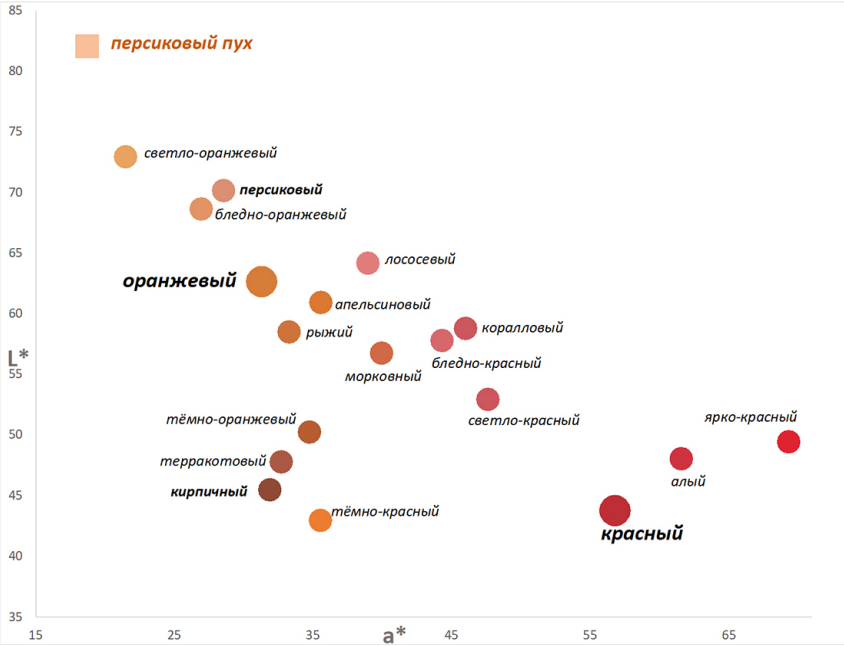

Рис. 4. Цветонаименования, обозначающие оранжевые и красные оттенки; плоскость a*L*; оттенок *персиковый пух* отмечен квадратным маркером

объединения оттенков в группы лежит тот же самый механизм. Ежеминутно перерабатывая сотни постоянно сменяющих друг друга сложных изображений, человек объединяет в цветовые категории миллионы оттенков, которые он способен различить, и воспринимает непрерывный поток видимых световых волн разделенным на отдельные части.

По мнению ряда ученых, такой механизм имеет биологическое объяснение. Цветовые категории заметно облегчают идентификацию отдельных элементов, особенно тех, что являются для человека жизненно важными. Практика использования цвета убеждает в том, что в большинстве случаев нам достаточно знать, что объект входит в ту или иную группу оттенков (категорию) (например, группу красных или желтых оттенков). При этом неважно, какой именно это оттенок, хотя мы и способны различать мельчайшие хроматические нюансы. В ходе эволюции объединение оттенков в группы помогало человеку находить еду, отличая спелые фрукты от пока несъедобных (см. подробнее: [Abramov, 1997]).

Как и естественные цветовые категории, создаваемая искусственная группа оттенков обладает рядом характерных свойств. Прежде всего, она

CC BY

объединяет оттенки, которые располагаются близко друг к другу в цветовом пространстве (см. подробнее: [Грибер, 2021]). Исследования показывают, что границы цветовых категорий всегда имеют мягкие формы, которые во многом объясняются когнитивной экономией. Ведь «разорванные» области и классы с неправильными формами труднее запомнить, чем сконцентрированные области с плавными границами [Decock, 2021, p. 170].

В терминологии Э. Рош, система цветовых категорий является системой с низкой категориальной значимостью сигнала (см. подробнее: [Basic…, 1976]). Вследствие этого даже категории базового уровня, которые в других категориальных системах характеризуются максимальной дистинктивностью (воспринимаемое сходство между членами одной категории в них усиливается, в то время как между членами из различных категорий, наоборот, снижается), здесь будут иметь достаточно размытые границы. Нам достаточно сложно сказать, где заканчивается желтый и начинается оранжевый, где проходит граница между синим и зеленым или фиолетовым и красным. Еще более низкую категориальную значимость сигнала имеют категории нижестоящего уровня в таксономической иерархии (например, «фиолетовые» категории — *сиреневый, фуксия, малиновый, пурпурный* и др.) (см. подробнее: [Грибер, 2023]). Члены таких нижестоящих категорий имеют общие признаки, в результате чего нам еще сложнее заключить, где между ними проходит граница.

Новая цветовая категория строится по принципу «ad hoc» (лат. «к этому, для данного случая, для этой цели») [Barsalou, 1983]. Ее состав и границы определяются спонтанно, «на ходу», для только что возникшей цели. В результате между членами категории образуется асимметрия, поскольку они в разной степени представляют ее смысл и воспроизводят качества прототипа [Лакофф, 2004, с. 70—71].

По своей структуре создаваемая категория неоднородна и градуирована. Она представляет собой нечеткое множество (см, например: [Muratbekova et al., 2023]. В отличие от классических множеств, где любой элемент либо входит в данное множество, либо находится за его пределами, новая категория предполагает градации цветовых значений и имеет своего рода внутренние степени.

Наконец, как и в естественных цветовых категориях, элементы искусственной категории объединяются лишь «фамильным сходством» [Лакофф, 2004, с. 33]. Они похожи друг на друга в различных отношениях, но при этом не имеют устойчивого набора одних и тех же повторяющихся у всех их членов признаков.

CC BY

3.3. Намеренно сконструированное цветообозначение

Решающая роль в трансляции концептуальной идеи цвета года отводится лингвистическому сообщению, что подтверждает отмеченный Р. Бартом логоцентризм семиологической системы [Барт, 2022]. Это сообщение состоит из двух частей и включает название оттенка и сопровождающую цвет года историю.

Выбранное цветонаименование *персиковый пух* образуется от названия объекта-референта (персика) в результате метонимии. Когда мы пытаемся представить себе персик, в ментальной репрезентации он всегда имеет цвет, который трудно бывает «убрать», даже если делать это намеренно.

С помощью метонимии, при которой объект замещает цвет объекта [Casson, 1994, p. 17], образовано большинство неосновных цветонаименований в разных языках мира. Носители языка сравнивают оттенки, которые они хотят назвать, с хорошо знакомыми им предметами с характерным цветом, чаще всего — с цветами (например, *фуксия*), ягодами (например, *вишневый*) или плодами (например, *фисташковый*). Такой механизм сохраняется даже у людей, которые утратили способность цветонаименования в результате болезни [Color…, 2019, p. 2477]. Чтобы описать хроматические оттенки, они, как правило, используют названия предметов, которые обычно имеют этот цвет — вместо *красного — кровь*, вместо *синего — небо* и т. п. Этот факт подчеркивает важность объектного цвета для цветовой когниции.

По справедливому замечанию Р. Кассон [Casson, 1994, p. 7], разные классы объектов-референтов имеют неодинаковую популярность в разные исторические эпохи и в различных культурах. У современных носителей английского языка наиболее популярными категориями являются природные объекты и материалы, цветы и растения, драгоценные камни, артефакты, пигменты и красители [Paramei et al., 2018]. Эти же группы объектов-референтов чаще других используют для выбора подходящего цветообозначения и носители русского языка [Чжан Линь, 2019].

По классификации Р. Кассон [Casson, 1994, p. 7], цветонаименование *персиковый пух* является креативным. В отличие от также образованных с помощью метонимии конвенциональных цветонаименований, которые являются продуктом естественной эволюции языка, креативные цветонаименования создаются намеренно в особых целях. Чаще всего они представляют собой обычные обозначения объектов или уже устоявшиеся словосочетания, которые теперь начинают использоваться для денотации хроматических свойств.

Согласно К. Биггам, подобные цветообозначения относятся к классу экспрессивных (англ. — *evocative*) терминов цвета. В таких цветонаиме-

CC BY

нованиях в обозначение оттенка обязательно вводится какой-то дополнительный, не связанный с цветом элемент, который, по мнению тех, кто этот термин конструирует, способен пробудить приятные чувства в потенциальном покупателе [Biggam, 2012, p. 50].

Иными словами, цветовой концепт используется как фактор когнитивного проникновения в восприятия (см. подробнее: [Фролов и др., 2022]). Цветонаименование *персиковый пух* безошибочно отсылает нас к характерному цвету, мягко перетекающему из розового в оранжевый, но одновременно напоминает о летнем отдыхе, ощущении мягкости и волнующем вкусе, тем самым, с помощью приятных воспоминаний и ярких образов, мотивируя купить продукт с таким названием.

В современном дискурсе группа экспрессивных цветонаименований становится все более востребованной. Основная функция подобных цветонаименований заключается не столько в том, чтобы называть цвет, а в том, чтобы привлечь к нему внимание (см. подробнее: [Абдуллина и др., 2019]). Их воздействие строится на том, что они должны запускать систему ассоциаций, которые зависят от субъективного опыта и могут формировать совершенно различные хроматические образы. В результате многие носители языка не могут правильно представить себе цвет, заложенный в экспрессивном цветонаименовании, и даже мнение экспертов, которые в своей профессиональной деятельности постоянно имеют дело с рекламными названиями, заметно расходятся в том, какой именно цвет скрывается под данным термином [Василевич и др., 2022, с. 29].

3.4. Концептуальный миф

Новая цветовая категория внедряется в массовую культуру с помощью особого концептуального мифа. Этот миф выстраивается из целого ряда визуальных образов, заложенных в вербальном тексте.

Для цвета года умело созданная история является одним из главных средств убеждения. По сути, здесь мы имеем дело с той же техникой рассказывания убедительных историй, которая сегодня все чаще используется в бизнесе, маркетинге и рекламе (см., например: [Guber, 2011]).

Детально продуманный в вербальной репрезентации контекст помогает «настроить» оптику восприятия оттенка зрителем. В случае с *персиковым пухом* в центре сюжета — образ домашнего уюта и непосредственно связанные с ними ощущения обволакивающего, окутывающего нежного тепла и воздушной легкости.

В описании задействуются практически все чувства. Прежде всего — тактильные, связанные с прикосновениями к мягким бархатистым поверхностям. Этот образ должен будить в нас воспоминания о хорошо знакомых нежных ароматах, сладких и понятных вкусах. Здесь есть и эмоции, свя-

CC BY

занные с желанием быть рядом с теми, кого мы любим, о ком заботимся, и радость, которую получаем, наслаждаясь спокойствием и отдыхом.

Умело созданная история подчеркнуто дистанцирует новый оттенок от привычного персикового. *Персиковый пух* — это не просто *персиковый*, это совершенно новый, переосмысленный цвет, — персиковый с винтажными нотками, поэтичный и романтичный, невинный и милый, чувственный и воздушный.

Интересно, что, по данным словарей, цветонаименования, описывающие оттенки желтой части спектра, имеют специфическую по сравнению с другими частями сферу денотации: они чаще используются для характеристики цвета густых и вязких продуктов (меда, варенья) и природы (осенние листья и сама осень) [Горбачевич и др., 1979; Кульпина, 2007, с. 160]. Однако с помощью концептуального мифа авторы искусственной цветовой категории формируют особую коннотацию, которая способна изменить культурно заданное восприятие цвета и создать новый визуальный опыт [Lee, 2015].

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ показывает, что в случае с цветом года механизм концептуальной инженерии задействует сразу два канала — визуальный и вербальный. С точки зрения цветовой коммуникации, вербальный и визуальный текст выполняют принципиально различные функции. Визуальная репрезентация показывает, *как* зритель должен видеть цвет; вербальная — объясняет, *зачем* этот оттенок нужен.

Визуальный канал используется для остенсивного предъявления эталонного оттенка с определенными хроматическими характеристиками и презентации разработанного на этой основе сложного визуального образа. Эталонный оттенок представляет собой фокальный цвет искусственной категории и служит когнитивной точкой отсчета для формирования ее объема. Сложный визуальный образ используется для того, чтобы задать границы новой цветовой категории, определить ее структуру и характерные свойства — асимметричность, неоднородность, градуированность.

Вербальный канал задействуется в форме намеренно созданного цветонаименования и поддерживающей его истории (концептуального мифа). По вербальному каналу происходит настройка «правильного» восприятия содержания концепта. Вербализованная номинация помогает создать в сознании воспринимающего человека яркий визуальный образ, показать нужное направление для его интерпретации и выделить в нем наиболее важные детали. Она помогает преодолеть возможную субъективность вос-

CC BY

приятия оттенка и сводит к минимуму кросс-культурные различия в интерпретации визуальных знаков.

Цветонаименование задает нужную коннотацию, которая способна трансформировать восприятие оттенка, добавив к нему необходимые «отправителю» смыслы. Умело созданная словесная история выполняет в процессе концептуального конструирования другую функцию. Она определяет необходимую для внедрения новой категории в существующую цветовую систему когнитивную «точку зрения», расставляя акценты на сходстве или различии этого цвета с другими.

При этом оба визуальных и оба вербальных элемента сочетаются в конструируемой цветовой категории максимально рационально, исключая повторы и избыточность. Хроматические характеристики оттенка несут значение теплоты и легкости; в цветообозначении заложены преимущественно вкусовые и тактильные ощущения; сложный визуальный образ и словесная история передают аффективное содержание.

Жизнь искусственно созданных цветовых категорий и связанных с ними креативных цветонаименований часто настолько коротка, что они просто не успевают попасть в стандартные словари. Они широко используются в сфере маркетинга и рекламы, а потом полностью исчезают из употребления и забываются. Однако поскольку цветовые категории существуют в системе, даже категории с короткой жизнью способны заметно повлиять на границы других составляющих этой системы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Абдуллина Л. Р.* Манипулятивный потенциал цветонаименований в креолизованных текстах рекламы декоративной косметики (на материале французского и русского языков) / Л. Р. Абдуллина, Е. В. Артамонова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 9—21. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-9-21.

2. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. — Москва : URSS, 2022. — 439 с. — ISBN 978-5-8291-2432-8.

3. *Василевич А. П.* Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова., С. С. Минченко. — 4-е изд., испр. — Москва : URSS, 2022. — 216 с.

4. *Горбачевич К. С.* Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. — Ленинград : Наука, 1979. — 568 с.

5. *Грибер Ю. А.* Картография цвета : диагностика развития цветонаименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов / Ю. А. Грибер. — Москва : Согласие, 2021. — 152 с. — ISBN 978-5-907038-86-8.

6. *Грибер Ю. А.* Электрофизиологические корреляты цветовой категоризации : обзор нейролингвистических исследований, разработанных с использованием парадигмы необычного стимула (оддболл-парадигмы) / Ю. А. Грибер // Научный диалог. — 2023. — № 12 (5). — С. 9—38. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-9-38.

7. *Грифцова И. Н.* Идеи философии языка Р. Карнапа в контексте концептуальной инженерии / И. Н. Грифцова, Н. Ю. Козлова // Эпистемология и философия науки. — 2024. — Т. 61. — № 1. — С. 122—133. — DOI: 10.5840/eps202461111.

8. *Кульпина В. Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении / В. Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / под ред. А. П. Василевича. — Москва : КомКнига, 2007. — С. 126—184.

9. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — ISBN 5-94457-129-2.

10. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. 3-е изд. — Минск : ТетраСистемс, 2008. — 272 с. — ISBN 978-985-470-780-8.

11. *Фролов К. Г.* Цветовые концепты как фактор когнитивного проникновения в восприятие / К. Г. Фролов, А. И. Пономарев // Эпистемология и философия науки. — 2022. — Т. 59. — № 2. — С. 136—151. — DOI: 10.5840/eps202259229.

12. *Чжан Линь*. Вещь как эталон цвета : образование неосновных цветонаименований в русском языке / Чжан Линь // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 146—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-146-158.

13. *Шафиков С. Г.* Категории и концепты в лингвистике / С. Г. Шафиков // Вопросы языкознания. — 2007. — № 2. — С. 3—17.

14. *Abramov I.* Physiological Mechanisms of Color Vision / I. Abramov // Color Categories in Thought and Language / ed. by C. L. Hardin and L. Maffi. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — Pp. 89—117. — ISBN 9780511519819.

15. *Analyzing* a decade of Colors of the Year / A. Gijsenij, M. Vazirian, E. Kirchner, P. Spiers, P. Lai, S. Westland, P. Koeckhoven // Color Research and Application. — 2020. — Vol. 46. — № 1. — Pp. 258—270. — DOI: 10.1002/col.22566.

16. *Andrick G. R.* The acquisition of colour terms / G. R. Andrick, H. Tager-Flusberg // Journal of Child Language. — 1986. — № 13 (1). — Pp. 119—134. — DOI: 10.1017/s0305000900000337.

17. *Barsalou L. W.* Ad-hoc categories / L. W. Barsalou // Memory and Cognition. — 1983. — № 11 (3). — Pp. 211—227. — DOI: 10.3758/BF03196968.

18. *Basic* objects in natural categories / E. Rosch, C. B. Mervis, W. D. Gray, D. M. Johnson, P. Boyes-Braem // Cognitive Psychology. — 1976. — Vol. 8. — № 3. — Pp. 382—439. — DOI: 10.1016/0010-0285(76)90013-X.

19. *Biggam C. P.* The semantics of colour : a historical approach / C. P. Biggam. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2012. — 274 p. — ISBN 978-0521899925.

20. *Cappelen H.* Conceptual engineering : the master argument / H. Cappelen // Conceptual ethics and conceptual engineering / ed. by A. Burgess, H. Cappelen, D. Plunkett. — Oxford : Oxford University Press, 2020. — Pp. 132—151. — DOI: 10.1093/oso/9780198801856.003.0001.

21. *Cappelen H.* Fixing language / H. Cappelen. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 224 p. — ISBN 978-0-198-81471-9.

22. *Cassidy T. D.* Colour forecasting / T. D. Cassidy // Textile Progress. — 2019. — № 51 (1). — Pp. 1—137. — DOI: 10.1080/00405167.2019.1659564.

23. *Casson R. W.* Russet, rose, and raspberry : the development of English secondary color terms / R. W. Casson // Journal of Linguistic Anthropology. — 1994. — № 4. — Pp. 5—22. — DOI: 10.1525/jlin.1994.4.1.5.

24. *Chalmers D.* What is conceptual engineering and what should it be? / D. Chalmers // Inquiry : An Interdisciplinary Journal of Philosophy. — 2020. — Vol. 63. — DOI: 10.1080/0020174X. 2020.1817141.

25. *Color* categorization independent of color naming / K. Siuda-Krzywicka, C. Witzel, E. Chabani // Cell Reports. — 2019. — Vol. 28. — № 10. — Pp. 2471—2479. — DOI: 10.1016/j.celrep.2019.08.003.

26. *Colour* and ergonomics : on the selection of a "colour of the year" / R. Heidari-Moghadam, A. Mortezapour, S. Mosaferchi, I. Dianat // Color Research and Application. — 2019. — Vol. 44. — № 6. — Pp. 1042—1044. — DOI: 10.1002/col.22415.

27. *Decock L.* Conceptual change and conceptual engineering : the case of colour concepts / L. Decock // Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. — 2021. — Vol. 64. — № 1—2. — Pp. 168—185. — DOI: 10.1080/0020174X.2020.1784783.

28. *Eiseman L.* Pantone on fashion : a century of color in design / L. Eiseman, E. Cutler. — San Fransisco : Chronicle Books, 2013. — 128 p. — ISBN 9781452115351.

29. *Fenner S. T.* Conceptual engineering for mathematical concepts' / S. T. Fenner // Inquiry : An Interdisciplinary Journal of Philosophy. — 2018. — Vol. 61. — № 8. — Pp. 881—913. — DOI: 10.1080/0020174X.2017.1385526.

30. *Guber P.* Tell to win : connect, persuade, and triumph with the hidden power of story / P. Guber. — New York : Crown Business, 2011. — 272 p. — ISBN 978-0307587954.

31. *Haslanger S.* Gender and race : (what) are they? (What) Do we want them to be? / S. Haslanger // Noûs. — 2000. — Vol. 34. — № 1. — Pp. 31—55. — DOI: 10.1111/0029-4624.00201.

32. *Isaac M. G.* What should conceptual engineering be all about? / M. G. Isaac // Philosophia. — 2021. — Vol. 49. — Pp. 2053—2065. — DOI: 10.1007/s11406-021-00367-x.

33. *Lee K. S.* The Color of the Year : a textual analysis of Pantone's color communication techniques through the application of Barthes' semiotic: master's thesis / K. S. Lee. — Lynchburg : Liberty University, 2015. — 104 p.

34. *Muratbekova M.* Color-emotion associations in art : fuzzy approach / M. Muratbekova, P. Shamoi // IEEE Access. — 2023. — № 12. — Pp. 37937—37956. — DOI: 10.48550/arXiv.2311.18518.

35. *Paramei G. V.* An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples / G. V. Paramei, Y. A. Griber, D. Mylonas // Color Research and Application. — 2018. — Vol. 43. — № 3. — Pp. 358—374. — DOI: 10.1002/col.22190.

36. *Stake R. E.* The art of case study research / R. E. Stake. — London : Sage, 1995. — 192 p. — ISBN 9780803957671.

37. *Tracy D.* Color forecasting / D. Tracy, T. Cassidy. — New York : Wiley, 2009. — 192 p. — ISBN 9781405143776.

38. *What* is peach fuzz? [Electronic resource] // Pantone. — Access mode : https://www.pantone.com/articles/color-of-the-year/what-is-peach-fuzz (accessed 05.04.2024).

39. *Yin R. K.* Case study research: design and methods / R. K. Yin. — 5th ed. — Los Angeles : Sage, 2013. — 312 p. — ISBN 978-1452242569.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 17.04.2024.

CC BY

References

Abdullina, L. R., Artamonova, E. V. (2019). Manipulative Potential of Colour Names in Creolized Texts of Decorative Cosmetics Advertising (by Material of French and Russian Languages). *Nauchnyi dialog, 2:* 9—21. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-2-9-21 (In Russ.).

Abramov, I. (1997). Physiological Mechanisms of Color Vision. In: *Color Categories in Thought and Language.* Cambridge: Cambridge University Press. 89—117. ISBN 9780511519819.

Analyzing a decade of Colors of the Year. *Color Research and Application, 46 (1):* 258—270. DOI: 10.1002/col.22566.

Andrick, G. R., Tager-Flusberg, H. (1986). The acquisition of colour terms. *Journal of Child Language, 13 (1):* 119—134. DOI: 10.1017/s0305000900000337.

Barsalou, L. W. (1983). Ad-hoc categories. *Memory and Cognition, 11 (3):* 211—227. DOI: 10.3758/BF03196968.

Bart, R. (2022). *Fashion System. Articles on the semiotics of culture.* Moscow: URSS. 439 p. ISBN 978-5-8291-2432-8. (In Russ.).

Basic objects in natural categories. (1976). *Cognitive Psychology, 8 (3):* 382—439. DOI: 10.1016/0010-0285(76)90013-X.

Biggam, C. P. (2012). *The semantics of colour: a historical approach.* Cambridge, UK: Cambridge University Press. 274 p. ISBN 978-0521899925.

Cappelen, H. (2020). Conceptual engineering: the master argument. In: *Conceptual ethics and conceptual engineering.* Oxford: Oxford University Press. 132—151. DOI: 10.1093/oso/9780198801856.003.0001.

Cappelen, H. (2018). *Fixing language*. Oxford: Oxford University Press. 224 p. ISBN 978-0-198-81471-9.

Cassidy, T. D. (2019). Colour forecasting. *Textile Progress, 51 (1):* 1—137. DOI: 10.1080/00405167.2019.1659564.

Casson, R. W. (1994). Russet, rose, and raspberry: the development of English secondary color terms. *Journal of Linguistic Anthropology, 4:* 5—22. DOI: 10.1525/jlin.1994.4.1.5.

Chalmers, D. (2020). What is conceptual engineering and what should it be? *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy, 63.* DOI: 10.1080/0020174X. 2020.1817141.

Color categorization independent of color naming. *Cell Reports, 28 (10):* 2471—2479. DOI: 10.1016/j.celrep.2019.08.003.

Colour and ergonomics: on the selection of a “colour of the year”. *Color Research and Application, 44 (6):* 1042—1044. DOI: 10.1002/col.22415.

Decock, L. (2021). Conceptual change and conceptual engineering: the case of colour concepts. Inquiry. *An Interdisciplinary Journal of Philosophy, 64 (1—2):* 168—185. DOI: 10.1080/0020174X.2020.1784783.

Eiseman, L. (2013). *Pantone on fashion: a century of color in design.* San Fransisco: Chronicle Books. 128 p. ISBN 9781452115351.

Fenner, S. T. (2018). Conceptual engineering for mathematical concepts’. Inquiry: An Interdisciplinary *Journal of Philosophy, 61 (8):* 881—913. DOI: 10.1080/0020174X.2017.1385526.

Frolov, K. G., Ponomarev, A. I. (2022). Color concepts as a factor of cognitive penetration into perception. *Epistemology and philosophy of science, 59 (2):* 136—151. DOI: 10.5840/eps202259229. (In Russ.).

Gorbachevich, K. S. (1979). *Dictionary of epithets of the Russian literary language.* Leningrad: Nauka. 568 p. (In Russ.).

Griber, Yu. A. (2021). *Color mapping: investigation of Russian color terms development using methods of natural sciences, historiography, social science and psychology.* Moscow: Soglasie. 152 p. ISBN 978-5-907038-86-8. (In Russ.).

Griber, Yu. A. (2023). Color Categorization and its Electroencephalography Correlates: A Review of Neuro-Linguistic Oddball Paradigm Research. *Nauchnyi dialog, 12 (5):* 9—38. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-5-9-38 (In Russ.).

Griftsova, I. N., Kozlova, N. Y. (2024). The ideas of R. Carnap's philosophy of language in the context of conceptual engineering. *Epistemology and philosophy of science, 61 (1):* 122—133. DOI: 10.5840/eps202461111. (In Russ.).

Guber, P. (2011). *Tell to win: connect, persuade, and triumph with the hidden power of story.* New York: Crown Business. 272 p. ISBN 978-0307587954.

Haslanger, S. (2000). Gender and race: (what) are they? (What) Do we want them to be? *Noûs, 34 (1):* 31—55. DOI: 10.1111/0029-4624.00201.

Isaac, M. G. (2021). What should conceptual engineering be all about? *Philosophia, 49:* 2053—2065. DOI: 10.1007/s11406-021-00367-x.

Kulpina, V. G. (2007). The system of color designations of the Russian language in historical illumination. In: *Names of color in Indo-European languages: a systematic and historical analysis.* Moscow: KomKniga. 126—184. (In Russ.).

Lakoff, J. (2004). *Women, fire and dangerous things: what the categories of language tell us about thinking.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 792 p. ISBN 5-94457-129-2. (In Russ.).

Lee, K. S. (2015). *The Color of the Year: a textual analysis of Pantone's color communication techniques through the application of Barthes' semiotic: master's thesis.* Lynchburg: Liberty University. 104 p.

Maslova, V. A. (2008). *Cognitive linguistics. 3rd ed.* Minsk: TetraSystems. 272 p. ISBN 978-985-470-780-8. (In Russ.).

Muratbekova, M. (2023). Color-emotion associations in art: fuzzy approach. *IEEE Access, 12:* 37937—37956. DOI: 10.48550/arXiv.2311.18518.

Paramei, G. V., Griber, Y. A. (2018). An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples. *Color Research and Application, 43 (3):* 358—374. DOI: 10.1002/col.22190.

Shafikov, S. G. (2007). Categories and concepts in linguistics. *Questions of linguistics, 2:* 3—17. (In Russ.).

Stake, R. E. (1995). *The art of case study research.* London: Sage. 192 p. ISBN 9780803957671.

Tracy, D. (2009). *Color forecasting.* New York: Wiley. 192 p. ISBN 9781405143776.

Vasilevich, A. P. (2022). *Color and color names in Russian. 4th ed., ispr.* Moscow: URSS. 216 p. (In Russ.).

What is peach fuzz? *Pantone.* Available at: https://www.pantone.com/articles/color-of-the-year/what-is-peach-fuzz (accessed 05.04.2024).

Yin, R. K. (2013). *Case study research: design and methods. 5th ed.* Los Angeles: Sage. 312 p. ISBN 978-1452242569.

Zhang Lin. (2019). Thing as a Standard of Colour: Formation of Non-Basic Colour Names in Russian Language. *Nauchnyi dialog, 9:* 146—158. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-146-158. (In Russ.).

The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 17.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Гукосьянц О. Ю. Стилистические приемы в демотиваторах периода пандемии COVID-19 и самоизоляции / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 127—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-127-148.

Gukosyants, O. Yu. (2024). Stylistic Techniques in Demotivational Posters During COVID-19 Pandemic and Self-Isolation Period. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 127-148. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-127-148. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Стилистические приемы в демотиваторах периода пандемии COVID-19 и самоизоляции

Гукосьянц Ольга Юрьевна
orcid.org/0000-0001-7879-8436
кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур
gukosjants@mail.ru

Пятигорский государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20091, https://rscf.ru/project/22-18-20091/ в Пятигорском государственном университете

Stylistic Techniques in Demotivational Posters During COVID-19 Pandemic and Self-Isolation Period

Olga Yu. Gukosyants
orcid.org/0000-0001-7879-8436
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Western European Languages and Cultures
gukosjants@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant № 22-18-20091, https://rscf.ru/project/22-18-20091/ at Pyatigorsk State University.

© Гукосьянц О. Ю., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются визуальные стилистические средства, используемые в иконическом компоненте демотиваторов периода пандемии и самоизоляции. Утверждается, что значительный воздействующий потенциал иконической составляющей демотиваторов стимулирует их авторов к созданию более выразительных визуальных компонентов. Достижение указанной задачи возможно посредством внедрения стилистических приемов не только в вербальный текст, но и в транслируемое с ним изображение. Отмечено, что наиболее частотным используемым визуальным стилистическим приемом в анализируемом материале является метафора. Воздействующий эффект в рассматриваемых демотиваторах достигался также с помощью присутствия в иконической части визуальной гиперболы, сравнений, аллюзии, контаминации, градации, каламбура, аллегории, параллелизма и антитезы. Выяснено, что стилистические приемы исключительно в иконической части присутствуют в 47 % рассмотренных поликодовых текстов (в 13 % случаев вербальный компонент отсутствовал полностью, в 34 % случаев представленный вербальный текст служил пояснением смысла, отраженного в иллюстрации). 53 % рассматриваемых поликодовых текстов продемонстрировали присутствие стилистических приемов как в иконической, так и вербальной частях. При этом дублирование стилистических приемов в вербальном тексте и в изображении характерно лишь для 33 % исследуемых демотиваторов.

Ключевые слова:
поликодовый текст; демотиватор; стилистический прием; воздействие изображений; визуальный код; вербальный компонент; иконический компонент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the visual stylistic devices used in the iconic component of demotivators during the pandemic and self-isolation period. It is argued that the significant impact potential of the iconic component of demotivators stimulates their creators to produce more expressive visual components. Achieving this goal is possible through the implementation of stylistic techniques not only in the verbal text but also in the accompanying imagery. It is noted that the most frequently used visual stylistic device in the analyzed material is metaphor. The impactful effect in the examined demotivators was also achieved through the presence of visual hyperbole, comparisons, allusions, contamination, gradation, pun, allegory, parallelism, and antithesis in the iconic part. It was found that stylistic techniques exclusively in the iconic part are present in 47% of the analyzed polycodal texts (in 13% of cases, the verbal component was completely absent, in 34% of cases, the presented verbal text served as an explanation of the meaning reflected in the illustration). 53% of the examined polycodal texts demonstrated the presence of stylistic techniques in both the iconic and verbal parts. Furthermore, the duplication of stylistic techniques in the verbal text and the image is characteristic only for 33% of the analyzed demotivators.

Key words:
Polycodal text; demotivator; stylistic technique; image impact; visual code; verbal component; iconic component.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1’42::614.44
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-127-148

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Стилистические приемы в демотиваторах периода пандемии COVID-19 и самоизоляции

© Гукосьянц О. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Демотиваторы как реакция на ключевые события, происходящие в обществе, представляют собой популярное средство осуществления целенаправленного воздействия и способствуют формированию общественного мнения. Тесная взаимосвязь элементов разных семиотических структур, характерная для демотиваторов, объясняет высокий манипулятивный эффект и популярность такого рода текстов в современной интернет-коммуникации.

Ю. В. Щурина определяет демотиватор как «составленное по определенному формату изображение, состоящее из рисунка и комментирующей его надписи-слогана» [Щурина, 2012, с. 405]. Однако изначальное понимание демотиватора как «изображения, состоящего из графического компонента в черной рамке и поясняющего его слогана, создающегося по особым правилам» [Бугаева, 2011, с. 148], сегодня трансформировалось. Черная рамка стала факультативным элементом; распространяемые тексты могут быть исключительно визуальными или исключительно вербальными, при этом «отсутствие одной из информационных семиотических составляющих жанра не отменяет его поликодовую природу» [Сурикова, 2020, с. 41].

В работах, посвященных лингвистическому изучению демотиваторов, они рассматриваются как речевой жанр интернет-коммуникации [Щурина, 2012; Брагина, 2014; Ухова, 2014; Бугаева, 2011], жанр медиадискурса [Сурикова, 2019], жанр современного фольклора и вид сетевого творчества [Салимова, 2021; Лутовинова, 2016; Винников, 2010].

Определяя функции, выполняемые демотиватором как «средством и формой общения современной молодежи» [Бугаева, 2011, с. 150], И. В. Бугаева обосновывает наличие коммуникативной, когнитивной, эмоционально-экспрессивной, волюнтативной, метаязыковой, идеологической, эсте-

CC BY

тической, аксиологической функций, а также выполнение демотиватором функции формирования реальности [Бугаева, 2011, с. 150—151].

О. В. Лутовинова обнаруживает различия между функциями, выполняемыми демотиваторами для их создателей, и функциями демотиваторов для «пользователей». Ученый говорит о реализации демотиваторами коммуникативной, эмоционально-экспрессивной, волюнтативной, когнитивной и идеологической функций для их создателей, тогда как для участников интернет-коммуникации, использующих готовые демотиваторы, они выполняют только первые три из перечисленных функций [Лутовинова, 2016]. В основе предлагаемого О. В. Лутовиновой перечня видов демотиваторов заложены коммуникативные намерения их создателей, согласно которым демотиваторы «можно разделить на юмористические, философские, саморепрезентационные и социально-рекламные», однако «в большинстве из них, так или иначе, преобладает комическое» [Лутовинова, 2016, с. 30].

Как отмечает Т. И. Сурикова, «любой демотиватор отличает ироническая, от мягкой насмешки до уничтожающего сарказма, модальность» [Сурикова, 2020, с. 37]. Преобладание комического в демотиваторах В. Винников объясняет наличием парадокса, лежащего в основе любого демотиватора [Винников, 2010].

Применительно к поликодовым текстам, к которым относятся демотиваторы, подобный парадокс может реализовываться либо в каждом из компонентов (вербальном и иконическом), либо только в одном из них, либо обнаруживаться исключительно в процессе параллельного декодирования и достигаться при помощи различных стилистических приемов, реализуемых как в вербальном сообщении, так и в иконическом компоненте демотиватора. При этом создание цельного семиотического комплекса, оказывающего при единовременном двойном декодировании единый прагматический эффект, достигается путем сопряжения вербального текста и иконического компонента и проявляется в разной степени в виде взаимодополнения, дублирования, контрарности / контрадикторности компонентов демотиватора.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Анализируя советские плакаты как тип креолизованного текста, включающего в себя вербальные и невербальные составляющие, Ю. Ю. Данилова, Д. Р. Нуриева подчеркивают следующие функции, выполняемые изображением на плакате: аттрактивная, информативная, экспрессивная, сатирическая и символическая функции [Данилова и др., 2015, с. 410—411]. Можно сказать, что иконический компонент в демотиваторах, представля-

CC BY

ющих собой новый тип креолизованных (поликодовых) текстов, сохранил за собой перечисленные функции, характерные для изображения на плакате, дополнив перечень юмористической функцией. Выполнение указанных функций изображением достигалось в том числе благодаря визуальным стилистическим средствам, используемым в креолизованных текстах.

Стоит отметить, что способность изображения оказывать воздействие на адресата через посредство стилистических приемов, а также характер реализации стилистических приемов в иконическом компоненте рассматривались исследователями в большинстве случаев на примере изучения социальной и коммерческой рекламы, что, в частности, отражено в работах В. А. Каменевой, Н. В. Рабкиной, О. Н. Горбачевой [Каменева и др., 2022; Горбачева и др., 2014; Каменева и др., 2015], Е. А. Уваровой [Уварова, 2020], Д. Быльевой [Быльева, 2005], М. В. Терских, М. Г. Павчун [Терских и др., 2014], А. А. Давтян [Давтян, 2020], Ю. В. Донсковой, А. Д. Куриловой, О. А. Махно [Донскова и др., 2023], И. Т. Вепревой, Ян Чжибин [Вепрева и др., 2023], M. Bolognesi [Bolognesi, 2017], F. Yus [Yus, 2009], Ch. Forceville [Forceville, 1996].

Изучая построение визуальных стилистических средств, к которым В. А. Каменева, Н. В. Рабкина, О. Н. Горбачева относят «следующие тропы: метафора, сравнение, аллюзия, синекдоха, гипербола, литота, графон, эвфемизм, персонификация, деперсонификация и градация» [Каменева и др., 2022, с. 205], ученые отмечают, что указанные средства «создаются по принципам их словесных аналогов, что позволяет повысить их воздействие на передачу информации» [Там же, с. 206].

Настоящая статья ставит ***целью*** рассмотреть наиболее типичные визуальные стилистические средства, используемые в иконическом компоненте демотиваторов периода пандемии и самоизоляции. ***Материалом исследования*** послужили отобранные методом аспектной выборки из социальной сети ВКонтакте, на сервисе Яндекс.Картинки и иных развлекательных сайтах и порталах сети Интернет более 200 статических поликодовых текстов (демотиваторов), посвященных распространению сообщений об опасности появившейся новой коронавирусной инфекции COVID-19, периоду массовой самоизоляции, созданию инъекции и необходимости вакцинации. Хронологическими рамками исследования стал период: январь 2020 года — февраль 2023 года.

Рассмотрение поликодовых текстов в рамках поставленной цели осуществлялось с использованием семиотического анализа, позволившего осуществить интерпретацию систем знаков, составляющих поликодовые тексты, служащих для выражения определенного содержания и обеспечивающих понимание текста как комплексной композиции. Определение

CC BY

стилистических приемов, реализуемых исключительно визуально в иконической части демотиваторов, а также визуально и вербально, обеспечивалось с помощью описательного и сравнительного методов, позволивших обозначить типы семантических преобразований исходных значений и описать особенности их проявлений, а также методов синтеза, обобщения и статистического анализа полученных результатов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Стилистические особенности демотиваторов периода пандемии COVID-19 и самоизоляции, проявляемые исключительно на иконическом уровне

Обращаясь к материалу настоящего исследования, которым являются демотиваторы периода пандемии и самоизоляции, отметим, что в 47 % рассмотренных поликодовых текстов стилистические приемы были представлены исключительно в иконической части. Вербальный компонент либо полностью отсутствовал (13 % от общего числа проанализированных текстов), либо служил пояснением смысла, отраженного в иллюстрации (34 % от общего числа проанализированных текстов).

Отметим, что самым частотным из визуальных стилистических средств является визуальная метафора. Характеризуя изобразительную метафору, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «изобразительная метафора лишена субъективности; это не более чем образ, приобретающий в том или другом художественном контексте символическую (ключевую) значимость, более широкий, обобщающий смысл» [Теория метафоры ..., 1990, с. 22]. Согласно определению, предлагаемому В. А. Каменевой, Н. В. Рабкиной, О. Н. Горбачевой, занимающимися исследованием визуальной стилистики на материале рекламных текстов, «в социальной интернет-рекламе визуальную метафору можно интерпретировать как замену визуальной информации: визуальная метафора затемняет социальную проблему, представляя ее таким образом, что реципиент начинает осознавать последствия социального бездействия или игнорирования этой проблемы» [Каменева и др., 2022, с. 201].

Характерными для обозначенного промежутка времени явились демотиваторы, служащие цели привить внимание общества к медицинским работникам, совершавшим несомненный подвиг по спасению человеческих жизней.

Образ врача представлен в различных метафорических воплощениях (подробнее см. [Гукосьянц, 2023]), среди которых, как показывает исследование, самыми распространенными выступают образ «врач-воин» и образ «врач-супергерой» (рис. 9). Менее распространенным, но достаточно

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 1 Реализация в тексте визуальной метафоры [АА]

Рис. 2 Реализация в тексте визуальной метафоры [АА]

знаковым в период создания спасительной вакцины стал образ «врач-Бог». Медик-исследователь, запечатленный на рисунке 1, — единственная надежда представителей всех конфессий в борьбе с активно распространяющейся коронавирусной инфекцией. Возвеличивание с помощью аналогичных метафорических переосмыслений образа врачей, с одной стороны, показывает их исключительную роль в борьбе с заболеванием, с другой — восприятие обществом докторов как единственную надежду на спасение. Окончание периода пандемии и жестких социальных ограничений воплощено на рисунке 2 также с применением визуальной метафоры: санитарные маски, обязательные для ношения в общественных местах, с окончанием пандемии стали только рекомендуемыми, с ними попрощались как с клином улетающих птиц. Удачный выбор метафорических образов,

CC BY

транслируемых в иконическом компоненте демотиваторов, обеспечивает однозначное понимание адресатами заложенных автором смыслов, чем объясняется отсутствие дополнительных вербальных пояснений на рисунке 1 и рисунке 2.

В представленных ниже примерах стилистические приемы присутствуют также исключительно в иконическом компоненте. Однако понимание смысла возможно благодаря присутствующим вербальным пояснениям.

Рис. 3 Реализация в тексте визуальной аллюзии [АА]

Визуальной аллюзией на мультфильм «Бобик в гостях у Барбоса» (режиссер В. И. Попов, 1977), снятый по одноименному рассказу Н. Н. Носкова, является изображение, представленное на рисунке 3. Барбос, выгуливающий дедушку на поводке (слева), и пародийный снимок собаки, ведущей на поводке хозяина (справа), обращают внимание получателей аудитории на режим самоизоляции и принятые антикоронавирусные меры, согласно которым одной из допустимых ситуаций нахождения на улице стал выгул собак.

Усиление степени выраженности признаков, характеристик объекта или ситуации, воздействующее на эмоциональное восприятие данного объекта или ситуации, запечатленное в иконической части поликодового текста, также выявлено в материале исследования. Прием визуальной градации, используемый для демонстрации динамики изменений во внешности человека, ожидающего окончания карантина (рис. 4), обращает внимание получателей демотиватора на понимание автором затяжного периода действия ограничительных мер, на невысказанное недовольство данным фактом.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Рис. 4 Реализация в тексте визуальной градации [АА]

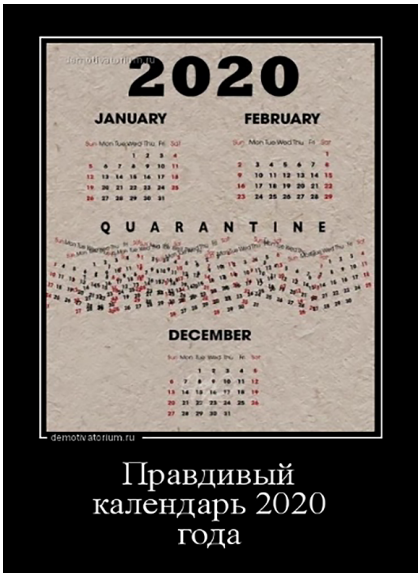

Рис. 5 Реализация в тексте визуальной аллегории [АА]

В иконической части демотиваторов периода пандемии представлены также аллегории, заключающиеся «в иносказательном изображении отвлеченного понятия при помощи конкретного жизненного образа» [Розенталь, 1985, с. 14]. Вербальный текст на рисунке гласит — «Правдивый календарь

CC BY

2020 года» (рис. 5). Вся «правда», признаваемая автором, раскрывается через изображение, в котором период с марта по декабрь 2020 года (время массового карантина) представлен в виде спутанных дат. Конкретный образ, используемый автором демотиватора, выражает непростой этап, дезориентировавший людей во всем мире, период серьезных ограничительных мер, вмешавшийся в привычный для людей ход событий и сбивший все планы.

Рис. 6 Реализация в тексте визуального сравнения [АА]

К числу часто встречающихся визуально-стилистических приемов, наблюдаемых в демотиваторах периода пандемии, можем отнести сравнение, освещающее существующую проблему, непонимание происходящего. Проводя параллель между визуальной метафорой и визуальным сравнением, В. А. Каменева, Н. В. Рабкина и О. Н. Горбачева отмечают, что последнее основано «на двух контрастных изображениях и передает прямой, не завуалированный подход к продвижению объекта» [Каменева и др., 2022, с. 202]. Визуальное сравнение — распространенный визуально-стилистический прием в демотиваторах. Создаваемый в изображении контраст (рис. 6) создает комический эффект, привлекающий внимание к несоответствию между сообщениями в СМИ об активной вакцинации и присутствовавшим в реальности стремлением части населения избежать вакцинации.

Сопоставление привычного поведения супергероя, появляющегося в сложных ситуациях и спасающего мир от злодеев, и выбранного им пути для борьбы с инфекцией — остаться дома и ничего не предпринимать — создают антитезу, изображаемую в демотиваторе (рис. 7). Смысловое противоречие в рассматриваемом случае обладает мощным воздействующим эффектом и направляет адресатов на выбор правильного образа действий в период строгих ограничений.

CC BY

Рис. 7 Реализация в тексте визуальной антитезы [АА]

3.2. Демотиваторы периода пандемии COVID-19 и самоизоляции со стилистическими приемами в иконическом и вербальном компонентах

В 53 % случаев от общего числа проанализированного материала стилистические приемы использовались авторами как в иконической, так и в вербальной части. Дублирование стилистических приемов в вербальном тексте и в изображении характерно для 33 % исследуемых демотиваторов. Отметим, что лидирующим приемом по числу реализации в данном случае также является визуальная метафора, поддержанная вербальной.

Рис. 8 Реализация в тексте визуальной метафоры [АА]

CC BY

Рис. 9 Реализация в тексте визуальной метафоры [АА]

Ограничительные меры на перемещение по стране и за рубеж, закрытие курортов, предпринятые в целях предотвращения распространения инфекционного заболевания и пришедшиеся на период отпуска у многих категорий населения, сделали невозможными привычные для многих летние путешествия. Сложный образ, формируемый при соотнесении демонстрируемых на рисунке 8 объектов с их вербальным описанием, позволяет идентифицировать авторскую иронию, сатирическое изображение жизненного этапа, связанного с периодом самоизоляции. Раскрытие метафорического образа «врач-супергерой» (рис. 9) осуществляется как в иконической части демотиватора через облачение медицинского работника в узнаваемый плащ супермена, так и в текстовой части демотиватора, в которой метафорическая номинация транслируется вербально.

Вербальный компонент демотиватора, представленного на рисунке 10, содержит намеренное преувеличение (*купил 500 кг гречки*), целью которого является акцентировать внимание на опасениях людей в период пандемии относительно наступления продовольственного кризиса и в комическом свете представить массовые закупки круп, происходящие в этот период. В рассматриваемом случае гипербола в вербальном тексте поддержана и в иконической части в виде большой миски, полной, согласно вербальному тексту, гречки. Для мема использован эпизод из фильма «Белое солнце пустыни», в котором Настастья (в исполнении Р. С. Куркиной), жена таможенника П. А. Верещагина (в исполнении П. Б. Луспекаева), кормит мужа,

CC BY

Рис. 10 Реализация в тексте визуальной гиперболы [АА]

и нерадостный вид героя в этот момент в рассматриваемом демотиваторе можно трактовать как нежелание более питаться предлагаемым угощением. Этот поликодовый текст показывает обреченность сложившейся ситуации и высмеивает панику, появившуюся у населения.

Рис. 11 Реализация в тексте визуальной метафоры [АА]

Привлечение внимания к существующей социальной проблеме становится возможным благодаря комическому эффекту, достигаемому через

CC BY

обыгрывание прецедентного текста. Текст демотиватора, представленного на рисунке 11, представляет собой аллюзию на роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (Глава I, строфа I, строки 2—4), тогда как иконический компонент — это отсылка к самому великому автору, реализация визуальной аллюзии. Согласно определению, предлагаемому О. Н. Горбачевой, В. А. Каменевой, исследовавшими визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе, под ***визуальной аллюзией*** понимается «употребление широко известного в глобальном мире образа (культуры, политики, экономики (торговли) и т. д.), личности (писателя, деятеля науки или политики и т. д.) или персонажа (книг, сериалов, комиксов и т. д.) в текстах социальной интернет-рекламы как для привлечения внимания к определенной социальной проблеме, так и для аргументации даваемой оценки социальной проблемы» [Горбачева, 2014, с. 126]. Замена одной из строк (*Он маску на себя напялил*), как и изображение Александра Сергеевича в маске, демонстрируемое в иконической части, выражает иронию автора демотиватора в отношении требования, предъявляемого к населению в период пандемии COVID-19 — носить маску в общественных местах.

Рис. 12 Реализация в тексте визуального каламбура [АА]

В качестве стилистического средства создания комического в демотиваторах периода пандемии использовался каламбур, построенный на омонимии. *Корона*, подаренная человеку природой, упомянутая в вербальной части демотиватора (рис. 12) и поддерживаемая изображением части короны — головного убора, символизирующего власть, контрастирует с неоло-

CC BY

гизмом, появившимся в период пандемии («Корона — *разг.* 1. О коронавирусе SARS-CoV-2, вызывающем коронавирусную инфекцию COVID-19; то же, что коронавирус, ковид; 2. О болезни, вызванной коронавирусной инфекцией; о ковиде; то же, ковид, коронавирус» [Словарь ..., 2021, с. 136]). Зубцы изображенной короны, напоминающие шипы частицы коронавируса, обеспечивают правильное декодирование транслируемой данным демотиватором идеи: человек, возомнивший себя царем вселенной, оказался слаб и беззащитен перед новой инфекцией, распространившейся в мире.

В 20 % случаев стилистический прием, используемый автором в вербальной части демотиватора, отличался от стилистического приема, применяемого в изображении.

Рис. 13 Реализация в тексте визуального параллелизма [АА]

Расположение в одном демотиваторе двух похожих картинок с целью определения сходства и различий между ними можно рассматривать в качестве образца визуального параллелизма. Обе картинки, из которых состоит демотиватор на рисунке 13, практически полностью идентичны и изображают не совсем опрятную девушку, которая, лежа на диване со смартфоном в руках, потребляет вредную пищу. Смысл, закладываемый автором, раскрывается с помощью вербального компонента, представляющего собой контекстуальное противопоставление и являющегося примером вербальной антитезы. Так, если до пандемии человека, которому свойственно изображаемое на рисунке 13 поведение, отнесли бы к числу домоседов (с актуализацией смысла ‘бездельник’), то в период массового карантина в связи с рекомендациями ограничить контакты и временно самоизолироваться подобное поведение оценивалось как проявление сознательности.

CC BY

Рис. 14 Реализация в тексте визуальной контаминации [АА]

Рис. 15 Реализация в тексте визуальной контаминации [АА]

Характерным для демотиваторов, созданных в период пандемии COVID-19, является прием визуальной контаминации, заключающийся «в объединении частей разных изображений в единый образ, не получающий, однако, общего наименования» [Анисимова и др., 2022, с. 192]. На рисунке 14 изображены наручные часы, на циферблате которых размещен QR-код, представляющий собой отсылку к «цифровым пропускам», по которым ра-

CC BY

ботающие граждане передвигались в условиях самоизоляции, и к «паспорту вакцинированного», выдаваемого в виде QR-кода и подтверждающего наличие сертификата о вакцинации или недавно перенесенном заболевании. В период пандемии разрешение на посещение объектов массового скопления людей (объектов общественного питания, конференций, концертов, иных общественных мест) осуществлялось по предъявлению QR-кода. Ситуация присваивания гражданам индивидуальных кодов обыграна на рисунке 14 в виде визуальной контаминации (совмещение циферблата и QR-кода) и поддержана графодеривацией, заключающейся во включении литерограммы (аббревиатуры QR) в состав слова *кварцевые.* Подобное новое понимание кварцевых часов как аксессуара, несущего в себе информацию о QR-коде владельца, вступает в противоречие с изначальным привычным знанием о часах с кварцевым механизмом, что порождает значительное воздействие на адресата. Генерируемый эффект усиливается благодаря предлагаемому в демотиваторе вербальному тексту, внушающему страх адресатам.

Примером визуальной контаминации является также изображение на рисунке 15. Эмблема Олимпийских игр — пять переплетенных разноцветных колец — трансформирована и представлена в виде колец, находящихся на расстоянии друг от друга. Зеленое кольцо заменено на сферическую частицу, которыми принято изображать вирионы коронавируса. Подобная модификация узнаваемой эмблемы, с одной стороны, характеризует условия биобезопасности, при которых проводились тридцать вторые летние Олимпийские игры в Токио, перенесенные из-за пандемии COVID-19 с 2020 года на 2021 год. С другой стороны, рассматриваемый поликодовый текст — это карикатура на ограниченные физические упражнения людей, находящихся в ситуации карантина и введенного режима строгой изоляции. Данный смысл поддержан вербальным текстом демотиватора, представляющим собой авторские окказионализмы (*карантиниада, пятижорье, котлетика, алкогольф*), каламбуры, основу которых составляют омофоны (*перетягивание салата, фигурное питание, балконный спорт*).

4. Заключение = Conclusions

Структурная особенность демотиватора как текста, состоящего из элементов разных знаковых систем (вербальной и иконической), особенности функционирования и высокий прагматический потенциал данных единиц обусловливают необходимость изучения и разъяснения вопросов, связанных с принципами построения данного образования, характером сопряжения и функциональной нагрузкой его вербального и иконического компонентов. Усиление эффективности воздействия демотиваторов возможно в том числе благодаря использованию стилистических приемов, которые

CC BY

внедряются авторами сообщений как в вербальный текст, так и в само изображение. При этом изображение, демонстрируемое в поликодовом тексте и привлекающее внимание адресатов, дополняя и раскрывая вербальный текст, «считывается» получателями сообщений значительно быстрее вербального компонента. Данная особенность поликодовых образований стимулирует их авторов к созданию более выразительных иконических компонентов. Достижение указанной задачи возможно в том числе и посредством внедрения стилистических приемов не только в вербальный текст, но и в транслируемое с ним изображение.

Настоящая работа, в которой предпринята попытка проследить стилистический потенциал иконического компонента демотиваторов, посвященных периоду пандемии COVID-19, обнаружила следующие стилистические приемы, характерные для обозначенного материала исследования. Наиболее частотным используемым приемом является визуальная метафора, которая реализуется как исключительно в иконической части, так и в ряде случаев поддержана также вербальной метафорой. Визуальные преувеличения, сравнение, аллюзия, контаминация, градация, каламбур, аллегория, параллелизм, антитеза также популярны в рассматриваемом материале и обеспечивают должный прагматический эффект. В 33 % проанализированных демотиваторов, содержащих стилистические приемы в иконической части, аналогичные стилистические приемы использованы авторами в вербальном тексте, сопровождающем изображение. В 20 % случаев вербальный компонент демотиваторов содержал иные стилистические фигуры, но также обладал характерной образностью и выразительностью. 47 % рассмотренных поликодовых текстов содержали стилистические приемы исключительно на иконическом уровне. Вербальная составляющая в данном случае либо полностью отсутствовала, либо служила пояснением смысла, отраженного в иллюстрации.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — Архив авторов.

2. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая. — Ред. Коллегия : Е. С. Громенко, А. С. Павлова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Ю. С. Ридецкая.— Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с. — ISBN 978-5-6044839-0-9.

3. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителей / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Просвещение, 1985. — 399 с.

CC BY

Литература

1. Анисимова Т. В. Роль визуального компонента в создании стилистических фигур речи на плакатах социальной рекламы / Т. В. Анисимова, С. А. Чубай // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 2. — С. 192—205. — DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-192-205.

2. Брагина Н. Г. Новые интернет-жанры : демотиватор и «аткрытка» / Н. Г. Брагина // Человек. Сознание. Коммуникации. Интернет. — Материалы VI международной научной конференции «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира», Лёвен, 22—25 мая 2014 года. — Брюссель : Российский центр науки и культуры, 2014. — С. 274—283.

3. Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации : жанровые признаки, функции, структура, стилистика / И. В. Бугаева // Стиль. — 2011. — № 10. — С. 147—158.

4. Быльева Д. Семиотика визуальных образов в рекламном плакате / Д. Быльева // Реклама. Теория и практика. — 2005. — № 2. — С. 55—64.

5. Вепрева И. Т. Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева, Ян Чжибин // Научный диалог. — 2023. — № 12 (2). — С. 102—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123.

6. Винников В. Демотиваторы : жанр русского фольклора [Электронный ресурс] / В. Винников. — Завтра. — 2010. — № 45 (886). — Режим доступа : http://zavtra.ru/content/view/2010-11-1081 (дата обращения 11.03.2024).

7. Горбачева О. Н. Визуальные стилистические средства в социальной интернет-рекламе, или Зарождение визуальной стилистики текста / О. Н. Горбачева, В. А. Каменева // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 124—127.

8. Гукосьянц О. Ю. Метафорические переосмысления образа медицинского работника и образа COVID-19 в демотиваторах периода пандемии / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2023. — № 12 (9). — С. 142—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161.

9. Давтян А. А. Гиперболизация как творческий прием в рекламной коммуникации / А. А. Давтян // Реклама. Теория и практика. — 2020. — № 4. — С. 308—318.

10. Данилова Ю. Ю. Советские плакаты как средство визуально-вербальной политической агитации / Ю. Ю. Данилова, Д. Р. Нуриева // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 2 (51). — С. 408—411.

11. Донскова Ю. В. Семиотика рекламы вакцинации в медиадискурсе / Ю. В. Донскова, А. Д. Курилова, О. А. Махно // Научный диалог. — 2023. — № 12 (7). — С. 83—101. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101.

12. Каменева В. А. Визуальная стилистика (на материале рекламного текста) / В. А. Каменева, Н. В. Рабкина, О. Н. Горбачева. // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 199—207. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_21.

13. Каменева В. А. Глобальная социальная интернет-реклама. Воздействующий потенциал визуального олицетворения и овеществления в социальной интернет-рекламе / В. А. Каменева, О. Н. Горбачева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2 (52). — С. 144—149.

14. Лутовинова О. В. Демотиватор как вид сетевого творчества / О. В. Лутовинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2016. — № 3 (15). — С. 28—36. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.3.

15. Салимова О. А. Демотиватор как жанр современного фольклора / О. А. Салимова // Вестник научных конференций. — 2021. — № 6—2 (70). — С. 70—72.

16. Сурикова Т. И. Демотиватор в медиадискурсе: границы и свойства жанра / Т. И. Сурикова // Медиалингвистика. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 29—50. — DOI: 10.21638/spbu22.2020.103.

17. Сурикова Т. И. Демотиватор и мотиватор как жанры медиадискурса : взгляд лингвиста / Т. И. Сурикова // Дизайн СМИ : тренды XXI века. — 2019. — № 4. — С. 271—281.

18. Теория метафоры : сборник : пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. — Москва : Прогресс, 1990. — 512 с. — ISBN 5-01-001599-4.

19. Терских М. В. Специфика метафоризации в современном рекламном дискурсе : визуальный компонент / М. В. Терских, М. Г. Павчун // Лингвокультурология. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2014. — Выпуск 8. — С. 164—167.

20. Уварова Е. А. Иконический компонент поликодового медиатекста и его стилистический потенциал / Е. А. Уварова // Преподаватель XXI век. — 2020. — № 2—2. — С. 380—392. — DOI: 10.31862/2073-9613-2020-2-380-392.

21. Ухова Л. В. Демотивационный постер как жанр современной интернет-коммуникации / Л. В. Ухова // Modern linguistic systems as instruments of the reality transformation / Pavlov V. V. (Ch. ed.). — Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the LXXVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philological sciences, London, February 20 — February 25, 2014. — London : International Academy of Science and Higher Education, 2014. — С. 54—59.

22. Щурина Ю. В. Демотиватор как комический речевой жанр интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. — Материалы I международной научной конференции. Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов- когнитологов», Алтайское региональное отделение ; Алтайская государственная педагогическая академия, Лингвистический институт, Барнаул, 05—07 октября 2011 года. — Барнаул : Изд-во Алтайского гос. пед. ун-та, 2012. — С. 405—407.

23. Bolognesi M. Conceptual metaphors and metaphorical expressions in images / M. Bolognesi // Cognitive modelling in language and discourse across cultures. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2017. — Pp. 367—383.

24. Forceville Ch. Pictorial metaphor in advertising / Ch. Forceville. — London, New York : Routledge, 1996. — 233 p. — ISBN 0-415-12868-4.

25. Yus F. Visual metaphor versus verbal metaphor : a unified account / F. Yus. — Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 2009. — Pp. 147—172.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 17.04.2024.

Material resources

AA — Archive of authors. (In Russ.).

Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (1985). Dictionary of linguistic terms: A handbook for teachers. 3rd ed., ispr. and add. Moscow: Prosveshchenie. 399 p. (In Russ.).

Walter, H., Gromenko, E. S., Kozhevnikov, A. Yu. (2021). Dictionary of the Russian language of the coronavirus era. Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 550 p. ISBN 978-5-6044839-0-9. (In Russ.).

References

Anisimova, T. V., Chubai, S. A. (2022). The role of the visual component in the creation of stylistic figures of speech on posters of social advertising. Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 2: 192—205. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-192-205. (In Russ.).

Bolognesi, M. (2017). Conceptual metaphors and metaphorical expressions in images. In: Cognitive modelling in language and discourse across cultures. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 367—383.

Bragina, N. G. (2014). New Internet genres: demotivator and "attack". In: Human. Conscience. Communications. The Internet. — Proceedings of the VI International Scientific conference "The Russian language in the linguistic and cultural space of Europe and the world", Leuven, May 22—25, 2014. Brussels: Russian Center of Science and Culture. 274—283. (In Russ.).

Bugaeva, I. V. (2011). Demotivators as a new genre in Internet communication: genre features, functions, structure, stylistics. Style, 10: 147—158. (In Russ.).

Bylyeva, D. (2005). Semiotics of visual images in an advertising poster. Advertising. Theory and practice, 2: 55—64. (In Russ.).

Danilova, Yu. Yu., Nurieva, D. R. (2015). Soviet posters as a means of visual and verbal political agitation. The world of science, culture, and education, 2 (51): 408—411. (In Russ.).

Davtyan, A. A. (2005). Hyperbolization as a creative technique in advertising communication. Advertising. Theory and practice, 4: 308—318. (In Russ.).

Donskova, Yu. V., Kurilova, A. D., Makhno, O. A. (2023). Semiotics of Vaccination Adver-tising in Media Discourse. Nauchnyi dialog, 12 (7): 83—101. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-7-83-101 (In Russ.).

Forceville, Ch. (1996). Pictorial metaphor in advertising. London, New York: Routledge. 233 p. ISBN 0-415-12868-4.

Gorbacheva, O. N., Kameneva, V. A. (2014). Visual stylistic means in social Internet advertising, or the origin of the visual stylistics of the text. Political linguistics, 2 (48): 124—127. (In Russ.).

Gukosyants, O. Yu. (2023). Reimagining Healthcare Workers and COVID-19 in Demotivational Posters During Pandemic. Nauchnyi dialog, 12(9): 142—161. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161 (In Russ.).

Kameneva, V. A., Gorbacheva, O. N. (2015). Global social Internet advertising. The influencing potential of visual personification and reification in social Internet advertising. Political Linguistics, 2 (52): 144—149. (In Russ.).

Kameneva, V. A. (2022). Visual stylistics (based on the material of the advertising text). Political Linguistics, 5 (95): 199—207. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_21. (In Russ.).

Lutovinova, O. V. (2016). Demotivator as a type of network creativity. Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics, 3 (15): 28—36. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.3. (In Russ.).

Salimova, O. A. (2021). Demotivator as a genre of modern folklore. Bulletin of scientific conferences, 6—2 (70): 70—72. (In Russ.).

Shchurina, Yu. V. (2012). Demotivator as a comic speech genre of Internet communication. In: Functional and cognitive analysis of linguistic units and its applicative potential. Barnaul: Publishing House of the Altai State Pedagogical University. Unita. 405—407. (In Russ.).

Surikova, T. I. (2019). Demotivator and motivator as genres of media discourse: a linguist's view. Media design: trends of the XXI century, 4: 271—281. (In Russ.).

Surikova, T. I. (2020). Demotivator in media discourse: boundaries and properties of the genre. Media linguistics, 7 (1): 29—50. DOI: 10.21638/spbu22.2020.103. (In Russ.).

Terskikh, M. V., Pavchun, M. G. (2014). Specificity of metaphorization in modern advertising discourse: a visual component. Linguoculturology, 8: Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 164—167. (In Russ.).

Theory of metaphor: Collection. (1990). Moscow: Progress. 512 p. ISBN 5-01-001599-4. (In Russ.).

Ukhova, L. V. (2014). Demotivation poster as a genre of modern Internet communication. In: Modern linguistic systems as instruments of the reality transformation. London: International Academy of Science and Higher Education. 54—59. (In Russ.).

Uvarova, E. A. (2020). The iconic component of the polycode media text and its stylistic potential. Teacher XXI century, 2—2: 380—392. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-2-380-392. (In Russ.).

Vepreva, I. T., Yang Zhibing. (2023). Axiosphere of Social Advertising Poster about Coronavirus in Russia and China. Nauchnyi dialog, 12 (2): 102—123. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123. (In Russ.).

Vinnikov, V. (2010). Demotivators: the genre of Russian folklore. Tomorrow, 45 (886). Available at: http://zavtra.ru/content/view/2010-11-1081 (accessed 03/11/2024). (In Russ.).

Yus, F. (2009). Visual metaphor versus verbal metaphor: a unified account. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 147—172.

The article was submitted 16.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 17.04.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шакенова М. Т. Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана) / М. Т. Шакенова, М. Б. Айтмагамбетова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 149—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168.

Shakenova, M. T., Aitmagambetova, M. B. (2024). Manipulative Techniques in Media Texts: A Case Study of Russian-Language Media in Kazakhstan. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 149-168. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана)

Шакенова Майгуль Тулегеновна [1]
orcid.org/0000-0002-1329-4939
кандидат филологических наук,
корреспондирующий автор
maigul1379@mail.ru

Айтмагамбетова Марал Бейсетаевна [2]
orcid.org/0000-0002-0361-5444
кандидат филологических наук
dogma19@mail.ru

[1] Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова
(Шымкент, Казахстан)

[2] Общественный фонд TAUAN
(Павлодар, Казахстан)

Благодарности:
Исследование финансировалось Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP19679821 «Разработка методики распознавания медиаманипулирования и продвижения медиаграмотности в условиях информационного пространства»).

Manipulative Techniques in Media Texts: A Case Study of Russian-Language Media in Kazakhstan

Maigul T. Shakenova [1]
orcid.org/0000-0002-1329-4939
PhD in Philology,
Corresponding author
maigul1379@mail.ru

Maral B. Aitmagambetova [2]
orcid.org/0000-0002-0361-5444
PhD in Philology
dogma19@mail.ru

[1] South Kazakhstan University named after M. Auezov
(Shymkent, Kazakhstan)

[2] Public Foundation TAUAN
(Pavlodar, Kazakhstan)

Acknowledgments:
This research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (grant № AP19679821 “Development of a methodology for recognizing media manipulation and promoting media literacy in the information space”).

© Шакенова М. Т., Айтмагамбетова М. Б., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются приемы манипулирования сознанием в массмедиа на примере контент-анализа казахстанских русскоязычных источников. Авторы расскрывают понятие манипуляции. Медиаманипулирование осуществляется на разных уровнях — информационном и эмоционально-экспрессивном согласно двум ведущим функциям языка СМИ: информирование и воздействие. В соответствии с этим манипуляция реализуется на уровне информации или экспрессии. Приводятся примеры информационного манипулирования через расширение сведений об описываемом объекте посредством включения дополнительных, метакоммуникативных и модифицированных сведений. Другой уровень манипулирования в СМИ — эмоционально-экспрессивное воздействие. Такое манипулирование основывается на навешивании ярлыков, апелляции к авторитету, интересам простых людей, на апелляции к ценностям, традициям, на использовании ассоциативного связывания, ложных сопоставлений, ложной альтернативы, на эксплуатации лозунгов, теорий заговора, мифов, высмеивания и других приемов. По мнению авторов, использование приемов медиаманипулирования порождает когнитивную напряженность при понимании дополнительного смысла, что приводит к изменению отношения, оценки и эмоционального восприятия информации со стороны аудитории.

Ключевые слова:
массмедиа; медиадискурс; Казахстан; информационное манипулирование; эмоционально-экспрессивное манипулирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the methods of manipulation of consciousness in the mass media on the example of content analysis of Kazakhstan Russian-language sources. The authors reveal the concept of manipulation. Media manipulation is carried out at different levels - informational and emotionally expressive according to the two leading functions of the media language: information and impact. In accordance with this, the manipulation is realised at the level of information or expression. Examples of information manipulation through the expansion of information about the described object by including additional, metacommunicative and modified information are given. Another level of manipulation in the media is emotional and expressive influence. Such manipulation is based on labelling, appealing to authority, the interests of ordinary people, appealing to values, traditions, the use of associative binding, false comparisons, false alternatives, exploitation of slogans, conspiracy theories, myths, ridicule and other techniques. According to the authors, the use of media manipulation techniques generates cognitive tension when understanding additional meaning, which leads to a change in the attitude, evaluation and emotional perception of information on the part of the audience.

Key words: mass media; media discourse; Kazakhstan; informational manipulation; emotional-expressive manipulation.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81’272+821.161.1’42:070(574)
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-149-168

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Приемы манипулятивного воздействия в медиатекстах (на примере русскоязычных СМИ Казахстана)

© Шакенова М. Т., Айтмагамбетова М. Б., 2024

1. Введение = Introduction

Трансдисциплинарность манипуляции как объекта исследования очевидна. Ее многогранность привлекает внимание исследователей разных наук и научных направлений, от психологии и социологии до политических наук, медиакоммуникаций и лингвистики. Это обусловлено тем, что современные массмедиа играют ключевую роль в формировании общественного мнения и воздействии на сознание массовой аудитории.

Согласно исследованию объемов медиапотребления, проведенному в ряде стран Центральной Азии, в Казахстане наглядно фиксируется популярность онлайн-источников информации, в том числе социальных медиа (рис. 1). Возрастающее значение онлайн-СМИ оказывает влияние на производство контента, его содержание и языковую форму.

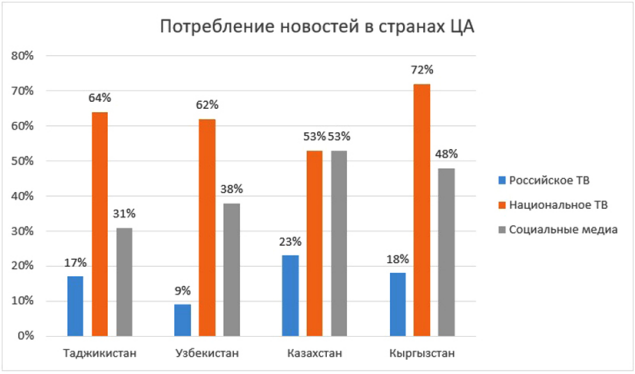

Рис. 1. Потребление отечественных новостных источников по странам Центральной Азии [Вестербай и др., 2023]

CC BY

Язык массовой коммуникации является инструментом воздействия на сознание потребителей информации. Используемые в средствах массовой информации языковые единицы служат выражению авторской позиции и способствуют реализации задач высказывания. При этом ведущим мотивом является удовлетворение базовых потребностей адресата, поскольку это обусловливает интерес к информации в СМИ и служит источником манипуляции сознанием. Согласно ведущим функциям языка публичной сферы коммуникации в текстах массовой информации манипулятивное влияние определяется двумя направлениями: информационным и воздействующим. Информационное манипулирование осуществляется в новостных текстах и строится на контекстуальной основе. Воздействующее манипулирование осуществляется в аналитических и рассуждающих материалах с помощью использования экспрессивно-оценочных языковых средств и стилистических приемов. Целью исследования является описание реализуемых в казахстанских русскоязычных СМИ способов и приемов медиаманипулирования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической базой исследования послужили научные труды ведущих зарубежных и отечественных ученых в области манипуляции, манипулятивного дискурса и медиаманипулирования. Учитывая междисциплинарный характер объекта исследования — манипулятивные тексты, мы использовали системный методологический подход, проявляющийся в интеграции знаний из различных научных дисциплин, в частности, психологии, социологии, политологии, медиакоммуникации и лингвистики, причем следует отметить, что нас в большей степени интересует лингвистическая сторона медиаманипулирования. В работе были применены методы исследования дискурса и контент-анализа для выявления основных приемов манипуляции сознанием в массмедиа. Материалом исследования послужил собранный нами корпус манипулятивных медиатекстов объемом в 1964 единицы из русскоязычных интернет-источников, таких как nur.kz, camonitor.kz, kz.expert, ktk.kz, turanpress.kz, rezonans.kz, azattyq.org, forbes.kz, orda.kz, tengrinews.kz и др.

Анализ научной литературы показал, что феномен манипуляции представляет большой интерес в гуманитарной науке, в связи с чем существует достаточно много исследований, раскрывающих ту или иную сторону данного явления. В ряде работ рассматриваются политические, экономические и культурные факторы, влияющие на формирование медиадискурса. Одной из ключевых фигур в изучении манипуляции является Т. ван Дейк, рассматривающий манипуляцию в контексте власти, социокультурных

CC BY

норм и структур. Следует отметить, что разработанный им триангулярный подход (triangulation framework), объединяющий дискурсивный, когнитивный и социальный аспекты, и критический дискурс-анализ стали ведущими методами исследования манипуляции в антропологической лингвистике. Ученым описан ряд идеологем, значимых для влияния власти на общество и контроля над ним [Dijk, 2006].

В работах по медиакоммуникации Маршалла Маклюэна отмечается, что СМИ оказывают глубокое воздействие на наше сознание и культуру, что нередко выполняют функцию зомбирования, лишают людей способности критически анализировать информацию [McLuhan et al., 1967].

Согласно концепции ЮНЕСКО, различные виды некорректной информации включают такие, как вводящий в заблуждение контент, самозваный контент, сфабрикованный контент, ложная связь между сведениями, ложный контекст, мифы и др. [Гриззл и др., 2022]. Все виды некорректной информации могут использоваться в манипулятивных целях. Сфабрикованный контент (или дезинформация) призван либо ввести в заблуждение целевую аудиторию, предлагая простые объяснения (как в случае с теориями заговора), либо запугать, дискредитировать и устранить тех, кто говорит правду, чтобы заставить людей поверить в дезинформацию.

В исследованиях Эгельхофер и Лечелер рассматривается дезинформация как политическое оружие, применяемая для дискредитации новостных организаций и введения общественности в заблуждение [Egelhofer et al., 2019]. В исследованиях Дэвида Фрилона и Кэролайн Уэллс рассматриваются фейковые новости как форма политической коммуникации и инструмент формирования общественного мнения, дестабилизации политических процессов и подрыва доверия к институтам власти [Freelon et al., 2020].

С точки зрения когнитивной прагматики интересны работы D. Maillat и др. Манипуляция в данных исследованиях рассматривается как определенно выстроенный контекст, в рамках которого происходит неосознанное блокирование в сознании читателя альтернативных пресуппозиций и выбор одного, выгодного манипулятору [Maillat, 2013]. Ученые отмечают, что формирование убеждений реципиента, выгодных манипулятору, и блокировка рационального мышления реализуются через выбор приемов манипулятивного воздействия [de Saussure, 2005, p. 117]. В работах Е. В. Доценко, посвященных изучению психологии манипуляции, подчеркивается ее имплицитный (скрытый) характер воздействия, при этом манипулируемый не осознает данного психологического воздействия, считая свои выводы самостоятельными и собственным убеждением. Манипулятор для достижения своих целей играет на «слабостях», болевых точках адресата, используя его сферу бессознательного [Доценко, 1997]. Проведенный нами контент-ана-

CC BY

лиз научной литературы в области манипуляции в различных науках и дискурсивных практиках показал, что все эти исследования объединяет один общий признак в понимании манипуляции — ее неявный (имплицитный) характер воздействия [Лексико-грамматические маркеры ..., 2020].

В работах ученых предлагаются различные классификации методов и приемов манипулирования. С. Кара-Мурза, рассматривая манипуляцию, выделяет манипуляцию словами и образами, размывание и подмену понятий, подмену имени и предмета, манипуляции числом и мерой, умолчание, стереотипы и др. [Кара-Мурза, 2005]. Е. Н. Иванова предлагает классификации манипулирования по типу намерений (негативная, нейтральная, позитивная), по цели применения (инструментальная, игровая, компенсаторная, реактивная), по средствам воздействия (эмоциональная, псевдологическая, физиологическая, консенсуальная) и др. [Иванова, 2020].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В соответствии с ведущими функциями языка СМИ — информированием и воздействием — возможно условное деление медиаманипулирования на два типа: информационное воздействие, или манипулирование на основе информации, и эмоционально-экспрессивное манипулирование.

Информационное манипулирование предполагает работу с информацией, выборочный отбор фактологической информации, выдергивание из контекста, манипуляцию статистическими данными, преднамеренное сокрытие части информации. Аудитория получает ту часть информации, которая позволяет склонить ее на сторону, необходимую автору. Такой подбор сведений изменяет восприятие информации, что служит основанием информационного манипулирования.

3.1. Информационное воздействие

Манипулирование на основе информации может осуществляться через введение дополнительной информации с целью конкретизации информационной основы высказывания; введение дополнительной метакоммуникативной информации для обеспечения адекватного восприятия адресатом переданной информации; формирование модификаций информации основного высказывания, что способствует созданию точности, общедоступности передаваемой информации. Важным фактором для данных приемов становится наличие общей апперцепционной базы манипулятора и его адресата.

Информационное манипулирование через **введение дополнительных сведений** происходит в процессе уточнения или конкретизации описываемой реалии. Как правило, дополнительная информация соответствует оценочным установкам автора и включает уточняющие данные, актуальные в данном контексте. Например: *Сигналы мобильной связи передаются*

CC BY

с помощью радиоволн. Чем больший радиочастотный спектр использует тот или иной оператор, тем лучше качество связи для конечного абонента — нагрузка распределяется более равномерно [nur.kz 3]. В представленном примере дополнительная информация не только способствует более полному пониманию специфики работы сотовой связи, но и содержит идею о том, что преимущественное качество связи принадлежит мобильному оператору, у которого наибольшее количество пользователей. Таким образом, информационное манипулирование состоит в указании на более высокое качество связи у мобильного оператора, который более популярен среди пользователей сотовых телефонов. Соответственно, дополнительная информация не только раскрывает подробности и уточняет понимание, но и косвенно указывает на особенности работы операторов сотовой связи, что может повлиять на выбор потребителей.

Особенности **введения метакоммуникативной информации** в публикацию в СМИ состоят в том, «чтобы обеспечить адекватное восприятие информации читателем» [Сиривля, 2013, с. 225]. Метакоммуникативная информация, как правило, напрямую не связана с содержанием письменного высказывания, но содействует более глубокому пониманию текста, а также направляет внимание читателя на значимые для создателя публикации аспекты, что способствует осуществлению информационного манипулирования. Например: *Казахстан — в топе по объему мобильного трафика на пользователя. Казахстан — одна из лидирующих стран по потреблению мобильного трафика, и утилизация мобильной сети очень высокая. … Средний объем мобильного трафика Интернет на 1 пользователя в Казахстане в 2022 году составил 13,9 Гбайт в месяц. Для сравнения, этот показатель в странах Северной Америки составил 5,6 Гбайт в месяц* [nur.kz 1]. Метакоммуникативная информация в приведенном примере представляет собой отдельное сообщение: *Для сравнения, этот показатель в странах Северной Америки составил 5,6 Гбайт в месяц.* Эти данные не несут значимой информационной нагрузки, однако усиливают воздействие информации, приведенной ранее, а также служат косвенным подтверждением заявленных цифр. Хотя для глубокого исследования одного факта недостаточно, но в контексте массовой коммуникации подобные метакоммуникативные данные позволяют осуществлять имплицитные манипуляции. Дополнительные сведения, приведенные в высказывании, способствуют формированию и закреплению мнения о том, что в Республике потребители сотовой связи активно пользуются данными Глобальной сети и используют для этого мобильные ресурсы. Соответственно, метакоммуникативные сведения служат информационному манипулированию в публикации.

CC BY

Информационное манипулирование через **модифицированные сведения об объекте** осуществляется через расширение сведений о предмете речи, которые преобразуют начальную информацию и дают повод иначе рассмотреть описываемую реалию. Например: *Согласно публиковавшимся в те годы информационным материалам, НК* (национальная компания. — *М. Ш., М. А.*) *занималась тщательным подсчетом въехавших в страну иностранцев (таковых с каждым годом вроде как становилось все больше), а также мониторила отчетность «мест размещения» (то есть, санаториев, кемпингов и прочих зон отдыха), дабы они не скрывали реальные данные обслуживания клиентов с целью занижения налогов* [turanpress.kz 4]. Представленный материал содержит модифицированные сведения, помещенные в скобки: *таковых с каждым годом вроде как становилось все больше.* Эта информация становится источником сомнений в продуктивности деятельности национальной компании, поскольку информация о ежегодном стабильном росте въезда туристов в страну не вызывает доверия, так как фактически туристический бизнес в стране не является активно развивающейся отраслью. Таким образом, модифицированные сведения изменяют восприятие информации, что служит основанием информационного манипулирования.

Исходя из приведенных примеров, можно обозначить, что информационное манипулирование осуществляется имплицитно через расширение сведений об описываемом объекте посредством дополнительных, метакоммуникативных и модифицированных сведений.

Ложная альтернатива и ложное сопоставление. Ложная альтернатива предполагает воображаемый выбор, при этом адресату предлагается несколько точек зрения, но мнение, выгодное коммуникатору, представлено в лучшем свете. Ложное сопоставление осуществляется, когда происходит сравнение двух объектов, не имеющих общих признаков, или когда в публикации подается одна ситуация за другой и у читателя складывается впечатление, будто вторая ситуация является следствием первой. Например: *Если бы были адекватные зарплаты, люди, во-первых, меньше брали бы кредиты, а во-вторых, закредитованность не ощущалась бы в принципе. В РК нормальная кредитная нагрузка на человека, но кредитная нагрузка на зарплату огромная* [turanpress.kz 3]. В данном примере представлено ложное сопоставление. Автор связывает проблему с кредитами преимущественно с уровнем заработной платы, предполагая, что, если бы были адекватные зарплаты, проблемы с кредитами были бы решены. Однако проблема с кредитами может быть вызвана не только низкими зарплатами, но и другими факторами, такими как экономическая нестабильность, непредвиденные расходы, изменения в жизненной ситуации и т. д. Поэтому

CC BY

утверждение об ощущении кредитной нагрузки только в случае адекватных зарплат ограничивает понимание проблемы. Ложное сопоставление вызывает неверные выводы и приводит к снижению уровня доверия и созданию конфронтации между странами. Таким образом, прием ложного сопоставления оказал желаемый манипулятивный эффект и привел к упрощенному пониманию проблемы кредитной нагрузки.

3.2. Эмоционально-экспрессивное манипулирование

Другой уровень манипулирования в СМИ формируется через привлечение эмоционально-экспрессивных средств. При этом воздействие может осуществляться явно, что, как правило, рассматривается в русле пропаганды, которая понимается как «мобилизация общественного мнения на поддержку претендующих на общенациональный статус целей и ценностей и политическая социализация населения» [Тогузаева, 2022]. Но более распространенным является скрытое воздействие, к которому относится манипуляция — довольно распространенная форма имплицитного преобразования общественного поведения. Скрытое воздействие, как правило, осуществляется в процессе обмена мнениями, в ходе которого отправитель сообщения передает собственное оценочное отношение посредством приемов имплицитного влияния с использованием экспрессивных языковых средств или речевых фигур, что способствует оказанию воздействия на адресата. Следует отметить неоднозначную позицию исследователей в выборе близких терминов *стратегия, тактика, прием, способ*, а также размытость этих понятий. В данной работе мы используем термин *прием*. Рассмотрев ряд подходов различных ученых, в том числе Р. Коула, А. Левицкой и А. Федорова, З. Фарзалиевой [Cole, 1998; Levitskaya et al., 2020; Farzaliyeva, 2023], мы выделили приемы эмоционально-экспрессивного манипулирования, используемые в медиа. В данную группу мы включаем разные виды апелляций, эксплуатацию лозунгов, мифов и других подобных структур, использование стереотипов, навешивание ярлыков, прием «блистательная неопределенность», наведенную оценочность и другие приемы. Рассмотрим их подробнее.

Апелляция:

— апелляция к авторитету, лидерам мнений, популярному мнению. В некоторых случаях это могут анонимные авторитеты: *источник из правительства сообщает…, ученые в ходе многолетних исследований установили…* и т. д.

— апелляции к большинству (различные социальные, политические, религиозные и другие общности, к которым может принадлежать адресат), разновидностью данного приема является апелляция к интересам простых людей, сюда же можно отнести апелляцию к очевидности (*как всем известно, все разумные люди понимают, что*);

CC BY

— апелляция к традициям и ценностям предполагает часто подбор суждений, высказываний, фраз, требующих единообразия в поведении. Прием используется, когда автор хочет повысить убедительность сообщения, подчеркивая его моральную ценность, связь с традициями и обычаями. Часто в материалах масс-медиа используется обратный механизм, когда в тексте содержится опровержение неудобной позиции через утверждение ее аморальности.

Любой вид апелляции направлен на снижение критического мышления аудитории с опорой на мнение отдельных личностей или большинства, например: *Здравые люди понимают, что чрезмерная религиозность в современных условиях — тупиковый путь* [turanpress.kz 1]; *Очевидно, что назрела необходимость корректировки подходов в языковой и межнациональной политике* [camonitor.kz]; *Очевидно, что этим людям* (беженцам. — *М. Ш., М. А.*) *оказывают помощь, а также их сопровождают или перевозят к границе пограничники», — говорил финский премьер»* [forbes.kz].

Использование приема апелляции к интересам простых людей рассчитано на создание доверительного контекста, который формирует расслабленное эмоциональное состояние адресата, способствует снижению уровня критичности, что повышает манипулятивный эффект. Посредством этого приема задается необходимый эмоциональный настрой, облегчающий принятие сведений. Например: *Весной прошлого года депутат мажилиса Берик Бейсенгалиев докладывал, что в 2024 году дети получат из Нацфонда по новой программе по 160—170 долларов. Подчеркивалось, что чем младше ребенок сейчас, тем больше будет накапливаться средств до его совершеннолетия* [nur.kz 4]. Авторы публикации обращают внимание на то, что инициатива президента особенную прибыль принесет детям, которые родились перед самым началом программы, поскольку накопления будут осуществляться в течение 18 лет. Таким способом подчеркиваются преимущества национальной программы для несовершеннолетних граждан Республики и забота правительства о будущем страны. Этот акцент на внимании главы государства к интересам населения обеспечивает положительное восприятие информации и доверие электората. Апелляция к интересам простых людей помогает автору текста сблизиться с получателем, вступить в диалог и тем самым помочь принять выражаемую позицию.

Эффективным способом манипуляции является апелляция к популярному мнению, которая предполагает сообщение известной информации как стимул доверия к новой информации. В сознании адресата текста, как правило, возникает цепочка ассоциативных связей, вызывающих принятие того, что сопровождается прописными истинами. Например: *Самая дешевая машина казахстанской сборки — Lada с классом «очень эконом».*

CC BY

Стоит она 5,5 млн тенге, но все равно недоступная для большинства, которому, чтобы купить что-нибудь ненужное, нужно сначала продать что-нибудь ненужное, а у людей денег нет [turanpress.kz 2]. В приведенном примере даны две отсылки к популярным мнениям. Первая: наименование стоимости автомобилей, собранных в Казахстане: *классом «очень эконом»*. Это суждение эвфемистически описывает низкое качество автомобилей, собранных в Казахстане, что усиливает манипулятивный эффект, поскольку непрямо характеризует объект. Вторая отсылка к популярному мнению — расхожее утверждение «у людей денег нет», которое в данном контексте может расцениваться двояко. С одной стороны, отсылку к популярному мнению «у людей денег нет» можно понимать следующим образом: граждане Казахстана в своем большинстве не имеют финансовых возможностей приобретать автомобили по указанной стоимости. С другой стороны, это суждение можно рассматривать как перефразирование устойчивого выражения: я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи. Таким образом, отсылки к популярному мнению формируют отрицательный образ автомобилей, которые выпускают казахстанские заводы. Воздействующий эффект состоит в том, что однозначное утверждение, что качество автомобилей казахстанской сборки не устраивает потребителей, отсутствует, но контекст и манипулятивный прием позволяют сделать соответствующие выводы.

3.3. Использование стереотипов и навешивание ярлыков

Манипуляции активно оперируют стереотипными формулами, стараясь вызвать определенную реакцию аудитории. Обычно выделяют 2 вида навешивания ярлыков:

— навешивание негативных ярлыков, к данному виду можно отнести, например, прием демонизации врага;

— навешивание позитивных ярлыков. В данном приеме часто используются эмоционально и стилистически маркированная лексика: «братство», «любовь», «процветание», «свобода» и т. д.: *«Закон и порядок превыше всего. И мы, немцы, с удовольствием следуем этому нравственному принципу»* [orda.kz 2].

Навешивание ярлыков заставляет аудиторию мыслить размытыми категориями, а не пытаться выделить особые характеристики объекта самостоятельно. «Ярлыки», которые «навешиваются» политическим оппонентам или представителям социальных групп: «*По словам мажилисмена, женщина — хранительница семейного очага и поэтому она несет ответственность за сохранение семьи»; «Вы понимаете, есть же мужчина, есть же женщина, мы же делим. Если мужчина должен работать, зарабатывать, приносить доход домой, то женщина занимается воспита-*

CC BY

нием детей. Соответственно, роль женщины в сохранении семьи намного больше» [tengrinews.kz].

Манипулирование через навешивание ярлыков является одним из наиболее распространенных способов влияния на сознание потребителей информации, поскольку соотносится с процессом наименования, которое является основой восприятия информации о предмете, служит источником формирования мыслеобраза и вызывает ассоциативные ряды в сознании адресата СМИ. Например: *Недостроенное 9-этажное здание больше 15 лет «украшает» проспект Абая. … Если эксперт придет к заключению, что объект не отвечает требованиям надежности и устойчивости зданий, будет подан иск в суд с просьбой снести «заброшку»* [nur.kz 5]. В представленном примере использован «ярлык» — *заброшка* — для обозначения многоэтажного здания, в котором приостановлены строительные работы, однако на первом этаже которого действует пейнтбольный клуб. На основании этого можно сделать вывод, что здание не является бесхозным и неиспользуемым, однако незавершенные строительные работы, связанные с отсутствием финансирования, послужили поводом к созданию маркирующего обозначения, формирующего негативный образ предмета речи, оказывающий эмоциональное воздействие на читателей. В представленном выше примере формируется отрицательное отношение читателя к реалии. При этом необходимо отметить, что отрицательное отношение не в каждом случае направлено на формирование негативного результата. Рассмотренный контекст через «ярлык» привлекает внимание к существующей проблеме с целью ускорения ее решения.

Оппозиция «свой — чужой / другой». Данный манипулятивный прием, тесно связан с предыдущими типами и часто используется в политическом дискурсе. Прием может быть использован для усиления конфронтации в обществе либо подчеркивания его дифференциации: *Про христианство сейчас лучше не упоминать, поскольку на Западе традиционные ценности, лежавшие в его основе, по сути, рухнули, и носителем христианских ценностей является скорее Восток в лице России (отметим еще и достойный традиционализм нынешнего грузинского правительства)* [turanpress.kz 1].

Обращение к эмоциям, блистательная неопределенность. Обращение к эмоциям предполагает ослабление критического восприятия адресата (часто этот прием используется в фейковых новостях и сообщениях о COVID-19). Манипулирование с помощью приема блистательной неопределенности осуществляется посредством эмоций, на которые рассчитано высказывание, содержащее отсылку к яркому факту, событию, интересной личности и т. п. Эмоциональное восприятие текста реципиентом снижает

CC BY

уровень критичности. Это приводит к тому, что информация, содержащаяся в тексте, наполненном эмоциями, усваивается без предварительного анализа, в чем состоит суть манипулятивного воздействия. Например: *... в Астане во время празднования Нового года несколько жителей столицы попали под обстрел пиротехникой, которая начала неконтролируемо взрываться* [nur.kz 2]. Блистательная неопределенность представлена в словосочетании «попали под обстрел пиротехникой», которое содержит фразеологический оборот, используемый как средство усиления воздействия. Неопределенность содержится в самом фразеологическом обороте, поскольку нет ясности, какого рода обстрел происходил, как именно пиротехнические изделия распространяли свои заряды. Помимо этого, обстрел подразумевает причинение вреда и образование ранений, однако это не является обязательным результатом обстрела. Но образная составляющая семантики фразеологизма создает необходимый воздействующий эффект, формирующий отрицательное отношение к неконтролируемому использованию пиротехнических изделий.

Высмеивание. Ироничное или саркастическое отношение к теме или объекту публикации или сюжета. Часто для усиления эффекта прием интегрирует вербальные и невербальные средства воздействия. Так, одним из ярких примеров высмеивания становятся казахстанские мемы, однако в казахстанских СМИ прием также активно используется: *Казахстан стремится в 30-ку развитых государств, но наши туристы до сих пор ходят «в кустики»* [turanpress.kz 3].

Подмена понятий. Подмена понятий нередко реализуется в обобщении или упрощении понятий. Разновидностью подмены является ассоциативное связывание: перенос положительных или отрицательных смыслов с одних явлений, объектов на другие, выгодные манипулятору.

Прием ассоциативного связывания состоит в обозначении основных признаков описываемого объекта на основе ассоциативных связей, обусловленных опытом производителя речи и целями создания текста. В результате у адресанта формируется мнение о предмете речи. Например, такой прием использован при комментировании автором статьи трудностей отношений между литераторами: *...Любой человек — это «пенде», в смысле простой смертный, который может допустить «ошибки» и «простоту» (в смысле простота хуже воровства — прим.)»* [turanpress.kz 6]. Ассоциации журналиста, получившие вербальное воплощение в пояснении «*простота хуже воровства*», отражают мнение автора о сложившейся ситуации и в некотором смысле направляют восприятие ситуации читателем в отрицательном ключе. Таким образом, отправитель речи прямо не говорит о своем отношении, но комментарий актуализирует негативные

CC BY

смыслы, что оказывает неявное воздействие на сознание читателя, обеспечивает манипулятивный эффект.

3.4. Прием «наведенная оценочность»

Нередко нейтральные слова или слова с позитивной окраской в манипулятивных текстах приобретают негативную тональность. Т. Б. Радбиль говорит о наведенной оценочности, которую рассматривает на примере анализа слова *народный* на материале Национального корпуса русского языка. Как отмечает исследователь, обозначаемое этим прилагательным качество «оценивается носителями национального языка как безусловно положительное свойство» [Радбиль, 2023]. Слово передает такие смыслы, как ‘имеющий ценностную (духовную или этическую) значимость’, ‘соответствующий идеалам и ценностям народ’, ‘истинный, правильный, такой, какой должен быть’ и пр. [Там же]. Однако в определенных репрезентативных контекстах слово приобретает наведенную негативную оценочность, к примеру, в контексте употребления этого прилагательного с определяемыми словами, выражающими какие-либо негативные стороны жизни (*грех, порок, недостаток, слабость*) [Радбиль, 2023]: *На самом-то деле реальное народное зло — это сам чиновник и есть* [НКРЯ]; *Поговорите о народных грехах с зэками* [НКРЯ]; *Проблема неправильных капиталов, образующихся за счет разложения общества, народного разврата, пьянства...* [НКРЯ]. У слов *январь* и *январский* в определенных контекстах также можно выявить имплицитную негативную семантику: *Кровавый январь: родные погибших просят депутатов Европарламента о международном расследовании; 24 августа близкие пострадавших во время январских событий сначала пришли в прокуратуру с требованием объективного расследования* [orda.kz 1]; *Январская трагедия, в которой каждому казахстанцу очевидны самые страшные преступления против человека и государства* [orda.kz 3].

Следует отметить, что нами описаны лишь некоторые приемы медиаманипулирования, данный перечень является открытым и может дополняться другими.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги статьи, можно отметить, что манипулирование в СМИ осуществляется на разных уровнях: как на информационном, так и на воздействующем согласно двум ведущим функциям языка СМИ — информирования и воздействия. Под *манипулированием* в публичных текстах понимается изменение мнения и поведения реципиента под влиянием прочитанного или услышанного. ***Информационное манипулирование*** осуществляется с помощью введения дополнительной информации, введения метакоммуни-

кативной информации, использования модифицированных сведений о предмете речи, ложных сопоставлений и альтернатив и др. ***Воздействующее манипулирование*** основывается на «навешивании» ярлыков, блистательной неопределенности, различных видах апелляций, трансляции популярных мнений, ассоциаций и др. Перечисленные приемы оказывают скрытое влияние, вызывающее ответную реакцию, необходимые автору эмоции, оценивание ситуации или безоценочное согласие читателя. Воздействующий эффект манипуляции на уровне информации или экспрессии состоит в том, что она порождает когнитивную напряженность при восприятии и способе передачи дополнительного смысла, что приводит к изменению отношения, оценки и эмоционального восприятия информации.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. camonitor.kz — *Исабаева С.* Хайп или здравый смысл? Осеннее обострение языкового вопроса [Электронный ресурс] / С. Исабаева. — Режим доступа : https://camonitor.kz/31739-hayp-ili-zdravyy-smysl-osennee-obostrenie-yazykovogo-voprosa.html (дата обращения 14.02.2024).

2. forbes.kz — *Финляндия* решила открыть только два КПП на границе с Россией [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://forbes.kz/news/2023/12/13/newsid_314455?utm_source=forbes&utm_medium=most_shared (дата обращения 14.02.2024).

3. nur.kz 1 — *Гольм А.* Дешевая связь, высокий трафик и радиофобия : Мусин объяснил свое выступление перед Токаевым [Электронный ресурс] / А. Гольм // NUR.KZ. — Режим доступа : https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2028445-bagdat-musin-obyasnil-svoe-vystuplenie-na-soveschanii-po-voprosam-razvitiya-astany/ (дата обращения 17.01.2024).

4. nur.kz 2 — *Ермолаева А.* Отец оказался в суде из-за хлопушки сына в Мангистауской области [Электронный ресурс] / А. Ермолаев // NUR.KZ. — Режим доступа : https://www.nur.kz/society/2058655-otets-okazalsya-v-sude-iz-za-hlopushki-syna-v-mangistauskoy-oblasti/ (дата обращения 02.02.2024).

5. nur.kz 3 — *Мещерякова А.* «Ловит» или нет: как радиочастоты влияют на сотовую связь [Электронный ресурс] / А. Мещерякова // NUR.KZ. — Режим доступа : https://www.nur.kz/technologies/business/2055741-lovit-ili-net-kak-radiochastoty-vliyayut-na-sotovuyu-svyaz/ (дата обращения 16.01.2024).

6. nur.kz 4 — *Николаев В.* Почему дети получили из Нацфонда по 100 долларов вместо 170, объяснил Минфин [Электронный ресурс] / В. Николаев, А. Аскарова // NUR.KZ. — Режим доступа : https://www.nur.kz/nurfin/pension/2058618-natsfond-detyam-pochemu-vmesto-170-dollarov-nachislili-100-obyasnil-minfin/ (дата обращения 03.02.2024).

7. nur.kz 5 — *Хамзина А.* 15-летняя недостройка в центре Алматы : что в здании сейчас и планируют ли его сносить [Электронный ресурс] / А. Хамзина // NUR.KZ. — Режим доступа : https://www.nur.kz/society/2058607-15-letnyaya-nedostroyka-v-tsentre-almaty-chto-v-zdanii-seychas-i-planiruyut-li-ego-snosit/ (дата обращения 01.02.2024).

8. orda.kz 1 — *Аханова А.* Кровавый январь : родные погибших просят депутатов Европарламента о международном расследовании [Электронный ресурс] / А. Аханова. — Режим доступа : https://orda.kz/blizkie-pogibshih-vo-vremya-krovavogo-yanvarya-prosyat-evroparlament-nachat-mezhdunarodnoe-rassledovanie/ (дата обращения 02.02.2024).

9. orda.kz 2 — *Вызов* для инвесторов из Германии : как черные копатели мешали добывать золото в Жамбылской области [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://orda.kz/vyzov-dlja-investorov-iz-germanii-kak-chernye-kopateli-meshali-dobyvat-zoloto-v-zhambylskoj-oblasti-379283/ (дата обращения 14.02.2024).

10. orda.kz 3 — *Рыжкина Г.* После Назарбаева : как скоро в Казахстане появится новая этика? [Электронный ресурс] / Г. Рыжкина. — Режим доступа : https://orda.kz/posle-nazarbaeva-kak-skoro-v-kazahstane-poyavitsya-novaya-etika/ (дата обращения 16.02.2024).

11. tengrinews.kz — *Шашкина А.* Автор фразы про “длинный женский язык” отказался извиняться [Электронный ресурс] / А. Шашкина. — Режим доступа : https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/avtor-frazyi-dlinnyiy-jenskiy-yazyik-otkazalsya-izvinyatsya-526223/ (дата обращения 14.02.2024).

12. turanpress.kz 1 — *Ашимбаев Д.* О религиозной ситуации в стране [Электронный ресурс] / Д. Ашимбаев. — Режим доступа : https://turanpress.kz/obschestvo/9875-o-religioznoi-situacii-v-strane.html (дата обращения 05.02.2024).

13. turanpress.kz 2 — *Алехова А.* Автопром, который мы заслужили : дорого и ненадежно [Электронный ресурс] / А. Алехова // TuranPRESS. — Режим доступа : https://turanpress.kz/obschestvo/10861-avtoprom-kotoryi-my-zasluzhili-dorogo-i-nenadezhno.html (дата обращения 03.02.2024).

14. turanpress.kz 3 — *Бектенова А.* Туалетный позор [Электронный ресурс] / А. Бектенова. — Режим доступа : https://turanpress.kz/obshchestvo/219-tualetnyi-pozor.html (дата обращения 04.02.2024).

15. turanpress.kz 4 — *Косенко Е.* Насколько эффективен вклад в развитие туристической отрасли со стороны нац. компании «Kazakh Tourism»? [Электронный ресурс] / Е. Косенко // TuranPRESS. — Режим доступа : https://turanpress.kz/obschestvo/10923-naskolko-effektiven-vklad-v-razvitie-turisticheskoi-otrasli-so-storony-nac-kompanii.html (дата обращения 18.01.2024).

16. turanpress.kz 5 — *Кузьмин Н.* Внешняя политика Казахстана в 2024 году. Защита многовекторности [Электронный ресурс] / Н. Кузьмин // TuranPRESS. — Режим доступа : https://turanpress.kz/politika-i-vlast/10817-vneshnjaja-politika-kazahstana-v-2024-godu-zaschita-mnogovektornosti.html (дата обращения 05.02.2024).

17. turanpress.kz 6 — *Майлин В.* В одних газетах кипят страсти, а другие не могут выйти в свет. Обзор казахской прессы [Электронный ресурс] / В. Майлин // TuranPRESS. — Режим доступа : https://turanpress.kz/obschestvo/10834-v-odnih-gazetah-kipjat-strasti-a-drugie-ne-mogut-vyiti-v-svet-obzor-kazahskoi-press.html (дата обращения 04.02.2024).

Литература

1. *Вестербай С. Д.* Медиапотребление и дезинформация в Центральной Азии : количественная и качественная оценка в контексте геополитики : исследование European

Neighbourhood Council / С. Д. Вестербай, Ш. Джураев, А. Маразис. — London : Internews Europe, 2023. — 71 с.

2. *Гриззл А.* Медийно и информационно грамотные граждане. Мыслите критически, Кликайте с умом! / А. Гриззл, К. Уилсон, Р. Туазон // Учебная программа ЮНЕСКО по медийной и информационной грамотности для педагогов и учащихся / Ред. русск. изд. Т. Мурована. — Москва : Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2022. — 482 с.

3. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — Москва : Изд-во МГУ, 1997. — 344 с.

4. *Иванова Е. Н.* Классификация манипуляций в переговорах / Е. Н. Иванова // Теория и практика современной науки. — 2020. — № 5 (59). — С. 202—208.

5. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — Москва : Эксмо, 2005. — 32 с. — ISBN 978-5-699-10826-8.

6. *Лексико-грамматические* маркеры манипулятивности массмедийного дискурса (на материале корпуса русскоязычных текстов СМИ в Республике Казахстан) / М. Т. Шакенова, Д. С. Ташимханова, У. А. Оспанова, Т. К. Булдыбаев // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 141—160. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-141-160.

7. *Радбиль Т. Б.* Наведенная оценочность как объект лингвокультурологического изучения : опыт корпусного анализа интернет-медиа / Т. Б. Радбиль // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6 : Языкознание. — 2023. — № 3. — С. 95—105. — DOI: 10.31249/ling/2023.03.07.

8. *Сиривля М. А.* Перифрастическое манипулирование в газетной речи / М. А. Сиривля // Философия, язык и культура : монография / отв. ред. Я. А. Максимов. — Saint-Louis, MO, USA : Publishing House Science and Innovation Center, 2013. — 318 с. — ISBN 978-601-7261-00-9.

9. *Тогузаева Е. Н.* Пропаганда как общенаучная категория / Е. Н. Тогузаева // Право : история и современность. — 2022. — Т. 1. — № 6. — С. 24—34.

10. *Cole R.* The international encyclopedia of propaganda / R. Cole. — Chicago : Illinois, 1998. — 985 p.

11. *De Saussure L.* Manipulation and Cognitive Pragmatics : Preliminary Hypotheses / L. de Saussure // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century : Discourse, Language, Mind. — Amsterdam — Philadelphia : John Benjamins, 2005. — Pp.113-145. — DOI:10.1075/dapsac.17.07sau.

12. *Dijk T. A. van.* Discourse and manipulation / T. A. van Dijk // Discourse and Society. — 2006. — № 17 (2). — Pp. 359—383.

13. *Egelhofer J. L.* Fake news as a two-dimensional phenomenon : a framework and research agenda / J. L. Egelhofer, S. Lecheler // Annals of the International Communication Association. — 2019. — № 43 (2). — Pp. 112—116.

14. *Farzaliyeva Z.* Language Elements Affecting Manipulationin Advertising : Linguistic, Semantic, and Emphatic Elements / Z. Farzaliyeva // International Journal of Innovative Technologies in Social Science. — 2023. — № 1 (37). — DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30032023/7962.

15. *Freelon D.* Disinformation as political communication / D. Freelon, C. Wells // Political Communication. — 2020. — № 37. — Pp. 145—151.

16. *Levitskaya A.* Typology and Mechanisms of Media Manipulation / A. Levitskaya, A. Fedorov // International Journal of Media and Information Literacy. — 2020. — № 1. — Pp. 69—78. — DOI: 10.13187/ijmil.2020.1.69.

CC BY

17. *Maillat D.* Constraining context selection : On the pragmatic inevitability of manipulation / D. Maillat // Journal of Pragmatics. — 2013. — № 59. — Pp. 190—199.

18. *McLuhan H. M.* The Medium is the Massage : An Inventory of Effects / H. M. McLuhan, Qu. Fiore. — London : Random House, 1967. — 159 p.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024,
одобрена после рецензирования 05.04.2024,
подготовлена к публикации 15.04.2024.

Material resources

camonitor.kz — Isabaeva, S. Hype or common sense? *Autumn aggravation of the language issue.* Available at: https://camonitor.kz/31739-hayp-ili-zdravyy-smysl-osenneeobostrenie-yazykovogo-voprosa.html (accessed 02/14/2024). (In Russ.).

forbes.kz — *Finland has decided to open only two checkpoints on the border with Russia.* Available at: https://forbes.kz/news/2023/12/13/newsid_314455?utm_source=forbes&utm_medium=most_shared (accessed 02/14/2024). (In Russ.).

nur.kz 1 — Golm, A. Cheap communication, high traffic and radiophobia: Musin explained his speech to Tokayev. *NUR.KZ.* Available at: https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2028445-bagdat-musin-obyasnil-svoe-vystuplenie-na-soveschanii-povoprosam-razvitiya-astany / (accessed 17.01.2024). (In Russ.).

nur.kz 2 — Ermolaeva, A. The father was in court because of his son's firecracker in the Mangystau region. *NUR.KZ.* Available at: https://www.nur.kz/society/2058655-otets-okazalsya-v-sude-iz-za-hlopushki-syna-v-mangistauskoy-oblasti / (accessed 02.02.2024). (In Russ.).

nur.kz 3 — Meshcheryakova, A. "Catches" or not: how radio frequencies affect cellular communications. *NUR.KZ.* Available at: https://www.nur.kz/technologies/business/2055741-lovit-ili-net-kak-radiochastoty-vliyayut-na-sotovuyu-svyaz / (accessed 16.01.2024). (In Russ.).

nur.kz 4 — Nikolaev, V., Askarova, A. Why did the children receive 100 dollars from the National Fund instead of 170, the Ministry of Finance explained. *NUR.KZ.* Available at: https://www.nur.kz/nurfin/pension/2058618-natsfond-detyam-pochemu-vmesto-170-dollarov-nachislili-100-obyasnil-minfin / (accessed 03.02.2024). (In Russ.).

nur.kz 5 — Khamzina, A. 15-year-old unfinished building in the center of Almaty: what is in the building now and are they planning to demolish it. *NUR.KZ.* Available at: https://www.nur.kz/society/2058607-15-letnyaya-nedostroyka-v-tsentre-almaty-chto-v-zdanii-seychas-i-planiruyut-li-ego-snosit / (accessed 02/01/2024). (In Russ.).

orda.kz 1 — Akhanova, A. *Bloody January: the relatives of the victims ask the deputies of the European Parliament for an international investigation.* Available at: https://orda.kz/blizkie-pogibshih-vo-vremya-krovavogo-yanvarya-prosyat-evroparlament-nachat-mezhdunarodnoe-rassledovanie / (accessed 02.02.2024). (In Russ.).

orda.kz 2 — *A challenge for investors from Germany: how black diggers prevented gold mining in Zhambyl region.* Available at: https://orda.kz/vyzov-dlja-investorov-iz-germanii-kak-chernye-kopateli-meshali-dobyvat-zoloto-v-zhambylskoj-oblasti-379283 / (accessed 02/14/2024). (In Russ.).

orda.kz 3 — Ryzhkina, G. *After Nazarbayev: how soon will a new ethics appear in Kazakhstan?* Available at: https://orda.kz/posle-nazarbaeva-kak-skoro-v-kazahstane-poyavitsya-novaya-etika / (accessed 02/16/2024). (In Russ.).

tengrinews.kz — Shashkina, A. *The author of the phrase about the "long female tongue" refused to apologize.* Available at: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/avtor-frazyi-dlinnyiy-jenskiy-yazyik-otkazalsya-izvinyatsya-526223 / (accessed 02/14/2024). (In Russ.).

turanpress.kz 1 — Ashimbayev, D. *On the religious situation in the country.* Available at: https://turanpress.kz/obschestvo/9875-o-religioznoi-situacii-v-strane.html (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

turanpress.kz 2 — Alyokhova, A. The automobile industry that we deserve: expensive and unreliable. *TuranPRESS.* Available at: https://turanpress.kz/obschestvo/10861-avtoprom-kotoryi-my-zasluzhili-dorogo-i-nenadezhno.html (accessed 03.02.2024). (In Russ.).

turanpress.kz 3 — Bektenova, A. *Toilet shame.* Available at: https://turanpress.kz/obshchestvo/219-tualetnyi-pozor.html (accessed 02/04/2024). (In Russ.).

turanpress.kz 4 — Kosenko, E. How effective is the contribution of the National Bank to the development of the tourism industry. Kazakh Tourism company? *TuranPRESS.* Available at: https://turanpress.kz/obschestvo/10923-naskolko-effektiven-vklad-v-razvitie-turisticheskoi-otrasli-so-storony-nac-kompanii.html (accessed 18.01.2024). (In Russ.).

turanpress.kz 5 — Kuzmin, N. Kazakhstan's foreign policy in 2024. Protection of multi-vector. *TuranPRESS.* Available at: https://turanpress .kz/politika-i-vlast/10817-vneshnjaja-politika-kazahstana-v-2024-godu-zaschita-mnogovektornosti.html (accessed 05.02.2024). (In Russ.).

turanpress.kz 6 — Mailin, V. Some newspapers are full of passion, while others cannot be published. Review of the Kazakh press. *TuranPRESS.* Available at: https://turanpress.kz/obschestvo/10834-v-odnih-gazetah-kipjat-strasti-a-drugie-ne-mogut-vyiti-v-svet-obzor-kazahskoi-press.html (accessed 02/04/2024). (In Russ.).

References

Cole, R. (1998). *The international encyclopedia of propaganda.* Chicago: Illinois. 985 p.

De Saussure, L. (2005). Manipulation and Cognitive Pragmatics: Preliminary Hypotheses. In: *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century: Discourse, Language, Mind.* Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins. Pp.113-145. DOI:10.1075/dapsac.17.07sau.

Dijk, T. A. van. (2006). Discourse and manipulation. *Discourse and Society, 17 (2):* 359—383.

Dotsenko, E. L. (1997). *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 344 p. (In Russ.).

Egelhofer, J. L., Lecheler, S. (2019). Fake news as a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda. *Annals of the International Communication Association, 43 (2):* 112—116.

Farzaliyeva, Z. (2023). Language Elements Affecting Manipulationin Advertising: Linguistic, Semantic, and Emphatic Elements. *International Journal of Innovative Technologies in Social Science, 1 (37).* DOI: 10.31435/rsglobal_ijitss/30032023/7962.

Freelon, D., Wells, C. (2002). Disinformation as political communication. *Political Communication, 37:* 145—151.

Grizzl, A., Wilson, K., Tuazon, R. (2022). Media and information literate citizens. Think critically, Click wisely! In: *UNESCO Curriculum on Media and Information Literacy for teachers and students.* Moscow: UNESCO Institute for Information Technologies in Education. 482 p. (In Russ.).

Ivanova, E. N. (2020). Classification of manipulations in negotiations. *Theory and practice of modern science, 5 (59):* 202—208. (In Russ.).

Kara-Murza, S. G. (2005). *Manipulation of consciousness.* Moscow: Eksmo. 32 p. ISBN 978-5-699-10826-8. (In Russ.).

Levitskaya, A., Fedorov, A. (2020). Typology and Mechanisms of Media Manipulation. International *Journal of Media and Information Literacy, 1:* 69—78. DOI: 10.13187/ijmil.2020.1.69.

Maillat, D. (2013). Constraining context selection: On the pragmatic inevitability of manipulation. *Journal of Pragmatics, 59:* 190—199.

McLuhan, H. M., Fiore, Qu. (1967). *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects.* London: Random House. 159 p.

Radbil, T. B. (2023). Induced evaluativeness as an object of linguistic and cultural study: the experience of corpus analysis of Internet media. *Social and humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics, 3:* 95—105. DOI: 10.31249/ling/2023.03.07. (In Russ.).

Shakenova, M. T., Tashimkhanova, D. S., Ospanova, U. A., Buldybayev, T. K. (2020). Lexic-Grammatical Markers of the Manipulativeness of Mass Media Discourse (based on the Material of the Body of Russian-Language Media Texts in Republic of Kazakhstan). *Nauchnyi dialog, 2:* 141—160. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-141-160. (In Russ.).

Sirivlya, M. A. (2013). Peripheral manipulation in newspaper speech. In: *Philosophy, language and culture. Monograph.* Saint-Louis, MO, USA: Publishing House Science and Innovation Center. 318 p. ISBN 978-601-7261-00-9. (In Russ.).

Toguzaeva, E. N. (2022). Propaganda as a general scientific category. *Law: history and modernity, 1 (6):* 24—34. (In Russ.).

Vesterbai, S. D., Juraev, Sh., Marazis, A. (2023). *Media consumption and disinformation in Central Asia: quantitative and qualitative assessment in the context of geopolitics: a study of the European Neighborhood Council.* London: Internews Europe. 71 p. (In Russ.).

The article was submitted 09.02.2024;
approved after reviewing 05.04.2024;
accepted for publication 15.04.2024.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Анастасия Геннадьевна Плотникова, канд. филол. наук (Москва)
Анастасия Олеговна Дроздова, канд. филол. наук (Тюмень)
Вера Владимировна Сердечная, д-р филол. наук (Краснодар)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Елена Михайловна Шастина, д-р филол. наук (Елабуга)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Татьяна Владимировна Бауэр, канд. истор. наук (Петрозаводск)
Татьяна Николаевна Баранова, соискатель (Санкт-Петербург)
Юлия Константиновна Казакова, канд. филол. наук (Елабуга)

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Бауэр Т. В. Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков) / Т. В. Бауэр // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 170—189. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189.

Bauer, T. V. (2024). Oath in Legal Tradition as a Reflection of Value System of Russian Peasantry (Mid-19th to Early 20th Century). *Nauchnyi dialog, 13* (3): 170-189. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков)

Бауэр Татьяна Владимировна
orcid.org/0000-0001-6572-2758
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
сектора этнологии
taty-lis@yandex.ru

Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Россия)

Благодарности:
Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН

Oath in Legal Tradition as a Reflection of Value System of Russian Peasantry (Mid-19th to Early 20th Century)

Tatiana V. Bauer
orcid.org/0000-0001-6572-2758
PhD of History, Senior Researcher,
Ethnology Sector
taty-lis@yandex.ru

Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:
Financial support for the research
was provided from the funds
of the federal budget for the implementation
of the state task of the Karelian Research
Centre of the Russian Academy of Sciences

© Бауэр Т. В., 2024

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируются клятвы, функционирующие в рамках обычного права пореформенного периода и отражающие систему базовых ценностей крестьянского социума. Актуальность исследования обусловлена насущной задачей сохранения этнокультурной идентичности, а также практическими потребностями современной правовой системы, демонстрирующей разрыв с ценностными ориентирами традиционной культуры. Выявлены сфера и особенности применения клятв в обычно-правовой традиции, описаны основные элементы ритуала. Выявлена и охарактеризована вербальная составляющая клятв. Рассматривается отношение крестьян к клятве, анализируются представления о последствиях ложной клятвы. Реконструируется система ценностей, актуальных для крестьянского социума. Выявлено, что важнейшими ценностями считались справедливость, жизнь (в том числе и «правильная» жизнь после смерти), здоровье, репутация, честь, благосостояние, разнообразные социальные связи, как родственные, объединяющие в том числе предков и потомков, так и внутриобщинные, а также духовные ценности, в частности связь с Богом, разрыв которой воспринимался как духовная смерть. Делается вывод о том, что, несмотря на снижение популярности неформальных клятв, они сохраняют актуальность в пореформенный период как способ нейтрализации конфликта и эффективный механизм, содействующий выяснению истины, именно в силу того, что апеллируют к значимым для этнокультурного сознания категориям и ценностям.

Ключевые слова:
клятва; божба; рота; Божий суд; крестьянская юстиция; обычное право; система ценностей.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines oaths functioning within customary law during the post-reform period, reflecting the system of basic values of the peasant society. The relevance of the study is justified by the urgent task of preserving ethnocultural identity, as well as the practical needs of the modern legal system, demonstrating a disconnect from the value orientations of traditional culture. The sphere and peculiarities of oath application in customary legal tradition are identified, and the main elements of the ritual are described. The verbal component of oaths is identified and characterized. The attitudes of peasants towards oaths are explored, and beliefs about the consequences of false oaths are analyzed. The system of values relevant to peasant society is reconstructed, highlighting justice, life (including a “righteous” life after death), health, reputation, honor, prosperity, various social ties including familial connections uniting ancestors and descendants as well as intra-community bonds, and spiritual values such as the connection with God, the rupture of which was perceived as spiritual death. It is concluded that despite the declining popularity of informal oaths, they remain relevant in the post-reform period as a means of conflict neutralization and an effective mechanism for uncovering truth, precisely because they appeal to significant categories and values for ethnocultural consciousness.

Key words:
oath; adjuration; rota; Divine judgment; peasant justice; customary law; system of values.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:39:316.343.37(47+73)“185/191”+179.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-170-189

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.9.4. Фольклористика

Клятва в обычно-правовой традиции как отражение системы ценностей русского крестьянства (середина XIX — начало XX веков)

© Бауэр Т. В., 2024

1. Введение = Introduction

Изучение феномена клятвы актуально не только в плане исследования обычно-правовых отношений, регулировавших крестьянскую повседневность, но и с точки зрения возможности реконструировать некоторые фрагменты картины мира русского крестьянства, его систему ценностей, религиозно-мифологических представлений, то есть всего того, что лежит в основе этнокультурной идентичности, сохранение которой является насущной задачей для современного общества.

Действенность клятвы подтверждается долговечностью существования этого института, апеллирующего к таким значимым для этнокультурного сознания категориям, как грех, правда, справедливость, а современное правовое пространство нуждается в подобном механизме [Семеновский, 2022, с. 68]. При этом необязательной является экстраполяция зарубежного опыта, поскольку данный правовой инструмент укоренен в традиции. В российском праве сфера применения присяги расширяется, и, возможно, ее внедрение в судебный процесс позволит снизить остроту проблемы правового нигилизма, связанную с копированием западных моделей без учета сложившейся в России системы ценностей и представлений о справедливости [Бочаров, 2010, с. 364; Мирошниченко, 2013, с. 40].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является рассмотрение клятвы как ритуально-магической практики, отражающей систему ценностей русского крестьянства. Основное внимание сосредоточено на сфере применения клятв в обычном праве, на характеристике вербального и предметно-акционального уровней обряда и представлениях о последствиях ложной клятвы. Фокусировка на клятвах, функционирующих в рамках правового поля, не случайна, поскольку обычное право расценивается как «неотъемлемый компонент кре-

CC BY

стьянской системы ценностей» [Шатковская, 2009, 33], в котором в концентрированном виде отражаются ценностные ориентиры социума.

Разнообразие подходов к феномену клятвы, аспектов ее изучения, а также междисциплинарный характер многих работ в определенной степени обусловлены тем, что «клятва зафиксирована в мифологии, в религиозном дискурсе христианства, в фольклоре, в эпистолярном наследии, в поэтике, в художественном, политическом и бытовом дискурсах» [Малинович и др., 2011, с. 222].

Первым отечественным этнографом, попытавшимся систематизировать и описать материалы, связанные с данным ритуалом, был М. Макаров. В дальнейшем исследователи уделяли внимание причинам лжесвидетельства, отношению крестьян к принудительной присяге и клятвопреступлению, описанию некоторых элементов обряда, выделяли виды клятв по силе воздействия на клятвопреступника, а также по критерию упоминания о залоге либо свидетеле и гаранте клятвы [Макаров, 1828; Муллов, 1867, с. 622—630; Левенстим, 1901; Тенишев, 1907, с. 116, 139—152].

Из современных исследований стоит отметить статью О. В. Беловой, целями которой являлись классификация клятв в зависимости от центрального смыслового компонента и их краткая характеристика [СД, т. 2, с. 512—514], работу А. Л. Рогачевского, опубликовавшего материалы по клятвам из архива Русского Географического общества [Рогачевский, 2001], а также наши наблюдения, касающиеся специфики клятв в делах о воровстве [Бауэр, 2019, с. 63—70]. Клятву рассматривали как часть обычно-правовой системы различных народов Российской империи [Нанзатов, 2017; Турсунбаев, 2015]. Англоязычные авторы обращались к клятве как актуальному, однако находящемуся в зоне риска феномену обычного права африканских народов [Oba, 2008; Kelley, 2022]. В лингвистических работах клятва обычно рассматривается как речевой жанр либо концепт [Чесноков и др., 2017; Митронов, 2020 и др.]. Применительно к детским клятвам советского периода поставлен вопрос об отношении данного жанра к фольклору [Сидоренко, 2016, с. 76]. В исследованиях, посвященных традиционному фольклору, такой вопрос пока не поднимался, однако еще К. В. Чистов писал о так называемой «полосе перехода» между собственно фольклорными и речевыми явлениями [Чистов, 2005, 60—61], в рамках которой, как представляется, функционирует и клятва.

В работе применяется дескриптивный метод, метод исторической реконструкции и элементы этнолингвистического подхода. Кроме того, поскольку согласно методологической установке юридической антропологии обычное право является интегральной частью социума [Donovan, 2008, pp. 3—5], это требует изучения феномена клятвы в контексте куль-

CC BY

туры [Kelley, 2022, pp. 6—7]. Основными источниками являются опубликованные документы архивного фонда «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, материалы по клятве из коллекции С. М. Пономарева, хранящиеся в архиве Русского географического общества, и тексты, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках и словарях.

При классификации клятв мы придерживаемся подхода И. А. Митронова, который отмечает, что «в русском этноязыковом сознании клятва-присяга <…> дифференцировалась на *божбу* <…>, *божбу-роту* <…> и *роту*». Он же рассматривает *клятву* и *присягу* как синонимы-дублеты [Митронов 2020, с. 81], однако в крестьянском понимании присяга отличалась от неформальных видов обряда тем, что являлась торжественной ритуальной процедурой, совершаемой по установленным церковью правилам в присутствии священника и сопровождаемой целованием креста и Евангелия [Даль, т. 3, с. 466]. Подобная присяга, как правило, практиковалась за рамками крестьянской юстиции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сфера и особенности применения клятв в обычном праве

Е. И. Якушкин выделяет 8 форм крестьянского суда: самосуд, семейный и третейский суды, суды соседей, сельских судей (стариков), сельского и волостного сходов и волостной суд [Якушкин, 1875, с. XXIV], и все они, по-видимому, практиковали различные виды клятв.

Нас интересует подтвердительная клятва, которая подкрепляла истинность показаний. Она могла быть добровольной либо даваемой по принуждению суда, а также дополнительной, практикуемой в случае недостаточности доказательств, и очистительной, призванной снять подозрения с ответчика [Пахман, 1851, с. 84—86].

В ходе судебного процесса к клятвам прибегали истцы, ответчики и свидетели. Применение клятв в волостных судах не носило принудительного характера, однако судьи либо тяжущиеся могли предложить принести клятву, и совершение обряда могло служить доказательством в пользу того, кто к нему прибегал [Тенишев, 1907, с. 116, 139—140; Шраг, 1877, с. 60; РК, т. 5, ч. 2, с. 509]. Если клятва относилась к категории «страшных», как, например, клятва детьми, ответчик мог потребовать произнесения подобной клятвы истцом [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23].

Стоит отметить, что клятва в волостном суде редко являлась самостоятельным доказательством и либо была запрещена, либо применялась с согласия сторон (в случае готовности к примирению), однако в некоторых локальных традициях для этого требовалось отсутствие других доказательств или разногласие свидетельских показаний. В таких сомнительных

CC BY

делах действовал принцип «кто побожится, тот и прав». Однако ситуацию осложняло то, что в ходе судебного процесса обе стороны использовали клятвы. К клятве могли прибегать, руководствуясь принципом «глядя по человеку», то есть принимая во внимание репутацию клянущегося [Паппе, 1889, с. 59—61; Скоробогатый, 1885, с. 136—138]. Основанием для мировой сделки клятва служила и в неофициальных крестьянских судах [Тенишев, 1907, с. 146].

Согласно данным, приводимым исследователями, божбу практиковали более 30 % волостных судов [Безгин, 2004, с. 154], а из 56 волостей Московской и Владимирской губерний божба одного из тяжущихся допускалась лишь в 16 [Скоробогатый, 1884, с. 136]. Зато она была популярна на неофициальных уровнях крестьянской юстиции. Клятву практиковал суд стариков и суд сельского схода [Матвеев, 1877, с. 36], ее использование в ходе семейных и соседских тяжб способствовало пресечению конфликта [Астров, 1889, с. 133; Муллов, 1867, с. 628]. Встречаются упоминания о применении примирительной клятвы третейским судом по взаимному согласию сторон [Тенишев, 1907, с. 146]. Принудительная клятва практиковалась преступниками в отношении свидетелей совершенного преступления [Левенстим, 1901, с. 22; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 37].

Клятвы чаще применялись женщинами [Скоробогатый, 1884, с. 135] и в селах бывших государственных крестьян, где народные суды были более развиты [Астров, 1889, с. 137]. Некоторые клятвы имели гендерную и возрастную привязку: клятва «чтобы мне не разродиться» [Тенишев, 1907, с. 140] являлась женской, в то время как старики были склонны клясться «своей седой бородой» [РК, т. 7, ч. 2, с. 172, 205], являющейся в данном тексте символом чести.

3.2. Клятва как ритуально-магический акт

Клятва — ритуал, обладающий высоким магическим потенциалом, что подтверждается лексикографическими и этимологическими данными. Результаты дефиниционного анализа концепта КЛЯТВА свидетельствуют о том, что в XIX веке она понималась как «магическ[ое] знаков[ое] действи[е]» [Митронов, 2020, с. 81—82]. Это понимание клятвы соотносимо с альтернативной этимологией лексемы, согласно которой глаголы **klęti* и **kliniti* в значении ‘забивать клин, не удаваться, стопорить’ связаны; **kliniti* происходит от слова **klinъ* ‘клин, гвоздь’, восходящего к **kŏlti* ‘колоть, резать’. Таким образом, *клясться* означало «прокалывать себя», а невозвратный глагол *клясть* изначально включал «синкретически-нерасчленимое семантическое ядро — “насылать порчу, колдовать, проклинать”» [Штейнгольц, 2006, с. 43, 53] (см. *клятбовать* — ‘напускать порчу’ [Даль, т. 2, с. 125]). Клятва могла представлять собой как развернутый

CC BY

обряд, так и лаконичную словесную формулу иногда с минимальным предметно-акциональным сопровождением.

Клятву приносили в помещении волостного суда, в ближайшей сельской церкви, в церквях и монастырях, особо почитаемых в народе, рядом со святым источником, в красном углу как сакральном центре дома [Левенстим, 1901, с. 21; Скоробогатый, 1884, с. 138; Макаров, 1828, с. 192, 200—201, 214].

Место принесения клятвы, состав и количество присутствующих могли зависеть от тяжести и специфики совершенного преступления. При краже сена с сенокоса в разбирательстве участвовали староста и не менее шести человек соседей. Полный сельский сход собирали при краже домашних вещей и конокрадстве; в первом случае — на общественной квартире, во втором — на улице [Тенишев, 1907, с. 141, 143], при нарушении межи собирали либо всех жителей деревни за селом, либо жителей трех деревень на спорном участке [Левенстим, 1901, с. 22—23; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 34]. Иногда подозреваемого проводили по трем хатам, где последовательно совершался ритуал [Тенишев, 1907, с. 144—145]. Кроме судей, в качестве распорядителя ритуала мог выступать священник либо староста [РК, т. 1, с. 78; Тенишев, 1907, с. 130, 141—142].

Неизвестно, требовалось ли перед принесением клятвы, как перед официальной присягой в случае, если крестьянин делил накануне брачное ложе с женой, совершить очистительные процедуры, например посетить баню [Ефименко, 1869, с. 238], однако паремии зафиксировали совершение божбы натощак: «Сегодня ни пито, ни едено» [Даль, 1879, с. 181]. После совершения ритуала поклявшийся угощал судей и своих свидетелей, что отразилось в следующем выражении: «Хоть дорога присяга и для души и для кармана, да крепка!» [Макаров, 1828, с. 206]. В данном случае речь идет о так называемом «магарыче» [Даль, т. 2, с. 293], фиксировавшем удачный исход дела. В некоторых локальных традициях наблюдались различия в обряде в зависимости от совершенного преступления, в других ритуал был унифицирован [Тенишев, 1907, с. 141, 144].

На вербальном уровне божба представляла собой текст, содержащий апелляцию к Богу и другим сакральным персонажам как к свидетелям, гарантирующим правдивость показаний: «Вот-те Никола», «видит Бог» [РК, т. 7, ч. 2, с. 205; Борисовский, 1870, с. 218]. К этому типу можно отнести клятвы иконой, отождествляемой с изображенным персонажем, и крестом, отождествляемым с образом Христа: «вот-те крест», «вот-те образ» [Бондаренко, 1890, с. 86]. Наиболее крепкой считалась клятва именем либо образом местночтимого святого [Левенстим, 1901, с. 21].

Условно к этому типу можно отнести клятвы небом, отождествляемым с Богом (выражения *ходить под Богом* и *ходить под небом* расценивались

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

как синонимичные) [СД, т. 3, с. 380), и землей, отождествляемой с Богородицей, как элементами мироздания, обладавшими в глазах народа высшим нравственным авторитетом: «Небом и землей божусь!» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 20]. Апелляция к элементам мироздания, приравниваемым к персонажам православного пантеона и церковным атрибутам, свидетельствует о синкретизме христианских и языческих представлений в крестьянском правосознании.

В клятвах по типу божбы-роты и роты (божбы с заклятием) важнейшим вербальным компонентом были лексемы, «ответственные» за вредоносное воздействие. К самым распространенным моделям, реализующим семантику причинения вреда, относились непосредственное насылание смерти: «пусть жена и дети помрут», «Убей мяне соунца провидныя!» [РК, т. 1, с. 125; СД, т. 2, с. 513], болезни и удушья: «чтобы подавиться <хлебцем с солью>», «включись в меня антонов огонь», «подавись я этим куском» (при краже съестного), «чтобы я захлебнулся <святой> водой» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 10; Тенишев, 1907, с. 143, 144, 145], инициирование физических повреждений, аномальных телесных трансформаций: «Почерней я, как земля», «Лопни мои глаза», «Отсохни язык», «Сожги мою головушку адский огонь», «чтобы <…> я бы объубожил» [Тенишев, 1907, с. 140, 144, 145] (см. «убогий» в значении «калека» [Даль, т. 4, с. 470]), «Разрази меня гром», «Дай, Господи, <…> чтобы из брюха кишки выползли» [СД, т. 2, с. 513; РК, т. 7, ч. 2, с. 205], лишение сил, соков, зрения, разума, способности двигаться: «Доведи Бог не поднять этой соломинки», «Изсохни моя душенька!» [РК, т. 7, ч. 2, с. 205] (в данном случае душа выступает как телесный орган [СД, т. 5, с. 249]), «Чтоб мне ослепнуть!», «обезумей я», «пусть святой крест не позволит мне встать» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23; Тенишев, 1907, с. 140, 145; Левенстим, 1901, с. 23], пожелание изменить положение объекта в пространстве на отклоняющееся от нормы: «чтобы <…> меня <…> перевернуло», «Пускай мои дети провалятся в тартарары» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 9, 22] (сюда можно отнести и укрывание землей: «пусть эта земля покроет меня» [Паппе, 1889, с. 61]), лишение возможности совершать действия, связанные с православным обиходом: «Не дай, Бог мне разговеться!», «Не взложи я на себя креста!» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 27, 28], лишение возможности видеть: «Не увидь я света белого, солнышка ясного, родимых детушек <…> родного отца с матерью)», «моему первенцу не видать света!», «дай Господи не видать мне своих лошадей на дворе (<…> значит, оне у него будут околевать)», «на себе креста не видать», «Не дай моим усопшим родственникам царствия Божия увидеть» [РК, т. 7, ч. 2, с. 172; Тенишев, 1907, с. 142—143; Паппе, 1889, с. 61; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 27].

CC BY

Многие из этих формул иносказательно выражают пожелание смерти. Так, клятвы, связанные с изменением положения объекта в пространстве моделируют ситуацию, служащую отсылкой в иной мир, поскольку движение направлено вниз (см. эвфемистическое обозначение смерти в русских диалектах как движения вниз, под землю [СД, т. 5, с. 59], а также значение лексемы *тартар* — ‘ад, преисподняя’ [Даль, т. 4, с. 402]). Лишение возможности совершать действия, связанные с православным обиходом символизировало исключение из крестьянского сообщества, категории «своих», православных (см. слово *крестьянин* как синоним *крещеного человека* [Даль, т. 2, с. 195]), а также лишение возможности общаться с Богом, что можно интерпретировать как духовную смерть. Что касается текстов, связанных с лишением возможности видеть, то, судя по анализу близких клятвам по семантике и структуре текстов проклятий, содержащих данную формулу, они в иносказательной форме зачастую содержали пожелание злой смерти [Ясинская, 2013, с. 79].

В клятвах по типу божбы-роты и роты исполнителями или орудиями наказания выступали сакральные персонажи, крест, земля, солнце как объект мироздания, наделяемый святостью, гром, считавшийся в язычестве и христианстве орудием Бога, огонь, болезнь, предметы православного обихода, хлеб с солью, предмет спора. Вредоносное воздействие чаще было направлено на клянущегося и различные части его тела, редко — на внутренние органы и душу. Объектами вредоносного воздействия могли стать родственники приносившего клятву (в том числе умершие и нерожденные) и имущество.

Стоит обратиться к предметно-акциональному уровню обряда. Часто встречаются упоминания о манипуляциях с иконой, причем тактильный контакт был необязательным. Можно было перекреститься перед образом, сесть под образа / посадить детей, совершить перед иконой вредоносные магические действия [Паппе, 1889, с. 62; Муллов, 1867, с. 628; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23; Тенишев, 1907, с. 140]. Когда икону снимали (см. *потянуть руки на Бога* в значении «снять икону для клятвы») [СД, т. 2, с. 513]), через нее совершали рукопожатие при взаимной клятве, ее клали на стол, и клянущийся трижды обходил его и совершал три земных поклона перед образом, ее могли целовать, держать перед собой во время принесения клятвы, класть на голову и переворачивать [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 9, 23; Тенишев, 1907, с. 139; Муллов, 1867, с. 626, 628]. Последние два действия были направлены на причинение вреда за счет моделирования неправильной ситуации. Кроме того, во вредоносной магии переворачивание — способ наведения порчи, инициирующий болезнь и смерть (см.

CC BY

перевертыш в значении ‘резкое болезненное изменение внешнего вида кого-либо’, *перевертываться* — ‘умереть’ [СРНГ, вып. 26, с. 46, 47].

В подтверждение своих слов могли целовать крест, в том числе и нательный, а также сложенные крест-накрест пальцы [Тенишев, 1907, с. 141; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23—24]. Стоит отметить, что употребление святой воды, земли, хлеба с солью с пожеланием захлебнуться либо подавиться напоминает применявшийся в русской средневековой церковной практике вид суда Божия — испытание освященным хлебом, направленный на обличение воров [Алмазов, 1904, с. 2—3], в рамках которого хлеб отождествлялся с телом Христовым. Считалось, что когда клятвопреступник будет целовать икону и крест, у него перекосится лицо, когда будет пить святую воду — отнимется язык. Из церковных атрибутов использовали свечу, которую подозреваемый тушил со словами: «Как потухла эта свечка, так потухни и моя жизнь»; либо он водил зажженной свечой по тем частям тела, которые должны пострадать в случае лжеприсяги [Тенишев, 1907, с. 141, 143, 145], подключая к вербальным пожеланиям акциональный код с апелляцией к перцептивному опыту — вредоносное воздействие огня / жара.

Разнообразными были манипуляции с землей: ее брали в руки, в рот, ели, клали комок земли / дерн на голову / за пазуху, чаще при межевых спорах, когда дерн нужно было нести на голове человеку, хотевшему доказать, что земля его; знаковым являлось падение дерна: граница проводилась до этого места, и участок считался принадлежащим поклявшемуся [Тенишев, 1907, с. 142, 144; Левенстим, 1901, с. 22, 23; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 17, 23—24, 34]. В последнем случае моделировалась неправильная пространственная ситуация, так как подобное отношение тела к земле, как и ее помещение на теле, характеризует покойника, которому уподоблялся клянущийся.

Используя симпатическую магию, воздействию огня подвергали ощепок лучины, который на сутки ставили перед иконой со словами: «Как этот ощепок изжарило и изсушило, жаром, так чтобы и меня свернуло и скорчило»; клянущегося заставляли три раза закусить осиновую ветку (осина считалась проклятым деревом, на котором повесился Иуда), переводили через сухую палку со словами: «Высуши меня, Господь, как эта палочка сухая» [Тенишев, 1907, с. 140; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 10—11, 13], покрывали ему голову полотенцем / скатертью, уподобляя покойнику, покрытому саваном. Данное действие было связано также с категорией позора (ср. «Пал позор и на мою голову» [Даль, т. 3, с. 238]), поскольку подозрение в совершении проступка наносило ущерб репутации. После совершения ритуала поклявшийся обращался к присутствовавшим со словами: «Снимите с меня позор» [Тенишев, 1907, с. 142, 145]. Некоторые клятвы напоминали

CC BY

ордалии. Так, необходимо было поцеловать заряженное ружье, лежавшее на столе перед иконой, что грозило клятвопреступнику смертью [Левенстим, 1901, с. 23—24].

Усилению эффекта ритуала способствовала имитация похоронного обряда: на клянущихся надевали саваны, давали в руки зажженные свечи и тихим шагом вели по деревне; идущие сзади женщины причитали по ним, как по покойникам [Тенишев, 1907, с. 148]. Старообрядцы помещали клянущихся в углубление в виде восьмиконечного креста, символизировавшего могилу [Левенстим, 1901, с. 22—23].

Важна и акустическая сторона обряда. Требовалось, чтобы присутствовавшие хранили молчание [Тенишев, 1907, с. 142], являвшееся формой ритуального поведения, соотносимого со смертью. Иногда ритуал сопровождали колокольным звоном, что, судя по реакции («Как пойдет к присяге, так и затрясется» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2. л. 11, 14]), считалось формой насылания смерти (см. *позвонное* — ‘плата звонарю за колокольный звон по умершему’ [СРНГ, вып. 28, с. 324]).

3.3. Отношение крестьян к клятве и представления о последствиях клятвопреступления

Присягу, использовавшуюся в средневековой юридической практике, исследователи причисляли к ордалиям или Божьим судам [Пахман, 1851, с. 68]. Она сохраняла свою актуальность и в XIX веке, в том числе в виде неформальных клятв, связанных с представлениями о Божьем суде.

К официальной присяге крестьяне относились достаточно серьезно, а клятвопреступление считалось тяжким грехом [Тенишев, 1907, с. 17, 147], и хотя факты лжесвидетельства фиксировались исследователями [Муллов, 1867, с. 629; Ефименко, 1869, с. 238], присяга оставалась действенным механизмом раскрытия истины на суде [РК, т. 2, ч. 2, с. 274], гарантией того, что «…рано или поздно правда обнаружится сама собою», и Бог накажет клятвопреступника в земной либо в загробной жизни [Муллов, 1867, с. 629; Левенстим, 1901, с. 4; Тенишев, 1907, с. 146—147]. В воззрениях о неминуемом возмездии актуализуются представления о справедливости как одной из базовых ценностей крестьянского социума.

Отношение к неформальным обрядам могло зависеть от вида клятвы, ситуации, в которой она употреблялась, локальной традиции, репутации участников судебного процесса. П. И. Астров отмечает, что различные виды неформальных клятв, называемые божбой, утратили свое юридическое и религиозное значение. Божба, употребляемая в повседневной жизни, воспринималась как нечто «обычн[ое]», то, чем «…пользуются все добрые люди», и скептическое отношение к ней отражено в паремиях и комментариях крестьян: «Не божиться, так и не воровать», «попался, так и божится». Однако

CC BY

божбой с заклятьем крестьяне не злоупотребляли, опасаясь вредоносных последствий ложной клятвы [Астров, 1889, с. 132, 138]. В материалах упоминается, что божба без заклятья употреблялась, но в протокол не заносилась и не принималась как доказательство [РК, т. 5, ч. 2, с. 502].

Для крестьян был важен контекст употребления клятвенных формул. Неформальные клятвы могли быть напрасными, однако только в обыденных мелочных случаях [Бондаренко, 1890, с. 86]. Имело значение, сопровождалась ли божба ритуальными действиями: «…никому это <божба> не воспрещается, но в резон не принимается; иное дело ответчик или истец крест на себя положат, принимая грех на душу, это составляет уже полное доказательство для волостного суда» [Шраг, 1877, с. 60]. См. также комментарий Б. А. Успенского: «Клясться именем Бога — большая клятва, но право считается “выше солнца”. Это самая страшная божба». Исследователь предполагает, что в данном случае «…имеется в виду языческая по своему происхождению клятва, которую принято было давать на суде и которая могла сопровождаться крестным целованием». Он же на основании лингвистических данных предполагает, что лексема *право* могла иметь значение крестоцелования [Успенский, 2008, с. 164—165]. Таким образом, божба обретала силу и статус ритуального, а не повседневного действа, если она включала предметно-акциональный компонент, в частности, крестоцелование или совершение крестного знамения.

О дифференцированном отношении к разного рода клятвам свидетельствует их поэтапное применение в ходе дознания: сначала божба, затем клятва без священника, потом присяга со священником, предполагающая крестоцелование [Тенишев, 1907, с. 129—131]. К категории «страшных» относилась клятва детьми [Паппе, 1889, с. 61]. При подозрении в семейной краже с поклявшегося детьми в присутствии членов семьи снимались все обвинения. Иногда суд более высокой инстанции признавал обвиняемого невиновным, поскольку тот еще в ходе семейного разбирательства поклялся детьми, и даже уездный съезд земских начальников оставлял жалобу истца без последствий. Отказ приносить подобную клятву мог усиливать подозрения. «Страшной» считалась также клятва жизнью и здоровьем, не только собственными, но и других членов семьи помимо детей [РК, т. 5, ч. 2, с. 501—502]. Зачастую подобные клятвы содержали аллюзии к похоронной обрядности [Тенишев, 1907, с. 147—149]. Важной являлась и клятва, «…произнося которую клявшийся берет в рот немного земли» [Чубинский, 1872, с. 91]. Того, кто попрекал или оскорблял принявшего «страшную» клятву, подвергали наказанию [Тенишев, 1907, с. 145—146].

О том, что божба с заклятьем удовлетворяла истца и присутствовавших крестьян и даже служила доказательством ложного обвинения, сви-

CC BY

детельствует их реакция: истец «…хвата[л] шапку и бежал вон» либо «… отступа[л] со стыдливой физиономией, провожаемый недоброжелательными взглядами присутствующих за напрасный поклеп» [РК, т. 1, с. 124—125]. Принесение подобной клятвы ответчиком и свидетелями могло инициировать наказание истца, которого подвергали сходным манипуляциям, в частности, водили по двору, надев саван в знак того, что «…весь срам пал» на него [Тенишев, 1907, с. 148].

После совершения ритуала крестьяне склонны были отдавать дело «на волю Божью» в уверенности, что Бог накажет клятвопреступника. При этом указание на немедленную кару, за исключением клятв по типу «чтобы мне на месте умереть» [РК, т. 1, с. 74—75, 270], достаточно редко содержится в текстах. Представления о немедленном наказании клятвопреступника были связаны с клятвой заряженным ружьем, что использовалось как способ добиться признания или уличить преступника в случае отказа от участия в ритуале [Даль, 2016, с. 8]. Иногда в текстах фиксировался конкретный день наказания (Пасха), временной предел, который не мог быть преодолен клянущимся безнаказанно (завтрашний день, закат), срок, в течение которого клятвопреступника должен покарать Бог (три дня) [Тенишев, 1907, с. 140; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 34, 28, 27].

В текстах, повествующих о постигших клятвопреступников наказаниях, упоминается, что присягнувший умирает вскоре, в течение года, слепнет через две недели, заболевает через три недели и вскоре умирает [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 28, 34; РК, т. 1, с. 78; Тенишев, 1907, с. 149]. У присягнувших ложно отнимался язык, руки и ноги, вор наказывался бедностью и падежом скота [Тенишев, 1907, с. 149; РК, т. 1, с. 75]. Часто встречаются упоминания об иссушении рук [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 13, 30—31], что связано с самим обрядом, во время которого поднимали правую руку, и со значимостью данной части тела: рука — это орудие труда, средоточие социальных связей и синоним работающего человека.

Существовало представление, что за ложную клятву Бог половину века убавляет / не дает «…веку дожить» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 34; Бондаренко, 1890, с. 86]. Наказанье могло распространяться и на потомков клятвопреступника. Если в семье рождался калека, подозревали мать в том, что она божилась детьми [РК, т. 6, с. 427; АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 27]. Божье наказание могло грозить и за клятву как таковую [С. А. К., 1886, с. 3], что восходит к ветхозаветной традиции.

Рассказы о последствиях ложной клятвы выполняли функцию предостережения и использовались для увещевания и запугивания с целью добиться от преступника признания [РК, т. 1, с. 78; Тенишев, 1907, с. 141—142, 145], а страх перед последствиями способствовал возникновению

CC BY

различных способов аннулирования клятвы, суть которых сводилась к нарушению порядка совершения ритуала, вследствие чего он терял силу. О мотиве ловкой подмены залога клятвы в фольклорных сюжетах, а также о том, что крестьяне с подозрением относились к клятвам людей с испорченной репутацией, поэтому за ходом ритуала следили доверенные лица, делая заключение на основании реакции подозреваемого о его виновности / невиновности, см. [Бауэр, 2019, с. 68—69].

Судя по материалам, лжесвидетельство в ходе принудительной клятвы не навлекало кару на клятвопреступника, однако грех падал на принуждавшего к лжесвидетельству, если он упоминался как объект вредоносного воздействия. Так, муж, принуждавший жену дать ложные показания, после ее клятвы «Дай Бог не увидеть своего мужа» заболевает и умирает [Тенишев, 1907, с. 150]. Однако представления о вредоносном воздействии клятвы для тех, кто принуждал к ритуалу, не были широко распространены, и крестьяне часто практиковали принудительную божбу с заклятьем, не опасаясь последствий для себя.

В традиции существовали магические приемы, совершаемые с целью не допустить ложную клятву. Так, из корешка рябины, которая росла возле муравейника, вырезали палку и клали ее в красный угол с уверенностью, что «муравьиная палка не допустит божиться» [АРГО, ф. 12, оп. 1, д. 2, л. 23], обличив преступника. Об использовании рябины, вырванной из муравейника, и муравьев в ритуалах распознания см. [СД, т. 4, с. 518; СД, т. 3, с. 336].

Удерживать крестьян от ложной божбы могла боязнь испортить репутацию в глазах однодеревенцев: «После такой “божатвы” <…> считают его за “мошеника”, “негоднаго человека”» [АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 1120, л. 6]; «Бога снять, на весь мир честь потерять» [Ефименко, 1869, с. 231]. Интересно, что крестьяне избегали ложно клясться в кругу своих, но с легкостью лжесвидетельствовали в общих судах [Муллов, 1867, с. 630].

Популярность божбы, особенно в молодежной среде, в пореформенный период постепенно снижалась [Миронов, 2000, с. 76], о чем свидетельствуют высказывания крестьян: «А ты без божбы докажи, что твое дело правое», «присягой дел не решают», «ей теперь веры нету» [РК, т. 3, с. 98; Астров, 1889, с. 137]. В конце 1880-х годов А. Паппе задается вопросом, не является ли клятва вымирающим видом доказательств в крестьянском судопроизводстве [Паппе, 1889, с. 62].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на неутешительные выводы исследователей, материалы свидетельствуют, что клятва сохраняла актуальность в рамках крестьянской

CC BY

юстиции в пореформенный период. Будучи одним из обычно-правовых доказательств, она использовалась при разрешении спорных дел при отсутствии / недостаточности улик. Ее применение способствовало нейтрализации конфликта, поскольку потерпевший получал гарантию того, что наказание со стороны божественных сил должно настигнуть клятвопреступника. Подобный исход дела был возможным благодаря укорененным в традиции представлениям о неминуемом и справедливом Божьем суде. При этом нарративы о фатальных последствиях клятвопреступления служили действенным механизмом, способствующим выяснению истины в ходе судебного разбирательства.

Отношение к разного рода клятвам было дифференцированным. К клятве по типу божбы-роты и роты, учитывая их вредоносный потенциал, крестьяне испытывали большее доверие, как и к божбе, сопровождавшейся крестоцелованием либо крестным знамением, в то время как божба, включавшая только вербальный компонент, зачастую не принималась во внимание.

Опираясь на анализ материалов, можно сделать вывод о системе ценностей, актуальных для крестьянского социума. Важнейшими ценностями считались справедливость, жизнь (в том числе и «правильная» жизнь после смерти), здоровье, репутация, честь, благосостояние, социальные связи: родственные, в том числе и расширенные межпоколенные, объединяющие не только ныне живущих членов семьи, но и предков и потомков, а также связи в рамках общины. Важнейшее значение имели духовные ценности. Так, в представлениях крестьян разрыв связей с Богом воспринимался как духовная смерть.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АРГО — *Архив* Русского географического общества. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Пономарев С. М. Обыск. Божба, Освидетельствование девушки. Пытки.

2. АРЭМ — *Архив* Российского этнографического музея. Рукописный отдел. Ф. 7 (князя В. Н. Тенишева). Оп. 1. Д. 1120. Костин Ф. Орловская губ., Орловский уезд. 1899 г.

3. *Даль В. И.* Пословицы русского народа : сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1879. — Т. 2. — LXIII, 685 с.

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. — Т. 1—4.

5. РК — *Русские* крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. — Санкт-Петербург : Деловая полиграфия ; Навигатор, 2004. — Т. 1—4.

CC BY

6. *С. А. К.* Из прошлаго / С. А. К // Нижегородские губернские ведомости : [газета]. — 1886. — № 4. — С. 3—5.

7. СД — *Славянские* древности : этнолингвистический словарь. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1—5.

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Выпуск 1—47.

Литература

1. *Алмазов А. И.* Испытание освященным хлебом (вид «Божьего суда» для обличения вора) : греческий устав для совершения его по рукописи XVII в., с кратким историческим очерком / А. И. Алмазов. — Одесса : Экономическая» типография, 1904. — 28 с.

2. *Астров П. И.* Об участии сверхъестественных сил в народном судопроизводстве крестьян Елатомского уезда, Тамбовской губернии / П. И. Астров // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. — Москва : Типография А. Левенсон и К°, 1889. — Выпуск 1. — С. 130—150.

3. *Бауэр Т. В.* Представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX — начала XX в. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.07 / Т. В. Бауэр. — Санкт-Петербург, 2019. — 315 с.

4. *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века) / В. Б. Безгин. — Москва — Тамбов : Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. — 304 с.

5. *Бондаренко В.* Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии / В. Бондаренко // Этнографическое обозрение. — 1890. — № 3. — С. 62—89.

6. *Бочаров В. В.* Россия : «правовой нигилизм» и «неписаный закон» (постановка проблемы / В. В. Бочаров // Российское общество в современных цивилизационных процессах. — Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2010. — С. 360—367.

7. *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. — Москва : Аргументы недели, 2016. — 47 с.

8. *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев / П. С. Ефименко. — Архангельск : Губернская типография, 1869. — 336 с.

9. *Левенстим А. А.* Присяга на суде по народным воззрениям / А. А. Левенстим // Вестник права. — 1901. — № 6. — С. 3—28.

10. *Макаров М.* Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские / М. Макаров // Труды и летописи общества истории и древностей российских. — Москва : Университетская типография, 1828. — Книга 1. — Ч. 4. — С. 184—219.

11. *Малинович Ю. М.* Модусы речевого акта обещания : клятва в индоевропейских культурах / Ю. М. Малинович, М. В. Малинович // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : Индрик, 2011. — С. 220—230.

12. *Матвеев П.* Очерки народного юридического быта Самарской губернии / П. Матвеев. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1877. — 38 с.

13. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Д. Буланин, 2000. — Т. 2. — 568 с.

14. *Мирошниченко О. И.* Правовой менталитет как средство преодоления формального правового нигилизма в современном российском обществе / О. И. Мирошниченко // Правовая политика и правовая жизнь. — 2013. — № 3. — С. 36—41.

CC BY

15. *Митронов И. А.* Клятва как культурный концепт : дефиниционный анализ номинантов / И. А. Митронов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — № 9 (152). — С. 80—83.

16. *Муллов П. А.* Несколько слов о материалах для объяснения народного юридического быта / П. А. Муллов // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. — Санкт-Петербург : Типография Куколь-Яснопольского, 1867. — Т. 1. — С. 615—635.

17. *Нанзатов Б. З.* Присяга и клятва в обычном праве бурят — феномен российского законодательства XVIII — начала XIX в. / Б. З. Нанзатов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2017. — № 4. — С. 17—21.

18. *Пахман С. В.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии / С. В. Пахман. — Москва : Университетская типография, 1851. — VI, 212 с.

19. *Рогачевский А. Л. К* истории обычного права в России в XIX в. (из архива Русского Географического общества). Клятва и божба / А. Л. Рогачевский // Юридическая мысль. — 2001. — № 3. — Ч. 1. — С. 12—16.

20. *Семеновский А. И.* Институт дачи клятвы (приведения к присяге) как мера стимулирования правдивых показаний / А. И. Семеновский // Уголовная юстиция. — 2022. — № 20. — С. 65—69. — DOI: 10.17223/23088451/20/11.

21. *Сидоренко А. В.* Детская клятва в советскую эпоху : речежанровые характеристики / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2016. — № 2. — С. 72—78.

22. *Скоробогатый П.* Доказательства на волостном суде (окончание) / П. Скоробогатый // Юридический вестник. — 1884. — № 5—6. — С. 132—145.

23. *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту : свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева / В. В. Тенишев. — Брянск : Типография Л. И. Итина и К°, 1907. — 192 с.

24. *Турсунбаева Н. С.* Институт присяги по нормам обычного права кыргызов в составе Российской империи / Н. С. Турсунбаева // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2015. — № 1 (15). — С. 63—65.

25. *Успенский Б. А.* Право и религия в Московской Руси / Б. А. Успенский // Факты и знаки : исследования по семиотике истории. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Выпуск 1. — С. 122—179.

26. *Чесноков И. И.* Аксиологические параметры речевого акта «клятва» в русской и чешской лингвокультурах / И. И. Чесноков, П. Чеснокова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2017. — № 6 (119). — С. 110—115.

27. *Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция : сборник статей / К. В. Чистов. — Москва : ОГИ, 2005. — 272 с.

28. *Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел : материалы и исследования / П. П. Чубинский. — Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и Комп., 1872. — Т. 1. — XX, 467 с.

29. *Шатковская Т. В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века : историко-правовой аспект : автореферат диссертации ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Татьяна Владимировна Шатковская. — Ростов-на-Дону, 2009. — 59 с.

30. *Шраг И.* Крестьянские суды Владимирской и Московской губерний (продолжение) / И. Шраг // Юридический Вестник. — 1877. — № 5—6. — С. 52—101.

31. *Штейнгольц А.* Отражение древнерусских верований в русском лексиконе : диссертация … доктора философии по русскому языку / А. Штейнгольц. — Тарту, 2006. — 198 с.

32. *Якушкин Е. И.* Обычное право : материалы для библиографии обычного права / Е. И. Якушкин. — Ярославль : Типография губернского правления, 1875. — Выпуск 1. — XXXXVI, 249 с.

33. *Ясинская М. В.* «Света белого не видеть» (тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) / М. В. Ясинская // Славяноведение. — 2013. — № 2. — С. 79—89.

34. *Donovan J. M.* Legal Anthropology / J. M. Donovan. — Lanham : Altamira Press, 2008. — 286 p. — ISBN 0759113505.

35. *Kelley T. A.* Truth or Consequences (the Deadly Kind) : Oath Swearing in Nigerien Customary Law / T. A. Kelley // North Carolina Journal of International Law. — 2022. — Vol. 47 — № 3. — Pp. 331—368.

36. *Oba A. A.* Juju Oaths in Customary Law Arbitration and Their Legal Validity in Nigerian Courts / A. A. Oba // Journal of African Law. — 2008. — Vol. 52. — № 1. — Pp. 139—158. — DOI: 10.1017/S0021855308000065.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 09.04.2024.

Material resources

ARGO — *Archive of the Russian Geographical Society. F. 12. Op. 1. D. 2. Ponomarev S. M. Search. Bozhba, the examination of the girl. Torture.* (In Russ.).

AREM — Archive of the Russian Ethnographic Museum. (1899). *Manuscript department. F. 7 (Prince V. N. Tenishev). Op. 1. d. 1120. Kostin F. Oryol province, Oryol county.* (In Russ.).

Dal, V. I. (1879). *Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, sayings, sayings, sayings, pure sayings, jokes, riddles, beliefs, etc., 2.* St. Petersburg: M. O. Wolf Printing House. LXIII, 685 p. (In Russ.).

Dal, V. I. (1880—1882). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language, 1—4.* St. Petersburg: M. O. Wolf Printing House. (In Russ.).

RK — *Russian peasants. Life. Mode of life. Morals: materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev, 1—4.* St. Petersburg: Business polygraphy; Navigator. (In Russ.).

S. A. K. (1886). From the past. *Nizhny Novgorod gubernskie vedomosti: [newspaper], 4:* 3—5. (In Russ.).

SD — *Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary, 1—5.* (1995—2012). Moscow: International Relations,. (In Russ.).

SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1—47.* (1965). Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russ.).

References

Almazov, A. I. (1904). *The ordeal of consecrated bread (a kind of "God's judgment" to convict a thief): the Greek statute for its commission according to the manuscript of the XVII century, with a brief historical sketch.* Odessa : Ekonomicheskaya printing house. 28 p. (In Russ.).

Astrov, P. I. (1889). On the participation of supernatural forces in the people's legal proceedings of the peasants of the Yelatomsky district, Tambov province. In: *Collection of information for the study of the life of the peasant population of Russia, 1.* Moscow: A. Levenson and Co. Printing House. 130—150. (In Russ.).

Bauer, T. V. (2019). *Representations and practices related to theft in peasant culture (according to Russian, Belarusian and Ukrainian materials from the middle of the XIX — early XX century.* PhD Diss. St. Petersburg. 315 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2004). *Peasant everyday life (traditions of the late XIX — early XX century).* Moscow, Tambov: Publishing house of Tambov State Technical University. 304 p. (In Russ.).

Bocharov, V. V. (2010). Russia : "legal nihilism" and "unwritten law" (statement of the problem. In: *Russian society in modern civilizational processes.* St. Petersburg: Intersociety. 360—367. (In Russ.).

Bondarenko, V. (1890). Essays of Kirsanovsky district of Tambov province. *Ethnographic review, 3:* 62—89. (In Russ.).

Chesnokov, I. I., Chesnokova, P. (2017). Axiological parameters of the speech act "oath" in Russian and Czech linguistic cultures. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 6 (119):* 110—115. (In Russ.).

Chistov, K. V. (2005). *Folklore. Text. Tradition: collection of articles*. Moscow: OGI. 272 p. (In Russ.).

Chubinsky, P. P. (1872). *Proceedings of the ethnographic and statistical expedition to the Western Russian Territory, equipped by the Imperial Russian Geographical Society. Southwest Department: materials and research, 1.* St. Petersburg: V. Bezobrazov's Printing House and Company. XX, 467 p. (In Russ.).

Dal, V. I. (2016). *On beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people.* Moscow: Arguments of the Week. 47 p. (In Russ.).

Donovan, J. M. (2008). *Legal Anthropology.* Lanham: Altamira Press. 286 p. ISBN 0759113505.

Efimenko, P. S. (1869). *Collection of folk legal customs.* Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya. 336 p. (In Russ.).

Kelley, T. A. (2022). Truth or Consequences (the Deadly Kind): Oath Swearing in Nigerien Customary Law. *North Carolina Journal of International Law, 47 (3):* 331—368.

Levenstim, A. A. (1901). The oath at the court of popular beliefs. *Bulletin of the Law, 6:* 3—28. (In Russ.).

Makarov, M. (1828). Ancient and new gods, oaths and oaths Russian. *Proceedings and chronicles of the Society of History and Antiquities of Russia, 1 (4).* Moscow: University Printing House. 184—219. (In Russ.).

Malinovich, Yu. M., Malinovich, M. V. (2011). Modes of the speech act of promise: oath in Indo-European cultures. In: Arutyunova, N. D. (ed.). *Logical analysis of language. Linguistic futurism. Language's look into the future*. Moscow: Indrik. Pp. 220-230. (In Russ.).

Matveev, P. (1877). *Essays on the national legal life of the Samara province.* St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 38 p. (In Russ.).

Mironov, B. N. (2000). *The social history of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century.): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law, 2.* St. Petersburg: D. Bulanin. 568 p. (In Russ.).

Miroshnichenko, O. I. (2013). Legal mentality as a means of overcoming formal legal nihilism in modern Russian society. *Legal policy and legal life, 3:* 36—41. (In Russ.).

Mitronov, I. A. (2020). Oath as a cultural concept: a definitional analysis of nominees. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 9 (152):* 80—83. (In Russ.).

Mullov, P. A. (1867). A few words about materials for explaining the national legal life. In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the department of Ethnography, 1.* St. Petersburg: Printing house of Kukol-Yasnopolsky. 615—635. (In Russ.).

Nanzatov, B. Z. (2017). Oath and oath in the customary law of the Buryats — the phenomenon of Russian legislation of the XVIII — early XIX century. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 4:* 17—21. (In Russ.).

Oba A. A. (2008). Juju Oaths in Customary Law Arbitration and Their Legal Validity in Nigerian Courts. *Journal of African Law, 52 (1):* 139—158. DOI: 10.1017/S0021855308000065.

Pakhman, S. V. (1851). *On judicial evidence in ancient Russian law, mainly civil, in their historical development.* Moscow: University Printing House. VI, 212 p. (In Russ.).

Rogachevsky, A. L. (2001). On the history of customary law in Russia in the XIX century (from the archive of the Russian Geographical Society). *Oath and friendship. Legal thought, 3 (1):* 12—16. (In Russ.).

Semenovsky, A. I. (2022). Institute of swearing (swearing in) as a measure to stimulate truthful testimony. *Criminal justice, 20:* 65—69. DOI: 10.17223/23088451/20/11. (In Russ.).

Shatkovskaya, T. V. (2009). *Common law of Russian peasants of the second half of the 19th — early 20th centuries : historical and legal aspect* : author's abstract of Doct Diss. Rostov-on-Don. 59 p.

Shrag, I. (1877). Peasant courts of the Vladimir and Moscow provinces (continued). *Legal Bulletin, 5—6:* 52—101. (In Russ.).

Shteynholz, A. (2006). *Russian Russian beliefs reflected in the Russian lexicon.* PhD Diss. Tartu. 198 p. (In Russ.).

Sidorenko, A. V. (2016). Children's oath in the Soviet era: speech genre characteristics. *Speech Genres, 2*: 72-78. (In Russ.).

Skorobogaty, P. (1884). Evidence at the volost court (ending). *Legal Bulletin, 5—6:* 132—145. (In Russ.).

Tenishev, V. V. (1907). *Justice in Russian peasant life: a set of data obtained by ethnographic materials of the late Prince V. N. Tenishev.* Bryansk: Printing house of L. I. Itin and Co. 192 p. (In Russ.).

Tursunbayeva, N. S. (2015). Institute of the oath according to the norms of customary law of the Kyrgyz people in the Russian Empire. *Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University, 1 (15):* 63—65. (In Russ.).

Uspensky, B. A. (2008). *Law and religion in Moscow Russia. Facts and signs: studies on the semiotics of history, 1.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 122—179. (In Russ.).

Yakushkin, E. I. (1875). *Customary law: materials for the bibliography of customary law, 1.* Yaroslavl: Printing House of the provincial Government. XXXXVI, 249 p. (In Russ.).

Yasinskaya, M. V. (2013). "Not to see white light" (the theme of eyes and vision in the formulas of South Slavic curses). *Slavic studies, 2:* 79—89. (In Russ.).

The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 09.04.2024.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Богданова О. В. Мотив маски в «Большой элегии Джону Донну» Иосифа Бродского / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 190—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-190-214.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2024). Motif of Mask in Joseph Brodsky's 'Great Elegy for John Donne'. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 190-214. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-190-214. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мотив маски в «Большой элегии Джону Донну» Иосифа Бродского

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
ResearcherID: C-5907-2016
ScopusAuthorID 57219902824
доктор филологических наук,
профессор,
Научно-исследовательская лаборатория
перспективных проектов в образовании
olgabogdanova03@mail.ru

Баранова Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0003-0516-2773
соискатель,
кафедра русской литературы
bysinka27@mail.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Motif of Mask in Joseph Brodsky's 'Great Elegy for John Donne'

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
ResearcherID: C-5907-2016
ScopusAuthorID 57219902824
Doctor of Philology, Professor,
Research Laboratory
for Advanced Projects in Education
olgabogdanova03@mail.ru

Tatyana N. Baranova
orcid.org/0000-0003-0506-2773
degree seeker,
Department of Russian Literature
bysinka27@mail.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предложена интерпретация известного стихотворения И. Бродского «Большая элегия Джону Донну» (1963). Если традиционно элегия рассматривается в сопоставлении с текстами английского средневекового поэта и проповедника, когда в стихах Бродского выявляются переклички с поэтическими и прозаическими строками Дж. Донна, то авторами статьи предложен иной подход — рассмотрение «Большой элегии…» как самостоятельного произведения Бродского, в малой степени связанного со стихами и проповедями аббата собора св. Павла. Показано, что на момент создания элегии молодой поэт крайне мало знал Донна и о Донне, в результате элегия стала развитием собственных идей и представлений Бродского, которые уже проступали в его предшествующем творчестве. Ни одна из аллюзий к Донну, которые предлагали критики, не оказалась собственно донновской, но была органична мироощущению самого поэта той поры. В ходе анализа уточнена жанровая специфика «Большой элегии Джону Донну» и продемонстрирована связь с жанром «больших стихотворений» Бродского. Утверждается, что «Большая элегия Джону Донну» явилась не образцом ученичества у Донна, но воплощением тех мучительных раздумий, которые были порождены страшным ранним диагнозом «порок сердца». В большой элегии Бродский примерял на себя маску Донна и в подобной мистификации пытался прикоснуться к тайнам жизни-смерти, сна-смерти, постижения той «хоровой выси», которая выше Господа.

Ключевые слова:
Иосиф Бродский; *Большая элегия Джону Донну*; ученичество и самобытность; традиция и новаторство; метафизика и метафорика; сон-смерть.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article offers an interpretation of the well-known poem by Joseph Brodsky, ‘Great Elegy for John Donne’ (1963). While traditionally elegy is analyzed in comparison with texts of the English medieval poet and preacher, where echoes of poetic and prose lines of John Donne are identified in Brodsky’s verses, the authors propose a different approach — viewing ‘Great Elegy...’ as an independent work by Brodsky, loosely connected to the verses and sermons of the abbot of St. Paul’s Cathedral. It is shown that at the time of creating the elegy, the young poet knew very little about Donne, leading the elegy to be an extension of Brodsky’s own ideas and beliefs that were already present in his previous works. None of the allusions to Donne suggested by critics were genuinely Donnesque but rather organic to the poet’s worldview at that time. The genre specificity of “Great Elegy for John Donne” is clarified during the analysis, demonstrating its connection to Brodsky’s genre of “great poems.” It is argued that the elegy was not a model of discipleship to Donne but an embodiment of the painful reflections prompted by a terrifying early diagnosis of “heart defect.” In this grand elegy, Brodsky donned Donne’s mask and through such mystification attempted to touch upon the mysteries of life-death, sleep-death, and grasp that “choral height” which transcends the Lord.

Key words:
Joseph Brodsky; Great Elegy for John Donne; discipleship and originality; tradition and innovation; metaphysics and metaphorics; sleep-death.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Бродский.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-190-214

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Мотив маски в «Большой элегии Джону Донну» Иосифа Бродского

© Богданова О. В., Баранова Т. Н., 2024

1. Введение = Introduction

«Большая элегия Джону Донну» — одно из самых известных стихотворений Иосифа Бродского и одно из самых любимых. Я. Гордин говорит о нем: «Я очень люблю “Большую элегию Джону Донну”. Это, по-моему, совершенно удивительные стихи, ни на что не похожие. И это один из внезапных прорывов в область мировой культуры, совершенно, казалось бы, неподготовленный…» [Гордин, 2010, с. 194]. Действительно, «неподготовленной» к подобному порыву была, по существу, не только вся русская литературная традиция, но и сам Бродский, которому на момент написания «Большой элегии Джону Донну» было всего 22 года — датировка, сопровождающая стихотворение: «7 марта 1963 года» [Бродский, 1998, с. 235].

Возникают вопросы: когда и как Бродский познакомился с поэзией английского проповедника Джона Донна и что привлекло молодого поэта в английской метафорической традиции? Как случилось, что Джон Донн, по словам Дж. Аарона, стал «одним из его [Бродского] домашних идолов»? [Полухина, 2006, с. 421]. Почему, уезжая из СССР в 1972 году, Бродский взял с собой именно «томик Джона Донна»? [Там же, с. 301].

Можно предположить, что у Бродского были различные пути встречи с поэзией Донна. Прежде всего через весьма популярный в атмосфере шестидесятых годов роман Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол», эпиграфом к которому, как известно, послужили строки из Дж. Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа, и так же, если смоет край мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе» [Хемингуэй, 2002, с. 5].

CC BY

Массовым тиражом роман Хемингуэя вышел в СССР только в 1968 году в составе четырехтомника американского писателя [Хемингуэй, 1968]. Однако уже в начале 1960-х заинтересованному советскому читателю был известен машинописный перевод романа, подготовленный в издательстве иностранной литературы и просочившийся в массы, передававшийся из рук в руки [Орлова, 1985, с. 30]. Даже если Бродский не читал роман Хемингуэя в самиздате, то все равно имя Джона Донна было уже на слуху.

Непосредственное знакомство с текстами Джона Донна, возможно, произошло в начале 1961 года, когда Бродский познакомился с антологией английских поэтов XVII века, в числе авторов которой был и Джон Донн. С. Шульц рассказывает о вечере молодых поэтов-геологов (март 1961 года, ВНИГРИ, Ленинград), об участии в нем Бродского и вспоминает: «Мы вышли вместе [с Бродским] из ВНИГРИ после этого вечера. Я обещал принести ему книжку Джона Донна, точнее американскую антологию английских поэтов XVII века, где было много стихов Донна» [Шульц, 2000, с. 75—76]. Другими словами, уже в марте 1961 года имя Дж. Донна было не только знакомо Бродскому, но он проявлял явный интерес к его поэзии.

«Всерьез», по словам Бродского, он прочел стихи Дж. Донна только в 1964 году, когда С. Максудов (А. Бабенышев) привез ему в Норенскую подарок Л. К. Чуковской — издание «The complete Poetry of John Donne» [Donne, 1952]. «И тут я впервые прочел все стихи Донна, прочел всерьез… вся русская поэзия по преимуществу строфична, то есть оперирует чрезвычайно простыми единицами — это станса, четверостишие. В то время как у Донна я обнаружил куда более интересную и захватывающую структуру. Там необычайно сложные строфические построения. Мне это было интересно, и я этому научился…» [Бродский, 2011, с. 163].

Приведенные слова сказаны Бродским уже в эмиграции (1981), когда Дж. Донн был глубоко отрефлексирован поэтом, уже был осуществлен ряд переводов английского метафизика (см. об этом: [Шайтанов, 1998, с. 3—39]), к тому времени Бродский «совершил путешествие по Англии по местам Джона Донна» [Полухина, 2008, с. 225]. В процитированных словах акцент сделан на строфике Донна, на необычных для русской традиции строфических построениях. Однако едва ли можно предположить, что при знакомстве с поэзией Донна *форма* могла увлечь юного Бродского больше, чем *содержание*. Вероятно, Дж. Донн оказался чем-то близок Бродскому.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

«Неформальный» интерес Бродского к поэзии Донна был столь велик, что в 1960-х годах из-за рубежа ему неизменно привозили и дарили изда-

CC BY

ния английского поэта-проповедника. Так, уже упоминалось, что в руках Бродского побывала антология английских поэтов XVII века (1961), уже был назван сборник «The complete Poetry of John Donne» (1964), о подарке в виде «тома Джона Донна» рассказывает Натали Спенсер («Мы послали ему [Бродскому] через Ахматову том Джона Донна…» [Полухина, 2006, с. 301], 1965). По насыщенности изданий Дж. Донна, которые собирались в библиотеке Бродского, можно предположить, что современник Шекспира обратил на себя внимание молодого поэта не только формой, но и содержанием, еще точнее — миросозерцательной установкой, особенностями мировосприятия, поразившими Бродского и оказавшимися ему родственными. Можно предположить, что и форма, и содержание поэзии английского метафизика обсуждались в кругу молодых друзей-литераторов, на комаровской даче А. Ахматовой, в семье литературоведа-пушкиниста Б. В. Томашевского (напомним, что Томашевский тоже переводил Дж. Донна и его записи об английском средневековом поэте были использованы как предисловие к сборнику стихов Донна [Томашевский, 1973, с. 5—17]).

О мировоззрении Дж. Донна позднее Бродский говорил: «…читая Донна или переводя, учишься *взгляду на вещи*…» (выделено нами. — *О. Б., Т. Б.*) [Бродский, 2011, с. 163]. И еще более точно: «…у Донна мне ужасно понравился этот перевод небесного на земной, то есть перевод бесконечного в конечное <…> Это <…> как бы выражение серафического порядка. Серафический порядок, будучи поименован, становится реальней» [Бродский, 2011, с. 163]. И вывод: «…это замечательное взаимодействие и есть суть <…> поэзии» [Бродский, 2011, с. 163].

Если попытаться интерпретировать последние слова Бродского, то речь должна идти о медитативности поэзии Дж. Донна, о метафизике его текстов, о метафоризме его видения — что, собственно, и привлекло молодого (начинающего, но по-своему зрелого) поэта в необычных текстах (стихах и прозе) средневекового проповедника.

В подобной, столь насыщенной Донном атмосфере искать непосредственный импульс, послуживший к созданию «Большой элегии Джону Донну» (1963), вероятно, нет необходимости — как видно, начало 1960-х было густо пропитано духом поэзии Донна.

К анализу «Большой элегии Джону Донну» обращались многие исследователи (Д. Бетеа [Bethea, 1994], В. Куллэ [Куллэ, 1996], М. Крепс [Крепс, 1984], В. Иванов [Иванов, 1988; 1997], А. Нестеров [Нестеров, 2000], Ю. Иваск [Иваск, 1987], И. Шайтанов [Шайтанов, 1998], О. Половинкина [Половинкина, 2011], И. Снегирев [Снегирев, 2010; 2011], Л. Федорова [Федорова, 2010], Д. Терешкина [Терешкина, 2021], О. Капец и В. Капец [Капец, 2018] и др.). Однако в своем анализе, как правило, ученые исходят

CC BY

из того, что Бродский знал и хорошо понимал поэзию Дж. Донна, тогда как на момент создания «Большой элегии…» единственным печатным источником для него служила ранее упомянутая антология английской поэзии XVII века [Бродский, 2011, с. 163]. К тому же, поскольку С. Шульц называет антологию «американской», можно предположить, что она была на английском языке, а Бродский на тот момент еще недостаточно хорошо знал английский. Потому весьма интересные сопоставления текстов Дж. Донна и «Большой элегии…» Бродского, которые предлагают в своих работах, например, Д. Бетеа [Bethea, 1994], Д. Ригсби [Pigsbee, 1996] или А. Нестеров [Нестеров, 2000], носят несколько искусственный характер, ибо принцип диахронии нарушается: исследователи приписывают Бродскому то знание, которого у него ко времени создания элегии еще не было, не могло быть.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жанровое своеобразие «Большой элегии Джону Донну»

В тексте «Большой элегии Джону Донну» сразу обращает на себя внимание перитекстуальная особенность — жанровое определение, предложенное Бродским, «большая элегия», где квалифицирующие элементы жанровой номинации примечательны.

Как известно, в переводе с греческого *элегия* (ἔλεγος) означает «жалоба», «жалобная» лирическая песня, грустные философские размышления о смысле человеческого бытия [Квятковский, 1966, с. 350]. В русской литературе классическими признаны элегии В. Жуковского, К. Батюшкова, Н. Языкова, А. Пушкина и любимого Бродским Евг. Баратынского (например, «Осень»).

Традиционно элегия — небольшой по объему жанр. Между тем Бродский дефинирует свою элегию как «большую» — «*Большая* элегия Джону Донну», скорее всего в подражание самому Донну, чьи элегии действительно непривычно велики по объему [Донн, 2009]. Более того, адресация — *Джону Донну* — заставляет вспомнить о жанре *послания*, которому был привержен Донн. То есть жанровые каноны *элегии*, с одной стороны, исходно трансформированы, с другой — с очевидностью ориентированы на Дж. Донна, на особенности его самобытной поэтики.

В этой связи необходимо сделать небольшое отступление и напомнить, что поэзии Бродского свойствен жанр «большого стихотворения». Сегодня стало привычным утверждение, что определение «большое стихотворение» было введено в практику бродсковедения Я. Гординым [Гордин, 2010, с. 46—47, 168—169, 192—194, 198—200 и др.]. Однако использование жанровой дефиниции «*Большая элегия* Джону Донну» заставляет предположить, что ква-

CC BY

лифицирующее определение стихотворений как «больших» (еще до акцентуации этого особого жанра Я. Гординым) неосознанно эксплуатировалось и самим Бродским. Так, например, о собственных «*больших стихотворениях*» вскользь, не акцентируя внимания на их жанровой природе, упоминает Бродский в письме к И. Н. Медведевой-Томашевской от 19 января 1964 года из архангельской ссылки: «Самое горькое <…> что я не могу здесь [в Норенской] писать свои главные стихи. Для этого нужна все же какая-то ясность, которая совсем невозможна <…>. Часть этих *больших стихов* я написал летом у Вас на канале, а часть осенью в Комарово. С тех пор силы земли (и неба!) на меня весьма ополчились, и только сейчас похоже на отбои <…>» [История одной дружбы ..., 2017] (выделено нами. — *О. Б., Т. Б.*).

Заметим, Бродский использует определение *большие стихотворения* нейтрально и так, что в цитируемом контексте оно вступает в синонимическую связь с другим квалификационным эпитетом — *главные* («*главные* стихи»). То есть *большими* поэт называет те из своих стихов, которые видятся ему главными, и речь у Бродского, несомненно, идет не столько (или не только) об объеме стихов, сколько об их ценностной составляющей. Объем — признак формальный, поверхностный; аксиология — признак сущностный, глубинный. По словам Бродского, структурирует «большие стихотворения» «развитие мысли, тезиса, содержания» [Волков, 1998, с. 160].

Я. Гордин добавляет к «внешним» признакам сюжетно-композиционные приемы и принципы: «Этот жанр “большого стихотворения” фактически не имеет аналогов в русской поэзии. <…> Это не баллады, ибо — как правило — они по сути дела не сюжетны. По той же причине и не поэмы. Это именно большие стихотворения, развивающиеся по сюжету глубоко внутреннему, который преодолевает и сминает сюжет внешний, даже если его наметки и присутствуют. <…> построены они по особым принципам поэтической драматургии <…> ведущий принцип больших стихотворений — стремительное подчинение частностей целому. <…> Один из главных принципов воздействия — композиционный! — повторения, бесконечные перечисления, когда неважны становятся сами слова, а важна их общность, их напор, их пространство, дифференцированное чисто условно, поток, — смысл которого в общей направленности движения. Это, собственно, метафора самой жизни…» [Гордин, 2010, с. 46—47].

Соглашаясь с квалификационными признаками «больших стихотворений», предложенными Я. Гординым, добавим, что этот необычный жанр был сгенерирован Бродским, вероятно, по модели «больших элегий» Джона Донна: вначале — *большая элегия*, позже — *большие стихотворения*.

Как бы то ни было, если принять к сведению приведенные выше слова Бродского из письма И. Н. Медведевой о значимости жанра «больших сти-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

хотворений», то по аналогии это суждение можно транспонировать и на «Большую элегию Джону Донну» — не просто «большую», но «важную» и «главную», по Бродскому. Детерминирующий признак элегии словно бы маркирует «Большую элегию…» и ставит ее в число *важных* текстов Бродского, пронизанных поэтическими — конститутивными для автора — интенциями. Можно предположить, что на *раннем* этапе, когда поэтические каноны, принципы и стратегии Бродского еще только формировались, контурировались, начинали обретать особую «бродскую» самобытность, *большой* жанр (элегии, послания… стихотворения) способствовал поиску особых форм самовыражения молодого поэта. «Большая элегия Джону Донну», несомненно, была одной из первых на этом пути.

3.2. Учительский чин Джона Донна

Показательно, что в связи с воспоминаниями о раннем этапе знакомства с Дж. Донном Бродский использует «школьную» терминологию: «В общем, вольно или невольно, я принялся заниматься тем же, но это не в порядке соперничества, а в порядке, скорее, *ученичества*. Это, собственно, главный *урок*» [Бродский, 2011, с. 163]. Можно поверить, что поэзия Дж. Донна становилась для него *школой*, не случившимся в его жизни университетом. Между тем несколько странно выглядит ученичество в тех обстоятельствах, о которых сам Бродский говорил: «Я сочинял это [“Большую элегию Джону Донну”], <…> зная о Донне *чрезвычайно мало*, то есть *практически ничего*» [Бродский, 2011, с. 126] (выделено нами. — *О. Б., Т. Б.*). Еще радикальнее признание: «<…> это стихотворение *целиком основано* на знаменитом эпиграфе к хемингуэевскому “По ком звонит колокол”. У меня было какое-то представление о том, кто такой Джон Донн; я знал, что он был проповедником, поэтом и т. д. Но читал я его не много» [Бродский, 2011, с. 188] (выделено нами. — *О. Б., Т. Б.*).

Последнее означает, что *учеба* у Дж. Донна для Бродского на самом деле не была в полном смысле слова учебой. Ученичество Бродского основывалось на домысливании, додумывании, на *предчувствии* Дж. Донна. А еще точнее — на предчувствии самого себя. «Большая элегия Джону Дону» — не столько следование Донну (о чем неизменно пишут исследователи), но попытка самоидентификации, выработки неких поэтических принципов и стратегий, которые Бродский тонко улавливал в поэзии Донна, но учительский образец которого носил весьма нечеткие черты. По домысленному донновскому образцу молодой поэт контурировал собственное поэтическое кредо. Потому, на наш взгляд, анализ «Большой элегии Джону Донну» следует вести более локально, без вольных (искусственно навязываемых) апелляций к незнакомым тогда молодому поэту текстам Дж. Донна, но в опоре на атмосферу и поэтический опыт

CC BY

Бродского начала 1960-х годов, с учетом его внутреннего поэтического развития.

3.3. Сон или смерть?

Как правило, приступая к анализу «Большой элегии Джону Донну», исследователи высказывают суждение, что Бродский, обращаясь в элегическом послании к умершему поэту-метафизику средневековья, унаследовал от него и реализовал образ-метафору «сон // смерть»:

Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крюк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло все <…> [Бродский, 1998, с. 231].

Так, американский исследователь Д. Бетеа пишет об атмосфере «ноуменального мира, сна / смерти» [Bethea, 1994, p. 96], унаследованных от Дж. Донна. А. Нестеров говорит об ассоциациях к «смертельным» образам распятия и зимы: «…зимнее оцепенение есть сон смертный, за которым не следует Воскресение <…> по нарастающей, вводится тема равнодушия — забвения — смерти» [Нестеров, 2000, с. 151—154]. Д. Ригсби полагает, что мотив смерти в «Большой элегии…» восходит к мотивам предсмертной проповеди Донна «Схватка смерти, или Утешению душе, ввиду смертельной жизни, и живой смерти нашего тела» [Pigsbee, 1996, p. 67].

Однако, во-первых, до сегодняшнего дня не установлено, какая именно антология английской поэзии побывала в руках Бродского и какие немногочисленные стихи Дж. Донна он мог прочесть в ней (присутствовал ли в них образ сна-смерти). Можно предположить, что в антологию были включены прежде всего лирические элегии Донна о любви (медитации Донна написаны прозой). Во-вторых, метафора «сон — смерть» достаточно традиционна и широко представлена в мировой литературе и культуре (на это уже указывали А. Нестеров, И. Снегирев, Е. Г. Николаева и др. [Николаева, 2019, с. 183]). Бродский не мог не знать ее, потому она обнаруживается в его самых ранних стихах. Например, в январе того же 1963 года Бродский написал стихотворение «На смерть Роберта Фроста», где эта метафора открывает повествование:

Значит, и ты уснул.
Должно быть, летя к ручью,
ветер здесь промелькнул,
задув и твою свечу [Бродский, 1998, с. 229].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Обратим внимание: в приведенных строках из «На смерть Роберта Фроста» лирический герой использует усилительные союзы (почти частицы) — «*и* ты уснул», «*и* твою свечу», словно бы продолжая тот обширный ряд, в котором «уснули» многие («великих… ряд» [Бродский, 1998, с. 229]), тем самым расширяя границы действия метафоры «сон — смерть» и встраивая знакомую (но и свою) метафору в мировой контекст, далеко не только донновский, но и фростовский.

Что касается мотива смерти, по мысли исследователей, весьма близкого Дж. Донну, то и он к тому времени уже прочно вошел в сознание, мироприятие и, как следствие, в поэтические тексты Бродского [Богданова, 2023]. Как известно, в конце 1960 года двадцатилетнему Бродскому был поставлен тяжелый диагноз — «порок сердца» [Полухина, 2008, с. 44]. В стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу…» (1960—1961) лирический герой, поэт и человек, элегически грустно размышляет о трагичности судьбы, о времени и о себе:

Да. Времени — о собственной судьбе
кричу всё громче голосом печальным.
Да. Говорю о времени себе,
но время мне ответствует молчаньем… [Бродский, 1998, с. 137].

Предлагаемые проекции бродсковедов, кажется, объективны, доказуемы, релевантны — образы-мотивы сна, смерти, сна-смерти действительно присутствуют в поэзии Бродского начала 1960-х и, может быть, действительно коррелируют с антологическим Дж. Донном. Между тем всему этому противоречит то обстоятельство, что, если внимательнее погрузиться в текст «Большой элегии Джону Донну», окажется, что в элегии Бродского эти мотивы работают не вполне традиционно — не по Дж. Донну, духовному поэту и проповеднику-англиканцу, не по традиции русской или западноевропейской литературы.

При чтении текста «большой элегии» становится ясно, что герой Бродского Джон Донн погружен именно в сон — не в смерть. Применительно к «Большой элегии…» однозначно, без сомнения о сне, а не о смерти героя Донна говорит только хорошо чувствующий стихи Бродского Я. Гордин. С неким сомнением (вопросом) о сне пишет А. Нестеров: «<…> пространство вновь сжимается до комнаты — точнее — до тела *спящего* (?) поэта…» [Нестеров, 2000, с. 169] (выделено нами. — *О. Б., Т. Б.*). У Бродского герой действительно заснул, чтобы утром проснуться, точнее, «и он проснется днем» [Бродский, 1998, с. 235], им будут завершены еще не оконченные вирши («Но ждут еще конца два-три стиха…» [Бродский, 1998, с. 235]), «кафтан» окажется на его плечах.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Тогда отчего так настойчиво бродсковеды говорят о мотиве смерти в «Большой элегии…», почему именно эта тематическая грань оказывается наиболее острой?

Начало стихотворения Бродского действительно формирует аллюзии к образу сна-смерти: мортальные знаки, символы, геометрии трагически окрашивают атмосферу сна героя.

Уснуло все. Окно. И снег в окне.
Соседней крыши белый скат. Как скатерть
Ее конек. И весь квартал во сне,
разрезанный оконной рамой насмерть [Бродский, 1998, с. 231].

Поэтические средства, использованные Бродским, ориентированы на сон=смерть, становятся коррелятами темы смерти. Так, в русском сознании *снег* укрывает землю зимой, когда вся природа засыпает, умирает (как многократно зафиксировано в поэтических текстах отечественных классиков). Эпитет *белый* характеризует не только цвет снега, но в словосочетании *белый скат* (аллюзийно почти «белая скатерть») рождает представление о погребальном белом покрывале, семантически значимом в похоронном обряде. Акцентированный художником оконный *крест* разрезает пейзажную картину за окном *насмерть*.

Мотив смерти поддерживается и следующими строками:

Уснуло всё. Лежат в своих гробах
все мертвецы. Спокойно спят [Бродский, 1998, с. 232].

Предчувствие «мертвого сна», порожденного строками выше, теперь утверждается номинативом *мертвецы*, соположенным с глагольным действием *спят*.

Мертвый и живой мир обретают общие (единые) качества, уподобляются, уравниваются (формально — следуют через запятую):

Спят звери, птицы, *мертвый мир, живое* [Бродский, 1998, с. 232].

Завершающая первую часть элегии строка —

И больше звуков нет на целом свете [Бродский, 1998, с. 232].

— с акцентом на концевом *целом свете* словно бы подводит итог всему: мертвым сном заснул весь мир, целый свет.

CC BY

Поэтический мир элегии как будто бы охватила мертвенная тишина, смертельный покой — однако, как было сказано ранее, герой Джон Донн «проснется днем» — он не умер, он уснул.

В этой связи возникает новый вопрос: что же происходит в мире элегического Донна? Ответ очевиден, но неожидан — в силу вступает далеко не христианское мировосприятие: душа покидает тело героя Донна во время его сна. Позже, возвращаясь ко времени знакомства с поэзией Донна и периоду написания «Большой элегии…», Бродский скажет: «Мне казалось, что я более-менее все это понимаю» [Бродский, 2011, с. 188]. Однако складывается впечатление, что Бродскому действительно только «казалось», что он «понимает…», так как в христианской традиции, к которой принадлежит и англиканская церковь, душа героя Джона Донна во сне не могла покинуть тело проповедника (как и любого христианина). По христианскому канону душа расстается с телом единожды — в момент смерти, когда навсегда оставляет телесную плоть.

Молодому Бродскому, в начале 1960-х погрузившемуся в изучение духовных практик (как известно, именно тогда он постигал Ветхий и Новый Завет [Полухина, 2008, с. 61]), вероятно, был интересен опыт ислама или индуизма — представление о «краткой» ночной смерти. Именно в нее (действительно в смерть-сон) погружает Джона Донна Бродский, упуская из виду, что подобная практика не могла быть связана с образом духовного лица, англиканского священника, и что она, с очевидностью, отсутствует в стихах и проповедях Донна. Иными словами, Бродский не следует мирообразу Дж. Донна, но фантазирует, играет с душой Донна, ищет разговора с заинтересовавшей его сущностью. Если в «На смерть Роберта Фроста» Бродский был вполне традиционен в мотиве сна-смерти, то в «Большой элегии Джону Донну» его апелляция к имени и образу героя аббата Донна носит почти оксюморонный характер — поэт соединяет несоединимое.

Вряд ли можно себе представить, что, создавая большую элегию, Бродский не осознавал недопустимости краткой «ночной» смерти героя-проповедника Донна (Бродский помнил о его сане, о его служении, «аббатстве», что эксплицируется в вопросах героя Донна к неизвестному голосу-плачу [Бродский, 1998, с. 233]). Более того, начало элегии (впоследствии ее первая часть), возможно, и создавалось как обращение именно к усопшему Донну, однако *неожиданная мысль* [Бродский, 2011, с. 163] о возможности диалога с душой могла (должна была) увлечь молодого поэта, размышляющего о смерти, и внести коррективы в логику развития поэтической нарратии: Бродскому было интересно вступить в разговор с душой, через ее посредство коснуться метафизических вопросов, его волновавших, задуматься о собственной (уже диагностически обозначенной) смерти.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

3.4. Претексты «Большой элегии…»

На наш взгляд, до определенной меры убедительно звучит предположение, высказанное А. Нестеровым, что «образцом» смоделированной Бродским ситуации ночного разговора тела и души, героя и души послужил цикл Н. Гумилева «Душа и тело» [Нестеров, 2000, с. 156]. Диалогическая ситуация «душа / тело» действительно сопоставима в их текстах, но только отчасти: мотива ночного выхода души за пределы тела у Гумилева нет. У Гумилева душа, ранее пребывавшая в «мерцающем <…> планетном хоре», на какое-то время обрела свое место в «человечьем теле» (*Зачем открыла я для бытия / Глаза в презренном человечьем теле?* [Гумилев, 2000, с. 329]), но ее угнетает это прибежище, и она мечтает вновь вернуться в хоровую высь. Интерпретация Гумилева вполне традиционна для христианского сознания — ситуация Бродского иная, обостренная, неканоническая, «над Господом» [Гордин, 2010, с. 39].

Мысли о характере и законах взаимосвязи плоти и души словно бы отвлекают, уводят Бродского от осознания парадоксальности обстоятельств «ночной» смерти — невозможная для христианина Донна ситуация переходит в статус условной, проектируемой лишь для того, чтобы дать возможность поэту поразмышлять в направлении *сшивания* [Бродский, 1998, с. 233] (от *сшить*) разнородных сущностей — души и плоти.

На вопросы пробудившегося героя Донна (*лишь я один глаза открыл* [Бродский, 1998, с. 233]), обращенных в глубокую тьму, отвечает только донновская душа, на ночные часы поднявшаяся ввысь.

Нет, это я, твоя душа, Джон Донн.
Здесь я одна скорблю в небесной выси… [Бродский, 1998, с. 234].

И скорбная тревога души Донна о том, что она

<…> создала своим трудом
тяжелые, как цепи, чувства, мысли [Бродский, 1998, с. 234],

которые не позволят Донну подняться над миром:

Но этот груз тебя не пустит ввысь [Бродский, 1998, с. 234].

Примечательно описание «выси», в которую стремится умчаться душа и которая столь соблазнительна для Донна:

откуда этот мир — лишь сотня башен

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

да ленты рек, и где, при взгляде вниз,
сей страшный суд почти совсем не страшен.
И климат там недвижен, в той стране.
Откуда всё, как сон больной в истоме.
Господь оттуда — только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме [Бродский, 1998, с. 234].

То есть высь, о которой скорбит душа Джона Донна, — это не небесный «светлый Рай» [Бродский, 1998, с. 234], не горние сферы обитания Бога, она выше, она над всем, даже над Господом. В таком понимании заоблачной выси Бродский вновь оказывается наследником не видений священника Джона Донна, а собственных фантазий, его субъективных представлений о том, что «выше нас». Более того, Бродский воспроизводит «высь» не по следам Донна, но Евг. Баратынского, поразившую его в «Запустении». В беседе с С. Волковым Бродский восторженно восклицал: «Какая потрясающая дикция: “Он убедительно пророчит мне страну, / Где я наследую несрочную весну, / Где разрушения следов я не примечу, / Где в сладостной тени невянущих дубров, / у нескудеющих ручьев…” Какая потрясающая трезвость по поводу того света!» [Волков, 1998, с. 229].

Вслед за Баратынским Бродский создает образ своего «того света» — «страны», где царит «несрочная [*вечная*] весна» и «климат неподвижен», где «разрушения» нет и где не скудеют «ленты рек». Где «страшный суд <…> совсем не страшен…» Эта страна вне всего, над всем.

По наблюдениям Я. Гордина, этот образ возник у Бродского уже на рубеже 1962—1963 годов — Бродский выработал «утопическую идею “блаженной страны”, страны, “где нет смерти”» [Гордин, 2010, с. 167], идеальный образ, возникший в его стихах в продолжение традиции русской поэзии (Баратынского, Языкова, Пушкина, Лермонтова). Именно таковой и оказывается «высь» в «Большой элегии…» — баратынской, не донновской. Если у Дж. Донна любое моление (в том числе знаменитое XVII, использованное Хемингуэем) пронизано признанием величия и всевластия Господа, то у Бродского *высь* «блаженной страны» столь далека и высока, что оттуда Господь — только малая точка света в самом дальнем окне. Элегическая высь Бродского недосягаемо иная — в ней все недвижно, там «всё — вдали» [Бродский, 1998, с. 234].

3.5. Душа и плоть в понимании Донна и Бродского

Душа Донна плачет у Бродского о том, что соединение ее, души, и плоти невозможно в вышине:

Ну, вот я плачу, плачу, нет пути.
Вернуться суждено мне в эти камни.

CC BY

Нельзя прийти туда мне во плоти.
Лишь мертвой суждено взлететь туда мне.
Да, да, одной. Забыв тебя, мой свет,
В сырой земле, забыв навек, на муку
бесплодного желанья плыть вослед,
чтоб сшить своею плотью, сшить разлуку [Бродский, 1998, с. 234—235].

Бродского (не пастыря Дж. Донна) тревожит мысль о невозможности душе оказаться на высоте во плоти, Донну достичь вместе с нею высоких далей. Вновь ракурс мортального мотива оказывается не каноническим, не христианизированным, не донновским.

Звучит главный вопрос элегии: «…кто же с нами нашу смерть разделит?» [Бродский, 1998, с. 235]. Согласно образному ряду метафоры Бродского, кто сошьет соединительную ткань между душой и телом? Ответ жесток и трагичен: «Дыра в сей ткани…» [Бродский, 1998, с. 235]. Если А. Нестеров видит в образе *дыры* проявление мотивов пустоты и Богооставленности [Нестеров, 2000, с. 168], то, с нашей точки зрения, речь идет не о Боге или о вере, но о непреодолимом одиночестве человека, онтологически-бытийном одиночестве. Бродский не только не следует за Донном, но высказывает совершенно противоположные — не клерикальные и не донновские — суждения. «Серафические дали» Бродского разворачиваются в совершенно ином направлении.

Что касается мотива тяжести («груза») мыслей, которые не пускают героя Донна ввысь, то и эта идея не была исключительно донновской (ср.: [Снегирев, 2011, с. 235]), она уже эксплицировалась в поэзии Бродского, заметим, Бродского раннего. Достаточно вспомнить его «Пилигримов» (1958—1959), чтобы понять, что *мысли* давно числились среди персонажей поэзии Бродского — мысли как герои, мысли как субъекты и объекты его поэтических размышлений. Напомним, что с введением в перитекст стихотворения «Пилигримы» эпиграфа из сонета Шекспира («Мои мечты и чувства в сотый раз / идут к тебе дорогой пилигримов. *В. Шекспир*» [Бродский, 1998, с. 21]), восприятие текста Бродского принципиально трансформировалось: шекспировский эпиграф подсказывал, что поэт говорил не о людях-пилигримах, странствующих по свету, но о странствиях мысли, о мыслях-пилигримах ; см. об этом: [Богданова, 2022, с. 5—28]. Тяжесть пути мыслей-пилигримов Бродского соотносима с тяжелым грузом тех мыслей героя Донна, которые удерживают его на земле в «большой элегии». Почти за пять лет до «Большой элегии Джону Донну» Бродский в «Пилигримах» на протяжении всего стихотворения последовательно разворачивает единую емкую — собственную — метафору.

CC BY

Исследователи говорят, что номинативный перечислительный ряд, бесконечный перечень предметов, образов, деталей, формирующих элегию Бродского, — тоже от Дж. Донна, от английского модернизма: «Донн <…> поэт, культовый для англоязычного модернизма <…> Влияние модернистской поэтики проявляется в “каталоге вещей”, переводящем характерную для элегии обособленность частного бытия в подчеркнуто бытовой план <…>» [Снегирев, 2011, с. 236]. Однако и здесь возникает несогласие — представляется, что правильнее было бы говорить о внимании Бродского к детали, вещи и их множественности не в связи с Донном или английским модернизмом, но приложимо к русскому модернизму, например, к точности и предметности акмеистов (напомним, Бродский уже был знаком с А. Ахматовой, в том числе и через нее погружался в перечислительные ряды-образы Н. Гумилева, О. Мандельштама и др.). Надо заметить, что и в поэзии самого Бродского перечисления, пусть и не такие «длинные», но уже присутствовали и до «Большой элегии…», хотя бы в уже упомянутых «Пилигримах», «Зофье» и др.

3.6. Донн — Хэмингуэй — Бродский

Напомним, что о «Большой элегии Джону Донну» Бродский говорил, что она целиком основана «на знаменитом эпиграфе к хемингуэевскому “По ком звонит колокол”...». В стихотворении «Бессмертия у смерти не прошу…» (рубеж 1960 и 1961 годов, то есть за два или три года до «Большой элегии…») актуализирован тот же мотив — мотив колокольного звона («звони <…> *мой* колокол…» [Бродский, 1998, с. 229]), — причем узнаваемо хемингуэевский, не донновский; см. об этом: [Богданова, 2023]. Последнее весьма важно для интерпретации «Большой элегии Джону Донну». Дело в том, что в 1960-е, когда речь заходила о романе Хемингуэя «По ком звонит колокол…», как правило, воспроизвести целиком по памяти достаточно большой эпиграф было сложно, и потому из него цитировались только последние строки: «…не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе». Усечение эпиграфа приводило к тому, что смысл суждения Дж. Донна деформировался: если Донн считал, что «нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши…», то изоляция последних строк хемингуэевского эпиграфа приводила к тому, что высказывание обретало иной (если не сказать противоположный) смысл. Образ-идея обрастал новыми коннотациями. В самом обобщенном виде он воспринимался так: звон колокола по любому из умерших напоминает каждому и тебе, что он (ты) смертен. Мысль Дж. Донна искажалась, но продолжала числиться за английским поэтом. Но если Донн говорил о *материковой* общности, то на уровне сокращенного эпиграфа на первый план выходила идея *островного* человеческого одиночества, все того же бытийного одиночества.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Заметим, именно так (не по-донновски) образы Океана и Острова звучат в элегии Бродского:

Ты видел: жизнь, она как остров твой.
И с Океаном этим ты встречался:
Со всех сторон лишь тьма, лишь тьма и вой… [Бродский, 1998, с. 234]

— где «остров» — это и географический остров, на котором расположилось объединенное королевство, и остров-Донн, остров-индивид. Уже несколько лет носивший в себе мысль о смерти, тяжело переживавший повторяющиеся сердечные приступы, Бродский ощущал родство с *приписанной* Дж. Донну мыслью: его лирический герой ощущал себя именно островом, а не частью материка. Оттого трагизм мировосприятия Бродского, а следовательно, и его поэзии нарастал.

3.7. Строфическая самобытность «Большой элегии Джону Донну»

Итак, ориентация Бродского на содержательно-медитативные ряды Дж. Донна, на «ученичество» у Донна оказывается под сомнением. Тогда возникает следующий вопрос: зачем же вообще появляется имя и образ Дж. Донна? Почему он использован Бродским в стихах, ограниченно мало связанных с донновской метафизикой? Отвечая на этот вопрос, исследователи полагаются на строфическое своеобразие поэзии Донна и наследование этой структурной неординарности в элегии Бродского.

Действительно, уже в 1980-е годы Бродский, как помним, признавался, что от Донна он взял форму стиха, структуру, сложные строфические построения. По его словам, в «Большой элегии Джону Донну» он реализовал желание задать стихотворению «центробежное движение... ну, не столько центробежное... как камень падает в пруд, и постепенное расширение... прием скорее кинематографический — да, когда камера отдаляется от центра» [Бродский, 2011, с. 163]. Отчасти этот раздвигающий хронотоп принцип реализован: пространство стиха действительно выстроено центробежно и воронкообразно, от мелочи и детали (*стол, ковры, засовы, крюк* [Бродский, 1998, с. 231]) до выси, до Господа, до страдания и порока, до стиха и рифмы [Бродский, 1998, с. 232—233]. Однако помимо к и н е м а т о г р а ф и ч е с к о й геометрии (заметим, не вполне донновской или не только донновской) других примет строфической сложности в стихе Бродского нет. Наоборот, на фоне многочленной прогрессии существительных прочие формальные признаки стиха Бродского выглядят весьма традиционно.

Современные исследователи «английскость» стиха в «Большой элегии Джону Донну» видят в том, что она написана пятистопным ямбом (5Я), «размером настолько традиционным для английской поэзии <…>, насколько че-

CC BY

тырехстопный ямб традиционен для русской» [Снегирев, 2011, с. 236]. Однако «это национальное качество стиха не имеет никакого отношения к поэзии Донна» [Снегирев, 2011, с. 236] — его элегии и послания, тем более проповеди оформлены в совершенно иной манере, другими размерами и строфикой. По наблюдениям О. Половинкиной, для Донна характерен «негармонический стих», разрушение музыкальности стиха, стечение взрывных согласных, затрудняющих чтение, делающих звучание стиха жестким, прозаизированным, по-своему «мужским» [Половинкина, 2006, с. 208—226]. Между тем пятистопный ямб, которым написана элегия Бродского, довольно часто встречается и в русской поэтической традиции. Более того, эта традиция буквально проступает в тексте Бродского в узнаваемых отечественных словоформах.

Так, обращаясь к тексту большой элегии, можно заметить, что в общей череде поименованных заснувших субъектов оказываются птицы: «И птицы спят. *Не слышно пенья их*…» [Бродский, 1998, с. 232]. Буквально через пару строк новое наблюдение: «Глаза не видят, *слух не внемлет боле*…» [Бродский, 1998, с. 232]. И в результате этого случайного соседства возникает текстуальная интеракция, начинает явственно проступать «растворенная» в элегии Бродского строка Ф. Тютчева «Пустеет воздух, птиц не слышно боле…» [Тютчев, 1984, с. 177] из элегии «Есть в осени первоначальной…», написанной тем же пятистопным ямбом. Повторим, тютчевский претекст здесь как будто случаен, но в элегии Бродского ощутимо и близкое тютчевскому (характерное для него) с о с т о я н и е п е р е х о д а. Эксплицируются и свойственные Тютчеву поэтико-философская метафизичность и выразительная метафоричность.

Вопреки суждению исследователей, что «стихотворение Бродского прошито донновскими реминисценциями и построено с учетом принципов, почерпнутых Бродским у Донна» [Нестеров, 2000, с. 166], на наш взгляд, структура строк и строф «Большой элегии Джону Донну» не порождает ощущения необычайной новизны и строгой ориентации на английскую поэзию. Прототипическая структура не подлежит воспроизведению. С одной стороны, элегия Бродского вбирает в себя приемы русской классической поэзии (начиная с Ломоносова и Державина вплоть до упомянутого Тютчева), с другой — композиционный рисунок в стихах самого Бродского может быть и более сложным, и витиеватым. В «большой элегии» даже знаменитых бродских *enjambements,* эпических прозаизирующих переносов еще нет — границы синтагм и строк, слов и слогов привычно совпадают. Строфическая стройность канонична.

То есть не только в идейно-смысловом, но и в формально-структурном отношении Бродский не столько следует за Джоном Донном, сколько развивает принципы знакомой ему русской и мировой традиции и, что осо-

CC BY

бенно важно, стратегии собственной поэтики, в той или иной мере уже проявившейся в его текстах.

3.8. Прием маски в тексте большой элегии

В «Большой элегии Джону Донну» Бродский нивелирует образ лирического героя, обращается к грустным элегическим размышлениям не от собственного лица, но от лица Джона Донна, он маскирует себя под Донна. В «Большой элегии Джону Донну» Джон Донн — не (около-)историческое лицо, но поэтический персонаж, созданный Бродским весьма (фри)вольно. Совсем немногое зная о Донне и о его медитативной поэзии, он себя (= анонимного лирического персонажа) ставит на место Донна, сливает себя с ним и посредством синтезированного образа пытается прикоснуться к бытийным тайнам.

Зачем Бродскому была нужна донновская маска? По мысли И. Снегирева, с одной стороны, «выбор проповедника в качестве героя стихотворения давал возможность перехода к небесным “серафическим” сферам, “взгляда извне”…» [Снегирев, 2011, с. 235]. С другой стороны, исследователь считает, что в большой элегии «“бесконечное переведено в конечное” и бытовая сфера и серафическая выражены *одним способом — как поименованные вещи*» [Снегирев, 2011, с. 237] (выделено нами. — *О. Б.*, *Т. Б.*). Однако было бы слишком просто для Бродского «выражение серафического порядка» обеспечить «каталогом вещей», где «место земных вещей занимают небесные» [Снегирев, 2011, с. 237].

Бродский, действительно, использует прием каталогизации (семантической иерархии) и центробежный принцип повествования, *метафорически* (условно) заимствованный у английского классика: «Поэт в соборе Святого Павла, под куполом собора, в Англии — на острове, — все это давало мне чувство какой-то огромной расширяющейся сферы…» [Бродский, 2011, с. 188]. Однако действеннее, на наш взгляд, оказываются не приемы, не конкретные подходы к структуре или композиции элегии, но введение в текст самого антропонима, имени Джона Донна. Бродский положился на то, что литературная среда, в которой он пребывал на момент создания «Большой элегии…», как и он, была пропитана очарованием английской поэзии, в том числе Джона Донна (напомним о рассказах С. Шульца, о вечерах поэзии молодых поэтов-геологов ВНИГРИ, о поэтическом ученичестве в атмосфере «будки» Ахматовой, о разговорах в семье Томашевских и мн. др.). В результате — вынесение в заглавие «Большой элегии Джону Донну» имени-интертекстемы поэта-проповедника продуцировало инерцию ожидания, насыщало стихотворный текст Бродского желаемым духом элегической средневековой поэзии, нарратив обретал аллюзийные внетекстовые образно-понятийные маркеры.

CC BY

Несмотря на то, что на момент создания «Большой элегии Джону Донну» Бродский крайне мало знал Донна и о Донне, он поэтически чутко улавливал собственную близость атмосфере метафизической поэзии Донна. Устремленность молодого поэта к умозрительным размышлениям (прежде всего о смерти, ему означенной), к постижению вселенских тайн мира, к осознанию метафорики (вне)реальности нуждались в поддержке, в формировании интеллектуального контекста, в выявлении корреспондирующих по мысли и настроению поэтов-единомышленников. «Большая элегия...» стала одной из таких поэтически-метафизических актуализаций.

В «большой элегии» Бродский собственные мысли о душе и плоти, о сне и смерти, о сущности связей и «дыр» в невидимой ткани человеческой жизни передоверил Джону Донну, с одной стороны, словно бы скромно отстраняясь от высоких материй, выходящих за пределы непосредственного личного опыта, с другой — стремясь придать собственным метафизическим практикам авторитетный донновский вид, существенно раздвигающий субъектную перспективу. Серафическое и земное сливалось в «Большой элегии…» не на уровне копирования стилевых или структурных приемов поэта-проповедника, но в ориентации на предощущаемый Бродским дух поэзии Донна, в плоскости соприкосновения субъектных контекстов. Бродский (лирический герой) в пространстве *полу*-комнаты возле Пантелеймоновского собора сливался с Донном (лирическим персонажем), аббатом лондонского собора св. Павла — внешняя мимикрия обостряла внутренние корреляции. Характер дискурсивного выражения (интерсубъектность) опосредовал органичную форму синтетизма — сплав личного и угадываемого, своего и чужого.

Джон Донн как будто бы становился объектом преклонения в «Большой элегии…», однако самого Донна в элегии фактически нет [ср.: Федорова, 2010, с. 96]. Жанровый признак п о с л а н и я — «Большая элегия *Джону Донну*» — отражает признательный поклон молодого поэта его предшественнику. Бродский примеряет маску Донна, облачается в одежды («кафтан» или «камзол») поэта-метафизика, корректирует «образ места», в рамках поэтического «псевдособытия» словно бы признаваясь в готовности следовать пути великого предшественника и собрата.

4. Заключение = Conclusions

В эссе «Об одном стихотворении» Бродский писал, что, «оплакивая потерю (любимого существа, национального героя, друга или властителя дум), автор зачастую оплакивает — прямым, косвенным, иногда бессознательным образом — самого себя, ибо трагедийная интонация всегда автобиографична» [Бродский, 1999, с. 142]. Сходным образом, размышляя в элегии о Донне

CC BY

и от имени Донна, Бродский фактически переходил на собственный голос, задумывался о себе и о метафизических проблемах, близких ему.

Потому полагать, что заслуга Бродского в «Большой элегии Джону Донну» состоит в «изменении поэтического канона», который смещается «как на содержательном уровне — обращение к “английской” теме, подчеркнутый интеллектуализм, так и на формальном уровне — использование “неэлегических” выражений и пятистопного ямба» [Снегирев, 2011, с. 237], скорее всего, слишком прямолинейно. Бродский еще только предчувствует Донна, хорошо не зная его, и потому воплощает в «Большой элегии…» собственные принципы, приемы, стратегии — о ж и д а н и я, которые тогда были собственно-донновскими в весьма малой степени. Таковыми они станут позже — в процессе подготовки академических переводов Донна и в уже эмигрантском погружении в англоязычную поэзию. На этапе создания «Большой элегии Джону Донну» молодой Бродский приписывал Донну то, что ощущал в самом себе — «большая элегия» только контурно донновская, по сути же исключительно бродская. Ее настрой, мысль, метафоризм — не ученичество и не заимствование, а конвергенция, близость и родство. Джон Донн в этом поэтическом опыте — только «звезда» [Бродский, 1998, с. 235], на которую весьма условно, проективно хотел ориентироваться молодой восприемник. Другое дело, что предчувствия и ожидания Бродским Донна оказались глубинными и гениально точными.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. / И. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. 1. — 304 с. — ISBN 5-89803-001-8.

2. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского : в 7 т. / И. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1999. — Т. 5. — 376 с. — ISBN 5-89803-027-1.

3. *Бродский И.* Книга интервью / И. Бродский / сост. В. Полухина. — Москва : Захаров, 2011. — 783 с. — ISBN 5-8159-0548-8.

4. *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы / Н. С. Гумилев ; сост., подг. текста и прим. М. Эльзона. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. — 736 с. — ISBN 5-7331-0170-9.

5. *Донн Дж.* Стихотворения и поэмы / Дж. Донн / изд. подгот. А. Н. Горбунов, Г. М. Кружков, И. И. Лисович, В. С. Макаров ; отв. ред. А. Н. Горбунов. — Москва : Наука, 2009. — 567 с. — ISBN 978-5-02-036227-7.

6. *Квятковский А.* Поэтический словарь / А. Квятковский. — Москва : Сов. энциклопедия, 1966. — 376 с.

7. *Тютчев Ф.* Сочинения : в 2 т. / Ф. И. Тютчев. — Москва : Художественная литература, 1984. — Т. 1. Стихотворения. — 495 с.

8. *Хемингуэй Э.* Избранные сочинения : в 3 т. / Э. Хемингуэй. — Москва : Вече, Альд, Литература, 2002. — Т. 2. По ком звонит колокол. Старик и море. — 544 с. — ISBN 5-7838-1147-5.

9. *Хемингуэй Э.* Собрание сочинений : в 4 т. / пер. с англ. / под общ. ред. Е. Калашниковой [и др.] ; [Предисл. К. Симонова] / Э. Хемингуэй. — Москва : Художественная литература, 1968. — ISBN 5-8405-0487-4.

10. *Donne J.* The complete Poetry of John Donne / J. Donne ; ed. Ch. M. Coffin. — New York : The Modern Library, 1952. — 594 p.

Литература

1. *Богданова О. В.* Мортальные мотивы стихотворения И. Бродского «Бессмертия у смерти не прошу…» / О. В. Богданова, Т. Н. Баранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Вып. 16. — № 2. — С. 353—359.

2. *Богданова О. В.* Поэтические миры Бродского / О. В. Богданова, Е. А. Власова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2022. — 175 с. — ISBN 978-5-00165-445-2.

3. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. — Москва : Независимая газета, 1998. — 325 с. — ISBN 5-86712-049-X.

4. *Гордин Я. А.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. о судьбе Иосифа Бродского / Я. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-9691-0592-8.

5. *Иванов В. В.* О Джоне Донне и Иосифе Бродском / В. В. Иванов // Иностранная литература. — 1988. — № 9. — С. 180—181.

6. *Иванов В. В.* Бродский и метафизическая поэзия / В. В. Иванов // Звезда. — 1997. — № 1. — С. 194—199.

7. *Иваск Ю.* «Если любовь...» / Ю. Иваск // Русская мысль. — 1987. — № 3701, 3702.

8. *История* одной дружбы, или Бродский и Медведева-Томашевская [Электронный ресурс]. — 2017. — Режим доступа : https://www.liveinternet.ru/users/5342335/post406641833/ (дата обращения 13.11.2023).

9. *Капец О. В.* Традиции и новаторство в поэзии И. А. Бродского / О. В. Капец, В. П. Капец // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2018. — Вып. 2 (217). — С. 155—161.

10. *Крепс М.* о поэзии Иосифа Бродского / М. Крепс. — Ann Arbor : Ardis, 1984. — 277 с.

11. *Куллэ В.* Поэтическая эволюция И. Бродского в России (1957—1972) диссертация … кандидата филологических наук : 07.01.01 / В. Куллэ. — Москва , 1996. — 246 с.

12. *Нестеров А.* Джон Донн и формирование поэтики Бродского : за пределами «Большой элегии» / А. Нестеров // Иосиф Бродский и мир: метафизика, античность, современность / сост. Я. А. Гордин. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2000. — С. 151—171. — ISBN 5-7439-0080-9.

13. *Николаева Е. Г.* Герой-сомнамбула в романе В. В. Набокова «Просвечивающие предметы» / Е. Г. Николаева // Научный диалог. — 2019. — № 3. — С. 176—191. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-176-191.

14. *Орлова Р.* Хемингуэй в России / Р. Орлова. — Ann Arbor : Ardis, 1985. — 86 p.

15. *Половинкина О.* «Любовная война» Джона Донна : форма и деформация жанра любовной элегии / О. Половинкина // Вестник Пермского университета. — 2011. — Вып. 4 (16). — С. 210—216.

16. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — Кн. 2. — 544 с. — ISBN 5-7439-0105-8.

17. *Полухина В.* Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2008. — 528 с. — ISBN 978-5-7439-0129-6.

18. *Снегирев И. А.* Формирование метафизического стиля в поэзии И. Бродского : «Большая элегия Джону Донну» / И. А. Снегирев // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011. — № 1 (31). — С. 233—238.

19. *Снегирев И. А.* Донн и Державин в восприятии И. Бродского / И. А. Снегирев // Знание, понимание, умение. — 2010. — № 4. — С. 154—156.

20. *Терешкина Д. Б.* Художественный мир «Большой элегии Джону Донну» Иосифа Бродского / Д. Б. Терешкина // Уральский филологический вестник. — 2021. — № 4. — С. 127—138. — DOI: 10.26170/2306-7462_2021_04_08.

21. *Томашевский Б. В.* Поэзия Джона Донна / Б. В. Томашевский ; пер. с англ. Б. В. Томашевского. — Ленинград : Художественная литература, 1973. — 168 с.

22. *Федорова Л. Г.* Перевод как источник оригинала : Джон Донн и любовная лирика Бродского / Л. Г. Федорова // Вестник Московского университета. — Сер. 9. Филология. — 2010. — № 3. — С. 95—104.

23. *Шайтанов И.* Уравнение с двумя неизвестными. Поэты-метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский / И. Шайтанов // Вопросы литературы. — 1998. — № 6. — С. 3—39.

24. *Шульц С.* Иосиф Бродский в 1961—1964 годах / С. Шульц // Звезда. — 2000. — № 5. — С. 75—83.

25. *Betea D.* Joseph Brodsky and the Criation of Exile / D. Betea. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1994. — 317 p.

26. *Rigsbee D.* Styles of Ruin : Joseph Brodsky and the postmodernist elegy / D. Pigsbee. — Westport, Conn. : Greenwood Press, 1996. — 285 p.

Статья поступила в редакцию 12.02.2024,
одобрена после рецензирования 12.04.2024,
подготовлена к публикации 19.04.2024.

Material resources

Brodsky, I. (2011). *Book of interviews.* Moscow: Zakharov. 783 p. ISBN 5-8159-0548-8. (In Russ.).

Brodsky, I. (1999). *The works of Joseph Brodsky: in 7 volumes, 5.* St. Petersburg: Pushkin Foundation. 376 p. ISBN 5-89803-027-1. (In Russ.).

Brodsky, I. (1998). *The works of Joseph Brodsky: in 7 volumes, 1.* St. Petersburg: Pushkin Foundation. 304 p. ISBN 5-89803-001-8. (In Russ.).

Donn, J. (2009). *Poems and poems.* Moscow: Nauka. 567 p. ISBN 978-5-02-036227-7. (In Russ.).

Donne, J. (1952). *The complete Poetry of John Donne.* New York: The Modern Library. 594 p.

Gumilev, N. (2000). *Poems and poems.* St. Petersburg: Academic Project. 736 p. ISBN 5-7331-0170-9. (In Russ.).

Hemingway, E. (1968). *Collected works: in 4 volumes.* Moscow: Fiction. ISBN 5-8405-0487-4. (In Russ.).

Hemingway, E. (2002). *Selected works: in 3 volumes, 2.* Moscow: Veche, Ald, Literature. 544 p. ISBN 5-7838-1147-5. (In Russ.).

Kvyatkovsky, A. (1966). *Poetic dictionary.* Moscow: Soviet Encyclopedia. 376 p. (In Russ.).

CC BY

Tyutchev, F. (1984). *Works: in 2 volumes, 1.* Moscow: Fiction. 495 p. (In Russ.).

References

Betea, D. (1994). *Joseph Brodsky and the Criation of Exile.* Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 317 p.

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. (2023). The mortal motives of I. Brodsky's poem "I do not ask immortality from death...". *Philological sciences. Questions of theory and practice, 16 (2):* 353—359. (In Russ.).

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). *The poetic worlds of Brodsky.* St. Petersburg: Alethea. 175 p. ISBN 978-5-00165-445-2. (In Russ.).

Fedorova, L. G. (2010). Translation as the source of the original: John Donne and Brodsky's love lyrics. *Bulletin of the Moscow University. Ser. 9. Philology, 3:* 95—104. (In Russ.).

Gordin, Ya. A. (2010). *The Knight and death, or Life as a plan. about the fate of Joseph Brodsky.* Moscow: Vremya. 256 p. ISBN 978-5-9691-0592-8. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (1988). About John Donne and Joseph Brodsky. *Foreign literature, 9:* 180—181. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (1997). Brodsky and metaphysical poetry. *Zvezda, 1:* 194—199. (In Russ.).

Ivask, Yu. (1987). "If love ..." *Russian thought, 3701, 3702.* (In Russ.).

Kapets, O. V., Kapets, V. P. (2018). Traditions and innovation in the poetry of I. A. Brodsky. *Bulletin of the Adygea State University, 2 (217):* 155—161. (In Russ.).

Kreps, M. (1984). *On the poetry of Joseph Brodsky.* Ann Arbor: Ardis. 277 p. (In Russ.).

Kulle, V. I. (1996). *Brodsky's poetic evolution in Russia (1957—1972).* PhD Diss. Moscow. 246 p. (In Russ.).

Nesterov, A. (2000). John Donne and the formation of Brodsky's poetics: beyond the "Great Elegy". In: *Joseph Brodsky and the world: metaphysics, antiquity, modernity.* St. Petersburg: Zvezda Magazine. 151—171. ISBN 5-7439-0080-9. (In Russ.).

Nikolayeva, E. G. (2019). Hero-Somnambulist in V. V. Nabokov's Novel "Transparent Things". *Nauchnyi dialog, 3:* 176-191. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-176-191. (In Russ.).

Orlova, R. (1985). *Hemingway in Russia.* Ann Arbor: Ardis. 86 p. (In Russ.).

Polovinkina, O. (2011). "The Love War" by John Donne: the form and deformation of the genre of love elegy. *Bulletin of the Perm University, 4 (16):* 210—216. (In Russ.).

Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries, 2.* St. Petersburg: Zvezda Magazine. 544 p. ISBN 5-7439-0105-8. (In Russ.).

Polukhina, V. (2008). *Joseph Brodsky. Life, works, epoch.* St. Petersburg: Zvezda Magazine. 528 p. ISBN 978-5-7439-0129-6. (In Russ.).

Rigsbee, D. (1996). *Styles of Ruin: Joseph Brodsky and the postmodernist elegy.* Westport, Conn.: Greenwood Press. 285 p.

Schultz, S. (2000). Joseph Brodsky in 1961—1964. *Zvezda, 5:* 75—83. (In Russ.).

Shaitanov, I. (1998). Equation with two unknowns. Metaphysical poets John Donne and Joseph Brodsky. *Questions of literature, 6:* 3—39. (In Russ.).

Snegirev, I. A. (2010). Donn and Derzhavin in the perception of I. Brodsky. *Knowledge, understanding, skill, 4:* 154—156. (In Russ.).

Snegirev, I. A. (2011). The formation of metaphysical style in the poetry of I. Brodsky: "The Great Elegy to John Donne". *Problems of history, philology, culture, 1 (31):* 233—238. (In Russ.).

Tereshkina, D. B. (2021). The artistic world of the “Great Elegy to John Donne” by Joseph Brodsky. *Ural Philological Bulletin, 4:* 127—138. DOI: 10.26170/2306-7462_2021_04_08. (In Russ.).

The story of a friendship, or Brodsky and Medvedeva-Tomashevskaya. (2017). Available at: https://www.liveinternet.ru/users/5342335/post406641833 / (accessed 11/13/2023). (In Russ.).

Tomashevsky, B. V. (1973). *The poetry of John Donne.* Leningrad: Fiction. 168 p. (In Russ.).

Volkov, S. (1998). *Dialogues with Joseph Brodsky.* Moscow: Nezavisimaya Gazeta. 325 p. ISBN 5-86712-049-X. (In Russ.).

The article was submitted 12.02.2024;
approved after reviewing 12.04.2024;
accepted for publication 19.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Дроздова А. О. «Лучший из известных мне примеров относительности в литературе» : персональный сверхтекст Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин» / А. О. Дроздова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 215—232. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-215-232.

Drozdova, A. O. (2024). 'Best Known Example of Relativity in Literature': Personal Supertext of L.N. Tolstoy in V.V. Nabokov's Novel "Pnin". *Nauchnyi dialog, 13* (3): 215-232. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-215-232. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Лучший из известных мне примеров относительности в литературе»: персональный сверхтекст Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин»

Дроздова Анастасия Олеговна
orcid.org/0000-0001-5728-142X
кандидат филологических наук,
кафедра языкознания
и литературоведения
an.o.droz@gmail.com

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет гранта Российского научного
фонда № 23-78-01025,
https://rscf.ru/project/23-78-01025/

'Best Known Example of Relativity in Literature': Personal Supertext of L.N. Tolstoy in V.V. Nabokov's Novel "Pnin"

Anastasiia O. Drozdova
orcid.org/0000-0001-5728-142X
PhD in Philology,
Department of Linguistics
and Literary Studies
an.o.droz@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-01025,
https://rscf.ru/en/project/23-78-01025/

© Дроздова А. О., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме интерпретации творчества и биографического мифа Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин». Цель работы — рассмотреть, как через реконструкцию персонального сверхтекста Толстого Набоков передает свою философию времени. Вопрос представляется актуальным в контексте изучения историософии Набокова, а также рефлексии писателем собственной литературной генеалогии. В результате анализа выявлено, что в рецепции Набокова Толстой — национальный гений, сумевший воссоздать эффект естественного течения времени. Эксплицитные отсылки к Толстому и его биографии позволяют соотнести читательский опыт героев и их восприятие времени: от застывшего времени при чтении-исполнении до обратного хода времени при со-творческом чтении. Мотивы произведений Толстого актуализируют ключевую для Набокова поэтологическую проблему относительности времени. Хотя ненадежный рассказчик подчеркивает власть времени и судьбы над одиноким героем, в действительности Пнину доступно множество временных измерений. Как и в «Анне Каренине», прием временной синхронизации высвечивает соотнесенность судеб персонажей. Персональный сверхтекст Толстого позволяет Набокову осмыслить тему семьи как вневременной связи между людьми, которая определяет место героев в мире.

Ключевые слова:
В. В. Набоков; Л. Н. Толстой; *Пнин*; персональный сверхтекст; время; рецепция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issue of interpreting the work and biographical myth of L.N. Tolstoy in V.V. Nabokov's novel "Pnin." The aim of the study is to examine how through the reconstruction of Tolstoy's personal supertext, Nabokov conveys his philosophy of time. This question is relevant in the context of studying Nabokov's historiosophy and the writer's reflection on his own literary genealogy. The analysis reveals that in Nabokov's reception, Tolstoy is a national genius who was able to recreate the effect of natural time flow. Explicit references to Tolstoy and his biography allow for correlating the characters' reading experience and their perception of time: from frozen time during reading-performance to the reverse flow of time during co-creative reading. The motifs of Tolstoy's works actualize the key problem of the relativity of time for Nabokov. Although the unreliable narrator emphasizes the power of time and fate over the lonely hero, in reality, Pnin has access to multiple temporal dimensions. Just like in "Anna Karenina," the technique of temporal synchronization highlights the interconnectedness of characters' fates. Tolstoy's personal supertext enables Nabokov to understand the theme of family as a timeless connection between people that defines the characters' place in the world.

Key words:
V.V. Nabokov; L.N. Tolstoy; Pnin; personal supertext; time; reception.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Набоков.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-215-232

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

«Лучший из известных мне примеров относительности в литературе»: персональный сверхтекст Л. Н. Толстого в романе В. В. Набокова «Пнин»

© Дроздова А. О., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос о том, как в творчестве В. Набокова связано историческое и художественное время, является дискуссионным. С одной стороны, любые общепринятые модели истории или личной судьбы являются для Набокова недостоверными: «Ничто, пожалуй, не было столь чуждо мировоззрению Набокова, как исторический детерминизм, объясняющий настоящее и прогнозирующий будущее в стадиальных категориях» [Долинин, 2004, с. 181]. Набоков отказывает беллетризованным биографиям в исторической и художественной ценности (см. эссе «Пушкин, или правда и правдоподобие»). С другой стороны, в своих произведениях Набоков мифологизирует биографию писателей, конструирует собственный автобиографический миф [Malikova, 2018], создает литературные мистификации [Трубецкова, 2001].

Хью МакЛин обращает внимание на парадокс в набоковском методе интерпретации литературы: «Искусство создает автономные, вымышленные миры, не ограниченные никакими законами и рамками мира, в котором мы живем, — по этим законам искусство нельзя судить; однако обычно искусство опирается на материал нашего мира, и Набоков фанатично настаивает на том, чтобы этот материал был воспроизведен и визуализирован с максимальной точностью» [McLean, 1995, p. 262] (здесь и далее перевод наш. — *А. Д.*). Так, категория темпоральности оказывается и объектом критики писателя, и областью его экспериментов. По наблюдению А. Арьева, для Набокова искусство «в чистом виде есть выражение вневременной длительности, верифицированный сон» [Арьев, 2002, с. 174]. Как отмечает М. Гришакова, образы с семантикой темпоральности организуют реминисцентный слой произведений Набокова: «Даты и цифры отсылают к событиям в фикциональном мире, фактам авторского биографического мифа или к реальным историческим событиям. Они также служат средством создания внутритекстовых и интертекстуальных связей» [Grishakova, 2012, p. 76].

CC BY

Объектом нашего исследования является роман «Пнин» (1957), где, по замечанию Г. Барабтарло, «компрессия времени», «хронологическая двойственность» связана со «смешением двух календарей, русского и западного» [Барабтарло, 2011, с. 184]. Условность времени в романе отмечается Е. В. Падучевой: «Прошлое существует в памяти, и эта форма существования может оказаться более ценной, чем реальное» [Падучева, 2005, с. 928]. Биографии и произведения русских классиков соотнесены с миром прошлого героя-эмигранта Тимофея Пнина, преподающего русский язык в американском университете. Набоков демонстрирует, что опыт восприятия литературы не менее важен для героя, чем его воспоминания. Детерминистическому представлению об устройстве времени писатель противопоставляет законы художественного мироустройства, подчиняющиеся авторской фантазии.

Актуальность работы определяется тем, что для литературоведов значимыми остаются вопрос о рецепции Набоковым философских, художественных, социокультурных моделей времени и осмысление их роли в пространственно-временной структуре произведений писателя. Наиболее изучена связь эстетико-философской системы автора и концепций темпоральности в работах П. Флоренского [Аверин, 2003, с. 94], А. Бергсона [Glynn, 2002, p. 57], Ф. Ницше [Grishakova, 2012, p. 100]. При этом возрастает внимание исследователей к авторским экспериментам с художественным временем: от фантазии о «пространстве, лишенном временного измерения», в «Машеньке» [Букс, 1998, с. 7] до «текстуры» тактильно ощутимого течения времени в романе «Ада» [Saliba Dias, 2020, p. 333] и временных разрывов в «Прозрачных вещах» [Grishakova, 2012, p. 77]. Наше исследование позволит уточнить, как опыт чтения русской литературы влияет на авторское осмысление темпоральности и как сам Набоков оценивает чужие приемы передачи художественного времени.

Новизна нашей работы заключается в том, что реминисценции Набокова к русской классике и ее историко-культурному контексту впервые рассматриваются как способ проблематизации категорий художественного и исторического времени.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследователи, анализирующие интертекст «Пнина», отмечают, что тема времени в романе представлена через аллюзии к «Анне Карениной» Л. Н. Толстого. С. Блэкуэлл считает, что Набоков обращается к «Анне Карениной» как «поэтизированному варианту “относительности”»: отсылки на произведение подчеркивают важную для писателя «связь между временем и сознанием» [Блэкуэлл, 2022, с. 277]. Схожую функцию реминисцен-

CC BY

ций к Толстому выделяет О. Воронина: «Отсылки Набокова к “Анне Карениной” подчеркивают такие свойства личности Пнина, как рассеянность и нерадивость во всем, что связано со временем» [Воронина, 2023, с. 448].

Цель нашей статьи — установить, как в романе «Пнин» Набоков создает персональный сверхтекст Толстого, участвующий в организации авторской модели времени.

Работа опирается на сравнительно-исторический метод, позволяющий определить формы авторской интерпретации наследия Толстого и его биографического мифа. Метод целостного анализа художественного текста используется для выявления функций персонального сверхтекста Толстого в пространственно-временной и мотивно-образной структуре романа.

Анализу персональных (именных) сверхтекстов в творчестве Набокова посвящена серия статей Е. К. Беспаловой и Л. Р. Шмигельской. Отмечается, что биографический миф Толстого не только является объектом сакрализации, но и профанируется писателем (например, используется мифологема «Толстой-сноб») [Беспалова и др., 2023, с. 11]. Исследование сосредоточено в основном на характеристике образа Толстого, при этом ученые не комментируют интерпретацию Набоковым художественной системы писателя. Наша работа расширит представление о персональном сверхтексте Толстого, который в творчестве В. Набокова не ограничивается биографическим мифом, но включает традицию интерпретации романов, ключевые мотивы и образы прецедентных текстов Толстого.

Характеристика персонального (именного) сверхтекста опирается на подход, представленный в работах [Меднис, 2011; Зырянов, 2014; Купина и др., 1994]. Персональный сверхтекст, как и другие типы сверхтекстов (локальные, ситуационные), характеризует «тесная и специфическая связь с внетекстовыми образованиями» [Меднис, 2011, с. 107], имеющими общекультурную значимость. Наряду с «культурно-биографическими характеристиками» [Меднис, 2011, с. 108] важной составляющей сверхтекста является интертекстуальность [Меднис, 2011 с. 103]. Мы полагаем, что именно в актуализации ключевых мотивов произведений и их историко-культурного контекста проявляется набоковский метод создания персонального сверхтекста Толстого.

Согласно нашей гипотезе, Набоков не только переносит персональный сверхтекст Толстого на американскую почву, но и осмысляет поэтологическую проблему — связь между «временем произведения» и «временем читателя» (см. термины в работе [Кандрашкина, 2011, с. 1217]).

Эта проблема важна для Набокова в контексте его языкового перехода и адаптации собственной эстетической системы к англоязычной читательской среде. Так, в лекциях для американских студентов писатель акцен-

CC BY

тирует «уникальное для мировой литературы чувство времени» Толстого [Набоков, 2016, с. 287]. Набоков обращает внимание на то, что Толстой синхронизует сюжетные линии семи персонажей «Анны Карениной» и формирует у читателя «чувство времени, удивительно созвучное нашему восприятию» [Набоков, 2016, с. 227]. В «Пнине» временными парадоксами «Анны Карениной» восхищается главный герой: «Заметьте, <...> что существует значительная разница между духовным временем Лёвина и физическим Вронского. <...> Это лучший из известных мне примеров относительности в литературе» [Набоков, 2023, с. 163].

Сверхтекст Толстого представлен в романе с точки зрения «времени произведения» — как биографические нарративы о писателях и их «вечных книгах», которые обсуждают профессор Пнин, его друзья-эмигранты и иностранные студенты; с точки зрения «времени читателя» — как объект авторского художественного эксперимента, динамическая система.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Биографический миф Толстого: застывшее и вновь ожившее время

Прямые отсылки к биографии и произведениям Толстого указывают на то, что герои «Пнина» мифологизируют творчество писателя. Персонажи ищут параллели к событиям собственной личной жизни в биографии Толстого и его произведениях. Ни один из героев не избегает наивного прочтения литературы, смешивая условно-реальное и художественное время. Возможности восприятия героями времени показаны Набоковым в связи с разными режимами чтения: чтением-исполнением, наивным и пристальным чтением.

Чтение-исполнение представлено в комическом ключе, ср. отрывок: «...томная Айлина Лэйн, которой кто-то сказал, что, выучив однажды русский алфавит, можно в принципе читать “Анну Карамазову” в оригинале» [Набоков, 2023, с. 18]. Механистичность чтения проявляется не столько в скрещении заглавий произведений Толстого и Достоевского, сколько в редукции произведения как художественной системы — знаки языка при таком чтении лишаются значения.

В образе Айлины Лэйн Набоков высмеивает и попытки читать классику, не зная языка, и слепое восхищение «литературой больших идей» в современной Набокову критике. Гибридное заглавие выдуманного Лэйн романа — «Анна Карамазова» — отсылает к работе Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский». Мережковский называет «Анну Каренину» и «Братьев Карамазовых» вершинными текстами русской культуры, «далее которых» национальная литература «не пошла, потому что сама русская действительность <...> не пошла далее» [Мережковский, 2000, с. 476].

CC BY

Набоков, в 1954 году согласившийся подготовить комментарий и предисловие к переводу «Анны Карениной», мог быть знаком и с предисловием Т. Манна к американскому изданию романа 1939 года. Манн не читал роман в оригинале и в интерпретации произведения опирался на работы Мережковского. Писатель называет «Анну Каренину» «величайшим социальным романом мировой литературы» периода «социальной обусловленности творчества» [Манн, 1986, с. 85].

В тезисах Манна и Мережковского звучит идея исторического детерминизма, влияющего на искусство. Такая точка зрения противоположна воззрениям Набокова: «Литература относится не к области общих идей, а к области индивидуальных слов и образов» [Набоков, 2016, с. 444]. Для Набокова время как форма периодизации истории настолько же относительно, насколько и время художественного произведения. На комическое сближение условно-реального и вымышленного миров указывает образ студентки, которая сопоставляется с героиней Толстого: имя «томной» *Eileen Lane* содержит анаграмму французского имени *Anne*.

Другой режим читательской рецепции — наивное чтение — связан с представлением об одномерности времени. Для читателя, эмоционально вовлеченного в фикциональную историю, собственная личная жизнь, биография писателя и сюжеты произведений существуют в одном временном измерении.

Пнин пересказывает аспирантке Бетти Блисс исторический анекдот о романе Софьи Андреевны Толстой с пианистом Сергеем Ивановичем Танеевым: «Жена исполина, исполина Толстого — подумать только! — на старости лет предпочла ему глупого музыканта с красным носом!» [Набоков, 2023, с. 58]. Утверждение Пнина опирается не столько на достоверные сведения о жизни Толстого, сколько на сюжет об адюльтере в «Анне Карениной» и «Крейцеровой сонате». «Красный нос» пианиста отсылает к портрету скрипача из повести Толстого: «И вот пять человек детей, и она обнимает музыканта, оттого что у него красные губы!» [Толстой, 1936, с. 70]. В интимной беседе с привлекательной Бетти Пнин вспоминает о Лизе Боголеповой, изменяющей ему с ненадежным рассказчиком и доктором Эрихом Виндом.

Наивное чтение характеризуется как аффект, вызванный одиночеством Пнина и его тоской по возлюбленной. По наблюдению А. Люксембурга, Пнин в действительности не может распознать «формальные знаки» собственной судьбы [Люксембург, 2004, с. 20]. Это происходит из-за того, что опыт несчастной любви воспринимается героем через призму сюжетов Толстого. Актуальным для Пнина оказывается не настоящее время (момент его разговора с Бетти), а прошлое, приобретающее в его воспоминаниях черты фикциональной истории. Горе обостряет чувствительность героя к вымышленным мирам, но и притупляет его восприятие времени.

CC BY

Наивное чтение связано также с иллюзорным представлением о времени как об объективной величине. По мысли Набокова, гениальный художник не описывает знакомый читателям исторический период, а формирует собственные темпоральные законы.

Автономность личности Толстого в своей исторической эпохе — тема раннего стихотворения Набокова «Толстой»: «А мы еще не можем отказаться / от слишком лестной близости к нему / во времени» [Набоков, 2009, с. 592]. Эта тема продолжается в «Пнине». Отец Пнина не только является современником Толстого, но и знает его лично: «Д-р Павел Пнин, окулист с солидной репутацией, однажды имел честь лечить Толстого от конъюнктивита» [Набоков, 2023, с. 32]. Культурная и временная близость героев к писателю создает иллюзию того, что произведения Толстого исторически достоверны.

Биографическая подробность подчеркивает важную для Набокова тему соотнесенности судеб вне времени. Миф о Толстом включается в «узор судьбы» Пнина через мотив глазного заболевания. Набоков актуализирует библейские коннотации мотива (ср. «в чужом глазу соломину видеть»): «Мое первое воспоминание о Тимофее Пнине связано с угольком, попавшим мне в левый глаз» [Набоков, 2023, с. 217]. «Кусочек угля» символизирует черствость рассказчика по отношению к своему коллеге Пнину и к Лизе Боголеповой, которая из-за влюбленности в N. пытается покончить с собой. В этом контексте конъюнктивит Толстого указывает на неоднозначную авторскую оценку этических воззрений классика, ср. в «Лекциях по русской литературе»: «Творчество <…> попросту вытеснило его учение» [Набоков, 2016, с. 223].

Чтению-исполнению и наивному чтению противопоставляется пристальное изучение произведения, близкое сотворчеству. В воображении вдохновленного читателя текст, обладающий документальной, а не эстетической ценностью (фотография, советский фильм), оказывается интерактивным «живым» миром. Режим пристального чтения передается с помощью повествовательного приема, который можно обозначить как «переход из одного пространства-времени в другое через “двойную экспозицию”» (см. подробное описание приема в «Даре» [Левин, 1981, с. 207]).

Двойная экспозиция используется в третьей главе, где Пнин идет в библиотеку, чтобы погрузиться в свои историко-литературные исследования. Совмещаются пространство улицы и фотография Толстого из 18 тома сборника «Зол. Фонд. Лит». На фотографии Толстой гуляет по лугу — вэйндельская улица также сравнивается со степью: «...*вдали* печально, как в *степи*, свистнул поезд» [Набоков, 2023, с. 94]. И Толстого, и Пнина в прогулке сопровождают животные: «...за ним [Толстым] стояли долгогривые лошади» — «...щуплая белка сиганула через залитый солнцем снежный

CC BY

островок» [Набоков, 2023, с. 94—95]. Окружение Пнина уподобляется черно-белой фотографии: «голубиная стая <...> то серая (паренье), то белая (взмах крыльев)», «поскользнулся на грязном черном льду», «черный портфель», «тень от ствола, оливково-зеленая на дерне, делалась дальше серо-голубой» [Набоков, 2023, с. 94]. Эффект погружения в фотографическое изображение связан с ощущением замедленного времени: «...*мерно* покачивал его [портфель] на кожаной скобке, *шагая к* своим книгам» [Набоков, 2023, с. 94] (курсив наш. — *А. Д.*).

Передавая эффект совмещения разных пространственно-временных планов, Набоков использует мотив сновидения: дневные впечатления героя смешиваются с деталями советской кинохроники и пространством фотографии Толстого. В сон погружен не только герой, но и вещи вокруг него: «З.Ф.Л. теперь спал у Пнина на коленях» [Набоков, 2023, с. 103]. Луг, по которому на фотографии идет Толстой, в пространстве советского фильма оказывается сельскохозяйственным угодьем, полем: «Дорога вывела к романтическому, раздольному, любимому, светлому простору большого поля <...> (лошади скачут прочь меж высоких цветов <...>)» [Набоков, 2023, с. 105]. Герой оказывается в центре временной аномалии: «анахроническое жилище», «поле, не скошенное временем». Во сне Пнина время движется в обратном порядке: от сталинской эпохи, задокументированной в фильме, к молодости Пнина, который во сне «опять был юношей», и времени Толстого.

Таким образом, отсылки к биографическому мифу Толстого и к «Анне Карениной» указывают на разные режимы чтения и восприятия времени героями: 1) застывшее время непрочитанной книги; 2) параллельный ход прошлого и настоящего (Толстой и его персонажи как элементы воспоминаний Пнина); 3) нелинейный, обратный ход времени во время пристального чтения-изучения. Отсылки к произведениям Толстого или упоминания его эпохи высвечивают проблему недостоверности исторических нарративов: образ Толстого-классика оказывается стереотипом или иллюзией восприятия погрузившегося в воспоминания героя. Именно со-творческое чтение литературных произведений позволяет героям обострить собственное восприятие времени.

3.2. «Чувство времени»: толстовские приемы в «Пнине»

Набоков использует мотивы и приемы, которые в «Лекциях по русской литературе» связывает с уникальным художественным стилем Толстого и особенностями темпоральной структуры его произведений. Обращаясь к толстовским приемам, писатель осмысляет ключевую для произведений классика и собственного творчества тему семьи как части «естественной жизни» [Набоков, 2016, с. 254]. Сближаясь с сыном Виктором, Пнин обретает свое место в мире, который ошибочно кажется ему опасным, страшным местом.

CC BY

Говоря о «естественной жизни», Набоков отмечает сюжетную связь между эпизодами родов Китти и самоубийства Анны: «Рождение ребенка и рождение души (в смерти) описаны в тех же выражениях, сопряженных с тайной, ужасом и красотой. Роды Кити и смерть Анны сходятся в этой точке» [Набоков, 2016, с. 258]. Писатель использует толстовский прием синхронизации нескольких сюжетных линий в первой главе. Кульминацией злоключений Пнина по пути в Кремону оказывается сердечный приступ, который происходит в то же время, что и роды жены станционного служащего. Судьбы Пнина и второстепенного персонажа пересекаются: оба героя участвуют в «рождении души». Как и в «Анне Карениной», в предсмертном состоянии Пнин видит ослепляющий свет: «...зрение было сплошным овальным страданием из-за косых кинжальных ударов света» [Набоков, 2023, с. 34]. Пнин не просто вспоминает свое детство, но перенимает иную временную точку зрения: «Чувство, что он опаздывает на какую-то точно назначенную встречу, столь же неукоснительную, что и час начала занятий <...>, заставляло его неуклюже торопиться» [Набоков, 2023, с. 35]. Герой не умирает в результате припадка, и, более того, служащий помогает Пнину, отправляя его в Кремону вместе со своими знакомыми дальнобойщиками. Это событие синхронизуется с родами жены служащего: «Я надеюсь, ваша жена благополучна? / — Что ей сделается. Видать, не сегодня, так завтра» [Набоков, 2023, с. 36]. «Рождение души» Пнина и рождение ребенка служащего откладываются.

Хотя рассказчик подчеркивает одиночество Пнина в чужой среде («бедный Пнин оказался посреди чужого города» [Набоков, 2023, с. 30]), внутренняя жизнь героя резонирует событиям, напрямую не связанным с его судьбой. Ассоциация с Отечественной войной 1812 года («спинка скамьи <...> ощущалась столь же явственно, что и <...> год великого московского пожара — 1812-й» [Набоков, 2023, с. 36]) связывает видение Пнина и сюжет «Войны и мира» и, в частности, отсылает к эпизоду сна Пьера Безухова о «живом глобусе». Аллюзия указывает на общую для Толстого и Набокова тему жизни как соотнесенности судеб.

Любовная коллизия в «Пнине» восходит к сюжету об адюльтере в «Анне Карениной». С одной стороны, этот сюжет представлен в пародийном ключе. Так, герои нелестно отзываются о Дорианне Карен, «знаменитой фильмовой звезде двадцатых годов» [Набоков, 2023, с. 199], которая путешествует по Швейцарии и Баварии с дочерью доктора Гагена. Героиня Толстого сравнивается с декаденткой, близкой персонажам Оскара Уайльда.

С другой стороны, мотив измены в «Пнине» приобретает трагическую модальность. Как и Анна Каренина, Лиза Боголепова оказывается несчастна с мужчиной, в которого влюбляется. Близость Лизы и героини Толстого под-

CC BY

черкивается через детали портрета: повторяющаяся деталь облика Анны — «блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза», «свет в глазах» [Толстой, 1934, с. 66] — ср. о Лизе: «случайное сочетание блеска и разреза», «глаза ее были светлой, прозрачной голубизны, оттененной черными ресницами» [Набоков, 2023, с. 59]. Если образы Лизы Боголеповой и Анны Карениной сближаются, то бывший муж Лизы Пнин — явный антипод Алексея Каренина: «Пнин дал бы ей развод с той же готовностью, с какой отдал бы свою жизнь» [Набоков, 2023, с. 62]. Мотив измены и отсылки к произведениям Толстого формируют эффект нарушенного читательского ожидания: Набоков травестирует важный для Толстого мотив рока, который звучит в эпиграфе к «Анне Карениной». Так, хотя Пнин сравнивает себя с героем повести «Смерть Ивана Ильича», он не умирает в финале романа (см. подробнее об этом: [Воронина, 2023, с. 481—482]).

Семейная тема в «Пнине» связана также с толстовским мотивом «двойного сна», о котором Набоков пишет в лекции: «[один и тот же сон] скрепляет вензелеобразной связью два индивидуальных сознания — случай хорошо известный в так называемой реальной жизни» [Набоков, 2016, с. 268]. На реминисценцию к Толстому указывает диалог Пнина и Виктора о русской классике: «Первое описанье тенниса находится в “Анне Карениной”, романе Толстого, и относится к 1875 году» [Набоков, 2023, с. 134]. Произведение Толстого оказывается поверхностным предлогом для сближения Пнина и его названного сына: герой ошибочно думает, что Виктор увлекается спортом. Однако, вопреки коммуникативной неудаче, воссоединение семьи происходит: о нем свидетельствует «двойной сон» героев, где Пнин оказывается королем-изгнанником.

В снах Виктора и Пнина присутствуют повторяющиеся детали: «он убегал по огромным черным лужам под луной», «фантастический дворец» (сон Пнина [Набоков, 2023, с. 139]) — «ничто, кроме этой пелены дождя, <...> не защищает Дворец от мятежа» (сон Виктора [Набоков, 2023, с. 107]); «таинственный избавитель в тарахтящей лодке» (сон Пнина [Набоков, 2023, с. 139]) — «безупречный американец, искатель приключений, обещал выйти к нему на мощном катере» (сон Виктора [Набоков, 2023, с. 109]); «на песчаном пляже, по которому Пнин все еще шагал» (сон Пнина [Набоков, 2023, с. 140]) — «мерил шагами пляж Богемского взморья» (сон Виктора [Набоков, 2023, с. 109]). В романе Набокова двойной сон не только подчеркивает связь героев, но и высвечивает временной парадокс: Виктор ощущает связь с Пниным еще до того, как знакомится со своим отцом. События коллективной памяти («осадок разных домашних упоминаний о бегстве русских образованных людей») в индивидуальном сознании превращаются в фантазию, «снотворное средство» [Набоков, 2023, с. 110].

CC BY

Другой мотив «Анны Карениной» — мотив «опрокинутого» времени (метафора Набокова [Набоков, 2016, с. 290]) — используется в пятой главе, где Пнин и его знакомые, русские эмигранты, вспоминают о своей жизни в России. Сама архитектура поместья Кука, где встречаются персонажи, указывает на неопределенность его временной локализации: «перила лестницы и по крайней мере одна из балясин относились к 1720 году», «полувековые золотистые обои на стенах», «романтический палисандровый диван» [Набоков, 2023, с. 156—157]. Здесь же Пнин и Болотовы обсуждают «лучший из <...> примеров относительности в литературе» в «Анне Карениной» [Набоков, 2023, с. 163].

В композиционном центре главы — ожившее воспоминание Пнина о его возлюбленной Мире Белочкиной, погибшей в лагере смерти. Герой оказывается на пересечении прошлого и настоящего: «две керосиновые лампы уютно освещали террасу дачи» [Набоков, 2023, с. 166], «с ясностью галлюцинации увидел Миру, выскальзывающую <...> в сад» [Набоков, 2023, с. 167] — речь идет и о русской даче, и об американском поместье. Сближаются точка зрения профессора Пнина, испытывающего сердечный припадок, Пнина-юноши, влюбленного в Миру, и точка зрения самой Миры, умирающей в концлагере: «убили, впрыснув ей фенола в сердце, в то самое кроткое сердце, биенье которого ты слышал под своими губами в сумерках прошлого» [Набоков, 2023, с. 169].

Вспоминая об обстоятельствах убийства Миры, герой оказывается во временной аномалии. Место убийства его возлюбленной — слепое пятно истории: «...это в часе ходьбы от Веймара, где гуляли Виланд, Гердер, Гёте, Шиллер» [Набоков, 2023, с. 170]. В этом же абзаце рассказчик цитирует слова президента Вэйндельского университета: «...по адресу другого застенка, “России, — страны Толстого, Станиславского, Раскольникова и других превосходных, великих людей”» [Набоков, 2023, с. 170]. Трагическая модальность сменяется комической. Точка зрения иностранца, не знакомого с русской культурой, представлена в пародийном ключе: исторические личности перечислены в одном ряду с вымышленным персонажем-убийцей. В контексте воспоминаний Пнина о Мире эта оговорка высвечивает неоднородность времени. Хотя временные линии читателя и литературных героев идут параллельно, это не мешает читателю сопереживать вымышленным личностям, соотносить фикциональный и условно-реальный миры. Также и фантазия Пнина о смерти Миры указывает на возможность пересечения реальностей: «Быть может, души умерших образуют комитеты, которые на своем непрерывном заседании решают участь живых» [Набоков, 2023, с. 170]. Потусторонний мир возлюбленной и условно-реальный мир Пнина соотнесены как реальность читате-

CC BY

лей и мир литературных героев. В финале главы на мотив «опрокинутого» времени указывает отсылка к образу жизни-книги из «Анны Карениной»: «эмблематическая пара, легкой рукой художника помещенная на последней странице гаснувшего дня Пнина» [Набоков, 2023, с. 171] — сближается время жизни Пнина и время читателя.

Таким образом, мотивы произведений Толстого подчеркивают условность временной последовательности, причинно-следственной связи в судьбе Пнина. Истинная связь между героями — образная, тематическая — акцентируется, когда воспоминания Пнина соотносятся с вымышленными мирами, и в частности с художественным миром Толстого и фантазиями Виктора. Тема вневременного родства, переданная через реминисценции и аллюзии к «Анне Карениной», противопоставлена мотиву одиночества и отчужденности, акцентированному в речи ненадежного рассказчика.

4. Заключение = Conclusions

В романе «Пнин» писатель конструирует образ Толстого как гения русской литературы, сумевшего передать субъективную и нелинейную природу времени. Факты биографии Толстого, эксплицитные отсылки к его текстам приводятся в пародийном ключе. Они апеллируют к пресуппозиции читателя-обывателя (восприятие «Анны Карениной» как литературы больших идей) и высвечивают манипулятивную стратегию рассказчика. Вопреки читательскому ожиданию, герой «Пнина» избегает «божественного суда», он остается счастлив и обретает семью. В организации персонального сверхтекста Толстого участвуют аллюзии, отсылающие к мотивно-образной структуре его произведений: используются мотивы «рождения души», измены, двойного сна, «опрокинутого» времени. И в произведениях Толстого, и в «Пнине» эти мотивы актуализируют темы времени (истории) и семьи.

В «Пнине» Набоков обращается к ключевой для Толстого теме семейного счастья. Детерминизму времени, происхождения, истории противопоставляется внутренне родство героев: связь между героями устанавливается посредством вымысла и имеет вневременной характер. Сон Пнина и его сына Виктора указывают на общую способность героев воспринимать фантазии и сны как часть реальности. Любовь Пнина к Лизе Боголеповой также невозможно объяснить рационально, однако в облике ветреной героини сконцентрировано то, что дорого Пнину в произведениях искусства: Лиза напоминает Анну Каренину Толстого и «ясноглазую русалку», воспетую Лермонтовым; ее образ связан с водной стихией («глаза Лизы Пниной <...> словно драгоценные камни чистой воды»), ассоциирующейся у Пнина с Офелией из произведений У. Шекспира и А. Фета.

CC BY

Тема соотнесенности судеб передается с помощью толстовского приема синхронизации нескольких временных линий. Субъективное чувство нелинейного течения времени оказывается достоверней, чем общепринятые представления о времени и истории: биографические анекдоты и о Толстом, и о самом Пнине оказываются мистификацией.

Нелинейное движение времени в романе передается через точки зрения разных персонажей. Набоков связывает читательскую внимательность героев с их субъективным восприятием времени: для героев, читающих книгу «механически», время останавливается; для наивного читателя ритм его жизни и время произведения совмещаются; увлеченный читатель сам оказывается во временной аномалии. Характеризуя героев как читателей, Набоков экспериментирует с возможностью пересечения автономных миров. Так, время читателя и время произведения не совпадают, но оказываются внутренне связаны. По этой модели выстраивается сложная темпоральная структура романа: время потусторонности и мира живых, субъективное время общающихся друг с другом персонажей параллельны, но связаны — «всяк таил в себе прошедшее» [Набоков, 2023, с. 204].

Подобный принцип наблюдается на уровне субъектной организации романа: «В плане настоящего времени на территории романа Пнина невозможно видеть в обществе N.» [Барабтарло, 2011, с. 226]. Это объясняется тем, что у имплицитного автора, ненадежного автора и героя разный эстетический и читательский опыт. Пнин — читатель Толстого, исследующий время в «Анне Карениной», но не обращающий внимание на временные аномалии в собственном мире. N., ненадежный рассказчик, искажает биографию Пнина в толстовском духе: по его задумке Пнин, как и герой повести «Смерть Ивана Ильича», должен умереть. Рассказчик при этом не догадывается, что его история о поражении Пнина в недружелюбном мире не удается именно из-за относительного хода времени, переданного в произведениях Толстого. Только автор «Пнина» и лекции об «Анне Карениной» отмечает, что Толстой использует время не для выстраивания линейных хронологических связей, но как уникальный художественный инструмент. Произведения русской классики являются точкой пересечения авторского мира, мира рассказчика-художника и героя.

Реконструируя персональный сверхтекст Толстого, Набоков воспевает безграничность фантазии классика, для которого время и история оказываются творческим материалом. Так, писатель делится с Пниным своим открытием — днем начала действия в «Анне Карениной», рассчитанным по дню прибытия графа фон Бейста на благодарственный молебен. Однако, как отмечает А. Долинин, это «открытие» в действительности является мистификацией: «Набоков <...> приписал ему [Толстому] календарную технику, предвосхищающую прозу XX века, а когда в “цитадели иллюзий”

CC BY

не нашлось факта, который бы подтвердил остроумную гипотезу, нужный факт просто-напросто придумал, чтобы Толстой выглядел художником набоковского склада» [Долинин, 2022, с. 11]. Хотя Толстой, тщательно высчитывающий время своих произведений, — выдумка писателя, сотворческое чтение «Анны Карениной» вдохновляет Набокова на собственные эксперименты с художественным временем.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Манн Т.* Художник и общество : Статьи и письма / Т. Манн. — Москва : Радуга, 1986. — 440 с.

2. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский. — Москва : Наука, 2000. — 587 с. — ISBN 5-02-011599-I.

3. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе / В. Набоков. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. — ISBN 978-5-389-11253-7.

4. *Набоков В. В.* Пнин : роман / В. В. Набоков / пер. С англ. Г. Барабтарло при участии В. Набоковой. — Москва : АСТ : CORPUS, 2023. — 320 с. — ISBN 978-5-17-137839-4.

5. *Набоков В. В.* Русский период. Собрание сочинений в 5 томах / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2009. — Т. 2. — 784 с. — ISBN 978-5-89091-389-0.

6. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений в 91 томе. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1934. — Т. 18. — 555 с.

7. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. Произведения 1889—1890 / Л. Н. Толстой. — Москва : Художественная литература, 1936. — Т. 27. — 765 с.

Литература

1. *Аверин Б.* Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. Аверин. — Санкт-Петербург : Амфора, 2003. — 399 с. — ISBN 5-94278-471-X.

2. *Арьев А.* Вести из вечности (о смысле литературно-философской позиции В. В. Набокова) / А. Арьев // В. В. Набоков : pro et contra. Метариалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова. Антология. — Санкт-Петербург : Издательство РХГИ, 2002. — Т. 2. — С. 169—193. — ISBN 5-88812-139-8.

3. *Барабтарло Г.* Сочинение Набокова / Г. Барабтарло. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 464 с. — ISBN 978-5-89059-160-9.

4. *Беспалова Е. К.* Именной сверхтекст в творчестве В. В. Набокова. Статья 3 : Толстовский текст / Е. К. Беспалова, Л. Р. Шмигельская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2023. — № 9 (3). — С. 3—13.

5. *Блэкуэлл С.* Перо и скальпель. Творчество Набокова и миры науки / С. Блэкуэлл. — Бостон, Санкт-Петербург : Academic Studies Press, Библиороссика, 2022. — 391 с. — ISBN 978-5-907532-10-6.

6. *Букс Н.* Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова / Н. Букс. — Москва : Новое литературное обозрение, 1998. — 208 с. — ISBN 5-86793-033-5.

CC BY

7. *Воронина О.* Тайнопись : Набоков. Архив. Подтекст / О. Воронина. — Санкт-Петербург : Издательство Ивана Лимбаха, 2023. — 584 с. — ISBN 978-5-89059-520-1.

8. *Долинин А.* Время в художественных текстах и комментариях к ним / А. Долинин // Slavica Revalensia. — 2022. — Vol. 9. — Pp. 9—38. — DOI: 10.22601/SR.2022.09.01.

9. *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина : Работы о Набокове / А. Долинин. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 400 с. — ISBN 5-7331-0283-7.

10. *Зырянов О. В.* Феноменология «ситуационных» сверхтекстов в лирике : (к постановке вопроса) / О. В. Зырянов // Диалоги классиков — диалоги с классикой : сб. науч. ст. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 13—40. — ISBN 978-5-7996-1274-0.

11. *Кандрашкина О. О.* Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства их выражения / О. О. Кандрашкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2011. — № 2—5. — С. 1217—1221.

12. *Купина Н. А.* Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек — Текст — Культура : коллективная монография. — Екатеринбург : Полиграфист, 1994. — С. 214—233.

13. *Левин Ю. И.* Об особенностях повествовательной структуры и образного строя романа В. Набокова «Дар» / Ю. И. Левин // Russian Literature. — 1981. — № 9. — С. 191—230.

14. *Люксембург А.* Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова : Английская проза Владимира Набокова / А. Люксембург // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 томах. — Санкт-Петербург : «Симпозиум», 2004. — Т. 1. — С. 9—23. — ISBN 5-89091-016-7.

15. *Меднис Н. Е.* Поэтика и семиотика русской литературы / Н. Е. Меднис. — Москва : Языки славянской культуры, 2011. — 232 с. — ISBN 978-5-9551-0482-9.

16. *Падучева Е. В.* Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» / Е. В. Падучева // Язык. Личность. Текст : Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. — Москва : Языки славянских культур, 2005. — С. 916—931. — ISBN 5-9551-0103-9.

17. *Трубецкова Е. Г.* Литературные мистификации Набокова и Ходасевича / Е. Г. Трубецкова // Набоковский вестник. — Санкт-Петербург : Дорн, 2001. — Выпуск 6. Набоков и Серебряный век. — С. 56—63. — ISBN 5-85447-018-7.

18. *Glynn M.* Vladimir Nabokov : Bergsonian and Russian Formalist Influences in His Novels / M. Glynn. — New York : Palgrave Macmillan, 2007. — 202 p. — ISBN 978-1-349-73844-1.

19. *Grishakova M.* The Models of Space, Time and Vision in V. Nabokov's Fiction : Narrative Strategies and Cultural Frames / M. Grishakova. — Tartu : Tartu University Press, 2012. — 322 p. — ISBN 978-9949-32-068-4.

20. *Malikova M.* Authorial Persona / M. Malikova // Vladimir Nabokov in Context. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — Pp. 59—67. — ISBN 978-1-107-10864-6.

21. *McLean H.* Lectures in Russian Literature / H. McLean // The Garland Companion to Vladimir Nabokov. — New York, Oxon : Routledge, 1995. — ISBN 0-8153-0354-8.

22. *Saliba Dias N.* Embodied Memories in Ada, or Ardor and Speak, Memory / N. Saliba Dias // The Five Senses in Nabokov's Works. — Chan : Palgrave Macmillan, 2020. — Pp. 331—345.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 09.04.2024.

CC BY

Material resources

Mann, T. (1986). *The artist and society: Articles and letters.* Moscow: Raduga. 440 p. (In Russ.).

Merezhkovsky, D. S. (2000). *L. Tolstoy and Dostoevsky.* Moscow: Nauka. 587 p. ISBN 5-02-011599-I. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2016). *Lectures on Russian literature.* St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 448 p. ISBN 978-5-389-11253-7. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2023). *Pnin: roman.* Moscow: AST Publishing House: CORPUS. 320 p. ISBN 978-5-17-137839-4. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2009). *The Russian period. Collected works in 5 volumes, 2.* St. Petersburg: Symposium. 784 p. ISBN 978-5-89091-389-0. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1934). *Complete works in 91 volumes. Anna Karenina, 18.* Moscow: Fiction. 555 p. (In Russ.).

Tolstoy, L. N. (1936). *Complete works. Works of 1889—1890, 27.* Moscow: Fiction. 765 p. (In Russ.).

References

Aryev, A. (2002). News from eternity (on the meaning of V. V. Nabokov's literary and philosophical position). In: V. V. Nabokov: pro et contra. *Metarials and research on the life and work of V. V. Nabokov. An anthology, 2.* St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Sciences. 169—193. ISBN 5-88812-139-8. (In Russ.).

Averin, B. (2003). *The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the context of the Russian autobiographical tradition.* St. Petersburg: Amphora. 399 p. ISBN 5-94278-471-X. (In Russ.).

Barabtarlo, G. (2011). *Nabokov's essay.* St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 464 p. ISBN 978-5-89059-160-9. (In Russ.).

Bespalova, E. K., Shmigelskaya, L. R. (2023). Nominal supertext in the works of V. V. Nabokov. Article 3: Tolstoy text. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 9 (3):* 3—13. (In Russ.).

Blackwell, S. (2022). *Pen and scalpel. Nabokov's creativity and the Worlds of Science.* Boston, St. Petersburg: Academic Studies Press, Bibliorossika. 391 p. ISBN 978-5-907532-10-6. (In Russ.).

Buks, N. (1998). *The scaffold in the Crystal Palace. About Russian novels by Vladimir Nabokov.* Moscow: New Literary Review. 208 p. ISBN 5-86793-033-5. (In Russ.).

Dolinin, A. (2004). *The True Life of the writer Sirin: Works on Nabokov.* St. Petersburg: Academic Project. 400 p. ISBN 5-7331-0283-7. (In Russ.).

Dolinin, A. (2022). Time in literary texts and comments on them. *Slavica Revalensia, 9:* 9—38. DOI: 10.22601/SR.2022.09.01. (In Russ.).

Kandrashkina, O. O. (2011). Categories of space, time and chronotope in a work of art and linguistic means of their expression. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2—5:* 1217—1221. (In Russ.).

Kupina, N. A., Bitenskaya, G. V. (1994). Overtext and its varieties. In: *Man — Text — Culture: a collective monograph.* Yekaterinburg: Polygraphist. 214—233. (In Russ.).

Levin, Yu. I. (1981). On the features of the narrative structure and figurative structure of V. Nabokov's novel "The Gift". *Russian Literature, 9:* 191—230. (In Russ.).

Luxemburg, A. (2004). Vivian Damore-Block and vivisection of words: English prose by Vladimir Nabokov. In: *Nabokov V. V. The American period. Collected works in 5 volumes, 1.* St. Petersburg: "Symposium". 9—23. ISBN 5-89091-016-7. (In Russ.).

Mednis, N. E. (2011). *Poetics and semiotics of Russian literature.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 232 p. ISBN 978-5-9551-0482-9. (In Russ.).

Paducheva, E. V. (2005). The game with time in the first chapter of V. Nabokov's novel Pnin. In: *Language. Personality. Text: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva.* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 916—931. ISBN 5-9551-0103-9. (In Russ.).

Trubetskova, E. G. (2001). Literary hoaxes of Nabokov and Khodasevich. In: *Nabokovsky Bulletin, 6.* St. Petersburg: Dorn. 56—63. ISBN 5-85447-018-7. (In Russ.).

Voronina, O. (2023). *Cryptography: Nabokov. Archive. The subtext.* St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House. 584 p. ISBN 978-5-89059-520-1. (In Russ.).

Zyryanov, O. V. (2014). Phenomenology of "situational" supertexts in lyrics: (to pose a question). In: *Dialogues of classics — dialogues with classics: collection of scientific articles.* Yekaterinburg: Publishing House of the Urals. Unita. 13—40. ISBN 978-5-7996-1274-0. (In Russ.).

The article was submitted 08.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 09.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Плотникова А. Г. Особенности жанра профессионального киносценария в России 1910-х годов : теория и практика / А. Г. Плотникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 233—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-233-250.

Plotnikova, A. G. (2024). Genre Features of Professional Screenplays in Russia in 1910s: Theory and Practice. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 233-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-233-250. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Особенности жанра профессионального киносценария в России 1910-х годов: теория и практика

Плотникова Анастасия Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-1866-0608
кандидат филологических наук,
отдел изучения и издания
творчества А. М. Горького
aplotnikovaimli@gmail.com

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00421
«М. Горький в кругу искусств»

Genre Features of Professional Screenplays in Russia in 1910s: Theory and Practice

Anastasiia G. Plotnikova
orcid.org/0000-0003-1866-0608
PhD in Philology,
Department of Study and Publication
of the Works of A. M. Gorky
aplotnikovaimli@gmail.com

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00421
“M. Gorky in the Circle of Arts”

© Плотникова А. Г., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуются жанровые доминаны киносценариев Серебряного века. Теоретические концепции кинодраматургии рассматриваются применительно к текстам А. А. Ханжонкова «Из мира таинственного» (1915) и А. С. Вознесенского «Бог» (1918). Научная новизна исследования заключается в том, что тексты указанных сценариев впервые подвергаются комплексному анализу. Актуальность обусловлена интересом современной филологии к интермедиальному аспекту литературы. В сценариях обнаруживается ориентированность на литературные образцы: широкий спектр языковых средств (метафоры, сравнения, инверсии), усложненная композиция, психологизм и др. Кинематографическая выразительность реализуется через систему модальностей (реального времени, воспоминания, сна, воображения, измененного сознания и др.), описание движения героев и «визуальный звук». Проведенное исследование позволяет утверждать, что жанр киносценария в дозвуковом кино принципиально отличается от последующих эпох и тяготеет к эпическому, а не драматическому роду. Расхождение режиссерского и литературного сценария происходило уже на раннем этапе формирования жанра. Комплексное изучение оригинальных реализованных киносценариев может стать ключом к решению вопроса о причинах неблагополучных результатов взаимодействия писателей и кинематографа.

Ключевые слова:
киносценарий; кинематограф; Александр Ханжонков; Александр Вознесенский; жанр.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article explores the genre dominants of Silver Age screenplays. Theoretical concepts of film dramaturgy are applied to the texts of A. A. Khanzhonkov's "From the World of Mystery" (1915) and A. S. Voznesensky's "God" (1918). The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of these screenplay texts for the first time. The relevance is justified by contemporary philology's interest in the intermedial aspect of literature. The screenplays exhibit an orientation towards literary models: a wide range of linguistic devices (metaphors, similes, inversions), complex composition, psychological depth, and more. Cinematic expressiveness is realized through a system of modalities (real time, memories, dreams, imagination, altered consciousness, etc.), description of character movements, and "visual sound." The study suggests that the genre of screenwriting in silent cinema fundamentally differs from subsequent eras and tends towards the epic rather than the dramatic genre. Discrepancies between directorial and literary scripts occurred early in the genre's formation. A comprehensive examination of original realized screenplays could be key to understanding the reasons for the unsatisfactory results of writer-filmmaker interactions.

Key words:
screenplay; cinematography; Alexander Khanzhonkov; Alexander Voznesensky; genre.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82-293.7+821.161.1:778.5+792.9
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-233-250

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.3. Теория литературы

Особенности жанра профессионального киносценария в России 1910-х годов: теория и практика

© Плотникова А. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Исследование сценариев дозвукового периода кино представляет определенную сложность, обусловленную как объективными обстоятельствами, так и сложившимися академическими традициями. Затруднена текстология киносценариев: в архивах сохранилось немного текстов раннего периода, поскольку этот жанр воспринимался как периферийный, и идеи сохранения этих текстов, а тем более их вариантов, не возникало до середины 1910-х годов. Большинство сценариев этого периода известны либо по публикациям тех лет в специализированных журналах «Пегас», «Вестник кинематографии» и др., либо по редким архивным материалам.

Сказывается и влияние литературоведческих традиций: изучение сценариев дозвукового кино в художественной системе писателей часто остается на периферии интереса исследователей. Эти тексты редко включаются в собрания сочинений и тем более — издаются отдельно. Общее представление о включенности кинодраматургии в контекст творчества того или иного писателя мало меняет ситуацию. «Кинопьесы» представляются либо неудачными экспериментами литератора, либо — его попыткой получить дополнительный доход или заявить о себе в новой, «модной», области. Однако остается неразрешенной и непрокомментированной следующая системная ситуация: при разнообразии стратегий взаимодействия кинематографа и литературы, при устойчивом взаимном интересе результат этого сотрудничества часто воспринимается как отрицательный. Писатели недовольны своим опытом работы в кино, кинематографисты, предпринимая существенные усилия по привлечению литераторов, не могут воспользоваться плодами этой работы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Ключом к решению вопроса о причинах неблагополучных результатов взаимодействия писателей и кинематографа на раннем этапе может стать

CC BY

системное комплексное изучение тех киносценариев, которые были поставлены, стали фильмами. Цель настоящей статьи — выявление основных жанровых доминант киносценариев Серебряного века, рассмотрение теоретических концепций кинодраматургии и их практического воплощения в сценариях кинематографистов-профессионалов. Материалом для анализа в настоящей статье стали сценарии кинематографистов А. А. Ханжонкова («Из мира таинственного») и А. С. Вознесенского («Бог»). Не утверждая высокой эстетической ценности этих текстов, мы предполагаем, что применение к ним комплексного филологического подхода может дать неожиданные результаты и выяснить, что именно ожидало немое кино от литературного сценария. Для достижения указанной цели в настоящей статье используются описательно-функциональный, биографический методы, элементы структуралистского анализа.

Чаще всего исследователи обращают внимание на тематические и образные связи сценариев с прозой и драматургией писателя или видят в этих опытах интересные биографические перипетии, однако некоторые касаются и вопросов жанрового своеобразия этих текстов и формальных поисков их авторов. Так, А. В. Сысоева анализирует интересный документ, обнаруженный в фонде Ф. Сологуба в ИРЛИ РАН, и, опираясь на формальные особенности некоторых опубликованных в середине 1910-х годов сценариев, убедительно атрибутирует его как набросок авторского сценария по роману «Творимая легенда» (фильм «Навьи чары» был снят в 1916 году В. Мейерхольдом) [Сысоева, 2011]. Проблематика и поэтика киносценариев В. В. Маяковского стали предметом исследования в монографической работе Н. К. Мельниковой [Мельникова, 1993], а Т. А. Купченко в своих статьях интегрирует эти тексты в литературно-кинематографический контекст начала XX века [Купченко, 2021; Купченко, 2022]. О роли кинематографического опыта в творческой биографии А. И. Куприна писал Б. Хеллман [Хеллман, 2013]; опираясь на его работы, мы обращались к анализу образно-мотивной структуры купринских сценариев [Плотникова, 2022]. На глубоких текстологических изысканиях основаны исследования, посвященные киносценариям А. П. Платонова, опубликованные учеными ИМЛИ РАН в рамках подготовки собрания сочинений писателя [Корниенко, 2000; Суматохина, 2005; Клементьев, 2020]. В диссертации Т. О. Фроловой более глубоко изучается поэтика киносценариев Н. А. Зархи, Ю. Н. Тынянова и В. Б. Шкловского [Фролова, 1999]. Обращение к текстам, по которым сняты известные фильмы 1920-х годов, в сравнении с первоисточниками (повестями М. Горького, Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина) позволяет автору обратить внимание на механизмы транспозиции литературного текста в кинематографический.

CC BY

С другой стороны, киноведение часто рассматривает сценарий как прикладной, утилитарный элемент фильма, художественные особенности текста не принимаются во внимание, значимым остается лишь воплощение этого текста на экране. Сценарии немых фильмов и вовсе остаются за пределами интереса исследователей, которые ограничиваются лишь перечислением этих текстов. В качестве исключений можно назвать работы А. О. Коваловой о кинодраматургии Н. Р. Эрдмана, которая предстает не только частью интенсивно развивавшегося жанра, но и анализируется текстуально [Ковалова, 2012]. К исследованию особенностей нарративных практик киносценариев А. Г. Ржешевского обращается С. А. Огудов [Огудов, 2022]. Комплексный системный подход, сочетающий теоретические и культурно-исторические аспекты проблемы, представлен в монографии К. Ахметова [Ахметов, 2021].

Таким образом, кинодраматургия, оказываясь на стыке интересов филологии и киноведения, остается малоисследованной обеими науками. В связи с этим представляется важным не только изучение участия отдельных писателей в кинопроцессе, но и внимательный взгляд на саму ткань кинотекстов, на динамику этого жанра. Это важно не только для обогащения представления о художественном мире автора, но и для выстраивания логики эволюции самого жанра киносценария, прослеживания эстетических исканий кинодраматургии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Об истории и теории киносценария

Кинематограф — синтетическое искусство, интегрирующее изобразительно-выразительные возможности других искусств. В этой синкретичности новое искусство следовало за основной тенденцией Серебряного века — объединением самых разных сфер человеческого бытия: визуального и вербального, пластического и музыкального, техники и культуры.

Немое кино, как может показаться, исключает из этого синтеза слово, утверждая абсолютный приоритет визуального над вербальным. Б. М. Эйхенбаум в статье «Проблемы киностилистики» писал: «Изобретение киноаппарата сделало возможным выключение основной доминанты театрального синкретизма, слышимого слова, и замену его другой доминантой — видимым в деталях движением» [Эйхенбаум, 2016, с. 24]. Однако литературный сценарий, являясь неотъемлемой частью кинопроизводства, преодолевает это исключение, восполняя ту самую синкретичность даже в дозвуковой период.

Как значимый текст и тем более как литературный жанр сценарий стал осознаваться не сразу. Когда В. М. Гончаров, автор сценария первого рус-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ского художественного фильма «Понизовая вольница», обратился в Союз драматических и музыкальных писателей с просьбой об охране его авторских прав, ему отказали, поскольку сам объект права посчитали не заслуживающим внимания [Гращенкова, 2007, с. 118]. В кинематографических кругах сценаристов несколько пренебрежительно называли *темачами* (то есть тот, кто разрабатывает тему). Тем не менее словесное оформление сюжета потребовалось уже на самых ранних этапах существования кино. Исследователь А. Вартанов замечает: «…кинематограф даже на ранней ступени своего существования <…> не мог обходиться без контактов с литературой. Не потому только, что искусство слова с первых же дней существования кино стало поставщиком сюжетов, перипетий, человеческих характеров. Даже незамысловатые кинематографические истории, прежде чем обрести экранное воплощение, записывались с помощью слова в форме простейших либретто, нередко называемых в ту пору сценариусом» [Вартанов, 1994, с. 57]. Разнообразие жанровых определений, которое наблюдается в это время, наводит на мысль о нечеткости представлений о характере, законах этого жанра. Кроме привычного нам слова *сценарий*, встречаются термины *киноповесть*, *кинопьеса*, *кинетургия*, *пьеса для экрана*, *сценариум* и даже *двигопись*.

Руководства для кинематографистов появляются на рубеже 1910—1920-х годов. Можно назвать книги Е. И. Мамурина «Кинематограф в практической жизни» (1916), «Практическое руководство по кинематографии» М. Н. Алейникова и И. Н. Ермольева (1916), сборник статей «Кинематограф» (1919), А. Е. Зарина «Техника сценария» (1923), А. С. Вознесенского «Искусство экрана» (1924) и др. Однако, кажется, наиболее понятными и емкими были рекомендации «Журнала для женщин», обращенные к дамам, которые хотели бы попробовать силы на кинематографическом поприще. Перечисляя профессии — помощник режиссера, актриса, статистка, склейщица (монтажер), — автор статьи давал краткий «рецепт» киносценария: «Пишут сценарии следующим образом: прежде всего, пишется либретто для всей задуманной автором пьесы. Когда либретто готово, нужно разбить его на отдельные сцены, стараясь по возможности как можно более разнообразить место действия съемки. Стоит избегать сильного нагромождения ненужных в пьесе действующих лиц. Сюжетом пьесы лучше всего всегда взять истинное происшествие из жизни» [Чайковский, 1917, с. 15]. Обратим внимание на несколько моментов, рекомендованных будущим сценаристам.

Во-первых, текст должен быть разбит на сцены, причем места действия должны быть разными. Это существенно отличает кинодраматургию от театральной, в которой, вслед за Аристотелем, утверждалось «единство места». Конечно, это было преимущество киноизображения, допускавше-

CC BY

го многократную смену локаций в течение фильма. Эта особенность позволяет нивелировать вынужденную малогеройность немого черно-белого фильма: зритель должен быстро уяснить, какие герои в сюжете, чем они отличаются и какие отношения между ними. Требование смены локаций при малогеройности рождает парадокс, который преодолевается при помощи системы модусов.

Термин *модальность* (или *модус*) пришел из лингвистики, но встречается достаточно часто в трудах по теории кинематографа и в методологических руководствах по сценарной работе. Общепринятой в киноведении терминологию семиотики сделал Ю. М. Лотман в книге «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» (1973). Исследователь писал: «…построение рассказа без разветвленной системы глагольных категорий практически невозможно. Поэтому перед кинематографом сразу встала задача прорыва через обязательное настоящее время и реальную модальность экранного действия. Реальность переживания экранного действия зрителем создавала также трудности для изображения одновременности событий, совершающихся в нескольких местах и на экране представляемых последовательно. Романическое “в то время как” или “перенесемся, дорогой читатель” кинематографу запрещено» [Лотман, 2005, с. 350]. Современный киновед К. Ахметов выделяет пять типов модуса: модальность реального времени, воспоминания, сна, воображения, измененного сознания [Ахметов, 2021, с. 106]. Каждый из них может иметь свои оттенки, менять функции, что мы увидим при дальнейшем анализе текстов. Наличие в фильме (или сценарии) нескольких модусов позволяет сделать его более сложным, динамичным при сохранении ясного сюжета. При этом почти сразу кинематограф находит десятки приемов перехода между модальностями, «целый комплекс конвенциональных маркеров» [Ахметов, 2021, с. 106]: расфокус, монтажный наплыв, смена освещения и др. В дозвуковом кино наряду с перечисленными использовались кадры-интертитры, выполнявшие функцию авторской речи.

Наконец, обратим внимание на требование в статье «Журнала для женщин» реалистичности сюжета — «истинное происшествие из жизни». В середине 1910-х годов оно становится уже повсеместным: мистические истории, экзотические сюжеты отходят на второй план, что демонстрирует изменение, усложнение зрительских вкусов. На экран приходят социальная проблематика, психологизм, усложненное повествование.

Литературные сценарии стали появляться на страницах кинопрессы с 1915 года имена сценаристов упоминались в титрах фильмов, появлялись руководства по подготовке кинопьес, и о незначительности жанра уже не говорили. Кинопромышленники стали чаще обращаться к писателям и за оригинальными сценариями, и за адаптацией известных произ-

CC BY

ведений для экрана. С одной стороны, имя популярного литератора могло привлечь новых зрителей из более образованной, респектабельной среды, с другой — заключение прямых договоров с авторами бестселлеров помогало избежать тяжб об авторских правах. Но главное, — стало понятно, что литература в значительной степени питает новое искусство. Именно в это время оформляется представление о том, что киносценарий — литературная составляющая — является залогом качества фильма.

3.2. Киносценарий Анталека «Из мира таинственного»

Одним из первых кинематографистов, осознавших необходимость работы профессиональных писателей в кино, был А. А. Ханжонков. Пытаясь привлечь столичных литераторов, он устроил для них в феврале 1913 года охотничий пикник под Петербургом. На празднике присутствовали А. Т. Аверченко, А. С. Бухов, Е. Н. Чириков, Б. А. Лазаревский, Тэффи, И. Д. Сургучев и др. Задуманное удалось Ханжонкову лишь отчасти, он отмечал, что литераторы хоть и подписывали договоры с киноателье, но не спешили приносить сценарии [Ханжонков, 1937, с. 65].

Причин для этого было две. Первая — скептическое отношение большой части творческой интеллигенции к кинематографу, который долго воспринимался как дешевое низкопробное развлечение. Стремительность развития кино не давала возможности многим осознать момент превращения площадного аттракциона в искусство. Газеты презрительно называли увлекавшихся кинематографом писателей «метрогонами» и упрекали их в предательстве интересов русской литературы в пользу Пате и Ханжонкова. Вторая причина — отсутствие ясного представления о жанре киносценария. Обе эти проблемы и пытался решить А. Ханжонков. Он создал в своем ателье литературно-художественный отдел, затем открыл литературно-кинематографический журнал «Пегас», где печатал сценарии, проводил конкурсы на лучший текст, назначая вознаграждение победителям.

Сам он также пробовал свои силы в кинодраматургии и в соавторстве со своей супругой А. Н. Ханжонковой написал несколько киносценариев под общим псевдонимом *Анталек* (соединение имен Антонина и Александр), снял по ним фильмы, а затем опубликовал в журнале «Пегас» тексты сценариев («Ирина Кирсанова», «Первого чувства раба», «Из мира таинственного», «Братья Борис и Глеб» и др.). Публикация сценариев имела две цели. Во-первых, это был один из способов рекламирования фильма, ориентированный на образованного, читающего зрителя, имеющего высокие культурные запросы. Это диктовало специфику отбора сценариев для публикации: предпочтение отдавалось лучшим текстам, отличавшимся художественностью и образностью. Во-вторых, публикация сценариев, написанных самими кинематографистами, имела практический, методоло-

CC BY

гический смысл. Эти тексты задавали определенный формат, показывали будущим авторам некий образец, как должен выглядеть сценарий фильма.

Фильм «Из мира таинственного» фирмы А. А. Ханжонкова вышел на экраны 25 декабря 1915 года, и действие его происходит под Рождество. Сразу после премьеры сценарий был опубликован в журнале «Пегас» [Анталек, 1916, с. 7—19]. Фабула типична для жанра мистической повести: молодой человек спасает прекрасную девушку, которая впала в летаргический сон и явилась к нему во сне, умоляя ей помочь. В кульминационный момент девушка, которую доктора сочли мертвой, встает, как гоголевская панночка, только она несет герою не погибель, а любовь и счастье.

Композиция повествования усложняется за счет разнообразных модальностей: воспоминания, сна, воображения. Зритель (или читатель) узнает эту историю от постаревшего героя, вокруг которого собрались внуки и правнуки. Таким образом, мы заранее знаем, что финал этой истории будет счастливым, и герой, несмотря на все страшные испытания, спасется. Тем не менее концовка неожиданная: уснувшая загадочным сном девушка в конце фильма оказывается бабушкой, супругой главного героя, прожившей вместе с ним долгую жизнь. Смена модальностей в сценарии обозначается исключительно вербальными средствами: «И перед глазами слушателей стала рисоваться картина за картиной»; «И слушателям дедушки рисуется картина…», «Дедушка кончил рассказ и сидит задумчивый» [Анталек, 1916, с. 10, 19]. В опубликованном сценарии нет указаний на то, как именно должны осуществляться эти переходы, хотя к середине 1910-х годов было выработано уже несколько общепринятых технических способов смены модальностей: расфокус, смена освещения, интертитр, смена цветного фильтра и др.

Основным приемом создания художественного мира произведения становится контраст. Старость и молодость героев, веселье юных гостей на елке и страх, который охватывает их во время рассказа дедушки, наконец, жизнь и смерть, на грани которых оказываются герои, — эти и другие оппозиции создают художественный мир, органичный раннему кино. Эти контрасты подчеркиваются визуальными деталями. Герой некоторое время одет в плащ-домино, неоднократно появляется в кадре игрушка-калейдоскоп. Ощущение нереальности, сюрреалистичности действительности добавляют мотивы переодевания: рождественские «ряженые» пугают героя, но оказываются его друзьями, во сне он оказывается на карнавале, где видит героиню в черной маске.

Определяющую роль в немом кинематографе играло соотношение света и темноты. В сценарии Анталека о контрасте света и тени говорится постоянно. Так, в одной из первых сцен на рождественском празднике дамы по команде выключают электрический свет, а затем внезапно включают

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

лампочки на елке. «Все погружается во тьму» — елка «ярко зажигается», саму историю рассказывает старик «в темной комнате у ярко горящего камина» [Анталек, 1916, с. 8—10] и т. д. Описания конкретных деталей, декораций, предметов имеют функциональный смысл: «мрачная комната со сводами», «Большие часы на камине. Стрелки показывают 12 часов», «вазочка с мармеладом и стакан красного вина» и др. [Там же, с. 9]. Александр и Антонина Ханжонковы хорошо знали, что будет выглядеть особенно выразительно на экране, но не ограничивались простым техническим внедрением элементов в фильм, а встраивали их непосредственно в сюжет, делали их частью художественного мира произведения.

Авторы сценария часто прибегают к приему визуального (изображенного) звука. В. Руднев писал об этом эффекте немого кино: «…простейшие речевые акты, включающие как собственно звуковой, так и жестовый и мимический компоненты, могут также выражаться изобразительно» [Руднев, 2018, с. 235]. «Визуальный звук» появляется в каждой сцене: рвут праздничные хлопушки, звучат рояль и труба, молодежь на празднике поет песню, девушка «звонит елочными бубенчиками», звенит дверной звонок, щелкает замок на дверях.

Кроме того, важен и вопрос прямого слова, обращенного к зрителю, — интертитры. Фильм не сохранился, но можно предположить, какие фрагменты сценария предполагалось вынести в отдельные кадры. Традиционно они выделяются в тексте сценария курсивом или разрядкой. Как правило, предполагается, что в титры выносится прямая речь персонажей, иногда — письма или записки, которые читают персонажи. В сценарии Ханжонковых таких фрагментов можно насчитать 10—12, при этом часть сценария написана от первого лица, и их могло быть значительно больше.

Многие сцены в тексте описаны подчеркнуто художественно, литературно, и не всегда понятно, как именно предполагается показать тот или иной элемент. Например, фрагмент: «Старик, помогавший им, видимо, скорее помеха для них, чем помощник» [Анталек, 1916, с. 7], — очевидно, имеет своей целью не визуальное представление, а внутреннюю мотивировку характера и ситуации. Сценарист оставляет пространство для творческого самовыражения и постановщика, и актера. Здесь же укажем на приемы художественной выразительности, казалось бы, избыточные в таком утилитарном жанре: «Радость светится на старческих лицах, как лампочки среди угрюмой зелени елки» [Там же, с. 9]. Как предполагается это показать? Это сравнение — инструкция для режиссера, для актеров или для технического персонала? В сценарии причудливо сочетаются описания кадра — буквальные инструкции для оператора — и художественные метафоры: «В растворенную дверь видна вдали елка, и ее огоньки среди

CC BY

водворившейся тьмы светятся, как далекие дни юношеской радости в памяти старого человека» [Там же, с. 10].

Очевидно, что эстетическая составляющая текста уже на этом этапе, в немом кино середины 1910-х годов, ощущается необходимой, создающей особый мир, в который верят и читатели сценария, и зрители фильма, а утилитарная — планы, эффекты, специальные термины — остается за пределами литературного сценария.

3.3. Киносценарий А. С. Вознесенского «Бог»

На студии А. А. Ханжонкова работал первый профессиональный киносценарист Александр Сергеевич Вознесенский. Он увлекся кино в 1914 году, а до этого был более всего известен как драматург, но писал и стихи, и критические статьи, а впоследствии — мемуары. Вознесенский написал более 10 сценариев, стал одним из первых теоретиков и практиков кинематографа, в 1918 году руководил сценарными курсами в Петрограде, затем работал в Киеве. В 1924 году он издал книгу «Искусство экрана», где изложил свои взгляды на эстетику дозвукового кинематографа и на жанровую специфику сценария. (См. о нем [Kovalova, 2018]).

Он называл немой кинематограф «искусством высокого безмолвия» и писал, что необходимо разделять «немоту» и «молчание»: «Первое понятие — начало пассивности, абсолютно чуждое кинематографу. Второе <…> полно той именно нутряной активности, которая и составляет главное отличие завтрашнего искусства — экрана. Неверно назвали кинематограф “великим немым”. <…> Если уж надобно прозвище, — он великий молчальник» [Вознесенский, 1924, с. 22]. Таким образом, в отсутствии звука он видел не недостаточность, не ущербность, а наоборот, новые, неизвестные ранее и еще не разработанные эстетические возможности.

Вознесенский посвятил отдельную главу вопросу о сценарии, не только делясь собственным писательским опытом, но и делая необходимые теоретические обобщения. Он ставил кинодраматурга практически во главе фильма, поясняя, что подлинно художественный текст киносценария дает не только крепкую фабулу, но и материал для режиссера, оператора, актеров, статистов и др. Он утверждал, что сценарий имеет не только повествовательную, но и специфическую надтекстовую функцию, объединяющую всех участников кинопроцесса. Успех фильма в конечном счете зависит от точности изображения и художественного совершенства текста в гораздо большей степени, чем это происходит в литературе или в театре: «Кропотливость и изысканность литературной работы для кинематографа по указанным уже выше мотивам не только не должна уступить творчеству беллетриста или драматурга сцены, но скорее первенствовать перед ними в смысле отбора и отделки языка» [Там же, с. 30]. Киновед И. Н. Гращенкова, прослеживая

CC BY

творческий путь Вознесенского, вписывает его в литературную эволюцию «…от многословного, многостраничного романа к малым формам повести и рассказа, а от них к чеховской миниатюре, с ее словесным минимализмом. В этот ряд драматург вписывал и немое кино» [Гращенкова, 2007, с. 134].

Художественные достоинства фильма, считал Вознесенский, полностью зависят от сценариста. Рассуждая о жанровой специфике киносценария, Вознесенский противопоставлял «русскую» и «американскую» киношколы. Сильные стороны первой — психологизм, ориентир на серьезную социально-философскую проблематику, преимущества второй — зрелищность и динамичность. Отдавая свои безусловные симпатии «русской школе», к которой он относил и себя, Вознесенский видел перспективу в соединении этих двух тенденций [Вознесенский, 1924, с. 72].

Говоря о технике сценария, Вознесенский отдельно останавливался на функциях надписей в фильме. Он выделял пояснительные, диалогические, мыслительные, эпистолярные и «отвлеченно-лирические» надписи, которые «играют роль зрительных антрактов» [Там же, с. 69]. Он рекомендовал сценаристам не перегружать фильм титрами, стремясь достичь максимального изобразительно-выразительного эффекта пластическими и драматургическими средствами, и обратить особое внимание на «изысканный прием надписи, не имеющей прямого отношения к текущему содержанию сюжета, но освещающей его лучом лирического или философского рефлектора, вовремя направленного на сценарий» [Там же, с. 71]. Такие титры, по мнению автора, создают необходимое настроение в фильме, хоть и не комментируют напрямую его содержание.

Вознесенский делал чрезвычайно важное замечание: «Технически сценарий должен представлять смену ремарок и реплик (или иных надписей), причем главная часть отводится, конечно, описательной ремарке, надпись же играет вводную, добавочную роль» [Там же, с. 68]. Иными словами, в сценарии немого фильма традиционная драматическая ремарка и реплика меняются местами: авторская ремарка расширяется, становясь подробной «инструкцией» для режиссера, оператора, актера, которые получают максимум информации не только о действиях героев, но и об их среде, привычках, мотивах, особенностях характеров, о нюансах взаимоотношений и т. д. Реплика персонажа в свою очередь редуцируется до жеста, взгляда или вовсе исчезает.

В книге «Искусство экрана» Вознесенский привел несколько собственных кинопьес, оговорив, что они не являются «образцами» жанра. В числе этих текстов — сценарий «Бог». Фильм, поставленный по этому тексту в 1918 году в Киеве режиссером М. М. Бонч-Томашевским, носил также другое название — «Хозяин жизни». В основе этой «пьесы для экра-

CC BY

на» — социальный конфликт. Изображена семья столяра Данилы Кирпикова, которая терпит страшные бедствия, непосильный труд, болезни, смерть ребенка. Старший сын Данилы, Иван, изображен так: «…бледный юноша, ростом почти мальчик, с длинными обезьяньими руками, как бывают у горбатых людей. Но юноша не горбат: он только пригнут ранним трудом и, когда по рабочей привычке наклоняет короткую шею к впалой груди, далеко назад выносит сутулую спину» [Там же, с. 33]. Иван проявляет значительные способности к наукам, становится инженером, а в финале руководит заводом и является его крупным акционером. На контрасте изображена юная Марья Сергеевна Благова (Мара) — богатая девушка, в доме которой проходят веселые артистические вечеринки и праздники. Она однажды заказывает в столярной мастерской Кирпикова стулья, и так начинаются их отношения. Мара описана подробно и поэтически: «…тонкая блондинка, с упрямой походкой, с прекрасными умными глазами, над которыми взлетают и опускаются властные крылья ресниц» [Там же, с. 34]. Автор называет героиню не только по имени, но и оценочными словами *красавица, кокетка*. Как видим, герои при первом появлении представлены гораздо более подробно, чем это обычно принято в драме. В начале сценария Марья Сергеевна окружена поклонниками, выходит замуж за одного из них, никчемного прожигателя жизни Пилина, но потом оставляет мужа ради Ивана, потрясенная силой его духа и остротой мысли. Счастье их длится недолго, в финале Иван погибает, завещав завод в собственность рабочим.

Проблематика произведения подчеркнуто социально-психологическая, любовный конфликт находится в зависимости от социального: девушка влюбляется в Ивана, когда слышит его слова: «…человек — это земной бог, только бог, который еще своей силы не знает» [Там же, с. 48]. Эти строки, в которых явственно ощущаются горьковские мотивы, дали название произведению. Социальный контраст подчеркивается визуальными средствами — повествование идет параллельно, показаны попеременно светлые комнаты богатого дома, и темные трущобы, и столярная мастерская. При этом в целом повествование линейно, смена модальностей осуществляется в ироническом контексте — иллюстрируются бесплодные романтические мечтания одного из героев: «Дым сгущается, потом редеет, и в воображении всплывает “она” <...>. Сцена из пасторали, и нежная флейта звучит в такт поступи белой пастушки...» [Там же, с. 38]. Для создания драматического эффекта используется прием повествовательной инверсии в финале: сначала зрителю показывают смерть Ивана и объявление его завещания, а затем — сцену, где он принимает решение об этом завещании. В этой сцене возникает образ ребенка, символизирующий новый мир, наполненный счастьем, справедливостью и благополучием.

CC BY

Текст сценария сложен, он наполнен и художественными деталями, и обобщениями, и размышлениями, демонстрирующими отношение повествователя к предмету изображения, что сближает его с эпическими жанрами: «Почти в каждом большом городе бывает такой “интересный дом” <...>. Там встретишь и студента, и офицера, и журналиста, и заезжего актера. Всегда богато накрыт стол. Все влюблены в дочь хозяина» [Там же, с. 37—38]. Указания для актеров тоже облечены в беллетристическую форму: «Лицо Ивана — когда он взглянул на конверт — преображается мгновенно: умиление нежной тенью ложится на нем» [Там же, с. 54]. Здесь нет «инструкции» для актера или режиссера, есть художественное описание психологических процессов. Интересны фрагменты, иллюстрирующие психические изменения в герое, противоречия между внутренним и видимым состоянием, особенно сложные для актера. Например, когда героиня, прекращая тет-а-тет с поклонником, приглашает его на прогулку, автор описывает его состояние: «Он, вероятно, предпочел бы остаться здесь, наедине, но — разумеется... С радостью!» [Там же, с. 54]. Описания психологических состояний героев полны поэтических метафор и сравнений: «Марья Сергеевна ушла, и жалким отрепком паруса на потерпевшем крушение корабле показался ей почему-то зонтик, болтавшийся на палке в ее гордой руке» [Там же, с. 56]. Много фигур речи и в описаниях обстановки кадра: «Большая осенняя луна устало золотит сонные берега и сонные струи. Черная фигурка встала на берегу» [Там же, с. 40].

В сценарии Вознесенского также обнаруживается прием «визуального звука», но он идет дальше Анталека и изображает саму речь: «Это надоело, наконец, столяру, и он, оторвав от доски фуганок, сердито ткнул им в воздух, в сторону сына, как бы говоря: “чего рот разинул? за дело!..”»; «Добродушный толстяк — отец девушки — утешает его, снисходительно похлопывая у ключицы: “терпи, казак, атаманом будешь...”» [Там же, с. 34—35]. Эти речевые фрагменты не будут вынесены в интертитры, они предназначены для читающего сценарий, кем бы он ни был: режиссером, актером, будущим сценаристом, изучающим чужие тексты, или просто читателем кинематографического журнала.

Сценарии А. С. Вознесенского, безусловно, заслуживают более тщательного исследования, мы же в рамках настоящей статьи отметим основные черты его текстов: художественность, психологизм, прием «изображаемого слова», социально-психологический конфликт.

4. Заключение = Conclusions

Приходилось встречаться с утверждением, что проблема писательских сценариев заключается в чрезмерной «литературности», обилии словес-

CC BY

ных изобразительно-выразительных средств, а сценарий — жанр сугубо утилитарный, практический, представляющий собой инструкцию для всех участников кинопроцесса. Однако анализ текстов профессиональных киноавторов Ханжонковых и Вознесенского позволяет сделать совершенно иные выводы относительно художественных особенностей сценариев 1910-х годов. В первую очередь следует отметить подчеркнутую литературность зарождающегося жанра, его ориентир на лучшие образцы словесного искусства и отсутствие подчеркнутой утилитарности. В текстах сценариев обнаруживается широкий спектр литературных и языковых изобразительно-выразительных средств: метафоры, инверсии, усложненная композиция, вставные эпизоды, психологизм и др. Кинематографическая выразительность реализуется в основном через систему модальностей, описание движения героев, «визуальный звук». Происходит трансформация традиционной драматической ремарки, она расширяется, становясь подробной «инструкцией» для режиссера, оператора, актера, которые получают сведения не только о действиях героев, но и об их среде, привычках, мотивах, особенностях характеров, о нюансах взаимоотношений и т. д. Реплика персонажа в свою очередь редуцируется до жеста, взгляда или вовсе исчезает. В профессиональном сценарии не приводятся специфические кинематографические термины, технические приемы, оставаясь, вероятно, в режиссерской записи. Все вышесказанное позволяет сделать два основных вывода. Во-первых, жанр киносценария в дозвуковом кино принципиально отличается от последующих эпох и тяготеет к эпическому, а не драматическому роду, с его описательностью, обилием литературных изобразительно-выразительных средств, сложной композицией. Во-вторых, расхождение режиссерского и литературного сценария происходило уже на раннем этапе формирования жанра и не могло препятствовать реализации писательских кинопроизведений в фильмы.

Дальнейшее изучение киносценариев 1910-х годов, которое представляется перспективой настоящего исследования, позволит прояснить, что именно ждали кинематографисты от литераторов, в чем заключались причины несоответствия написанных текстов «кинодрам» и требований постановщиков.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Анталек.* Из мира таинственного // Пегас. — 1916. — № 1. — С. 7—19.

2. *Вознесенский А. С.* Искусство экрана / А. С. Вознесенский. — Киев : Сорабкоп, 1924. — 146 с.

CC BY

3. *Ханжонков А. А.* Первые годы русской кинематографии / А. А. Ханжонков. — Москва ; Ленинград : Искусство, 1937. — 176 с.

4. *Чайковский Вс.* Женщина в кинематографии / Вс. Чайковский // Журнал для женщин. — 1917. — 1 февраля. — С. 15.

Литература

1. *Ахметов К.* 125 лет кинодраматургии. От братьев Люмьер до братьев Нолан / К. Ахметов. — Москва : Альпина-нонфикшн, 2021. — 414 с. — ISBN 978-5-00139-978-0.

2. *Вартанов А. С.* Четвертый род литературы (К спорам об эстетической природе кинодраматургии / А. С. Вартанов // Экранные искусства и литература : сб. ст. — Москва : Наука, 1994. — С. 50—71.

3. *Гращенкова И. Н.* Кино Серебряного века и проблемы культурно-национального самоопределения кинематографа : диссертация ... доктора искусствоведения : 17.00.03 / И. Н. Гращенкова. — Москва, 2007. — 354 с.

4. *Клементьев Р. Е.* Кинодраматургия А. П. Платонова конца 1920-х — начала 1930-х гг. : творческая история в контекстах времени : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Р. Е. Клементьев. — Москва, 2020. — 268 с.

5. *Ковалова О. А.* Кинодраматургия Н. Р. Эрдмана : эволюция и поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. О. Ковалова. — Санкт-Петербург, 2012. — 406 с.

6. *Корниенко Н. В.* Киносценарии в творческой истории «Котлована» / Н. В. Корниенко // Котлован : Текст, материалы творческой истории. — Санкт-Петербург : Наука, 2000. — С. 323—363.

7. *Купченко Т. А.* Киносценарий В. В. Маяковского «Позабудь про камин» и пьеса «Баня» в аспекте полемики с пьесой С. М. Третьякова «Хочу ребенка!» о смысле любви / Т. А. Купченко // Женщина модерна : Гендер в русской культуре 1890-х — 1930-х годов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022. — С. 424—442.

8. *Купченко Т. А.* Овеществленная метафора В. Маяковского как прием кино (анализ киносценария поэта «Сердце кино») / Т. А. Купченко // Поэт, Поэзия и Поэтическое в литературе и кино. — Москва : ВГИК им. С. А. Герасимова, 2021. — С. 105—114. — ISBN 978-5-87149-279-6.

9. *Лотман, Ю. М.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Об искусстве. — Санкт-Петербург : Искусство, 2005. — С. 287–383.

10. *Мельникова Н. К.* Киносценарии В. В. Маяковского. Проблематика и поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.02 / Н. К. Мельникова. — Москва, 1993. — 224 с.

11. *Огудов С. А.* Киносценарий А. Г. Ржешевского «Бежин луг» в режиссерской интерпретации С. М. Эйзенштейна / С. А. Огудов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2022. — Т. 19. — № 3. — С. 559—574. — DOI: 10.21638/spbu09.2022.310.

12. *Плотникова А. Г.* Киносценарии А. И. Куприна / А. Г. Плотникова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. — 2022. — № 1. — С. 164—166.

13. *Руднев В.* Эквиваленты звука в немом кино / В. Руднев // Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908—1918. — Москва : ИД ВШЭ, 2018. — С. 235—246.

14. *Суматохина Л. В.* Андрей Платонов в работе над киносценарием «Песчаная учительница» / Л. В. Суматохина // «Страна философов» Андрея Платонова : проблемы творчества. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005. — Т. 6. — С. 519—526.

15. *Сысоева А. В.* Федор Сологуб у истоков нового жанра : киносценарий «Навьих чар» / А. В. Сысоева // Русская литература. — 2011. — № 3. — С. 165—169.

16. *Фролова Т. О.* Поэтика киносценариев-экранизаций 20-х гг. (на примере сценариев «Мать» Н. Зархи, «Шинель» Ю. Тынянова, «Капитанская дочка» В. Шкловского) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. О. Фролова. — Москва, 1999. — 175 с.

17. *Хеллман Б.* «Я сам виноват, что не умею писать для Кинемо». Александр Куприн и кино / Б. Хеллман // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — 2013. — Выпуск 1. — С. 68—81.

18. *Эйхенбаум Б. М.* Проблемы киностилистики / Б. М. Эйхенбаум // Поэтика кино : Теоретические работы 1920-х гг. — Москва : Альма Матер ; Академический проект, 2016. — С. 14—53. — ISBN 978-5-8291-1951-5.

19. *Kovalova A.* Aleksandr Voznesenskii, the ‘Kinemo-Shakespeare’ : Notes on the first Russian cinema dramatist / A. Kovalova // Slavonic and East European Review. — 2018. — Vol. 96. — № 2. — Pp. 208—243. — DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.96.2.0208.

Статья поступила в редакцию 28.01.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 15.04.2024.

Material resources

Antalex. (1916). From the mysterious world. *Pegasus, 1:* 7—19. (In Russ.).

Khanzhonkov, A. A. (1937). *The first years of Russian cinematography.* Moscow; Leningrad: Iskusstvo. 176 p. (In Russ.).

Tchaikovsky, Vs. (1917). A woman in cinematography. *Magazine for women. February 1.* P. 15. (In Russ.).

Voznesensky, A. S. (1924). *The art of the screen.* Kiev: Sorabkop. 146 p. (In Russ.).

References

Akhmetov, K. (2021). *125 years of film drama. From the Lumiere brothers to the Nolan brothers.* Moscow: Alpina-nonfiction. 414 p. ISBN 978-5-00139-978-0. (In Russ.).

Eichenbaum, B. M. (2016). Problems of film studies. In: *Poetics of cinema: Theoretical works of the 1920s.* Moscow: Alma Mater; Academic Project. 14—53. ISBN 978-5-8291-1951-5. (In Russ.).

Frolova, T. O. (1999). *Poetics of screenplays-adaptations of the 20s (on the example of the scenarios “Mother” by N. Zarkhi, “Overcoat” by Yu. Tynyanov, “Captain’s Daughter” by V. Shklovsky).* PhD Diss. Moscow. 175 p. (In Russ.).

Grashchenkova, I. N. (2007). *Cinema of the Silver Age and the problems of cultural and national self-determination of cinema.* Doct. Diss. Moscow. 354 p. (In Russ.).

Hellman, B. (2013). “It’s my own fault that I can’t write for Cinemo.” Alexander Kuprin and cinema. *Bulletin of St. Petersburg State University, 1:* 68—81. (In Russ.).

Klementyev, R. E. (2020). *A. P. Platonov’s film drama of the late 1920s — early 1930s: creative history in the context of time.* PhD Diss. Moscow. 268 p. (In Russ.).

Kornienko, N. V. (2000). Screenplays in the creative history of the Pit. In: *Pit: Text, materials of creative history.* St. Petersburg: Nauka. 323—363. (In Russ.).

Kovalova, A. (2018). Aleksandr Voznesenskii, the ‘Kinemo-Shakespeare’: Notes on the first Russian cinema dramatist. *Slavonic and East European Review, 96 (2):* 208—243. DOI: 10.5699/slaveasteurorev2.96.2.0208.

CC BY

Kovalova, O. A. (2012). *N. R. Erdman's film drama: evolution and poetics.* PhD Diss. St. Petersburg. 406 p. (In Russ.).

Kupchenko, T. A. (2021). The embodied metaphor of V. Mayakovsky as a cinema technique (analysis of the poet's screenplay "The Heart of Cinema"). In: *Poet, Poetry and Poetic in literature and cinema.* Moscow: VGIK named after S. A. Gerasimov. 105—114. ISBN 978-5-87149-279-6. (In Russ.).

Kupchenko, T. A. (2022). V. V. Mayakovsky's screenplay "Forget about the fireplace" and the play "Bathhouse" in the aspect of polemic with S. M. Tretyakov's play "I want a child!" about the meaning of love. In: *Modern woman: Gender in Russian culture of the 1890s — 1930s.* Moscow: New Literary Review. 424—442. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2005). Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. In: *About art.* St. Petersburg: Iskusstvo. 287—383. (In Russ.).

Melnikova, N. K. (1993). *Screenplays by V. V. Mayakovsky. Problematics and poetics.* PhD Diss. Moscow. 224 p. (In Russ.).

Ogudov, S. A. (2022). A. Rzheshevsky's screenplay "Bezhin Meadow" in the director's interpretation of S. M. Eisenstein. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature, 19 (3):* 559—574. DOI: 10.21638/spbu09.2022.310. (In Russ.).

Plotnikova, A. G. (2022). Screenplays by A. I. Kuprin. *Bulletin of the State University of Humanities and Technology, 1:* 164—166. (In Russ.).

Rudnev, V. (2018). Equivalents of sound in silent cinema. In: *Russian entertainment culture of the Silver Age. 1908—1918.* Moscow: HSE Publishing House. 235—246. (In Russ.).

Sumatokhina, L. V. (2005). Andrey Platonov in the work on the screenplay "The Sandy Teacher". In: *"The Land of Philosophers" by Andrey Platonov: problems of creativity, 6.* Moscow: IMLI RAS. 519—526. (In Russ.).

Sysoeva, A. V. (2011). Fedor Sologub at the origins of a new genre: the screenplay of "Navi's charms". *Russian literature, 3:* 165—169. (In Russ.).

Vartanov, A. S. (1994). The fourth kind of literature (On disputes about the aesthetic nature of film drama. In: *Screen Arts and literature: collection of articles.* Moscow: Nauka. 50—71. (In Russ.).

The article was submitted 28.01.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 15.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Сердечная В. В. Эволюция литературно-критического метода Ю. И. Айхенвальда и его взглядов на творчество Шекспира / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 251—266. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-251-266.

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2024). Evolution of Literary-Critical Method of Julius Aikhenvald and His Views on Shakespeare's Creativity. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 251-266. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-251-266. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция литературно-критического метода Ю. И. Айхенвальда и его взглядов на творчество Шекспира

Сердечная Вера Владимировна [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
доктор филологических наук, доцент,
кафедра зарубежной литературы
и сравнительного культуроведения
rintra@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич [2]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой перевода
и переводоведения,
корреспондирующий автор
ivb40@yandex.ru

[1] Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)
[2] Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Статья подготовлена в рамках реализации работ по гранту Российского научного фонда № 22-18-00027 «Шекспир и русская литература начала XX века (традиции, реминисценции, переводы, литературно-критическая рецепция)»

Evolution of Literary-Critical Method of Julius Aikhenvald and His Views on Shakespeare's Creativity

Vera V. Serdechnaya [1]
orcid.org/0000-0001-8718-3556
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature
and Comparative Cultural Studies
rintra@yandex.ru

Dmitry N. Zhatkin [2]
orcid.org/0000-0003-4768-3518
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
Corresponding author
ivb40@yandex.ru

[1] Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
[2] Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
The article was prepared as part of the work under the grant of the Russian Science Foundation № 22-18-00027 "Shakespeare and Russian literature of the early 20th century (traditions, reminiscences, translations, literary critical reception)"

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проблема исследования касается эволюции критических взглядов Юлия Исаевича Айхенвальда (1872—1928) в соотношении с его восприятием творчества Уильяма Шекспира. Цель работы — проследить, как изменения в личной судьбе критика и мировой политической обстановке привели к переосмыслению им образов Шекспира. Материалом выступили малоизвестные статьи критика, опубликованные как в России в 1910—1920-е годы, так и в эмиграции (в основном в эмигрантской газете «Руль»). В качестве методов исследования использованы герменевтический, историко-культурный и сопоставительный. Установлено, что в дореволюционный период Юлий Айхенвальд, следуя своему субъективному имманентному методу критики, оценивает Шекспира как универсального гения (в частности, сопоставляя с ним Льва Толстого). Важнейшей характеристикой становится универсальность художественного внимания драматурга, позволяющая отражать все стороны бытия, вне всяких иерархий. В частности, Айхенвальд имплицитно говорит о моральном релятивизме Шекспира. Однако в эмигрантский период, используя образы Шекспира (преимущественно образы Калибана и Кориолана) для анализа исторической ситуации в СССР, он приходит к утверждению объективных добра и правды как характеристик литературы и социальной реальности.

Ключевые слова:
Юлий Айхенвальд; рецепция Шекспира; шекспироведение; литературоведение; критика; имманентный метод; объективность; субъективная критика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The research problem concerns the evolution of critical views of Julius Isaevich Aikhenvald (1872—1928) in relation to his perception of William Shakespeare's creativity. The aim of the study is to trace how changes in the critic's personal fate and the global political situation led to his reevaluation of Shakespeare's images. The material consists of little-known articles by the critic, published both in Russia in the 1910s-1920s and in emigration (mainly in the emigrant newspaper "Rul"). Hermeneutical, historical-cultural, and comparative methods were used for the research. It is established that in the pre-revolutionary period, Julius Aikhenvald, following his subjective immanent method of criticism, evaluates Shakespeare as a universal genius (in particular, comparing him to Leo Tolstoy). The most important characteristic becomes the universality of the playwright's artistic attention, allowing to reflect all aspects of existence, beyond any hierarchies. In particular, Aikhenvald implicitly speaks about Shakespeare's moral relativism. However, in the emigrant period, using Shakespeare's images (primarily the images of Caliban and Coriolanus) to analyze the historical situation in the USSR, he comes to affirm the objectivity of good and truth as characteristics of literature and social reality.

Key words:
Julius Aikhenvald; reception of Shakespeare; Shakespeare studies; literary studies; criticism; immanent method; objectivity; subjective criticism.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82-95+821.161.1Айхенвальд.06+821.111Шекспир.06
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-251-266

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Эволюция литературно-критического метода Ю. И. Айхенвальда и его взглядов на творчество Шекспира

© Сердечная В. В., Жаткин Д. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Юлий Исаевич Айхенвальд (1872—1928) — известный литературный критик, переводчик, самобытный мыслитель периода Серебряного века. В 1922 году он был выслан из советской России. В эмиграции он продолжал заниматься литературной и театральной критикой, философией. Однако наследие его до сих пор недостаточно отрефлексировано — в частности, предложенный им метод литературной «имманентной» критики и его применение в области шекспироведения.

Критический метод Айхенвальда называют «импрессионистским» или «субъективным», а также «имманентной критикой» — исследователи обычно понимают это направление как особый субъективистский подход к литературе, как «своеобразную реакцию на позитивистские штудии предыдущей эпохи» [Зуев, 2006, с. 4]. Однако сам критик воспринимал свой метод анализа как, напротив, парадигмообразующий. Он предлагал видеть в критике не науку, объективную и профессиональную, но результат личного восприятия произведения человеком с высоко развитым вкусом.

Важнейший объект внимания критика — творческая индивидуальность писателя, которая стоит превыше всякой среды (здесь спор с Ипполитом Тэном) и наследует творению: поэт «продолжает дело Бога, воплощает его первоосновную мысль»[1] [Айхенвальд, 1911, с. VI]. В духе символистской идеологии он отрицает миметическую природу искусства: литература «творит жизнь, а не отражает её» [Там же, с. VIII], а если что и отражает, то не время, а вечность [Там же, с. IX].

Критика же есть отражение творческой индивидуальности автора в творческой личности читателя: «Критик — продолжатель поэта и <…>

1 Приводимые цитаты из изданий Айхенвальда даны в статье в соответствии с современными орфографическими нормами.

CC BY

ему тоже присуще своеобразное творчество» [Айхенвальд, 1911, с. XXI]. Он закладывает основы рецептивной эстетики, утверждая, что произведение искусства во времени локализовано, но критика, реакция на него, бесконечна, и бесконечно она досоздает искусство: «Рафаэль, закончив Мадонну, кладет свои кисти; между тем созерцание, функция критика, бессмертно, и нет ему причины прекратиться» [Там же]. Ключом к искренней, настоящей критике, по Айхенвальду, становится не теоретизирование, далекое от сущности искусства, а аналитический, искренний личный отклик: критику нужно «свою субъективность не подавлять, а напротив, раскрыть ее свободно и доверчиво к самому себе» [Там же, с. XXIV].

Влияние Айхенвальда на дальнейшее развитие методологии герменевтики искусства достаточно значительно: так, молодой А. Ф. Лосев определяет его исследовательский метод как «описательно-психологический экспрессионизм», который обладает потенцией выхода к границам феноменологии и мифологического мышления [Тахо-Годи, 2022, с. 28].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Имя Айхенвальда, высланного из СССР в 1922 году, крайне редко встречалось в научных трудах советского времени. Отдельные упоминания его имени начали появляться только в 1960-х. Так, А. А. Аникст писал: «…в России отнюдь не было единого потока “шекспиризма”. Выше я выделил ту линию нашей традиции, которая была главной и определяющей в восприятии Шекспира. Но Шекспира пытались сделать своим и либералы (А. Дружинин), и эстетствующие критики (Ю. Айхенвальд), наконец, общеизвестно, что Шекспир полностью отвергался как мыслитель и как художник (Л. Толстой)» [Аникст, 1963, с. 8]. Э. П. Зиннер также упоминает его в статье по русской рецепции Шекспира [Зиннер, 1965].

Более предметное исследование наследия Айхенвальда началось только в 1990-х годах. Эволюции взглядов его как литературного критика посвящены работы И. Я. Мурзиной [Мурзина, 1996], А. А. Алексеева [Алексеев, 2000; Алексеев, 2007; Алексеев, 2013; Алексеев, 2014 и др.], М. Риппинг [Риппинг, 2003], Д. В. Зуева [Зуев, 2006], А. А. Костригина [Костригин, 2021], Ю. А. Азарова [Азаров, 2022]. Также исследовано осмысление им творчества отдельных писателей [Смирнов, 2019; Кочергина, 2019; Тахо-Годи, 2020; Тахо-Годи, 2022; Тахо-Годи, 2023 и др.].

Вместе с тем малоизученным остается шекспироведение Айхенвальда — как литературоведа, как театрального критика, а также эволюция понимания наследия Шекспира в его творчестве; эта работа только начата [Жаткин, Сердечная, 2024; Сердечная, Жаткин, 2024].

CC BY

Методологическим основанием для данного исследования становится историко-литературный подход, нацеленный на выявление эволюции взглядов критика на Шекспира в контексте общей эволюции его критического подхода к литературе.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Творческая судьба Айхенвальда как критика Шекспира в России начала XX века

Известность пришла к критику после выхода в 1906—1910 годах сборников «Силуэты русских писателей». В этих сборниках, как отмечает А. А. Алексеев, «отсутствие рационального препарирования восполнено эмоциональным напряжением» [Алексеев, 2013, с. 145]: жанр эссе-силуэта высвечивал критику как отдельное направление субъективной рефлексии литературы, самостоятельно развивающееся вне зависимости от литературоведческой науки.

Заявленный Айхенвальдом метод был применен им и к Шекспиру. По произведениям английского драматурга, как по мерилу, критик отмечает глубину произведений, в том числе русской литературы: «…в противоположность шекспировскому герою, Чацкий <…> не достигает философской высоты» [Айхенвальд, 1906, с. 12].

В книге «Этюды о западных писателях» (1910) автор определяет Шекспира через одну из его существенных особенностей: «сочетание дела и думы» [Айхенвальд, 1910, с. 3]. Критик видит в нем уникальную фигуру автора, у которого достижение мудрости идет не через отказ от эмоций, «от ума не слабеет чувство» [Там же], — и бытие пронизывается «гераклитовским огнем» философии.

В этой статье, доказывая свое право вновь писать о Шекспире на фоне всего мирового шекспироведения, Айхенвальд формулирует важнейшие положения своего критического метода. Он отстаивает принципиальную свободу критика, предвосхищая открытия рецептивного литературоведения: «Творение больше творца. Это — потому, что индивидуальное вдохновение, как бы оно ни было высоко, не может быть оторвано от общего творчества самой природы; а природа в писателе, это по преимуществу — его бессознательное. Вот почему каждый из нас вправе неведомые самому художнику идеи его созданий выявлять путем анализа, не считаясь с тем, имел ли их в виду сам автор или нет. Мы, читатели, на свет сознания выводим то, чего писатель сам о себе не знал» [Там же, с. 7]. Так автор приходит к кристаллизации своей идеи: «Шекспир, который очерчивается в данном этюде, имеет такое же право на существование и так же объективен, или так же субъективен, как и всякий другой Шекспир» [Там же]. Показательно

CC BY

парадоксальное сближение субъективности и объективности критериев: критик справедливо напоминает, что любая «объективность» в критике и литературоведении может быть оспорена, и потому защищает право субъективного суждения о литературе.

Айхенвальд, согласно своему методу, в этой ранней статье не затрагивает ни исторический контекст, ни биографический, ни социальный; он судит о Шекспире как об отвлеченном, вневременном явлении, что позволяет ему свободно сравнивать и сопоставлять его творчество с любым другим. Так, упоминая критику Шекспира Толстым, он не только отмечает, что русский писатель не понимает гениальности английского барда, но и говорит о принципиальном родстве содержания их произведений: «…критик не захотел <…> пойти глубже и дальше условностей, разбить подчас грубую и дикую скорлупу шекспировских произведений и приподнять их пышные завесы, чтобы увидеть под ними ту самую истину, ту простую правду, которая так дорога самому Толстому. Не уразумел Толстой своего родства с Шекспиром» [Там же, с. 4]. Критик же это родство видит и постулирует: Толстой и Шекспир у него — глыбы почти равновеликие, поскольку «обе дороги, и его [Толстого] и Шекспирова, одинаково ведут в единый Рим красоты» [Айхенвальд, 1908, с. 111].

В статье из «Силуэтов русских писателей», посвященной Льву Толстому, автор также утверждает всемирность, внеконтекстуальность Шекспира: «Шекспир вне времени и пространства; оттого и язык его героев чужд индивидуализации, и речь их не имеет бытового колорита; у Шекспира — люди вообще» [Айхенвальд, 1908, с. 110], — и упрекает Толстого, как критика Шекспира, в приземленном историзме.

Айхенвальд говорит о «скифской стихии» Шекспира, имея в виду его гиперболизацию, неудержимость [Айхенвальд, 1910, с. 4]. Проводит он также параллели с более поздними эпохами: Шекспир, говоря о мире как театре, упреждает «печальную тему Кальдерона и Шопенгауэра» [Там же, с. 6]. Основание для этого наследования критик видит в особой миссии Шекспира-рассказчика (знаменательно, что он говорит о драматурге, как авторе «хроник», в какой-то мере как об эпическом авторе): «…его произведения — <…> мировой, или героический эпос, который развертывает перед человечеством свой бесконечный свиток и передает людям их же историю» [Там же]. Он видит, таким образом, в Шекспире-рассказчике, тянущем нить от Плутарха в будущее, залог сохранения культуры: «Этим он не дает умереть ничему» [Там же, с. 7].

Айхенвальд определяет уникальность творчества Шекспира еще через несколько метафор. Вот типичный пример его суждения: «Сам Шекспир — не Гамлет; напротив, он — грубый гений, часто неразборчивый;

CC BY

зато, в связи с этим, он и способен к делу, как никто; оно захватывает его всецело, он дышит полной грудью, он живет усиленно, безмерно, и все для него интересно, важно, обо все он зажигается» [Там же, с. 3-4]. Шекспир сам — «живая гипербола» [Там же]. Он бесконечно открыт к бытию: «действительность посылает ему бесчисленные и бездонные впечатления, и он все их радостно берет» [Там же, с. 4].

Шекспира Айхенвальд определяет оксюморонно, через сочетание парадоксальных качеств: «гениальный беспорядок» [Там же, с. 4], «огнепоклонник бытия, и сам огонь, не верит» [Там же, с. 6], — то есть не верит в реальность самого бытия, утверждает его театральность.

Для Айхенвальда важно, что английский бард принципиально неупорядочен, его отражение реальности не иерархично: «*Ничто для Шекспира не часть, а все — целое*» (курсив автора цитаты. — *В. С., Д. Ж.*) [Там же, с. 5], у него происходит «углубление и восполнение частного до типической категории <…> и мир в самом деле для него таков, что в нем все есть *нечто* и совершенно отсутствует *ничто*» (курсив автора цитаты. — *В. С., Д. Ж.*) [Там же]. Таким образом, в своем универсальном приятии различных явлений бытия Шекспир занимается утверждением жизни во всех ее проявлениях, он «счастливо лишен способности сравнения» [Там же], а мир в его произведениях досоздается до «всесовершенной Сферы» [Там же].

Здесь критик приходит к важному для данного периода его критики утверждению с эстетических позиций морального релятивизма. Он замечает, что у Шекспира «порок и добродетель переплавляются в нечто высшее, в одну чистую страсть, и уже не отличишь добра от зла…» [Там же], то есть можно говорить о том, что универсальность английского драматурга для автора является знаком пребывания его искусства «по ту сторону добра и зла».

В этот период для критика Шекспир значим как символ, как знак культуры, но культура для него — это в первую очередь начало эстетическое, вуаль прекрасного, которая легко сбрасывается диким материальным миром: «…сейчас исчезнут эти красивые человеческие узоры, погаснут огни на пиру чудес, люди уйдут в свои пещеры, в свои дома, и Шекспир-Просперо останется один» [Айхенвальд, 1910, с. 12].

3.2. Шекспир в критике Айхенвальда в революционную эпоху

Однако время меняет методологические установки критического письма. В революционную эпоху «Айхенвальд постепенно отходит от принципиальной аполитичности и обращается к публицистике — историческая действительность теперь постоянно вмешивается в то, над чем он работает и что пишет» [Азаров, 2022, с. 137]. Касается эта возросшая публицистичность, историчность и его оценки Шекспира.

CC BY

Так, в 1916 году Айхенвальд отмечает трагическую беспомощность критики, да и в целом гуманитарных штудий в пору войны: «В подобную минуту истории юбилей писателей производит впечатление трагической несвоевременности, точно пришли они так некстати, со своими драмами и романами, туда, где самый гениальный вымысел кажется бездарной и бледной игрушкой сравнительно со спектаклем, который осуществила сама жизнь, в грозе и буре своих не бутафорских, а реальных громов» [Айхенвальд, 1922, с. 110]. Однако, пишет он, «все же так исключительна сила Шекспира, что из конкуренции с нынешней действительностью он выходит не постыдно» [Там же, с. 110—111].

Айхенвальд смотрит на Шекспира и Сервантеса как на авторов, поразному раскрывающих одну проблему: Шекспир воспевает героя, Сервантес — печально иронизирует. И здесь он уже поднимает вопрос моральной ответственности героев обоих авторов, перефразируя одну из реплик короля Лира: «...все одинаково виноваты за все?» [Айхенвальд, 1922, с. 122]. Так критик постепенно отходит от морального релятивизма, задаваясь вопросом потенциальной вины героев.

Айхенвальд вновь развивает на материале Шекспира идею обогащения гениального произведения временем и рецепцией: гамлетизм «обеспечивает дивному автору постоянное участие в культурной трапезе человечества, как бы она ни утончалась в прогрессе веков, какой бы духовной высоты и нервозности ни достигали все грядущие люди» [Там же, с. 136]. По наблюдению автора, «матерьял Шекспира, его благословенная материя подлежит все новой и новой спиритуализации» [Там же], и Шекспир становится близок Метерлинку.

В то же время критик остаётся ожидаемо равнодушен к шекспировскому вопросу, отметая споры современников: «…безразлично, как его звали: Шекспир, лорд Бэкон, лорд Рэтланд <…>. И мы с беспредельной благодарностью принимаем наследство из благодатных рук Неизвестного» [Там же, с. 138—139].

Революция 1917 года быстро разочаровала Айхенвальда — противника насилия и цензуры, сторонника свободы слова, идеалиста; а высылка «в административном порядке» за границу в 1922 году окончила карьеру критика в России.

Но он остается критиком, которого цитируют и мнение которого учитывают: так, его цитирует Л. С. Выготский в написанной в 1925 году (но изданной только посмертно) «Психологии искусства». Выготский приводит мнения Айхенвальда по поводу И. А. Крылова, по поводу сложности школьного преподавания литературы, хотя для начала и упрекает его в «крайнем идеализме» [Выготский, 2000, с. 40].

CC BY

3.3. Шекспироведение Айхенвальда в эмиграции

В эмиграции Айхенвальд писал увлеченно и много, способствуя осмыслению истории литературы, в том числе в историческом контексте, и созданию в эмигрантской среде литературных репутаций — в частности, В. В. Набокова и М. А. Булгакова. Б. К. Зайцев писал о нем: «Это был художник литературной критики и, за последние десятилетия, первый русский критик» [Зайцев, 1960, с. 69—70]; А. Л. Бем замечал, что после смерти его «не осталось почти ни одного критика по призванию» [Цит. по: Азаров, 2022, с. 140].

Эмигрантское творчество Айхенвальда, как справедливо отмечает И. В. Кочергина, еще во многом не осмыслено и не систематизировано [Кочергина, 2016, с. 27]. Однако можно говорить о некоторой эволюции его критического подхода: в частности, важным при оценке любых понятий становится моральный критерий, явное отрицание морального релятивизма. Это «изменение аксиологической парадигмы» И. В. Кочергина справедливо связывает с революционными изменениями в нравственности, появлению в советской России т.н. «революционной морали» и «классовой морали» [Там же, с. 28].

Критик неоднократно пишет о Шекспире в берлинской газете «Руль». Он постепенно отходит от персоналистской, «имманентной» критики к более доказательному и более историзирующему методу литературоведения, а также к использованию образов и идей английского драматурга для размышлений об актуальном состоянии мира.

Он начинает последовательно прочерчивать объективные рецептивные связи с Шекспиром более поздних авторов. Прежде всего это касается русской литературы. Так, автор упоминает процесс «опрощения», демократизации «безвольного Гамлета-скептика» в русской и польской литературе — от аристократа, лишнего человека, до человека маленького [Айхенвальд, 2022, с. 369]. Он отмечает влияние Шекспира на Д. В. Веневитинова — в частности, в стихотворении «Послание к Р<ожали>ну» [Там же, с. 970, 1327]; на поэтов Серебряного века: в частности, он наблюдает переклички между образами леди Макбет у Шекспира и Ходасевича («Леди долго руки мыла…») [Там же, с. 45]. Он сопоставляет героя «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого — с Отелло [Там же, с. 837], героев «Уездного» Е. И. Замятина — с Ромео и Джульеттой [Там же, с. 881]. Вариацию теории Шекспира «весь мир — театр» он видит и у Н. Н. Евреинова, в его пьесе «Театр вечной войны» [Там же, с. 1201—1202].

Также Айхенвальд просматривает и историю зарубежной литературы, сопоставляя идеализм Шекспира и Эмерсона [Там же, с. 372—374], тему любви в «Ромео и Джульетте» и у Гамсуна [Там же, с. 892], упоминая красоту окровавленных рук леди Макбет у Бодлера [Там же, с. 1048].

CC BY

Важно, что Шекспир становится точкой отсчета, которая помогает критику оценить и осмыслить постреволюционную реальность. В 1923 году он замечает: «Русские социалисты не побили камнями Шекспира, не выкололи глаз Копернику, не отрезали языка Цицерону, но только потому, что в России не оказалось Шекспира, Коперника, Цицерона» [Айхенвальд, 2022, с. 49].

Слова короля Лира о том, что человеку необходимо больше, чем необходимое, Айхенвальд использует при размышлении о социально-экономических принципах социализма [Там же, с. 184]. А дух Толстого, который критиковал Шекспира, но сам так и не смог перевоспитать человечество, критик сравнивает с духом Банко из «Макбета» [Там же, с. 568], вновь и вновь задаваясь вопросом ответственности литературы перед историей.

Важнейшим шекспировским образом для Айхенвальда этого периода становится Калибан из шекспировской «Бури». Критик воспринимает его как символ грубой телесности, косной материальности. И этот герой для него теперь — синоним власти большевиков и их материалистической философии: «Когда в Россию пришел Калибан, в нее пришел и каннибал. Одновременно с диктатурой дикаря воцарилось и людоедство» [Айхенвальд, 2022, с. 118]; и нет «аристократического Просперо», чтобы разрушить эту власть. В 1923 году критик, свидетельствуя о герое Шекспира как о воплощении большевизма, предрекает социальные и культурные катастрофы: «Калибан в конце концов разрешает своему народу вино, но не в силах накормить его хлебом <…>. Узурпатор Калибан, как носитель твердой власти, притязаниям голодного народа не поддается» [Там же, с. 121]. Айхенвальд о многом догадывается и почти пророчит на материале Шекспира — в частности, о том, что 1920-е открывают «Калибану» дорогу к роскоши и империалистскому мышлению: «…и не будет ли он все больше и больше входить по вкус империализма?» [Там же].

Калибан также становится для него символом растущей в мире военной мощи, проявленной в Первой мировой: яростные взрывы динамита и пр. — «не рычит ли это Калибан»? [Айхенвальд, 2022, с. 192].

Серьезный материал для историософского размышления о современности дает Айхенвальду трагедия «Кориолан». История римлянина, который выступает против своего города с племенем вольсков, выводит критика на размышления — а всегда ли патриот должен поддерживать курс, который защищает правительство? «Если, выражаясь умеренно, не все русские люди сочувствуют вождям красной армии, то следует ли отсюда, что эти русские люди — предатели России?» [Айхенвальд, 2022, с. 157]. В рассуждении о Кориолане он заступает на территорию размышления по поводу субъективной и объективной правоты — и очевидно, что его

CC BY

представление о наличии объективного взгляда на мир изменилось очень сильно: «…такая вера — только субъективный момент. Его недостаточно, необходима еще правота объективная» [Там же].

Революция, эмиграция, эволюция взглядов приводят Айхенвальда к признанию существования объективной правоты истории, а также и к главенству моральных критериев: «В живой и великий Рим есть лишь одна дорога, как существует *одна* истина и *одно* добро» (курсив автора цитаты. — *В. С., Д. Ж.*) [Там же]. Так история Кориолана выводит критика к признанию недопустимости морального релятивизма, к утверждению о принятии добра: «Если в жизни государства попираются общие принципы добра, то это будет в ущерб не только мировому добру, но и ценности данного государства» [Там же, с. 158].

Айхенвальд отмечает также, ревностно следя за советской литературой, что литература выдает некоторые нерадостные для большевиков тенденции — подобно гамлетовской «Мышеловке»; и потому, что настоящая литература правдива, а не тенденциозна, она «делает это бессознательно, повинуясь тому инстинкту правды, той органической правдивости, которые свойственны искусству, которые сопутствуют таланту» [Айхенвальд, 2022, с. 478]; при этом «большевизм искажает литературу, и все-таки литература в своих настоящих образцах и образах большевизм уличает, как поставленная Гамлетом пьеса уличила его преступного дядю» [Там же]. Здесь критик вновь свидетельствует о существовании объективной, несомненной правды, выражающейся в искусстве: «Искусство опасно для преступления, искусство убийственно для неправды» [Там же].

Так Шекспир и его вечные образы становятся для Айхенвальда эмигрантской поры инструментами для осмысления исторической реальности, социальной действительности, для моральной и хронологической контекстуализации актуального бытия.

4. Заключение = Conclusions

Отрицание исторического, биографического, социологического подходов к творчеству Шекспира в значительной мере выводило раннего Айхенвальда из контекста российского шекспироведения, которое стремилось, напротив, уточнить место драматурга в литературной иерархии, в истории, достигнуть биографической точности. Отрицая науку о литературе как таковую, он ставил во главу угла субъективность исследователя / критика. Это заключение, с одной стороны, шло в контексте эпохи, понимающей необходимость учета фактора наблюдателя при оценке эксперимента, но с другой — изолировало критика от российского и раннесоветского шекспироведения, делало его на этом фоне экзотической фигурой.

CC BY

Шекспир для Айхенвальда оказывался в какой-то мере образцовым писателем — не только драматургом, но и эпиком (понятие «рассказа» о прошлом), вне времени и вне национальных традиций, все глубже открывающимся потомкам-читателям. Автор увидел в Шекспире, с этих субъективно-психологических позиций, такие характеристики, как глобальность охвата жизненных явлений и отказ от их иерархизации, причем внимания художника хватает на всё; и, возможно, из-за отсутствия отбора это «грубый гений», но и универсальный, то есть объемлющий и радостно утверждающий в своем творчестве универсум, бытие во всем богатстве его проявлений — в том числе в отказе от строго очерченных понятий добра и зла.

Наступление русской революции и вынужденная эмиграция приводят Айхенвальда, в частности, к переосмыслению шекспировских образов как ведущих читателя к объективным заключениям о добре и зле. Исследование рефлексии над образами Калибана и Кориолана дает понимание того, что в эмигрантской критике автора утверждаются ранее не свойственные для него четкость морального критерия, взывание к объективной, «одной для всех» правде.

Также Айхенвальд с большей готовностью прослеживает генетические литературные связи, уже не глядя на Шекспира как на универсального гения, но прочерчивая связи между ним и деятелями как русской, так и зарубежной литературы.

Таким образом, шекспировская критика становится материалом, на котором можно показательно отследить эволюцию критического метода автора: от принципиальной субъективности к признанию существования объективных критериев — хотя бы в области морали; от отказа от историко-социального контекста — к воссозданию генетических связей литературы и использованию литературных образов для осмысления исторической ситуации в раннесоветской России.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Айхенвальд Ю.* Общий юбилей. (Шекспир и Сервантес). 1916 г. / Ю. Айхенвальд // Похвала праздности: Сборник статей. — Москва : Костры, 1922. — С. 110—139.

2. *Айхенвальд Ю. И.* Предисловие к третьему изданию книги «Силуэты русских писателей» (первый выпуск): оттиск / Ю. Айхенвальд. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1911. — L с.

3. *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1906. — Выпуск 1. — 372 с.

CC BY

4. *Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей / Ю. Айхенвальд. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1908. — Выпуск 2. — 162 с.

5. *Айхенвальд Ю. И.* Этюды о западных писателях / Ю. Айхенвальд. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерева и К°, 1910. — 248 с.

6. *Айхенвальд Ю. И.* Ю. И. Айхенвальд в газете «Руль» (1922—1928) : в 2 кн. / Ю. И. Айхенвальд ; сост., предисловие, комментарии И. В. Кочергиной при участии Д. В. Зуева. — Москва : Водолей, 2022. — 740 + 684 с. — ISBN 978-5-91763-586-6.

Литература

1. *Азаров Ю. А.* Юрий Айхенвальд : трансформация взглядов / Ю. А. Азаров // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28. — № 2. — С. 135—140. — DOI: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140.

2. *Алексеев А. А.* Иррационализм как основа метода литературной критики Ю. И. Айхенвальда / А. А. Алексеев // Человеческий капитал. — 2013. — № 11 (59). — С. 144—147.

3. *Алексеев А. А.* Литературно-критическая эссеистика Ю. И. Айхенвальда «Силуэты русских писателей» : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. А. Алексеев. — Коломна, 2000. — 168 с.

4. *Алексеев А. А.* Ритм как основа суггестивности стиля Ю. И. Айхенвальда в эссе о Борисе Зайцеве / А. А. Алексеев // Вестник Коломенского государственного педагогического института. — 2007. — № 3 (4). — С. 24—32.

5. *Алексеев А. А.* Художественная образность и ее роль для имманентного метода литературной критики Ю. И. Айхенвальда / А. А. Алексеев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2014. — № 5 (32). — С. 68—72.

6. *Аникст А. А.* Творчество Шекспира / А. А. Аникст. — Москва : Изд-во художественной литературы, 1963. — 616 с.

7. *Выготский Л.* Психология искусства / Л. Выготский. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 416 с. — ISBN 5-267-00279-8.

8. *Жаткин Д. Н.* Концепция трагедии Шекспира в литературной критике Ю. Айхенвальда / Д. Н. Жаткин, В. В. Сердечная // Проблемы исторической поэтики. — 2024. — Т. 22. — № 1. — С. 209—228. — DOI: 10.15393/j9.art.2024.13442.

9. *Зайцев Б.* Москва / Б. Зайцев. — Мюнхен : ЦОПЭ, 1960. — 161 с.

10. *Зиннер Э. П.* Между двумя революциями / Э. П. Зиннер // Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексеева. — Москва — Ленинград : Наука, 1965. — С. 734—783.

11. *Зуев Д. В.* «Имманентная критика» Ю.И. Айхенвальда доэмигрантского периода : проблема писателя и читателя : автореферат диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. В. Зуев. — Москва, 2006. — 30 с.

12. *Костригин А. А.* Идеи психологии творчества в литературной критике Ю. И. Айхенвальда / А. А. Костригин // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня : способности, образование, профессионализм. материалы Международной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения выдающегося отечественного психолога Бориса Михайловича Теплова. — Москва : Психологический институт Российской академии образования, 2021. — С. 130—134. — ISBN 978-5-6044524-6-2.

13. *Кочергина И. В.* Творчество И. С. Шмелева 1920-х годов в оценке Ю. И. Айхенвальда (по материалам эмигрантской прессы) / И. В. Кочергина // Новые российские гуманитарные исследования. — 2019. — № 14. — С. 70.

14. *Кочергина И. В.* Эволюция критического метода Ю. И. Айхенвальда в эмигрантский период / И. В. Кочергина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (66). — Ч. 2. — С. 27—30.

15. *Мурзина И. Я.* Творчество Ю. И. Айхенвальда в дооктябрьский период : особенности мировоззрения и литературной критики : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Я. Мурзина. — Челябинск, 1996. — 24 с.

16. *Риппинг М.* Литературная критика Ю. И. Айхенвальда периода эмиграции : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. Риппинг. — Иваново, 2003. — 187 с.

17. *Сердечная В. В.* Проблемы русской театральной рецепции Шекспира в критике Ю. И. Айхенвальда / В. В. Сердечная, Д. Н. Жаткин // Научный диалог. — 2024. — № 13 (1). — С. 256—273. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-256-273.

18. *Смирнов К. В*. Ю. И. Айхенвальд и его «Гончаров» (о специфике интерпретации) / К. В. Смирнов // Заметки ученого. — 2019. — № 5 (39). — С. 113—117.

19. *Тахо-Годи Е. А.* Критик о критике : Юлий Айхенвальд об Аполлоне Григорьеве / Е. А. Тахо-Годи // Русская словесность. — 2023. — № 1. — С. 32—36. — DOI: 10.47639/0868-9539-2023-1-32.

20. *Тахо-Годи Е. А.* Об А. Ф. Лосеве, Н. В. Самсонове, французском эстетике Ш. Лало и литературном критике Ю. И. Айхенвальде / Е. А. Тахо-Годи // Эстетика и герменевтика. Сборник к 60-летию кафедры эстетики МГУ. — Москва : МАКС Пресс, 2022. — С. 26—31. — ISBN 978-5-317-06726-7.

21. *Тахо-Годи Е. А*. Пушкин в философско-эстетической системе Ю.И. Айхенвальда / Е. А. Тахо-Годи // Проблемы исторической поэтики. — 2020б. — Т. 18. — № 3. — С. 171—189. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223.

22. *Тахо-Годи Е. А*. Россия и Европа : Юрий Айхенвальд об историософии Ф. М. Достоевского / Е. А. Тахо-Годи // Философский журнал. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 123—135. — DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-123-135.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 19.04.2024.

Material resources

Eichenwald, Yu. (1922). A common anniversary. (Shakespeare and Cervantes). 1916. In: *Praise of idleness: A collection of articles.* Moscow: Kostry. 110—139. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. I. (1910). *Etudes about Western writers*. Moscow: Typo-lithography of the Partnership of I. N. Kushnerev and Co. 248 p. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. I. (1911). *Preface to the third edition of the book "Silhouettes of Russian Writers" (first issue): imprint.* Moscow: Typo-lithography of the Partnership of I. N. Kushnerev and Co. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. I. (1908). *Silhouettes of Russian writers, 2.* Moscow: Typo-lithography of the Partnership of I. N. Kushnerev and Co. 162 p. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. I. (2022). *Yu. I. Eichenwald in the newspaper "Steering Wheel" (1922—1928): in 2 books.* Moscow: Aquarius. 740 + 684 p. ISBN 978-5-91763-586-6. (In Russ.).

Eichenwald, Yu. I. (1906). *Silhouettes of Russian writers, 1.* Moscow: Typo-lithography of the Partnership of I. N. Kushnerev and Co. 372 p. (In Russ.).

References

Alekseev, A. A. (2014). Artistic imagery and its role for the immanent method of literary criticism of Yu. I. Aichenwald. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University, 5 (32):* 68—72. (In Russ.).

Alekseev, A. A. (2013). Irrationalism as the basis of the method of literary criticism of Yu. I. Aichenwald. *Human capital, 11 (59):* 144—147. (In Russ.).

Alekseev, A. A. (2000). *Literary and critical essayism of Yu. I. Aichenwald "Silhouettes of Russian writers".* PhD Diss. Kolomna. 168 p. (In Russ.).

Alekseev, A. A. (2007). Rhythm as the basis of the suggestiveness of Yu. I. Aichenwald's style in an essay on Boris Zaitsev. *Bulletin of the Kolomna State Pedagogical Institute, 3 (4):* 24—32. (In Russ.).

Anikst, A. A. (1963). *The work of Shakespeare.* Moscow: Publishing House of Fiction. 616 p. (In Russ.).

Azarov, Yu. A. (2022). Yuri Aichenwald: transformation of views. *Bulletin of Kostroma State University, 28 (2):* 135—140. DOI: https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-135-140. (In Russ.).

Kochergina, I. V. (2016). Evolution of the critical method of Yu. I. Eichenwald in the emigrant period. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 12 (66) / 2:* 27—30. (In Russ.).

Kochergina, I. V. (2019). I. S. Shmelev's creativity of the 1920s in the assessment of Yu. I. Aichenwald (based on the materials of the emigrant press). *New Russian humanitarian studies, 14:* P. 70. (In Russ.).

Kostrigin, A. A. (2021). Ideas of psychology of creativity in literary criticism of Yu. I. Aichenwald. In: *Differential psychology and psychophysiology today: abilities, education, professionalism. materials of the International Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of the outstanding Russian psychologist Boris Mikhailovich Teplov.* Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 130—134. ISBN 978-5-6044524-6-2. (In Russ.).

Murzina, I. Ya. (1996). *The work of Yu. I. Eichenwald in the pre-October period: features of worldview and literary criticism.* Author's abstract of PhD Diss. Chelyabinsk. 24 p. (In Russ.).

Ripping, M. (2003). *Literary criticism of Yu. I. Eichenwald during the emigration.* PhD Diss. Ivanovo. 187 p. (In Russ.).

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. (2024). Problems of Russian Theatrical Reception of Shakespeare in Criticism of Yuli Eichenwald. *Nauchnyi dialog, 13 (1):* 256—273. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-256-273 (In Russ.).

Smirnov, K. V. (2019). Yu. I. Eichenwald and his "Goncharov" (on the specifics of interpretation). *Notes of the scientist, 5 (39):* 113—117. (In Russ.).

Tahoe-Godi, E. A. (2022). About A. F. Losev, N. V. Samsonov, French aesthetics Sh. Lalo and literary criticism by Y. I. Eichenwalde. In: *Aesthetics and hermeneutics. Collection for the 60th anniversary of the Department of Aesthetics of Moscow State University.* Moscow: MAX Press LLC. 26—31. ISBN 978-5-317-06726-7. (In Russ.).

Tahoe-Godi, E. A. (2023). Critic about critic: Julius Aikhenvald about Apollon Grigoriev. *Russian literature, 1:* 32—36. DOI: 10.47639/0868-9539-2023-1-32. (In Russ.).

Tahoe-Godi, E. A. (2020b). Pushkin in the philosophical and aesthetic system of Yu. I. Aichenwald. *Problems of historical poetics, 18 (3):* 171—189. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8223. (In Russ.).

Tahoe-Godi, E. A. (2022). Russia and Europe: Yuri Aichenwald on the historiosophy of F. M. Dostoevsky. *Philosophical Journal, 15 (4):* 123—135. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-4-123-135. (In Russ.).

Vygotsky, L. (2000). *Psychology of art.* St. Petersburg: Azbuka. 416 p. ISBN 5-267-00279-8. (In Russ.).

Zaitsev, B. (1960). *Moscow.* Munich: TSOPE. 161 p. (In Russ.).

Zhatkin, D. N. (2024). The concept of Shakespeare's tragedy in literary criticism Yu. Eichenwald. *Problems of historical poetics, 22 (1):* 209—228. DOI: 10.15393/j9.art.2024.13442. (In Russ.).

Zinner, E. P. (1965). Between two revolutions. In: *Shakespeare and Russian culture.* Moscow — Leningrad: Nauka. 734—783. (In Russ.).

Zuev, D. V. (2006). *"Immanent criticism" by Yu. I. Eichenwald of the pre-emigrant period: the problem of the writer and the reader.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

The article was submitted 22.12.2023;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 19.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Шастина Е. М. Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 267—287. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287.

Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2024). Works of R. Edelbauer in Context of Contemporary Austrian Literature of Early 21st Century. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 267-287. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века

Шастина Елена Михайловна
orcid.org/0000-0001-9551-5469
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкой филологии,
корреспондирующий автор
shastina@rambler.ru

Казакова Юлия Константиновна
orcid.org/0000-0002-1406-9899
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и основ
межкультурной коммуникации
kazakova696@gmail.com

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

Works of R. Edelbauer in Context of Contemporary Austrian Literature of Early 21st Century

Elena M. Shastina
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology,
Corresponding author
shastina@rambler.ru

Yulia K. Kazakova
orcid.org/0000-0002-1406-9899
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
and Fundamentals of Intercultural
Communication
kazakova696@gmail.com

Elabuga Institute of Kazan
(Volga region)
Federal University
(Elabuga, Russia)

© Шастина Е. М., Казакова Ю. К., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются романы современной австрийской писательницы Рафаэлы Эдельбауэр (Raphaela Edelbauer, род. 1990) «Утекающая земля» («Das flüssige Land», 2019), «DAVE» («DAVE», 2021), «Несоизмеримые» («Die Inkommensurablen», 2023) в контексте современной австрийской литературы начала третьего тысячелетия. Актуальность исследования продиктована необходимостью осмысления тенденций развития австрийской литературы в эпоху глобальных перемен. Выявлено, что, с одной стороны, автор продолжает традиции австрийской литературы второй половины XX века, в частности, на тематическом уровне (австрийская идентичность, преодоление прошлого, лжеидиллия провинциальной Австрии, конфликт отцов и детей и др.), с другой стороны, обращается к острым проблемам современности (трансгуманизм, искусственный интеллект и др.). К исследованию привлекается понятие фикциональности. Рассматриваются способы и специфика реализации фикциональности в художественном тексте в соответствии с коммуникативными интенциями автора. Особое внимание уделяется индивидуальному стилю Эдельбауэр, своеобразию организации нарратива в исследуемых жанровых разновидностях (романе–притче, научно-фантастическом романе, историческом романе), поиску «собственного» языка. Новизна исследования видится в том, что до сих пор творчество Эдельбауэр, отмеченное престижными литературными премиями Австрии и Германии, не являлось объектом изучения в российском литературоведении.

Ключевые слова:
Рафаэла Эдельбауэр; австрийская литература; индивидуальный стиль; фикциональность; нарратив.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the novels of contemporary Austrian writer Raphaela Edelbauer (Raphaela Edelbauer, b. 1990) “The Fluid Land” (Das flüssige Land, 2019), “DAVE” (DAVE, 2021), “The Incommensurables” (Die Inkommensurablen, 2023) in the context of contemporary Austrian literature of the early third millennium. The relevance of the research is driven by the necessity to comprehend the trends in Austrian literature during an era of global changes. It is revealed that, on one hand, the author continues the traditions of Austrian literature of the second half of the 20th century, particularly on a thematic level (Austrian identity, overcoming the past, the false idyll of provincial Austria, conflicts between fathers and children, etc.), while on the other hand, delving into pressing contemporary issues (transhumanism, artificial intelligence, etc.). The concept of fictionality is central to the analysis, exploring the ways and specifics of its implementation in the artistic text in alignment with the author’s communicative intentions. Special attention is given to Edelbauer’s individual style, the uniqueness of narrative organization in the examined genre varieties (parable novel, science fiction novel, historical novel), and the quest for a “personal” language. The novelty of this research lies in the fact that Edelbauer’s work, distinguished by prestigious literary awards in Austria and Germany, has not been a subject of study in Russian literary studies.

Key words:
Raphaela Edelbauer; Austrian literature; individual style; fictionality; narrative.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.112.2Edelbauer.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-267-287

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира

Творчество Р. Эдельбауэр в контексте современной австрийской литературы начала XXI века

© Шастина Е. М., Казакова Ю. К., 2024

1. Введение = Introduction

Имя современного австрийского автора — Рафаэлы Эдельбауэр (Raphaela Edelbauer, род. 1990) практически не известно российскому читателю, до сих пор произведения этой молодой писательницы не переводились на русский язык. В немецкоязычном литературном пространстве ее творчество отмечено рядом престижных литературных премий (2018 — Rauriser Literaturpreis, Publikumspreis und Stadtschreiber-Stipendium der Stadt Klagenfurt beim Ingeborg-Bachmann-Preis; 2019 — Theodor-Körner-Preis für Literatur; 2021 — Österreichischer Buchpreis; 2022 — Deutscher Science-Fiction-Preis и др.). Рафаэла Эдельбауэр входила в шорт-листы самых значимых литературных событий Германии и Австрии 2019 года (Deutscher Buchpreis, Österreichischer Buchpreis), в 2023 году — вошла в лонг-лист «Немецкой книжной премии», что свидетельствует о признании молодого автора в литературном мире, её романы получили высокую оценку литературных критиков.

Об авторе известно, что она закончила спортивную гимназию в коммуне Мария-Энцерсдорф (федеральная земля Нижняя Австрия), получила образование в Венском университете прикладных искусств, её родители — отец, философ и писатель Генри Гаральд Эдельбауэр, и мать, ученый-этнолог Габриэла Шетцле-Эдельбауэр, — сыграли значительную роль в её становлении как писателя, повлияли на формирование ее эстетических взглядов. С двадцатилетнего возраста Рафаэла Эдельбауэр публикуется в литературных журналах, участвует в литературных фестивалях, сотрудничает с австрийскими медиа, пишет тексты для современных музыкантов.

Предпринятая в данной работе попытка изучения творчества Р. Эдельбауэр в контексте австрийской литературы начала XXI века является первой в отечественном литературоведении, что свидетельствует о новизне настоящего исследования. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью осмысления своеобразия австрийской литературы последних двух десятилетий на материале романов Р. Эдельбауэр.

CC BY

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы ввести в научный оборот российского литературоведения творчество Рафаэлы Эдельбауэр, заметной фигуры в современном литературном ландшафте Австрии. Предметом исследования выступают особенности поэтики романов «Утекающая земля» („Das flüssige Land“) [Edelbauer, 2019], «DAVE» („DAVE“) [Edelbauer, 2021], «Несоизмеримые» („Die Inkommensurablen“) [Edelbauer, 2023], что обусловлено своеобразием авторского стиля Эдельбауэр, которая не столько увлекает читателя сюжетом, сколько привлекает внимание к самому повествованию, способу изображения, умело сочетая реальность с вымыслом.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили романы Рафаэлы Эдельбауэр периода 2017—2023 годов. К исследованию привлекается понятие фикциональности, рассматриваются способы и специфика реализации фикциональности в романе-притче («Утекающая земля»), в научно-фантастическом романе («DAVE»), в историческом романе («Несоизмеримые»). Фикциональность как «признак художественного текста, указывающий на онтологический статус изображаемого в тексте мира» [Шмид, 2003, с. 19], позволяет изучать «единство аспектов текстовой организации и его связи с окружающим миром как объектом познания» [Клейменова, 2011, с. 100], выявлять соотношение между реальностью и вымыслом с учетом субъективной позиции автора.

Теоретической базой данного исследования послужили труды зарубежных и российских исследователей, посвященные австрийской литературе конца XX — начала XXI веков [Белобратов, 2010; Менассе, 1999; Плахина и др., 2010; Kaszynski, 2019; Österreichische Literatur …, 2018; Trajektorien ..., 2023; Utopie und Dystopie…, 2023; Zwischen Einflussangst …, 2017 и др.], а также работы, связанные со статусом фикциональности художественного текста [Изер, 2001; Клейменова, 2011; Шмид, 2003 и др.]. Продуктивным для данного исследования является также понятие «нарративная стратегия», которое находит отражение в индивидуальном стиле автора, в выборе языковых средств и организации пространственно-временных отношений в соответствии с авторским намерением [Ковалев, 2009, с. 196], направленным на оценку внеязыковой реальности, что проявляется в «жанровой природе нарративных стратегий» [Тюпа, 2011; Тюпа, 2018], в сочетании «события рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975].

Методологическая основа исследования строится на сочетании культурно-исторического метода с системно-целостным и нарративным анализом художественного текста.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Априори, что австрийская литература в силу объективных исторических причин, является самобытным явлением. Понятие «австрийский культурный код», учитывающий культурологические и социально-исторические факторы, позволяет рассматривать литературно-исторический контекст австрийской словесности во всех его противоречиях как единое целое [Kaszynski, 2019, S. 12—13], с его «утопиями» и «дистопиями» [Utopie und Dystopie, 2023], где есть место традиции и «нововведениям», которые позволяют смещать акценты [Österreichische Literatur, 2018], но в то же время не отступать от главного — от вечного поиска австрийской идентичности [Плахина, 2010, с. 16].

Австрийская литература начала XXI века естественным образом продолжает традиции, сформировавшиеся во второй половине XX века. С конца 1970—1980-х годов появились произведения, проблематика которых связана с преодолением национал-социалистического прошлого (Г. Леберт, Г. Фрич, Э. Райхарт, Э. Елинек и др.), до этого в Австрии было не принято «ворошить прошлое», молчание как онтологическая проблема — один из самых главных мотивов в литературе второй половины XX века.

Практически одновременно популярность завоевали произведения представителей так называемой «антиобластнической» литературы (Г. Йонке, М. Шаранг, Й. Винклер, Г. Леберт, Г. Фрич, П. Хандке, К. Хоффер, Н. Гштрайн и др.), в которых местом действия была выбрана провинциальная Австрия. В австрийской литературе «любое разрушение клише и идиллических представлений неизбежно влечет за собой полное разрушение какого бы то ни было положительно окрашенного чувства родины» [Менассе, 1999, с. 101].

Отображением изменений в обществе стала литература, посвященная «телесной проблематике». Влияние феминистских тенденций дало импульс развитию «женской литературы» — само название достаточно условно, но хорошо подходит для того, чтобы подчеркнуть, что именно авторы-женщины открыто включились в разговор на современную тематику (М. Хаусхофер, И. Бахман, Э. Елинек, М. Штрерувиц, А. Митгуч и др.).

Постмодернистские тенденции в немецкоязычной литературе в целом и австрийской литературе в частности проявились значительно позднее, чем в литературах других европейских стран, «в силу инерции национальной логоцентрической традиции и необходимости осмыслить травматический опыт» прошлого [Гладилин, 2012, с. 4]. В конце 80-х — начале 90-х годов представители «постмодернистской художественной парадигмы» — П. Хандке, К. Рансмайр, Э. Елинек и др. — ярко заявили о себе как художники «специфически постмодернистского художественного сознания» [Там же, с. 33—34].

CC BY

Поколение «новых рассказывающих» представлено именами таких писателей, как Р. Шнайдер, Д. Кельман и др., которые ведут «постмодернистскую игру» с предшествующей литературной традицией, отказываются от «языковых экспериментов», «языковых игр», «от проблематики поэтического языка», концентрируются «на игре с готовыми повествовательными формами, исключающими некий синтез, создание новой жанровой модификации» [Белобратов, 2010, с. 537]; обращенность к массовому читателю — одна из главных характеристик творчества этих писателей.

Литература первых десятилетий XXI века в целом является продолжением устоявшейся литературной традиции второй половины XX века, при этом естественно, что появляются новые темы, вызывающие активную рефлексию, особенно у молодых авторов. Рассуждать о кардинальных изменениях в австрийской литературе третьего тысячелетия представляется преждевременным, слишком мала временная дистанция. В то же время можно сказать, что «творческие интенции» современных австрийских писателей демонстрируют яркие и значительные результаты, осмысление которых в более широком контексте эпохи заслуживает продолжения [Белобратов, 2010, с. 540], произведения Р. Эдельбауэр являются ярким тому подтверждением.

Таким образом, «траектории современной австрийской литературы» отражают общие тенденции мировой литературы, двигающейся от эпохи модерна — через постмодернизм — к идеям трансгуманизма и постгуманизма [Trajektorien ..., 2023].

Предпринятый в настоящем исследовании экскурс в творчество Р. Эдельбауэр позволяет заключить, что автор, с одной стороны, продолжает традиции австрийской литературы второй половины XX века, в частности, на тематическом уровне (австрийская идентичность, преодоление прошлого, жизнь австрийской «глубинки», конфликт отцов и детей и др.), с другой стороны, обращается к острым проблемам современности (расслоение общества — социальное и ментальное неравенство, трансгуманизм, искусственный интеллект и др.), при этом Эдельбауэр демонстрирует в своих романах поиск собственного повествовательного стиля.

3.1. «Изобретение поэтики»

В Австрии о Р. Эдельбауэр заговорили всерьёз после выхода её первого литературного опуса в 2017 году — необычного по форме и содержанию произведения «Первооткрыватель. Поэтика» („Entdecker. Eine Poetik“. Mit Zeichnungen von Simon Goritschnig) [Edelbauer, 2017], удостоенного годом позже престижной литературной премии Австрии, которой, как правило, отмечается творчество молодых авторов, делающих первые шаги в литературе (Rauriser Literaturpreis). Литературный дебют Р. Эдельбауэр получил высокую оценку жюри, которое отметило новаторский характер произве-

CC BY

дения, поскольку «автор расширил границы и продвинулся в неизведанные области литературы» („Damit überschreitet die Autorin Grenzen und rückt in unerforschte Gebiete der Literatur vor“) [Cichon, 2018].

В предисловии к книге, соавтором которой по праву считается художник Симон Горичниг (Simon Goritschnig) — создатель философских зарисовок, Р. Эдельбауэр формулирует свое отношение к языку: для нее язык материален, подобно микроорганизмам, которые в виде окаменелостей сохраняются на века. «Поэтика Эдельбауэр» является синтезом языка и материального мира: каждая из шести глав — «Микроорганизмы» (бестиарий), «Минералы», «Геология» (картография), «Гравитация», «Физические состояния», «Время» — представляет собой иллюстрированную историю планеты Земля, поэтизированную авторской фантазией. У книги нет предисловия, но имеется инструкция (Gebrauchsanweisung), которой должен следовать читатель. Нечто подобное встречается у австрийского писателя-авангардиста Андреаса Окопенко, который объясняет потенциальному читателю алгоритм чтения романа-лексикона [Okopenko, 1970]. Эдельбауэр экспериментирует с формой, подчиняя собственной логике законы природы и языка. В частности, во второй главе описывается универсальный минерал (Dementium), который предлагает решение множества проблем, картография отыскивает несущественное, которое, однако, не исчезает в слове и тексте, гравитация исследует Солнце и то, что станет с нашей планетой, если Солнце откажется от «своей работы». Физическое состояние, подобно фантастическому зданию, названному Absurdium, опирается на анатомию; путешествуя по «зданию», можно узнать, как функционирует наш организм и т. д. Книга адресована детям, но читается с большим интересом и взрослыми.

3.2. Роман «Утекающая земля»

«Австрийскость» романа «Утекающая земля» лежит на поверхности. Здесь автор продолжает литературные традиции «антиобластнической литературы» (Antiheimatliteratur) — «самобытного австрийского явления, отсутствующего в других странах», которое описывает реальности австрийской провинциальной жизни с её «лжеиддиллиями и убийственными стереотипами» [Менассе, 1992, с. 101]. Тема соучастия деревенских жителей в злодеяниях нацизма не нова для австрийской литературы, например, романы «Волчья шкура» Г. Леберта (1960), «Карнавал» Г. Фрича (1967), «Тени февраля» Э. Райхарт (1984) и др. — примеры прерванного молчания австрийского общества о национал-социалистическом прошлом страны, о роли «маленького человека», ставшего соучастником трагических событий Второй мировой войны. Вполне закономерно, что критики сравнивают роман Р. Эдельбауэр с творчеством Г. Леберта, которому, по мнению Р. Менассе, удалось от изображения провинциальных нравов перейти «к созда-

CC BY

нию универсального образа современной Австрии и ее духовного состояния» [Менассе, 1992, с. 104]. В романе Р. Эдельбауэр много метафизики, это произведение, в котором тема «преодоления прошлого» связана с проявлением эскапизма, попыткой бегства в потусторонний мир — реальность исторического романа соседствует с фикциональным миром.

Действие романа происходит в 2007 году, главная героиня — 35-летняя Рут находится в состоянии постоянного стресса, связанного с предстоящей защитой докторской диссертации, в этот момент приходит известие о смерти родителей в автокатастрофе. От родственников Рут узнает, что родители завещали похоронить их в местечке под названием *Groß-Einland* (Гросс-Айнланд, дословно Большой Айнланд). Рут, подобно герою «Замка» Ф. Кафки, отправляется на поиски фантомного локуса, которого нет на карте Австрии, но которое, тем не менее, живет в памяти людей. Роман Р. Эдельбауэр — сюрреалистическая притча (eine surreale Parabel), пронизанная кафкианской атмосферой („Die Atmosphäre in Raphaela Edelbauers Roman „Das flüssige Land“ ist ausgesprochen kafkaesk“) [Pfister, 2019].

Р. Эдельбауэр конструирует роман вокруг центрального мотива, связанного с поиском утраченного прошлого, индивидуального и коллективного, о котором предпочитали молчать и в семье, и в обществе. Рут пытается создать собственную «карту памяти» (Erinnerungskarte) — Mindmap — из обрывочных, услышанных от родителей в детстве историй, «слепить» жизнь неведомого ей городка или деревни [Edelbauer, 2019, S. 7], откуда её родители уехали в 60—70-е годы в Вену. Р. Эдельбауэр умело встраивает в повествование фикциональные элементы, подтверждая мысль, что вымысел, являясь онтологической основой фикциональности, есть «неизбежный элемент восприятия мира» [Клейменова, 2011, с. 101], при этом в текстовой реальности зачастую не представляется возможным отделить «поэзию» от «правды». Таким образом, фикциональность повествования строится на взаимоотношениях внутренней / внешней реальности и жизнеподобного / нежизнеподобного вымысла [Клейменова, 2001], дозированность обеих составляющих в художественном произведении зависит от намерения автора, то есть от «события рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404].

Читатель романа «Утекающая земля» дезориентирован и во времени, и в пространстве: Гросс-Айнланд «отыскивается» случайно; не совсем понятно, как долго героиня остается на родине своих родителей, и т. д. Событийная реальность описывается автором с иронией, Эдельбауэр акцентирует внимание на австрийских реалиях: Австрия — «обетованная земля» для туристов со всего мира, поэтому кафе, гостиницы, шале — неотъемлемая часть австрийской идиллии, эпизод с японскими туристами, которые «за-

CC BY

гружаются» и «выгружаются» из автобусов (aus den Bussen entladen wurden und zeitig wieder zurückgetrieben) — достаточно расхожее клише, как и классический австрийский десерт (Пуншкрапфен), на котором изображен философ Людвиг Витгенштейн. В то же время горный перевал на границе Штирии напоминает «лунный пейзаж» (Mondlandschaft) [Edelbauer, 2019, S. 18], соседство откровенного китча и «вселенского бытия» усиливает диссонанс восприятия.

Автор включает в повествование фрагменты научной работы главной героини, философские рассуждения о времени (в тексте они выделены курсивом), о течении жизни, о «капсулах времени», в которых документы, фотографии, книги по истории словно доказывают то, чего в действительности не существует, но которые свидетельствуют о «причинности» прошлого (kausale Vergangenheit) [Edelbauer, 2019, S. 28—29].

Из отрывочных воспоминаний читатель узнает разрозненные факты из жизни родителей, из «обрывков памяти» главной героини достраивает общую картину их прошлого. Выясняется, что отец Рут — Эрих Шварц, биолог по профессии, с двухлетнего возраста воспитывался в доме своей будущей жены — Элизабет Шалла, причины произошедшего тщательно скрывались от всех, в том числе и от дочери. Будущие супруги воспитывались как брат и сестра, впоследствии в суде нужно было подтвердить отсутствие кровного родства, чтобы не быть обвиненными в инцесте. В возрасте 17—18 лет родители уехали в Вену получать образование: они испытывали, как многие их сверстники, в начале самостоятельной жизни финансовые сложности. Однако все, что Рут знала о жизни своих родителей, касалось лишь их жизни в Вене. И только сейчас, узнав о смерти родителей, желая выполнить их просьбу, Рут задумывается о том, почему горькая печаль лежит на всей их жизни вне Гросс-Айнланда, вероятно, это связано с утратой родины. Риторический вопрос: «Но почему?» — так и остается без ответа („Überall dort, wo nichts von Groß-Einland war, war es eben doch gewesen, als Mangel, als fehlende Heimat. Aber warum?“) [Edelbauer, 2019, S. 26].

Гросс-Айнланд — «затерянный мир», невероятно красивый, напоминающий «декорации средневекового фильма» (von unfassbarer Schönheit, ähnlich der Kulisse eines Mittelalterfilms) [Edelbauer, 2019, S. 78] со своими порядками и нравами находится на грани исчезновения, «утекающая земля» в прямом смысле уходит из под ног его обитателей, система заброшенных шахт обрушает грунт, в результате огромная дыра (Loch) приближает апокалиптическую развязку. Прослеживается возможная параллель с романом Петера Хандке (Kali. Eine Vorwintergeschichte, 2007) [Handke, 2007], где также присутствует фантомный топос — заброшенная деревня, ставшая прибежищем для людей, лишенных родины.

CC BY

В деревне царит мнимый порядок, который контролирует графиня (Gräfin Ulrike), олицетворяющая власть и закон, но для нее это лишь хобби. Не отягощенная долгом и ответственностью, она латает трещины, не утруждая себя идеей спасения города, постепенно уходящего под землю. Напротив, она строит грандиозные планы относительно будущего городка с аттракционами для туристов, напоминающими «американские горки». Однако чем грандиознее размах её прожектов, тем больше провал под городом. Символично, что под угрозой находится здание церкви, которое теряет устойчивость. По ходу выясняется, что капитал, унаследованный графиней от родителей, связан с периодом их сотрудничества с нацистами.

Иллюзия идеального мира с приветливыми названиями гостиниц и кафе не спасают атмосферу нуара. Возникает ощущение «двойной реальности», повествование ведется от третьего лица, но в «повествуемом мире» присутствует еще один нарратор — главная героиня. Читатель видит Гросс-Айнланд ее глазами. В то же время Рут не может восприниматься в качестве достоверного рассказчика: её психическое состояние нестабильно, она постоянно принимает антидепрессанты и снотворное. Философствуя о времени, она утрачивает способность воспринимать реальное время. Не всегда понятно, происходит ли то или иное действие в реальности или это сон. Границы реального и фикционального расплывчаты. Как известно, построение фикционального текста базируется на отборе из окружающего мира элементов, которые потенциально могут восприниматься читателем в качестве реальных [Изер, 2001, с. 188], то есть быть жизнеподобными. К тому же выясняется, что в Гросс-Айнланде время замедляется, очевидны аллюзии на Ганса Касторпа — героя романа «Волшебная гора» Томаса Манна, который приезжает в туберкулезный санаторий навестить кузена и остается там на долгие годы. Так и Рут остается в Гросс-Айнланде, теряя связь с внешним миром: она покупает дом, не зная, что в прошлом в нем жили ее родители.

В Гросс-Айнланде нет интернета, связь с внешним миром достаточно условна. Рут восполняет реальность легендами и мифами, которые придумывает сама, ее фикции возникают в результате погружения в эту новую для нее реальность, которая напоминает «странный сон», если только найти потерянную нить. Рут узнает, что незадолго до смерти ее родители были в Гросс-Айнланде, она также выясняет еврейское происхождение дедушки и бабушки, что частично проясняет ряд моментов в биографии ее близких.

Рут хочет остановить процесс разрушения, заполнить провалы грунта изобретенным ею раствором, но всплывают детали преступлений. Провал грунта символизирует «черное прошлое». Выясняется, что во время Второй мировой войны под землей находились скрытые от бомбардировок авиационные заводы, на которых работали местные жители и заклю-

CC BY

ченные из концентрационных лагерей. У читателя возникают невольные ассоциации с концентрационным лагерем Маутхаузен, 49 филиалов которого были разбросаны по всей Австрии и обслуживались исключительно местными жителями, о чем они предпочитали молчать на протяжении долгих десятилетий. Рефлексия Рут относительно прошлого ее прародины понятна автору романа, Р. Эдельбауэр выросла в местечке Хинтербрюль, где располагался один из подобных лагерей смерти, о чем она, как и многие ее сверстники, долгие годы не знала.

С кем бы Рут ни говорила о событиях прошлого, она получает лишь уклончивые ответы или просьбы относиться к прошлому просто, как к чему-то устоявшемуся, не более того. Чувство вины изгнано из коллективной памяти жителей Гросс-Айнланда, они латают трещины в домах, делают это постоянно, полагая, что разломы в грунте — это лишь элементы городского пейзажа, на которые не следует обращать особого внимания.

Притчевая структура романа допускает прочтение его как метафоры: «география» места расплывчата — это город-фантом, который может располагаться не только в Австрии. Но Австрия — это «идеальное» место для Гросс-Айнланда, где присутствуют все атрибуты «австрийскости» — мнимая идиллия, темное национал-социалистическое прошлое, попытка переписать историю. Пространство и память (Raum und Gedächtnis) — ключевые темы романа Эдельбауэр, создающие «поле напряженности» [Chichon, 2019].

Жители Гросс-Айнланда молчат о прошлом, «прошлое в прошлом и должно там оставаться», но провалы в памяти не могут быть заполнены никакими сверхестественными современными материалами.

Живой отклик современного читателя, живущего в нестабильном мире, на роман Р. Эдельбауэр, связан с тем, что автор, описывая сегодняшний день, умело соединяет исторический контекст — условную архаику и элементы фантастики („Die Mischung von zeitgeistigen Themen mit Archaik und Fantastik scheint einen Nerv zu treffen“) [Engelmeier, 2019]. Р. Эдельбауэр создает свой фикциональный мир, уходящий корнями в прошлое. Вымышленный топос Гросс-Айнланд является метафорой, которая отражает отношение сегодняшней Австрии к своему прошлому.

Ранее отмечалось, что фикциональность — величина относительная, только читатель вправе судить о том, является текст фикциональным или фактуальным [Шмид, 2003, с. 27], Эдельбауэр берет на себя смелость напомнить читателю о фактах прошлого, которые не должны быть возведены в статус вымысла.

3.3. Роман «DAVE» — антиутопия или дистопия?

Роман «DAVE», написанный в жанре научной фантастики, в 2021 году был удостоен главной книжной премии Австрии. Это научно-фантастиче-

CC BY

ский роман, в котором фикциональность выступает в качестве основной нарративной стратегии. Автор не просто создает собственную историю о грядущем, в которой реализованы существующие в настоящее время прогнозы — гибель человечества в результате перенаселения, доминирование искусственного интеллекта, появление нового типа человека, лишенного индивидуальности и т. д. Проблематика романа связана с популярными рассуждениями, касающимися идей трансгуманизма и постгуманизма, которые «передовые умы» связывают с искусственным интеллектом. Известные предшественники Р. Эдельбауэр — О. Хаксли («О дивный новый мир», 1932), Р. Брэдбери («451 градус по Фаренгейту», 1953), с. Лем («Солярис», 1961) и др. — представляли в своих антиутопических произведениях возможный ход развития событий, мифологизируя враждебную для человека реальность будущего. Но описываемые в этих произведениях миры — далекое будущее. Отличие романа Р. Эдельбауэр в том, что «далекое будущее» воспринимается как завтрашний день, наполненный небезосновательными тревогами за судьбу человечества. В романе много черного юмора, что само по себе неудивительно, поскольку Рафаэла Эдельбауэр — австрийка [Kreye, 2021], черный юмор усугубляет восприятие текстовой реальности, роман обрастает чертами дистопии.

Итак, в романе главное «действующее лицо» — DAVE, о нем уважительно говорят ОН, это не просто «железный ящик», это «универсальный аппарат» [Edelbauer, 2021, S. 14], над которым работает 28-летний программист Сюз (Syz), от его имени ведется повествование. Свыше четырех тысяч программистов занимают отведенное им для жизни пространство вокруг огромной лаборатории, в которой они трудятся в три смены, подобно термитам (Termitenschwärme) [Ibid., S. 23] или рабам, воздвигающим пирамиды, когда каждый становится частью «коллективного экстаза» [Ibid., S. 21]. В лаборатории царит авторитарный порядок, беспрекословное повиновение, жесткая иерархия. Рядовые программисты живут практически в условиях общежития, питаются фастфудом, страдают бессонницей („Schlaflosigkeit war zu unserem entscheidenden Zustand geworden“) [Ibid., S. 9], в то время как каста ученых, «приближенных» к DAVE, демонстрирует совершенно иное качество жизни, при этом мира вне лаборатории не существует.

Время и место действия романа условны, оставшиеся в живых представители цивилизации создают искусственный интеллект, который сможет в будущем решать все их проблемы. Окружение главного героя, кроме его ближнего круга, безымянные действующие лица. Естественно, что в тексте романа много англицизмов: *Loop, Energydrinks, Swing Time, Fittnesstracker* и др., — что понятно современному читателю, поскольку это реальность сегодняшнего дня, особенно когда речь идет о новых технологиях.

CC BY

Искусственный интеллект в «лице» DAVE представляет экзистенциальную опасность для человека, это становится очевидным в ходе повествования. Главный герой — это прототип, по его подобию создается DAVE, его жизнь становится матрицей, в которой нет места человечности и любви. Это наводит на мысль, что в эпоху трансгуманизма и постгуманизма нет места проблеме идентичности, волнующей людей на протяжении всего существования цивилизационного мира. Задаваться вопросом относительно своего предназначения, говорить о национальной самоидентификации и т. д. просто не имеет смысла.

3.4. Роман «Несоизмеримые» — между сном и реальностью

Роман «Несоизмеримые» сравнивается критиками и с «Волшебной горой» Т. Манна, и с «Человеком без свойств» Р. Музиля, и с «Новеллой о снах» А. Шницлера [Seidler, 2023], что само по себе комплиментарно для молодого автора. Аллюзии на известные произведения возникают не случайно, эпоха начала века с ее новыми эстетическими законами, с потерей идентичности и субъективно-образным отношением к миру собственных эмоций, с осязаемым катастрофизмом представлена Эдельбауэр с позиций человека, живущего на век позже своих героев.

Р. Эдельбауэр не ставит перед собой цели воссоздать «историчность» событий в их документальной достоверности. Герои говорят на понятном для сегодняшнего читателя языке, Р. Эдельбауэр отдает предпочтение «вневременному» стилю, отличающемуся особой литературной возвышенностью („Sie schreibt in einem Diktus an, der zeitenthoben wirkt durch Eleganz und Wortvariationen“) [Platthaus, 2023]. Уже с первого предложения роман отсылает читателя к литературе времен венского модерна: о главном герое — семнадцатилетнем тирольце Гансе Ранфтлере сообщается, что он ранним утром (в 6 часов 32 минуты) после получасового сна был разбужен служащим австро-венгерской железной дороги („Es war sechs Uhr zweiunddreißig am 30. Juli 1914, als der siebzehnjährige Bauernknecht Hans Ranftler nach kaum halbstündigem Schlaf von einem Beamten der k. u. k. Eisenbahnen, der den Besen in der Hand trug, unsanft aus dem Schlaf befördert wurde“.) [Edelbauer, 2023, S. 3]. Мотив сна «запускает» сюжет романа, поддерживая его на протяжении всего произведения, обеспечивая тем самым фикциональность нарратива, при котором размываются границы между сном и реальностью.

Достоверность обнаруживает себя в изображении атмосферы того времени: прогулки по ночной Вене, посещение скандального концерта, ужин в аристократическом доме титулованных родителей одного из героев, эротизм и т. д. — объективная реальность венской жизни первой половины XX века, представленная через призму главного героя.

CC BY

За историчность «отвечают» также достаточно объемные пассажи, представляющие собой экскурс в историю Австро-Венгерской империи и ее столицы. В книге большое количество диалогов на острые темы, связанные как с политическими событиями, так и с модными веяниями того периода, например, с учением Фрейда и психоанализом. По мнению литературного критика, Эделбауэр «жонглирует различными дискурсами» (Diskurs-Jongleurin), особенно хорошо ей удается показать манипуляцию массовым сознанием людей накануне войны [Seidler, 2023].

Итак, действие романа «Несоизмеримые» („Inkommensurablen“, 2023) начинается ранним утром 30 июля 1914 года, это последний мирный день накануне Первой мировой войны, который проживают три героя — Ганс Ранфтлер (Hans Ranftler), деревенский молодой человек из Тироля, Адам (Adam Jesensky) — представитель старинного аристократического рода, Клара (Klara Nemec) — одна из первых женщин, которая изучает математику в Венском университете. Именно поэтому вынесенный в заглавие романа термин *Inkommensurable*, означающий в математике «несоизмеримые числа», для которых не существует общей меры, с математической точностью отражает социальное происхождение протагонистов, их мировоззренческие и поведенческие установки, лишь волею судеб они встретились и провели вместе короткий промежуток времени, не зная, что с ними станет завтра.

Ганс Рантфлер, незаконнорожденный сын торговца древесиной, который погиб семь лет тому назад в результате несчастного случая, также не знает, кто его мать. Источником всех полученных знаний является местный викарий, который из сочувствия дает ему книги и обсуждает их после прочтения. Ганс вынужден, не покладая рук, трудиться на своего хозяина, не имея возможности покидать деревню и ходить в гимназию, но он не замкнулся в себе, он открыт для «мира прекрасного»: он читает, интересуется модным в то время психоанализом, именно этим объясняется его решение встретиться в Вене с Хеленой Череш (Helene Cheresch) — модным психоаналитиком, о которой он прочел в газетах и которая смогла бы, по его наивным предположениям, ответить на все вопросы, касающиеся его предназначения.

Так получилось, что накануне войны Ганс, купив билет в один конец, не имея денег на обратную дорогу, решает взять судьбу в свои руки и с этим посылом проживает один день свободы, совпавший с последним мирным днем, а далее история распоряжается его жизнью. В конце романа он оказывается среди новобранцев, которые, находясь в состоянии эйфории, мало понимают, что их ожидает в реальности.

Глазами провинциала Ганса показана Вена, на улицах которой многолюдно. Среди уличной толпы много иностранцев — румыны, венгры, чехи,

CC BY

русские, итальянцы, англичане и т. д., людей разных сословий — богатые и нищие. Повсюду звучит непонятная речь. Всё это вызывает у молодого человека неподдельное удивление. Ему непонятно, как к этому относиться, как справиться со своими впечатлениями („und wie sollte man all diese Völker auseinanderhalten können? Wie diese Eindrücke ertragen?“) [Edelbauer, 2023, S. 10]. В условиях изобилия магазинов и кафе с броскими вывесками, тесноты в транспорте Ганс чувствует себя «чужеродным телом», которое, по логике вещей, должно быть «удалено» („Immerzu hatte er Angst, jemand könne ihn an der Schulter fassen und wie einen Fremdkörper extrahieren“) [Ibid., S. 13].

Простота и наивность Ганса привлекают к себе внимание окружающих, а его рассказы об условиях жизни в провинции не только вызывают интерес у слушающих, но и удивление. По тому, как новые знакомые реагируют на его слова, какие вопросы ему задают, становится понятно, как они далеки друг от друга. Случайные собеседники тотчас «определяют» его в солдаты. Однако у Ганса другие цели, ему хочется больше узнать о своем даре угадывать мысли собеседников задолго до того, как они откроют рот, именно поэтому ему так важна встреча с Хеленой Череш.

Его представления о мире не соответствуют реальности, он далек от «цивилизации» большого города, поэтому случайное знакомство с Адамом и Кларой становится для него спасением. Новые знакомые выступают своеобразными проводниками в неведомый ему ранее мир, которые по неизвестным причинам, отложив важные дела, полностью переключаются на тирольца, сопровождая его повсюду. Достоверность Р. Эдельбауэр проявляется в описаниях интерьера, например, в родительском доме Адама, в рассказах Клары о рабочем поселке, откуда она родом, в деталях жизни суфражисток и т. д. Протагонисту сложно выражать впечатления в словах, поэтому Р. Эдельбауэр вводит в повествование еще одного рассказчика, «всезнающего» нарратора, который комментирует реакцию героя на новую реальность.

Для Р. Эдельбауэр важно представить читателю внутренний мир героя, его способность встроиться в новую жизнь, на помощь приходят сновидения. Занятия психоанализом дают возможность прочувствовать другую реальность, например, пережить сцены из военной жизни глазами раненого солдата. Подмена реальности вымышленными фантазиями приводит, как известно, к утрате собственной идентичности и к подмене реального мира.

4. Заключение = Conclusions

Предмет настоящего исследования — своеобразие поэтики прозы Рафаэлы Эдельбауэр. Черты поэтики находят выражение не только на сюжетно-тематическом уровне, но и в целом в организации повествования. Во внимание принимаются жанровые особенности анализируемых про-

CC BY

изведений: романа-притчи «Утекающая земля», научно-фантастического романа «DAVE», исторического романа «Несоизмеримые».

Исходя из того, что фикциональность является текстовой универсалией, присущей любому художественному произведению, авторами статьи предпринята попытка выявить своеобразие реализации нарративной стратегии фикциональности в ракурсе трансформации жанровой природы романа.

Настоящая работа является первой в отечественном литературоведении попыткой осмысления творчества Рафаэлы Эдельбауэр в контексте общих тенденций развития австрийской литературы конца XX — начала XXI веков.

В ходе исследования стало очевидным, что анализируемые произведения логично вписываются в устоявшиеся традиции австрийской словесности второй половины XX века, прежде всего на тематическом уровне: проблема австрийской идентичности, непреодоленное прошлое и, как следствие, конфликт поколений, угроза забвения и переоценка ценностей, лжеидиллическая картина провинциальной Австрии, лжепатриотизм — эти темы в той или иной степени находят отражение в романах «Утекающая земля» и «Несоизмеримые».

Исследование с позиций нарратологии открывает дополнительные возможности для интерпретации романов Эдельбауэр. Обращение к таким компонентам нарративной стратегии, как нарративная картина мира, нарративная модальность и нарративная интрига (В. И. Тюпа), расширяет представление о природе фикциональности. В нашем понимании, нарративная стратегия фикциональности, которая допускает разные типы художественного вымысла — жизнеподобного и нежизнеподобного (В. Ю. Клейменова), характеризует авторский стиль Эдельбаур, органично вплетающей в сюжет вымышленные фрагменты обоих типов, например, фантастические элементы («Утекающая земля») и гипотетически возможные «нереальные» события реального мира («Несоизмеримые»).

Нарративная картина мира в романе-притче и в историческом романе допускает различные трактовки описываемых событий. Р. Эдельбауэр намеренно запутывает читателя, отказывается от единой точки зрения на события, представляет вероятностную картину мира, герои романов (Рут в «Утекающей земле» и Ганс в «Несоизмеримых»), оказавшись в чуждой им обстановке, «достраивают» реальность, фикциональность становится частью их бытия, служит своеобразной альтернативой. В обоих романах, как, впрочем, и в научно-фантастическом романе «DAVE», который, перед лицом становящихся все более популярными в эпоху искусственного интеллекта теориями трансгуманизма и постгуманизма, прочитывается как дистопия.

«Реальность» научно-популярного романа — иной природы, отграничение жизнеподобного вымысла («реальной нереальности») от «не-

CC BY

жизнеподобного вымысла» («фантастической / нереальной реальности») определяется литературно-историческим контекстом, осведомленностью автора и читателя о достижениях научно-технического прогресса; по мере накопления знаний возможно перемещение этих элементов.

Кроме того, за счет включения в сюжет элементов детективного повествования создается так называемая нарративная интрига. Читатель вправе ожидать, что в сюжете могут появиться неожиданные события, которые трудно спрогнозировать. Но нарративная интрига присутствует не только на уровне сюжета, но также и на уровне наррации — интрига рассказывания, обусловленная появлением «недостоверного рассказчика» в романе «Утекающая земля» или «всезнающего нарратора» в романе «Несоизмеримые».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Edelbauer R.* Das flüssige Land. Roman / R. Edelbauer. — Stuttgart : Klett-Cotta-Verlag, 2019. — 350 S. — ISBN 978-3-608-96436-3.

2. *Edelbauer R.* DAVE. Roman / R. Edelbauer. — Stuttgart : Klett-Cotta-Verlag, 2021. — 432 S. — ISBN 978-3-608-96473-8.

3. *Edelbauer R.* Die Inkommensurablen. Roman / R. Edelbauer. — Stuttgart : Klett-Cotta-Verlag, 2023. — 352 S. — ISBN 978-3-608-98647-1.

4. *Edelbauer R.* Entdecker. Eine Poetik. Mit Zeichnungen von Simon Goritschnig / R. Edelbauer. — Wien : Klever Verlag, 2017. — 176 S. — ISBN 978-3-903110-13-7.

5. *Handke P.* Kali. Eine Vorwintergeschichte / P. Handke. — Frankfurt/Main : Suhrkamp Taschenbuchverlag, 2008. — 160 S. — ISBN 978-3-518-45980-5.

6. *Okopenko A.* Lexikon Roman : Lexikon einer sentimentalen Reise z um Exporteurtreffen in Druden / A. Okopenko. — Salzburg : Residenz Verlag, 1970. — 292 S. — ISBN 978-3-216-30264-9.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

2. *Белобратов А. В.* Австрийская литература на исходе XX века. Вместо заключения / А. В. Белобратов // История австрийской литературы XX века. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — Т. 2. — С. 517—544. — ISBN 978-5-9208-0360-3.

3. *Гладилин Н. В.* Постмодернизм в литературе стран немецкого языка : генезис и основные тенденции развития : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Гладилин. — Москва, 2012. — 36 с.

4. *Изер В.* Акты вымысла, или Что фиктивно в фикциональном тексте / В. Изер // Немецкое философское литературоведение наших дней : Антология: Пер. С нем. / Сост.

Д. Уффельман, К. Шрамм. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2001. — С. 186—216. — ISBN 5-288-02037-X.

5. *Клейменова В. Ю.* Фикциональность и вымысел в тексте / В. Ю. Клейменова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 143. — С. 94—101.

6. *Ковалев О. А*. Нарративные стратегии в литературе (на материале творчества Ф.М. Достоевского) : монография / О. А. Ковалев. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. — 198 с. — ISBN 978-5-7904-0879-3.

7. *Менассе Р.* Страна без свойств. Эссе об австрийском самосознании / Р. Менассе. — Санкт-Петербург : Петербург — XXI век, Симпозиум, 1999. — 128 с. — ISBN 5-88485-068-9.

8. *Плахина А. В.* Послевоенный синдром : литература в поисках австрийской идентичности / А. В. Плахина, В. Д. Седельник // История австрийской литературы XX века. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — Т. 2. — С. 3—17. — ISBN 978-5-9208-0360-3.

9. *Плахина А. В.* Австрийская проза конца 1970-х — начала 1990-х годов / А. В. Плахина, В. Д. Седельник, Ю. Л. Цветков // История австрийской литературы XX века. — Москва : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. — Т. 2. — С. 490—516. — ISBN 978-5-9208-0360-3.

10. *Тюпа В. И*. Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.

11. *Тюпа В. И*. Жанровая природа нарративных стратегий. Лейдермановские чтения : эстетика минимализма / В. И. Тюпа // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 19—24.

12. *Шмид М.* Нарратология / М. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.

13. *Bombitz A.* Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur / A. Bombitz // Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. — Wien : Praesens Verlag, 2017. — S. 127—140.

14. *Cichon N.* Zettel sind kleine Leichentücher [Electronic resource] / N. Cichon // Literaturkritik.de vom 03.07.2018. — Access mode : https://literaturkritik.de/zettel-sind-kleine-leichentuecher,24672.html (accessed 10.03.2024).

15. *Cichon N.* Endoskopie als literarisches Prinzip. Raphaela Edelbauers Roman „Das flüssige Land“ erkundet das Spannungsfeld von Raum und Gedächtnis [Electronic resource] / N. Cichon // Literaturkritik.de vom 12.12.2019. — Access mode : https://literaturkritik.de/edelbauer-das-fluessige-land-endoskopie-als-literarisches-prinzip,26301.html (accessed 10.03.2024).

16. *Engelmeier H.* Brüchiger nie. „Das flüssige Land“ von R. Edelbauer [Electronic resource] / H. Engelmeier // Süddeutsche Zeitung vom 14.10.2019. — Access mode : https://www.sueddeutsche.de/kultur/raphaela-edelbauer-das-fluessige-land-rezension-buchrezension-1.4600131(accessed 10.03.2024).

17. *Kaszynski S. H.*. Österreichische Literatur zwischen Moderne und Postmoderne : Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage (Studien zur Germanistik, Skandinavistik und Übersetzungskultur 17) / S. H. Kaszynski. — Bern : Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2019. — 206 S. — ISBN 978-3-631-76133-5.

18. *Kreye A.* Erinnerungen an die Zukunft. Raphaela Edelbauers Roman „Dave“ [Electronic resource] / A. Kreye // Süddeutsche Zeitung vom 04.03.2021. — Access mode : https://

www.sueddeutsche.de/kultur/raphaela-edelbauer-dave-rezension-kuenstliche-intelligenz-rezension-1.5224767 (accessed 10.03.2024).

19. *Österreichische Literatur* : Traditionsbezüge und Prozesse der Moderne vom 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart / L. Cheie, E. Ringler-Pascu E., Ch. Wittmer (Hrsg.). — Wien : Praesens Verlag, 2018. — 252 S. — ISBN 3706909294.

20. *Pfister E*. Raphaela Edelbauer: „Das flüssige Land". Abgründe, die niemand sehen will [Electronic resource] / E. Pfister // Deutschlandfunk vom 04.10.2019. — Access mode : https://www.deutschlandfunk.de/raphaela-edelbauer-das-fluessige-land-abgruende-die-niemand-100.html (accessed 10.03.2024).

21. *Platthaus A.* Alle sind ihrer Zeit voraus: Roman von Raphaela Edelbauer [Electronic resource] / A. Platthaus // Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 06.02.2023. — Access mode : https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/raphaela-edelbauers-roman-die-inkommensurablen-18646457.html (accessed 10.03.2024).

22. *Seidler M.* Im Schatten der Kriegseuphorie [Electronic resource] / M. Seidler // Literaturkritik.de vom 04.04.2023. — Access mode : https://literaturkritik.de/edelbauer-die-inkommensurablen,29610.html(accessed 10.03. 2024).

23. *Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur* (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart) / Beate Sommerfeld (Hrsg.). — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2023. — 290 S. — ISBN 978-3-447-12012-8.

24. *Utopie und Dystopie*. Beiträge zur österreichischen und europäischen Literatur vom 18. bis zum 21. Jahrhundert / Martin Vejvar und Nicole Streitler-Kastberger (Hrsg.). — Freiburg : Verlag De Gruyter, 2023. — 202 S. — ISBN 9783111155807.

25. *Zwischen Einflussangst und Einflusslust*. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur / J. Drynda, A. Krauze-Olejniczak, S. Piontek (Hrsg.). — Wien : Praesens Verlag, 2017. — 168 S. — ISBN 9783706909716.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024,
одобрена после рецензирования 16.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

Edelbauer, R. (2019). *Das flüssige Land. Roman.* Stuttgart: Klett-Cotta-Verlag. 350 S. ISBN 978-3-608-96436-3. (In Germ.).

Edelbauer, R. (2021). *DAVE. Roman.* Stuttgart: Klett-Cotta-Verlag. 432 S. ISBN 978-3-608-96473-8. (In Germ.).

Edelbauer, R. (2023). *Die Inkommensurablen. Roman.* Stuttgart: Klett-Cotta-Verlag. 352 S. ISBN 978-3-608-98647-1. (In Germ.).

Edelbauer, R. (2017). *Entdecker. Eine Poetik. Mit Zeichnungen von Simon Goritschnig.* Wien: Klever Verlag. 176 S. ISBN 978-3-903110-13-7. (In Germ.).

Handke, P. (2008). *Kali. Eine Vorwintergeschichte.* Frankfurt/Main: Suhrkamp Taschenbuchverlag. 160 S. ISBN 978-3-518-45980-5. (In Germ.).

Okopenko, A. (1970). *Lexikon Roman: Lexikon einer sentimentalen Reise z um Exporteurtreffen in Druden.* Salzburg: Residenz Verlag. 292 S. ISBN 978-3-216-30264-9. (In Germ.).

References

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years.* Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ.).

Belobratov, A. V. (2010). Austrian literature at the end of the twentieth century. Instead of a conclusion. In: *History of Austrian literature of the twentieth century, 2.* Moscow: IMLI named after A. M. Gorky RAS. 517—544. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Bombitz, A. (2017). Von Bernhard bis Glavinic. Bruchlinien, Krisennarrativen und Weltbilder in der österreichischen Gegenwartsliteratur. In: *Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur.* Wien: Praesens Verlag. 127—140. (In Germ.).

Cichon, N. (2019). Endoskopie als literarisches Prinzip. Raphaela Edelbauers Roman „Das flüssige Land" erkundet das Spannungsfeld von Raum und Gedächtnis. *Literaturkritik.de vom 12.12.* Available at: https://literaturkritik.de/edelbauer-das-fluessige-land-endoskopie-als-literarisches-prinzip,26301.html (accessed 10.03.2024). (In Germ.).

Cichon, N. (2018). Zettel sind kleine Leichentücher. *Literaturkritik.de vom 03.07.* Available at: https://literaturkritik.de/zettel-sind-kleine-leichentuecher,24672.html (accessed 10.03.2024). (In Germ.).

Engelmeier, H. (2019). Brüchiger nie. „Das flüssige Land" von R. Edelbauer. *Süddeutsche Zeitung vom 14.10.* Available at: https://www.sueddeutsche.de/kultur/raphaela-edelbauer-das-fluessige-land-rezension-buchrezension-1.4600131(accessed 10.03.2024). (In Germ.).

Gladilin, N. V. (2012). *Postmodernism in the literature of the German language countries: genesis and main development trends.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 36 p. (In Russ.).

Iser, V. (2001). Acts of fiction, or What is fictitious in a fictitious text. In: *German philosophical literary criticism of our days: Anthology: Trans. With him.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 186—216. ISBN 5-288-02037-X. (In Russ.).

Kaszynski, S. H. (2019). *Österreichische Literatur zwischen Moderne und Postmoderne: Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage (Studien zur Germanistik, Skandinavistik und Übersetzungskultur 17).* Bern: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. 206 S. ISBN 978-3-631-76133-5. (In Germ.).

Kleimenova, V. Yu. (2011). Fictionality and fiction in the text. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, 143:* 94—101. (In Russ.).

Kovalev, O. A. (2009). *Narrative strategies in literature (based on the work of F. M. Dostoevsky): monograph.* Barnaul: Publishing House of Alt. un. 198 p. ISBN 978-5-7904-0879-3. (In Russ.).

Kreye, A. (2021). Erinnerungen an die Zukunft. Raphaela Edelbauers Roman „Dave". *Süddeutsche Zeitung vom 04.03.* Available at: https://www.sueddeutsche.de/kultur/raphaela-edelbauer-dave-rezension-kuenstliche-intelligenz-rezension-1.5224767 (accessed 10.03.2024). (In Germ.).

Menasse, R. (1999). *Country without properties. An essay on Austrian identity.* St. Petersburg: Petersburg — XXI century, Symposium. 128 p. ISBN 5-88485-068-9. (In Russ.).

Österreichische Literatur: Traditionsbezüge und Prozesse der Moderne vom 19. Jahrhundert bis in die Gegenwart. (2018). Wien: Praesens Verlag. 252 S. ISBN 3706909294. (In Germ.).

Pfister, E. (2019). Raphaela Edelbauer: „Das flüssige Land". Abgründe, die niemand sehen will. *Deutschlandfunk vom 04.10.* Available at: https://www.deutschlandfunk.de/raphaela-edelbauer-das-fluessige-land-abgruende-die-niemand-100.html(accessed 10.03.2024). (In Germ.).

Plakhina, A. V., Sedelnik, V. D., Tsvetkov, Y. L. (2010). Austrian prose of the late 1970s — early 1990s. In: *History of Austrian literature XX centuries, 2.* Moscow: IMLI named after A. M. Gorky RAS. 490—516. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Plakhina, A. V., Sedelnik, V. D. (2010). The post-war syndrome: literature in search of Austrian identity. In: *History of Austrian literature of the twentieth century, 2.* Moscow: IMLI named after A. M. Gorky RAS. 3—17. ISBN 978-5-9208-0360-3. (In Russ.).

Platthaus, A. (2023). Alle sind ihrer Zeit voraus: Roman von Raphaela Edelbauer. *Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 06.02.* Available at: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/raphaela-edelbauers-roman-die-inkommensurablen-18646457.html (accessed 10.03.2024). (In Germ.).

Schmid, M. (2003*). Narratology.* Moscow: Languages of Slavic culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).

Seidler, M. (2023). Im Schatten der Kriegseuphorie. *Literaturkritik.de vom 04.04.* Available at: https://literaturkritik.de/edelbauer-die-inkommensurablen,29610.html (accessed 10.03. 2024). (In Germ.).

Trajektorien der österreichischen Gegenwartsliteratur (Beiträge zu Literatur und Medien der Gegenwart). (2023). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 290 S. ISBN 978-3-447-12012-8. (In Germ.).

Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *New philological bulletin, 3 (18):* 8—25. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2018). The genre nature of narrative strategies. Leiderman readings: aesthetics of minimalism. *Philological class, 2 (52):* 19—24. (In Russ.).

Utopie und Dystopie. (2023). *Beiträge zur österreichischen und europäischen Literatur vom 18. bis zum 21. Jahrhundert.* Freiburg: Verlag De Gruyter. 202 S. ISBN 9783111155807. (In Germ.).

Zwischen Einflussangst und Einflusslust. Zur Auseinandersetzung mit der Tradition in der österreichischen Gegenwartsliteratur. (2017). Wien: Praesens Verlag. 168 S. ISBN 9783706909716. (In Germ.).

The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 16.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Александр Александрович Егоров, д-р истор. наук (Ростов-на-Дону)
Александр Александрович Иванов, д-р истор. наук (Иркутск)
Александр Сергеевич Кругликов, аспирант (Москва)
Анатолий Анатольевич Слезин, д-р истор. наук (Тамбов)
Валерий Валентинович Цысь, д-р истор. наук (Москва)
Владимир Александрович Ипполитов, канд. истор. наук (Тамбов)
Владимир Борисович Безгин, д-р истор. наук (Тамбов)
Гадиля Гизатуллаевна Корноухова, канд. истор. наук (Москва)
Георгий Николаевич Буслаев, аспирант (Москва)
Дмитрий Вадимович Ушаков, ассистент (Екатеринбург)
Елизавета Сергеевна Лахтионова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Константин Алексеевич Немудров, аспирант (Москва)
Ксения Борисовна Егорова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Наталья Евгеньевна Архипова, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Олег Александрович Елдинов, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Олег Олегович Бойко, аспирант (Ростов-на-Дону)
Софья Леонидовна Курас, канд. истор. наук (Иркутск)
Татьяна Леонидовна Курас, канд. истор. наук (Иркутск)
Татьяна Петровна Нестерова, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Эдуард Викторович Казиев, старший научный сотрудник (Владикавказ)

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Архипова Н. Е. Поведение духовенства Нижегородской епархии в период первой революции в России / Н. Е. Архипова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 289—307. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-289-307.

Archipova, N. E. (2024). Behavior of Nizhny Novgorod Diocese Clergy during First Russian Revolution. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 289-307. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-289-307. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Поведение духовенства Нижегородской епархии в период первой революции в России

Архипова Наталья Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-2770-680X
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии
и социально-правовых наук
arx78@mail.ru

Волжский государственный
университет водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

Behavior of Nizhny Novgorod Diocese Clergy during First Russian Revolution

Natalya E. Arkhipova
orcid.org/0000-0002-2770-680X
PhD in History, associate professor,
Department of Philosophy
and Social and Law Sciences
arx78@mail.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Архипова Н. Е., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется поведение нижегородского духовенства относительно революционных событий начала XX века. Выявляются факты оппозиционного поведения, его последствий для священников Нижегородской епархии в период 1905—1907 годов. Новизна исследования состоит в том, что впервые в статье на основании материалов Нижегородской духовной консистории обращается внимание на противоправительственные настроения и действия представителей приходского духовенства Нижегородской епархии в ходе первой революции. Показано, что оппозиционное поведение не было распространено, а носило единичный характер. Автор пришёл к выводу, что оно проявилось в протесте против социальной несправедливости, военно-полевых судов, в защите прав крестьян на землю перед помещиками, призыве крестьян к неповиновению власти, неуплате податей, церковных сборов, в общении с политически неблагонадежными людьми, вольном толковании Манифеста от 17 октября 1905 года и т. д. Автор считает, что обвиняемые священники не соотносили себя с конкретной политической партией, за исключением арзамасского протоиерея ф. И. Владимирского, депутата II Госдумы от партии конституционных демократов. Установлено, что 2 из четырёх обвинительных дел против священников были прекращены. При этом 3 священника из четырёх были наказаны епархиальным начальством запретом в служении или переводом в другие приходы. Данные исследования могут быть использованы в курсе изучения истории РПЦ.

Ключевые слова:
духовенство; Нижегородская епархия; первая российская революция 1905-1907; политическая неблагонадёжность; оппозиция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the behavior of the clergy of the Nizhny Novgorod Diocese regarding the revolutionary events at the beginning of the 20th century. It identifies instances of oppositional behavior and its consequences for the priests of the Nizhny Novgorod Diocese during the period of 1905-1907. The novelty of the research lies in the fact that, for the first time in this article, based on materials from the Nizhny Novgorod Spiritual Consistory, attention is drawn to the anti-government sentiments and actions of representatives of parish clergy of the Nizhny Novgorod Diocese during the first revolution. It is shown that oppositional behavior was not widespread but rather isolated. The author concludes that it manifested as a protest against social injustice, military field courts, in defense of peasants' rights to land against landlords, urging peasants to disobey authority, non-payment of taxes, church fees, association with politically unreliable individuals, liberal interpretation of the Manifesto of October 17, 1905, and so on. The author believes that the accused priests did not align themselves with a specific political party, except for Father I.I. Vladimirovsky, an archpriest from Arzamas and a deputy of the Second State Duma from the Constitutional Democrats party. It was found that 2 out of 4 cases against priests were dropped. Meanwhile, 3 out of 4 priests were punished by the diocesan authorities with a ban on serving or transfer to other parishes. The findings of this research can be utilized in courses studying the history of the Russian Orthodox Church.

Key words:
clergy; Nizhny Novgorod Diocese; first Russian revolution 1905-1907; political unreliability; opposition.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.341):27-9
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-289-307

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Поведение духовенства Нижегородской епархии в период первой революции в России

© Архипова Н. Е., 2024

1. Введение = Introduction

Актуальность темы связана с тем, что на современном этапе РПЦ определила свои позиции по отношению к государству как невмешательство в политическую сферу, что явилось следствием тяжелого положения Церкви в XX веке в России. Участие духовенства в политике имело негативные для него последствия. Для настоящего и будущего важно помнить и учитывать исторический опыт взаимоотношений между государством, с одной стороны, и Церковью и её представителями, с другой, политические позиции духовенства на переломном этапе жизни страны.

К началу XX века положение большинства приходского духовенства, являвшегося в основном сельским, было сложным. На священнике лежал огромный объём обязанностей. Кроме богослужений, требоисправлений, окормления значительной паствы, священнослужитель был обязан вести просветительскую, миссионерскую, законоучительскую деятельность, заниматься бюрократической (ведение метрических и брачных книг, исповедальных росписей, входящей и исходящей информации, прихода и расхода средств), краеведческой работой (историко-статистическое описание церкви и прихода), отвечать на запросы учебных, воинских, земских, санитарных, статистических и других учреждений. При этом материальное положение клира было неудовлетворительным. Большая часть сельского духовенства была бедной, зависимой от своей паствы, так как основным источником средств для существования священнослужителей оставались требоисправления и приношения прихожан, финансовое состояние которых тоже оставляло желать лучшего [Архипова, 2020; Леонтьева, 2002; Федоров, 2003].

Кризисная ситуация в стране, как правило, обнажает, обостряет давно накопившиеся проблемы, может привести к усилению противоречий. Революционные события 1905—1907 годов могли способствовать публичному проявлению протестов среди духовенства сложившемуся порядку, его участию в революционном движении.

CC BY

Указ императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 года изменил положение пастырей Православной Церкви не в лучшую сторону в отличие от духовенства других конфессий, так как первые продолжали оставаться в тесной бюрократической связи с государством, установившейся с введением Петром I синодальной системы управления. Закон затруднил решение религиозных задач православными священниками, их противостояние пропаганде неправославных конфессий, отрицательно повлиял на крепость политических позиций имперской власти на окраинах [Фирсов, 2002, с. 105].

Революционная ситуация активизировала в Церкви движение за реформирование, освобождение её от бюрократической зависимости от государства. В период с 8 марта 1906 по 15 декабря 1906 годов под председательством Петербургского митрополита Антония (Вадковского) шла работа Предсоборного присутствия по подготовке к проведению Поместного Собора, церковных реформ, восстановлению канонического управления — патриаршества. Это давало духовенству надежду на облегчение условий их деятельности и улучшение материального положения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исторической науке советского периода Русская Православная Церковь представлялась преимущественно консервативной силой, союзницей и опорой самодержавия. В 1980-х годах П. Н. Зырянов писал о поддержке Церковью старого режима. Между тем, по подсчетам исследователя, в 1905—1906 годах 9 священников и 3 диакона в разных губерниях (Тверская, Вятская, Смоленская, Воронежская и др.) были привлечены к дознанию и арестованы за антиправительственную деятельность, участие в аграрных беспорядках. Подобные действия духовенства, по мнению историка, носили единичный, исключительный характер [Зырянов, 1984, с. 107—108].

Современные исследователи указывают на политическую неоднородность духовенства РПЦ в период первой революции. В 1990-е годы М. И. Одинцов писал о возникновении политического расслоения в среде православного клира, причём если часть столичного духовенства проявляла интерес к либеральным идеям, то провинциальное оставалось консервативной силой [Мошненко, 2015].

Д. Е. Леонов исследовал степень, характер и последствия влияния революционных событий 1905—1907 годов на православное духовенство на примере епархий Верхнего Поволжья (Владимирская, Костромская, Ярославская области). В своей диссертации он пришёл к выводу о дифференциации духовенства на консервативный лагерь, самый многочисленный и влиятельный, либеральный и демократический [Леонов, 2010, с. 22].

CC BY

Конечно, большинство православного духовенства имело монархические убеждения в силу давних связей самодержавия и Церкви.

Только в 1917 году духовенство не выступило против падения самодержавия, придав февральским событиям пасхально-праздничный характер. Высшее духовенство признало Временное правительство, не поддержало царя, впрочем, как и сам император отрекся от помазанничества без какого-либо обращения по этому вопросу к Синоду. Рядовые священники стали симпатизировать революции [Леонтьева, 2001].

Под влиянием революционной обстановки в 1905 году в Православной Российской Церкви зародилось либерально-обновленческое движение, которое поставило вопрос о восстановлении её канонической свободы. Петербургский историк С. Л. Фирсов пришёл к заключению, что по мере разрастания революции и политизации общества росла популярность сторонников церковного обновления, в основном среди городских клириков. Это свидетельствовало о недовольстве существующим положением, о неприятии белым духовенством огромной власти архиереев [Фирсов, 2002, с. 193]. О. В. Останина сделала вывод о том, что деятельность участников обновленческого движения способствовала осуществлению в России социалистической революции [Останина, 1991, с. 37].

Т. А. Павленко исследовала протестное движение учащихся духовных семинарий в период первой российской революции. Было отмечено, что рост количества «неспокойных» семинарий полицейские и церковные власти наблюдали во второй половине XIX века, но замалчивали акции протеста семинаристов. Открыто о семинарском движении заговорили в период первой революции в России, которая, безусловно, обострила отношения между семинаристами и церковной властью. Рассмотрев протестное движение учащихся 57 православных духовных семинарий, Т. А. Павленко определила его причины: недовольство внутренними порядками, влияние революционной ситуации в различных городах и по стране в целом, примеры движения учащихся в других средних и высших учебных заведениях [Павленко, 2009, с. 4, 20].

О. В. Калюжная, И. А. Васильев изучали состав и участие православного духовенства в работе II Государственной Думы. Исследователи показали распределение священников по фракциям. Калюжная привела примеры репрессий по отношению к священникам оппозиционных партий, проанализировала их выступления в Думе по важным проблемам, в том числе протоиерея ф. И. Владимирского, депутата от Нижегородской губернии, представителя кадетов [Васильев, 2012; Калюжная, 2020].

На региональном уровне нижегородский историк Ф. А. Селезнёв, исследуя выборы в Госдуму в Нижегородской губернии, обосновал избрание депутатом священника Ф. И. Владимирского [Селезнёв, 1999].

CC BY

Нижегородский краевед А. А. Сорокин охарактеризовал общественно-политическую, парламентскую деятельность протоиерея города Арзамаса Ф. И. Владимирского, описал конфликт священника с церковной властью по поводу его участия в выборах в Государственную Думу, исследовал его отношения с М. Горьким [Сорокин, 2018].

На современном этапе недостаточно исследований на региональном уровне, напрямую посвященных проблеме политической позиции православного духовенства в революционный период 1905—1907 годов.

Цель настоящей статьи — определить позицию нижегородского духовенства по отношению к революционным событиям, выявить факты оппозиционного поведения в среде духовенства епархии в 1905—1907 годах, определить, в чем оно проявилось и какие последствия имело для священников.

Источниками послужили выпуски регулярного местного издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (с 1906 года «Нижегородский церковно-общественный вестник») за 1905—1906 годы. Анализ статей церковного издания дал возможность определить общую реакцию местного духовенства на политические события. В Центральном архиве Нижегородской области в фонде Нижегородской духовной консистории за 1905—1907 годы было обнаружено 4 дела о политической неблагонадежности священников. Материалы документов позволили описать и проанализировать ход дел, суть обвинений, их результаты и последствия для обвиняемых.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Освещение революционных событий в «Нижегородских епархиальных ведомостях» (с 1906 года — «Нижегородский церковно-общественный вестник»)

Ответом на кровавые события 9 января 1905 года стало послание Святейшего Синода от 14 января 1905 года, опубликованное в «Церковных ведомостях». Данное послание было перепечатано в третьем номере «Нижегородских епархиальных ведомостей», вышедших 1 февраля 1905 года. До этого нижегородское издание ничего не упоминало о случившемся и никак не реагировало на него. Синод, «скорбя о нестроениях в современной жизни русского народа», призывал «чтить царя, повиноваться всякой власти, от Бога поставленной» [Послание…, 1905]. Интересно, что в «Нижегородских епархиальных ведомостях» за 1905 год отсутствовали проповеди и речи прямого монархического содержания, написанные нижегородскими священниками. Одна статья с прямой пропагандой монархизма здесь была только перепечатана из другого епархиального издания («Известия по Казанской епархии»). В ней говорилось: «не мы даровали власть Царю и не нам договариваться с ним о правах и границах этой власти и требовать себе участие

CC BY

в ней. И чем, в самом деле, ищущие этого участия во власти Царя поручатся нам в том, что в своих радениях о благе народа они будут водиться не холодными расчётами своего эгоистического разума, а движениями сердца и совести…» [Вопрос о…, 1905]. В основном статьи косвенно затрагивали монархическую тему. Например, нижегородские церковные ведомости, информируя о праздновании памяти освобождения крестьян от крепостной зависимости, выражали благодарность Богу, который через своего помазанника императора Александра II даровал свободу крестьянам [Епархиальная…, 1905а]. Нижегородское епархиальное издание печатало заметки, основанные на рассуждениях святых отцов древней Церкви и нацеленные на успокоение общества. В них причинами смятений назывались не обстоятельства жизни, а сами люди, их мысли и настроения [В чем заключается…, 1905].

После опубликования Манифеста Николая II от 17 октября 1917 года архиепископ Нижегородский и Арзамасский получил от Петроградского митрополита Антония (Вадковского) телеграмму о том, что Синод поручил духовенству использовать всё своё влияние на население с целью не допустить конфликтов и междоусобиц. На собрании городских священников было решено воздействовать на паству проповедями, частными беседами, изданием и бесплатной раздачей листков с разъяснением Манифеста и призывом к мирному течению жизни. Через «Нижегородские епархиальные ведомости» нижегородское духовенство обратилось к гражданам с христианским призывом к миру и любви [Епархиальная…, 1905б].

«Нижегородские епархиальные ведомости» никак не отреагировали на длительную стачку в Иваново-Вознесенске, завершившуюся созданием первого Совета рабочих депутатов. Как страшное потрясение общественной жизни церковный «Вестник» оценил кровавые события декабря 1905 года в Сормове и Канавине, где произошли вооруженные восстания рабочих [Из общественной…, 1906б]. В целом на страницах местного церковного издания революционное движение в России подвергалось критике [Русское…, 1906].

После опубликования Манифеста 17 октября 1905 года на одном из ноябрьских собраний городского духовенства с мирянами протоиерей В. Весницкий указал на данный документ как на руководящее начало в политических взглядах. Председатель собрания епископ Балахнинский Исидор кратко высказался о значении Государственной Думы в деле законодательства [Из епархиальной…, 1905]. В «Нижегородском церковно-общественном вестнике» вышла статья протоиерея Ф. Титова, перепечатанная из «Киевских епархиальных ведомостей», о великой роли Государственной Думы, без которой «наш Царь и его правительство не могут знать всех наших нужд». А «без согласия Думы не будет введён никакой новый налог». Статья призывала православный народ сознательно участвовать в выбо-

CC BY

рах, голосуя за тех, кого избиратели хорошо знали [Титов, 1906]. Ещё одна статья отмечала, что «воля Царя ведёт Россию к новой жизни», благословлялся «тот день и час, когда Государь подписал свой знаменитый манифест о свободе России и Своей собственной свободе от наследственных предрассудков» [Из общественной…, 1906а]. Роспуск Думы на страницах вестника также вызвал одобрение, поскольку избранники не справились со своей задачей, не оправдали надежд, «не внесли разум и сознательность в стихийное народное движение» [Роспуск…, 1906].

Статьи в церковном вестнике соответствовали направлению государственной политики. Все политические решения, исходящие от монарха, признавались правильными.

21 января 1907 года пастырское собрание в Нижнем Новгороде заявило, что политические взгляды духовенства «остаются под знаменем принципов Православия, Самодержавия и Народности, сочувствуя прогрессивному развитию народной жизни» [Хроника…, 1906].

Согласно определению Синода от 20 декабря 1905 года, в случае получения епархиальными властями сведений о предосудительных поступках священников (призыв к сопротивлению законной власти, ложное толкование действий правительства) следовало принимать против таких пастырей решительные меры, удаляя из «мест преступной деятельности» с запрещением в священнослужении до выяснения дела, назначать следствия [Определение…, 1906]. Между тем сам официальный печатный орган Нижегородской епархии ничего не сообщал о подобных проступках, создавая картину абсолютной лояльности всего духовенства государственной власти. Исключение составляет краткое упоминание о псаломщике (не священнике, а церковнослужителе) села Криуши Лукояновского уезда Вадове, заподозренном в распространении нелегальной литературы [Савкин, 1907].

Перейдём к рассмотрению обнаруженных нами в фонде Нижегородской Духовной Консистории дел о политически неблагонадёжных священниках.

3.2. Дело о политической деятельности протоиерея Троицкой церкви города Арзамаса Ф. И. Владимирского

На основании сообщений исполняющего дела Нижегородского губернатора С. И. Бирюкова, Арзамасского городского головы В. В. Бебешина, жителя г. Арзамаса Н. Н. Акифьева и благочинного священника И. Троицкого протоиерей Ф. И. Владимирский был назван сторонником партий, «особенно склонных отрицательно относиться к распоряжениям правительственной власти», социал-демократом, революционером. Так, 22 октября 1905 года на экстренном заседании Арзамасской гордумы, «полным хозяином и руководителем которого был Владимирский, являясь политическим деятелем по призванию», священник поднял вопросы, содержание

CC BY

которых не соответствовало его сану. Например, он указывал на необходимость учреждения городской милиции, выступил против чинов полиции и тенденциозно освещал современное политическое положение в стране. Протоиерей Владимирский принимал активное участие в собраниях с неблагонадежными общественными деятелями, был близко знаком с находящимся в Арзамасе под надзором полиции А. М. Пешковым [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1906 г., д. 79, л. 42, 50 об.].

Владимирскому вменялось в вину, что он был «проведён в Государственные выборщики блоком левых партий и еврейского равноправия», а также являлся председателем основанного им церковно-общественного союза. Цель союза, состоявшего из местного духовенства, церковных старост, представителей приходских семейств, — сплочение «всех местных православных христиан в одну церковно-общественную семью для братского разрешения различных недоуменных вопросов и обсуждения нужд церковно-приходской жизни, для оказания нравственной помощи в случае каких-либо пререканий между православными». На заседаниях союза Владимирский внёс предложение о необязательном преподавании Закона Божия в учебных заведениях и о прекращении уплаты сборов из церковных сумм [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1906 г., д. 79, л. 71].

Церковное руководство старалось оказать давление на священников, близких к левым партиям. Поэтому епархиальное начальство назначило формальное следствие о политической деятельности Владимирского, но это постановление не было исполнено, поскольку 9 февраля 1907 года в Нижегородском Губернском избирательном собрании он был избран депутатом в Госдуму от Нижегородской губернии. Св. Синод не признал этот факт законным поводом к приостановлению следствия, епархиальное начальство должно исполнить свое решение о производстве следствия.

Ещё накануне выборов епархиальная власть через благочинного предписывала протоиерею снять свою кандидатуру от «партии народной свободы» «под опасение ответственности по суду». Владимирский на предвыборном собрании заявил о том, что не принадлежал ни к одной партии, и о том, что «сочувствовал полному исполнению Манифеста 17 октября как выражению непреклонной воли монарха» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1906 г., д. 79, л. 42, 43, 49, 50, 50 об.]. Вообще, церковные средства массовой информации приветствовали появление данного Манифеста. Арзамасский мещанин Н. М. Щеголев, слушая речь священника в гордуме 22 октября 1905 года, был возмущён предложением протоиерея почтить вставанием память «борцов за свободу». Мещанин не допускал мысли, чтобы священник «принадлежал к социал-революционерам, социал-демократам или другим противным императору партиям» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1906 г., д. 79, л. 95—96].

CC BY

Как отмечает историк А. А. Сорокин, взгляды Владимирского, отличавшиеся от мировоззрения большинства священнослужителей, были близки к либеральным [Сорокин, 2018]. Калюжная выяснила, что из 13 представителей духовенства, выбранных в состав II Государственной Думы, трое являлись представителями конституционных демократов, среди которых был Ф. И. Владимирский [Калюжная, 2020]. Будучи депутатом Думы, протоиерей Владимирский активно выступал за отмену военно-полевых судов, функционирование которых не соответствовало евангельским основам жизни [Сорокин, 2018].

Следователь по духовным делам первого благочинного округа священник Владимир Серебровский в своём рапорте в Консисторию сообщал, что дело протоиерея Владимирского «быстро кончилось за отказом обвинителей от обвинения». Так, исправник города Арзамаса затруднялся доказывать виновность протоиерея Владимирского, так как свои суждения о священнике он основывал на слухах, разговорах с разными лицами. Благочинный И. Троицкий заявил, что обвинения он черпал из рапорта исправника к губернатору, а «своего он ничего не сказал». В итоге протоиерей Владимирский по собственному прошению уволился за штат [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1906 г., д. 79, л. 43, 52, 52 об.]. Дело против священника было закрыто Консисторией после роспуска II Госдумы.

Федор Иванович Владимирский — известная личность в Арзамасе. Он активно занимался общественной работой, за что имел награды, стал почётным гражданином Арзамаса. Являясь гласным городской думы, протоиерей инициировал создание в городе первого водопровода для обеспечения горожан чистой питьевой водой. Много лет жизни он посвятил этому делу, исследовав почвы около Арзамаса в поисках воды, а также пожертвовал на работы собственные средства и заложил свой дом. Кроме руководства строительством водопровода, Владимирский был попечителем публичной библиотеки, инициатором закладки Пушкинской рощи. Максим Горький, находясь в переписке со священником, восхищался его энергичной деятельностью на благо народа. Еще одной важной заслугой батюшки было предотвращение кровопролития в Арзамасе в октябре 1905 года, когда народ начал избивать демократическую интеллигенцию. Значит, не случайно Владимирский был выбран депутатом Госдумы [Селезнёв, 1999].

После закрытия Троицкой церкви в годы советской власти Владимирский избежал репрессий, являлся заведующим Арзамасского водопровода (1918—1923) [Сорокин, 2018].

В дальнейшем из семьи священника вышли революционеры. Один из сыновей протоиерея, Михаил Фёдорович, стал членом Нижегородского комитета РСДРП, участником декабрьского восстания в Москве, в 1930-е

CC BY

годы был наркомом здравоохранения. Две дочери тоже занимались революционной деятельностью.

3.3. Дело священника села Спасского Арзамасского уезда К. Ф. Никольского

В феврале 1907 года Святейший Синод слушал донесение Начальника Нижегородского губернского жандармского управления от 9 сентября 1906 года в Департамент полиции с обвинением священника церкви села Спасского Арзамасского уезда Ксенофонта Филипповича Никольского в противоправительственной деятельности. Никольский, 36 лет, происходил из священнической семьи, окончил курс семинарии в 1890 году. В следующем году был определён священником в церковь села Лубянец Нижегородского уезда. С 1891 по 1896 годы он состоял законоучителем лубянецкой и белозеровской земских школ. Четыре года (1892—1896) Никольский был членом и собеседником Маргушенского отделения братства Святого Креста, которое занималось миссионерской деятельностью среди старообрядцев на территории Нижегородской епархии [Архипова, 2019]. Затем служил в других храмах, был награждён набедренником. В село Спасское был назначен в 1904 году, где состоял законоучителем в 3-х земских школах. Священник был вдовцом, имел двоих детей. В его биографии случались проступки. За участие в продаже вина из винной лавки по решению епархиального начальства от 5 ноября 1903 года Никольский получил строжайший выговор. 2 месяца был запрещён в служении за нетрезвость и «неблагоповедение» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1905 г., д. 64, л. 34 об.].

По политическому делу священник обвинялся в том, что в декабре 1905 года призывал крестьян изгнать волостного старшину, не платить подати, подстрекал крестьян избрать депутатов на общекрестьянский съезд в Москве, организовать местный отдел крестьянского союза, к аграрным беспорядкам.

20 декабря 1905 года епархиальное начальство запретило священника Никольского в служении, 29 декабря поместило в монастырь, назначило следствие. Обвинения не подтвердились, данных для привлечения в качестве обвиняемого оказалось недостаточно. 28 апреля 1906 года епархиальное начальство прекратило дело, разрешив Никольскому служить под негласным надзором благочинного, и предложило переместить в другой приход.

31 июля 1906 года Нижегородский губернатор сообщил, что священник после возвращения в село Спасское не прекратил агитаторской деятельности среди крестьян, настраивая их на беспорядки в имении Понетаевского женского монастыря. Нижегородский епископ Назарий переместил священника в церковь села Пупкова Балахнинского уезда. Перед отъездом Никольский был задержан в Арзамасском полицейском управлении, затем помещён до решения дела в Высокогорскую пустынь под надзор настоятеля. Прокурор окружного

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

суда и начальник Нижегородского жандармского управления сообщили, что обвинение на дознании не подтвердилось и дело прекращено. Крестьяне села Спасского не раз ходатайствовали о возвращении своего священника к служению, на следствии говорили о его невиновности, отрицали его антиправительственную агитацию. Священник был отправлен в село Пупково под негласный надзор благочинного. Синод признал решения епархиальной власти правильными [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1905 г., д. 64, л. 113—113 об.].

Никольский в письме благочинному 4-го округа Арзамасского уезда священнику Аркадию Зефирову сообщал, что в ноябре 1905 года во исполнение распоряжения епархиальной власти прочитал в школьном здании прихожанам Манифесты от 17 октября и 3 ноября 1905 года и объяснение Нижегородской уездной земской управы, помещенное в газете «Волгарь». При этом своих комментариев не давал [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1905 г., д. 64, л. 16]. Согласно указанию Синода, священники должны были разъяснять народу содержание Манифестов.

Священник Никольский в своем обращении к Нижегородскому епископу писал о том, что дело против него возбуждено по клеветническому доносу старшины Спасской волости Агрикова, писаря Квасникова и управляющего Спасским имением Понятовского монастыря Петровского. Несмотря на то, что выяснилась невиновность священника, он по-прежнему был лишён прихода в селе Спасском и направлен в нищенский приход с. Пупкова, куда Никольский не пошел, что означало бы для него принять незаслуженное наказание. Он и так считал себя пострадавшим, пока четыре месяца был запрещён в служении и тем самым лишён дохода. Никольский просил епископа перевести его в приход с. Ново-Михайловки Лукояновского уезда. В случае неудовлетворения его просьбы священник был готов искать другой выход из тяжелого материального положения, чтобы прокормить не только себя, но и найти средства для обучения дочери [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1905 г., д. 64, л. 111—111 об., 113].

Таким образом, политические обвинения против священника Никольского остались недоказанными, крестьяне его прихода оправдали и поддержали своего священника. У отца Ксенофонта Никольского, скорее всего, были оппозиционные взгляды, которые он публично высказывал перед своими крестьянами-прихожанами, критиковал существующие социальные порядки. Негативным последствием случившегося для священника стала потеря стабильного дохода.

3.4. Дело священника города Пьянского — Перевоза Княгининского уезда Сергея Малицкого

Начальник Нижегородского Губернского жандармского управления писал Нижегородскому епископу, что 17 января 1907 года на собрании выбор-

CC BY

щиков от землевладельцев в Госдуму в селе Кетроси на предложение тайного советника Д. Б. Нейдгарта прочесть молитву перед началом дела священник Сергей Малицкий заявил, что «теперь не время молитвы читать, а надо за дело браться». Священник продолжал: «Вы тысячу лет молились и едят вас вши и ходите в рваных лаптях. Пусть молятся монахи с монашками. Нейдгардт получает 6.000 и ничего не делает и из-за подобных лиц переполнены все тюрьмы, а в Лукоянове даже и бани». При этом Малицкий не советовал слушать речь священника села Ревезени, «барского лакея». Отец Сергий говорил, что надо выбирать в Госдуму таких людей, которые «устроили бы равноправие и все разделили бы между помещиками и крестьянами поровну». Когда речь зашла о промысловом налоге, то Малицкий сказал крестьянам: «...с вас дерут последнюю трешницу, а с фон Брина 14.000 не взыскивают». Во время пения молитвы «Царю небесный» священник Малицкий демонстративно стоял позади всех, не только не пел, но даже не крестился, чем оскорблял религиозные чувства остальных. В 1906 году Малицкий объяснял крестьянам значение Манифеста 17 октября 1905 года, однако «толкования его противоречили духу этого акта», он «широко толковал крестьянам дарованные свободы» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1907 г., д. 52, л. 4—4 об., 8 об.]. При этом как конкретно пастырь разъяснял положения Манифеста и в чём состояло противоречие, обвинение не говорило.

По причине вредного влияния священника Малицкого на местное население он как политически неблагонадежный был перемещен на службу в село Собчино Семеновского уезда [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1907 г., д. 52, л. 17].

3.5. Дело священника села Надежина Ардатовского уезда Иоанна Бессонова

Дело о противоправительственной агитации среди крестьян было заведено на священника села Надежина Ардатовского уезда Иоанна Бессонова и учителя М. М. Соловьёва. Ардатовский уездный исправник получил сведения о том, что отец Иоанн Бессонов и учитель местной школы Михаил Матвеевич Соловьёв, состоя между собой в тесной дружбе, вели среди крестьян антиправительственную агитацию. Вмешиваясь в дела местных помещиков, они указывали на то, что императоры неправильно награждали помещиков угодьями, поэтому последние незаконно владели землей, которая принадлежит народу. В ходе обыска у священника был обнаружен револьвер, несколько запрещённых газет и журналов и разные рисунки тенденциозного содержания.

В ходе расследования были выявлены некоторые факты, компрометирующие священника. Недовольство вызвало неблагочестивое поведение отца Иоанна. Находясь в гостях у землевладельца Д. М. Федулова с диа-

CC BY

коном села Надежино Дмитрием Соловьевым и подрядчиком плотничных работ крестьянином Ф. М. Макаровым, Бессонов «позволил себе вместе с учителем Соловьевым петь непристойные песни», читал текст, в котором говорилось, что «русские обращались к Богу за помощью, но Он послал их к чёрту, сказав, что у вас есть свои министры, губернаторы, исправники, на что хозяин дома Федулов и крестьянин Макаров выразили священнику свое неудовольствие». На свадьбе у священника Михаила Дертева при ударах грома крестьяне, сняв шапки, начали креститься, но священник Бессонов сказал: «Вы что креститесь, это поехал Илюшка на неподмазанных колёсах, бояться тут нечего». Видимо, так священник посмеивался над простотой, примитивностью крестьянской веры [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1908 г., д. 49, л. 1, 2].

Если крестьянин Ф. М. Макаров отказался от претензий к священнику, то землевладелец Федулов стал главным обвинителем. Он показал, что священник вмешивался в его владельческие дела, расстроив покупку крестьянами его земли, «доказывая им невыгоду покупки по её дороговизне». Федулов жаловался, что священник писал на него «доносы в лесохранительный комитет», настраивал крестьян против землевладельца, говоря, что землю «скоро отберут у помещиков за какое-либо вознаграждение и отдадут крестьянам». После этого крестьяне заявили Федулову, чтобы он не рубил лес, «так как земля и лес обязательно должны быть наши», и пригрозили в случае нарушения запрета принять меры, «от которых между нами может произойти убийство» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1908 г., д. 49, л. 6 об, 8 об.].

Показания священника Бессонова были следующие. Землевладелец Федулов, купив 347 десятин земли села Илевского завода, обнаружив, что она даёт мало дохода, решил продать землю крестьянам с. Надежино по 130 рублей за каждую десятину, в то время как сам купил по 44. Федулов рассчитывал на помощь священника, который уговорит крестьян и получит за это «благодарность», но священник «не прельстился и прихожан не продал». Тогда Федулов для подкрепления своего расстроенного хозяйства стал рубить и продавать строевой лес на земле, заложенной в банк. Крестьяне, видя незаконную вырубку и продажу леса, обратились к священнику за советом. Последний направил их в Нижегородский лесоохранительный комитет, который вынес решение о запрете рубки леса. Федулов узнал о совете священника и пригрозил отомстить. В результате разбирательства священник Бессонов был запрещён в служении [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1908 г., д. 49, л. 1, 2, 29]. Епархиальные архиереи были обязаны применять жесткие дисциплинарные меры к сельским священникам за участие в каком-либо возмущении паствы против государственного порядка или непокорность власти [Мошненко, 2015].

CC BY

Итак, в данном случае основой для политического дела стал имущественный конфликт между землевладельцем и крестьянами, в котором священник выступил на стороне последних, защищая их интересы.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, духовенство нижегородской епархии через свое официальное издание выразило свою поддержку государственной власти, не приняло революционную борьбу, следуя в русле официальной политики, оставаясь верным принципам теории официальной народности, приспосабливаясь к вносимым императорской властью политическим изменениям. В начале революции церковная пресса защищала полноту самодержавной власти, данной Богом. После октября 1905 года была поддержана парламентская идея, прозвучал призыв к православному народу активно участвовать в выборах в Думу, учреждение которой исходило от царя. В революционных условиях главной задачей для нижегородского духовенства стало примирение общества.

«Нижегородский церковно-общественный вестник» ничего не писал о случаях проявления оппозиционности среди духовенства, даже с негативной стороны. Однако на основании рассмотренных дел фонда Нижегородской Духовной Консистории о политической неблагонадежности священников можно сказать, что случаи оппозиционного поведения среди духовенства Нижегородской епархии были, но носили единичный характер. Уважаемый за активную общественную деятельность арзамасский протоиерей либеральных взглядов Ф. И. Владимирский стал депутатом II Госдумы от кадетов. Открытие Консисторией дела против него объяснялось тем, что церковное руководство допускало наличие депутатов из духовенства только проправительственной ориентации. Оппозиционное поведение священников проявилось в следующем: общение с политически неблагонадежными людьми, вольное толкование Манифеста от 17 октября 1905 года о свободах населению, протест против социальной несправедливости, военно-полевых судов, защита прав крестьян на землю перед помещиками, наличие оружия, нескольких запрещённых изданий в доме священника, призыв крестьян к беспорядкам, неповиновению власти, неуплате податей, церковных сборов, критика земельной политики императоров в пользу помещиков. Об упразднении монархии речь не шла. Скорее всего, обвиняемые священники не имели четкой политической ориентации, не отождествляли себя с конкретной политической партией, за исключением протоиерея Владимирского. В двух случаях из четырёх рассмотренных Консистория закрыла обвинительные дела. Дело протоиерея Владимирского было прекращено в связи с досрочным роспуском Госдумы.

CC BY

Сам священник перешёл за штат. Политическое дело против священника К. Ф. Никольского было закрыто за недостатком доказательств, крестьяне оправдали и поддержали своего пастыря. Несмотря на это, он был переведен в другой, более бедный приход, что значительно ухудшило его материальное положение. Для остальных двух священников разбирательства также завершились утратой места в приходе: С. Малицкий был переведен в другое село, И. Бессонов запрещён в служении.

Изучение данной темы может быть продолжено с привлечением документов Нижегородского жандармского управления, Нижегородского окружного суда.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Вопрос* о царском самодержавии // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1905. — № 6. — 15 марта. — С. 202—213.

2. *В чем* заключается причина недовольства жизнью по учению св. Иоанна Златоуста? // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1905. — № 8. — Часть неофициальная. — С. 289—292.

3. *ГКУ* ЦАНО — *Государственное* казенное управление Центральный архив Нижегородский области. Ф. 570, Оп. 559, 1905 г., Д. 64, Л. 16, 34, 111—111 об., 113. 1906 г., Д. 79, Л. 42, 43, 49, 50, 50 об., 51, 52, 52 об., 71, 95—96. 1907 г., Д. 52, Л. 4, 4 об. Л. 8 об, Л. 17, 1908 г., Д. 49, Л. 1, 2, 6 об, 8 об., 29.

4. *Епархиальная* хроника // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1905а. — № 5. — Часть неофициальная. — 1 марта. — С. 175.

5. *Епархиальная* хроника // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1905б. — № 21. — Часть неофициальная. — 1 ноября. — С. 747.

6. *Из* епархиальной хроники // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1905. — № 23. — 1 декабря. — С. 838—842.

7. *Из* общественной жизни. Высочайший указ о созыве Государственной Думы и значение его по отзывам периодической печати // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906а. — № 9. — 5 марта. — С. 253—255.

8. *Из* общественной жизни. Местная хроника // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906б. — № 1. — 8 января. — С. 15.

9. *Определение* Святейшего Синода // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906. — № 4. — 29 января. — С. 89—90.

10. *Послание* Святейшего Синода // Нижегородские епархиальные ведомости. — 1905. — 1 февраля. — № 3. — С. 67—70.

11. *Роспуск* Государственной Думы // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906. — № 28. — 16 июля. — С. 767—768.

12. *Русское* революционное движение // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906 — № 3. — 22 января. — С. 65—71.

13. *Савкин И., св.* Несправедливые нападки на священника / И. Савкин // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1907. — № 4. — 28 января. — С. 106—108.

CC BY

14. *Титов Ф., прот.* Пастырское слово к русским православным людям накануне выборов в Государственную Думу / Ф. Титов // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906. — № 8. — 26 февраля. — С. 209—212.

15. *Хроника* местной епархиальной и общей церковной жизни. Предвыборное собрание духовенства в Нижнем Новгороде // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1906. — № 4. — 28 января. — С. 112—114.

Литература

1. *Архипова Н. Е.* Миссионерское братство Святого Креста в Нижегородской епархии в 1875—1916 годах / Н. Е. Архипова // Научный диалог. — 2019. — № 1. — С. 194—208. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-194-208.

2. *Архипова Н. Е.* Состояние приходского духовенства Нижегородской епархии во второй половине XIX века / Н. Е. Архипова // Гуманитарный научный вестник. — 2020. — № 4. — С. 7—13.

3. *Васильев И. А.* Православное духовенство во II Государственной Думе Российской империи / И. А. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2012. — № 4. — С. 3—8.

4. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. / П. Н. Зырянов. — Москва : [б. и.], 1984. — 220 с.

5. *Калюжная О. В.* Православные священники во II Государственной Думе Российской империи / О. В. Калюжная // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 1. — С. 22—32. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.22.

6. *Леонов Д. Е.* Русская православная церковь в период революции 1905—1907 гг. : по материалам Верхнего Поволжья : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. Е. Леонов. — Ярославль, 2010. — 23 с.

7. *Леонтьева Т. Г.* Вера и бунт. Духовенство в революционном обществе России в начале XX века / Т. Г. Леонтьева // Вопросы истории. — 2001. — № 1. — С. 29—43.

8. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс : православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. Серия «Российское общество». Современные исследования / Т. Г. Леонтьева. — Москва : Новый хронограф, 2002. — 272 с.

9. *Мошненко А. В.* К вопросу о политической ориентации российского православного духовенства в 1905—1907 гг. / А. В. Мошненко // Вестник ПСТГУ II : История. История Русской Православной Церкви. — 2015. — Выпуск 2 (63). — С. 42—52.

10. *Останина О. В.* Обновленчество и реформаторство в Русской православной церкви в начале XX века : автореферат диссертации … кандидата философских наук : 09.00.06 / О. В. Останина. — Ленинград, 1991. — 17 с.

11. *Павленко Т. А.* Протестное движение учащихся православных семинарий в период Первой российской революции 1905—1907 гг. : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Т. А. Павленков. — Санкт-Петербург, 2009. — 21 с.

12. *Селезнёв Ф. А.* Священнослужители и выборы [Электронный ресурс] / Ф. А. Селезнёв // Православное слово. — 1999. — № 19. — Режим доступа : https://web.archive.org/web/20130801072151/http://www.uic.unn.ru/~dofa/sw_n_elekt.htm (дата обращения 14.04.2024).

13. *Сорокин А. А.* Ф. И. Владимирский — общественно-политический деятель / А. А. Сорокин // Наследие В. Г. Короленко. Стратегии гуманизма : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. — Нижний Новгород : Националь-

CC BY

ный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2018. — С. 108—113.

14. *Федоров В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700—1917 / В. А. Федоров. — Москва : Русская панорама, 2003. — 480 с. — ISBN 5-93165-069-5.

15. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. — Москва : Духовная библиотека, 2002. — 356 с.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024,
одобрена после рецензирования 14.04.2024,
подготовлена к публикации 20.04.2024.

Material resources

Chronicle of local diocesan and general church life. Pre-election meeting of the clergy in Nizhny Novgorod. (1906). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 4: January 28.* 112—114. (In Russ.).

Definition of the Holy Synod. (1906). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 4: January 29.* 89—90. (In Russ.).

Diocesan Chronicle. (1905). *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette, 5: The part is unofficial. March 1.* P. 175. (In Russ.).

Diocesan chronicle. (1905). *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette, 21: The unofficial part. November 1.* P. 747. (In Russ.).

Dissolution of the State Duma. (1906). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 28: July 16.* 767—768. (In Russ.).

From public life. Local chronicle. (1906b). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 1: January 8.* S. 15. (In Russ.).

From public life. The Supreme decree on the convocation of the State Duma and its significance according to the reviews of the periodical press. (1906a). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 9: March 5.* 253—255. (In Russ.).

From the diocesan chronicle. (1905). *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette, 23: December 1.* 838—842. (In Russ.).

GKU TSANO — *State Administration of the Central Archive of the Nizhny Novgorod region.* (In Russ.).

Message of the Holy Synod. (1905). *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette, 3: February 1st.* 67—70. (In Russ.).

Savkin, I., St. (1907). Unfair attacks on the priest. *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 4: January 28.* 106—108. (In Russ.).

The question of the tsarist autocracy. (1905). *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette, 6: March 15.* 202—213. (In Russ.).

The Russian revolutionary movement. (1906). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 3: January 22.* 65—71. (In Russ.).

Titov, F., prot. (1906). Pastoral word to Russian Orthodox people on the eve of elections to the State Duma. *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 8: February 26.* 209—212. (In Russ.).

What is the reason for dissatisfaction with life according to the teachings of St. John Chrysostom? *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette, 8: Unofficial part.* 289—292. (In Russ.).

CC BY

References

Arkhipova, N. E. (2019). Missionary Brotherhood of the Holy Cross in Nizhny Novgorod Diocese in 1875—1916. *Nauchnyi dialog, 1:* 194—208. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-194-208 (In Russ.).

Arkhipova, N. E. (2020). The state of the parish clergy of the Nizhny Novgorod diocese in the second half of the XIX century. *Humanitarian scientific Bulletin, 4:* 7—13. (In Russ.).

Fedorov, V. A. (2003). *The Russian Orthodox Church and the state. The synodal period. 1700—1917.* Moscow: Russian Panorama. 480 p. ISBN 5-93165-069-5. (In Russ.).

Firsov, S. L. (2002). *The Russian Church on the eve of change (late 1890s — 1918).* Moscow: Spiritual Library. 356 p. (In Russ.).

Kalyuzhnaya, O. V. (2020). Orthodox priests in the II State Duma of the Russian Empire. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 1:* 22—32. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.22. (In Russ.).

Leonov, D. E. (2010). *The Russian Orthodox Church during the revolution of 1905—1907: based on the materials of the Upper Volga region.* Author's abstract of PhD Diss. Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).

Leontieva, T. G. (2002). *Faith and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of the XIX — early XX centuries. The series "Russian Society". Modern research.* Moscow: Novy Chronograph. 272 p. (In Russ.).

Leontieva, T. G. (2001). Faith and rebellion. Clergy in the revolutionary society of Russia at the beginning of the XX century. *Questions of history, 1:* 29—43. (In Russ.).

Moshnenko, A. V. (2015). On the question of the political orientation of the Russian Orthodox clergy in 1905—1907. *Bulletin of the PSU II: History. The History of the Russian Orthodox Church, 2 (63):* 42—52. (In Russ.).

Ostanina, O. V. (1991). *Renovationism and reformation in the Russian Orthodox Church at the beginning of the twentieth century.* Author's abstract of PhD Diss. Leningrad. 17 p. (In Russ.).

Pavlenko, T. A. (2009). *Protest movement of students of Orthodox seminaries during the First Russian Revolution of 1905—1907.* Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 21 p. (In Russ.).

Seleznev, F. A. (1999). Clergymen and elections. *Orthodox word, 19.* Available at: https://web.archive.org/web/20130801072151/http://www.uic.unn.ru/~dofa/sw_n_elekt.htm (accessed 04.14.2024). (In Russ.).

Sorokin, A. A. (2018). F. I. Vladimirsky — public and political figure. In: *Legacy of V. G. Korolenko. Strategies of humanism: A collection of materials of the All-Russian Scientific and practical conference.* Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 108—113. (In Russ.).

Vasiliev, I. A. (2012). Orthodox clergy in the II State Duma of the Russian Empire. *Bulletin of St. Petersburg University. Episode 14. Right, 4:* 3—8. (In Russ.).

Zyryanov, P. N. (1984). *The Orthodox Church in the struggle against the revolution of 1905—1907.* Moscow: [b. i.]. 220 p. (In Russ.).

The article was submitted 13.01.2024;
approved after reviewing 14.04.2024;
accepted for publication 20.04.2024.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Буслаев Г. Н. Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы : пути формирования и особенности развития / Г. Н. Буслаев, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 308—330. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330.

Buslaev, G. N., Nemudrov, K. A. (2024). Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s-2010s: Formation Paths and Development Features. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 308-330. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы: пути формирования и особенности развития

Буслаев Георгий Николаевич
orcid.org/0000-0003-0595-3831
аспирант кафедры дипломатии
корреспондирующий автор
buslaev.egor98@gmail.com

Немудров Константин Алексеевич
orcid.org/0000-0002-1651-8563
аспирант кафедры дипломатии
konstantin_nemudrov@mail.ru

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10136

Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s-2010s: Formation Paths and Development Features

Georgy N. Buslaev
orcid.org/0000-0003-0595-3831
post-graduate student,
Department of Diplomacy
Corresponding author
buslaev.egor98@gmail.com

Konstantin A. Nemudrov
orcid.org/0000-0002-1651-8563
post-graduate student,
Department of Diplomacy
konstantin_nemudrov@mail.ru

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10136

© Буслаев Г. Н., Немудров К. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс формирования и трансформаций российской научной диаспоры в ФРГ в 1990—2010-е годы. Поднимается вопрос о причинах и путях образования крупного сообщества научных работников и исследователей, переехавших из России в Германию. Дается приблизительная оценка количества членов рассматриваемой группы на рубеже XX—XXI веков. Особое внимание уделяется анализу форм и типов объединения российских ученых-соотечественников в ФРГ. В качестве источников использованы данные российского и германского государственных статистических ведомств, введены в научный оборот документы Германской службы академических обменов, стенограмма отчета правительства ФРГ перед Бундестагом и др. Выполнен обзор инструментов, используемых властями Германии для привлечения научных кадров из России в 1990—2010-е годы. Проанализирована политика российских уполномоченных органов по взаимодействию с научной диаспорой в рассматриваемый период. Показано, как на фоне усиления конкуренции за высококвалифицированные кадры Москва увеличила контакты с научной диаспорой в ФРГ в начале 2010-х годов. Отмечено, что, хотя данные инициативы и способствовали развитию новых форматов сотрудничества между учеными-выходцами из России в Германии и российскими научными учреждениями, они впоследствии были приостановлены и не привели к системной активизации взаимодействия.

Ключевые слова:
научная диаспора; научная дипломатия; международное научно-техническое сотрудничество; российско-германские отношения; утечка умов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of formation and transformations of the Russian scientific diaspora in Germany in the 1990s-2010s. It raises questions about the reasons and paths of creating a large community of scientific workers and researchers who moved from Russia to Germany. An approximate estimate of the number of members of the group under study at the turn of the XX-XXI centuries is provided. Special attention is paid to the analysis of forms and types of association among Russian compatriot scientists in Germany. Sources include data from Russian and German state statistical agencies, documents from the German Academic Exchange Service, a transcript of the German government's report to the Bundestag, and others. An overview of the tools used by the German authorities to attract scientific personnel from Russia in the 1990s-2010s is conducted. The policy of Russian authorities regarding interaction with the scientific diaspora during the period under review is analyzed. It is shown how Moscow increased contacts with the scientific diaspora in Germany in the early 2010s amid intensified competition for highly qualified personnel. It is noted that although these initiatives contributed to the development of new formats of cooperation between scientists of Russian origin in Germany and Russian scientific institutions, they were later suspended and did not lead to a systemic activation of interaction.

Key words:
scientific diaspora; scientific diplomacy; international scientific and technical cooperation; Russian-German relations; brain drain.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:314.742(430)“199/201”+314.743:[316.344.34:378.2](47)“199/201”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Российская научная диаспора в Германии в 1990–2010-е годы: пути формирования и особенности развития

© Буслаев Г. Н., Немудров К. А., 2024

1. Введение = Introduction

Общественные связи между Россией и Германией имеют богатую многовековую историю [Павлов, 2017]. Первые контакты между представителями в современных терминах гражданских обществ (включая научные сообщества как фракции последних) проходили одновременно со становлением централизованной государственности в обеих странах, а местами даже предшествовали ей. В связи с этим уместно вспомнить и немецкие слободы в Москве XVI—XVII веков, и активное привлечение немецкоязычных иностранцев на российскую службу Петром I, а также его преемниками на престоле. С именем Екатерины II связано образование в Российской империи особой этносоциальной группы российских немцев — переселенцев, приехавших с германских территорий для освоения земель Юга России [Зевелева, 2014]. В результате этих процессов (некоторые из них протекали исторически последовательно, а иные параллельно) в России сложилась полноценная немецкая диаспора. Она подарила миру многих выдающихся деятелей в области культуры, науки, искусства и других сферах [Турнаев, 2005]. Достаточно упомянуть таких деятелей, как Л. Эйлер, В. Я. Струве и О. Ю. Шмидт, чтобы проиллюстрировать, что работавшие в России ученые-выходцы из германских земель, наряду с другими видными иностранцами [Райнхардт, 2020], известны не только в узких кругах специалистов, но далеко за их пределами, причем во всем мире.

Несколько иначе обстоят дела с учеными, переехавшими в Германию из России. Здесь уместно говорить как о сравнительно более низкой степени научной разработанности соответствующей проблемы, так и о меньшей известности данного сюжета непрофессионалам: по личным наблюдениям авторов, среднестатистический житель ФРГ едва ли способен назвать ученых с русскими корнями, работающих или работавших в его стране. Во многом это обусловлено тем, что обратный вышеописанному процесс мас-

CC BY

сового оттока российских граждан, включая научные кадры, в Германию начался более чем на два столетия позже.

Подчеркнем, что речь идет именно о *массовом* исходе научных кадров из России в Германию в последние три десятилетия и, как следствие, об образовании там группы, объединяющим фактором которой выступает научно-исследовательская работа в различных ее формах и проявлениях. Следует, конечно же, упомянуть, что Россия еще с XVIII века стала направлять пригодную для обучения и прогрессивную молодежь в германские университеты, что даже нашло отражение в художественной литературе в широко известных и во многом стереотипных образах Александра Чацкого и Владимира Ленского. Таким образом, одновременно со становлением германской научной диаспоры в России стал закладываться фундамент российской научной диаспоры «под небом Шиллера и Гете». Отдельные соотносимые с таким явлением эпизоды имели место и позднее — например, в 1920-е годы [Стародубцев, 2005], однако в количественном отношении по-прежнему носили ограниченный характер.

Главными же движущими силами данного процесса в конце XX века, когда он сделался более масштабным, стали распад советского государства и ускорение глобализации, выразившееся среди прочего в открытии границ, либерализации экономик и росте взаимосвязанности рынков труда, в том числе секторов НИОКР. Сочетание этих факторов способствовало увеличению миграционных потоков из республик бывшего СССР в ФРГ и, как следствие, образованию там многочисленной диаспоры. Важным институциональным элементом в появлении крупного сообщества выходцев из Советского Союза также стала репатриационная политика германских властей, основанная на законе «О беженцах и перемещенных лицах» 1953 года и нацеленная на привлечение этнических немцев, проживавших в бывших союзных республиках, в Германию, которые могли претендовать на статус «переселенца» или «позднего переселенца» в зависимости от даты прибытия в ФРГ (лица, приехавшие в Германию после 1 января 1993 года, стали именоваться «поздними переселенцами»).

Об увеличении масштабов эмиграции свидетельствует и статистика: если с 1950 по 1990 годы в ФРГ из нашей страны уехали 250 тыс. человек, то с 1990 по 2000 годы этот показатель составил около 1,7 млн человек [DESTATIS]. Пропорционально — уже хотя бы за счет эффекта масштаба — росло и число бывших, действующих и потенциальных научных работников среди обоих типов переселенцев.

В данном контексте следует сделать оговорку относительно разграничения собственно российской и русскоязычной диаспоры. Последняя очевидным образом шире первой и включает в себя эмигрантов из бывших союз-

CC BY

ных республик, а гипотетически также и из третьих стран. Указанный выше закон давал право репатриироваться в ФРГ не только проживавшим на территории РСФСР/РФ этническим немцам, но и представителям данной группы из Казахстана, Украины, других государств СНГ. При том, что владение ими русским языком видится органической предпосылкой к сближению и, возможно, даже к консолидации, в настоящей работе авторы рассматривают именно *российскую*, а не русскоязычную научную диаспору для того, чтобы методологически более корректно оценить ее статические показатели и рассмотреть взаимодействие с властями РФ. Аналогичные исследовательские вопросы и научно-практические проблемы применительно к Казахстану, Украине и иным странам постсоветского пространства требуют отдельного анализа, который выходит за рамки настоящей работы.

Проблема «утечки умов»[1] из России остается в фокусе внимания исследователей и общественно-политических кругов, накладывая заметный отпечаток на структуру общего миграционного потока из России [Рязанцев, Письменная, 2013]. Дополнительный импульс миграции задействованных в сфере НИОКР кадров придала усилившаяся в последние десятилетия конкуренция ведущих экономик мира за высококвалифицированные кадры, которую профессор Университета штата Теннесси А. В. Коробков, будучи сам представителем российской научной диаспоры в США [Коробков, 2012], назвал «охотой за умами» (англ. *brain hunt*). Массовый отъезд российских ученых в зарубежные страны привел к постепенному формированию там научных диаспор, что не обошло стороной и ФРГ как одну из наиболее экономически развитых стран мира [Райнхардт, 2015], а также важнейшую точку притяжения эмигрантов из бывшего СССР. Описанные обстоятельства обусловливают актуальность исследуемой темы как в фундаментально-научном, так и в прикладном ее измерении.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В настоящее время научные диаспоры как самостоятельный предмет исследований по-прежнему находятся на достаточно ранней стадии изучения [Райнхардт и др., 2022]. В связи с этим в экспертном дискурсе отсутствует консенсус относительно содержания данного термина и допустимости его использования.

Так, один из ведущих отечественных специалистов в исследуемой области И. Г. Дежина определяет российскую научную диаспору как со-

1 В специализированной литературе, равно как и в СМИ, также встречается синонимичное словосочетание «утечка мозгов». Из семантических соображений авторы отдают предпочтение первому («утечка умов»), учитывая также и то, что второе представляется дословной калькой с английского языка (англ. brain drain).

CC BY

общество ученых — выходцев из стран СССР и РФ, «продолжающих активные научные исследования за рубежом, решающих сходные проблемы адаптации к новым условиям и, как результат, стремящихся поддерживать отношения друг с другом, а также с оставшимися на родине коллегами, друзьями и близкими» [Дежина, 2012].

Член-корреспондент РАН С. В. Рязанцев дополняет определение И. Г. Дежиной, включая в понятие диаспоры русскоязычных исследователей, «активно поддерживающих деловые контакты с соотечественниками, проживающими за рубежом» [Рязанцев и др., 2013]. Другой признанный специалист А. Г. Аллахвердян полагает, что рассматривать феномен российской научной диаспоры строго через призму понятия диаспоры как группы соотечественников, которые в той или иной степени поддерживают связь с родиной, можно лишь условно ввиду высокого уровня ассимиляции и интеграции ученых в обществе принимающей страны, тогда как само сообщество русскоязычных ученых за рубежом весьма «атомизировано» [Аллахвердян, 2007].

Феномен научной и научно-технологической диаспоры, а также интеллектуальной миграции в контексте образования диаспоры как таковой достаточно глубоко изучен рядом зарубежных исследователей [Scientific Diasporas, 2006]. Различным аспектам существования отдельных российских и отчасти русскоязычных научных диаспор, равно как и их совокупности, посвящены труды А. Г. Аллахвердяна [Агамова и др., 2006; Аллахвердян, 2007; Аллахвердян, 2020], Д. С. Аушкап [Аушкап и др., 2019; Shiryaev et al., 2019], И. Г. Дежиной [Дежина, 2012; Дежина, 2015; Дежина, 2016], М. А. Юревича [Аушкап и др., 2019, Юревич и др., 2020], а также других авторов [Безвербный, 2018; Игнатов, 2013; Коробков, 2012; Малахов и др., 2020; Осина, 2013; Рязанцев и др., 2013; Хабырина и др., 2018].

В то же время, хотя в научной литературе можно встретить работы, посвященные частным проблемам заявленной проблематики (например, монография под редакцией А. Ю. Чепуренко, затрагивающая в числе прочего тематику отношения русскоязычных ученых в ФРГ к развитию науки в России и возможности возвращения на родину [Чепуренко и др., 2005]), стоит отметить отсутствие комплексных исследований российской научной диаспоры в Германии, механизмов ее формирования и самоорганизации.

С учетом продолжающего таким образом формироваться предметного поля и обозначенных нюансов в рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть процесс формирования российской научной диаспоры в ФРГ с 1990-х по 2010-е годы, исходя из инклюзивного определения данного феномена, то есть включая в целевую исследуемую группу всех лиц,

CC BY

занятых в секторе НИОКР ФРГ, имеющих этнические и социальные связи с Россией, владеющих русским языком, ассоциирующих себя с российской культурой, независимо от их аффилиации, гражданства и политических убеждений.

Наряду с этим авторы рассматривают задействованные германскими властями механизмы привлечения научных кадров из России, а также взаимодействие российских властей с научной диаспорой в ФРГ в исследуемый период, в том числе посредством инструментов научной дипломатии [Райнхардт и др., 2022].

Выбранные авторами хронологические рамки исследования (1991—2019) охватывают наиболее активные периоды образования российской научной диаспоры в Германии (1990—2000-е годы), проходившего синхронно с формированием политики руководства ФРГ по привлечению ученых с постсоветского пространства, а также деятельности российских властей по налаживанию контактов с соотечественниками из числа научных работников (2000—2010-е годы). Пандемия новой коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2020 году, прямым и непосредственным образом сказалась на академической мобильности. Не менее значимым стало влияние на объект и предмет исследования эскалации международной напряженности после 2022 года. Данные качественные сдвиги определили верхнюю границу хронологических рамок.

Источникую базу исследования составили данные российского [Госкомстат, 2003] и германского [DESTATIS] государственных статистических ведомств, использованные для анализа структуры российской научной диаспоры в ФРГ, динамики ее роста в рассматриваемый период и сопоставления с аналогичными диаспоральными группами; документы Германской службы академических обменов и некоторых других профильных структур, а также ряд аналитических материалов и первоисточников информации, многие из которых были впервые введены в научный оборот. Среди последних стоит выделить стенограмму отчета правительства ФРГ перед парламентом 2017 году, в которой были освещены вопросы привлечения научных кадров из России по линии различных организаций и результаты такой деятельности [DB, 2017].

Важную роль при проведении исследования в части взаимодействия российских властей с научной диаспорой сыграли материалы Посольства России в Берлине [О международном конгрессе ..., 2010], а также других задействованных в этом процессе структур [Фонд «Сколково» ..., 2012].

Последовательный анализ перечисленных источников позволил исследовать объект под различными углами и прийти за счет этого к теоретически значимым выводам.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление российской научной диаспоры в Германии на рубеже XX—XXI веков

Количественная оценка, равно как и анализ динамики численности российской научной диаспоры в ФРГ сопряжены с рядом технических трудностей. Приводимые далее статистические индикаторы были получены профильными ведомствами и независимыми исследовательскими коллективами главным образом путем социологических опросов, охватывавших лишь некоторые подгруппы научных работников, а в некоторых случаях — примыкавших к ним аспирантов и студентов. Достичь полного или, по крайней мере, приближающегося к полноте охвата всей выборки на практике едва ли возможно.

Тем не менее, если говорить о численности всей российской научной диаспоры за рубежом, то, например, в исследовании 2012 года, проведенном А. В. Коробковым, она оценивается на уровне 150—200 тыс. человек [Коробков, 2012]. С. В. Рязанцев и Е. Е. Письменная в тот же период указывают цифру в 100—150 тыс. человек [Рязанцев и др., 2013]. Более ранние работы приводят оценки с еще бóльшим интервалом значений: 50—200 тыс. человек [Агамова и др., 2006].

Что касается ФРГ, то, по данным исследований и опросов разных лет, на нее стабильно приходится около 12—18 % всех российских исследователей, работающих за рубежом: это делает страну наиболее привлекательной для научных работников из постсоветского пространства после США [Shiryaev et al., 2019]. К аналогичному выводу приходят А. Субботин и С. Ареф при анализе публикаций российских исследователей на основе базы данных Scopus за 1996—2020 годы с использованием достаточно нетривиальных науко- и библиометрических методик [Subbotin et al., 2021].

Исходя из этого, на основе агрегации и усреднения имеющихся данных можно оценить численность российской научной диаспоры ФРГ в 25—35 тыс. человек к середине 2010-х годов. Получение более точных статичных и динамических оценок в настоящее время не представляется осуществимым.

Увеличение притока российских ученых в Германию в 1990-е годы подтверждается анализом географии происхождения приглашенных исследователей, работавших в германских университетах и научных центрах по программе Фонда им. А. Гумбольдта. Так, если в 1980-х годах большинство иностранцев, задействованных в секторе НИОКР, приезжали в ФРГ из США (13 %), Польши (11 %) и Японии (10 %), то в 1990-е годы произошел «поворот на Восток» и большая часть иммиграции научных работников приходилась на КНР и Россию (12 % и 11 % соответственно) [DAAD; DESTATIS].

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Одна из немногих доступных на сегодняшний день официальных информационных сводок о структуре российской научной диаспоры за рубежом приводилась Госкомстатом (с 2004 года — Росстат) на рубеже XX—XXI веков (табл. 1). В ней содержалось распределение по отраслям науки и целям поездок тех исследователей, которые составляли ядро тогдашней научной диаспоры.

Таблица 1

Доля ФРГ в миграционном потоке российских научных работников в 2002 году *

Отрасль науки	Доля Германии	Место среди остальных стран
Физика	29,2 %	1
Биология	12,0 %	2
Математика	14,0 %	2
Технические науки	9,9 %	2
Гуманитарные науки	19,7 %	2
Медицина	15,0 %	2

* Источник: составлено авторами на основе данных Государственного комитета Российской Федерации по статистике [Госкомстат, 2003].

На базе опубликованных национальным статистическим ведомством данных можно сделать вывод о том, что к началу XXI столетия ФРГ продолжала оставаться самой популярной после США страной для российских ученых, работающих в большинстве отраслей науки. При этом физики-выходцы из РФ ехали на родину В. Гейзенберга даже охотнее, чем в страну, подарившую миру Р. Фейнмана. Похожая картина наблюдалась при анализе целей поездок исследователей: Германия принимала примерно каждого четвертого (25,4 %) из направлявшихся за рубеж для учебы и стажировки и каждого пятого (21,6 %) из уехавших за границу для реализации совместного исследовательского проекта [Госкомстат, 2003].

Что касается наиболее распространенных путей эмиграции российских ученых в ФРГ, то превалирующим из них на протяжении рассматриваемого периода был переезд на постоянное место жительство для работы по бессрочным или долгосрочным контрактам в университетах, научных институтах и иных учреждениях.

Другим популярным каналом были стажировки и постдокторские программы, в рамках которых различные германские научные центры привлекали иностранных специалистов для участия в тех или иных исследовательских проектах с перспективой дальнейшего трудоустройства на

CC BY

временный или постоянный контракт [Безвербный, 2018]. Здесь следует также выделить и отдельную категорию студентов, которые уезжали в ФРГ по временным учебным визам, а затем оставались в стране пребывания, воспользовавшись предусмотренными местным законодательством возможностями для трудоустройства по окончании учебы (табл. 2).

Таблица 2

Количество иностранных студентов, приехавших для обучения и оставшихся в ФРГ по окончании учебы*

Год / Страна	1999	2000	2001	2002
Россия	1807	2070	2504	2627
США	2245	2268	2363	2366
Китай	2096	3451	6180	6985
Польша	2362	2660	3208	3699

* Источник: составлено авторами на основе данных Федерального статистического ведомства Германии [DESTATIS].

Наряду с этим определенную и достаточно стабильную долю в общем рассматриваемом миграционном потоке составляли «поздние переселенцы» с ученой степенью, для которых переезд в Германию был самоцелью [(Spät-)Aussiedler, 2013]. Иными словами, решение об эмиграции принималось ими не только и не столько из профессиональных соображений, сколько из личных, и в частности семейных. Так на протяжении 1995—2020 годов в ФРГ ежегодно переезжало порядка 7 тыс. этнических немцев и их родственников с ученой степенью [DESTATIS].

Говоря о соотношении перечисленных каналов образования российской научной диаспоры ФРГ, необходимо отметить, что в 1990-е годы превалировал именно последний. Динамика изменилась в 2000-х годах, когда более распространенными стали целенаправленные поездки соотечественников в ФРГ по стипендиальным программам, что в немалой степени было обусловлено ростом числа инициатив германского правительства по привлечению зарубежных ученых.

К тому же периоду следует отнести начало некоторой, пусть и крайне незначительной по своему охвату, консолидации исследуемой группы. В русле нее была предпринята по крайней мере одна результативная попытка создания объединения ученых-выходцев из России.

Так, в 1999 году по инициативе исследователей из Штутгарта (столица федеральной земли Баден-Вюртемберг) и при поддержке Фонда им. О. Бенеке было учреждено Германское общество русскоязычных ученых (нем.

CC BY

Deutsche Gesellschaft russischsprachiger Wissenschaftler), объединившее живущих в Германии «русскоязычных деятелей НИОКР, научно-технических специалистов и интеллигенцию» [DGRW, 2004]. Основателями общества стали около 30 ученых-представителей «поздних переселенцев» и еврейских иммигрантов, они же приняли и устав организации и провозгласили интеграцию высококвалифицированных русскоязычных специалистов в научно-техническую среду ФРГ как главную цель общества. Спустя пять лет после своего создания Германское общество русскоязычных ученых, председателем которого являлся сотрудник Политехнического института в Ретлингене Н. Нойбергер, насчитывало уже 60 человек, включая 30 профессоров и докторов наук [DGRW, 2004]. Помимо помощи в интеграции русскоязычных специалистов в Германии, общество выступало с инициативами по сотрудничеству между местными высшими учебными заведениями и университетами России и стран СНГ, а также с повесткой привлечения молодых специалистов в ФРГ. Организация вела плодотворную деятельность на протяжении более пятнадцати лет, однако затем ее активность снизилась, и в 2016 году она была реорганизована в Международный форум науки, образования и культуры на фоне «изменений притока русскоязычного населения в ФРГ и приоритетов германского общества» [DB, 2017].

Кроме того, некоторые ученые-соотечественники в Германии начиная со второй половины 2000-х годов принимали участие в деятельности глобальной Русскоязычной научно-академической ассоциации (англ. Russian-speaking Academic Science Association, RASA) [Райнхардт и др., 2022]. Проживающие в ФРГ исследователи из России составляли одну из крупнейших секций научных работников, представленных в данной организации, однако в дальнейшем фокус ее работы сместился: с 2018 года на официальном сайте ассоциации она значится как Russian-American Science Association (рус. Русско-американская ассоциация ученых), исходя из чего можно предположить, что с идейной платформы RASA исчезла связь с русским языком как ключевым объединяющим фактором [RASA].

За исключением отмеченных амбициозных по своему замыслу, однако весьма скромных по масштабу попыток создать институциональную базу для горизонтального взаимодействия членов научной диаспоры, других аналогичных инициатив отмечено не было. Рассудительные, но по большей части робкие речи работающих в ФРГ российских ученых на русском и немецком языках в части, выходящей за пределы их профессиональной тематики, были практически не слышны ни на Родине, ни в стране пребывания.

Это можно объяснить сравнительно высокой «атомизированностью» [Аллахвердян, 2007] научной диаспоры в ФРГ и автономностью ее членов на протяжении всего рассматриваемого периода. Что касается их внутрен-

CC BY

него (между собой) и внешнего (как с властями Германии, как и с различными организациями в России) взаимодействия, то оно носило спорадический характер и зачастую принимало форму частных партнерств между индивидуальными исследователями и / или научными учреждениями, тогда как на государственном уровне проблематике сотрудничества с научной диаспорой в ФРГ до 2010-х годов внимания практически не уделялось.

3.2. Механизмы привлечения российских научных работников в ФРГ

Лидирующие позиции ФРГ как страны, принимающей российских исследователей в 1990—2010-е годы, были обусловлены не только упомянутыми выше тесными историческими связями, но и широким спектром механизмов, которые стали использоваться германскими властями и организациями для привлечения научных работников из-за рубежа. Эти механизмы последовательно развивались как экстенсивно в ключе увеличения притока высококвалифицированных мигрантов, так и интенсивно с прицелом на углубление их интеграции.

В 1993 году в Москве открылось отделение Германской службы академических обменов (DAAD) — одной из ведущих в мире организаций подобного рода, нацеленной в том числе на привлечение иностранных студентов и исследователей в ФРГ посредством предоставления им финансовой и нефинансовой поддержки. В 1995—2005 годах порядка 3000 человек из России ежегодно получали стипендию DAAD, причем такая поддержка распространялась также на научно-педагогические кадры, включая перспективных аспирантов [DAAD].

Немаловажную роль в привлечении российских ученых в ФРГ сыграли и другие германские научные организации и фонды. Так, еще в последние годы существования СССР советские исследователи были в числе лидеров по объемам поддержки, выделяемой Фондом им. А. Гумбольдта. С 1993 по 2004 годы Россия уступала лишь Китаю и США по количеству ученых, получивших финансирование по линии этого фонда [Чепуренко и др., 2005]. С похожей целью в 2003 году в Москве было открыто бюро Немецкого научно-исследовательского сообщества.

Как следует из стенограммы отчета правительства ФРГ перед Бундестагом, к 2017 году более 400 научных работников их России также получили поддержку со стороны двух крупных германских научно-исследовательских организаций — Общества Макса Планка и Объединения им. Гельмгольца [DB, 2017].

В качестве отдельной категории организаций, оказывающих поддержку исследователям из России, стоит выделить общественно-политические фонды, близкие к ведущим политическим партиям ФРГ. Данные структуры нача-

CC BY

ли свою деятельность в СССР и в России как его правопреемнице еще в конце 1980-х — начале 1990-х годов, открывая свои представительства (офисы) в стране и выстраивая многочисленные партнерские связи не только с российскими учеными, университетами и научными центрами, но также с неправительственными организациями. В 1989 году в Москве открылся офис Фонда им. Ф. Эберта, близкого к Социал-демократической партии (СДПГ) ФРГ, а в 1991 и 1992 годах открылись представительства Фонда К. Аденауэра, близкого к Христианско-демократическому союзу (ХДС), и Фонда Ф. Науманна, идейно примыкающего к Свободной демократической партии (СвДП) Германии, соответственно. В 1990—2000-х годах названные фонды ежегодно предоставляли стипендии десяткам аспирантов и молодых исследователей из России для учебы и научной деятельности в ФРГ [DB, 2017].

На рубеже XX—XXI веков правительство ФРГ также инициировало ряд законодательных мер для увеличения притока высококвалифицированных мигрантов на фоне усиливающейся глобальной конкуренции за привлечение специалистов. В 2000 году власти Германии запустили программу «Зеленая карта», действовавшую до 2004 года, которая была нацелена на упрощение процедуры оформления вида на жительство и устройства на работу зарубежных специалистов главным образом в области информационных технологий [DB, 2017]. Впрочем, названная программа также вовлекла в себя ряд научных работников из смежных сфер, которые смогли воспользоваться преимуществами новой системы. Таким образом, ее вполне допустимо трактовать как один из инструментов научной дипломатии [Райнхардт и др., 2022]. Около 13 % специалистов, получивших «Зеленую карту», были выходцами из стран бывшего СССР [DB, 2017]. Позднее — в начале 2010-х годов — этот германский эксперимент лег в основу «Голубой карты» Европейского союза — документа, предоставляющего вид на жительство и право на работу высококвалифицированных специалистов из третьих стран.

В 2000-е годы власти ФРГ также принимали различные политические меры для привлечения иностранных аспирантов и студентов. Среди таких мер было внедрение проекта «Ворота Германии» (GATE Germany) в 2001 году, представляющего собой платформу для продвижения высших учебных заведений среди иностранных студентов. Похожим проектом является «PhD Germany» — созданный на платформе DAAD сервис, позволяющий аспирантам и молодым исследователям найти подходящую для них постдокторскую программу [DAAD].

Значимой программой правительства ФРГ также являлась «Exzellenzinitiative», стартовавшая в 2006 году с целью повышения привлекательности германских вузов как научно-исследовательских центров для выдающихся иностранных ученых. На программу, действовавшую до

CC BY

2017 года, всего было выделено больше 4,5 млрд евро [DB, 2017]. Примечательно, что партнерство с Россией в сфере науки и активизация взаимодействия с российскими учеными указывались правительством ФРГ в числе приоритетных задач программы в области международного сотрудничества [DAAD].

Названные и другие программы в общей сложности привели к тому, что основным фактором формирования российской диаспоры стал не этнический, а профессиональный. Иными словами, если на первом этапе иммиграционной политики (1990-е годы) Германия делала ставку на «поздних переселенцев», среди которых были и научные кадры, то на втором этапе (начиная с 2000 года) началась тонкая перенастройка данной политики. В итоге фокус плавно сместился в сторону привлечения ведущих ученых, что в определенном смысле стало самоцелью новой концепции и сделало ее более соотносимой с инструментарием научной дипломатии.

3.3. Взаимодействие научной диаспоры в ФРГ с российскими государственными органами

Начало 2010-х годов, в свою очередь, было отмечено возросшим интересом российских властей к научной диаспоре, и на официальном уровне стали предприниматься попытки выстроить регулярное взаимодействие с проживающими за рубежом учеными-соотечественниками. К тому моменту уже назрела необходимость разработки системного подхода к контактам с научной диаспорой, а частичное возвращение ее представителей в Россию стало рассматриваться Москвой в качестве приоритетной цели такого взаимодействия. Германии как одной из наиболее популярных стран эмиграции российских исследователей отводилось особое место в рамках данного сотрудничества.

В 2010 году в Берлине состоялся первый международный конгресс соотечественников-выпускников российских вузов, который собрал более ста российских ученых, проживавших в ФРГ [О международном конгрессе ..., 2010]. Мероприятие, организованное совместно Министерством образования и науки России, Посольством России в ФРГ, а также Россотрудничеством и Республиканским центром экспертизы (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ), было нацелено на обмен мнениями по вопросам о реформировании отечественной науки и системы высшего образования, о роли российских исследователей в данном процессе и перспективах их возвращения в Россию. Участниками конгресса стали такие видные представители российской научной диаспоры в Германии, как заведующий кафедрой и лабораторией экспериментальной физики Технологического института Карлсруэ А. В. Устинов, ведущий научный сотрудник Юлихского исследовательского центра Д. В. Бородин, член-корреспондент РАН, директор Института психологии дрезденского университета Б. М. Величковский.

CC BY

В ходе мероприятия были обозначены сохраняющиеся структурные недостатки в российском комплексе НИР, ведущие к оттоку специалистов за рубеж: неопределенность вокруг социальных гарантий, низкая оплата труда, ограниченные финансовые и инфраструктурные возможности для проведения исследований, бюрократия, разобщенность вузов и НИИ. Так, А. В. Устинов, уехавший в ФРГ в 1989 году после получения стипендии Фонда имени А. Гумбольдта и в 1996 году ставший первым физиком из бывшего СССР, который получил постоянную должность профессора в германском университете, отметил, что условия жизни для ученых его уровня в Германии значительно лучше, чем в России, а его специальность — физика низких температур и сверхпроводимость — была крайне востребованной на Западе [Российские ученые ..., 2010].

Конгресс соотечественников-выпускников в Берлине стал пилотной инициативой российских властей подобного рода и масштаба, нацеленной на выстраивание постоянного диалога с представителями научной диаспоры в Германии. И хотя еще рано было говорить о существенном вкладе мероприятия в укрепление взаимодействия между русскоязычным научным сообществом из ФРГ и российской наукой, встреча сигнализировала готовность властей к дальнейшим мерам по налаживанию соответствующей работы.

Параллельно с этим относительно продуктивно осуществлялось сотрудничество в частном порядке между российскими исследователями, работающими в ФРГ, и отдельными научными центрами и университетами России. Тот же А. В. Устинов участвовал в крупных российско-германских научных проектах, а в 2011 году стал заведующим лабораторией сверхпроводящих материалов НИТУ «МИСиС». Б. М. Величковский, помимо работы в Дрездене, руководил рядом исследований в сфере когнитивных наук в НИЦ «Курчатовский институт». Немаловажную роль в подобных инициативах играла и финансовая помощь, выделявшаяся российскими организациями в тот период: так, например, В. Г. Спокойный, профессор Гумбольдского университета в Берлине, создал собственную лабораторию в России после получения гранта в размере 150 млн рублей [Фонд «Сколково», 2012].

В 2011—2012 годах было организовано еще несколько площадок для диалога между российской научной диаспорой в Германии, с одной стороны, и российскими государственными органами, а также научно-исследовательскими центрами, с другой стороны. Так, в 2011 году состоялся круглый стол «О вкладе соотечественников Германии в модернизацию России», собравший авторитетных специалистов в области науки и техники. В рамках данного мероприятия с докладами выступали представители диаспоры с богатым опытом налаживания связей между зарубежными российскими исследователями — в частности, член RASA профессор Б. Чи-

CC BY

чиков из Ганноверского университета и профессор А. Шипулин из Йенского университета [Круглый стол…, 2011]. Стоит отметить, что, как и в случае с конгрессом соотечественников-выпускников, в проведении данного круглого стола значимую роль сыграла научная дипломатия: коспонсорами мероприятия выступили Департамент по работе с соотечественниками МИД России, Посольство России в ФРГ и Россотрудничество [Круглый стол…, 2011].

В 2012 году в Берлине фонд «Сколково» также провел встречу с соотечественниками-учеными, в которой приняли участие более 30 исследователей из различных городов ФРГ [Фонд «Сколково» ..., 2012]. Примечательно, что для организации форума были задействованы многочисленные контакты с российской научной диаспорой в ФРГ, установленные в ходе двух проведенных ранее и описанных выше мероприятий. На встрече были представлены проекты «Сколково» по репатриации ученых в Россию, обсуждались проблемы и перспективы текущего взаимодействия, в том числе в формате двусторонних «мегагрантов».

Несмотря на активные меры российского руководства по продвижению диалога с научной диаспорой в ФРГ в период 2010—2012 годов, дальнейшего развития данные программы не получили и уже к середине 2010-х годов стали фактически затухать. Определенную роль в этом, думается, сыграло и изменение геополитических реалий после присоединения к России Крыма в 2014 году, которое было неоднозначно и в основном негативно воспринято в германских правительственных и научных кругах. Инициативы, реализованные во второй половине 2010-х годов (например, «Дни Политеха в Берлине 2020» для выпускников Санкт-Петербургского политехнического университета), носили уже точечный, а не универсальный характер и были рассчитаны на ограниченную целевую аудиторию.

В итоге после двадцати лет инертности и двухлетнего всплеска активности тема взаимодействия с научной диаспорой в ФРГ вновь стала терять приоритетность в глазах лиц, принимающих решения в области российской внешней и научной политики. Немногочисленные и разрозненные призывы реанимировать этот диалог подвергались критике, в том числе и со стороны представителей самой научной диаспоры. Главной их претензией еще в «лучшие времена», то есть на рубеже 2000—2010-х годов, было отсутствие четкой координации и согласованности мер [Российские ученые ..., 2012]. С течением времени взаимное разочарование членов диаспоры и российских администраторов от науки, вероятно, лишь нарастало. Сама же численность научной диаспоры по прямым и косвенным показателям демонстрировала устойчивый рост без поправки на конъюнктурные факторы (табл. 3).

CC BY

Таблица 3

Число российских научных работников
в высших учебных заведениях ФРГ *

Год	2012	2013	2014	2015
Общее число научных работников	1.872	1.981	2.017	2.098
Среди них профессоров	75	81	83	79

* Источник: составлено авторами на основе данных Германской службы академических обменов [DAAD].

Таким образом, можно резюмировать, что за исключением непродолжительного промежутка 2010—2012 годов российская научная диаспора в ФРГ как единое, пусть и крайне гетерогенное «*этнопрофессиональное*» сообщество мало взаимодействовало с российскими государственными органами. Несмотря на имеющийся задел, возобновления сотрудничества в дальнейшем не наблюдалось.

4. Заключение = Conclusions

Российская научная диаспора в ФРГ, будучи одной из крупнейших диаспор подобного рода в мире, предстает достаточно неоднородным сообществом. Это проистекает как из самой ее структуры, в которой широко представлены специалисты по различным сферам науки, так и из процесса ее формирования в 1990-е, а затем в 2000-е и в 2010-е годы. Если изначально наиболее распространенным каналом эмиграции ученых и, соответственно, образования диаспоры была программа репатриации «поздних переселенцев», то впоследствии все более значимую роль стали играть иные механизмы привлечения российских ученых в ФРГ: стипендии, постдокторские программы, постоянные и временные контракты в университетах и научных центрах. Имманентно присущая российской научной диаспоре в Германии «пестрота» отрицательно сказывалась на ее консолидационном потенциале. До сих пор единственная известная попытка самоорганизации научной диаспоры в ФРГ имела место в конце 1990-х годов в Штутгарте, где было образовано Германское общество русскоязычных ученых, просуществовавшее в изначальном виде в течение лишь чуть более полутора десятилетий.

В тот же период власти ФРГ постепенно оптимизировали и модифицировали инструменты по стимулированию притока зарубежных высококвалифицированных кадров, значительную часть из которых составляли выходцы из постсоветского пространства и особенно из России. Среди таких инструментов: финансируемые за счет средств федерального бюджета научно-образовательные фонды, политические фонды, законодательные инициативы

CC BY

и многочисленные программы, направленные на приглашение иностранных специалистов. С 1990-х годов ведущие профильные фонды (DAAD, Фонд имени А. Гумбольдта и другие) открывали свои офисы в России и принимали весьма эффективные меры, оказывая поддержку сотням ученых, многие из которых переехали в Германию на постоянное проживание.

Политика российского руководства в отношении научной диаспоры в ФРГ, в свою очередь, тоже прошла определенную эволюцию: если в первое десятилетие после распада СССР российские власти весьма инертно реагировали на проблему «утечки умов», то в конце 2000-х — начале 2010-х годов начали предприниматься усилия по укреплению связей с соотечественниками-учеными за рубежом. Хотя данные меры и носили эпизодический, а не системный характер, они свидетельствовали о возросшем интересе государства к научной диаспоре в ФРГ. В ходе диалога с российскими исследователями, проживавшими в Германии, выявлялись основные проблемы, мешающие ученым вернуться на родину: в частности, диспропорции в финансировании, необходимость структурных реформ российской научно-образовательной сферы и другие. При этом практический эффект от таких контактов, который мог бы отражаться в росте репатриации научных работников или, например, в увеличении числа партнерств между российскими научными институтами и исследователями-соотечественниками из ФРГ, был ограниченным — в немалой степени из-за де-факто сворачивания данного взаимодействия к середине 2010-х годов.

Тем не менее российская научная диаспора в ФРГ в силу своей многочисленности и наличия в ее рядах видных ученых продолжает обладать большим потенциалом для развития отечественной науки. Уже имевшийся к 2010-м годам уровень взаимодействия между исследователями в ФРГ и российскими научными и государственными структурами не только способствовал взаимовыгодному обмену мнениями, но и породил новые форматы сотрудничества в виде совместных проектов между научными центрами двух стран. Именно поэтому продолжение такого научного диалога в настоящее время, несмотря на имеющиеся объективные сложности, представляется важным для дальнейшего развития российской, германской и, в конечном счете, мировой науки, равно как и для международного научно-технического сотрудничества в целом.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. Госкомстат, 2003 — *Государственный* комитет Российской Федерации по статистике. о численности сотрудников, работавших за рубежом в 2002 году. — Москва — Индекс 3808, код работы 1512003.

2. *Круглый* стол «О вкладе соотечественников в модернизацию России». Исток. 29.11.2011. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://istok-ev.org/pages/71-modernizacija (дата обращения 05.03.2024).

3. *О международном* конгрессе соотечественников-выпускников российских вузов, работающих в России и за рубежом. Посольство России в ФРГ. 25.05.2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/de_ru_2010_05_25_o-mezhdunarodnom-kongresse-sootechest/ (дата обращения 05.03.2024).

4. *Российские* ученые, работающие за рубежом, не спешат возвращаться [Электронный ресурс] / А. Розэ // Российская газета. 26.05.2010. — Режим доступа : https://rg.ru/2010/05/26/uchenye.html (дата обращения 05.03.2024).

5. *Фонд* «Сколково» провел встречу с зарубежными учеными-соотечественниками [Электронный ресурс] / Ю. Еременко // Русский век. 12.03.2012. — Режим доступа : https://ruvek.mid.ru/publications/fond_skolkovo_provel_vstrechu_s_zarubezhnymi_uchenymi_sootechestvennikami_6663/ (дата обращения 05.03.2024).

6. DAAD — *Deutscher* Akademischer Austauschdienst [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.daad.de/de/ (accessed 05.03.2024).

7. DB, 2017 — *Deutscher* Bundestag. Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. André Hahn, Andrej Hunko, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion Die Linke. Berlin. — Drucksache 18/13698 vom 23.10.2017. — 24 s.

8. DESTATIS — *Bundesamt* für Statistik [Electronic Resource]. — Access mode : https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (accessed 05.03.2024).

9. DGRW, 2004 — *Deutsche* Gesellschaft russischsprachiger Wissenschaftler. [Electronic Resource]. — Access mode : https://forum-wbk.de/wp-content/uploads/Jubileumsblatt-Nr.3.pdf (accessed 05.03.2024).

10. RASA — *Russian-American* Science Association. [Electronic Resource]. — Access mode : https://rasa-usa.org/ (accessed 05.03.2024).

11. *Scientific* Diasporas // Science. Policy Forum. — 2006. — Vol. 312. — Is. 5780. — Pp. 1602—1603.

12. *(Spät-)Aussiedler* in Deutschland. Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse. Forschungsbericht 20 / S. Worbs, E. Bund, M. Kohls, C. B. von Gostomski. — Berlin : Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2013. — 248 s.

Литература

1. *Агамова Н. С.* Динамика утечки умов и становления российской научной диаспоры / Н. С. Агамова, А. Г. Аллахвердян // Наука. Инновации. Образование. — 2006. — Т. 1. — № 1. — С. 104—120.

2. *Аллахвердян А. Г.* Кадровый спад в технических и естественных науках и эмиграция российских исследователей / А. Г. Аллахвердян // Наука и инновации. — 2020. — № 8 (210). — С. 80—83.

3. *Аллахвердян А. Г.* Российская научная диаспора как составляющая отечественной науки на рубеже XX—XXI веков / А. Г. Аллахвердян // Российский химический журнал. — 2007. — № 3 (51). — С. 99—107.

CC BY

4. *Аушкап Д. С.* Мировой опыт взаимодействия с учёными-соотечественниками : уроки для России / Д. С. Аушкап, В. А. Малахов, М. А. Юревич // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89. — № 7. — С. 688—698.

5. *Безвербный В. А.* Российская научная диаспора в зарубежных странах : масштабы и причины «утечки умов» на современном этапе / В. А. Безвербный // Научное обозрение. Серия 2 : Гуманитарные науки. — 2018. — № 4—5. — С. 26—34. — DOI: 10.20339/AM.12-23.016.

6. *Дежина И. Г.* Перспективы участия ученых-соотечественников в развитии российской науки / И. Г. Дежина // Экономическое развитие России. — 2015. — Т. 22. — № 2. — С. 104—107.

7. *Дежина И. Г.* Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками / И. Г. Дежина // Экономика и прогнозирование. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 9—24.

8. *Дежина И. Г.* Русскоязычная научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией / И. Г. Дежина // Социология науки и технологий. — 2016. — Т. 7. — № 1. — С. 134—149.

9. *Зевелева О. И.* Миграционная политика и коллективная идентичность : опыт российских немцев в Германии / О. И. Зевелева // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 114—126.

10. *Игнатов И. И.* Сотрудничество российского научного сообщества с зарубежной русскоязычной диаспорой : пролог к новым моделям / И. И. Игнатов // Наука. Инновации. Образование. — 2013. — Т. 8. — № 1. — С. 244—269.

11. *Коробков А. В.* Российская научно-технологическая диаспора в США / А. В. Коробков // Российский совет по международным делам. 17.05.2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/ (дата обращения 05.03.2024).

12. *Малахов В. А.* Структура международной миграции ученых на примере России / В. А. Малахов, И. Н. Васильева, Ф. Д. Белов // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 232—246. — DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14.

13. *Осина А. И.* Российская научная диаспора и подходы к сотрудничеству с ней для развития российской науки / А. И. Осина // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 8. — С. 118—120.

14. *Павлов Н. В.* Россия и Германия. Несостоявшийся альянс. (история с продолжением) / Н. В. Павлов. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 558 с.

15. *Райнхардт Р. О.* «Дипломатия для науки» в интерпретации российских научных и дипломатических работников / Р. О. Райнхардт, А. Н. Панов // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 2. — С. 115—129. — DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.09.

16. *Райнхардт Р. О.* Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824—1825) / Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 466—476. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476.

17. *Райнхардт Р. О.* Современная система экономической дипломатии ФРГ / Р. О. Райнхардт // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 3. — С. 225—231.

18. *Рязанцев С. В.* Эмиграция ученых из России : «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социологические исследования. — 2013. — № 4 (348). — С. 24—35.

CC BY

19. *Стародубцев Г. С.* Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия) / Г. С. Стародубцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2014. — № 4. — С. 337—346.

20. *Турнаев В. И.* Немецкие ученые в послепетровской России : встреча с действительностью / В. И. Турнаев // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». — 2005. — № 289 (декабрь). — С. 65—72.

21. *Харыбина Т. Н.* Анализ модели взаимодействия с русскоязычной научной диаспорой за рубежом на примере ИБФМ РАН / Т. Н. Харыбина, Е. В. Бескаравайная, Ю. В. Мохначева // Информация и инновации. — 2018. — Т. 13. — № 4. — С. 89—98.

22. *Чепуренко А. Ю.* Воспроизводство научной элиты в России : роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда имени А. Гумбольдта) / А. Ю. Чепуренко, Л. М. Гохберг, О. Р. Шувалова, А. В. Соколов. — Москва : Франтэра, 2005. — 232 с. — ISBN 5-94009-023-9.

23. *Юревич М. А.* Измерение международной мобильности российских ученых : библиометрический подход / М. А. Юревич, Д. С. Еркина, И. П. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64. — № 9. — С. 53—62. — DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-53-62.

24. *Shiryaev A.* Digital technology research of the number of scientific diaspora / A. Shiryaev, D. Aushkap // Advances in Social Science. Education and Humanities Research. — 2019. — Vol. 240. — Pp. 1—4.

25. *Subbotin A.* Brain drain and brain gain in Russia : Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996—2020 / A. Subbotin, S. Aref // Scientometrics. — 2021. — Vol. 126. — Pp. 7875—7900.

Статья поступила в редакцию 08.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 20.04.2024.

Material resources

About the international congress of compatriots-graduates of Russian universities working in Russia and abroad. The Russian Embassy in Germany. 05/25/2010. Available at: https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/de_ru_2010_05_25_o-mezhdunarodnom-kongresse-sootechest / (accessed 03/05/2024). (In Russ.).

DAAD — *Deutscher Akademischer Austauschdienst.* Available at: https://www.daad.de/de/ (accessed 05.03.2024). (In Germ.).

DB, 2017 — Deutscher Bundestag. (2017). *Antwort der Bundesregierung auf die kleine Anfrage der Abgeordneten Dr. André Hahn, Andrej Hunko, Annette Groth, weiterer Abgeordneter und der Fraktion Die Linke.* Berlin. Drucksache. 24 s. (In Germ.).

DESTATIS — *Bundesamt für Statistik.* Available at: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (accessed 05.03.2024). (In Germ.).

DGRW, 2004 — *Deutsche Gesellschaft russischsprachiger Wissenschaftler.* Available at: https://forum-wbk.de/wp-content/uploads/Jubileumsblatt-Nr.3.pdf (accessed 05.03.2024). (In Germ.).

Goskomstat, 2003 — *The State Committee of the Russian Federation on Statistics. on the number of employees who worked abroad in 2002. Moscow — Index 3808, work code 1512003.* (In Russ.).

RASA — *Russian-American Science Association.* Available at: https://rasa-usa.org/ (accessed 05.03.2024).

Round table "On the contribution of compatriots to the modernization of Russia". The source. 29.11.2011. Available at: http://istok-ev.org/pages/71-modernizacija (accessed 03/05/2024). (In Russ.).

Russian scientists working abroad are in no hurry to return. (2010). *Rossiyskaya Gazeta. 26.05.* Available at: https://rg.ru/2010/05/26/uchenye.html (accessed 03/05/2024). (In Russ.).

Scientific Diasporas. (2006). *Science. Policy Forum, 312 (5780):* 1602—1603.

(Spät-)Aussiedler in Deutschland. (2013). *Eine Analyse aktueller Daten und Forschungsergebnisse. Forschungsbericht 20.* Berlin: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 248 s. (In Germ.).

The Skolkovo Foundation held a meeting with foreign scientists-compatriots. (2012). *Russian century. 12.03.* Available at: https://ruvek.mid.ru/publications/fond_skolkovo_provel_vstrechu_s_zarubezhnymi_uchenymi_sootechestvennikami_6663 / (accessed 03/05/2024). (In Russ.).

References

Agamova, N. S., Allakhverdyan, A. G. (2006). Dynamics of brain drain and the formation of the Russian scientific diaspora. *Nauka. Innovation. Education, 1 (1):* 104—120. (In Russ.).

Allahverdyan, A. G. (2007). The Russian scientific diaspora as a component of national science at the turn of the XX—XXI centuries. *Russian Chemical Journal, 3 (51):* 99—107. (In Russ.).

Allakhverdyan, A. G. (2020). Personnel decline in technical and natural sciences and emigration of Russian researchers. *Science and Innovations, 8 (210):* 80—83. (In Russ.).

Aushkap, D. S., Malakhov, V. A., Yurevich, M. A. (2019). World experience of interaction with fellow scientists: lessons for Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 89 (7):* 688—698. (In Russ.).

Bezverbny, V. A. (2018). The Russian scientific diaspora in foreign countries: the scale and causes of the "brain drain" at the present stage. *Scientific Review. Series 2: Humanities, 4—5:* 26—34. DOI: 10.20339/AM.12-23.016. (In Russ.).

Chepurenko, A. Yu., Gokhberg, L. M., Shuvalova, O. R. (2005). *Reproduction of the scientific elite in Russia: the role of foreign scientific foundations (on the example of the A. Humboldt Foundation).* Moscow: Frantera. 232 p. ISBN 5-94009-023-9. (In Russ.).

Dezhina, I. G. (2015). Prospects for the participation of fellow scientists in the development of Russian science. *The economic development of Russia, 22 (2):* 104—107. (In Russ.).

Dezhina, I. G. (2016). Russian-speaking scientific diaspora: experience and prospects of cooperation with Russia. *Sociology of Science and technology, 7 (1):* 134—149. (In Russ.).

Dezhina, I. G. (2012). The policy of Russia for the development of cooperation with foreign scientists-compatriots. *Economics and forecasting, 10 (2):* 9—24. (In Russ.).

Ignatov, I. I. (2013). Cooperation of the Russian scientific community with the foreign Russian-speaking diaspora: prologue to new models. *Nauka. Innovation. Education, 8 (1):* 244—269. (In Russ.).

Kharybina, T. N., Beskaravainaya, E. V. (2018). Analysis of the model of interaction with the Russian-speaking scientific diaspora abroad on the example of the IBFM RAS. *Information and innovations, 13 (4):* 89—98. (In Russ.).

Korobkov, A. V. (2012). The Russian scientific and technological Diaspora in the USA. *Russian Council for International Affairs. 05.17.* Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha / (accessed 03.05.2024). (In Russ.).

Malakhov, V. A., Vasilyeva, I. N., Belov, F. D. (2020). The structure of international migration of scientists on the example of Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast, 13 (5):* 232—246. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.14. (In Russ.).

Osina, A. I. (2013). The Russian scientific diaspora and approaches to cooperation with it for the development of Russian science. Theory and practice of social development, 8: 118—120. (In Russ.).

Pavlov, N. V. (2017). *Russia and Germany. A failed alliance. (a story with a sequel)*. Moscow: Aspect Press. 558 p. (In Russ.).

Reinhardt, R. O. (2022). "Diplomacy for science" in the interpretation of Russian scientists and diplomatic workers. *Polis. Political research, 2:* 115—129. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.09. (In Russ.).

Reinhardt, R. O. (2015). Modern system of economic diplomacy of Germany. *Bulletin of MGIMO University, 3:* 225—231. (In Russ.).

Reinhardt, R. O. (2020). Beginning of the Diplomatic Mission of the Ambassador of Spain J. M. Paez de la Cadena to the Russian Empire (1824—1825). *Nauchnyi dialog, 1 (11):* 466—476. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-466-476. (In Russ.).

Ryazantsev, S. V., Written, E. E. (2013). Emigration of scientists from Russia: "circulation" or "leakage" of minds. *Sociological research, 4 (348):* 24—35. (In Russ.).

Shiryaev, A. (2019). Digital technology research of the number of scientific diaspora. *Advances in Social Science. Education and Humanities Research, 240:* 1—4.

Starodubtsev, G. S. (2014). The formation of the Russian scientific international legal diaspora in Berlin (the 20s of the XX century). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences, 4:* 337—346. (In Russ.).

Subbotin, A. (2021). Brain drain and brain gain in Russia: Analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996—2020. *Scientometrics, 126:* 7875—7900.

Turnaev, V. I. (2005). German scientists in post-Petrine Russia: meeting with reality. *Bulletin of Tomsk State University. The series "History. Local history. Ethnology. Archaeology", 289 (December):* 65—72. (In Russ.).

Yurevich, M. A., Yerkina, D. S., Tsapenko, I. P. (2020). Measuring the international mobility of Russian scientists: a bibliometric approach. *World Economy and International relations, 64 (9):* 53—62. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-9-53-62. (In Russ.).

Zeveleva, O. I. (2014). Migration policy and collective identity: the experience of Russian Germans in Germany. *Polis. Political research, 6:* 114—126. (In Russ.).

The article was submitted 08.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 20.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Егоров А. А. Эскалация англо-германских отношений на фоне укрепления позиций «партии войны» в Германии в кризисный период 1908—1911 годов / А. А. Егоров, О. О. Бойко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 331—347. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-331-347.

Egorov, A. A., Boyko, O. O. (2024). Escalation of Anglo-German Relations Amidst Strengthening of 'War Party' in Germany during Crisis Period of 1908—1911. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 331-347. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-331-347. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эскалация англо-германских отношений на фоне укрепления позиций «партии войны» в Германии в кризисный период 1908—1911 годов

Егоров Александр Александрович
orcid.org/0000-0002-4573-3158
ResearcherID: N-9128-2013
доктор исторических наук, профессор,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений
egorov_1799@mail.ru

Бойко Олег Олегович
orcid.org/0000-0001-5704-239X
аспирант, кафедра
зарубежной истории
и международных отношений
oboiko@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Escalation of Anglo-German Relations Amidst Strengthening of 'War Party' in Germany during Crisis Period of 1908—1911

Alexander A. Egorov
orcid.org/0000-0002-4573-3158
ResearcherID: N-9128-2013
Doctor of History, Professor,
Department of Foreign History
and International Relations
egorov_1799@mail.ru

Oleg O. Boyko
orcid.org/0000-0001-5704-239X
Postgraduate student,
Department of Foreign History
and International Relations
oboiko@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Егоров А. А., Бойко О. О., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом исследования являются англо-германские отношения в кризисный период 1908—1911 годов. Цель работы — изучить взгляды и деятельность государственных и общественных деятелей Германии, которые прямо или косвенно влияли на общий фон англо-германских отношений в контексте обостряющегося антагонизма между двумя державами. Этот процесс происходил под влиянием так называемой «партии войны», к которой принадлежала определенная группа немецких политиков с ярко выраженными национал-шовинистскими идеалами. Исторические источники, использованные в статье, исследованы с позиций персонального подхода и антропологии международных отношений. На основе этих источников охарактеризована ранее слабо изученная деятельность немецкой элиты, действовавшей совместно с кайзером (Вильгельмом II) и формировавшей актуальную внешнеполитическую повестку Германии в предвоенный период. Автор пришел к выводу о том, что на протяжении всего кризисного периода в англо-германских отношениях 1908—1911 годов ни МИДу Германии, ни канцлерам Б. Бюлову и Т. Бетман-Гольвегу не удалось полностью перехватить инициативу у «партии войны», корректирующей политику Вильгельма II. Это стало возможным вследствие конституционной деформации и воспеваемых в немецком обществе идей о великом национальном государстве.

Ключевые слова:
Германская империя; Вильгельм II; англо-германский антагонизм; партия войны.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of the study is Anglo-German relations during the crisis period of 1908-1911. The aim of the work is to examine the views and activities of German state and public figures who directly or indirectly influenced the overall background of Anglo-German relations in the context of escalating antagonism between the two states. This process was influenced by the so-called ‘war party’, to which a certain group of German politicians with pronounced nationalist-chauvinistic ideals belonged. The historical sources used in the article are analyzed from a personal approach and anthropology of international relations. Based on these sources, the previously poorly studied activities of the German elite, who acted in conjunction with Kaiser Wilhelm II and shaped Germany’s current foreign policy agenda in the pre-war period, are characterized. The author concludes that throughout the entire crisis period of Anglo-German relations from 1908 to 1911, neither the German Ministry of Foreign Affairs nor Chancellors B. Bülow and T. Bethmann-Hollweg were able to fully seize the initiative from the ‘war party’, which was shaping Wilhelm II’s policies. This became possible due to constitutional deformation and the celebrated ideas of a great national state in German society.

Key words:
German Empire; Wilhelm II; Anglo-German antagonism; war party.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(430).084
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-331-347

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

Эскалация англо-германских отношений на фоне укрепления позиций «партии войны» в Германии в кризисный период 1908—1911 годов

© Егоров А. А., Бойко О. О., 2024

1. Введение = Introduction

Законы о флоте, принятые в 1898 и 1900 годах, подтолкнули Германию к созданию мощного боевого флота против Великобритании и ознаменовали наращивание военно-морских сил Германии в длительной перспективе [Kennedy, 1980, p. 248]. По мере роста внутренней напряженности в Германии, в связи с подъемом Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и забастовочной деятельностью, множество националистически настроенных интеллектуалов, промышленников и пангерманистов начали требовать объединяющей «мировой политики», основанной на значительном расширении военно-морской мощи Германии [Kaiser, 1983, pp. 442—449]. По мнению А. Тирпица, при условии существенного увеличения военно-морских сил у немцев появился бы шанс заставить Великобританию пойти на уступки, а главное — добиться паритета по численности флотов двух держав в Северном море [Tirpitz, 1924, S. 59]. После визита государственного секретаря Великобритании по военным вопросам Р. Халдейна в Берлин у британского политического истеблишмента не могло остаться сомнений [Haldane, 1929, p. 208]. На личной аудиенции Вильгельм II донес Р. Халдейну мысль о том, что планы вторжения в Британию действительно разрабатывались немецким адмиралтейством, но император считал их достаточно рискованными с точки зрения человеческих потерь и ущерба для торговли [Haldane, 1929, p. 209]. Несмотря на риски, германская идея экспансии подразумевала возможность разом решить экономические и социальные проблемы страны и пользовалась популярностью не только среди политических элит и определенных общественных прослоек Германии. Схожие империалистические идеи были в этот период и в США, и в Британии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковую базу исследования составили такие виды письменных источников, как дипломатические документы официального характера, источ-

CC BY

ники личного происхождения, материалы прессы. Зарубежные официальные издания дипломатических документов представлены «Британскими документами о происхождении войны 1898—1914 годов» [Gooch, 1926]. Анализ содержания депеш, конфиденциальных писем политиков и дипломатов Великобритании позволит проанализировать предпосылки и тонкости принятия тех или иных политических решений. Важным источником является немецкий сборник дипломатических документов «Великая политика европейских кабинетов 1871—1914 годов» [Lepsisus et al., 1927]. Сборник документов предоставляет возможность раскрыть подоплеку и особенности решений, принимаемых в высших эшелонах власти Второго Рейха, а также проследить влияние представителей так называемой «партии войны» на англо-германские отношения. Анализ переписки послов, кайзера, канцлеров Б. Бюлова и Т. Бетман-Гольвега, статс-секретарей по иностранным делам позволяет судить о целях и стратегии поведения Германии в ходе международных кризисов, в частности Марокканского кризиса 1911 года. С учетом характера исследуемой проблемы, большое значение приобрели мемуары британских и немецких политиков, промышленников и военных. Несмотря на известную долю субъективности, они значительно расширяют и уточняют информацию, содержащуюся в официальных документах. В статье используются мемуары министра иностранных дел Великобритании Э. Грея [Grey, 1925], секретаря по военным вопросам Великобритании Р. Халдейна [Haldane, 1929], рейхсканцлера Германской империи Б. Бюлова [Бюлов, 1935], секретаря Германского имперского военно-морского ведомства А. Тирпица [Tirpitz, 1924]. Они дают возможность проследить закулисные политические игры, скрытые мотивы определенных политических шагов и реальную точку зрения представителей британского и немецкого политического и военного истеблишмента на англо-германские отношения. Благодаря материалам британской прессы есть возможность оценить влияние интервью кайзера Вильгельма II в газете «Daily Telegraph» на англо-германские отношения и на общественные настроения в Великобритании и Германии [Daily Telegraph, 1908].

В зарубежной историографии присутствует множество трудов, посвященных раскрытию различных аспектов англо-германского антагонизма на рубеже XIX—XX веков. Длительное время среди зарубежных историков доминировали представления о проблематике англо-германских отношений, основанные на цивилизационном подходе. После Второй мировой войны были попытки рассмотреть англо-германские взаимоотношения через призму микроэкономики, локального военного противостояния и несовместимости культурных практик англосаксов и германцев [Balfour, 1981, p. 499]. К середине 1960-х годов среди западных ученых уже фигурировал тезис, подчеркивающий тот факт, что англо-германского конфликта можно было

CC BY

избежать [Kennedy, 1980, p. 157]. Тем не менее продолжительное время за рамками исторических исследований оставались глубинные процессы, происходившие в немецкой экономике и социальной сфере в кризисный период 1905—1914 годов. В этой связи ревизионистские работы зарубежных историков фактически могут быть представлены двумя периодами, а именно — 1970—1990-х годов и 2000-х годов. Научные труды, которые увидели свет в конце 1970-х — начале 1990 годов, в значительной мере изменили традиционные представления о сущности англо-германских связей. Во главу угла этих исследований было поставлено изучение микроисторических процессов, например, династических связей между монархами Британии и Германии в области межличностных отношений [Hull, 1982, p. 45]. Переоценке подверглись степень влияния британских монархов на англо-германские взаимоотношения и факторы, сдерживавшие влияние британской монархии на британскую политику в отношении Германии [Roderick, 2001, pp. 478—483].

В современной историографии на смену системному подходу к анализу англо-германского сырьевого соперничества пришел неоинституционализм, в рамках которого государство рассматривается как арена борьбы различных акторов за влияние на саму возможность претворять в жизнь те или иные экономические решения [Fremdling, 1995, pp. 599—608]. В рамках англо-американской историографической традиции стал оформляться культурно-исторический подход к характеристике германского капитализма, позволяющий рассматривать его как дискурсивную структуру, отражающую определенное состояние общественных практик в Германской империи начала XX века [Green, 2012, pp. 345—354]. В частности, историки Д. Арриги [Arrighi, 1999. p. 151] и Б. Сильвер [Silver, 2003, p. 148] попытались дополнить мир-системный подход, приняв во внимание взаимовлияние социальных сил и государства с упором на британское и немецкое рабочее движение в ключе регионального капиталистического развития. Параллельно с этим среди немецких историков наметились две противоположные друг другу концепции, отличающиеся от англо-саксонского представления об основах англо-германского противостояния в рамках политико-экономического развития европейских государств в целом. Сторонники «Sonderweg» (Особый путь) постулировали «особый», отклоняющийся от нормы курс развития Германии, который отличал ее от европейского опыта [Blackbourn, 1984, p. 31]. В настоящее время представление о существовании «нормального», традиционного пути развития внутри Европы выглядит ошибочным, так как немецкие историки рассматривали в качестве образца европейского развития британскую модель, не осознавая, что она ни в коем случае не была «типичной» для континентальной Европы [Green, 2012, p. 363]. В отличие от сторонников «Sonderweg» историк А. Майер

CC BY

преподносит немецкий путь развития как стандартный для континентальных держав и связывает истоки Первой мировой войны с трансевропейским упорством реакционных аристократических сил [Mayer, 1981, p. 238]. В целом исторический ревизионизм в данном вопросе отличается постулированием идеи неустойчивого союза между аристократическими юнкерами и восходящими промышленниками, что в конечном счете выливалось в формирование порой противоречащих друг другу политических стратегий [Green, 2012, p. 365].

Современные междисциплинарные исследовательские модели XXI века значительно углубили представления о влиянии радикализации рабочих движений и роста рабочего класса в рамках оценки интеллектуального влияния СДПГ на общий вектор политической повестки в Германии [Sassoon, 1997, p. 22]. Таким образом, историки уходят от представления об упадке британской гегемонии как проявлении системного хаоса в начале XX века и приходят к пониманию национально ориентированных процессов и классовых стратегий, вовлеченных в консолидацию капиталистических общественных отношений [Schorske, 1983, p. 90]. Это критически важно для понимания контекста мирового порядка, сформировавшегося до Первой мировой войны [Green, 2012, p. 582].

С конца 1990-х в немецкой и французской историографии утвердилось новое направление, заключавшееся в анализе аспектов англо-германских отношений с помощью методов исторического культуртрансфера и транснациональной истории. Такой подход, по мнению историков У. Бертолетт [Bertolette, 2004], Д. Блэкбоурна [Blackbourn, 1984], позволил преодолеть доминирование национальной историографической традиции при написании современной европейской истории. Историки сосредоточили внимание на взаимозависимостях, которые не соотносятся с «нацией» как категорией, то есть охватывают идеи, технологии и культурные практики [Rüger, 2011, p. 585]. Это дало возможность оценить культурное влияние многочисленных немецких мигрантов, прибывших в Британию. В свою очередь, экономическое объяснение антагонизма довольно плохо зарекомендовало себя в новейшей историографии [Bertolette, 2004, p. 118—132]. Вместо линейного развития растущего англо-германского соперничества с 1897 по 1914 годы, современные историки больше внимания уделяют открытости англо-германских отношений [Rüger, 2011, p. 612].

В отечественной историографии послевоенного периода до 1980-х годов прослеживается схожая тенденция в изучении англо-германского противостояния. Оно рассматривалось советскими историками Б. А. Айзиным [Айзин и др., 1987], А. С. Ерусалимским [Ерусалимский, 1964], Ф. А. Ротштейном [Ротштейн, 1960] через призму агрессивного германско-

CC BY

го империализма, который, по их представлению, был неразрывно связан с рабочим и социалистическим движением в стране. В XXI веке отечественные историки стали уделять заметное внимание «образу врага» в английской и немецкой пропаганде. Российские историки И. П. Максимов [Максимов, 2014], В. П. Подольников [Подольников, 2017] и С. Н. Синегубов [Синегубов, 2008] подошли к изучению феномена англо-германской борьбы с помощью методов персональной и психологической истории через характеристику отдельных политических деятелей, таких как кайзер Вильгельм II, Б. Бюлов, Т. Бетман-Гольвег, и оценку их влияния на внутренние общественно-политические процессы в Германии. Изучая проблему усиления англо-германского антагонизма на фоне укрепления «партии войны» в Германии в рамках исторической антропологии, а также антропологии международных отношений и персонального подхода есть возможность более детального изучения особенностей формирования некой неоднородной военно-политической группы в Германии, которая прямо и косвенно оказывала влияние на тон англо-германских отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Укрепление немецкой «партии войны» и ее влияние на англо-германский антагонизм в 1908—1909 годах

В отличие от центристских и правых сил Британии первый морской лорд Д. Фишер осознавал опасность сценария, развертываемого А. Тирпицем: «…Мы обязаны держать флот, вдвое более мощный, чем у Германии…» [Marder, 1956, с. 103]. Канцлер казначейства Д. Ллойд Джордж, будучи ярым сторонником улучшения отношений с Германией, прямо сказал имперскому послу графу П. Вольф-Меттерниху в июле 1908 года: «… каждый англичанин потратит свой последний пенни, чтобы сохранить свое превосходство на море…» [Marder, 1956, с. 177]. Таким образом, по мнению Д. Фишера и Д. Ллойд Джорджа, общественный резонанс следует приветствовать, если он поможет обеспечить военно-морское преимущество. Схожих идей придерживались и германские военные элиты, причем внешнеполитический курс либеральных правительств Г. Кемпбелл-Баннермана, а следом Г. Асквита трактовался в Германии, как прямой вызов. В Великобритании такое положение дел вызывало опасения. Здесь необходимо обратить внимание на мемуары государственного секретаря Великобритании по военным вопросам Р. Халдейна. Он подчеркивал, что немецкое руководство достаточно быстро узнало о тонкостях англо-французских переговоров 1906 года с помощью своей секретной службы. Это обстоятельство являлось дополнительным рычагом давления на кайзера Вильгельма II со стороны представителей «партии войны» [Haldane, 1929, p. 213].

CC BY

Боснийский кризис 1908—1909 годов расширил и углубил уже существовавшие противоречия между странами Антанты и Тройственного союза [Silver, 2003]. Социальная напряженность в английском и германском обществе усилилась после неоднозначного интервью кайзера Вильгельма II в газете «Daily Telegraph» в конце 1908 года. Дело, связанное с публикацией речи кайзера Вильгельма II в газете, отражает импульсивную, резкую натуру монарха и косвенное влияние на него внутренних милитаристских элит. В интервью кайзер заявил, что у многих немцев сильны антианглийские настроения. В его речи прозвучали достаточно оскорбительные слова: «Вы, англичане, безумны, как мартовский заяц. Я повторяю, что я — друг Англии, но вы все мне усложняете» [Daily Telegraph, 1908, p. 1]. Отвечая на вопрос о том, существует ли реальная опасность для Британии со стороны Германии, кайзер сказал: «Германия — молодая и растущая империя. Германия должна иметь мощный флот, чтобы защищать свою торговлю и свои разнообразные интересы даже в самых дальних морях» [Daily Telegraph, 1908, p. 1]. Несмотря на тот факт, что общий тон интервью был интерпретирован политическими силами в Британии неоднозначно, кайзеру Вильгельму II и А. Тирпицу было выгодно представить Германию в качестве миролюбивого, а не империалистического государства-агрессора. Однако ситуация вышла из-под контроля. Текст выступления кайзера должен был быть исправлен канцлером Б. Бюловым, но он поручил это рядовым сотрудникам немецкого МИДа [Rüger, 2011, p. 605]. Этот поступок канцлера можно трактовать по-разному, но все чаще историки соглашаются с тем, что это было проявлением неповиновения «тщеславному и эгоцентричному» [Fremdling, 1995. p. 608] Вильгельму II в рамках более глобального противостояния военного истеблишмента и гражданских государственных структур в Германской империи [Синегубов, 2008]. В результате кайзер оказался беззащитным, в первую очередь, перед Рейхстагом, а именно — перед партией Центра (Deutsche Zentrumspartei) и СДПГ [Maurer, 1997, p. 293]. Практическое отсутствие негативной реакции со стороны промилитаристски настроенных германских политиков, промышленников и юнкеров можно объяснить их позитивным откликом на заявления кайзера о том, что не удастся просто так списать немцев со счетов [Аррен, 1914, с. 133—134].

Психологические причины поведения Вильгельма II частично могут быть объяснены довольно презрительным обращением с ним в детстве со стороны его матери, принцессы Виктории, лишенной всякой эмоциональной привязанности. Виктория считала юного Вильгельма, у которого из-за осложнений при рождении была искалечена рука, неудачником по сравнению с его дедушкой по материнской линии Альбертом Саксен-Кобург-Готским [Hull, 1982, p. 304—305]. В то же самое время наставник Вильгельма II

CC BY

Г. Хинцпетер придерживался строгой формы ортодоксального протестантизма, в связи с чем и привил будущему кайзеру крайне жесткий стиль поведения [Hull, 1982, p. 310]. В данном случае необходимо обратиться к работе американского историка Т. Кохута, в которой автор пишет о том, что: «…попытки принцессы Виктории превратить Вильгельма в английского джентльмена, а не в прусского юнкера спровоцировали глубокий раскол в его национальной идентичности …» [Kohut, 2005, p. 77—79]. С детства будущий кайзер предпочитал нахождение в мужском обществе и «преимущественно с людьми из военной или аристократической среды» [Ibid., p. 85]. Фактически кайзер взял на себя роль арбитра между раздробленным парламентом и военным истеблишментом [Mommsen, 1990, p. 294]. Вследствие такого жизненного пути отчетливо кристаллизуется неразрывная связь императора с «партией войны» [Müller, 1965, p. 90]. Значительное влияние на кайзера оказывал и его близкий друг, немецкий политик, дипломат Ф. Эйленбург [Mayer, 1981 p. 73]. Из воспоминаний Б. Бюлова следует, что перед уходом из политики Ф. Эйленбург вручил ему записку, где дал объемную характеристику кайзера, основанную на личных наблюдениях: «… Вильгельм II ко всему относится субъективно. Он желает поучать, жаждет славы, честолюбив, ревнив. Вильгельму II все нужно преподносить в удобном виде…» [Бюлов, 1935, с. 54]. Безусловно, этим не могли не воспользоваться в своих интересах представители «партии войны», и подтверждение этому нашлось в словах начальника генштаба Германии А. Вальдерзее: «…до сих пор никакая лесть не казалась кайзеру чрезмерной» [Людвиг, 1991, с. 117].

Между либеральными элитами Британии и Германии после проведения крайне неудачной Гаагской конференции в середине 1908 года ходили слухи о возможных негласных переговорах, касающихся мирного урегулирования военных противоречий. Б. Бюлов был осведомлен о них и пытался сыграть на замедлении строительства флота, тем самым успокоив страхи со стороны Британии. Вильгельм II был недоволен такой единоличной политикой канцлера и приводил в пример «неумелому» Б. Бюлову позицию А. Тирпица. Действия последнего кайзер называл «действительно государственными», а тех, кто выступал за уступки Британии, он величал «придурковатыми и трусливыми дипломатами» [Людвиг, 1991, с. 85]. К представителям так называемой «партии войны» следует отнести немецкого дипломата, владельца шахт и стальных заводов В. Штумма, который состоял в тесных отношениях с кайзером. В начале сентября 1908 года в одной из своих речей он довольно ясно подчеркнул: «…нервозность, с которой вся Англия наблюдает за ростом наших сил на море, дает нам ценный козырь…» [Thimme, 1922, с. 88]. Необходимо отметить что, по мнению немецких историков М. Шрамма [Schramm, 2007, p. 219] и Л. Райнермана [Reinermann, 2001], в восприятии англичан об-

CC BY

раз Вильгельма II варьировался от «германофоба» до «германофила» в зависимости от политической повестки дня [Reinermann, 2001, p. 176].

В своих мемуарах Б. Бюлов отмечал, что порой «кайзер был неспособен к тяжелой и непрерывной работе, страдал от нервного беспокойства…» [Бюлов, 1935, с. 280]. В такие моменты канцлер брал «штурвал» управления государством в свои руки. Еще в своей речи в Рейхстаге 6 декабря 1897 года, когда будущий канцлер Б. Бюлов только высказал свою теорию о новой «Мировой политике» и обосновал необходимость разрыва с оборонительной «Реальполитик» эпохи Бисмарка, он уже апеллировал к националистическим настроениям буржуазии с помощью глобальной империалистической программы [Mommsen, 1990, с. 295].

Личностные качества кайзера, такие как непостоянство характера и некомпетентность в дипломатических вопросах, сыграли злую шутку в его попытках налаживания дружбы с Британией. В своих воспоминаниях Б. Бюлов отмечал: «Вильгельм II столь же мало был пригоден для ведения и контроля нашей политики, как и для военного командования…» [Бюлов, 1935, с. 388]. По мнению историка Д. Хьюза, британские и немецкие государственные деятели принципиально отличались в своем политическом поведении, потому что у них были «два противоречивых типа характера» [Hughes, 1983, p. 88]. Вильгельм II, Б. Бюлов, А. Тирпиц и Г. Мольтке разделяли «фаталистический тип характера», они с подозрением относились к другим. Британские политики, такие как Н. Чемберлен и А. Бальфур, Г. Асквит, напротив, были более доверчивыми и терпеливыми, так как у них был «щепетильный характер» [Hughes, 1983, p. 96].

3.2. Внутриполитическая борьба в Германии и новый виток кризиса в отношениях с Великобританией

Внутренняя борьба в Германии между различными группировками обрела ясные очертания в период серьезного обострения в англо-германских отношениях, так называемой «морской паники» 1909 года. Экономические элиты обеих стран продолжали активно взаимодействовать. В частности, немецкий посол в Лондоне П. Меттерних в письме к Т. Бетман-Гольвегу отмечал, что, несмотря на все политические события, к концу 1909 года переговоры между Англией и Германией по экономическим вопросам активно продолжались при посредничестве британского банкира Э. Касселя [Lepsisus et al., 1927, S. 600]. П. Меттерних обращал внимание рейхсканцлера на тесные отношения Э. Касселя с Г. Асквитом и Д. Фишером [Ibid., S. 601]. Следовательно, Э. Кассель выступал в качестве своего рода неофициального механизма для налаживания контактов с германскими промышленниками.

Британская, немецкая и французская торговля были между собой крепко взаимосвязаны. До 1912 года основным экспортером каменного угля

CC BY

в Германию была Британия, и ее уголь занимал около 30 % от всего «черного золота», импортируемого Германией [Fremdling, 1995, p. 6]. В свою очередь, Британия ввозила из Германии сырье для производства стали. Это было логично, оказывалось дешевле и удобнее, и обе страны по-прежнему считали желательным покупать друг у друга те же товары, в которых они «конкурировали» [Fremdling, 1995, p. 12]. Такие крупные фигуры, как немецкий судоходный магнат А. Баллина, банкир и секретарь по делам колоний В. Дернбург, в общих чертах поддерживали риторику кайзера, хотя и вошли в историю как люди, имевшие отношения к попыткам примирения Англии с Германией [Kennedy, 1980]. Такие действия можно квалифицировать как отсрочку конфликта для их собственной экономической выгоды. Свидетельством тому является попытка А. Баллина с помощью своего агента Т. Родса в 1910 году наладить отношения с Британией с помощью созданного им «Комитета Альберта» [Hull, 1982, p. 46]. Он был призван заменить пресловутый «Комитет англо-германской дружбы», который был «слишком слабо организован» [Hull, 1982, p. 54]. Вместе с еврейским промышленником и банкиром Э. Касселем судоходный магнат А. Баллин участвовал в дискуссиях по разоружению военно-морского флота [Hull, 1982, p. 70]. За переговоры ратовали далеко не все. Немецкий банкир М. Шиндель отличился националистически воинственными высказываниями. В 1902, 1906 и 1908 годах он повторял, что Германия с ее «обязательным стремлением к власти должна прийти к вооруженному столкновению с Британией» и описывал, как она «высадит немецкий десант» на Британских островах [Hoffman 1964, p. 28]. Немецкий посол в Константинополе Ф. Маршалл в переписке с рейхсканцлером Т. Бетман-Гольвегом подчеркивал, что У. Черчилль выражал озабоченность среди английских общественно-политических кругов ростом германского флота, так как это заставляет Великобританию увеличивать расходы на армию [Lepsisus et al., 1927, S. 652—653]. В данном контексте представляет интерес письмо немецкого промышленника и дипломата в Лондоне Р. Клюмана рейхсканцлеру Т. Бетман-Гольвегу в марте 1910 года. Дипломат акцентировал внимание на том, что Э. Грей стремился убедить общественность в отсутствии гонки вооружений [Ibid., S. 634]. При этом Э. Грей трезво оценивал общественное мнение в Германии после громких требований по вопросам Марокко, выдвинутых немецким магнатом Р. Маннесманом. Никаких уступок для Великобритании немецкие политики себе бы не позволили [Ibid., S. 635].

Другой яркой фигурой, которая всей своей деятельностью транслировала идеологию «партии войны», был военный промышленник Ф. Крупп. Кайзер Вильгельм II активно поддерживал с ним тесные связи и одобрил выдвинутое предложение Ф. Круппа, касающееся создания проекта линко-

CC BY

ров класса «Бавария» с 15-дюймовыми орудиями на борту. Кайзер был уверен, что эти линкоры не должны уступать английским, и заявил: «Лучшее и новейшее оружие в точности подходит для моего флота» [Maurer, 1997, p. 298]. Кайзер рассматривал бизнес Ф. Круппа как предприятие, приносящее патриотическую пользу Германии [Hull, 1982, p. 166]. Свою выгоду от этого получил близкий коллега Ф. Круппа, владелец компании «Thyssen Fossoul & Co», сети железных дорог, доков и флота кораблей А. Тиссен, который отстаивал необходимость присоединить к рейху часть Франции и забрать у России промышленные регионы Кавказа [Kennedy, 1980, p. 263].

Как выразился немецкий историк и приверженец концепции «Sonderweg» В. Моммзен, англо-германское соперничество было «в значительной степени отражением социальных расколов внутри немецкого общества» [Mommsen, 1990, p. 299]. После отставки Б. Бюлова, канцлер Т. Бетман-Гольвег был избран Вильгельмом II в качестве удобного инструмента для реализации своих планов [Бюлов, 1935, с. 379].

Второй Марокканский кризис 1911 года воспринимался в Германии как позорное отступление имперской Германии под давлением Великобритании и Франции и вызвал новый всплеск националистической агитации в стране [Mommsen, 1990, p. 301]. Неофициальным дипломатическим каналом между Лондоном и Берлином в 1911 году также оставались промышленники Э. Кассель и А. Баллин. Их интересовала возможность урегулирования таких вопросов, как Багдадская железная дорога и португальские колонии в Африке [Röhl, 1993, S. 589]. Именно благодаря стараниям этих бизнесменов, в особенности Э. Касселя, была организована поездка Р. Халдейна в Берлин в 1912 году [Röhl, 1993, S. 595]. В результате неофициальных переговоров с британским банкиром Э. Шпейером в Берлине рейхсканцлер Т. Бетман-Гольвег удостоверился в усилении антигерманских настроений в МИД Великобритании [Lepsisus et al., 1927, S. 669]. Кайзер не хотел оспаривать французское верховенство в Марокко, возможно, ввиду его довольно хороших отношений с одним из закулисных представителей «партии войны» Ф. Круппом, который являлся партнером франко-германской коммерческой группы, совместно работавшей в Марокко и, следовательно, незаинтересованной в каких-либо изменениях политического статуса Марокко. Представители военных в «партии войны», в частности, генерал Г. Мольтке и немецкий военный министр Э. Фалькенхайн, открыто обвинили императора в его неоправданной робости и слабости по отношению к Франции [Reinermann, 2001, p. 382]. Император неохотно, но все же позволил дипломату А. Кидерлен-Вахтеру осуществить свой дипломатический план мирного диалога с Великобританией [Ibid., с. 390]. Основываясь на сведениях из автобиографии А. Тирпица, можно

CC BY

сделать вывод о том, что вплоть до 1912 года «партия войны» практически не встречала никаких препятствий для принятия новых поправок в законы о флоте, в экономических реформах и внешнеполитических шагах [Tirpitz, 1924, S. 197—218]. Общественная «милитаризированная культура» немецкого общества играла на руку не только Вильгельму II, но всем представителям «партии войны». Именно опора на культ «мужественности и агрессивного национализма» позволяла реализовывать их задумки, а кайзер не выглядел тираном для своего народа [Green, 2012, p. 359].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги, стоит отметить существование в Германии разношерстной группы лиц, так или иначе оказывающих и косвенное, и прямое влияние на тон коммуникаций между Германией и Англией, пользующихся при этом личной поддержкой кайзера. На протяжении кризисного периода 1908—1911 годов ни МИД Германии, ни канцлеру Б. Бюлову, ни Т. Бетман-Гольвегу не удалось полностью отобрать внешнеполитическую инициативу у «партии войны» и взять ее под свой контроль. В результате конституционной деформации и воспевания в немецком обществе идей о великом национальном государстве военные имели прямой доступ к кайзеру без контроля со стороны гражданского правительства. Личная прерогатива монарха в отношении ведения иностранных дел не могла считаться неконституционной. В свою очередь, большая часть представителей «партии войны» не являлись официальными политическими деятелями как таковыми. Они были движимы идеями возвести страну в ранг мировых держав, чтобы с ней считались, и продвигали свои ультрапатриотические идеи при поддержке кайзера. Совокупность личных амбиций, воспитания в военной среде, религиозности, моральных травм и влияния близкого окружения кайзера, то есть личностей с пылкими протестантскими взглядами, объединенных антисемитизмом, расовым высокомерием и воинственностью, настроенных империалистически с достаточно жестким шовинистским подтекстом, позволила этим людям оказывать большое влияние и поддерживать напряжение в англо-германских отношениях. Идеи, за которые ратовала немалая часть немцев, заключавшиеся в захвате новых территорий, процветании немецкого народа, расширении государства любыми средствами и поиске «места под солнцем», были созвучны настроениям и устремлениям кайзера и «партии войны», к которой явно имели отношение А. Тирпиц, А. Тиссен, Ф. Крупп, Г. Мольтке, Э. Фалькенхайн, М. Шиндель, В. Штумм, В. Латтман, Г. Класс, Х. Сент-Чемберлен, А. Хугенберг и другие закулисные фигуры. Личностные мотивы англофобии Вильгельма II берут начало из неприятия им крайне либеральных и порой антигер-

CC BY

манских взглядов своей матери Виктории. Пангерманские и англофобские настроения умело направлялись и порой эксплуатировались близкими товарищами и милитаристским окружением кайзера Вильгельма II. Укрепление «партии войны» происходило постепенно, по мере снижения взаимной экономической зависимости между странами, роста националистических настроений в Германии, укоренения в обществе идеи необходимости выйти на новые колониальные рубежи и дестабилизировать своих прямых конкурентов. Готовность идти на определенные жертвы, желание перемен в обществе, продиктованное быстрым экономическим ростом Германии, были факторами, от которых отталкивался империалистический немецкий истеблишмент во главе с Вильгельмом II.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аррен Ж.* Вильгельм II / Ж. Аррен ; пер. с франц. М. М. Тверского. — Москва : Скоропечатня А. А. Левенсон, 1914. — 263 с.

2. *Бюлов Б.* Воспоминания / Б. Бюлов ; Пер. с нем. ; Под ред. В. М. Хвостова. — Москва : Гос. соц.-экон. издательство, 1935. — 562 с.

3. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн / Э. Людвиг. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 236 с.

4. *Lepsisus J.* Die große Politik der europaischen Kabinette 1871—1914 : Sammlung der diplomatischen Akten des Auswartigen Amtes. Bd. 27 : Zwischen den Balkankrisen 1909—1911 / J. Lepsisus, A. Mendelsohn-Bartholdy, F. Timme. — Berlin : Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927. — 963 S.

5. *Gooch G.* British documents on the origins of the war 1898—1914 / G. Gooch. — London : H. M. Stat, 1926. — 398 p.

6. *Grey E.* Twenty five years 1892—1916 / E. Grey. — New York : Stokes Co., 1925. — 353 p.

7. *Haldane R. B.* Autobiography / R. B. Haldane. — London : Hodder and Stoughton, 1929. — 368 p.

8. *The German* Emperor and England : Personal Interview // Daily Telegraph : [Paper]. — 1908. — № 11. — Pp. 1—2.

9. *Tirpitz J.* Der Aufbau der deutschen Weltmacht / J. Tirpitz. — Stuttgart : J. C. Cott Buchhandlung, 1924. — 460 S.

Литература

1. *Айзин Б. А.* Исследования по истории германского империализма начала XX века / Б. А. Айзин, В. Гуче. — Москва : Наука, 1987. — 258 с.

2. *Ерусалимский А. С.* Германский империализм : история и современность / А. С. Ерусалимский. — Москва : Наука, 1964. — 664 с.

3. *Максимов И. П.* Межпартийное маневрирование канцлера Германской империи Б. Фон Бюлова в 1900—1906 гг. / И. П. Максимов // Власть. — 2014. — № 9. — С. 167—173.

CC BY

4. *Подольников В. П.* Вильгельм II и внешняя политика Германии в конце XIX века / В. П. Подольников // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия : Общественные науки. — 2017. — № 3. — С. 121—132.

5. *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX в. / Ф. А. Ротштейн. — Москва : Наука, 1960. — 705 с.

6. *Синегубов С. Н.* Германо-английские военно-морские противоречия и проблема разоружения в 1906—1907 гг. / С. Н. Синегубов // Альманах современной науки и образования. — 2008. — № 6 (13). — С. 191—197.

7. *Arrighi G.* Chaos and Governance in the Modern World System / G. Arrighi. — Minnesota : University of Minnesota Press, 1999. — 336 p.

8. *Balfour M.* The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914 / M. Balfour // International Affairs. — 1981. — № 57. — Pp. 498—499.

9. *Bertolette W.* German stereotypes in British magazines prior to World War I / W. Bertolette. — Louisiana : Louisiana University Press, 2004. — 213 p.

10. *Blackbourn D.* The Peculiarities of German History : Bourgeois Society and Politics in NineteenthзCentury Germany / D. Blackbourn. — Oxford : Oxford University Press, 1984. — 311 p.

11. *Fremdling R.* Anglo-German rivalry on coal markets in France, the Netherlands and Germany, 1850—1913 / R. Fremdling // The Journal of European economic history. — 1995. — № 3. — Pp. 599—646.

12. *Green J.* Uneven and combined development and the Anglo-German prelude to World War I / J. Green // European Journal of International Relations. — 2012. — № 18. — Pp. 345—368.

13. *Hull I.* The entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888—1918 / I. Hull. — London : Cambridge University Press, 1982. — 413 p.

14. *Kaiser D.* Germany and the origins of the First World War / D. Kaiser // Journal of Modern History. — 1983. — № 55. — Pp. 442—474.

15. *Kennedy P.* The rise of the Anglo-German antagonism 1860—1914 / P. Kennedy. — Boston : Allen & Unwin, 1980. — 630 p.

16. *Kohut T.* Kaiser Wilhelm II and his parents : an inquiry into the psychological roots of German policy towards England before the First World War / T. Kohut. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — 336 p. — ISBN 9780521019903.

17. *Major P.* Britain and Germany : A Love-Hate Relationship? / P. Major // German History. — 2008. — № 25. — Pp. 458—470.

18. *Marder A.* Fear God and Dreadnought. Years of Power 1904—1914 / A. Marder. — London : J. Cape, 1956. — 521 p.

19. *Mayer A.* The Persistence of the Old Regime : Europe to the Great War / A. Mayer. — New York : Pantheon Books, 1981. — 392 p.

20. *Mommsen W.* Kaiser Wilhelm II and German Politics / W. Mommsen // Journal of Contemporary History. — 1990. — № 25 (2). — Pp. 289—303.

21. *Müller G.* Der Kaiser : Aufzeichnungen des Chefs des Varinekabinetts Admiral Georg Alexander Müller über die Ara Wilhelms II / G. Müller. — Berlin : Musterschmidt Verlag, 1965. — 234 p.

22. *Reinermann L.* Der Kaiser in England : Wilhelm II und sein Bild in der britischen Öffentlichkeit / L. Reinermann. — Paderborn : Ferdinand Schöningh Verlag, 2001. — 536 p.

23. *Roderick R.* Kaiser Wilhelm II and the British Royal Family : Anglo-German Dynastic Relations in Political Context 1890—1914 / R. Roderick // British History. — 2001. — № 86. — Pp. 478—502. — DOI: 10.1111/1468-229X.00202.

24. *Röhl J.* Wilhelm II / J. Röhl. — München : C. H. Beck, 1993. — 1448 p.

25. *Rüger J.* Revisiting the Anglo—German Antagonism / J. Rüger // The Journal of Modern History. — 2011. — № 83 (3). — Pp. 579—617.

26. *Schorske C.* German Social Democracy 1905—1917 : The Development of the Great Schism / C. Schorske. — London : Harvard University Press, 1983. — 388 p.

27. *Schramm M.* Das Deutschlandbild in der britischen Presse 1912—1919 / M. Schramm. — Berlin : Akademie Verlag, 2007. — 598 p.

28. *Silver B.* Forces of Labour : Workers Movements and Globalisation since 1870 / B. Silver. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 260 p.

Статья поступила в редакцию 18.10.2023,
одобрена после рецензирования 04.02.2024,
подготовлена к публикации 03.03.2024.

Material resources

Arren, J. (1914). *Wilhelm II.* Moscow: A. A. Levenson's Cursive Printing House. 263 p. (In Russ.).

Bulov, B. (1935). *Memoirs.* Moscow: State Social-Economic. publishing house. 562 p. (In Russ.).

Gooch, G. (1926). *British documents on the origins of the war 1898—1914.* London: H. M. Stat. 398 p. (In Germ.).

Grey, E. (1925). *Twenty five years 1892—1916.* New York: Stokes Co. 353 p. (In Germ.).

Haldane, R. B. (1929). *Autobiography.* London: Hodder and Stoughton. 368 p. (In Germ.).

Lepsisus, J. (1927). *Die große Politik der europaischen Kabinette 1871—1914: Sammlung der diplomatischen Akten des Auswartigen Amtes. Bd. 27: Zwischen den Balkankrisen 1909—1911.* Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. 963 S. (In Germ.).

Ludwig, E. (1991). *Last Hohenzollern.* Moscow: Moskovsky Rabochy. 236 p. (In Russ.).

The German Emperor and England: Personal Interview. (1908). *Daily Telegraph: [Paper], 11:* 1—2. (In Germ.).

Tirpitz, J. (1924). *Der Aufbau der deutschen Weltmacht.* Stuttgart: J. C. Cott Buchhandlung. 460 S. (In Germ.).

References

Aizin, B. A., Guche, V. (1987). *Studies on the history of German imperialism at the beginning of the twentieth century.* Moscow: Nauka. 258 p. (In Russ.).

Arrighi, G. (1999). *Chaos and Governance in the Modern World System.* Minnesota: University of Minnesota Press. 336 p.

Balfour, M. (1981). The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914. *International Affairs, 57:* 498—499.

Bertolette, W. (2004). *German stereotypes in British magazines prior to World War I.* Louisiana: Louisiana University Press. 213 p.

Blackbourn, D. (1984). *The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in NineteenthзCentury Germany.* Oxford: Oxford University Press. 311 p.

Fremdling, R. (1995). Anglo-German rivalry on coal markets in France, the Netherlands and Germany, 1850—1913. *The Journal of European economic history, 3:* 599—646.

Green, J. (2012). Uneven and combined development and the Anglo-German prelude to World War I. *European Journal of International Relations, 18:* 345—368.

Hull, I. (1982). *The entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888—1918.* London: Cambridge University Press. 413 p.

Kaiser, D. (1983). Germany and the origins of the First World War. *Journal of Modern History, 55:* 442—474.

Kennedy, P. (1980). *The rise of the Anglo-German antagonism 1860—1914.* Boston: Allen & Unwin. 630 p.

Kohut, T. (2005). *Kaiser Wilhelm II and his parents: an inquiry into the psychological roots of German policy towards England before the First World War.* Cambridge: Cambridge University Press. 336 p. ISBN 9780521019903.

Major, P. (2008). Britain and Germany: A Love-Hate Relationship? *German History, 25:* 458—470.

Maksimov, I. P. (2014). Interparty maneuvering of the Chancellor of the German Empire B. Von Bulov in 1900—1906. *Power, 9:* 167—173. (In Russ.).

Marder, A. (1956). *Fear God and Dreadnought. Years of Power 1904—1914.* London: J Cape. 521 p.

Mayer, A. (1981). *The Persistence of the Old Regime: Europe to the Great War.* New York: Pantheon Books. 392 p.

Mommsen, W. (1990). Kaiser Wilhelm II and German Politics. *Journal of Contemporary History, 25 (2):* 289—303.

Müller, G. (1965). *Der Kaiser: Aufzeichnungen des Chefs des Varinekabinetts Admiral Georg Alexander Müller über die Ara Wilhelms II.* Berlin: Musterschmidt Verlag. 234 p. (In Germ.).

Podolnikov, V. P. (2017). Wilhelm II and the foreign policy of Germany at the end of the XIX century. *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Series: Social Sciences, 3:* 121—132. (In Russ.).

Reinermann, L. (2001). *Der Kaiser in England: Wilhelm II und sein Bild in der britischen Öffentlichkeit.* Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag. 536 p. (In Germ.).

Roderick, R. (2001). Kaiser Wilhelm II and the British Royal Family: Anglo-German Dynastic Relations in Political Context 1890—1914. *British History, 86:* 478—502. DOI: 10.1111/1468-229X.00202.

Röhl, J. (1993). *Wilhelm II*. München: C. H. Beck. 1448 p. (In Germ.).

Rothstein, F. A. (1960). *International relations at the end of the XIX century.* Moscow: Nauka. 705 p. (In Russ.).

Rüger, J. (2011). Revisiting the Anglo-German Antagonism. *The Journal of Modern History, 83 (3):* 579—617.

Schorske, C. (1983). *German Social Democracy 1905—1917: The Development of the Great Schism.* London: Harvard University Press. 388 p.

Schramm, M. (2007). *Das Deutschlandbild in der britischen Presse 1912—1919.* Berlin: Akademie Verlag. 598 p. (In Germ.).

Silver, B. (2003). *Forces of Labour: Workers Movements and Globalisation since 1870.* Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.

Sinegubov, C. N. (2008). German-British naval contradictions and the problem of disarmament in 1906—1907. *Almanac of modern science and education, 6 (13):* 191—197. (In Russ.).

Yerkalimsky, A. S. (1964). *German imperialism: history and modernity.* Moscow: Nauka. 664 p. (In Russ.).

The article was submitted 18.10.2023;
approved after reviewing 04.02.2024;
accepted for publication 03.03.2024.

CC BY

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Егорова К. Б. Празднование юбилея Яна Гуса в Российской империи : предпосылки, история, культурный контекст / К. Б. Егорова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 348—364. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-348-364.

Egorova, K. B. (2024). Commemorating Jubilee of Jan Hus in Russian Empire: Preconditions, History, Cultural Context. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 348-364. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-348-364. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Празднование юбилея Яна Гуса в Российской империи: предпосылки, история, культурный контекст

Егорова Ксения Борисовна
orcid.org/0000-0002-4050-6888
Scopus Author ID: 56989365600
ResearcherID: K-2319-2018
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
кафедра западноевропейской
и русской культуры
xenia.egorova@gmail.com

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10045
«Национальные движения в оптике
имперской легитимности:
революции, восстания, бунты, мятежи
в славянских землях в риторике
российской власти долгого XIX века»

Commemorating Jubilee of Jan Hus in Russian Empire: Preconditions, History, Cultural Context

Kseniia B. Egorova
orcid.org/0000-0002-4050-6888
Scopus Author ID: 56989365600
ResearcherID: K-2319-2018
PhD in Philology,
senior research scientist,
Department of Western European
and Russian Culture
xenia.egorova@gmail.com

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10045
"National movements in the optics
of imperial legitimacy: revolutions,
uprisings, rebellions, mutinies in Slavic
lands
in the rhetoric of Russian authorities
in the long 19th century"

© Егорова К. Б., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В кратком отчете о деятельности Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета за 1869 год содержится запись о том, что члены общества обсуждали празднование 500-летнего юбилея Яна Гуса, а также учредили премию за сочинение о чешском религиозном деятеле. Появление Гуса в списке «юбиляров», достойных чествования, указывает не только на значение этого религиозного мыслителя для славянского мира, но и на некоторые политические аспекты российской истории. В статье проанализированы причины внимания российской общественности к личности Гуса, дана характеристика существовавших на момент объявления конкурса взглядов русских интеллектуалов на наследия чешского религиозного деятеля и представлены результаты размышлений о том, как предложение поддержать 500-летний юбилей Гуса соотносится с оформившейся в Российской империи к середине XIX столетия традиции чествования юбилеев деятелей культуры. Материалом стали как опубликованные документы, так и ряд не введенных в научный оборот источников. Причины обращения к чествованию наследия Яна Гуса видятся в том, что председатель петербургского отдела комитета Гильфердинг признавал православные основы учения чешского реформатора, и считал возможным использовать гусовские торжества в качестве рычага влияния на чешскую общественность и продвинуть идею политического и религиозного объединения всех славянских ветвей в православной вере.

Ключевые слова:
славянофилы; Ян Гус; Чехия; юбилейная культура; премия за сочинение о Яне Гусе; славянский комитет; Гильфердинг.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The brief report on the activities of the St. Petersburg Slavic Charitable Committee for the year 1869 includes a record that society members discussed the celebration of the 500th anniversary of Jan Hus and established a prize for an essay on the Czech religious figure. The inclusion of Hus in the list of "jubilarians" worthy of honor not only highlights the significance of this religious thinker for the Slavic world but also touches upon certain political aspects of Russian history. The article analyzes the reasons for the Russian public's attention to Hus's persona, provides a characterization of the views of Russian intellectuals at the time of the contest announcement regarding the legacy of the Czech religious figure, and presents reflections on how the proposal to support Jan Hus's 500th jubilee aligns with the tradition of honoring cultural figures in the Russian Empire by the mid-19th century. The material draws from both published documents and sources not yet introduced into scholarly circulation. The motives behind honoring Jan Hus's legacy are seen in the acknowledgment by the chairman of the St. Petersburg branch of the committee, Gilferding, of the Orthodox foundations of the Czech reformer's teachings, deeming it possible to use Hus celebrations as a lever of influence on Czech society and advance the idea of political and religious unity among all Slavic branches in Orthodox faith.

Key words:
Slavophiles; Jan Hus; Czech Republic; jubilee culture; prize for an essay on Jan Hus; Slavic committee; Gilferding.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 394.46(470.23-25)“1869”+929Jan Hus
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-348-364

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Празднование юбилея Яна Гуса в Российской империи: предпосылки, история, культурный контекст

© Егорова К. Б., 2024

1. Введение = Introduction

Во второй половине XIX столетия деятели славянской культуры стали предметом особенного общественного внимания, что было обусловлено не только культурным и научным интересом к истории славянских земель, но и традицией саморефлексии российского общества о возможной роли Российской империи в объединении славянских народов и возрождении их культур. Вероятно, именно в таком контексте стоит рассматривать обсуждения участия Санкт-Петербургского отдела славянского благотворительного комитета в праздновании 500-летнего юбилея Яна Гуса, подготовка к которому объединила в 1868 году все движения чешских будителей (например, руховцев и люмировцев, которые не могли выработать единого понимания перспективы дальнейшей борьбы за чешский язык и культуру).

Статья посвящена истории учреждения в Санкт-Петербурге в 1869 году премии за лучшее сочинение о Яне Гусе в контексте чешских юбилейных торжеств, а также становления русской «юбилейной» культуры, которая отделилась от кодифицированных церемониалов чествования членов царской фамилии в 1838 году, когда праздновался юбилей 50-летней творческой деятельности И. А. Крылова. Это событие дало импульс к формированию в русском обществе представлений о юбилейных или иных памятных торжествах как о возможности подчеркнуть общенациональное значение чествуемого (здравствовавшего или уже почившего), соотнести имя деятеля культуры, чаще всего — литератора, с национальной идеей. Говоря о формировании культуры памяти Пушкина, Маркус Левитт справедливо отметил, что уже современники воспринимали открытие памятника поэту в Москве в 1880 году как некое торжество национальной идеи [Левитт, 1994, с. 5], в последующие годы это торжество в честь литературного гения было неразрывно связано с дискуссией об историческом пути и предназначении России.

Таким же воплощением национальной идеи становился в 1860—1870-е годы для чешского общества Ян Гус. В традиции чешского культурного возрождения XIX века фигура Яна Гуса была вписана в историю церковных разногласий на

CC BY

богемских землях и воспринималась будителями и их современниками как гарант права чехов на национальное самоопределение. О конструировании образа Яна Гуса, чешского героя, пострадавшего за особую, чешскую, правду существует серьезная научная литература, эта тема стала популярна в среде чешских исследователей в последние годы [Šmahel, 2011; Čornej, 2008; Pokorný, 2016].

В конце XIX столетия, когда споры о будущем богемских земель буквально раздирали чешское общество, фигура Яна Гуса была способна примирить враждующие стороны и консолидировать их силы; в этом смысле формирование гуситского мифа и даже своеобразного культа Яна Гуса, который, впрочем, ненадолго скрепил чешское общество, породив близкий по политическому смыслу культ героя гуситских войн Яна Жижки в среде некоторых патриотических организаций (например, сокольское движение [Котов, 2019]), стало важным этапом в борьбе за чешский язык и историю и предполагало следующий посыл: чешский народ — народ героев, страдающих за правду и свои убеждения; в историографической традиции национальный взгляд на фигуру Гуса и последующие гуситские войны предложил Франтишек Палацкий и развил Алоис Ирасек.

Важность для чешской среды первого юбилейного торжества в честь Яна Гуса сложно переоценить, однако решение петербургского отдела славянского благотворительного комитета подключиться к этому событию представляется неоднозначным. Только ли солидарность с чешским культурным возрождением могла сподвигнуть русских славянофилов учредить достаточно высокую премию? Когда возникла идея присоединиться к чешским торжествам? Какую идею (юбилейные торжества всегда демонстрируют некую идею), важную для русского общества, вкладывали члены славянского комитета в организацию премии в честь Яна Гуса?

Все эти вопросы, требующие привлечения широкого историко-культурного контекста, еще не становились предметом специального научного разыскания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Существует небольшое количество научных трудов, авторы которых обращаются к деятельности петербургского отдела славянского благотворительного комитета и восприятию гуситского движения в России, освещают планы празднования юбилея чешского церковного деятеля. Однако целью таких исследований зачастую становится история гуситов в русской историографической традиции; подготовка к юбилейным торжествам ценна в них не как отдельное явление русско-чешских культурных взаимосвязей, но как еще одна веха в истории восприятия гуситского движения славянофилами и дополнительный историографический сюжет.

CC BY

Такую позицию занимает, в частности, крупный исследователь чешской истории Л. П. Лаптева, скрупулезно трудившаяся над составлением полной историографии восприятия гуситского движения в России [Лаптева, 2015; Лаптева, 1978] и оставившая основательную историю отечественного славяноведения [Лаптева, 2005]. Лаптевой принадлежит и заметка, впервые обращающая внимание на планы комитета по организации гусовских юбилейных торжеств, которая, однако, не выходит за рамки пересказа вышедшего в 1870 году отдельным изданием Отчета о деятельности С.-Петербургского отдела Славянского благотворительного комитета с 11-го мая 1869 по 11-е мая 1870 года [Лаптева, 2008]. Отчет вышел в свет в виде брошюры, где была опубликована лишь текстовая его часть, отсутствуют материалы о движении денежных средств комитета, которые хранятся в [ЦГИА СПб, ф. 400, оп. 1, д. 1, л. 12—18]. Среди архивных документов — денежный отчет, смета доходов и расходов общества. Просмотр этих материалов позволяет сделать выводы о величине премии, выделенной на подготовку книги о Яне Гусе.

В материалах заседания, состоявшегося 23 марта 1869 года, была обозначена сумма, которую комитет готов отпустить на премию чешскому сочинителю и издание этого труда на русском языке: «...на издание в память Яна Гуса было собрано 512 рублей» [ЦГИА СПб, ф. 400, оп. 1, д. 1, л. 14]. Приходно-расходная книга общества за этот год красноречиво свидетельствует, что на все пособия помощи славянским деятелям культуры было выделено 200 р. 75 коп., а в пользу постройки чешского театра было собрано 149 р. Сравнение этих статей расходов комитета указывает, что юбилей Яна Гуса мыслился в планах благотворительного общества как важное, едва ли не центральное, событие.

Последующие работы, обращающиеся к истории восприятия Яна Гуса в России, не выходят за рамки интерпретационной модели, предложенной Лаптевой, и базируются на источниках и материалах, уже проработанных исследовательницей [Галямичев, 2021а; Галямичев, 2021б; Бучанов, 2010; Гимадеев, 2019].

Представляется необходимым выйти за пределы сугубо историографических целей и обратиться к сюжету, сложившемуся вокруг юбилея Яна Гуса в России, как к самостоятельному явлению в истории русско-славянских культурных взаимосвязей и привлечь дополнительный круг источников, позволяющих сделать выводы о причинах учреждения премии, чаяниях участников благотворительного общества, с ней связанных.

В статье используются материалы трех архивов Санкт-Петербурга: ЦГИА СПб (был проведен фронтальный просмотр материалов за 1868—1870 годы с целью выявления дополнительных источников для раскрытия темы юбилея Гуса), Отдела рукописей РНБ (ф. 558, в котором находятся

CC BY

черновые заметки И. С. Пальмова о гуситском движении и историография вопроса) и РО ИРЛИ (ф. 311. д. 37; был привлечен альбом Е. Э. Трубецкой, в котором оставили свои подписи и напутствия хозяйке все члены славянской делегации, следовавшей на московскую этнографическую выставку в 1867 году). Помимо архивных источников были привлечены и опубликованные работы А. Ф. Гильфердинга, стоявшего у истоков идеи учреждения премии за лучшее сочинение о Яне Гусе, иные статьи и труды о Гусе и чешской истории, вышедшие на русском языке в 1870-е годы, а также материалы чешских и русских газет, которые отзывались на юбилейные торжества («Народни Листы», «Моравска Орлица», «Пражски денник», «Оломоуцке новины», «Русский инвалид», «Голос»).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Гуситский девиз в альбоме русской фрейлины и «коцебятина» на русской сцене

Представляется важным определить, когда и при каких обстоятельствах в петербургском обществе могла возникнуть мысль о Яне Гусе и его юбилее, о том, что миф о Гусе и идея особой, чешской, правды станет едва ли не главной «точкой сборки» национальной идеи в богемских землях, а потому поддержка юбилейного торжества покажет лояльность к идее чешского национального возрождения в Российской империи.

Связь Гуса с национальной правдой чехов осознавалась современниками. Так, незадолго до юбилея журналист и писатель К. К. Арсеньев опубликовал в «Вестнике Европы» весьма провокационную статью под названием «Ян Гус и чешская национальность» [Арсеньев, 1868], ставшую реакцией на публикацию в 1868 году программного труда Франтишка Палацкого о гуситах в истории Чехии, который и по сей день определяет точку зрения чешской историографической традиции на роль Гуса и гуситских войн в европейской истории и становлении чешского национального самосознания. Арсеньев писал о том, что имя Гуса стало «девизом борьбы за самостоятельность Чехии, сигналом народных демонстраций против владычества немцев» [Арсеньев, 1868, с. 361], и поставил весьма неоднозначный вопрос: «Можно ли считать Гуса систематическим врагом немецкой народности, представителем слепого, до нетерпимости крайнего чешского патриотизма?» [Арсеньев, 1868, с. 361].

В такой формулировке миссионерская идея чешского проповедника выходит далеко за пределы средневековой истории Богемии и прочитывается уже не в контексте церковной распри, но как часть усиливающегося славяно-немецкого противостояния. Юбилейная премия в честь Гуса приобретает уже совсем иное звучание, нежели желание поддержать чешскую историю и

CC BY

знания о ней в славянском мире. Поддержка издания о жизни Яна Гуса на условиях, которые были сформулированы славянским комитетом, становится рычагом влияния на чешскую общественность, а признание национального героя православным, а на такой позиции стоял председатель петербургского отдела комитета Гильфердинг, могло бы иметь продолжение — обоснованный отказ чешских земель от католицизма и переход в православную веру.

В первой половине XIX столетия знания о Яне Гусе в России не были обширны; отдельные (во многом пионерские) работы об этом чешском религиозном деятеле появляются в 1840-е годы (их авторами были В. И. Григорович, С. Н. Палаузов, П. И. Прейс), но издания распространялись в основном в сравнительно узкой университетской среде.

Широкая аудитория могла в начале XIX века проникнуться атмосферой чешского средневековья, попав на постановку одной из многочисленных пьес популярного в то время немецкого драматурга Августа Коцебу. Его драма в четырех действиях «Гусситы под Наумбургом в 1432 году» шла на русской сцене и была издана в типографии Императорского театра в 1807 году [Коцебу, 1807]. В пьесе гуситы действовали, скорее, как отъявленные разбойники, сжигавшие и разорявшие немецкие города, а потому почерпнуть из нее хоть сколько-нибудь верное представление о гуситских войнах и деле Яна Гуса было крайне сложно. Напряженность же вокруг славяно-немецкого противостояния, так отчетливо слышимая в работах о Гусе конца 1860-х годов, в пьесе Коцебу разрешалась отнюдь не в пользу славянского племени.

Популярность Коцебу у петербургского зрителя уже в 1830-е годы сменилась презрительным отношением к его драматическим творениям, а *коцебятина* стала синонимом литературного дурновкусия, русское общество посмеивалось не только над некогда прославленным автором, но и над сюжетами его пьес; не минула эта участь и «Гусситов под Наумбургом ...». Так, эта пьеса фигурирует в знаменитой эпиграмме Д. П. Горчакова, облетевшей весь столичный свет: *«“Гусситы”, “Попугай” предпочтены “Сорене” / И Коцебятина одна теперь на сцене»* [Цит. по: Орлов, 1941, с. 233].

Однако оба случая: первые попытки разработать научный взгляд на наследие Гуса в русской историографии и рецепция гуситской драмы Коцебу петербургским зрителем — не могут быть достаточным основанием для того, чтобы присоединиться к торжествам в честь юбилея чешского проповедника. Вероятнее всего, разговоры о Гусе, интерес к этой личности и влиянию на формирование чешской национальной идеи возникли в связи с приездом в столицу в 1867 году делегации австрийских славян, следовавших на этнографическую выставку. Именно приезд славян в Россию, как показывают отчеты славянского благотворительного комитета, «подал жительствующим в Санкт-Петербурге членам Московского Сла-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

вянского благотворительного комитета и некоторым другим сочувствующим славянству лицам первый повод собираться для совещаний о том, как встретить славянских гостей в Петербурге», и «…таким образом возникла мысль организовать в Петербурге Отдел Славянского Благотворительного комитета» [Отчет…, 1870, с. 4].

Эта поездка очень подробно описана в существующих отечественных и зарубежных научных изданиях, однако некоторые материалы, способные дополнить наши знания о поездке славян в Россию, изучены еще крайне мало. Так, особняком стоит обтянутый красным бархатом с фамильным вензелем на обложке альбом Елизаветы Эсперовны Трубецкой, фрейлины императрицы Марии Фёдоровны [РО ИРЛИ, ф. 311, д. 37]. Девиз гуситского движения «Правда побеждает!» звучал в памятных надписях, оставленных чехами в альбоме Елизаветы Эсперовны. Эммануил Вавра написал следующее: «Негоже нам у немцев искать правду, у нас правда по закону свята» [РО ИРЛИ, ф. 311, д. 37, л. 4.], что отсылало к гуситской традиции борьбы за правду в чешской культуре.

Идея общеславянского празднования юбилея Яна Гуса могла зародиться уже тогда, в 1867 году, когда члены комитета приветствовали славянских делегатов в Санкт-Петербурге и Москве.

3.2. Празднование юбилея Яна Гуса в Праге. Учреждение русской премии

В истории чешской традиции чествования Яна Гуса были свои перипетии. Первый юбилей отмечался в 1869 году два раза — 6 июля и 4 сентября. Подобная путаница возникла не столько из-за того, что дата рождения магистра неизвестна, сколько из-за дня св. Кирилла и Мефодия, который в Чехии традиционно отмечался 5 июля. Если бы гусовские торжества были назначены на 6 июля, то этот юбилей оказался бы на втором месте после кирилло-мефодиевских торжеств и мыслился бы как их продолжение, а не как самостоятельная веха в истории становления чешского национального самосознания. Мысль о связи чешской национальной идеи с Яном Гусом была сформулирована в конце XIX столетия, а вот фиксированная дата памятных торжеств долго не появлялась. Так, в начале XX века праздновали 500 лет со дня его сожжения (6 июля 1915 года), эта традиция праздновать трагическую кончину Гуса сохраняется до сих пор.

В начале сентября в Праге патриотически настроенные чехи собрались на Вифлеемской площади, где находилась часовня, в которой Ян Гус читал свои знаменитые проповеди [Morée, 2015, p. 385]. Чешские газеты пестрели заметками об этом событии, были опубликованы поздравления из разных славянских стран, обращенные к чешской нации («Народни Листы», «Моравска Орлица», «Пражский денник»). В «Народних Листах» (выпуск от 5 сентября

CC BY

1869 года) было помещено и обращение из Москвы, в котором значилось, что в Московском императорском университете состоялись гусовские тожества, участники которых шлют в Прагу братский привет и поздравления.

Столичный Петербург также присоединялся к торжествам. На заседании 23 марта 1869 года идея поддержать издание труда о Яне Гусе была высказана впервые А. Ф. Гильфердингом, однако в юбилейном 1869 году идея не получила продолжения. Более отчетливо мысль о поддержке исторического сочинения о Гусе была сформулирована в следующем, 1870 году, когда Гильфердингом было «читано сообщение за лучшее сочинение о Гусе» [Отчет…, 1870, с. 5]. В этом сообщении появились и конкретные требования к сочинению. Например, «писано оно должно быть на чешском или каком-либо другом славянском языке» [Отчет…, 1870, с. 5], то есть русские авторы из списка претендентов на победу выпадали. Для издания популярной русской брошюры было назначено особое жалование — 100 руб. серебром, которые пожертвовали И. А. Посохов и Н. А. Киреев.

Ответственным за выбор лучшего сочинения был назначен чешский историк Франтишек Палацкий, который должен был действовать от лица комитета и учесть, что «требуется не панегирик Гусу и не брань против него, но основательное и объективно верное изображение всей его деятельности и судьбы. Книга должна быть написана для образованных читателей вообще, а не для одних только специалистов и богословов» [Отчет…, 1870, с. 5].

О премии было объявлено в Праге в канун юбилейных торжеств 24 августа 1869 года. Предлагая чешским авторам посостязаться, Палацкий перечислил дополнительные требования к будущей книге, согласованные с русской стороной: «Она должна избегать, на сколько возможно, полемики и декламации в каком бы то ни было направлении. Достойною предмета речью следует изобразить Гуса не только как человека и патриота, как ученого и священника, как проповедника и писателя, на как реформатора своего века <…> Было бы желательно определить отношение стремлений Гуса к возможному в былое время образованию народных церквей на западе и востоке Европы. Следует стараться, чтобы книга, по объему, заключала в себе от 20-и до 30-и печатных листов или около того» [Отчет…, 1870, с. 6].

Палацкий также предложил петербургскому комитету взять на воспитание бедного чешского мальчика из гуситской семьи. Есть все основания полагать, что идея эта снискала поддержку у челнов комитета, поскольку газета «Голос» информировала своих читателей, что в канун гусовских торжеств в Праге, 24 августа 1869 года, петербургский комитет отправил чешским братьям телеграмму, в которой значилось: «Просим избрать бедного мальчика, уроженца из Гусинца, для образования на счет петербургского

CC BY

отдела славянского благотворительного комитета, который назначает на это 300 флоринов ежегодно» [Празднества в память ..., 1869а, № 242, с. 1].

Член славянского комитета известный художник М. О. Микешин анонсировал создание проекта памятника Яну Гусу. К настоящему моменту мы не располагаем сведениями о том, были ли созданы хотя бы черновые наброски к этому монументу, обнаружение таких документов было бы серьезным вкладом в наше знание о наследии Микешина. Материалы, позволяющие сделать вывод о том, был ли в каком-либо виде реализован этот порыв создания памятника чешскому проповеднику, предположительно могут находиться в фондах РО ИРЛИ (ф. 435), работа по выявлению упоминаний об этом ведется.

Идея Гильфердинга по организации премии не увенчалась успехом, несмотря на значительные средства, которые комитет вложил в ее осуществление. Палацкий написал членам комитета, что на объявление о премии не откликнулся ни один чешский сочинитель, и предложил оставить деньги, уже обросшие процентами в австрийском банке, в его, Палацкого, обществе поддержки чешской истории. Трудно судить, был ли это расчет чешского историка, преклонный его век, не позволивший проявить большую инициативу в деле вручения премии, или результат в целом не слишком удачного путешествия австрийских славян в Россию на этнографическую выставку 1867 года, который укрепил некоторых путешественников (например, Ф. Л. Ригера и К. Я. Эрбена) в идее австрославизма и тщетности поиска поддержки своим национальным чаяниям в России, а значит, и попыток найти точки сближения, например, в признании близкими православию некоторых установок Гуса.

Вопрос о родстве учения Гуса с основами православной веры всегда был камнем преткновения для русских мыслителей и первых славяноведов из-за того, что вызывал необходимость апеллировать к позиции православия по Констанцкому собору, а также к весьма неоднозначному документу — «Посланию константинопольской церкви к чехам» (1451 года), в котором «Святая Константинопольская церковь, мать всех православных и наставница», признает учения Яна Гуса не чуждым православию, но лишь отличным по исполнению некоторых церковных обрядов. Вероятно, подобное заявление могло быть продиктовано желанием первой православной автокефалии в условиях раскола католической церкви и за два года до падения самого Константинополя усилить свое влияние в католических землях путем признания православным учения Яна Гуса.

Газета «Голос» очень подробно изложила русский взгляд на значение Гуса как чешского ученого, проповедника, политического и религиозного деятеля, поместив в выпуске от 24 августа 1869 года на передовице обшир-

CC BY

ную статью о нем, где подчеркивалась важность памяти о богатырях прошлого для борьбы за лучшее будущее. Особое значение уделялось врагам гусова учения и взглядов, которыми становились не только немцы, господствующие в пражском университете, но и поляки, которые «уже и тогда питали ненависть к другим славянам и чувствовали себя более родственными немцам» [Празднества в память ..., 1869а, № 242, с. 1]. Вероятно, этот выпад против поляков как врагов славянства был связан с еще памятным польским восстанием 1863 года. Заканчивался этот эмоциональный очерк деяний Гуса телеграммой из Петербурга, в которой подчеркивалась связь Гуса «со всеми славянами и целым православным миром». Ответ на телеграмму был опубликован спустя несколько дней, в № 244 от 2 сентября 1869 года, в нем значилось, что чехи «шлют благодарность за сочувствие русских к чехам» [Празднества в память ..., 1869б, № 244, с. 2]; его автором был Вавра (возможно, тот самый Эммануил Вавра из Праги, член делегации австрийских славян, оставивший памятную надпись в альбоме фрейлины императрицы Марии Федоровны).

Православие гусовского учения становилось лейтмотивом учрежденной премии, поскольку одна из концепций радикального панславизма подразумевала не только объединение всех славянских племен под скипетром российского монарха, но и переход земель с католическим вероисповеданием в православие, что звучало еще более остро после польского освободительного восстания 1863 года, когда польский патриотизм и связанный с ним католицизм воспринимались как угроза славянскому братству. В этом контексте идея празднования юбилея Гуса как православного религиозного деятеля вполне объяснима желанием подчеркнуть, что истинные национальные порывы славян связаны с православием.

Отголоском масштабной мечты о труде, посвященном жизни и деяниям Яна Гуса, стал выход в 1871 году брошюры Гильфердинга «Гус. Его отношение к православной церкви». Размышления Гильфердинга построены во многом вокруг «Послания константинопольской церкви к чехам», которое было опубликовано в качестве приложения к основному тексту; в нем решается вопрос, насколько справедливым было признание православных начал в учении Яна Гуса.

Желание подчеркнуть, что национальная идея чехов в лице Яна Гуса не была признана католической церковью на ее вселенском соборе, но может легко влиться в православное вероучение, обнаруживается и в последующих публикациях о Яне Гусе на русском языке, появившихся в 1870-е годы. Это, например, брошюра А. В. Васильева «Иоанн Гус — муж свободы, правды, света, жертва гнета, тьмы и лжи», название которой красноречиво указывает на дихотомию света (учения Гуса) и тьмы (католической церкви). А. С. Буди-

CC BY

лович выступил с еще более радикальным взглядом на православные основы чешской национальной идеи, задав вопрос: «Не был ли православным человеком Иероним Пражский?» — и ответив на него утвердительно. Будилович обращался к поездке Иеронима Пражского, сподвижника и последователя Гуса, встретившего свою смерть так же, как и его учитель, на костре в Констанце, по православным землям в поисках поддержки (Иероним Пражский побывал в Витебске и во Пскове) [Будилович, 1870]. Таким образом, юбилейная идея в понимании русской стороны заключалось в необходимости показать возможные православные начала в учении чешских религиозных деятелей, их борьбу за правду, которую не приемлет католическая церковь, а также подспудно указать после поражения польского восстания 1863 года на ложный путь польских патриотов, связавших свою национальную идею с католической церковью и восставших против власти русского императора.

Чествования деятеля славянской культуры в контексте формирования «юбилейной» традиции в России — тема, достойная отдельной разработки, ведь история юбилейной культуры сейчас оформляется как отдельное направление исследований в рамках изучения культуры памяти и может быть с методологической точки зрения вписана в культуру коммеморации в России XIX столетия. Устоявшейся к середине века юбилейной традицией стали официальные празднества, как правило, приуроченные к династическим событиям и военным победам, что укладывается в сценарии церемониалов власти, которыми окружали себя все европейские монархи. Переломом в традиции чествования по особому юбилейному сценарию становится юбилей пятидесятилетия творческой деятельности И. А. Крылова 2 февраля 1838 года, за которым последовала традиция литературных чествований, приуроченных к различным годовщинам, вылившаяся в пушкинские торжества 1880 года по случаю открытия памятника Пушкину в Москве. И в этой традиции идея отпраздновать юбилей Яна Гуса стоит особняком, несмотря на то что может быть объяснима желанием создать иллюзию славянского братства, основанного на православной вере и противостоящего католицизму.

Гусовские торжества в 1869 году освещались в нескольких российских газетах: «Голос» опубликовал короткую заметку «Празднества в память Яна Гуса» в рубрике «Корреспонденция» [Празднества в память ..., 1869б, № 244, с. 3], приветствие чехам в пятисотлетие рождения Иоанна Гуса оставили члены Общества истории и древностей Российских [Приветствие чехам …, 1869, № 3, с. 239].

3.3. Отголоски русской премии в честь Яна Гуса в чешско-русских отношениях конца XIX века

Сочинение о Яне Гусе на чешском языке так и не было написано, а крупная премия не нашла своего автора. Однако в архивных документах

CC BY

обнаруживаются отдельные упоминания о некой премии, которая была учреждена русской стороной для чехов. Так, в фонде историка литературы А. Н. Пыпина в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится письмо чешской писательницы и переводчицы Элишки Красногорской от 19 октября 1881 года [РО ИРЛИ, ф. 205, оп. 3, № 239], на страницах которого она изливает свое негодование и требует оспорить результаты конкурса на лучшее историческое сочинение на тему из чешской истории, который объявила русская сторона к открытию Национального театра.

С опорой на различные источники представляется возможным узнать состав участников этого конкурса, найти чешские рецензии на представленные драматические произведения, в которых также многократно упоминается о существовании некой русской премии за сочинение на гуситскую тему, а также о скандале, возникшем вокруг ее вручения (премия была присуждена профессору Карлова университета философу Йозефу Дурдику, который, по мнению Элишки Красногорской, не сохранил анонимность при подаче своего произведения на конкурс). Этот сюжет, занимательный сам по себе и отражающий драматизм в чешско-русских отношениях, мог бы быть исчерпан с исследовательской точки зрения, если бы в отчетах славянского благотворительного комитета удалось найти хотя бы малое упоминание о премии, наделавшей столько шуму в кругах чешской интеллектуальной элиты. Однако в отчетах вокруг 1881 года такая премия не упоминается (ни в качестве темы для обсуждения, ни в документах о движении денег комитета). Все материалы, которые обнаружились вокруг этого сюжета, были представлены на конференции «Славянский мир: общность и многообразие» в 2023 году [Егорова, 2023].

Действие драмы Элишки Красногорской «Гарантова жена», написанной для конкурса, разворачивается в начале XVII века, когда Чешское королевство потеряло свою независимость, а прототипом героя становится гусит Криштоф Гарант с Полжиц и Бездружиц — чешский писатель, музыкант и путешественник, то есть отсылает к теме гуситского наследия и роли последователей Яна Гуса в борьбе за чешскую правду. Представляется, что идея поддержать научное издание о чешском проповеднике могла трансформироваться и стать известной в чешской интеллектуальной среде как премия за лучшее литературное сочинение на сюжет из чешской истории.

4. Заключение = Conclusions

В статье были рассмотрены обстоятельства, которые обусловили объявление в августе 1869 года премии на лучшее сочинение о Яне Гусе, которую учредило Санкт-Петербургское отделение славянского благотворительного общества. Для чешской интеллектуальной среды Ян Гус стано-

CC BY

вился воплощением национальной идеи, выступал историческим гарантом права чехов на национальное самоопределение, а потому торжества по случаю 500-летнего юбилея борца за чешскую правду прошли в Праге с особым размахом. До 1869 года русская общественность знала о Яне Гусе и природе гуситства крайне мало. Всплеск интереса к истории гуситского движения наблюдается после обозначенной юбилейной даты, когда в свет начали выходить брошюры и статьи, осмысляющие наследие Яна Гуса, и эта тенденция сохранится вплоть до начала XX столетия, когда Российская империя будет включена в следующие юбилейные торжества — 500-летие со дня смерти чешского проповедника. Серьезным представляется комплекс вопросов, связанных с идеей русского славянофильского сообщества присоединиться к празднованию юбилея чешского церковного деятеля.

В статье была предпринята попытка определить истоки идеи петербургского общества присоединиться к празднованию юбилея Гуса, в также понять, только ли солидарность с чешским культурным возрождением могла сподвигнуть русских славянофилов учредить достаточно высокую премию. Представляется, что идея Гильфердинга подключиться к юбилейным торжествам исходила из его позиции по конфессиональной принадлежности учения Гуса. Гильфердинг признавал православные основы учения чешского реформатора, что давало возможность использовать гусовские торжества в качестве рычага влияния на чешскую общественность и продвинуть идею радикального панславизма, подразумевавшего не только политическое (в рамках Российской империи), но и религиозное объединение всех славянских ветвей в православной вере.

Признание православных основ учения Гуса давало также возможность поднять вопрос об историческом неприятии славянством католической церкви и еще раз осудить поляков, организовавших восстания в 1863 году и связавших свою национальную идею с католицизмом.

Для разработки сюжета в статье были использованы ранее не введенные в научный оборот источники архивного происхождения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Коцебу*. Гусситы под Наумбургом в 1432 году : Драма в четырех действиях / Коцебу. — Санктпетербург : Типография Императорскаго театра, 1807. — [2], 70 с.

2. *Празднества* в память Яна Гуса. Корреспонденция из Праги // Голос : [газета]. — 1869а. — 24 августа. — № 242.

3. *Празднества* в память Яна Гуса. Корреспонденция «Голоса» // Голос : [газета]. — 1869б. — 2 сентября. — № 244.

4. *Приветствие* чехам в пятисотлетие рождения Иоанна Гуса // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — 1869. — № 3. — С. 239.

5. РО ИРЛИ — *Рукописный* Отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 205. Оп. 3. № 239 ; Ф. 311. Д. 37.

6. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1.

Литература

1. *Арсеньев К. К.* Ян Гус и чешская национальность / К. К. Арсеньев // Вестник Европы. — 1868. — Т. 5. — № 9. — С. 360—382.

2. *Будилович А. С.* Не был ли православным человеком Иероним Пражский? / А. С. Будилович // Христианское чтение. — 1870. — № 4. — С. 684—708.

3. *Бучанов И. И.* Гуситское движение: отечественная историография (1945—2005) : диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.09 / И. И. Бучанов. — Москва, 2010. — 30 с.

4. *Галямичев А. Н.* Гуситское движение: публикации источников и литература на русском языке / А. Н. Галямичев. — Саратов : Техно-Декор, 2021. — 63 с. — ISBN 978-5-907175-61-7.

5. *Галямичев А. Н.* Гуситы и русские / А. Н. Галямичев. — Саратов : Техно-Декор, 2021. — 155 с. — ISBN 978-5-907175-74-7.

6. *Гимадеев Т. В.* Отклик на славянофильскую концепцию гуситского движения в чешской историографии и публицистике (до 1918 г.) / Т. В. Гимадеев // Славянский альманах. — 2019. — № 1—2. — С. 46—58. — DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.03.

7. *Егорова К. Б.* Элишка Красногорская — корреспондент А. Н. Пыпина / К. Б. Егорова // Славянский мир : общность и многообразие. Материалы кон ференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и куль туры. 23—24 мая 2023 г. / Отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2023. — С. 297—301.

8. *Котов В. В.* Ян Гус, гуситы и «соколы» : инструментализация событий XV века чешскими националистами и отзвуки их акций в Российской империи (1862—1916) / В. В. Котов // Vox medii aevi. — 2019. — Vol. 2 (5). — С. 102—126.

9. *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.) / Л. П. Лаптева. — Москва : Изд-во МГУ, 1978. — 340 с.

10. *Лаптева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке / Л. П. Лаптева. — Москва : Индрик, 2005. — 847 с. — ISBN 5-85759-335-2.

11. *Лаптева Л. П.* Отклик С.-Петербургского отдела Славянского Благотворительного Комитета на 500-летие со дня рождения Яна Гуса в 1869 г. / Л. П. Лаптева // Славянские форумы и проблемы славяноведения. — Москва-Ставрополь : [б. и.], 2008. — С. 106—113.

12. *Лаптева Л. П.* Ян Гус в освещении русской историографии столетий / Л. П. Лаптева // Славяне и Россия : исторический контекст и проблемы историографии. — Москва : Институт славяноведения, 2015. — С. 8—18.

13. *Левитт М.* Литература и политика : Пушкинский праздник 1880 года / М. Левитт. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1994. — 262 с. — ISBN 5-7331-0024-9.

14. *Орлов В. Н.* Сатирическая поэзия начала 1800-х годов / В. Н. Орлов // История русской литературы : в 10 томах / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкин. Дом). — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941—1956. — Т. V. Литература первой половины XIX века :Ч. 1. — 1941. — С. 227—234.

15. *Čornej P.* Zrození husitského mýtu : problém optiky / P. Čornej // 19. století v nás : modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly / připr. Milan Řepa. — Praha : Hist. úst., 2008. — S. 86—103. — ISBN 978-80-7286-139-2.

16. *Graus F.* Lebendige Vergangenheit. Überlieferung im Mittelalter und in den Vorstellungen vom Mittelalter / F. Graus. — Vienna–Köln : Böhlau, 1975. — 421 p. — ISBN 341-21-187-53-2.

17. *Morée P.* Inventing Rituals to Commemorate Jan Hus Between 1865 and 1965 / P. Morée // Filosofický časopis. — 2015. — Vol. 10. — Pp. 371—387.

18. *Pokorný J.* Kult Jana Husa v rámci české národní agitace let 1868—1918 / J. Pokorný // Praha Husova a husitská 1415–2015 : publikace k výstavě : Clam-Gallasův palác, 25. září 2015—24. ledna 2016. — Praha : Sondy, 2015. — S. 221—230. — ISBN 978-80-68846-60-6.

19. *Šmahel F.* "Old Czechs Were Hefty Heroes" : the Construction and Reconstruction of Czech National History in its Relationship to the "Great" Medieval Past / F. Šmahel // The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins. — New York : [b. i.], 2011. — Pp. 249—253.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024,
одобрена после рецензирования 08.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

Celebrations in memory of Jan Hus. (1869a). Correspondence from Prague. In: *Voice, 242, August 24*. (In Russ.).

Celebrations in memory of Jan Hus. (1869b). Correspondence from "Voice". In: *Voice, 244, September 2.* (In Russ.).

Greetings to the Czechs on the fiftieth anniversary of the birth of Jan Hus. (1869). In: *Readings in the Society of Russian History and Antiquities, 3:* 239. (In Russ.).

Kotzebue. (1807). *Hussites near Naumburg in 1432: Drama in four acts*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Theater. [2], 70 p. (In Russ.).

RO IRLI — *Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. F. 205. Op. 3. № 239; F. 311. D. 37.* (In Russ.).

TSGIA St. Petersburg — *Central State Historical Archive of St. Petersburg. F. 400. Op. 1. D. 1.* (In Russ.).

References

Arsenyev, K. K. (1868). Jan Huss and the Czech nationality. *Bulletin of Europe, 5 (9):* 360—382. (In Russ.).

Buchanov, I. I. (2010). *The Hussite movement: domestic historiography (1945—2005).* PhD Diss. Moscow. 30 p. (In Russ.).

Budilovich, A. S. (1870). Was Jerome of Prague an Orthodox man? *Christian reading, 4:* 684—708. (In Russ.).

Čornej, P. (2008). Zrození husitského mýtu: problém optiky. In: *19. století v nás: modely, instituce a reprezentace, které přetrvaly.* Praha: Hist. úst. 86—103. ISBN 978-80-7286-139-2. (In Czech).

Egorova, K. B. (2023). Elishka Krasnogorskaya — correspondent A. N. Pypina. In: *Slavic world: community and diversity. Materials of the conference of young scientists within the framework of the Days of Slavic Writing and Culture tours. May 23—24,*

CC BY

2023. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 297—301. (In Russ.).

Galyamichev, A. N. (2021). *Gusits and Russians.* Saratov: Techno-Décor. 155 p. ISBN 978-5-907175-74-7. (In Russ.).

Galyamichev, A. N. (2021). *The Hussite movement: publications of sources and literature in Russian.* Saratov: Techno-Décor. 63 p. ISBN 978-5-907175-61-7. (In Russ.).

Gimadeev, T. V. (2019). Response to the Slavophile concept of the Hussite movement in Czech historiography and journalism (before 1918). *Slavic Almanac, 1—2:* 46—58. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.1.03. (In Russ.).

Graus, F. (1975). *Lebendige Vergangenheit. Überlieferung im Mittelalter und in den Vorstellungen vom Mittelalter.* Vienna–Köln: Böhlau. 421 p. ISBN 341-21-187-53-2. (In Germ.).

Kotov, V. V. (2019). Jan Hus, Hussites and "Falcons": instrumentalization of the events of the XV century by Czech nationalists and echoes of their actions in the Russian Empire (1862—1916). *Vox medii aevi, 2 (5):* 102—126. (In Russ.).

Lapteva, L. P. (2005). *History of Slavic studies in Russia in the XIX century.* Moscow: Indrik. 847 p. ISBN 5-85759-335-2. (In Russ.).

Lapteva, L. P. (2015). Jan Hus in the coverage of Russian historiography of the centuries. In: *Slavs and Russia: historical context and problems of historiography.* Moscow: Institute of Slavic Studies. 8—18. (In Russ.).

Lapteva, L. P. (2008). Response of the St. Petersburg department of the Slavic Charitable Committee on the 500th anniversary of the birth of Jan Huss in 1869. In: *Slavic forums and problems of Slavic studies.* Moscow-Stavropol: [b. i.]. 106—113. (In Russ.).

Lapteva, L. P. (1978). *Russian historiography of the Hussite movement (40s of the XIX century — 1917).* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 340 p. (In Russ.).

Levitt, M. (1994). *Literature and politics: Pushkin's Holiday of 1880.* St. Petersburg: Academic Project. 262 p. ISBN 5-7331-0024-9. (In Russ.).

Morée, P. (2015). Inventing Rituals to Commemorate Jan Hus Between 1865 and 1965. *Filosofický časopis, 10:* 371—387.

Orlov, V. N. (1941). Satirical poetry of the early 1800s. In: *History of Russian literature: in 10 volumes: Tom V. Literature of the first half of the 19th century: Part. 1.* Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Pp. 227-234. (In Russ.).

Pokorný, J. (2015). Kult Jana Husa v rámci české národní agitace let 1868—1918. In: *Praha Husova a husitská 1415—2015: publikace k výstavě: Clam-Gallasův palác, 25. září 2015—24. ledna 2016.* Praha: Sondy. 221—230. ISBN 978-80-68846-60-6.

Šmahel, F. (2011). "Old Czechs Were Hefty Heroes": the Construction and Reconstruction of Czech National History in its Relationship to the "Great" Medieval Past. In: *The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins.* New York: [b. i.]. 249—253.

The article was submitted 11.02.2024;
approved after reviewing 08.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Елдинов О. А. Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области) / О. А. Елдинов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 365—383. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-365-383.

Eldinov, O. A. (2024). Motivation of Volunteers during Great Patriotic War (Case Study of Rostov Region). *Nauchnyi dialog, 13* (3): 365-383. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-365-383. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области)

Елдинов Олег Александрович
orcid.org/0000-0001-9425-1705
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра «Документоведение и
языковая коммуникация»
olegeldinov@yandex.ru

Донской государственный
технический университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 24-28-01265,
https://rscf.ru/project/24-28-01265/

Motivation of Volunteers during Great Patriotic War (Case Study of Rostov Region)

Oleg A. Eldinov
orcid.org/0000-0001-9425-1705
PhD in History, associate professor,
Department of Document Studies
and Language Communication
olegeldinov@yandex.ru

Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01265,
https://rscf.ru/project/24-28-01265/

© Елдинов О. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию мотивов вступления граждан в добровольческие формирования в период Великой Отечественной войны. В качестве источниковой базы исследования используются архивные и опубликованные источники по истории добровольческого движения в Ростовской области. В основу исследования был положен военно-антропологический подход, позволяющий понять мировоззрение добровольца, качественные и количественные параметры добровольческого движения в донском регионе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью привлечения большего внимания исследователей к тому, что определяло деятельность человека на войне. Подробный анализ фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области позволил выявить характерные модели добровольчества. Автор приходит к выводу о том, что механизм воздействия агитации и пропаганды переплетается с глубоко личными мотивами сопротивления неприятелю. Предлагается классификация инструментов, оказывающих влияние на мотивы участников: это визуальные образы, государственная символика, работа агитаторов и пропагандистов, написание клятв. Новизна исследования видится в том, что автором поставлен вопрос о механизме воздействия на общественное сознание в конкретном регионе страны, который имел ограниченное время для подготовки населения к сопротивлению противнику.

Ключевые слова:
добровольцы; партизанское движение; Великая Отечественная война; мотивация; военная антропология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the motivations behind citizens joining volunteer formations during the Great Patriotic War. The study relies on archival and published sources on the history of volunteer movements in the Rostov region. The research is based on a military-anthropological approach, aiming to understand the worldview of volunteers and the qualitative and quantitative parameters of volunteer movements in the Don region. The relevance of the study lies in the necessity of attracting more attention from researchers to understand what drove individuals to act during wartime. A detailed analysis of the archives at the Center for Documentation of Recent History of Rostov Region revealed characteristic models of voluntarism. The author concludes that the mechanism of agitation and propaganda intertwines with deeply personal motives of resistance against the enemy. A classification of tools influencing participants' motives is proposed, including visual imagery, state symbolism, the work of agitators and propagandists, and oath-taking. The novelty of the research lies in the author's exploration of the mechanism influencing public consciousness in a specific region with limited time to prepare the population for resistance against the adversary.

Key words:
volunteers; partisan movement; Great Patriotic War; motivation; military anthropology.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-365-383

Мотивация добровольцев в период Великой Отечественной войны (на примере Ростовской области)

© Елдинов О. А., 2024

1. Введение = Introduction

Вопрос о границах между исторической наукой в национальных государствах эпохи модерна и исторической памятью является дискуссионным. «Познание неотделимо от ситуации, в которой оно происходит» [Словарь основных исторических понятий ..., т. 1, с. 203], поэтому научные представления академического сообщества историков и установки государственной исторической политики становятся частью исторической памяти общества.

В исторической памяти общества травматический опыт переживаемых войн определяет способ самоидентификации, формирует связь человека с государством. Важно понимать, что война остаётся не только спутником развития человеческой цивилизации [Трут, 2021, с. 10—12], но и одним из самых распространённых историко-психологических явлений, вокруг которого выстраиваются различные модели интерпретации истории. Военные действия меняют этику и социальный порядок мирного времени: то, что раньше казалось недопустимым, может становиться нормой и наоборот. Мотивы и поведение добровольцев Великой Отечественной войны, дают возможность использовать просопографический метод исследования и, как следствие, сформировать представления о «военном поколении» добровольцев-жителей Донского региона.

История Великой Отечественной войны продолжает оставаться важной, тематически насыщенной и дискуссионной исследовательской проблемой. Внимание историков сегодня направлено на изучение вопросов оккупации — проект «Без срока давности» [Уроки Змиевской балки ..., 2022]), различных дискуссионных и недостаточно исследованных вопросов историографии войны [Коробицына, 2019, с. 126—130; Кринко, 2023, с. 349—352].

Целями данного исследования стали выявление и анализ моделей мотивации добровольцев, сведений о мерах их морального и материального стимулирования и конкретной инструментальной поддержки со стороны го-

CC BY

сударства в годы Великой Отечественной войны. Материалом исследования выступили источники, посвящённые добровольческому движению на территории Ростовской области в период Великой Отечественной войны.

Историография добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны довольно репрезентативна. Так, в работах А. Д. Синицына [Синицын, 1973, с. 11—18], А. Д. Колесника [Колесник, 1988], Н. А. Кирсанова и С. И. Дробязко [Кирсанов и др., 2001, с. 60—75] проанализированы состав советских добровольческих формирований и их участие в боевых действиях. Современное состояние исследований по данной теме представлено в статье Т. Д. Медведева [Медведев, 2022, с. 146—153], где дан общий историографический обзор добровольческого движения в годы Великой Отечественной войны. Г. Д. Пилишвили анализирует влияние пропаганды на формирование частей и подразделений народного ополчения на территории РСФСР [Пилишвили, 2018, с. 171—177]. Автор отмечает массовый характер добровольчества, выявляет агитационно-пропагандистскую роль партийных, советских и комсомольских органов в стимулировании участия граждан в народном ополчении. В работе И. М. Савицкого были затронуты вопросы сопоставительного изучения мотивов добровольцев в зависимости от их численности, социального положения, партийной принадлежности, национальности и возраста [Савицкий, 2017, с. 189—196].

В ситуации войны трансформируются и модели поведения, и этические нормы партизан и добровольцев, что было проанализировано в работе О. Н. Литвиновой [Литвинова, 2016, с. 297—302].

Обобщающая историография, посвящённая теме добровольческого движения в свете новых подходов к изучению на территории Ростовской области, находится в стадии формирования, о чем свидетельствуют работы В. П. Трута [Трут, 2023, с. 38—43], К. М. Васильцова [Васильцов, 2020, с. 54—58].

Гипотезой исследования является тезис о сложной организации мотивационного компонента представителей добровольческого движения: дискретность мотивации добровольцев выражается в сочетании влияния государственной пропаганды и индивидуальных ценностей, что может объяснять различные модели поведения человека в условиях военных действий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Накопление значительного эмпирического материала по истории добровольческого движения ставит перед нами задачу перехода от простых описаний к анализу представлений участников о своём военном опыте. Помимо анализа личных мотивов добровольцев, безусловно, важно понимать роль государства в формировании определённых политических и социальных установок.

CC BY

Военно-антропологический подход делает возможным определить эти ментальные установки и мотивы, которыми располагали участники такого масштабного социального явления, как война. Одним из первопроходцев в изучения истории с данного ракурса (возможно, необходимо говорить даже о целом направлении) является Е. С. Сенявская, которая поставила в своих работах вопрос о «человеческом измерении» войны как феномена социальной жизни [Сенявская, 1995, с. 218]. В работах автора сформированы источниковедческие аспекты военно-исторической психологии: выделены три группы источников, характеризующих войну как глубоко личный феномен. Во-первых, это источники, показывающие военные действия изнутри (письма, дневники, воспоминания), во-вторых, источники представляющие стереотипы массового сознания (фольклорные произведения). В-третьих, источники, «с разной степенью объективности фиксирующие деятельность и поступки людей, через которые проявляется их духовный облик» (политдонесения, материалы пропаганды, публицистика, печать) [Сенявская, 1995, с. 18]. О формирующейся историографической традиции военно-исторической антропологии свидетельствует работа Е. Ф. Кринко [Кринко, 2020, с. 4—13].

В свете поставленной нами проблемы военно-историческая антропология даёт широкие возможности для изучения темы добровольчества. Вопросы мотивации вступления в добровольческие подразделения подробно изучены в работе Е. Н. Боле [Боле, 2006, с. 232—246]. Автор дает «узкое» определение добровольчества, подразумевая под ним «такое массовое явление, как подача заявлений в военкоматы страны с просьбой отправить на фронт» [Там же, с. 233]. Основываясь на анализе архивных материалов, исследовательница выделяет различные формы мотивации советских граждан: безусловно, на первом месте стояли патриотизм и желание защитить Родину, осознание долга; желание «искупить вину перед Родиной» у спецпереселенцев и заключенных; женская и юношеская модели помощи фронту; желание мести за потери; изменения в законодательстве, позволяющие улучшить положение близких родственников, находящихся в тылу.

Однако в свете изучения данной темы актуальной представляется задача расширенного толкования понятия «добровольчество». Так, Е. С. Сенявская использует понятие «воины по долгу», введенное социологом В. В. Серебрянниковым [Серебрянников, 1998]. К ним относятся «люди, которые независимо от своего субъективного отношения к войне, часто весьма негативного, оказавшись перед необходимостью защищать свою страну и семейный очаг от захватчиков, сами добровольно идут на войну» [Сенявская, 1999, с. 52]. Добровольчество в годы Великой Отечественной войны как феномен охватывало деятельность партизанских отрядов, народных ополчений и истребительных батальонов.

CC BY

В рамках данного исследования было проанализировано влияние институциональных сил (партийных, государственных) на движение ростовских добровольцев. Отдельным инструментом, формирующим мотивацию, стала визуальная пропаганда. Официальная символика, связанная с государством и советским обществом, также определяла способы поведения добровольцев. Персональные мотивы к сопротивлению врагу делали проблему участия добровольцев в войне глубоко личной и формировали индивидуальные представления о действиях в условиях войны. Они позволяли сформировать собственные представления о борьбе, находящиеся вне принятой государством дискурсивной формации.

Источниковая база исследования представлена опубликованными источниками (содержащимися в тематических и общих сборниках документов), выявленными и проанализированными архивными источниками различного происхождения, материалами периодической печати и воспоминаниями участников рассматриваемых событий.

Из опубликованных источников необходимо отметить подготовленное специалистами архивных учреждений Ростовской области археографическое издание «Завещано помнить… Донские архивы — 70-летию Великой Победы : сборник документов и материалов». В данном сборнике опубликованы такие важные для исследуемой проблемы документы как, например, «Постановление бюро Ростовского обкома ВКП(б) «О народном ополчении в Ростовской области», «Постановление Новочеркасского горкома ВКП(б) «О создании истребительных батальонов для борьбы парашютными десантами противника», «Из доклада Мигулинского райкома партии Ростовскому обкому ВКП(б) о деятельности партизанского отряда “Донской казак”» [Завещано помнить… Донские архивы — 70-летию Великой Победы, 2015]. Данные источники позволяют сделать выводы об институционализации явления добровольчества в Ростовской области на начальном этапе войны. Важной вехой в вопросе публикации архивных документов, посвящённых исследуемой проблеме, стал сборник «И помнит мир спасенный... : сборник документов архивов Ростовской области» [И помнит мир спасенный…, 2020].

Сборник «Листовки донского подполья (1941—1943 годы)» содержит источники об агитационно-пропагандистских инструментах, используемых партизанами с целью побудить местное население активно поддерживать партизанское движение [Листовки ..., 1963]. К опубликованным источникам личного происхождения можно отнести письма добровольцев с фронта, освещающие личность и ее внутренний выбор, вне большого социально-политического контекста [Любимые, ждите!.., 2019; Летопись Победы ..., 2023].

CC BY

Архивные источники, в том числе материалы Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) и Государственного архива Ростовской области (ГАРО), позволяют оценить влияние официального политико-идеологического дискурса на личные мотивы добровольцев, а также, что немаловажно, объяснить особенности изменения механизмов пропаганды среди населения. Анализ архивного фонда ЦДНИРО, а именно фондов Ф. Р-3. (Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны); Ф. Р-9 (Ростовский обком ВКП (б)); Ф. Р-13 (Ростовский ГК КПСС), позволяет определить как личные и деидеологизированные мотивы, так и вполне коллективистские ценности, двигавшие ополченцами и партизанами.

Материалы периодической печати позволяют выявить с разной степенью объективности зафиксированные действия добровольцев, через которые проявляется их мировосприятие и мироощущение. Периодика формировала стереотипные представления, в том числе о противнике, используя визуальные и речевые образы [«Крокодил», «Знамя Ленина»].

Таким образом, представленные группы источников позволяют проблематизировать ранее не получившую широкой историографической репрезентации тему мотивов жителей Дона к тому, чтобы активно вступать в добровольческие формирования периода Великой Отечественной войны.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Институциализация системы добровольчества в Ростовской области

Несмотря на то, что в историографии в целом рассмотрены основные мотивы добровольческого движения и даже представлены различные модели их классификаций, вопросы об инструментах формирования этой мотивации в советском обществе остаются практически неизученными. Так, в первые дни войны население Ростовской области встретило сообщение о войне «с большим патриотическим подъёмом и готовностью на любые жертвы для защиты нашей Родины» [Завещано помнить…, 2015, с. 18]. Например, в одном только Вёшенском районе области на второй день войны — 23 июня 1941 года добровольцами записались 81 человек. Большое значение, как и в предвоенные годы, уделялось активизации пропаганды. Средствами ВЛКСМ необходимо было не просто добиться охвата пропагандистской работы в публичных местах, но и «закрепить к 1 июля 1941 года за комсомольскими организациями отдельные кварталы и жилые дома для ведения в них постоянной агитационно-пропагандистской работы» [Там же, с. 22]. Всеобъемлющая модель пропаганды давала свои результаты: летом 1941 года система агитационно-пропагандистских ме-

CC BY

роприятий была довольно слаженной. Согласно постановлению президиума Ростовского облисполкома от 25 июня 1941 года отдельным направлением привлечения добровольцев к работе стало привлечение их к участию в функционировании истребительных батальонов «групп содействия из числа проверенных коммунистов, комсомольцев, советской общественности и актива» [ГАРО, ф. Р-3737, оп. 5, д. 37, л. 86—86 об.]. С одной стороны, добровольчество становится явлением, которое находится под контролем государственных и партийных органов. Так, Новочеркасский горком ВКП(б) в постановлении предписывает 26 июня создать такой батальон «в 200 человек» в суточный срок [Завещано помнить…, 2015, с. 25].

Добровольная мобилизация затронула и социальную сферу Ростовской области. 26 июня 1941 года был поставлен вопрос о большем привлечении медсестер и сандружинниц в системе Общества «Красного Креста». Необходимо было укомплектовать 10 групп медсестер и 37 групп сандружинниц, причем из тех, кто желал добровольно попасть в данные группы, но не смог, формировались учебные группы при городских и районных здравотделах [Там же, с. 24]. Необходимость скорейшего обучения рабочим специальностям в период кризиса на фронте предопределила применение таких инструментов, как «призыв» («мобилизацию») и «добровольный набор» в ремесленные железнодорожные училища по городам. Всего необходимо было призвать 5400 человек, большую часть — из Ростова (2455 чел.) и Таганрога (1500 чел.) [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 310, л. 159.].

Какие же факторы оказывали определяющее влияние на такой непростой и ответственный выбор человека в рассматриваемый период и что стимулировало его к вступлению в добровольческие формирования? Представляется возможным выявить группы социально-политических инструментов, оказавших подобное влияние на советского гражданина.

3.2. Визуальная пропаганда и символика как инструменты влияния на мотивацию добровольцев

Одним из таких способов стало идеологическое воздействие с помощью визуальной пропаганды. Визуальные практики воздействия на сознание включали в себя различные жанры: плакатное искусство, карикатуры, агитационные листы, кинохроники и кинематограф. Систематическое формирование образа врага в довоенный период и на протяжении военных лет способствовало закреплению четкой антифашистской позиции. Так, например, карикатура являлась эффективным приёмом конструирования образа врага. Плакаты, карикатуры и кино представляли собой эффективный спектр пропагандистских инструментов для интерпретации настоящего, прошлого и будущего [Романов и др., 2009, с. 11].

CC BY

Большое значение имели сатирические карикатуры журнала «Крокодил», активно критикующие нацизм как социальное и политическое явление еще в предвоенные годы. В выпусках журнала сформирована прямая критика фашизма: художники изображают сторонников данной идеологии в виде зооморфных существ, которым не присуще ничего человеческого. Такой подход в карикатурном жанре оказывал большое влияние на зрителя, закрепляя у советских граждан устойчивые представления о том, кто им противостоит.

Агитационные плакаты распространялись с целью поддержать мужество советского народа. Образ последователей нацистов античеловечен по своей внутренней природе. Советские карикатуристы подчёркивали популизм и примитивность лозунгов национал-социалистов, что в свою очередь препятствовало вовлечению человека в сотрудничеств с врагом. Интересно, что в вербальных характеристиках захватчиков также довольно часто использовались метафоры, обесчеловечивающие противника. Так, в сравнительно небольшой листовке комсомольско-молодёжной подпольной инициативной группы слово «зверства» используется два раза [Листовки ..., 1963, с. 27]. В агитационном материале партизанского отряда «Отважный-2» сказано, что «…фашисты, чувствуя свою и расплату за злодеяния, звереют…» [Там же, с. 31]. В листовках партизанских отрядов Ростова-на-Дону и станицы Синявской оккупанты были названы «псами» [Там же, с. 34, 44].

Отметим, что в числе визуальных символов борьбы с оккупационным режимом партизанами Ростовской области использовался образ В. И. Ленина. Так, партизаны Таганрогского подполья вручали портрет «Великий Ленин с нами!» тем, кто шёл на исполнение диверсионного задания [Там же, с. 4].

Авторы агитационных плакатов обращаются и к сюжетам истории казачества, ещё незадолго до того не использовавшейся в публичном дискурсе. Плакат «Казаки Дона! Бейте немецких фашистов, как ваши предки били Наполеона» [ГАРО, Фотокаталог, А-11357] использует исторический мотив в качестве символа казачьей доблести, сочетающейся с передовыми социалистическими достижениями: на фоне наступающей казачьей кавалерии были изображены атакующие советские боевые самолёты. Визуальные источники позволят в лучшей степени понять механизм влияния образов на политические мотивы, связанные с добровольческим движением. Формой мотивации для сопротивления становилось сохранение символов советской эпохи, важных для Советского государства. При этом людей зачастую не останавливала даже угроза смерти. Так, например, один из рабочих Ростовского паровозоремонтного завода Д. И. Овчаров сохранил от оккупантов чугунный бюст В. И. Ленина [Морозов, 1969, с. 189]. Кол-

CC BY

хозник колхоза им. Буденного Я. Н. Бережной сохранил знамя Верховного Совета СССР в период немецкой оккупации [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 42, л. 6]. Во время отхода Красной армии в июле 1942 года он отправлял в эвакуацию отару овец. 3 августа 1942 года к Бережному подошел старший лейтенант и, не представившись, сказал: «Вот, отец, знамя одной воинской части, если ты советский человек, то сохранишь знамя, когда мы вернемся обратно на Дон, я приду и знамя ты мне лично передашь, а погибну, передашь партийным органам, я знамя уже не в силах сохранить, за мной следят, разыскивают» [Там же, л. 14]. Факт сохранения знамени был оценен: после установления личности старшего лейтенанта Я. Н. Бережной получил орден Красного знамени [Там же, л. 12].

Организации работы по культурному обслуживанию агитпунктов, госпиталей и воинских частей в первые дни войны уделялось первостепенное внимание. Именно в использовании художественных образов, средств кинематографии партия видела возможности для широкой мобилизации народных масс на фронт. В области было создано 33 бригады «из работников искусств разных жанров», а также 25 бригад художественной самодеятельности [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 308, л. 7; лл. 208—216]. Кинотеатры на 6 июля 1941 года провели 252 целевых киносеанса «оборонной и антифашистской тематики».

3.3. Личная мировоззренческая мотивация как ключевой фактор формирования добровольчества

Личные мотивы борьбы с врагом состояли как в мести, так и в служении профессиональному долгу. Так, ответственным за пополнение оружейных арсеналов для всей таганрогской подпольной организации был кузнец таганрогского завода «Красный гидропресс» М. Ф. Плотников. Оккупанты убили двух его сыновей. Весной 1942 года немцы отправили на принудительные работы в Германию его старшего сына Николая, которому исполнилось 16 лет, а зимой 1943 года немецкий офицер застрелил младшего сына М. Ф. Плотникова — Георгия [Рожденный дважды ..., 1982, с. 44—45]. Именно это наряду с другими факторами стало, по всей видимости, одним из решающих мотивов вступления Плотникова в партизанский отряд.

Формой участия в добровольческом движении против оккупантов становится и профессиональный саботаж. Например, врач поликлиники «Ростсельмаша» Д. П. Ломова, выдавая некорректные справки о болезни, спасла от депортации в Германию около 700 человек [Ростов-на-Дону: Исторические очерки, 1979, с. 184].

Внутреннюю мотивацию добровольцев объясняют нам и письма с фронта. В письме Буряченкова (И. О. неизвестны), жителя станицы Лихой, сказано «… буду драться до последней капли крови за свою Ро-

CC BY

дину. Отдам все свои силы, даже не пожалею и жизни, чтобы наши дети жили так, как мы жили, а не рабами» [Любимые, ждите!..., 2019, с. 51]. Мотив справедливой мести подчёркивал характер Отечественной войны, устанавливал понятные ориентиры для призванных и потенциальных добровольцев. А. Г. Гончаров, ушедший добровольцем на фронт, писал: «… Скоро ты услышишь и о нашем продвижении вперёд. Вот когда проклятая гитлеровская свора заплатит нам за всё…» [Летопись Победы …, 2023, с. 95] Солдатские письма являются, возможно, одним из примеров деидеологизированных советских текстов времен войны. Глубоко личный мотив защиты Родины, которая ассоциировалась с близкими, детьми и родным домом, свидетельствует о сложной структуре советского политического сознания времён войны. Важна и сформировавшаяся на фронте коллективная солидарность. Так, в письме П. А. Штахановского, комиссара Ростовского стрелкового полка народного ополчения, отмечается необходимость представления к награде широкого круга ополченцев, которые «заслужили [это] своими делами мужества, отваги и геройства» [Там же, с. 57].

Особую эмоциональную значимость имели клятвы и присяги партизан, которые они давали перед вступлением в отряд или в организацию подпольщиков, а также перед выполнением ответственного боевого задания. В. И. Афонов и П. С. Подолякин, участники партизанского отряда завода «Красный гидропресс» в Таганроге, составили клятву, которую обязаны были соблюдать все подпольщики. «Я, вступая в ряды борцов против немецких захватчиков, клянусь, что: … 2. Буду бдителен и неболтлив. 3. Беспрекословно буду выполнять даваемые мне поручения и приказы. Если я нарушу эту клятву, пусть моим уделом будет всеобщее презрение и смерть» [Рожденный дважды..., 1982, с. 42]. Героической по своему содержанию и значению является присяга партизанки Е. А. Мирошниковой, которая была выдана коллаборационистом Ф. Деревянкиным, старостой в станице Мигулинской. По показаниям жителей последними её словами были: «…чем с вами жить, с гадами, лучше умереть! Умру за Родину, за Сталина!» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 60].

3.4. Влияние агитационно-пропагандистского фактора на личную и коллективную мотивацию добровольцев

Государственная агитация и пропаганда в предвоенный и военный период становилась важнейшим инструментом влияния на ценности и установки советских граждан. В своих агитационных материалах и политинформациях партизаны используют такие характеристики, как «великие», «священная», что свидетельствует о значимости родного края и Красной армии в деле совершения социального выбора. «До последнего вздоха, до последней капли крови буду работать на священную Родину, на помощь

CC BY

Великим защитникам — Красной армии за разгром немецких оккупантов» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 61].

При этом в документах, описывающих внутреннюю номенклатуру партизанских отрядов, довольно часто актуализируется дихотомия «свой — чужой». В рамках данного противопоставления даже коммунисты могли оказаться «бывшими». Об этом свидетельствует описание поведения некоторых членов ВКП(б), оставшихся в оккупации: они «не проявляли активности, а некоторые прямо начали служить немцам» [Там же, л. 23].

Данные факты иллюстрируют значимость национальных и государственных символов, так как самоидентификация рядовых граждан, не вступавших в регулярные подразделения, была напрямую связана с государственной символикой. Вступая в партизанский отряд, доброволец принимал присягу, которая содержала в числе прочих положение о верности советскому обществу, государству и его символике.

Партийная пропаганда также становилась одним из факторов, оказавших влияние на формирование убеждений добровольцев. Системная работа идеологических отделов давала свой результат в условиях контроля за распространением информации. Так, уже в июне 1941 года лекторы Ростовского городского комитета ВКП (б) демонстрировали плакаты и лозунги, призывающие к самоотверженному труду в поддержку фронта и победы. Рабочие завода «Ростсельмаш», посещавшие агитвстречи, интересовались международной обстановкой и тем, какие страны поддерживают Германию [ЦДНИРО, ф. Р-13, оп. 2, д. 41, л. 15—16].

С началом войны наблюдается резкое увеличение числа агитаторов. В Ростове-на-Дону, например, на 1 января 1941 года было 4 тыс. агитаторов, а к концу июля 1941 года их стало больше 7 тыс. [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 5, д. 1077, л. 40—41]. Именно активная работа партийных организаций и ВЛКСМ способствовала формированию городских ополчений и активному вступлению в добровольческие подразделения Ростовской области. Согласно постановлению бюро Ростовского обкома ВКП(б) «О народном ополчении в Ростовской области» от 5 июля 1941 года «трудящиеся, охваченные патриотическим порывом, настойчиво выдвигали предложение, чтобы по нашей области приступили к подготовке народного ополчения» [Завещано помнить…, 2015, с. 28].

10 июля 1941 года в составе 58-й армии был сформирован Ростовский стрелковый полк народного ополчения. В 1-ю и 2-ю роты вошли работники завода «Ростсельмаш» (около 200 человек). Разнородным был и социальный состав формирующихся частей: ветераны Гражданской войны, молодёжь, не призванная по состоянию здоровья. К 31 июля 1941 года на заводе уже было порядка 3 тыс. чел. вступивших в народное ополчение

CC BY

[Там же, с. 31]. В этом же месяце в области началось активное создание агитпунктов, среди которых активную работу вёл агитпункт «Ростсельмаша». Добровольчество приобретало характер поддержки фронта в виде создания пожарных и санитарных дружин (24 сандружины). Заводские комсомольцы организовывали ночные дежурства после 22:00 и получили право задерживать подозрительных лиц [Перехов и др., 2004, с. 304].

Война способствовала росту функциональных полномочий агитаторов и повышению требований к их работе. Так, в воззвании секретаря отдела пропаганды и агитации Большекрепинского РК ВКП(б) Л. Б. Финкельсона, погибшего во время освобождения Донбасса 18 августа 1943 года (награждён посмертно Орденом Отечественной войны II степени [ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 407, л. 37—38]), закреплялся тезис о том, что «агитатору требуется предъявлять большие, чем когда бы то ни было, требования. Он должен проводить не только массовую политическую работу, но и хорошо знать и уметь научить других пользоваться средствами противовоздушной и противохимической обороны, оказывать первую помощь раненным, пользоваться револьвером, винтовкой, гранатой, распознавать вражеские самолеты...» [Знамя Ленина…, 1941, № 51, с. 2]. При этом далеко не всегда работа партийных агитаторов и местных горкомов и райкомов партии признавалась удовлетворительной. В докладе «О массово-политической работе с населением в Каменской и Новочеркасской городских парторганизациях в условиях отечественной войны» от 29 сентября 1941 года сообщается, что агитбригады в Каменске не провели ни одной беседы, в том числе среди «уходящих в Красную армию». В результате такой халатности «здесь стало возможно распространение вражеских слухов» [ЦДНИРО, ф. Р-9, оп. 1, д. 315, л. 121].

Важную роль в формировании патриотических установок играла и печать. Так, в ростовском партизанском отряде Югова издавались листовки-опровержения, распространяемые с целью развенчать пропаганду противника. В ответ на распространение коллаборационистских материалов выходит листовка, где сказано, что «никакого Русского комитета не существует, Власов и Малышкин — это оголтелая банда предателей и прихвостней гитлеровских головорезов» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 15, л. 10]. Авторы листовки подчёркивают масштаб разрушения города — обращают внимание на разрушенные театр им. Горького, здания издательства газеты «Молот» и главного управления железной дороги. В Мигулинском районе Ростовской области отрядом «Донской казак» распространялась листовка «Казаки, казачки и все честные советские люди» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 78], в которой сообщалось о преступлениях оккупантов и успехах Калининского и Западного фронтов. «Бейте и уничтожайте немцев, итальянцев, предателей и изменников. Сообщайте о замыслах врага,

CC BY

по примеру белорусских патриотов переходите фронт, вступайте в Красную армию, идите в партизаны» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 78 об]. Издавалась и распространялась газета «Коммунист Дона» Мигулинского райкома партии. Показательно, что в газете уделялось внимание не только наступлению Красной армии, но и характеру совершаемых нацистами преступлений: массовый угон молодёжи в Германию, расстрелы мирного населения в поселке Хотунок под Новочеркасском, многочисленные изнасилования местных женщин [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 67, л. 79 об].

Листовка «Не работайте на немецких оккупантов!» [ЦДНИРО, ф. Р-3, оп. 1, д. 139, л. 218—218 об] содержала призыв комсомольцев к молодежи (вводились такие именования, как «молодой рабочий», «молодой железнодорожник»), находившейся в оккупации, саботировать работу на оккупантов и уничтожать вражеские ресурсы и коммуникации.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, персональные мотивы оказания сопротивления оккупантам необходимо оценивать как уникальный историко-психологический феномен военных лет. Анализ архивных и опубликованных источников позволяет сделать вывод о том, что личные мотивы становятся важными для самоопределения добровольцев Ростовской области в сложный период начала войны и борьбы за свободу родного края. Примечательно, что в документах прослеживается два основных образа эпохи, две модели мотивации. Во-первых, это модель «воина-ополченца», в основном жителя крупных городов Ростовской области. Военные действия для этого участника проходят либо в родном краю при обороне своего города или района, либо вдали от Дона. Для него характерны войсковая солидарность, стремление оказать посильную помощь в деле обороны. Именно добровольцы народных ополчений обеспечили значительный приток живой силы в РККА в первые два месяца войны. Во-вторых, это «модель партизана-подпольщика», как правило, члена партии или комсомольца. Данная модель представляет собой человека, активно боровшегося с оккупантом на знакомой ему территории. Для подпольщиков одним из мотивов сопротивления становится активное привлечение проверенных сторонников в партизаны и подъём освободительного движения на оккупированных территориях.

Анализ материалов печати и пропаганды добровольческих подразделений позволяет выявить и систематизировать средства убеждения, используемые добровольцами, приёмы и методы воздействия тогдашних печатных средств массовой информации на общественное сознание. Для этого привлекались вербальные и невербальные инструменты, формирующие желание к сопротивлению. Даже в процессе межличностной коммуника-

CC BY

ции с родными добровольцы обращают внимание на народный характер войны, сообщая близким о том, почему они борются с врагом.

По нашему мнению, без анализа институциональных аспектов, влияющих на контекст эпохи, данные направления исследования оказались бы неполными. В качестве перспективы исследования данного вопроса представляется возможным источниковедческий анализ воспоминаний, мемуарной литературы, который позволил бы расширить представления о личностных мотивах донских добровольцев.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *«Арийские* братья по крови (пролитой)» // Крокодил, 1936. — № 34. — С. 12.

2. ГАРО — *Государственный архив Ростовской области.* Ф. Р-3737 (Исполнительный комитет Ростовского областного совета депутатов трудящихся) ; Фотокаталог.

3. *Завещано* помнить… Донские архивы — 70-летию Великой Победы. Сборник документов и материалов. — Ростов-на-Дону : Альтаир, 2015. — 280 с. — ISBN 978-5-91951-261-5.

4. *Знамя* Ленина. Станица Больше-Крепинская. — 1941. — 24 июля. — № 51. — С. 2.

5. *И помнит* мир спасенный... : сборник документов архивов Ростовской области. — Ростов-на-Дону ; Белгород : Константа, 2020. — 648 с.

6. *Летопись* Победы и хроника чувств. Письма дончан с фронтов Великой Отечественной войны : сборник документов, посвящённый 80-летию полного освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков / сост. : Е. Л. Абрамова, Е. А. Хошафян (отв. сост.) [и др.] ; ред. Коллегия : Ю. А. Фролов (отв. ред.) [и др.] ; науч. ред.-консультант А. В. Аверьянов. — Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023. — 236 с. — ISBN 978-5-9275-4431-8.

7. *Листовки* донского подполья. (1941—1943 гг.) : [Сборник] / Парт. архив Рост. обкома КПСС. — Ростов-на-Дону : Кн. изд-во, 1963. — 79 с.

8. *Любимые,* ждите! Я вернусь… : фронтовые письма 1941—1945 гг. / [авт.-сост. Н. К. Петрова]. — Москва : Вече. 2019. — 549 с. — ISBN 978-5-4484-0929-5.

9. *«Правдивый* ответ» // Крокодил. — 1936. — № 31. — С. 16.

10. «Суд идёт!» // Крокодил. — 1935. — № 15. — С. 1.

11. ЦАМО — *Центральный* архив Министерства обороны. Ф. 33 (Главное Управление кадров НКО).

12. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. (Документы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны) ; Ф. Р-9 (Ростовский обком ВКП (б)) ; Ф. Р-13 (Ростовский ГК КПСС).

13. *«Хорошо* немецкому солдату» // Крокодил. — 1942. — № 5. — С. 1.

Литература

1. *Боле Е. Н.* Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны : мотивация вступления в действующую армию тылового населения страны / Е. Н. Боле //

CC BY

Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. — Москва : РОССПЭН, 2006. — С. 232—246.

2. *Васильцов К. М.* Формирование донских добровольческих кавалерийских дивизий в 1941—1942 годах по воспоминаниям С. И. Горшкова / К. М. Васильцов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2020. — № 4 (208). — С. 54—58.

3. *Волошинов Ф. Ф.* Летопись Ростовской Пресни / Ф. Ф. Волошинов, Г. С. Морозов. — Ростов-на-Дону : Книжное издательство, 1969. — 283 с.

4. *Кирсанов Н. А.* Великая Отечественная война 1941—1945 гг. : национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта / Н. А. Кирсанов, С. И. Дробязко // Отечественная история. — 2001. — № 6. — С. 60—75.

5. *Колесник А. Д.* Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / А. Д. Колесник ; Отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1988. — 286 с.

6. *Коробицына Л. В.* Современная российская историография Великой Отечественной войны : траектории и тенденции развития / Л. В. Коробицына // Запад, Восток и Россия : Вопросы всеобщей истории. — 2019. — Выпуск 22 : Социум и память. — С. 126—130. — DOI: 10.26170/vvi19-02-09.

7. *Кринко Е. Ф.* Великая Отечественная война в историко-антропологических исследованиях / Е. Ф. Кринко // Русская старина. — 2020. — № 11 (1). — С. 4—13. — DOI: 10.13187/rs.2020.1.4.

8. *Кринко Е. Ф.* Новые подходы и проблемы в изучении нацистской оккупации советских территорий в годы Великой Отечественной войны / Е. Ф. Кринко // Фундаментальные исследования, инновационные технологии и передовые разработки в интересах долгосрочного развития Юга России : материалы Международного научного форума, посвященного 20-летию ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону, 08—10 февраля 2023 года. — Ростов-на-Дону : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки “Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук”, 2023. — С. 349—352.

9. *Литвинова О. Н.* Эволюция партизанской этики в годы Великой Отечественной войны (по материалам Брянщины) / О. Н. Литвинова // Ярославский педагогический вестник. — 2016. — № 1. — С. 297—302.

10. *Медведев Т. Д.* Советские добровольческие формирования в Великой Отечественной войне : историография вопроса / Т. Д. Медведев // Российская история. — 2022. — № 3. — С. 146—153. — DOI: 10.31857/S0869568722030116.

11. *Пилишвили Г. Д.* Пропагандистская работа органов власти и ее эффективность в деле привлечения населения в ряды народного ополчения на территории Воронежской, Курской и Тамбовской областей летом 1941 г. / Г. Д. Пилишвили // Личность, общество, власть: прошлое и современность : Материалы Двенадцатой региональной научной конференции, Воронеж, 02 февраля 2018 года. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2018. — С. 171—177.

12. *Рожденный* дважды : Очерки истории завода. — Ростов-на-Дону ; Кн. изд-во, 1982. — 144 с.

13. *Романов П.* «Глазной советский человек» : правила (подо)зрения / П. Романов, Е. Ярская-Смирнова // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. — Москва : ANO CSPGS, 2009. — 448 с. — ISBN 978-5-903360-25-3.

14. *Ростсельмаш :* история. В 3 тт. / Под общ. ред. Ю. А. Пескова. — Ростов-на-Дону : [б. и.], 2004. — Т. 1. — 576 с.

15. *Савицкий И. М.* Движение добровольцев Западной Сибири в действующую Красную Армию в годы Великой Отечественной войны / И. М. Савицкий // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2017. — № 3 (23). — С. 189—196.

16. *Сенявская Е. С.* 1941—1945 : Фронтовое поколение : Историко-психологическое исследование / Е. С. Сенявская. — Москва : ИРИ, 1995. — 218 с.

17. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке : исторический опыт России / Е. С. Сенявская. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 383 с.

18. *Серебрянников В. В.* Социология войны / В. В. Серебрянников. — Москва : Ось-89, 1998. — 317 с.

19. *Синицын А. Д.* Из истории создания добровольческих частей и соединений Советской Армии / А. Д. Синицын // Военно-исторический журнал. — 1973. — № 1. — С. 11—18.

20. *Словарь* основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий. К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — Т. 1. — 736 с. — ISBN 978-5-4448-0502-2.

21. *Трут В. П.* Войны в истории человечества / В. П. Трут // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26. — № 1. — С. 10—12. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.1.

22. *Трут В. П.* Добровольческое движение в Ростовской области в период Великой Отечественной войны / В. П. Трут // Научный альманах стран Причерноморья. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 38—43. — DOI: https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43.

23. *Уроки* Змиевской балки : сборник методических рекомендаций по итогам Международного научно-практического форума «Змиевская балка : история геноцида» (Ростов-на-Дону, 12—14 сентября 2022 года) [Электронное издание сетевого распространения] / под общ. ред. С. Г. Безбородовой ; науч. ред. В. Л. Шаповалов ; отв. сост. В. В. Черемухин. — Москва : МПГУ, 2022. — 174 с.

Статья поступила в редакцию 29.01.2024,
одобрена после рецензирования 26.03.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

And the saved world remembers ...: a collection of documents from the archives of the Rostov region. (2020). Rostov-on-Don; Belgorod: Constant. 648 p. (In Russ.).

"Aryan brothers in blood (shed)". (1936). *"Crocodile", 34:* P. 12. (In Russ.).

Beloved, wait! I will return...: frontline letters of 1941—1945. (2019). Moscow: Veche. 549 p. ISBN 978-5-4484-0929-5. (In Russ.).

Bequeathed to remember... Don Archives — the 70th anniversary of the Great Victory. Collection of documents and materials. (2015). Rostov-on-Don: Altair. 280 p. ISBN 978-5-91951-261-5. (In Russ.).

CDNIRO — *Documentation Center of the modern history of the Rostov region. F. R-3. (Documents on the partisan movement in the Rostov region during the Great Patriotic*

War); F. R-9 (Rostov Regional Committee of the CPSU (b)); F. R-13 (Rostov CC CPSU). (In Russ.).

GARO — *State Archive of the Rostov region. F. R-3737 (Executive Committee of the Rostov Regional Council of Worker's Deputies); Photo catalog.* (In Russ.).

"Good for the German soldier". (1942). *"Crocodile", 5:* P. 1. (In Russ.).

Leaflets of the Don underground. (1941—1943): [Collection]. (1963). Rostov-on-Don: Publishing House. 79 p. (In Russ.).

Lenin's Banner. (1941). *The Village Is Bigger-Krepinskaya, 51. July 24th.* (1941). P. 2. (In Russ.).

The chronicle of Victory and the chronicle of feelings. Letters of Donetsk residents from the fronts of the Great Patriotic War: a collection of documents dedicated to the 80th anniversary of the complete liberation of the Rostov region from the Nazi invaders. (2023). Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press. 236 p. ISBN 978-5-9275-4431-8. (In Russ.).

"The trial is coming!". (1935). *"Crocodile", 15:* P. 1. (In Russ.).

"The truthful answer". (1936). *"Crocodile", 31:* P. 16. (In Russ.).

TsAMO — *Central Archive of the Ministry of Defense. F. 33 (Main Directorate of Personnel of NGOs).* (In Russ.).

References

Bole, E. N. (2006). The movement of volunteers during the Great Patriotic War: motivation for joining the active army of the country's rear population. In: *Military historical anthropology. The yearbook. 2005/2006. Actual problems of studying.* Moscow: ROSSPEN. 232—246. (In Russ.).

Born twice: Essays on the history of the plant. (1982). Rostov-on-Don; Publishing house. 144 p. (In Russ.).

Dictionary of basic historical concepts: selected articles: in 2 volumes, 1. (2014). Moscow: New Literary Review. 736 p. ISBN 978-5-4448-0502-2. (In Russ.).

Kirsano, N. A., Drobyazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941—1945: national and volunteer formations on different sides of the front. *Russian history, 6:* 60—75. (In Russ.).

Kolesnik, A. D. (1988). *Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War.* Moscow: Nauka. 286 p. (In Russ.).

Korobitsyna, L. V. (2019). Modern Russian historiography of the Great Patriotic War: trajectories and development trends. *West, East and Russia: Issues of universal history, 22: Society and Memory.* 126—130. DOI: 10.26170/vvi19-02-09. (In Russ.).

Krinko, E. F. (2023). New approaches and problems in the study of the Nazi occupation of Soviet territories during the Great Patriotic War. In: *Fundamental research, innovative technologies and advanced developments in the interests of long-term development of the South of Russia: materials of the International Scientific Forum dedicated to the 20th anniversary of the UNC RAS, Rostov-on-Don, 08—10 February 2023.* Rostov-on-Don: Federal State Budgetary Institution of Science "Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences". 349—352. (In Russ.).

Krinko, E. F. (2020). The Great Patriotic War in historical and anthropological studies. *Russian Antiquity, 11 (1):* 4—13. DOI: 10.13187/rs.2020.1.4. (In Russ.).

Lessons of the Zmievskaya beam: a collection of methodological recommendations based on the results of the International scientific and practical Forum "Zmievskaya Beam:

the history of genocide" (Rostov-on-Don, September 12—14, 2022). (2022). Moscow: MPSU. 174 p. (In Russ.).

Litvinova, O. N. (2016). The evolution of partisan ethics during the Great Patriotic War (based on the materials of the Bryansk region). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 1:* 297—302. (In Russ.).

Medvedev, T. D. (2022). Soviet volunteer formations in the Great Patriotic War: historiography of the issue. *Russian History, 3:* 146—153. DOI: 10.31857/S0869568722030116. (In Russ.).

Pilishvili, G. D. (2018). Propaganda work of the authorities and its effectiveness in attracting the population to the ranks of the people's militia in the Voronezh, Kursk and Tambov regions in the summer of 1941. In: *Personality, society, power: past and present: Materials of the Twelfth regional Scientific conference, Voronezh, February 02, 2018.* Voronezh: Voronezh State University. 171—177. (In Russ.).

Romanov, P. (2009). "The Soviet eye man": rules (podo)Visual anthropology: modes of visibility under socialism. In: *Visual anthropology: modes of visibility under socialism.* Moscow: ANO CSPGS. 448 p. ISBN 978-5-903360-25-3. (In Russ.).

Rostselmash: history. In 3 tt., 1. (2004). Rostov-on-Don: [b. i.]. 576 p. (In Russ.).

Savitsky, I. M. (2017). The movement of volunteers from Western Siberia to the active Red Army during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal, 3 (23):* 189—196. (In Russ.).

Senyavskaya, E. S. (1995). *1941—1945: The frontline generation: A historical and psychological study.* Moscow: IRI. 218 p. (In Russ.).

Senyavskaya, E. S. (1999). *Psychology of war in the twentieth century: the historical experience of Russia.* Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN). 383 p. (In Russ.).

Serebryannikov, V. V. (1998). *Sociology of war.* Moscow: Os-89. 317 p. (In Russ.).

Sinitsyn, A. D. (1973). From the history of the creation of volunteer units and formations of the Soviet Army. *Military Historical Journal, 1:* 11—18. (In Russ.).

Trut, V. P. (2023). The volunteer movement in the Rostov region during the Great Patriotic War. *Scientific almanac of the Black Sea countries, 9 (4):* 38—43. DOI: https://doi.org/10.23947/2414-1143-2023-9-4-38-43. (In Russ.).

Trut, V. P. (2021). Wars in the history of mankind. *Bulletin of the Volgograd State University. Episode 4: The Story. Regional studies. International relations, 26 (1):* 10—12. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.1. (In Russ.).

Vasiltsov, K. M. (2020). The formation of the Don volunteer cavalry divisions in 1941—1942 according to the memoirs of S. I. Gorshkov. *Izvestia of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences, 4 (208):* 54—58. (In Russ.).

Voloshinov, F. F., Morozov, G. S. (1969). *Chronicle of Rostov Presnya*. Rostov-on-Don: Book Publishing House. 283 p. (In Russ.).

The article was submitted 29.01.2024;
approved after reviewing 26.03.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Иванов А. А. Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 гг.) / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 384—404. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-384-404.

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2024). Administration of Alexandrovskaya Central Penal Colony (1873-1917). *Nauchnyi dialog, 13* (3): 384-404. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-384-404. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 годы)

Иванов Александр Александрович [1]
orcid.org/0000-0002-4855-8412
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
ottisk@irmail.ru

Курас Софья Леонидовна [2]
orcid.org/0000-0002-5452-2897
кандидат исторических наук, доцент
кафедры таможенного дела и
правоведения
корреспондирующий автор
kuras@list.ru

Курас Татьяна Леонидовна [1]
orcid.org/0000-0003-1141-4543
кандидат исторических наук, доцент
кафедры судебного права
tanya_kuras@mail.ru

[1] Иркутский
государственный университет
(Иркутск, Россия)

[2] Иркутский государственный
университет путей сообщения
(Иркутск, Россия)

Administration of Alexandrovskaya Central Penal Colony (1873-1917)

Alexander A. Ivanov [1]
orcid.org/0000-0002-4855-8412
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
ottisk@irmail.ru

Sofia L. Kuras [2]
orcid.org/0000-0002-5452-2897
PhD in History, Associate Professor,
Department of Customs and Jurisprudence
Corresponding author
kuras@list.ru

Tatyana L. Kuras [1]
orcid.org/0000-0003-1141-4543
PhD in History, Associate Professor,
Department of Judicial Law
tanya_kuras@mail.ru

[1] Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

[2] Irkutsk State
Transport University
(Irkutsk, Russia)

© Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассмотрены особенности формирования и деятельности администрации Александровской центральной каторжной тюрьмы, игравшей в системе Главного тюремного управления Российской империи заметную роль. Изучается структура управления Александровской центральной каторжной тюрьмой. Исследуется штатное расписание сотрудников, действующее в централе. Рассматривается кадровая политика с момента основания тюрьмы в 1873 году до коренной перестройки пенитенциарной системы России после революции 1917 года. Исследуются инструктивные письма, в которых были изложены полномочия сотрудников тюремного ведомства. Рассматриваются график и условия работы служащих, специфические в отношении содержания преступников в Александровской тюрьме. В статье анализируется размер денежного содержания тюремных чинов, его соотношение с уровнем дохода в других тюрьмах региона. Изучается укомплектованность руководящими сотрудниками администрации тюремного замка. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на низкую величину доходов сотрудников, неустроенность их быта, высокий уровень напряженности каждодневного труда, текучести кадров практически не было. На примерах работы отдельных смотрителей замка выявлено, что они проявляли неравнодушное отношение к своим должностным обязанностям, стремление превратить тюрьму в образцовое учреждение. Установлен факт карьерного роста служащих Александровской центральной каторжной тюрьмы в рамках тюремной системы Иркутской губернии.

Ключевые слова:
тюрьма; тюремное ведомство; суд; тюремный служащий; наказание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the formation and activities of the administration of the Alexandrovskaya Central Penal Colony, which played a significant role within the Main Prison Administration of the Russian Empire. The management structure of the Alexandrovskaya Central Penal Colony is examined, along with the staffing schedule of employees. The article also delves into the personnel policy from the establishment of the prison in 1873 until the radical restructuring of the penitentiary system in Russia after the 1917 revolution. Instructional letters outlining the authorities of prison staff are analyzed, as well as the working hours and conditions specific to inmate management at Alexandrovskaya prison. The article scrutinizes the amount of monetary compensation for prison officials and compares it to income levels in other regional prisons. The staffing levels of managerial employees in the prison castle are investigated. Despite low incomes, disorganization in their personal lives, and high levels of daily work stress, there was virtually no turnover among staff. Through examples of individual wardens, it is revealed that they showed a committed attitude towards their duties, striving to make the prison an exemplary institution. The article establishes the fact of career advancement for employees of the Alexandrovskaya Central Penal Colony within the penitentiary system of Irkutsk Province.

Key words:
prison; prison administration; court; prison officer; punishment.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).081/.083+343.261.3(571.53)“1873/1917”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-384-404

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Администрация Александровской центральной каторжной тюрьмы (1873—1917 годы)

© Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л., 2024

1. Введение = Introduction

В 2024 году исполняется 160 лет со дня проведения в России Судебной реформы. Именно во второй половине XIX века, вслед за появлением Судебных уставов 1864 года и преобразованиями, связанными с открытостью демократизацией, гласностью судебной системы, кадровым профессиональным составом, происходит реформирование и системы исполнения наказания. Эти изменения уже давно назрели и требовали особого внимания со стороны власти. Ведь отсутствие централизованного управления местами лишения свободы было одним из главных проблем системы и особенностью пенитенциарной части России вплоть до 80-х годов XIX века. Сама тюремная система этого периода была рассредоточена по нескольким ведомствам, что негативно сказывалось на содержании как каторжан, так и ссыльных.

Активное совершенствование тюремной теории и практики пришлось на 1870—1890-е годы. Оно оказало значительное влияние на состояние пенитенциарной системы в империи в целом, а в первую очередь в Сибири.

Уже в 1879 году было учреждено Главное тюремное управление (ГТУ). Первым начальником ГТУ был назначен действительный тайный советник М. Н. Галкин-Враской, сумевший за 17 лет нахождения в этой должности существенно изменить управление пенитенциарной системой за счет ее последовательной централизации. Важнейшей задачей тюремных органов во второй половине XIX века была надежная изоляция огромной массы преступного элемента, который буквально наводнил империю. Эта важная государственная задача не могла быть решена без другого стратегически важного вопроса, который остро назрел к тому времени в пенитенциарном деле — кадрового: в стране не было системы подготовки кадров пенитенциарных служащих низшего звена, поэтому соответствующие должности занимали, как правило, отставные военные или полицейские различных рангов, уволенные в запас.

В статье нами рассматривается кадровая политика руководства Александровской центральной каторжной тюрьмы (АЦКТ) со времени форми-

CC BY

рования её как тюремного комплекса в 1873 году по 1917 год, когда закончилась история «царского» централа и открылась совершенно другая страница его деятельности, связанная с развитием уже советской пенитенциарной системы.

Интерес к истории Александровского централа не случаен, ведь именно это заведение являлось уникальным тюремным комплексом, состоявшим из каменного здания для постоянного содержания каторжан и деревянных бараков для пересыльной тюрьмы. АЦКТ была одной из самых больших в стране — в отдельные годы здесь содержалось от 1500 до 3000 заключенных. Кроме того, только она имела крайне значимое, по-настоящему «центральное» географическое положение — все ссыльные, и уголовные, и политические, следовавшие в Забайкальскую и Якутскую области, содержались именно здесь, их партии переформировывались и ждали по нескольку месяцев своего отправления, которое зависело еще и от условий речной навигации.

Целью исследования является изучение истории организации управления Александровской центральной каторжной тюрьмой, формирования её кадрового состава, особенностей штатного расписания, полномочий, довольствия служащих.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основным источником для исследования послужили материалы, находящиеся на хранении в фондах Государственного архива Иркутской области. Это прежде всего фонд 226-й «Александровская центральная каторжная тюрьма Иркутского тюремного инспектора при Иркутском губернском управлении, с. Александровское Балаганского уезда Иркутской губернии 1873—1916 годов» — 671 ед. хр. Материалы фонда — весьма информативны [Путеводитель…, 2017, с. 233].

Отдельные события из истории Александровской центральной каторжной тюрьмы отражены также в фондах других организаций. В целом материалы ГАИО являются, безусловно, ценным источником, их внимательное изучение позволяет исследователю восстановить, пусть и фрагментарно, отдельные сюжеты событий, происходивших в тюрьме, но опять же событий лишь начала XX века; о жизни централа 1880—1890-х годов информация отложилось значительно меньше.

Важным источником для изучения истории АЦКТ стали опубликованные делопроизводственные материалы Главного тюремного управления: ведомственная переписка, инструктивные письма, распоряжения по ГТУ, периодическая отчетность [Сборник…, 1911]. Оценки деятельности служащих Централа содержатся в записке М. Н. Галкина-Враского [Запи-

CC BY

ска…, 1882]. С историей тюрьмы напрямую связаны и общие инструкции по ГТУ, публиковавшиеся отдельными изданиями [Общая…, 1916].

Что касается историографии проблемы, то основополагающими трудами по изучению вопросов развития тюремного дела для нас являются дореволюционные работы, ставшие уже отечественной классикой, — М. Н. Галкина-Враского, А. П. Саломона, И. Я. Фойницкого [Галкин-Враской, 1868; Саломон, 1898; Фойницкий, 1878] и др., — в них исследовались основы управления тюремными учреждениями. В советский период историографии тюремного дела основным источником изучения для нас стал фундаментальный, пятитомный труд М. Н. Гернета [Гернет, 1961]. В современной отечественной историографии тюрьмоведения хотелось бы выделить работы М. Г. Деткова [Детков, 1999], исследующего в целом историю карательной системы страны, в том числе и структуру управления тюрьмами. Что же касается трудов, посвященных непосредственно Александровскому централу, то важно отметить, что первые значимые работы по истории Александровской центральной каторжной тюрьмы были опубликованы в начале XX века, а авторами данных исследований были сами сотрудники тюремного ведомства. Большой интерес для исследователя истории централа имеет, к примеру, служебная записка смотрителя тюрьмы И. И. Лятосковича, опубликованная затем в виде статьи в журнале «Тюремный вестник». Статья содержит краткий исторический экскурс в прошлое Александровской тюрьмы, подробный анализ работы учреждения по размещению, содержанию, учету и организации труда политических и уголовных арестантов. Автор отдельно останавливается на системе оказания медицинской помощи заключенным, работе тюремной лавки и библиотеки, школы для взрослых и приюта для детей каторжан [Лятоскович, 1901].

Одна из статей другого смотрителя Александровской каторжной тюрьмы Ф. В. Савицкого повествует об особенностях работы тюремного служащего с осужденными за государственные преступления. Она дает более подробное представление о тюремных надзирателях, об их каждодневных должностных обязанностях и бытовых проблемах [Савицкий,1907,1908].

Дореволюционный период отечественной историографии централа можно рассматривать как время накопления и систематизации фактического материала о содержании и особенностях работы тюремной администрации.

После революции 1917 года бывшие политические узники централа стали публиковать воспоминания о пребывании в Александровских тюрьмах в изданиях Общества старых большевиков, Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев «Каторга и ссылка». Конечно, в большей степени эти работы были посвящены повседневной жизни «политиков» на каторге и

CC BY

в пересылке, самообразованию, подготовке к побегам и т. д. При этом деятельность тюремной администрации если и упоминалась, то изображалась только в отрицательном свете [Страхов, 1923; Фабричный,1922 и др.].

Среди историографических источников советского периода особо необходимо отметить книгу профессора Иркутского университета Ф. А. Кудрявцева об Александровском централе, изданную в 1936 года. Работа выполнена на значительном и разнообразном массиве архивных материалов (донесения служителей, справки о болезни арестантов, рисунки и стихи отдельных заключенных), абсолютное большинство из которых были введены в научный оборот впервые. Следует отметить и то, что книга Ф. А. Кудрявцева значительно шире заявленного названия и содержит материалы о «штрафной колонизации» Сибири, образовании первых революционных кружков в крае, нелегальной деятельности местных социал-демократических организаций, имевших тесные связи с политическими арестантами централа [Кудрявцев,1936].

В 1940-е годы изучение Александровской тюрьмы, как и многих научных тем, было прервано и возобновлено лишь с «хрущевской оттепелью». Важнейшая роль в исследовании централа в этот период принадлежала Н. Н. Щербакову. Уже в первом выпуске серийного сборника научных статей «Ссыльные революционеры в Сибири» Н. Н. Щербаков поместил объемную научную работу, в которой показал важнейшее место Александровской тюрьмы в карательной системе России [Щербаков, 1973, с. 215]. Дальнейшее комплексное, многостороннее исследование истории тюрьмы было продолжено в трудах учеников Н. Н. Щербакова — Н. Н. Быковой, Д. И. Дмитриева, А. А. Иванова, Н. Г. Шенмайер [Быкова, 1998; Дмитриев, 1989; Иванов, 2023; Шенмайер, 1997]. При этом следует все же констатировать, что в целом в советскую эпоху централ исследовался в основном односторонне, как место, где подвергались жестокой каре противники самодержавия.

В дальнейшем в 2000-е годы история пенитенциарной системы в целом и Александровской тюрьмы в частности продолжала изучаться с различных сторон, уже без советских идеологических установок [Иванов и др., 2022]. Однако по-прежнему нет единого, комплексного исследования истории АЦКТ, с установлением всех сведений об организации здесь системы управления.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Штатное расписание Александровского централа

Александровский централ, как уже было сказано, был образован в 1873 году. В этом же году, 18 ноября, были Высочайше, то есть Государем императором, утверждены его штаты. Учитывая важность этого до-

CC BY

кумента для нашего исследования, будет вполне оправданным привести его полностью:

«*№ 52788. — Ноября 18 [1873]. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. — О проекте временного расписания должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы близ Иркутска.*

Государственный Совет, в департаменте государственной экономики и в общем собрании, рассмотрев представление управлявшего Министерством внутренних дел по проекту штата должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы близ Иркутска, мнением положил:

1. Проект временного расписания должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы представить на Высочайшее Его Императорского Величества рассмотрение и затем ввести в действие с 1 января 1874 года.

2. Потребные на содержание этого управления четырнадцать тысяч триста семьдесят рублей в год обратить на счет государственного казначейства, со внесением этой суммы с 1874 года, в подлежащие подразделения расходной сметы Министерства внутренних дел.

Резолюция. Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем собрании Государственного Совета, по проекту временного расписания должностей и расходов по управлению Александровской центральной тюрьмы, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить» [Полное..., т. XLVIII, 1876, с. 501—502].

Согласно тому же отчету за 1887 год, управление Александровской центральной каторжной тюрьмы составляли: смотритель с окладом содержания в 2000 руб. в год, помощник смотрителя — 1400 руб., эконом — 600 руб., письмоводитель — 400 руб., двадцать надзирателей, суммарный оклад которых составлял 5000 руб., то есть по 250 руб. на человека, ключник — 250 руб. Кроме этого, имелся врач — 1400 руб., фельдшер — 300 руб., аптекарский ученик — 300 руб. [ГАИО, ф. 32, оп. 5, д. 690, л. 7].

Следует отметить, что жалование надзирателей было мизерным и крайне недостаточным. Причину столь маленького оклада раскрывает нам смотритель И. Лятоскович в своей служебной записке, поданной на имя начальника ГТУА. П. Саломона летом 1898 года и опубликованной затем в «Тюремном вестнике». По его мнению, все дело в штатах, утвержденных еще в 1873 году. По каким-то причинам они ни разу не пересматривались. «Жалование надзирателей — 16 р. 33 ¼ к. в месяц, и на продовольствие и обмундирование отпускается еще 4 р. 16 ½ коп.» [Лятоскович, 1901, с. 391]. Такое ограниченное, как говорит Лятоскович, жалование «крайне затрудняет при-

CC BY

искание подходящих людей на должность надзирателей, а в особенности, на должность старшего надзирателя, который по штату не полагается» [Там же]. Во всех тюрьмах за исключением АЦКТ, — полагает автор, — надзиратели получают большее жалование. Александровская же тюрьма составляет исключение по той причине, что «временные штаты, утвержденные еще 16 ноября 1873 года, остаются в силе до сих пор» [Там же].

В 1901 году в централе имелось 27 надзирателей. При этом семеро находились при исполнении своих обязанностях ежедневно, не чередуясь. Это были исполняющий обязанности старшего надзирателя, заведующий больницей, заведующий мастерскими, надзиратель при прачечной, при рабочей команде — двое, ключник. Остальные 20 надзирателей выходили на свою смену через сутки. Если исключить из 20-ти надзирателей двух при воротах тюрьмы, двух при входе в больницу и двух при управлении тюрьмой, где присутствие надзирателя необходимо ежедневно для охраны находящихся в канцелярии дел, документов, имущества, а также и для надзора за приходящими по делам арестантами, оставалось 14 надзирателей для надзора внутри тюрьмы, выходивших на дежурство через сутки. Как видим, график службы у надзирателей был весьма напряженным [Лятоскович, 1901, с. 393].

Число служащих тюрьмы постоянно варьировалось в зависимости от потребностей и обстоятельств. Так, согласно рапорту смотрителя тюрьмы, поданному в Иркутскую губернскую тюремную инспекцию в 1909 году, штат надзирателей составлял уже 65 человек, то есть увеличился более чем в три раза, что связано было, скорее всего, с увеличением числа политических каторжан, требовавших повышенного внимания. При этом из числа старших надзирателей только четверо имели жалование по 45 руб. в месяц, десять младших — по 30 руб. в месяц, 41 младший — по 25 руб., и 10 младших — по 20 руб. [ГАИО, ф. 226, оп. Оц, д. 5 а, л. 59].

В 1916 году число надзирателей Александровского централа выросло до 98. Несмотря на низкие оклады, сколько-нибудь заметной текучести кадров надзирательского состава в тюрьме не наблюдалось. По подсчетам Н. Н. Быковой, ежегодное пополнение числа надзирателей составляло от 6 до 10 % с учетом уволившихся. При этом надзирателей, проработавших в Александровском централе от 5 до 10 лет, насчитывалось более 64 %, а более 10 лет — 21 %. Вдобавок к этому — шестеро служили здесь 15 лет и более. Это при том, что бытовая сторона службы была неустроенной, казенных квартир для надзирателей централа не имелось, в селе Александровском, как правило, они снимали частные квартиры [Быкова, 2003, с. 218].

Тюремные служащие обязаны были носить форменную одежду, включавшую мундир, шаровары, шинель, несколько рубах, папаху или фу-

CC BY

ражку, зимой — тулуп и валенки. Обязательным атрибутом формы была нагрудная бляха. Надзиратели централа были вооружены. По данным Н. Н. Быковой, основанным на архивных документах, в арсенале надзирателей каторжной тюрьмы имелись шашки, револьверы системы Смит и Вессон, наганы, а также свистки, которыми снабжались все постовые «с целью подачи сигнала тревоги или вызова дежурного надзирателя при необходимости» [Быкова, 2003, с. 219].

К слову сказать, низкое жалование было не только у служащих Александровского централа. В Иркутском тюремном замке оно было таким же низким. Так, помощник смотрителя Иркутской тюрьмы просил в ноябре 1886 года Иркутский губернский попечительный о тюрьмах комитет, не найдет ли тот возможным добавить к его содержанию из экономических фондов комитета денежную сумму «по своему усмотрению». Оказалось, что по постановлению начальника Иркутской губернии в сентябре он был назначен на должность помощника смотрителя тюремного замка «с окладом жалованья и столовых в год 400 руб., то есть 33 руб. 33 1/3 коп. в месяц». При этом помощнику смотрителя полагалось приобрести за свой счет еще и форменную одежду [ГАИО, ф. 32, оп. 5, д. 498, л. 65].

У вышестоящих чиновников тюремного ведомства денежное содержание было таким же низким. Так, к примеру, в тюремном отделении Иркутского губернского правления в ноябре 1904 года было занято 13 человек: пять штатных и восемь вольнонаемных. У штатного Горбунского Иннокентия жалованье в месяц составляло 30 руб., у Мельникова Василия — 25, у Иванова Григория — 20 руб. У вольнонаемных оклад был чуть больше, в основном 30—35 рублей [ГАИО, ф. 32, оп. 6, д. 60, л. 1].

3.2. Полномочия смотрителей Александровской центральной каторжной тюрьмы

Между тем служба в тюрьме была весьма напряженным и ответственным делом. Об обязанностях старшего надзирателя Александровской центральной каторжной тюрьмы Д. Д. Токарева отлично рассказал Савицкий. Автор описал обычный день служащего. *Тюрьма еще спит, а Токареву нужно успеть управиться с массой хозяйственных дел: впустить во двор тюрьмы, а затем выпустить обратно ассенизационный обоз, причем следует внимательно исследовать содержимое бочек, так как бывали случаи, когда каторжане, спрятавшись в них, совершали побег. Затем с площадки, находящейся вне тюремной ограды, необходимо доставить в тюрьму достаточное количество дров, которые пойдут на кухню, хлебопекарню, прачечную, для отопления камер. При этом каждое полено должно быть осмотрено, так как в дровах может оказаться оружие или спирт. Затем помощнику надзирателя следует разбудить так называемые «рабочие ка-*

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

меры» и поставить на работу поваров, хлебопеков, прачек, дворников, служителей и работающих в мастерских арестантов; надо проследить за раздачей утреннего хлебного пайка, затем следует тщательно обыскать заступившую на службу смену надзирателей — ничего не поделаешь, и среди служащих бывают недобросовестные и корыстолюбивые люди. Потом начинается обход камер и поверка — необходимо переписать арестантов, желающих видеть смотрителя или заявляющих себя больными для направления их в амбулаторию. И все это обязанности одного человека — старшего надзирателя Д. Д. Токарева [Савицкий, 1909, с. 609].

Значительно больше каждодневных обязанностей было у смотрителя централа. Согласно Положению об Александровской тюрьме, принятому и утвержденному на государственном уровне статс-секретарем К. К. Гротом в апреле 1882 года, тюрьма находилась в непосредственном ведении Иркутского губернатора, а ближайшее управление поручалось смотрителю. Согласно параграфу пятого Положения, смотритель АЦКТ назначался по представлению Иркутского губернатора генерал-губернатором Восточной Сибири, а остальные чины — губернатором: помощник смотрителя — по выбору губернатора, врач — по представлению врачебной управы, священник — по сношению с местным епархиальным начальством, а эконом и письмоводитель — по представлению смотрителя тюрьмы. Параграф 10 весьма широко обозначал полномочия и обязанности смотрителя: во-первых, содержать тюрьму в исправности по всем вообще частям внутреннего и внешнего благоустройства, руководствуясь общими правилами инструкции, приложенной к 96 ст. Устава о содержащихся под стражею; во-вторых, направлять действия подчиненных ему лиц к точному выполнению служебных обязанностей; в-третьих, заведовать денежными суммами тюрьмы. При этом смотритель и его помощник не могли покидать тюрьму одновременно, «так что всегда должен быть на лицо тот или другой» [ГАИО, ф. 226, оп. 1, д. 374, л. 1—2]. Сам же смотритель мог отлучиться из АЦКТ «не иначе, как с разрешения губернатора» [Там же].

Подробнейшим образом полномочия и обязанности смотрителя были расписаны в общеимперской «Инструкции смотрителю тюремного замка», принятой еще в 1830 году. Пункт 208-й Инструкции гласил: «Смотритель есть полный хозяин тюремного замка и блюститель в оном внутреннего порядка, за который строго ответствует (по ближайшему отношению) полициймейстеру, губернскому прокурору и губернатору, как своему начальству» [Инструкции…,1882, с. 21]. Смотритель был ответственен за соблюдение чистоты, порядка, «опрятности, тишины и благочестия», обязан иметь в своем ведении «как все строение тюремного замка, так и принадлежащие оному вещи», предупреждать побеги, наблюдать «осторожность от

CC BY

пожара», распределять по своему усмотрению обязанности надзирателей и их помощников. При этом «все содержащиеся в тюремном замке (п. 221) должны быть в полном повиновении смотрителя и прочих лиц, через коих учреждается надзор за ними и самое распоряжение ими» [Там же].

Вместе с тем, несмотря на такие неограниченные полномочия, смотритель в «своей» тюрьме должен был обходиться с арестантами «кротко и человеколюбиво», постараться приобрести к себе доверие «распрашиванием о нуждах их, доставлением иногда некоторых пособий, ласковыми при трудах разговорами» [Там же]. Однако в исполнении своих обязанностей смотрителю надлежало поступать «со всею точностью и твердостью». Он не должен оставлять без наказания ни одного случая нарушения порядка и правил, для тюрьмы предписанных, так как малейшее «по сей части пренебрежение» может породить большие беспорядки, навлечь «неприятные следствия». При назначении наказания смотритель должен сохранять спокойствие духа, и «отнюдь не предаваться досаде и вспыльчивости, дабы сим самым удостоверить виновного, что делаемое ему наказание основано на справедливости» [Там же, с. 19—20].

Поистине огромными полномочиями обладал смотритель тюрьмы в отношении политических каторжан — особой категории заключенных. Так, согласно «Правилам о содержании политических заключенных в тюрьме», утвержденным 28 февраля 1886 года товарищем министра внутренних дел, сенатором, генерал-лейтенантом П. В. Оржевским, содержавшиеся в губернских и уездных тюремных замках, а также и пересыльных тюрьмах политические арестанты как во время нахождения их под следствием и судом, так и по окончании производившихся по ним дел, а затем во время остановок в тюрьмах по пути следования к местам назначения состояли в прямом и непосредственном подчинении смотрителя тюрьмы и действующих под его руководством и наблюдением чинов тюремного надзора. По отношению к арестантам этой категории смотритель тюрьмы был «единственный и полный распорядитель, отвечающий за внутренний порядок и правильность содержания арестантов и действующий под руководством губернатора» [ГАИО, ф. 32, оп. Оц, д. 442, л. 1—2]. При этом полицмейстеры и уездные исправники, осуществлявшие наблюдение за действиями смотрителей от лица губернаторов и градоначальников, не имели права непосредственного распоряжения в тюрьме (за исключением случаев открытого беспорядка и сопротивления арестантов властям) и должны были ограничиваться лишь предписаниями смотрителям и «доведением об усмотренном» до сведения губернатора.

В свою очередь, смотритель тюрьмы и все подчиненные ему чины обязывались соблюдать в сношениях с политическими арестантами «должное спокойствие, строгость, беспристрастие» [Там же].

CC BY

3.3. «Портреты» некоторых смотрителей тюрьмы

Известны имена нескольких смотрителей Александровской центральной тюрьмы. Так, в ведомственной переписке между АЦКТ и Иркутским губернским управлением за 1876 года имеется указание на то, что в это время «исправлял обязанности смотрителя Александровской центральной тюрьмы коллежский асессор Повало-Швейковский. У нас есть основания предположить, что этот господин и был первым ее смотрителем [ГАИО, ф. 32, оп. Оц, д. 4, л. 20].

В 1880—1890-е годы должность смотрителя АЦКТ занимал Александр Петрович Сипягин. Хорошее впечатление Сипягин произвел на Дж. Кеннана. Это был, — пишет журналист, — «приятный, умный, образованный человек лет тридцати пяти — сорока», который принял гостей самым сердечным образом, настоял, чтобы они разделили с ним его завтрак. Во время экскурсии по тюрьме охотно рассказывал о практике содержания заключенных, рационе их питания, открывая перед путешественниками буквально все двери, был неизменно радушен и не скрывал, что восторженное впечатление, сложившееся у Фроста и Кеннана от увиденного, для него приятно и лестно [Кеннан, 1999, с. 239—240].

Служа смотрителем Александровского централа, А. П. Сипягин своим кропотливым и честным трудом превратил тюрьму в образцовую. Известный российский криминолог Д. А. Дриль, совершивший в конце XIX века длительную инспекционную поездку в Сибирь, Приморье и на Сахалин, отметив прекрасное состояние Александровского централа, резюмировал в своей книге «Ссылка и каторга в России»: «…Вот что могут сделать при известном содействии высшей местной власти и единичные усилия отдельных лиц, когда последние вкладывают живую душу в живое дело» [Дриль,1898, с. 50].

Д. А. Дриль неоднократно отмечал «сердечное отношение» к каторжным со стороны смотрителя А. П. Сипягина. По итогам посещения Александровского централа криминолог сделал вывод, который, по его мнению, должен характеризовать деятельность всех тюрем России: «Начальство тюрьмы, — пишет он, — стремится воздействовать на арестантов не с точки зрения наказания, а с точки зрения поощрения». Примечательно, что после выхода своей книги автор отослал один экземпляр в Иркутск, сделав на обложке надпись: «Одному из лучших людей, Александру Петровичу Сипягину, в знак глубочайшего уважения к его высокогуманной, прекрасной деятельности на пользу “несчастненьких” от Д. А. Дриля. СПб., 1329/898». Сейчас это издание хранится в фонде редкой книги Научной библиотеки ИГУ им. В. Г. Распутина.

А. П. Сипягин был последователем мировоззрения Джона Говарда, известного английского филантропа XVIII века, полагавшего, что задачи тю-

CC BY

ремного перевоспитания могут быть достигнуты только при условии уважительного отношения к правам и интересам преступника, последовательно выступавшего за организацию обязательного труда, одиночного тюремного содержания заключенных, строгую, но разумную дисциплину. Именно эти принципы в отношении к каторжанам и вводил А. П. Сипягин в Александровской центральной тюрьме. При нем не применялись розги, было существенно ограничено наказание карцером, сидельцы были максимально заняты обязательным трудом: поддерживали чистоту и порядок, пекли хлеб, стирали белье, ремонтировали помещения и двор, работали на огородах и в мастерских.

А. П. Сипягин скончался в Воронеже в 1911 году. Этот печальный факт не остался незамеченным и был освещен в иркутской газете «Сибирь». Не пожелавший открыть свое имя автор некролога перечислил (явно со знанием тюремного дела) заслуги А. П. перед «несчастненькими», как часто называли уголовных ссыльных: за время его заведования тюрьмой в заведении исчезли плети и вообще всякого рода телесные наказания; санитарное состояние было поднято на высоту, возможную «при скудости бюджета и переполнении тюрьмы». Не меньшее внимание обращал Сипягин на организацию дела призрения семейств ссыльнокаторжных. В ряде докладов в период службы тюремным инспектором он высказывался за целый цикл реформ — за отмену физического наказания, за установление предельного срока ссылки. Им был поднят вопрос о том, чтобы в паспортах ссыльных по истечении поднадзорного срока «были изъяты всякого рода ограничительные надписи» [Сипягин…,1911, с. 3].

Автор некролога называл Сипягина «идеально честным, отзывчивым и гуманным, человеком», снискавшим себе большое уважение сослуживцев и любовь арестантов. Сипягин эту любовь всегда чувствовал и обходил камеры без всякой охраны, выслушивал арестантов, вникал в их просьбы и делал все от него возможное, дабы облегчить их тяжелую участь. Характерный факт: отдельные бывшие арестанты, жившие в с. Александровском как полноправные обыватели, вспоминая прошлую тюремную жизнь, с гордостью говорили, что они не сидели, а «служили вместе с А. П. Сипягиным», называя его «отцом и правильным начальником» [Сипягин…, 1911, с. 3].

Газета «Сибирь» отмечала и еще одно достоинство А. П. Сипягина — удивительное умение подбирать себе помощников, разделявших его убеждения и образ мыслей. Именно таким помощником и был второй смотритель АЦКТ — И. И. Лятоскович, служба которого здесь пришлась на 1901—1906 годы.

И. И. Лятоскович родился в Польше, за участие в антироссийском восстании 1863 года был выслан в Восточную Сибирь, а отбыв наказание, решил, что его нравственный долг — всеми доступными средствами и

CC BY

способами стремиться облегчить положение уголовных и политических ссыльных в Сибири, будь то поляки, или русские. Именно с этой целью, как пишет И. И. Попов, он и поступил на службу в тюремное ведомство и был отмечен А. П. Сипягиным [Попов, 1989, с. 20].

В управлении тюрьмой И. И. Лятоскович продолжал либеральную политику своего предшественника: с заключенных были сняты кандалы, физические наказания не практиковались, улучшено питание и обеспечение одеждой, практически каждый каторжанин мог трудиться внутри или за пределами тюрьмы, причем по собственному выбору. Однако если у Сипягина все-таки в отношениях с заключенными преобладало строгое соблюдение дисциплины, то управление Лятосковича зачастую граничило с вседозволенностью. Вот как, с большой долей сарказма, описывает в эти годы централ следующий его смотритель Ф. Савицкий: «Отрывки ученых теорий о том, что преступник вообще только больной человек, требующий не возмездия за грехи свои, но ласки и тихого сердечного привета, проникли сюда и здесь, бестолково понятые, без всякого распоряжения свыше, проводились в жизнь» [Савицкий, 1909, с. 615]. «Лишь только новичок каторжанин переступал порог тюрьмы, с него немедленно снимали оковы и этим как бы говорили: — Видишь ли, кандалы отжили свой век, и мы не хотим ими тебя наказывать. Цени же нашу сердечность и знай, что в тебе мы видим не преступника, но друга и брата. И работой тоже тут не задалживали. Если каторжанин нагнулся и сбросил в сторону со своей дороги кусок дерева или щепу, то сейчас же справлялись … — сколько же именно следует уплатить за этот “труд” — и платили. На проступки арестантов, часто весьма скверного свойства (например, оскорбление лиц тюремной администрации, плевание в глаза тюремным надзирателям и проч.) смотрели как на проявление больной, и потому не наказуемой, воли. Телесное же наказание рассматривали как глубоко позорный и чрезвычайно унизительный акт насилия над “святой” личностью человека…» [Там же].

При А. П. Сипягине и И. И. Лятосковиче Александровский централ стал, своего рода витриной пенитенциарной практики России. В высоких, просторных и светлых камерах поддерживалась чистота; опрятными, аккуратно подстриженными выглядели и арестанты, питавшиеся лучше, чем иной российский крестьянин или рабочий. В АЦКТ даже имелась книга для почетных гостей, в бархатном переплете с золотым тиснением, в которой расписывались все важные посетители и столичное начальство. В стране, в особенности за Уралом, эта тюрьма много лет пользовалась славою образцового по своим порядкам пенитенциарного учреждения.

Вплоть до 1905 года централ был объектом повышенного интереса для всевозможных журналистов и путешественников. Наблюдая либеральные

CC BY

порядки, заведенные смотрителями, гости не скрывали удивления и не скупились на восторженные отзывы. Вот, к примеру, диалог французских путешественников Шафанжона и Матиссена, побывавших в АЦКТ в 1895 году, с издателем «Восточного Обозрения» И. И. Поповым, бывшим политическим ссыльным, из которого следует, что часть иркутян весьма трезво смотрели на настоящее знаменитого централа: «Вы государство контрастов и невероятных возможностей! Ведь такой тюрьмы, таких тюремных порядков, как в Александровском селе, нет нигде в мире», — так говорил один из французов. На что Попов ответствовал: «По Александровской тюрьме нельзя судить о русских тюрьмах. Она единственная в России и существует для того, чтобы показывать ее иностранцам. Ради этого терпят и самую тюрьму, и таких идеалистов-тюремщиков, как А. П. Сипягин и И. И. Лятоскович. Но посмотрите другие тюрьмы, Кару, Акатуй, централы... Там вы увидите совершенно другое, часто глупо жестокое... Правда, в наших тюремщиках нет системы и настойчивости, как у вас в европейских тюрьмах. Ни один режим в нашей тюрьме долго держаться не может. Благодушие и лень русского человека смягчают суровость режима, но эти черты не исключают возможности самых ужасных и неожиданных эксцессов, которые не только предупредить, но и предвидеть трудно» [Попов, 1989, с. 19].

По-настоящему радушными были у И. И. Лятосковича отношения с политическими каторжанами, в которых он, по всей видимости, видел людей «равных», а поэтому оказывал им соответствующий «прием». Политики не испытывали в Александровском каторжном централе «притеснений» обычного содержания и в течение дня свободно перемещались по тюрьме, посещая камеры своих соседей. Под «честное слово» им разрешались прогулки по селу и даже поездки в Иркутск. Нередко такое хорошее отношение переходило всякие границы и больше походило уже на должностное преступление. Например, как пишет И. И. Попов, некоторые заключенные, пользуясь ежедневными обязательными посещениями начальника тюрьмы, «подсовывали в его карманы письма, которые он отправлял по почте», минуя непременную жандармскую перлюстрацию [Попов, 1989, с. 20—21].

В 1906—1909 годы смотрителем централа служил Ф. В. Савицкий, в 1909—1915 годы — И. С. Снежков, затем до Февральской революции — Н. К. Никитин. В этот период откровенных «заигрываний» с каторжанами уже не было, однако тюремный режим был по-прежнему либеральным. Даже после вооруженного группового побега заключенных, совершенного в 1908 году, сопровождавшегося человеческими жертвами с той и другой стороны, и «политики», и уголовные чувствовали себя в тюрьме достаточно «вольготно», никто не унижал их человеческого достоинства, телесные

CC BY

наказания применялись в исключительных случаях, а взаимоотношения с администрацией менялись от взаимных уступок до тщательно соблюдаемого «нейтралитета» [Быкова, 2011].

В фонде 226 Государственного архива Иркутской области имеется рапорт смотрителя Александровской центральной каторжной тюрьмы его превосходительству господину инспектору Главного тюремного управления. Благодаря документу, нам известны основные служащие централа на 1909 год. Это смотритель тюрьмы Иван Сергеевич Снежков — коллежский асессор, штатный помощник смотрителя Иннокентий Васильевич Паншин — коллежский регистратор, штатный врач Георгий Иванович Гольшух — коллежский советник, священник отец Киселев, сверхштатные помощники смотрителя: Александр Александрович Франис, коллежский регистратор, Калашник Григорий Корнильевич — не имеющий чина, Алексей Степанович Шеметкин — не имеющий чина, Барабаш Яков Григорьевич — не имеющий чина, письмоводитель Яков Сидорович Сосновский — не имеющий чина, исполняющий обязанности эконома Михаил Павлович Соловьев — не имеющий чина, а также фельдшеры Михаил Васильевич Истомин — коллежский регистратор и Сергей Александрович Гольдберг — не имеющий чина. Кроме этого, сверх штата служили фельдшер Осин Осинович Журомский и Александр Афанасьевич Дмитриев — кандидат на классную должность, а также фельдшерица-акушерка Аделаида Людемировна Ушакова. Постольку поскольку Александровская центральная каторжная была пенитенциарным заведением, предназначенным сугубо для мужчин, можно предположить, что акушерка обслуживала женщин, проживавших в селе Александровском и его окрестностях, добровольно последовавших на каторгу за своими мужьями [ГАИО, ф. 226, оп. Оц, д. 5а, л. 59 а].

3.4. Значение канцелярии в системе тюрьмы

Немалую роль в организации повседневной жизни тюрьмы играла канцелярская служба. Через нее проходила громадная переписка с Иркутской тюремной инспекцией, начальниками мест заключения, откуда прибывали ссыльнокаторжные, корреспондирование с различными структурами общей полиции на территории будущих мест поселения, отбывших срок наказания каторжан, извещение родственников о смерти арестантов, всевозможная отчетность и т. д. Будет не безынтересно в связи с этим рассмотреть расписание работы канцелярий тюрем Иркутской губернии, установленное приказом инспектора в декабре 1910 года. Инспектор предлагал начальникам мест заключения установить со дня получения настоящего приказа продолжительность занятий в тюремных канцеляриях по будням — с 9 часов утра до 2 часов дня и с 6 часов вечера до 9. В день Нового года, Крещения Господня и Рождества Христова, Святой пасхи, те-

CC BY

зоименинства государя императора, а также в день тюремного храмового праздника обычных занятий в канцеляриях не проводить, во все же остальные воскресные и неприсутственные дни занятия должны продолжаться с 11 часов утра до 2 часов дня [ГАИО, ф. 355, оп. 1, д. 4, л. 56].

Трудная, порой опасная и плохо оплачиваемая служба в системе Главного тюремного управления лишь изредка удостаивалась поощрения и отмечалась государственными наградами. Так, нами был обнаружен единственный случай подобного рода: 11 августа 1908 года Тюремное отделение Иркутского губернского правления «препроводило» смотрителю Александровской центральной каторжной тюрьмы для награждения шесть «серебряных медалей, всемилостивейше пожалованных государем императором за отлично-усердную службу надзирателям: Самуилу Гриценко, Спиридону Жилкину, Михаилу Завьялову, Михаилу Шабанову, Ивану Самойлову и Варламу Суворову», а также пять серебряных медалей «за беспорочную службу в тюремной страже» для «ношения на груди на Анненской ленте» [ГАИО, ф. 226, оп. 1, д. 8, л. 1 а, л. 78].

4. Заключение = Conclusions

Образование Главного тюремного управления и структурные перемены, последовавшие за этим в 1870—1880-е годы, определенным образом улучшили управленческую деятельность пенитенциарных учреждений в российской «глубинке» и в Сибири. Однако не все преобразования удалось реализовать. Так, рассмотренный нами уровень доходов сотрудников тюрьмы был по-прежнему низким, что объяснялось скудным бюджетом ГТУ, а также устаревшим штатным расписанием Александровского централа.

Изучение повседневной службы надзирателей АЦКТ выявило ее весьма сложный и напряженный характер. При небольшом штате служащих тюрьмы чинам ведомства приходилось решать сложные, многоплановые задачи, касавшиеся бытовых условий содержания осужденных, снабжения их казенной одеждой, улучшения питания, организации постоянного надзора, исключавшего побеги и многие другие. Работа смотрителей любого тюремного замка требовала неординарных усилий, а в Александровском централе, где содержалось значительное число леворадикальных эсеров и социал-демократов, необходимы были знания истории политических партий, их партийных программ, решений последних съездов.

Следует отметить, что и низкое жалование, и напряженные условия службы в Александровской каторжной тюрьме не приводили к сколько-нибудь заметной текучести кадров надзирательского состава, большая часть сотрудников служили здесь по 10—15 лет и более.

CC BY

Анализ биографий отдельных служащих АЦКТ позволяет сделать вывод о личных качествах смотрителей и надзирателей. Здесь служили в основном преданные своему делу люди, стремившиеся не только изолировать политического или уголовного преступника от общества, но попытаться пробудить в нем лучшие человеческие стороны. Именно с этой целью в тюрьме были организованы мастерские, в которых заключенные могли попробовать себя в токарном, слесарном или переплетном мастерстве, практиковалась работа на огородах и при тюремной ферме. В 1910-е годы большую роль в организации внутренней жизни АЦКТ играл Комитет тюрьмы, в который входили как ее служащие, так и заключенные. На заседаниях Комитета решались вопросы содержания оркестра, добровольной пожарной команды, обсуждались заявления каторжан о досрочном освобождении.

Институт смотрителей Александровской каторжной тюрьмы служил своеобразной «кузницей кадров» для тюремного ведомства. Так, в разные годы инспекторами Иркутской губернской инспекции служили (после окончания службы в АКЦТ) А. И. Сипягин, Ф. В. Савицкий, а также бывший врач централа Г. И. Гольшух, что, на наш взгляд, является лучшим подтверждением незаурядных качеств служителей Александровского централа [Адрес-календарь…, 1897, с. 20—21].

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Адрес-календарь* личного состава служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях города Иркутска на 1897-98 год. — Иркутск : [б. и.], 1897. — 314 с.

2. ГАИО — *Государственный* архив Иркутской области. Ф. 32; Ф. 226; Ф. 355.

3. *Записка* начальника Главного тюремного управления Т. С. Галкина-Врасского по командированию его в Сибирь и на остров Сахалин в 1881—1882 годах. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1882. — 88 с.

4. *Инструкции* смотрителю тюремного замка. — Пермь : Типография губернского Правления, 1882. — 25 с.

5. *Общая* тюремная инструкция. Утверждена года министром юстиции 28 декабря 1915 года — Петроград : Типография Петроградской тюрьмы, 1916. — 110 с.

6. *Полное* собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание второе. Отделение второе. 1873. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1876. — Т. XLVIII. — 648 с.

7. *Путеводитель* по фондам Государственного архива Иркутской области. В 2-х частях / Сост. Ю. П. Колмаков, Е. А. Луговская, Н. В. Чичкова и др. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2017. — 548 с. — ISBN 978-5-6040407-6-8.

CC BY

8. *Сборник* циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879—1910 гг. — Санкт-Петербург : Издание ГТУ, 1911. — [646], 26 с.

9. *Сипягин А. П.* Сипягин (Некролог) / А. П. Сипягин // Сибирь : [газета]. — 1911. — № 48. — С. 3.

Литература

1. *Быкова Н. Н.* Влияние личности смотрителя на каторжный режим в Александровском централе / Н. Н. Быкова // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : БГУ, 2011. — С. 102—106.

2. *Быкова Н. Н.* История Александровского централа (1900 — февраль 1917 гг.) : автореферат диссертации …кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Н. Быкова. — Иркутск, 1998. — 26 с.

3. *Быкова Н. Н.* Александровский централ : администрация и охрана / Н. Н. Быкова // Сибирская ссылка : Сборник науч. ст. / Отв. ред. Н. Н. Щербаков. — Иркутск : Оттиск, 2003. — Выпуск 2 (14). — С. 213—224.

4. *Галкин-Враской М. Н.* Материалы к изучению тюремного вопроса / М. Н. Галкин-Враской. — Санкт-Петербург : Тип. II отделения ЕИВ канцелярии, 1868. — 174 с.

5. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. изд 3-е / М. Н. Гернет. — Москва : Гос.издат. юрид. литературы, 1961. — Т. 3. — 430 с.

6. *Детков М. Г* Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. — Москва : Вердикт, 1999. — 410 с.

7. *Дмитриев Д. И.* Революционная деятельность большевиков в каторжных тюрьмах Восточной Сибири (1907 — 1914 гг.) : автореферат диссертации …кандидата исторических наук : 07.00.01 / Д. И. Дмитриев. — Иркутск, 1989. — 21 с.

8. *Дриль Д. А.* Ссылка и каторга в России (Из личных наблюдений во время поездки в Приамурский край и Сибирь) / Д. А. Дриль. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1898. — 50 с.

9. *Иванов А. А.* Дом казенный — Александровский централ: обзор историографии XX — начала XXI века / А. А. Иванов // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. — 2023. — Т. 46. — С. 101—113. — DOI: https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.101.

10. *Иванов А. А.* Сибирская ссылка в отечественной историографии 1990—2010-х годов / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. — 2022. — № 11 (1). — С. 395—413. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413.

12. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885—1886 гг.) / Дж. Кеннан. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1999. — Т. 2. — 400 с.

13. *Кудрявцев Ф. А.* Александровский централ. (Из истории сибирской каторги) / Ф. А. Кудрявцев. — Иркутск : ОГИЗ, 1936. — 100 с.

14. *Лятоскович И.* Александровская центральная каторжная тюрьма / И. Лятоскович // Тюремный вестник. — 1901. — № 8. — С. 390—410.

15. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора / И. И. Попов. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1989. — 384 с.

16. *Савицкий Ф.* Александровская центральная каторжная тюрьма (Очерки) / Ф. Савицкий // Тюремный вестник. — 1907. — № 10. — С. 751—774.

17. *Савицкий Ф.* Побег арестантов из Александровской каторжной тюрьмы / Ф. Савицкий // Тюремный вестник. — 1909. — № 5 (май). — С. 609—638.

18. *Саломон А. П.* Тюремное дело в России / А. П. Саломон. — Санкт-Петербург : ГТУ, 1898. — 38 с.

19. *Страхов Д. А.* В Александровской пересылке : (Отрывки воспоминаний) / Д. А. Страхов // Каторга и ссылка. — 1923. — Выпуск 5. — С. 184—194.

20. *Шенмайер Н. Г.* Эсеры в каторжных тюрьмах Восточной Сибири 1907—1917 гг. : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. Г. Шенмайер. — Иркутск, 1997. — 26 с.

21. *Фабричный П. Н.* Вооруженный побег из Александровского централа / П. Н. Фабричный // Каторга и ссылка. — 1922. — Выпуск 4. — С. 121—125.

22. *Фойницкий И. Я.* Исторический очерк и современное состояние ссылки и тюремного заключения / И. Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1878. — 68 с.

23. *Щербаков Н. Н.* Численность и состав политических ссыльных Сибири 1907—1917 гг. / Н. Н. Щербаков // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX века — февраль 1917 г.). — Иркутск : Изд-во Иркут.гос. ун-та, 1973. — Выпуск 1. — С. 208—242.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024,
одобрена после рецензирования 11.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

A guide to the collections of the State Archive of the Irkutsk region. In 2 parts. (2017). Irkutsk: Publishing house “Ottisk”. 548 p. ISBN 978-5-6040407-6-8. (In Russ.).

Address-calendar of personnel of employees in government, public and private institutions of the city of Irkutsk for the year 1897—98. (1897). Irkutsk: [b. i.]. 314 p. (In Russ.).

Collection of circulars issued by the General Prison Administration in 1879—1910. (1911). St. Petersburg: Edition of GTU. [646], 26 p. (In Russ.).

GAIO — *State Archive of the Irkutsk region. F. 32, F. 226, F. 355.* (In Russ.).

General prison instructions. Approved by the Minister of Justice on December 28, 1915. (1916). Petrograd: Printing House of the Petrograd Prison. 110 p. (In Russ.).

Instructions to the caretaker of the prison castle. (1882). Perm: Printing house of the provincial Government. 25 p. (In Russ.).

Note by the head of the Main Prison Department T. S. Galkin-Vrasky on his secondment to Siberia and Sakhalin Island in 1881—1882. (1882). St. Petersburg: [b. i.]. 88 p. (In Russ.).

Sipyagin, A. P. (1911). Sipyagin (Obituary). *Siberia: [newspaper], 48:* P. 3. (In Russ.).

The Complete Collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). The second meeting. The second department. 1873, XLVIII. (1876). St. Petersburg: [b. i.]. 648 p. (In Russ.).

References

Bykova, N. N. (2003). Alexandrovsky central: administration and protection. In: *Siberian link: Collection of scientific articles, 2 (14).* Irkutsk: Ottisk. 213—224. (In Russ.).

Bykova, N. N. (1998). *The history of the Alexandrovsky Central (1900 — February 1917).* Author’s abstract of PhD Diss. Irkutsk. 26 p. (In Russ.).

Bykova, N. N. (2011). The influence of the caretaker’s personality on the penal regime in the Alexandrovsky Central. In: *Irkutsk Historical and Economic Yearbook.* Irkutsk: BSU. 102—106. (In Russ.).

Detkov, M. G. (1999). *Prisons, camps and colonies of Russia.* Moscow: Verdict. 410 p. (In Russ.).

Dmitriev, D. I. (1989). *The revolutionary activity of the Bolsheviks in the convict prisons of Eastern Siberia (1907—1914).* Author’s abstract of PhD Diss. Irkutsk. 21 p. (In Russ.).

Drill, D. A. (1898). *Exile and hard labor in Russia (From personal observations during a trip to the Amur Region and Siberia).* St. Petersburg: [b. i.]. 50 p. (In Russ.).

Fabrichny, P. N. (1922). Armed escape from the Alexandrovsky central. *Hard labor and exile, 4:* 121—125. (In Russ.).

Foynitsky, I. Ya. (1878). *Historical essay and the current state of exile and imprisonment.* St. Petersburg: [b. i.]. 68 p. (In Russ.).

Galkin-Vraskoi, M. N. (1868). *Materials for the study of the prison issue.* St. Petersburg: Type II of the department of the EIV Chancellery. 174 p. (In Russ.).

Gernet, M. N. (1961). *The history of the tsar's prison: in 5 volumes, 3.* Moscow: State Publishing House. Jurid. Literature. 430 p. (In Russ.).

Ivanov, A. A. (2023). Kazenny House — Alexandrovsky Central: a review of historiography of the XX — beginning of the XXI century. *Izvestiya Irkutsk State University. A series of Stories, 46:* 101—113. DOI: https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.46.101. (In Russ.).

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2022). Siberian Exile in Russian Historiography of 1990s — 2010s. *Nauchnyi dialog, 11 (1):* 395—413. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413. (In Russ.). (In Russ.).

Kennan, J. (1999). *Siberia and exile. Travel notes (1885—1886), 2.* St. Petersburg: BLITZ. 400 p. (In Russ.).

Kudryavtsev, F. A. (1936). *Alexandrovsky Central. (From the history of the Siberian penal servitude).* Irkutsk: OGIZ. 100 p. (In Russ.).

Lyatoskovich, I. (1901). Alexandrovskaya central convict prison. *Prison Bulletin, 8:* 390—410. (In Russ.).

Popov, I. I. (1989). *The forgotten Irkutsk pages: Notes of the editor.* Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 384 p. (In Russ.).

Salomon, A. P. (1898). *Prison case in Russia.* St. Petersburg: GTU. 38 p. (In Russ.).

Savitsky, F. (1907). Alexandrovskaya central convict prison (Essays). *Prison Bulletin, 10:* 751—774. (In Russ.).

Savitsky, F. (1909). Escape of prisoners from the Alexandrovskaya convict prison. *Prison Bulletin, 5 (May):* 609—638. (In Russ.).

Schoenmaier, N. G. (1997). *Social Revolutionaries in the convict prisons of Eastern Siberia 1907—1917.* Author's abstract of PhD Diss. Irkutsk. 26 p. (In Russ.).

Shcherbakov, N. N. (1973). The number and composition of the political exiles of Siberia 1907—1917. In: *Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century — February 1917), 1.* Irkutsk: Publishing House of Irkut.State University. 208—242. (In Russ.).

Strakhov, D. A. (19123). In the Alexandrovskaya forwarding: (Excerpts of memoirs). *Hard labor and exile, 6:* 184—194. (In Russ.).

The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 11.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ипполитов В. А. «Аграрные беспорядки» в Центральном Черноземье осенью 1905 года / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 405—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-405-426.

Ippolitov, V. A. (2024). "Agrarian Unrest" in Central Black Earth Region in Autumn 1905. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 405-426. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-405-426. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus DOAJ NSD ERIH PLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Аграрные беспорядки» в Центральном Черноземье осенью 1905 года

Ипполитов Владимир Александрович
orcid.org/0000-0001-9327-3865
ScopusAuthorID 58616569100
WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, https://rscf.ru/project/22-18-00132/

"Agrarian Unrest" in Central Black Earth Region in Autumn 1905

Vladimir A. Ippolitov
orcid.org/0000-0001-9327-3865
ScopusAuthorID 58616569100
WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022
PhD in History,
Senior Researcher
vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00132, https://rscf.ru/project/22-18-00132/

© Ипполитов В. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Источниками исследования стали документы первого департамента министерства юстиции об «аграрных беспорядках» осенью 1905 года в Центральном Черноземье, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Рассматривались дела, касавшиеся аграрных выступлений в Тамбовской и Воронежской губерниях. Сделан акцент на изучении участия крестьян поколения «революционного перелома» в аграрном движении (к этому поколению отнсят людей, родившихся приблизительно в 1890-е годы). Сделан вывод о значительной роли слухов во время революции. Автор рассматривает причины крестьянских выступлений, их алгоритм и особенности. Проанализирована роль «вожаков» в «аграрных беспорядках». Зачинщиками часто выступали молодые люди, менее склонные соблюдать традиции. Сделан вывод о ведущей роли молодежи в революционном движении. Установлено, что городские волнения играли роль катализатора аграрных выступлений. Роль общины проявилась в подготовке и осуществлении порубок леса, погромах и т. д. Анализировалась эволюция мозаичного характера крестьянского самосознания в период «революционного перелома». Автор пришел к выводу, что манифест 17 октября 1905 года сыграл немаловажную роль в пробуждении революционного сознания в тамбовской и воронежской деревне. Рассмотрены недостатки ведения следствия по делам об «аграрных беспорядках», позволявшие множеству бунтовщиков избежать наказания. Вычислен средний возраст обвиняемых крестьянин (35,6 лет).

Ключевые слова:
крестьянство; революция; аграрные беспорядки; дворянство; Центральное Черноземье; министерство юстиции.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study draws on documents from the first department of the Ministry of Justice regarding "agrarian unrest" in the Central Black Earth region in autumn 1905, housed in the Russian State Historical Archive. Cases related to agrarian uprisings in the Tambov and Voronezh gubernias are examined, with a focus on studying the involvement of peasants from the "revolutionary generation" in the agrarian movement (individuals born approximately in the 1890s). The significant role of rumors during the revolution is highlighted. The author explores the causes, algorithms, and characteristics of peasant uprisings, analyzing the role of "leaders" in "agrarian unrest," often led by young individuals less inclined to adhere to traditions. The leading role of youth in the revolutionary movement is emphasized, with urban disturbances acting as catalysts for agrarian uprisings. The communal role is evident in preparing and carrying out forest clearances, pogroms, and more. The evolution of the mosaic nature of peasant self-awareness during the "revolutionary generation" period is analyzed. The author concludes that the October 17, 1905 manifesto played a significant role in awakening revolutionary consciousness in the Tambov and Voronezh villages. Shortcomings in investigating cases of "agrarian unrest" are discussed, allowing many rebels to evade punishment, with the average age of accused peasants calculated at 35.6 years.

Key words:
Peasantry; Revolution; Agrarian Unrest; Nobility; Central Black Earth Region; Ministry of Justice.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).083
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-405-426

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

«Аграрные беспорядки» в Центральном Черноземье осенью 1905 года

© Ипполитов В. А., 2024

1. Введение = Introduction

Крестьянское движение в годы первой русской революции было достаточно популярной темой в советской историографии [Дубровский, 1956], [Сенчакова, 1989] и др. Но, несмотря на обилие работ, до сих пор остаются недостаточно исследованные аспекты этой темы [Кондрашин, 2020]. В постсоветский период активно изучалось крестьянское движение в Центральном Черноземье, но стоит отметить отсутствие обобщающих работ, отражающих состояние научных знаний на современном этапе. Последнее крупное исследование по этой теме вышло из-под пера В. А. Степынина в 1991 году [Степынин, 1991]. Крестьянское движение в Центральном Черноземье по отдельным губерниям рассмотрено в трудах В. Б. Безгина [Безгин, 2017, 2023], И. В. Гаврилюка [Гаврилюк, 2013], М. Е. Разинькова [Разинькова, 2021] и др. Стоит отметить незначительное количество современных публикаций, посвященных крестьянскому движению в Тамбовской губернии. В данной статье предпринимается попытка восполнить данный пробел, а также рассмотреть малоизученные проблемы крестьянского движения: поколенческий аспект, роль слухов, алгоритм крестьянского выступления, вопрос о наказании виновных и др.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Особое внимание уделяется изучению поколения «революционного перелома», представители которого родились, по мнению Ю. А. Левады, в основном в 1890-е годы. [Левада, 2001]. Д. А. Сафонов считает, что к этому поколению относятся люди, родившиеся начиная с середины 1880-х годов [Сафонов, 2023]. Следовательно, сознательный период жизни молодежи поколения «революционного перелома» приходился на годы первой российской революции.

Работа основана на применении междисциплинарного подхода «поколенческой истории». Автор солидарен с мнением Т. Шанина, утверждав-

CC BY

шего, что без изучения поколенческой истории научная картина мира будет не вполне точной [Шанин, 2005].

Источником для исследования стали документы министерства юстиции, находящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) по аграрному движению в Тамбовской и Воронежской губерниях. Именно в этих регионах происходили наиболее масштабные аграрные выступления. Ценность документов министерства юстиции для изучения крестьянских выступлений в годы первой русской революции очевидна. По судебно-следственным материалам можно проследить все этапы делопроизводства, начиная с информации о преступлении и заканчивая приговором суда. В документах первого департамента министерства юстиции сохранились материалы 149 дел по «аграрным беспорядкам» осенью 1905 года, рассмотренных Тамбовским окружным судом. В комплекс документов входили представления судебных органов, рапорты с мест, распоряжения, материалы следствия, решения судов и т. д. Многие свидетельства были записаны из «первых рук», сохранились записи разговоров и высказываний участников «аграрных беспорядков». Документы министерства юстиции позволяют упорядочить и дополнить выводы, сделанные по источникам личного происхождения [Ипполитов, 2023].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины и основные движущие силы крестьянских выступлений

Конец 1905 года считается периодом наивысшего подъема крестьянского движения. Именно тогда оно было наиболее массовым, и при этом пострадало самое большое количество помещичьих имений [Тюкавкин и др., 1987, с. 76]. По подсчетам В. А. Степынина, за сентябрь-декабрь 1905 года в Тамбовской, Воронежской, Курской и Орловской губерниях произошло 725 крестьянских выступлений [Степынин, 1991, с. 69]. В ходе последующих событий 1906—1907 годов аграрное движение развивалась по схожему сценарию, но его интенсивность спала.

В любом аграрном обществе слухи составляли важную часть массового сознания. В традиционном социуме они выполняли значительную коммуникативную роль. В российской деревне начала XX века слухи были основным способом распространения информации. Особенно важную роль слухи и рассказы играли в период общественных потрясений. По мнению Л. Виолы, «слухи были не просто новостями или альтернативным взглядом на события, а оружием из арсенала крестьянского сопротивления» [Виола, 2010, с. 62]. По сообщениям современников, среди крестьян шли постоянные разговоры на тему передела земли. В своих показаниях по-

CC BY

терпевшие при погромах свидетельствовали об «общем возбуждении за последнее время» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 в, л. 75].

В годы первой российской революции слухи являлись важнейшим фактором аграрных выступлений. «Толки» о передаче земли крестьянам, царском манифесте, «воле» позволяли преодолеть обоснованные опасения репрессий за свои действия. Фиксировались слухи, что сам царь разрешил грабить помещичьи экономии. Наивный крестьянский монархизм сочетался с идеей «черного передела» земли. В Острогожском уезде крестьяне кричали во время грабежей: «Настал прах (гибель) панам» [Там же, д. 47 г, л. 24]. Осенью 1905 года в сельском социуме ходили слухи о том, что повсеместно весной следующего года крестьяне будут пахать помещичьи земли. Отсюда стремление как можно скорее «выкурить» дворян из своих усадеб. С этим слухом коррелируют распространенные разговоры о том, что если до Нового года крестьяне не сожгут помещичьих усадеб, то они никогда не получат земли [Там же, д. 47 б, л. 10]. Тяжелое положение с продовольствием подогревало слухи о голоде. В Козловском уезде летом 1905 года ходил «нелепый слух, тревожащий население, <…> будто бы весь продовольственный капитал почему-то отправлен в Японию» [Андреев, 1925, с. 58].

Активными распространителями слухов были крестьяне, вернувшиеся с работы из городов. В деревне Рогожки Елатомского уезда, по донесению в министерство юстиции, жители П. Воеводин и М. Винокуров, приехавшие из Баку, будучи пьяными, распространяли провокационные слухи. По их словам, «вся земля их, <…> они будут делать, что им угодно, только убивать и жечь нельзя, а брать и грабить — все можно» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 20].

По свидетельствам очевидцев, настроение крестьян в период выступлений было «тревожное». Причинами аграрных выступлений служащие министерства юстиции обоснованно считали «малоземелье и недород» текущего года, а также распространившуюся «по России смуту» [Там же, д. 47 а, л. 102]. Немаловажным фактором являлась уверенность населения в ослаблении государственной власти.

Вопрос о «стихийности» и «организованности» аграрных беспорядков 1905—1907 годов остается дискуссионным. О. Г. Вронский заявлял об «организованном характере действий крестьян», который обеспечивала поземельная община [Вронский, 2000, с. 42]. Другую сторону «организованности» подчеркивал Б. Н. Миронов, который полагал, что сельское население оказалось «под существенным влиянием политических партий и произошло слияние крестьянских волнений с агитацией радикальной интеллигенции» [Миронов, 2015, с. 579]. Напротив, Т. Шанин считал аграрное движение 1905—1907 годов «спонтанным и руководимым самими же

CC BY

крестьянами делом» [Шанин, 1997, с. 153]. Также С. А. Нефедов называл крестьянские восстания стихийными и неуправляемыми [Нефедов, 2010, с. 484]. Видимо, при анализе крестьянского выступления нельзя противопоставлять «стихийность» и «организованность». Крестьянский бунт носил, несомненно, стихийный характер, но предполагал наличие специфической организации, характерной для традиционалистского общества. Ведущая роль общины не исключала спонтанной активности малых групп, действовавших автономно «обществу». Велика была доля хулиганства, что было особенно характерно для молодежи.

В Центрально Черноземных губерниях аграрное движение начиналось, как правило, «самовольной порубкой» леса, принадлежащего крупным землевладельцам. В деревенском социуме были распространены слухи о том, что якобы «вышел такой закон, который разрешает им производить порубку и это их право» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 г, л. 94]. Важнейшее значение имел пример соседних волостей. Крестьяне, задержанные властями, отказывались признавать себя виновными на том основании, что «в настоящее смутное время порубки везде производятся» [Там же, л. 95]. Поводом для начала разграбления лесов могли быть увиденные подводы соседних крестьян с краденым лесом.

Сельские должностные лица обычно подчинялись воле общины. Например, жители села Ардабьева Темниковского уезда уговорили старосту составить протокол о разделе леса, принадлежащего купцу И. Девишеву. Несмотря на отказ, крестьяне заявили: «Если староста отказывается, то его и не нужно, а приговор написать надо, чтобы не выдавать друг друга» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 74]. Крестьяне полагали, что коллективное совершение действия поможет избежать репрессий со стороны властей. 10 ноября 1905 года выборные от населения поделили лес на десятины и начали рубку. Мероприятие производилось организованно: одни группы сменяли другие, поэтому сторожа ничего не могли с этим сделать.

По свидетельству земского начальника М. М. Кишкина, крестьяне отправлялись грабить именья из-за призывов, как они говорили, «забастовщиков». Некие агитаторы убеждали сельчан, что их поступки окажутся безнаказанными «за невозможностью посадить всех» [Там же, д. 47 а, л. 80]. Пример городских революционных событий, несомненно, влиял на поведение крестьян. Нередко разгром экономий они называли «забастовкой» по примеру рабочих. Революционные события в городе преломлялись в сознании сельчан и мотивировали их на решение своих задач.

Паника в экономиях, сопровождаемая разнообразными слухами и бегством их жителей, служила еще одним фактором для их разорения. Крестьяне, пострадавшие от неурожая 1904—1905 годов, объясняли свое уча-

CC BY

стие в «аграрных беспорядках» тем, что экономии оставлены служащими и «без присмотра хозяйство пропадет» [Там же, л. 80].

По мнению В. Б. Безгина, в советской историографии не было уделено должного внимания фактору голода в годы первой российской революции [Безгин, 2017, с. 21]. Документы министерства юстиции свидетельствовали о тяжелом положении с продовольствием в Центральном Черноземье. Крестьяне, задержанные при погроме именья М. Петрово-Соловово, объясняли мотив своего поступка необходимостью добыть продукты питания. Однако, по сведениям земского начальника, голода в этой местности еще не наблюдалось. При погроме был похищен хлеб, который предназначался для продажи самим крестьянам по 25 копеек за пуд [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 а, л. 40].

Не только голод толкал крестьян на разгром экономий. По документам видно, что в нападениях участвовали вполне благополучные общины. Характерен эпизод разгрома именья графини Паниной в Валуйском уезде, где участвовали крестьяне слободы Белого Колодезя, зажиточные и достаточно обеспеченные землей [Там же, д. 47 а, л. 80]. Следствие по делу о разгроме хутора, арендованного В. Аистовым, установило, что 2 ноября 1905 года Е. Колесников побуждал толпу к беспорядкам криками: «Нужно пользоваться чужим добром, пока другие не пришли и не разграбили его» [Там же, д. 47в, л. 112].

Во время крестьянских выступлений употребление алкоголя было повсеместным явлением. Очевидцы утверждали: осенью 1905 года во всех селениях все крестьяне «от мала до велика, даже мальчики и девочки совершенно пьяны, никто не спит. Во всех избах огонь, и у каждой стоят запряженные телеги» [Там же, д. 43а, л. 40]. Употребление водки являлось обязательным средством для раскрепощения, придания храбрости и одновременно притупления чувства самосохранения. Крестьяне понимали, что совершают рискованные действия, но алкоголь помогал избавиться от этих мыслей.

Винные лавки и магазины часто становились непосредственной целью крестьян. 28 октября в селе Пески Новохоперского уезда крестьяне разгромили винную лавку и некоторые магазины [Там же, д. 47а, л. 4]. Неслучайно, участники чрезвычайного Тамбовского уездного земского собрания просили закрыть все казенные винные лавки, а всю водку уничтожить.

О. Г. Вронский характеризовал идейную направленность крестьянского движения в период 1905—1907 годов как «общинный традиционализм», выступавший против того, что мешало привычному функционированию деревенского мира, — будь то развитие капиталистических отношений или феодальный помещичий латифундизм [Вронский, 2000, с. 22]. Монолитность крестьянской общины поддерживалась неприкрытыми угро-

CC BY

зами сомневающимся: «Кто не пойдет, того все равно сожжем и убьем» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 б, л. 8]. Ключевая роль общины в событиях 1917—1918 годов позволила В. М. Бухареву и Д. И. Люкшину ввести в научный оборот термин «общинная революция» [Бухарев и др., 1994, с. 154]. Анализ документов позволяет применить данный термин и к рассматриваемым нами событиям. Схожий алгоритм крестьянских выступлений, несомненно, имеет корни в общинном архетипе менталитета российского крестьянина.

3.2. Алгоритм «погромного» крестьянского выступления

В день погрома в именья являлась группа наиболее активных крестьян, в основном молодежь, по разным поводам. Обычно «зачинщики» требовали денег на водку. Иногда этим дело и ограничивалось, но в большинстве случаев употребление алкоголя становилось стимулирующим фактором для погрома. Широко известно, что решения о «погроме» принималось на мирских сходах, но это не было обязательным условием. По словам дворянина А. С. Федорова, утром перед погромом явились крестьяне и потребовали денег. Несмотря на то, что дворянин дал им 30 рублей, вечером его экономия была разграблена. В результате погрома было похищено 20 тысяч пудов ржи, 1000 пудов гороха и 700 овец. Согласно показаниям очевидцев, крестьяне приехали в экономию на 200 подводах [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 а, л. 17]. Подобные масштабные «походы» требовали определенной подготовки и организации.

Схожие случаи наблюдались по всем губерниям Черноземного центра. 26 октября 1905 года к управляющему именьем братьев Суковиных Землянского уезда явились крестьяне и потребовали денег на водку. Когда управляющий отказал, они предложили заключить договор аренды земли. После согласования условий сельчане все же получили «магарыч» и отправились праздновать. Несмотря на договор, в тот же вечер крестьяне разорили именье, забрав не только зерно, но и все запасы продовольствия (две кадки с огурцами, три — моченых яблок, одну — капусты, шесть пудов сала и коровье масло) [Там же, д. 43 б, л. 14]. Погром произошел, несмотря на «нормальные», по словам управляющего, отношения соседних крестьян и данной экономии. Массовые кражи продовольствия свидетельствуют о тяжелом положении деревни после неурожая 1904—1905 годов. Нарушения крестьянами своих обязательств перед землевладельцами характеризует перемену в сознании сельских масс. В новых условиях они готовы были окончательно уничтожить дворянское хозяйство и поделить землю.

Выполнение просьб крестьян могло предотвратить или, по крайней мере, отсрочить погром. 6 ноября 1905 года к управляющему именьем «Громок» Цимерману в селе Петровка Кирсановского уезда пришли

CC BY

40 крестьян, в основном молодежь, и «заявили желание получить денег на водку. Молодые люди объяснили свою просьбу тем, что пришли «поздравить со свободой» (имелись в виду положения манифеста 17 октября 1905 года). Получив 5 рублей, молодежь удалилась с криками: «Цимермана жечь не будем!» [Там же, д. 43а, л. 89].

Перед непосредственным «вторжением» в экономию крестьяне высылали вперед «караульщиков», которые, разведав местность, давали сигнал к погрому. Обычно таким сигналом служил поджог стога сена или звук набата. Эти функции брали на себя активные молодые люди.

В документах министерства юстиции содержится множество упоминаний о наличии у крестьян огнестрельного оружия. Конечно, основная масса крестьян была «вооружена» дубинами, кольями, топорами и т. д. Иногда обозы с награбленным сопровождались импровизированной «стражей», вооруженной как вилами и косами, так и огнестрельным оружием [Андреев, 1925, с. 54]. Эти факты свидетельствуют о готовности погромщиков применять насилие. Хотя в большинстве случаев огнестрельное оружие использовалось только для психологического воздействия на служащих экономий.

Изъятие помещичьего имущества не было «мирным» и «без насилия». Конечно, крестьяне не стремились к совершению убийств и избиений. Но при сопротивлении со стороны сторожей или служащих происходили столкновения. 29 октября при разгроме экономии Овсянниковой в Острогожском уезде крестьяне забирали хлеб из амбаров «открыто с насилием» и стреляли в окна служащим [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 а, л. 6]. Общим местом были зафиксированные в документах угрозы по отношению к служащим: «Не смей кричать, а то убьем», «не выходите — убьем» и т. д.

При погроме наблюдалось разделение ролей. Часть крестьян стояла на «страже» дома помещика или конторы, никого оттуда не выпуская. Другая часть непосредственно занималась грабежом. Женщины и дети шли сзади и брали оставшиеся вещи или продовольствие. Принимались меры по нейтрализации возможной погони. Так, 27 октября 1905 года при разгроме экономии А. С. Федорова крестьяне увели всех лошадей, которых затем отпустили в 4 верстах от имения [Там же, л. 7]. Подобное разделение ролей свидетельствовало об организованности выступлений, их сознательном характере.

На разгром помещичьих усадеб поднималось поголовно все население деревень. По донесению исполняющего обязанности товарища прокурора графа Капниста, в разорении усадьбы Петрово-Соловово в Кирсановском уезде участвовали как взрослые крестьяне, так и женщины, подростки и дети. Граф сообщал, что при виде войск толпа разбегалась, «бросая огромное количество похищенного имущества» [Там же, л. 39]. При разгроме лавки крестьянина В. В. Лысикова в деревне Скарятиной Борисоглебского

CC BY

уезда среди погромщиков находились женщины и дети [Там же, д. 47 б, л. 58]. Сплоченность общины при погромах считалась гарантией от репрессий со стороны властей.

При появлении войск погромщиков, как правило, охватывала паника. 4 ноября 1905 года в Острогожском узде после грабежа именья княгини Щербатовой близ хутора Лободина погромщики, увидев казаков, бросились врассыпную. Не помогли призывы вожаков: «Держись одного, не расходись, держись на Развилки» [Там же, л. 3]. По удачному выражению Д. И. Люкшина, противостоящие стороны придерживались своеобразных «правил игры»: полиция догоняет, крестьяне убегают [Люкшин, 2006, с. 58].

Кроме зафиксированных в документах крестьянских выступлений, происходило огромное количество мелких, откровенно хулиганских действий. Например, в ноябре 1905 года в деревне Толкачевой Елатомского уезда двое пьяных крестьян врывались в дома своих односельчан, выбивали стекла и ломали имущество [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 49]. Для периода революции характерно раскрепощение асоциальных элементов общества.

Далеко не все крестьяне поддались искушению разграбить дворянские именья. Немало общин, напротив, брали экономии под свою защиту, не подпуская к ней погромщиков из других селений. Так, крестьяне села Богдановка взяли под свою защиту именье дворянки Чигериной и отбили нападение приезжих, которые были избиты и обращены в бегство [Там же, л. 43]. В деревне Бредихино Каменской волости Тамбовского уезда крестьяне под влиянием слухов о готовившемся разорении взяли на сохранение имущество почетного гражданина П. Сорокина. Впоследствии мебель, двери и другое имущество были возвращены владельцу [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 г, л. 43]. В Коротоякском уезде жена полковника О. Орлова, желая привлечь на свою сторону крестьян, обещала выдать им хлеба. Когда 4 ноября 1905 года жители пришли за обещанной помощью, они подверглись нападению со стороны других общин. В результате более многочисленные погромщики одержали верх, и все крестьяне приступили к грабежу экономии [Там же, д. 47 а, л. 90].

В министерстве юстиции фиксировались случаи столкновения между разными общинами из-за дворянского имущества. Крестьяне слободы Вейделеевки Валуйского уезда на фоне слухов о будущих разгромах решили на сходе взять под охрану соседнюю экономию. 3 ноября 1905 года жители Вейделеевки силой прекратили уже начавшийся грабеж экономии и вынудили погромщиков спасаться бегством [Там же, л. 20]. Конечно, крестьяне защищали именья, потому что считали их своей собственностью.

Поиск виновных в погромах облегчали «следы», оставляемые крестьянами в спешке. Многие грабители были сразу же обнаружены по рассы-

CC BY

панному зерну, ведущему в их дворы. Крестьянские сходы обычно отказывались выдавать властям участников разгрома, мотивируя это незнанием. Только при угрозе применения репрессий начинали называть виновных. 7 ноября 1905 года сход крестьян села Петровского был разогнан выстрелами. Староста после того, как получил удар шашкой, начал называть участников грабежа [Там же, д. 43 б, л. 89]. Сход крестьян села Петровки Княже-Богородицкой волости Тамбовского уезда отказывался вернуть похищенное и выдать зачинщиков даже после выстрелов в воздух. Наиболее активные кричали: «Мы все зачинщики, зачинщиков нет, не бойся, они не в нас стреляют» [Там же, д. 43 в, л. 14].

Важную роль в крестьянских беспорядках играли коммуникации между отдельными поселениями. Координация действий разных общин против помещиков позволяла достигать гарантированного успеха. Например, согласно показаниям свидетеля из хутора Постоялого З. И. Земляка, на сходе крестьяне решили предложить жителям Лисичьево поучаствовать в погроме. Для этого нашли добровольцев и предоставили им плату за работу [Там же, д. 47 г, л. 29].

Изучение архивных материалов позволяет составить приблизительный алгоритм «погромного» крестьянского выступления:

1) распространение слухов, агитация, наличие «заразительного примера» соседей;

2) подготовительная работа «зачинщиков»;

3) решение схода о погроме;

4) «разведка» или визит на место предполагаемого «нападения»;

5) централизованный сбор и движение к объекту;

6) после сигнала — общее «нападение» вечером или ночью;

7) повальный грабеж имущества и поджоги строений;

8) в случае появлении вооруженной силы — беспорядочное бегство;

9) возвращение в деревню, сокрытие награбленного, «круговая порука» при расследовании.

3.3. Роль молодежи в «аграрных беспорядках»

Деятельное участие в «аграрных беспорядках» принимала деревенская молодежь. Характерным «приемом» было направление женщин и подростков как бы на «разведку». Крестьяне села Верхнего-Мальцева вначале отправляли «баб» и подростков собирать хворост, при появлении сторожей они разбегались [Там же, д. 43 б, л. 51]. После этого в лес выезжали открыто целыми обществами. Земледелец И. Зайцев на допросе утверждал, что найденный у него лес срублен не им, а привезен малолетними детьми [Там же, д. 47 г, л. 89].

В документах министерства юстиции сохранились многочисленные свидетельства о роли молодежи в подготовке выступлений. Например, крестьяне

CC BY

слободы Ольховатки приступили к вырубке леса после возвращения молодежи с заработков по случаю престольных праздников. Молодые люди, уже поучаствовавшие в погромах, «стали подстрекать своих односельчан к захвату экономического леса, уверяя, что за это никакого наказания не будет» [Там же, д. 47а, л. 94]. Молодежь, менее склонная соблюдать традиционные крестьянские устои, выступала «застрельщиком» аграрных выступлений.

Активными участниками погромов стали новобранцы, принадлежавшие к поколению «революционного перелома», проводы которых сопровождались обильным употреблением алкоголя. Типичный случай произошел в хуторе Екатериновка Елатомского уезда 1 ноября 1905 года, когда к приказчику именья пришли 11 призывников с просьбой дать им полведра водки. После отказа молодежь стала ломать имущество с криками: «Теперь свобода», «мы идем за землю и волю» [Там же, д. 43 а, л. 100]. 27 ноября перед разгромом хутора почетного гражданина Попова в Темниковском уезде к приказчику явились новобранцы Д. Романов, А. Яльянов, Т. Князьков, Е. Кузнецов и потребовали денег на водку. Молодые люди получили 4 рубля, но уже через полчаса на хутор явились погромщики [Там же, д. 43 б, л. 38]. По словам приказчика, организовали это нападение новобранцы.

В документах министерства юстиции отмечалась активная роль в «аграрных беспорядках» юных представителей поколения «революционного перелома». Весной 1906 года Тамбовский окружной суд рассматривал дело несовершеннолетнего крестьянина Г. Каменева, проживавшего в деревне Осиповка Вяжлинской волости Кирсановского уезда, обвиняемого в участии в «аграрных беспорядках». Крестьянин 29 октября 1905 года явился в именье помещика М. Сычева и попросил соломы. Получив отказ, Каменев поджёг омет соломы, что являлось сигналом к погрому, а затем участвовал в грабеже имущества. Когда приказчик именья попытался остановить погромщиков, молодой человек отделился из толпы и с колом в руках загнал его в реку. В ходе следствия Каменев своей вины не признавал, заявляя, что в день погрома не был в именье Сычева. К делу была приложена выписка из метрической книги, согласно которой обвиняемому на момент совершения преступления было 15 лет и 11 месяцев [Там же, д. 43 в, л. 4]. Также Каменев прошел медицинское освидетельствование, которое установило, что он физически и умственно здоров и был на момент преступления в «полном разумении».

Манифест 17 октября 1905 года, даровавший гражданские свободы и законодательную Думу, сыграл роль катализатора аграрных выступлений. Крестьяне по-своему интерпретировали царский указ — политические права и Дума их интересовали мало. Несмотря на отсутствие в манифесте освещения аграрного вопроса, жители деревни восприняли «свободу»

CC BY

как разрешение законно захватывать землю и грабить имущество дворян. Видимо, крестьяне толковали появление манифеста как слабость власти. Этнограф В. Тан-Богораз в разгар революции утверждал, что до конституции молодое крестьянство терпело, но после 17 октября «выносить долгое поругание личности и организованный разбой сверху не стало никакой возможности» [Богораз, 1906, с. 109].

31 октября 1905 года крестьяне села Павлодар Никольско-Кабаньевской волости Борисоглебского уезда грабили именье наследников В. Аносова с криками: «Свобода! Воля! Ура!» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 47 б, л. 53]. При нападении на хутор Екатериновка «вожак» из числа молодежи Гришаев говорил толпе, что «теперь им дана свобода и нет ни земских начальников, ни какого-либо начальства» [Там же, д. 43 б, л. 23]. 18 февраля крестьяне слободы Морозовки Острогожского уезда оказали сопротивление полицейским, стражникам и казакам при попытке произвести обыск с целью обнаружения украденных вещей. В толпе численностью до 200 человек раздавалась брань в адрес полиции и крики о «нарушении неприкосновенности личности, дарованной высочайшим манифестом 17 октября» [Там же, д. 47 б, л. 108]. В селе Березовке Борисоглебского уезда по донесению сотника, пристава и урядника двое неизвестных «студентов» вели агитацию, якобы «их послал царь объявить крестьянам манифест о том, что вся земля должна принадлежать крестьянам» [Там же, д. 43 а, л. 49]. Современные исследователи отмечают, что в ходе Первой русской революции со стороны крестьян стали все настойчивее звучать призывы к свободе и равенству [Вязинкин и др., 2022, с. 1299].

3.4. Крестьянские «вожаки» в погромном движении.

Среди крестьян, отправлявшихся на погромы, выделялись «вожаки» или «зачинщики». Их лидерство было недолговечным и ситуативным, но они выполняли важную организаторскую роль. При нападении на хутор Екатериновка «вожак» Гришаев убеждал новобранцев: «Давайте делить, зачем пришли, изобьем всех, раньше все были согласны, а теперь вот никого нет на дело». После не самых активных действий по разгрому именья «вожак» сетовал: «С вами не отберешь земли у господ» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 б, л. 23]. Во время пожара в экономии крестьянин села Гриневки Е. Михалев читал присутствующим бумагу, где говорилось, что усадьбы господ нужно разбивать и жечь [Там же, д. 47 в, л. 14]. После разорения именья Е. И. Чихачева следствие выявило 9 «зачинщиков», которые угрозами и убеждениями склоняли крестьян к беспорядкам и осуществляли руководство погромом [Там же, д. 43 в, л. 116]. По материалам следствия, «вожди» агитировали участников, давали сигналы к началу грабежа, устанавливали маршрут, дату и т. д.

CC BY

Обвиняемый по делу о разгроме хутора, принадлежавшего О. Овсянниковой, З. Моргун утверждал, что участников подговорил крестьянин С. Гладкий. Последний агитировал всех на погром, утверждая, что «он человек богатый, имеет 30 десятин собственной земли и много своей пшеницы для продажи, идет на погром из желания помочь другим разбивать экономию». Однако, несмотря на свое «богатство», С. Гладкий, согласно материалам следствия, взял себе 2 мешка пшеницы, которые пришлись на его долю. Это было «круговой порукой» для участников погрома. По показаниям других участников погрома, Гладкий, призывая односельчан на «забастовку», показывал им револьвер [Там же, д. 47 г, л. 26].

Материалы следствия позволяют рассмотреть процесс вовлечения крестьян в «аграрные беспорядки» со стороны «зачинщиков». По показаниям жителей хутора Харьковский, к погрому их подговаривал крестьянин А. К. Задорожный, распуская слух, что хлеб из экономии будет вывезен и продан. Под влиянием этих разговоров крестьяне собрались в доме другого «зачинщика» Я. Осадчего. В этом «клубе» (по показаниям крестьян) установили время запланированного погрома. Другие инициаторы погрома Ф. Журавлев и А. Кулишенко убеждали сельчан, что «царь дозволяет грабить панов» [Там же, л. 24].

Фиксировались случаи, когда крестьяне шли рубить чужой лес под руководством сельских старост. В хуторе Кошарный Гончаровской волости сельский писарь Е. Федоров убеждал жителей ехать на разгром, показывая какую-то бумагу, где утверждалось, что можно «безнаказанно грабить помещиков». Писарь подкреплял свое предложение тем, что «всюду грабят помещиков», и обещал выписать себе ружье из Тулы [Там же, л. 27]. В том же хуторе староста Ф. Жук, как один из организаторов, склонял жителей к погрому, называя себя «атаманом шайки» и «Ермаком». Кроме того, крестьянский «вожак» осуществлял «разведку» перед погромом. Перед отправлением в экономию Ф. Жук приказал всем имеющим оружие выйти вперед и осуществлял общее «командование». Таким образом, можно сделать вывод, что в погромном движении 1905 года проявляются элементы крестьянской самоорганизации, которые в будущем станут основой повстанческого движения в годы Гражданской войны.

При расследовании разграбления хутора купеческого сына И. В. Емельянова были задержаны «главные подстрекатели» А. П. Немцов и А. А. Каверин и «главный зачинщик» Е. Е. Булавин. Однако, как выяснилось позднее, Немцов во время грабежа встал на стол и стал громко кричать про «свободу» и как её не следует понимать, уговаривал не грабить хлеб, а просить помещиков продавать землю. Каверин также предупреждал о наказаниях за участие в беспорядках [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 в, л. 56].

CC BY

В итоге мнимые зачинщики был выпущены из-под стражи. Подобные факты свидетельствуют о наличии определенного количества крестьян, не желавших принимать участия в грабежах.

3.5. Следствие и суд над участниками «аграрных беспорядков»

Местные судебные органы явно не справлялись со своими обязанностями по выявлению и наказанию виновных в погромах. Весной 1906 года министерство юстиции было вынуждено направить предписание прокурору Саратовской судебной палаты по делу о разгроме именья княгини Шаховской при селе Балыклеи. При погроме были уничтожены все хозяйственные постройки, перерезан весь скот (3000 овец и 160 голов крупного скота), причинен убыток на 300 тысяч рублей. В документе констатировалось, что, несмотря на очевидную тяжесть преступления, к следствию было привлечено только 6 лиц, из которых 4 оставались на свободе. Министр поручал «принять все зависящие меры к дальнейшему беззамедлительному и правильному движению этого дела» [Там же, л. 37]. Предписывалось всех подозреваемых, во избежание побегов, содержать под стражей.

В ответ на письмо министра был направлен рапорт, в котором указывалось, что дознание по делу о грабеже именья княгини Шаховской произведено не было, впрочем, как и по большинству дел об «аграрных беспорядках». Деятельность полиции ограничилось произведенным обыском и изъятием ржи, похожей на украденную, у 10 крестьян [Там же, л. 72]. Множественность подобных случаев и ограниченность личного состава полиции не позволяли провести необходимые следственные мероприятия, даже составить протокол. В итоге состоявшийся 20 мая 1906 года суд оправдал всех шестерых подозреваемых, так как единственный свидетель, управляющий именьем К. Герман, оказался алкоголиком и отказался от своих первоначальных показаний. По его словам, он «был настолько сильно взволнован, что не рассмотрел хорошо, что именно делали указанные им обвиняемые» [Там же, д. 43 г, л. 43]. Данный прецедент показывает, насколько сложным был процесс наказания виновных «обычным» судом. Неэффективность гражданского судопроизводства стала одной из причин введения военно-полевых судов.

Типичным было решение суда по делу об ограблении «Ситовского хутора» наследников Аносова в пределах Никольско-Кабаньевской волости, который оправдал 57 подсудимых из-за отсутствия улик. Примечательно, что в ходе следствия крестьяне признались в совершенном преступлении, но на суде от них отказались [Там же, л. 58]. Из-за отсутствия свидетелей, ночного времени суток, отказов от показаний, плохого ведения дела множество крестьян-погромщиков сумели избежать наказания. Формулировка «дело прекращено за необнаружением виновных» являлась типичной. Подобная «лояльность» в будущем будет способствовать продолжению аграрных вы-

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ступлений. Данный вывод совпадает с мнением Д. И. Люкшина, который утверждал, что «подавляющее большинство выступавших вообще не привлекалось к ответственности за исключением п*о*рок» [Люкшин, 2006, с. 60].

Большинство обвинительных приговоров по делу об «аграрных беспорядках» выносилось по статье 269 части 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, она подразумевала «участие в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие над личностью, похищение или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужое жилище» [Уложение …, 1901, с. 266]. Максимальное наказание при условии применения оружия составляло 8 лет каторжных работ.

Общее количество крестьян, представших перед судом в Тамбовской губернии за «аграрные беспорядки» в октябре-ноябре 1905 года, по неполным данным, насчитывало 1320 человек. Из них в документах указан возраст 196-ти человек. Средний возраст участника выступлений, по расчетам автора, — 35,6 лет (рис. 1). Учитывая то, что большинство несовершеннолетних никак не фигурировали в документах, реальный средний возраст был несколько ниже. Основную массу осужденных составляли крестьяне зрелого возраста. Из осужденных двадцать человек являлись несовершеннолетними, или 10 %. Согласно законодательству Российской империи, в начале XX века полностью дееспособными считались лица, достигшие 21 года. Всего в материалах судов упоминается о 34 несовершеннолетних крестьянах. Молодые люди получали, как правило, более мягкие наказания, в основном 3—4 месяца тюрьмы. Большая же часть несовершеннолетних была оправдана.

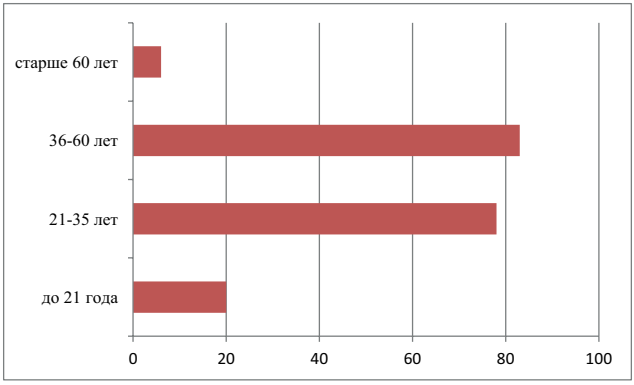

Рис. 1. Возраст крестьян, осужденных за «аграрные беспорядки» осенью 1905 года*

* Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 г, л. 4, 8, 39, 67, 112, 119, 123—139; 43 д. 4,9, 12, 13, 16, 26-39, 58, 78, 80, 102, 104].

CC BY

По данным второй диаграммы (рис. 2), наибольшее количество осужденных получили 8 месяцев тюремного заключения. Общее число людей, получивших большие сроки заключения, было относительно невелико. В силу недостатков ведения следствия значительным был процент оправданий.

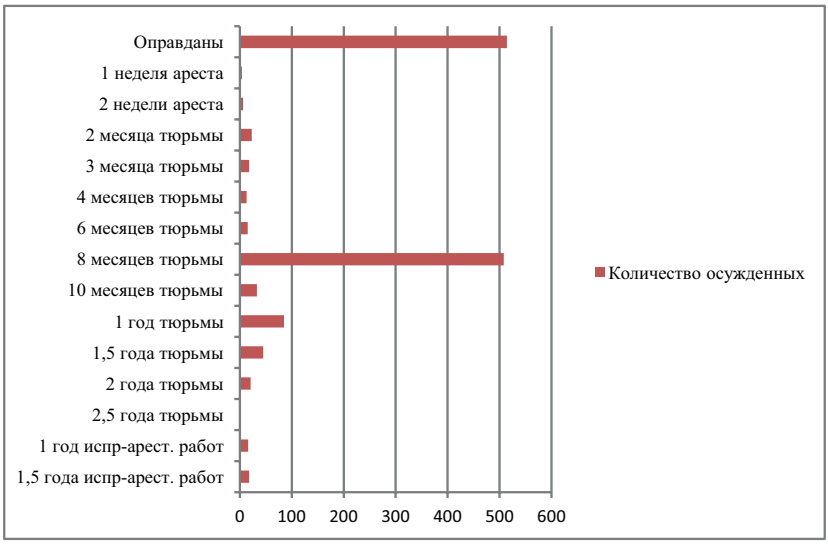

Рис. 2. Приговоры суда по делам об «аграрных беспорядках» осенью 1905 года*

* Источник: [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 г, л. 4, 8, 39, 67, 112, 119, 123—139; 43 д. 4,9, 12, 13, 16, 26—39, 58, 78, 80, 102, 104]

В советской историографии по идеологическим причинам преувеличивалась роль участия партий, и прежде всего большевиков, в организации крестьянских выступлений. Но в документах министерства юстиции осенью 1905 года отмечалось, что «никаких указаний на, то чтобы крестьяне руководятся посторонними агитаторами, до сего времени не было» [РГИА, ф. 1405, оп. 194, д. 43 а, л. 26].

Тем не менее в уездах периодически отмечались случаи революционной агитации. В селе Березовка Борисоглебского уезда были обнаружены прокламации, призывавшие составлять общественный приговор для «удаления» помещиков, а если они не оставляли добровольно имений, применять силу [Там же, л. 49]. На чрезвычайном уездном Тамбовском земском собрании утверждалось, что «беспорядки вызваны агитаторами, склонявшими крестьян к погрому помещичьих усадеб» [Там же, д. 43 в, л. 4]. В Валуйском уезде фиксировалась пропаганда национализации зем-

CC BY

ли, уравнения прав сословий. В слободе Белый Колодез, по данным урядника, агитация велась акушеркой, курсисткой и студентом [Там же, д. 47 б, л. 81]. Политическая пропаганда сыграла свою роль в крестьянских выступлениях, но её значение не стоит преувеличивать.

4. Заключение = Conclusions

В период революции наблюдалась тенденция к сплочению крестьянского социума. Большинство крестьян мобилизовалось на выполнение первостепенных задач, прежде всего на борьбу за землю. Ключевую роль в выступлениях играла молодежь поколения «революционного перелома» и отходники. Подростки в силу своего возраста были склонны к активным действиям в ходе крестьянских выступлений. Наиболее наглядно это проявлялось во время «визитов» молодежи и призывников в помещичьи усадьбы. Побывавшие в городе маргинальные элементы выполняли побудительную роль — вели агитацию, выступали «зачинщиками».

Мозаичность крестьянского самосознания проявлялась в сочетании традиционного монархизма с условно-социалистическими идеями, привнесенными из города. Пролетарские веяния, привнесенные отходниками в деревню, сосуществовали с «курсом» общины на архаизацию земельных отношений. Антидворянские слухи на фоне аграрного переселения в деревне стали фактором, ускорившим социальный взрыв осенью 1905 года. Слухи о «даровании земли» монархом придавали действиям крестьян видимость легитимности. Все большая радикализация жителей деревни проявлялась в решительных требованиях к владельцам земли. В то же время «погромщики» не были готовы к сопротивлению вооруженным отрядам.

Ключевым побудительным мотивом действий крестьян было тяжелое положение деревни в результате неурожая 1904—1905 годов. Голод толкал сельчан на присвоение дворянской собственности. Городские волнения, свидетельствовавшие об ослаблении режима, являлись фактором, усиливающим радикализм деревни. Немаловажное значение имело обнародование манифеста 17 октября, которое воспринималось крестьянами как предоставление «свободы» решить вопрос о земле.

Масштабные крестьянские выступления осенью 1905 года продемонстрировали слабость карательного аппарата царского режима. Полиция и вооруженные силы оказались неспособными на оперативные действия в условиях обширных пространств Центрального Черноземья. Недостаток кадров не позволял полиции вести тщательное расследование по делам об «аграрных беспорядках». В ходе следствия крестьяне демонстрировали «круговую поруку», что еще более затрудняло поиск виновных. Соответственно, решения судов по отношению к участникам «беспорядков» были

CC BY

довольно мягкими. В итоге большинство крестьян избежало наказаний, что способствовало дальнейшим выступлениям.

События 1905 года показали кризис крестьянского хозяйства, а «опора стабильности в деревне» — община — стала играть организационную роль в «аграрных беспорядках». Общинная сплоченность крестьянства обуславливала алгоритм стихийного крестьянского выступления. В то же время немалая часть сельского социума не принимала участия в разгроме дворянских имений.

В ходе «аграрных беспорядков» поколение «революционного перелома» впервые получило опыт противостояния власти. В ходе погромов стали выделяться «вожаки», велась «разведка», применялся принцип «круговой поруки». Крестьяне поколения «революционного перелома», получив опыт организации аграрных выступлений, впоследствии применят его в годы дальнейших потрясений.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 194. Д. 43 а. Лл. 17, 26, 40, 49, 89, 94, 100 ; Д. 43 б. Лл. 14, 20, 23, 38, 43, 49, 51, 74, 89 ; Д. 43 в. Лл. 4, 14, 37, 56, 72, 75, 116 ; Д. 43 г. Лл. 4, 8, 39, 43, 58, 67, 112, 119, 123—139 ; 43 д. 4,9, 12, 13, 16, 26—39, 58, 78, 80, 102, 104 ; Д. 47 а. Лл. 4, 6, 7, 20, 39, 80, 90, 102 ; Д. 47 б. Лл. 3, 8, 10, 53, 58, 81, 108 ; Д. 47 в. Лл. 14, 112 ; Д. 47. г. Лл. 24, 26, 27, 29, 89, 94, 95.

2. *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. — 931 с.

Литература

1. *Андреев В. Д.* 1905 г. : Крестьянское движение в Тамбовской губернии / В. Д. Андреев. — Тамбов : Пролетарский светоч, 1925. — 132 с.

2. *Безгин В. Б.* Погромное движение 1905—1907 гг. и повстанчество 1920—1922 гг. тамбовского крестьянства : общее и отличие / В. Б. Безгин // История : факты и символы. — 2017. — № 3. — С. 20—27.

3. *Безгин В. Б.* Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905—1907 годов / В. Б. Безгин // Крестьяноведение. — 2023. — Т. 8. — № 3. — С. 63—77. — DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77.

4. *Богораз В. Г.* Новое крестьянство / В. Г. Богораз. — Санкт-Петербург : Народная мысль, 1906. — 120 с.

5. *Бухарев В. М.* Российская смута начала XX века как общинная революция / В. М. Бухарев, Д. И. Люкшин // Историческая наука в меняющемся мире. — Казань : Изд-во Казанского университета, 1994. — Выпуск 2. — С. 154—160.

6. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 367 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.

CC BY

7. *Вронский О. Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений (1905—1917) / О. Г. Вронский. — Москва : МПГУ, 2000. — 418 с. — ISBN 5-88422-251-3.

8. *Вязинкин А. Ю.* Крестьянский традиционализм в годы “революционного перелома” / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 27. — № 5. — С. 1296—1303. — DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303.

9. *Гаврилюк И. В.* Крестьянское движение в Орловской губернии в период Первой российской революции 1905—1907 гг. : автореферат диссертации … кандидата исторических наук : 07.00.02. — Воронеж, 2013. — 23 с.

10. *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. / С. М. Дубровский. — Москва : Изд-во акад. наук, 1956. — 168 с.

11. *Ипполитов В. А.* Революция 1905—1907 гг. В воспоминаниях крестьян Тамбовской губернии / В. А. Ипполитов // Вестник архивиста. — 2023. — № 3. — С. 726—738. — DOI: 10.28995/2023-0101-2023-3-7-726-738.

12. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в России в годы Первой российской революции / В. В. Кондрашин // Северо-Запад в аграрной истории России. — 2020. — № 26. — С. 195—212.

13. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

14. *Люкшин Д. И.* Вторая российская смута : крестьянское измерение / Д. И. Люкшин. — Москва : АИРО, 2006. — 142 с. — ISBN 5-91022-012-8.

15. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Булганин, 2015. — Т. 2. — 912 с. — ISBN 978-5-86007-786-7.

16. *Нефедов С. А.* История России : факторный анализ / С. А. Нефедов. — Москва : Территория будущего. — 2010. — Т. 2. — 685 с. — ISBN 978-5-91129-075-7.

17. *Разиньков М. Е.* Аграрное движение в центральном Черноземье в 1905—1917 гг. : к вопросу о зонах минимальной конфликтности / М. Е. Разиньков // Вопросы истории. — 2021. — № 7—1. — С. 33—45. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi03.

18. *Сафонов Д. А.* Крестьянское поколение «революционного перелома» : начало становления / Д. А. Сафонов // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2023. — Т. 28. — № 3. — С. 673—688. — DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688.

19. *Сенчакова Л. Т.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. / Л. Т. Сенчаков. — Москва : Наука, 1989. — 264 с. — ISBN 5-02-008458-1.

20. *Степынин В. А.* Крестьянство Черноземного центра в революции 1905—1907 гг. / В. А. Степынин. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1991. — 166 с. — ISBN 5-7455-0422-6.

21. *Тюкавкин В. Г.* Крестьянство России в период трех революций : Кн. для учителя / В. Г. Тюкавкин, Э. М. Щанин. — Москва : Просвещение, 1987. — 206 с.

22. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

23. *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 гг. 1917—1922 / Т. Шанин. — Москва : Весь мир, 1997. — 590 с. — ISBN 5-7777-0039-X.

24. *De Laubier P.* 1905 : mythe et réalité de la grève Générale : le mythe français et la réalité russe / P. De Laubier. — Paris : Éd. univ., 1989. — 272 p. — ISBN 2-71113-0367-5.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024,
одобрена после рецензирования 23.03.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

RGIA — *The Russian State Historical Archive.* (In Russ.).

The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. (1901). St. Petersburg: State Printing House. 931 p. (In Russ.).

References

Andreev, V. D. (1925). *1905: The peasant movement in the Tambov province.* Tambov: Proletarian svetoch. 132 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2023). Peasant children and adolescents in agrarian performances of 1905—1907. *Krestyanovedenie, 8 (3):* 63—77. DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2017). Pogrom movement of 1905—1907 and the insurgency of 1920—1922 of the Tambov peasantry: common and different. *History: facts and symbols, 3:* 20—27. (In Russ.).

Bogoraz, V. G. (1906). *New peasantry.* St. Petersburg: Narodnaya mysl. 120 p. (In Russ.).

Bukharev, V. M., Lyukshin, D. I. (1994). The Russian turmoil of the beginning of the XX century as a communal revolution. In: *Historical science in a changing world, 2.* Kazan: Publishing House of Kazan University. 154—160. (In Russ.).

De Laubier, P. (1989). *1905: mythe et réalité de la grève Générale: le mythe français et la réalité russe.* Paris: Éd. univ. 272 p. ISBN 2-71113-0367-5. (In Paris.).

Dubrovsky, S. M. (1956). *The peasant movement in the revolution of 1905—1907.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences. 168 p. (In Russ.).

Gavrilyuk, I. V. (2013). *The peasant movement in the Orel province during the First Russian Revolution of 1905—1907.* Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 23 p. (In Russ.).

Ippolitov, V. A. (2023). Revolution of 1905—1907. In the memoirs of peasants of the Tambov province. *Bulletin of the archivist, 3:* 726—738. DOI: 10.28995/2023-0101-2023-3-7-726-738. (In Russ.).

Kondrashin, V. V. (2020). The peasant movement in Russia during the First Russian Revolution. *The North-West in the agrarian history of Russia, 26:* 195—212. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5:* 7—14. (In Russ.).

Lyukshin, D. I. (2006). *The Second Russian Turmoil: the peasant dimension.* Moscow: AIRO. 142 p. ISBN 5-91022-012-8. (In Russ.).

Mironov, B. N. (2015). *The Russian Empire: from tradition to modernity: in 3 volumes, 2.* St. Petersburg: Dmitry Bulganin. 912 p. ISBN 978-5-86007-786-7. (In Russ.).

Nefedov, S. A. (2010). *History of Russia: factor analysis, 2.* Moscow: The Territory of the Future. 685 p. ISBN 978-5-91129-075-7. (In Russ.).

Razinkov, M. E. (2021). Agrarian movement in the central Chernozem region in 1905—1917: on the issue of zones of minimal conflict. *Questions of history, 7—1:* 33—45. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202107Statyi03. (In Russ.).

Safonov, D. A. (2023). The peasant generation of the "revolutionary turning point": the beginning of formation. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 28 (3):* 673—688. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-3-673-688. (In Russ.).

Senchakova, L. T. (1989). *The peasant movement in the revolution of 1905—1907.* Moscow: Nauka. 264 p. ISBN 5-02-008458-1. (In Russ.).

Shanin, T. (1997). *Revolution as a moment of truth. Russia 1905—1907, 1917—1922.* Moscow: The Whole World. 590 p. ISBN 5-7777-0039-X. (In Russ.).

Shanin, T. (2005). The history of generations and generational history. *Man. Community. Management, 3:* 6—25. (In Russ.).

Stepynin, V. A. (1991). *The peasantry of the Chernozem center in the revolution of 1905—1907.* Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 166 p. ISBN 5-7455-0422-6. (In Russ.).

Tyukavkin, V. G. (1987). *The peasantry of Russia in the period of three revolutions: A book for a teacher.* Moscow: Prosveshchenie. 206 p. (In Russ.).

Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the Stalin era: Collectivization and culture of peasant resistance.* Moscow: ROSSPEN. 367 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).

Vronsky, O. G. (2000). *The state power of Russia and the peasant community in the years of great upheavals (1905—1917).* Moscow: MPSU. 418 p. ISBN 5-88422-251-3. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu. (2022). Peasant traditionalism in the years of the "revolutionary turning point". *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 27 (5):* 1296—1303. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303. (In Russ.).

The article was submitted 26.01.2024;
approved after reviewing 23.03.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Казиев Э. В. Аланы и Чингизидские государства в XIII—XV веках / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 427—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-427-444.

Kaziev, E. V. (2024). Alans and Chingizid States in 13th-15th Centuries. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 427-444. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-427-444. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus DOAJ NSD ERIH PLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Аланы и Чингизидские государства в XIII—XV веках

Казиев Эдуард Викторович
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
ScopusAuthorID 57202302446
старший научный сотрудник
kedmon@rambler.ru

Институт истории и археологии
Республики Северная Осетия-Алания
(Владикавказ, Россия)

Alans and Chingizid States in 13th-15th Centuries

Eduard V. Kaziev
orcid.org/0000-0003-4386-248X
WoS ResearcherID: L-9777-2018
ScopusAuthorID 57202302446
senior research scientist
kedmon@rambler.ru

Institute of History and Archeology
of the Republic of North Ossetia-Alania
(Vladikavkaz, Russia)

© Казиев Э. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье исследуется проблема отношений алан с монголами в период глобальной экспансии последних. Целью является изложение главных исторических сюжетов по указанной проблеме. Материалами исследования послужили разноязычные письменные источники XIII—XVI веков. Историко-генетический подход позволил представить соответствующие сведения источников вне контекста конкретных исследований различных аспектов проблемы. В результате алано-монгольские отношения прослежены в комплексе исторических событий, процессов и явлений, составивших монгольскую экспансию. Сделаны выводы о том, что аланы, населявшие различные регионы Евразии, оказались втянутыми в орбиту внутри- и внешнеполитической жизни Монгольской империи. Утверждается, что Кавказская Алания, несмотря на тяжелые последствия монгольского завоевания, смогла встроиться в систему экономической и политической жизни Золотой Орды, тогда как аланские поселенческие анклавы и округа, располагавшиеся в ее западной и восточной части, а также аланы, оказавшиеся в Монголии и в Китае, были ассимилированы. Кроме того, показано, что союзническо-вассальные отношения с Джучидами сыграли роковую роль и для северокавказских алан, втянув их в противостояние с империей Тимура на стороне хана Тохтамыша.

Ключевые слова:
аланы; Монгольская империя; Улус Джучи; империя Юань.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the relationship between the Alans and the Mongols during the latter's global expansion. The aim is to present the main historical narratives on this issue. Various multilingual written sources from the 13th-16th centuries were used for the research. The historical-genetic approach allowed for the presentation of relevant source information outside the context of specific studies on different aspects of the problem. As a result, Alan-Mongol relations are traced within the complex of historical events, processes, and phenomena that constituted Mongol expansion. Conclusions are drawn that the Alans, inhabiting various regions of Eurasia, were drawn into the orbit of the internal and external political life of the Mongol Empire. It is asserted that despite the severe consequences of Mongol conquest, Caucasian Alania managed to integrate into the economic and political system of the Golden Horde, while Alan settlement enclaves and districts in its western and eastern parts, as well as Alans in Mongolia and China, were assimilated. Additionally, it is shown that ally-vassal relations with the Jochids played a crucial role for the North Caucasian Alans, involving them in confrontation with Timur's empire on the side of Khan Tokhtamysh.

Key words:
Alans; Mongol Empire; Jochid Ulus; Yuan Empire.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.65+517.3)“12/14”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-427-444

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Аланы и Чингизидские государства в XIII—XV веках

© Казиев Э. В., 2024

1. Введение = Introduction

Среди огромного числа средневековых письменных источников, описывающих монгольские завоевания и / или их последствия для народов Евразии, имеется множество исторических повествований, сведения которых прямо упоминают алан, позволяя тем самым выделить проблему исследования различных аспектов их отношений с монголами.

В ново-историческое время такого рода сведения одним из первых опубликовал глава французской коллегии ордена иезуитов в Пекине А. Гобиль (отец Антоний) [Gaubil, 1739, p. 40—41, 147, 172, 227—242]. За прошедшие без малого три столетия число научных работ, в которых использовались такого рода сведения, многократно превысило количество известных письменных источников, такие сведения содержащих. Тем не менее есть лишь небольшой ряд работ, непосредственно рассматривающих алано-монгольские отношения. Однако эти работы либо исследуют различные вопросы взаимоотношений алан и монгольской династии Юань [Туаллагов, 2019; Чибиров, 2019, с. 5] и вопросы положения алан в общеимперских монгольских властных порядках [Казиев, 2023а, с. 351], либо рассматривают вопросы, относимые к ходу аланской кампании в Западном походе монголов [Minorsky, 1952, с. 221; Sprinkle, 2022, с. 2, 10, 21; Казиев, 2022, с. 5] и положению алан в Улусе Джучи [Бубенок, 2004].

Вместе с тем большое количество опубликованных письменных источников по указанной проблеме актуализирует обзор их соответствующих основных сведений, позволяющий выделить главные исторические сюжеты этой проблемы вне контекста множества исследований ее различных узких аспектов[1].

Такой историко-генетический подход позволяет проследить алано-монгольские отношения в комплексе исторических событий, процессов и

1 Подробный историографический обзор см.: [Казиев, 2023б].

CC BY

явлений, составивших средневековую монгольскую экспансию в Евразии, определяя научную новизну настоящего исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основу исследования составили сведения ряда разноязычных средневековых и более поздних летописей и письменных источников других видов, содержащих сведения о социально-политическом положении Алании накануне ее монгольского завоевания, сведения о самом завоевании и о его последствиях для алан и Алании, а также сведения о службе алан монгольским каанам, юаньским императорам и монгольским улусным владетелям.

Прежде всего это сведения из китайской официальной «Истории Юань», составленной в 1368 году Сун Лянем и другими авторами [ЮШ], а также сведения из монгольской хроники середины XIII века «Сокровенное сказание» [СС].

Значительная часть сведений взята из арабоязычных источников: летописи «Совершенство по части летописания» историка первой половины XIII века Иззуддиина Абу-л-Хас'ана Али ибн Мухаммада аль-Джазари, известного как Ибн аль-Асир [ЗОИ, 2003, с. 11]; «Словаря стран» географа и путешественника Йакута ар-Руми ал-Хамави, посещавшего Азербайджан между 1213 и 1224 годами [Yaqut, 1861]; энциклопедического компендиума первой половины XIV века «Пути взора по главным державам» Шихаб ад-дина Ахмеда ибн Яхья ибн Фадлаллаха ал-Омари ад-Димашхи [ЗОИ, 2003, с. 101]; летописи первой четверти XIV века «Сливки размышления по части летописания хиджры» египетского эмира Рукн ад-дина Бейбарса аль-Мансури аль-Мысри [ЗОИ, 2003, с. 52]; исторического труда второй половины XIV века «Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, иноземцев и берберов» каирского кадия Абу Зейд 'Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Халдуна аль-Хадрами аль-Ашбили [ЗОИ, 2003, с. 169]; труда «Видный сад в жизнеописании ал-Малика аз-Захира» секретаря египетского султана Аль-Малика аз-Захира Рукн ад-дина Бейбарса, правившего с 1260 по 1270 годы, Мухйи ад-дина Абу-л-Фазла 'Абдаллаха ибн Абд аз-Захира [ЗОИ, 2003, с. 40]; труда «Подарок созерцающим о диковинах городов и чудесах странствий» купца и путешественника XIV века Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн Баттуты [ЗОИ, 2003, с. 125].

Из персидских хроник использовались сведения из «Истории завоевателя мира», составленной в 1260 году Ала ад-дином Ата-Меликом Джувейни [Джувейни, 2004] и продолженной в начале XIV века как «История Вассафа» Вассафом ал-Хазратом [ЗОИ, 2003, с. 264]; сведения из «Сборника летописей», составленного около 1310 года Рашид ад-дином Фазл Аллахом Хамадани [Рашид ад-дин, 1946; Рашид ад-дин, 1952; Рашид ад-дин, 1960]; сведения

CC BY

из «Книги побед» летописца Тимура начала XIV века Низам ад-дина Абд ал-Васи аш-Шами [ЗОИ, 2003, с. 288], а также сведения из более поздней летописи о деяниях Тимура с аналогичным названием, составленной в 1427/1428 годах Шараф ад-дином Али Йазди [ЗОИ, 2003, с. 328; Йазди, 2008].

Из русских хроник XIV—XVI веков использовались сведения Лаврентьевской, Новгородской I старшего извода, Новгородской IV, Воскресенской, Никоновской летописей, а также сведения из Рогожского летописца и «Повести о Михаиле Тверском» [ПСРЛ, т. 1; Новгородская ..., 1950; ПСРЛ, т. 4; ПСРЛ, т. 7; ПСРЛ, т. 11; ПСРЛ, т. 15; Кучкин, 1999].

Грузинские источники представлены сведениями из анонимного общегрузинского хронографа XIV века «Столетняя летопись» [КЦ, 2008], а также сведениями из локальной летописи начала XV века «Памятник эриставов» ксанских [Какабадзе, 1970]. Из армянских источников второй половины XIII века. В работу вошли сведения из «Всеобщей истории» Вардана Великого и «Истории Армении» Киракоса Гандзакеци [ЗОИ, 2019, с. 122, 174].

Из византийских источников использованы сведения из «Аланского послания» епископа Алании Феодора Никейскому патриарху Герману II, написанного в Алании в 1225 году [Епископа Феодора ..., 2000], сведения из «Исторических записок», составленных в начале XIV века Георгием Пахимером [Georgius Pachymeres, 1835], а также сведения из Акта Константинопольского патриархата №352 от 1356 года о синодальном низложении митрополита, называемого «Аланийским архиереем» [ДАКП, 1867].

Латиноязычные источники представлены сведениями из повествований монаха-доминиканца Юлиана, проследовавшего через Аланию в 1235 году [Аннинский, 1940], послов-миноритов Иоанна де Плано Карпини и Гийома де Рубрук, побывавших в Улусе Джучи и в Монголии соответственно в 1245—1246 и 1253—1255 годах [Путешествие..., 1957, с. 8, 14].

Кроме того, в исследовании использованы сведения из воспоминаний испанского дипломата Руя Гонсалеса де Клавихо, находившегося при дворе Тимура в 1404—1405 годах [де Клавихо, 1881], немецкого солдата Иоанна Шильтбергера, находившегося при дворе наследников Тимура и побывавшего в 20-е годы XIV века в Грузии и Золотой Орде [Брун, 1897], а также сведения из повествования венецианского торговца Иосафата Барбаро, проживавшего в Тане / Азаке (совр. Азов) в 1436—1452 годах [Барбаро и Канторини ..., 1971].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Первое известное столкновение алан с монголами

Первые известные сведения о взаимоотношениях алан с монголами в эпоху Чингиз-хана и Чингизидов относятся ко времени рейда 1221—

CC BY

1224 годов монгольских полководцев Джэбэ-нойона и Субэдэй-баатура, в ходе которого тумены этих полководцев, выйдя из Средней Азии, прошли через Иран, Южный и Северный Кавказ, Северное Причерноморье и Приазовье, а также Нижнюю Волгу, вернувшись затем в Монголию. Как сообщают Ибн аль-Асир и Рашид ад-Дин, проходя через Северный Кавказ, монгольские тумены вторглись в Аланию; аланы в союзе с половцами вступили с ними в битву, которую проиграли вследствие предательства своих союзников [ЗОИ, 2003, с. 26; Рашид ад-дин, 1952, с. 229; Алемань, 2003, с. 337—338].

Несмотря на это обстоятельство, вследствие указанного рейда Алания не утратила своей политической независимости, о чем свидетельствует жизнеописание Субэдэя «Истории Юань», где в сведениях об этих событиях говорится, что войска Субэдэя лишь «вторглись в область асов и вернулись обратно» (略阿速部而還) [ЮШ, с. 2976][1]. Кроме того, в монгольском «Сокровенном сказании» отмечаются «затруднения», в которые были поставлены Джэбэ и Субэдэй, проходя через земли алан, черкесов, русских, кипчаков и волжских булгар, учтенные монгольской элитой при планировании Западного похода 1236—1243 годов, среди целей и результатов которого «Сокровенное сказание», Ала ад-дин Джувейни, Вассаф аль-Хазрат, Рашид ад-дин, а также «История Юань» называют покорение алан и взятие аланского города Магас [СС, с. 192, 194; Джувейни, 2004, с. 184—185, 399; Рашид ад-дин, 1960, с. 39; ЮШ, с. 36; ЗОИ 2003, с. 268; ЗОИ, 2009, с. 175].

3.2. Монгольский Западный поход и его последствия для алан и Алании

Согласно Рашид ад-дину, аланскую кампанию в Западном походе монголов проводили тумены Центральных монгольских улусов под командованием Мункэ (будущий четвертый каан) и Гуюка (будущий третий каан), взявшие Магас после месячной осады зимой 1239—1240 годов [Рашид ад-дин, 1960, с. 39]. «История Юань» относит это событие к тому же времени, однако сообщает, что город был взят после трехмесячной осады [ЮШ, с. 36, 3011; ЗОИ, 2009, с. 175, 242].

Сведения, содержащиеся в хрониках Джувейни, Рашид ад-дина и в «Истории Юань», сообщают о том, что перед аланской кампанией тумены Мункэ и Субэдэя провели кампании против выразивших покорность, но затем возмутившихся алан, проживавших по Нижней Волге, и союзных им булгар и олбурлик-кипчаков, кочевавших в Северо-Восточном Прикаспии, пришедшиеся, на зиму 1236 — весну 1237 годов [Джувейни, 2004,

1 Р. П. Храпачевский переводит это предложение как «усмирили народ асов и вернулись» [ЗОИ, 2009, с. 228].

CC BY

с. 399—400; Рашид ад-дин, 1960, с. 37–38; ЮШ, с. 35, 2977, 3011; ЗОИ, 2009, с. 173–174; 230, 243].

В «Истории Юань» представлены биографии целого ряда аланских военачальников, содержащие сведения о признании монгольской власти многими кавказскими аланскими владетелями, включая и «правителя страны асов» *Ханхусы / Анхэсы*, при том, что, как сообщают епископ Алании Феодор, монах-доминиканец Юлиан, а также арабский географ Йакут ар-Руми ал-Хамави, Алания в то время не была политически единой страной и в ней отсутствовало церковное единоначалие [Yaqut, 1861, с. 51; Аннинский, 1940, с. 73, 78—79, 96—97; Епископа Феодора ..., 2000, с. 209], хотя, как можно предполагать, страна и находилась во владении одной династии, о чем свидетельствует Аль-Омари, сообщающий о наличии института царской власти в Алании даже после монгольского нашествия [ЗОИ, 2003, с. 103; Алемань, 2003, с. 359—360].

В «Истории Юань» говорится, что в ходе аланской кампании, кроме *Ханхусы*, монголам покорился его сын *Атачи*, его вассал *Еле-Бадуэр*, крупный удельный владетель *Аэрсылань*, а также мелкие удельные владетели — *Бадуэр*, *Уцзоэрбухань* и *Матаэрша* [ЮШ, с. 3205, 3208, 3038, 3212]. Аланский правитель и владетели покорялись вместе со своими дружинами, которые принимали участие в военных действиях на стороне монголов, в том числе и в осаде и штурме аланского города *Магас*, что также подтверждают сведения юаньской хроники [ЮШ, с. 3212; Алемань, 2003, с. 531].

Как указано в «Истории Юань», по окончании аланской кампании часть войск аланских владетелей была оставлена монголами, «чтобы держать в покорности пределы» Алании, тогда как другая их часть была включена в состав гвардии Мункэ и отправилась вместе с ним в Монголию [ЮШ, с. 3208, 3205—3206, 3038; Алемань, 2003, с. 525]. Впоследствии эти аланы и их потомки приняли участие в монгольских междоусобицах, в завоевании Южного Китая, в подавлении антимонгольских восстаний, и после свержения династии Юань в 1368 году вместе со всем императорским двором они ушли в Монголию, где, ассимилировавшись, стали монгольской народностью *асуты* [Алемань, 2003, с. 528—530; Казиев, 2023б, с. 99, 112, 121; Очир, 2016, с. 15—17].

По окончании Западного похода Осетия, согласно «Столетней летописи», оказалась во владениях Джучида Бату [КЦ, 2008, с. 361]. Из сведений Гийома де Рубрука, проходившего в 1255 году на обратном пути из монгольской столицы Каракорума через Восточный Кавказ, и сведений Рашид ад-дина известно, что после Западного похода степи Восточного Прикаспия стали уделом Берке, приходившегося Бату младшим братом [Путешествие..., 1957, с. 91, 117; Рашид ад-дин, 1946, с. 60]. Между тем, как пишет все тот же Гийом де Рубрук, Мункэ, бывший в то время монгольским каа-

CC BY

ном, владел замком в Алании, поскольку «он покорил ту землю» [Путешествие ..., 1957, с. 186]. Последние сведения позволяют предполагать, что территория Алании не входила в состав владений Джучидов и находилась под управлением монгольского каана. Однако если такое положение дел и имело место, то продолжалось оно очень недолго, поскольку, согласно сведениям Вардана Великого, Бату незадолго до своей смерти передал своему сыну Сартаку «власть свою с присовокуплением к тому же владений Мангу-хана» [ЗОИ, 2019, с. 141]. Вероятно, имеется в виду и Алания, которая, как пишет Гийом де Рубрук, находилась к югу от владений Сартака, располагавшихся на запад от Волги [Путешествие ..., 1957, с. 108, 111, 185, 186].

Часть алан, в особенности проживавших в горной зоне, осталась непокоренной монголами и продолжала оказывать сопротивление завоевателям, о чем свидетельствуют Гийом де Рубрук и Джованни де Плано Карпини, посещавший монгольский двор в Каракоруме за десять лет до Рубрука [Путешествие ..., 1957, с. 111, 186, 57, 64], а также «История Юань», сообщающая о гибели аланского правителя *Ханхусы* и сына владетеля *Аэрсыланя*, *Асаньчжэня*, в боях с повстанцами [ЮШ, с. 3038, 3205; Алемань, 2003, с. 524, 525; ЗОИ, 2009, с. 244, 245].

В 1254 году, как пишет Киракос Гандзакеци, Мункэ-каан и Бату провели перепись населения на Северном и Южном Кавказе [ЗОИ, 2019, с. 200—201]. «Столетняя летопись» сообщает, что эта перепись была проведена и в Алании [КЦ, 2008, с. 363]. Проведение переписи могло являться следствием соглашения о разделе сфер влияния между Бату и Мункэ (то есть о фактическом разделе Монгольской империи между Джучидами и Тулуидами), заключённого в 1251 году в обмен на поддержку Мункэ со стороны Бату в борьбе за престол каана с Угэдэидами и Чагатаидами [Рашид ад-дин, 1960, с. 130, 129, 131, 130—136; Джувейни, 2004, с. 407, 410—411; Путешествие ..., 1957, с. 135].

3.3. Аланы и Ильханы

После смерти Бату в 1255 году и прихода к власти Берке, исповедовавшего ислам, началось противостояние за контроль над Кавказским перешейком между ним и братом Мункэ, Хулагу, правившем в Иране. В этом противостоянии часть аланской правящей элиты заняла сторону Хулагу, но после того, как его армия потерпела поражение, многие ее представители, как сообщает «Столетняя летопись», в том числе и представители правящей династии *Ахсартаггата*, были вынуждены уйти из Алании через Дербентский проход в Иран, где Хулагу включил их в свое войско и разрешил селиться в Грузии в городах Дманиси и Жинвали [КЦ, 2008, с. 372].

Согласно сведениям той же «Столетней летописи», а также грузинской хроники «Памятник эриставов», представляющей историю ксанских эри-

CC BY

ставов, происходивших из аланского рода *Сидамонтæ* (Сидамоновых), аланы, расселённые Хулагу в Грузии, приняли активное участие в грузинских междоусобицах, являвшихся следствием противостояния в ее рядах противников и сторонников монгольской власти, в которых пришедшие с Северного Кавказа аланы с царевичами *Фареджаном* и *Бакатаром* всегда были на стороне промонгольской грузинской партии, тогда как ксанские эриставы всегда занимали противоположную сторону [Джанашвили, 1897, с. 193; КЦ, 2008, с. 392, 393, 394, 395, 402—403; Какабадзе, 1970, с. 112—113].

Кроме того, аланы, оказавшиеся на Южном Кавказе, привлекались ильханами и на непосредственную военную службу. Из грузинских хроник известно, что в царствование Вахтанга II (1289—1292) царевич Давид во главе грузинских князей и «Пареджан, сын овсского царя», по воле монгольских хаканов» ходили походом в Малую Азию [Джанашвили, 1897, с. 45]. Также аланы упоминаются в грузинских источниках среди сведений о походе в Гилян в 1307 году [КЦ, 2008, с. 411].

Вероятно, какую-то поддержку Хулагуидам продолжали оказывать и северокавказские аланы, поскольку, согласно Лаврентьевской, Новгородской 4, Воскресенской и др. русским летописям, внук Бату Менгу-Темур вместе с вассальными ему северо-восточными русскими князьями совершил поход на аланский город Дедяков, который они взяли и разорили 8 февраля 1278 года [ПСРЛ, т. 1, с. 367; ПСРЛ, т. 4, с. 243; ПСРЛ, т. 7, с. 173].

3.4. Аланы и беклярбек Ногай

Вместе с тем в ряде письменных источников содержатся сведения об аланах, служивших и Джучидам. Византийский историк Георгий Пахимер в своих «Исторических записках», составленных в начале XIV века, сообщает, что после смерти в 1300 году Джучида Ногая, владевшего землями между Нижним Днепром и устьем Дуная и принимавшего активное участие в противостоянии Джучидов и Хулагуидов на Северном и Южном Кавказе, а также бывшего влиятельной внутриполитической фигурой в самом Улусе Джучи, служившие ему аланы численностью шестнадцать тысяч человек перешли под покровительство византийского императора Андроника II Палеолога [Georgius Pachymeres, 1835, p. 307]. Предполагается, что это были не северокавказские аланы, но аланы, проживавшие в Крыму и Нижнем Подонье [Вернадский, 2013, с. 196—197], пришедшие в Молдавию в середине XIII века [Алемань, 2003, с. 332]. Впоследствии они приняли участие в составе византийских войск в боях с турками, и в конце концов большая их часть погибла в этих боях, а также в ходе конфликта с альмогаварами, также служившими византийскому двору [Alemany, 1990, p. 274—278; Алемань, 2003, с. 287—291].

CC BY

У подунайских алан, как сообщает Рукн ад-дин Бейбарс, скрывался сын Ногая, Джеку, после проигранной им междоусобицы в отцовском улусе [ЗОИ, с. 64; Алемань, 2003: 331—332; Вернадский, 2013, с. 207]. Ибн Халдун добавляет к этим сведениям то, что Джеку был атакован своим эмиром Тунгузом и зятем Тазом после «похода против страны аланов и русских» [ЗОИ, 2003, с. 173], однако непонятно, что понимается Ибн Халдуном под «страной аланов» [Алемань, 2003, с. 342].

Вместе с тем общее упоминание им «*страны аланов и русских*» позволяет предполагать, что под таким наименованием могут пониматься пограничные улусу Ногая русские княжества, а также территории к югу от них, в которых имелись аланские поселения. В одном из таких поселений, расположенном на правом берегу р. Днепр неподалеку от нынешнего г. Канев, где старшиной был некий алан по имени *Михей*, останавливалась в феврале 1246 года папская посольская миссия Иоанна де Плано Карпини [Путешествие ..., 1957, с. 67—68]. Гийом де Рубрук также сообщает об аланах, которых он встречал на своем пути летом 1253 года из крымской Солдайи в низовья Волги, когда следовал северным берегом Азовского моря [Там же, с. 105, 106]. Из сведений Рукн ад-дина Бейбарса также известно, что темник Ногай в 1299 году после убийства в Крыму своего внука, Актаджи, отправил туда карательное войско, которое, взяв генуэзскую Кафу, устроило там погром, пленив множество купцов, в том числе и аланских [ЗОИ, 2003, с. 61].

Несмотря на такого рода эксцессы, аланские купцы в конфликте Джучидов и Хулагуидов могли выполнять для монгольских правителей и дипломатические функции. Ибн Абд аз-Захир сообщает о письме султана Бейбарса к правителю Улуса Джучи Берке, доставленном «одним лицом из аланских купцов», в котором султан призывает мусульманина Берке начать священную войну против его двоюродного брата ильхана Хулагу [ЗОИ, 2003, с. 40; Алемань, 2003, с. 336—337], уничтожившего халифат Аббасидов.

Об аланском квартале в золотоордынской столице Сарай-Берке, существовавшем в период правления хана Узбека (1313—1341 годы) и, вероятно, ранее, пишет Ибн Баттута, побывавший в этом городе летом 1331 года [ЗОИ, 2003, с. 143; Алемань, 2003, с. 339—340]. Одна же из ставок самого хана Узбека, проводившего в столице лишь часть года, располагалась в Восточной Алании, о чем сообщает в «Повести о Михаиле Тверском» духовник этого князя игумен Александр, бывший очевидцем его убийства в ставке «под городом Тютяковым» (Дедяковым, арх. городище Верхний Джулат в РСО-Алания), случившегося в феврале 1318 года [Кучкин, 1999, с. 151; ПСРЛ, т. 7, с. 194; Алемань, 2003, с. 495—496; Вернадский, 2013, с. 217].

После смерти в 1359 году хана Бердибека в Улусе Джучи пресеклась линия потомков Бату, и представители других линий Джучидов теперь имели

CC BY

формальное право претендовать на титул верховного улусного правителя. Благодаря этому обстоятельству период 60—70-х годов XIV века в домене старшего сына Чингиз-хана характеризуется междоусобной борьбой различных Джучидских династических группировок [Варваровский, 1999, с. 277] и получает в русских летописях название «*замятня велика*» [ПСРЛ, т. 15, с. 68—69].

В ходе этой борьбы в западной части Улуса Джучи (к западу от Волги) фактически утвердился крымский темник и зять хана Бердибека Мамай при номинальном правлении своих Джучидских ставленников [ЗОИ, 2003, с. 175—176; ПСРЛ, т. 4, с. 311; Варваровский, 1999, с. 278, 281, 283]. В сведениях Новгородской 4 летописи, а также в сведениях Никоновской летописи содержатся сведения о том, что наемники-аланы входили в войско Мамая во время проигранной им Куликовской битвы [ПСРЛ, т. 4., с. 311; ПСРЛ, т. 11, с. 46; Алемань, 2003, с. 496; Варваровский, 1999, с. 284; Вернадский, 2013, с. 277].

3.5. Аланы в противоборстве Тохтамыша и Тимура

Одним из последствий Куликовской битвы стало недолгое объединение улусных владений Джучидов под властью Тукай-Тимурида Гийас ад-дина Тохтамыша. Тохтамыш захватил золотоордынский престол при поддержке правителя Мавераннахра Тимура, но вскоре вступил с ним в многолетнее противодействие. Аланы в этом противостоянии были на стороне золотоордынского правителя. В конце 1388 года, как сообщает Шараф ад-дин Йазди, контингенты аланских воинов из Азака / Таны были в войске Тохтамыша, осуществлявшего неудачное вторжение в Мавераннахр [МИЗОУД, 2003, с. 338; Йазди, 2008, с. 130, 400; Вернадский, 2013, с. 290], о котором также сообщает и Низам ад-дин Шами [МИЗОУД, 2003, с. 393].

На основании сведений Шараф ад-дина Йазди о том, что Тохтамыш пополнял свое войско в области *Джулат* из местных жителей [Йазди, 2008, с. 196; ЗОИ, 2003, с. 354], также можно предполагать, что аланы были в войске Тохтамыша и во время его решающей битвы с Тимуром, произошедшей 15 апреля 1395 года в междуречье рр. Кура (рукав р. Малка), Малка и Терек. Последствия этой битвы, как справедливо замечает Руй Гонсалес де Клавихо, были более важными, чем последствия победы Тимура в битве с османским султаном Баязидом [де Клавихо, 1881, с. 340]. Любопытным также представляется то, что Тимур не устроил тогда избиения населения этой области, которое, по сведениям Иоанна Шильтбергера, было христианским [Брун 1867, с. 31] и, как можно предполагать, в основном аланским.

Возвращаясь осенью этого же года на Северный Кавказ после покорения правого крыла Улуса Джучи и разгрома юго-восточных русских княжеств, Тимур захватил Азак и перебил все христианское население этого города и его округи, которое, согласно Акту Константинопольского патри-

CC BY

архата № 352 от 1356 года, а также сведениям Иосафата Барбаро, в значительной своей части было аланским [Йазди, 2008, с. 200; ЗОИ 2003, с. 358, 303; ДАКП, 1867, с. 449—450; Барбаро и Канторини ..., 1971, с. 137—140; Бубенок, 2004, с. 140—141, 170—171]. Затем, осенью 1395 — весной 1396 года, войско Тимура разорило земли союзных Тохтамышу алан и других народов Северного Кавказа [Йазди, 2008, с. 201—203; ЗОИ, 2003, с. 359—361, 303—304; Бубенок, 2004, с. 67; Миргалеев, 2003, с. 133—134; Колесникова и др., 2023, с. 262].

Как сообщается в грузинском летописном своде «Картлис Цховреба», в 1400 году во время третьего похода Тимура в Грузию ее царь Георгий VII организовал ожесточенное сопротивление завоевателям, используя силы союзных ему горцев Кавказа, в том числе и осетин, но проиграл. За оказанное сопротивление Тимур в этом же году, не сумев пройти на Северный Кавказ через Дарьял, отправил войско через Дербентский проход для очередного усмирения Осетии [Джанашвили, 1897, с. 53—54]. Кроме того, во время этого же похода войска Тимура разорили Ксанское эриставство, населенное в его средней и верхней частях осетинами (двалами) [Какабадзе, 1970, с. 118—119, 126].

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ сведений письменных источников позволяет утверждать, что в целом алано-монгольские отношения в XIII—XIV веках определялись ходом монгольской евразийской экспансии. Аланы, населявшие обширные регионы Северного Причерноморья и Приазовья, Северного Прикаспия, а также Кавказа, будучи завоеванными монголами в результате Западного похода, неизбежно оказались втянутыми в орбиту внутри- и внешнеполитической жизни Монгольской империи, став частью обширного Улуса Джучи. Наиболее же значительно в результате этого похода пострадала именно Кавказская Алания. Будучи единым этнополитическим образованием, Кавказская Алания потеряла равнинные территории и изрядную долю своего населения, которое не только погибало в битвах, но и отправлялось в различные регионы Монгольской империи, включая Дальний Восток, где аланские дружинники приняли участие в монгольских междоусобицах, а также в монгольском завоевании Южного Китая и в других военных кампаниях. Несмотря на тяжелейший удар, нанесенный завоевателями, аланы смогли встроиться в систему экономической и политической жизни Улуса Джучи: аланские купцы торговали в золотоордынских городах и выполняли дипломатические поручения, аланские воины принимали участие в войнах Джучидов с русскими княжествами, а также в междоусобицах Чингизидов. Вместе с тем очевидно, что аланские по-

селенческие анклавы и округа, располагавшиеся в Западной и Восточной частях Кипчакской степи, были обречены на то, чтобы рано или поздно ассимилироваться в окружавшем их тюркском мире, как растворились в этом мире его монгольские завоеватели. Однако союзническо-вассальные отношения с Джучидами сыграли роковую роль и для северо-кавказских алан, поскольку следствием этих отношений стало втягивание их в противостояние золотордынского хана Тохтамыша с империей Тимура, который, победив в этом противостоянии, подверг разорению все союзные его противнику области Северного Кавказа, чтобы лишить его возможности использовать их материальные и людские ресурсы для организации дальнейшей борьбы. Следствием этого противостояния стало не только крушение единого Золотоордынского государства [Миргалеев, 2009, с. 98], переживавшего с 60-х годов XIV века глубокий внутренний кризис, но и устранение Кавказской Алании как субъекта внешнеполитической жизни в регионе на столетия вперед. Сохранившись как народ в Кавказских горах, аланы через столетия вновь появились на исторической сцене как часть Российской империи.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках / А. Алемань. — Москва : Менеджер, 2003. — 608 с. — ISBN 5-8346-0252-5.

2. *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1940. — Т. 3. — С. 71—112.

3. *Барбаро* и Канторини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / вст. ст., пер., комм. Е. Ч. Скрижинской. — Ленинград : Наука, 1971. — 274 с.

4. *Брун Ф. К.* Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке 1394 года по 1426 год / Ф. К. Брун // Записки Императорского Новороссийского университета. — 1867. — Т. 1. — Выпуск 1. — С. 1—156.

5. де Клавихо 1881 — *Де Клавихо Руй Гонсалес*. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. / ред. И. И. Срезневского. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1881. — 455 с.

6. *Джанашвили М. Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России / М. Г. Джанашвили // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — 1897. — Выпуск 22. — С. 1—196.

7. Джувейни, 2004 — *Чингисхан :* История завоевателя мира, записанная Ала ад-дином Ата-Меликом Джувейни / пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. — Москва : Магистр-Пресс, 2004. — 689 с. — ISBN 5-89317-201-9.

8. ДАКП, 1867 — *Древние* акты константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древности. — 1867. — Т. 6. — С. 445—474.

CC BY

9. *Епископа* Феодора «Аланское послание» // Избранные труды по истории аланов и Сарматии / сост., вст. ст., ком., карта С. М. Перевалов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. — С. 194—218. — ISBN 5-89329-303-7.

10. ЗОИ, 2003 — *Золотая* Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). — Москва : Центр по изучению военной и общей истории, 2003. — 448 с.

11. ЗОИ, 2009 — *Золотая* Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды и улуса Джучи). — Москва : Наука, 2009. — Т. 3. — 335 с.

12. ЗОИ, 2019 — *Золотая* Орда в источниках (Материалы для истории Золотой Орды или улуса Джучи). — Москва : ЦИВОИ, 2019. — Т. 5. — 319 с.

13. Йазди, 2008 — *Шараф* ад-дин Али Йазди. Зафар-наме / пер., предисл., ком., указат., карта А. Ахмедова. — Ташкент : Издательство журнала «SAN'AT», 2008. — 486 с. — ISBN 978-9943-322-13-4.

14. *Какабадзе С. С.* Хроника ксанских эриставов начала XV в. / С. С. Какабадзе // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. — Москва : Наука, 1970. — С. 103—126.

15. КЦ, 2008 — *Картлис* цховреба / гл. ред. Р. Метревели. — Тбилиси : Артануджи, 2008. — 454 с.

16. *Кучкин В. А.* Пространная редакция «Повести о Михаиле Тверском» / В. А. Кучкин // Средневековая Русь. — Москва : Эдиториал УРСС, 1999. — Ч. 2. — С. 116—164.

17. *Новгородская* летопись старшего и младшего изводов / ред., прим. А. Н. Насонова. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1950. — 568 с.

18. ПСРЛ, т. 1 — *Полное* собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. — Ленинград : АН СССР, 1926—1928. — Т. 1. — 379 с.

19. ПСРЛ, т. 4 — *Полное* собрание русских летописей. Новгородская 4 летопись. — Петроград : Типография Я. Башмакова и Ко., 1915. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 1—320.

20. ПСРЛ, т. 7 — *Полное* собрание русских летописей. Летопись по Воскресенскому списку. — Санкт-Петербург : Типография Эдуарда Праца, 1856. — Т. 7. — 346 с.

21. ПСРЛ, т. 11 — *Полное* собрание русских летописей. Восьмой летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1897. — Т. 11. — 254 с.

22. ПСРЛ, т. 15 — *Полное* собрание русских летописей. Рогожский летописец. — Петроград : [б. и.], 1922. — Т. 15. — Выпуск 1. — 216 с.

23. *Путешествие* в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука / ред., вст. стат., прим. Н. П. Шастиной. — Москва : Государственное издательство географической литературы, 1957. — 270 с.

24. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей / пер. А. К. Арендса, ред. и прим. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. — Москва-Ленинград : АНСССР, 1946. — Т. 3. — 340 с.

25. *Рашид ад-дин.* Сборник летописей / пер. О. И. Смирновой. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1952. — Т. 1. — Книга 2. — 315 с.

26. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей / пер. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского, Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1960. — Т. 2. — 253 с.

27. СС — *Сокровенное* сказание. Юань-чао би-ши / введ., пер., глосс. С. А. Козина. — Москва-Ленинград : АН СССР, 1941. — Т. 1. — 619 с.

28. ЮШ — *Сун Лянь.* История Юань / Сун Лянь. — Пекин : Китайское книжное издательство, 1997. — Т. 1. — 262 с.

CC BY

29. *Georgius Pachymeres.* De Michaele et Andronico Palaeologis. Libri tredecim. Volumen Alterum / Recognovit Immanuel Bekkerus / Corpus Scriptorum Historiae Bizantinae. — Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1835. — 905 p.

30. Yaqut 1861 — *Yaqut* ibn'Abd Allah al-Hamawi. Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pourla plupart inédits, par Ch. Barbier de Meynard. — Paris : Impr. impériale, 1861. — 639 p.

Литература

1. *Бубенок О. Б.* Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.) / О. Б. Бубенок. — Киев : Истина, 2004. — 324 с. — ISBN 966-7613-53-4.

2. *Варваровский Ю. Е.* «Мамаева Орда» по сведениям письменных источников и нумизматики / Ю. Е. Варваровский // Stratum plus. — 1999. — № 6. — С. 276—287.

3. *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь / Г. В. Вернадский ; пер. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. — Москва : Ломоносовъ, 2013. — 512 с. — ISBN 978-5-91678-390-2.

4. *Казиев Э. В.* Аланская кампания в Западном походе монголов (1238—1240) / Э. В. Казиев // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. — 2022. — № 45 (84). — С. 5—17. — DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.011.

5. *Казиев Э. В.* Аланы в военно-административных структурах Великой Монгольской империи в 1258—1291 годы / Э. В. Казиев // Научный диалог. — 2023а. — Т. 12. — № 1. — С. 351—366. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-351-365.

6. *Казиев Э. В.* Участие алан в завоевании монгольской императорской династией Юань китайской империи Южная Сун (1265—1279 гг.) : диссертация … кандидата исторических наук : 5.6.1. Отечественная история / Э. В. Казиев. — Владикавказ, 2023б. — 203 с.

7. *Колесникова М. Е.* Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395—1396 гг. (локализация, проблемы изучения) / М. Е. Колесникова, В. А. Бабенко // Oriental Studies. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 252—267. — DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267.

8. *Миргалеев И. М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Тохтамыш-хана / И. М. Миргалеев. — Казань : Алма-Лит, 2003. — 164 с. — ISBN 5-98245-007-3.

9. *Миргалеев И. М.* Золотоордынское государство в системе международных отношений / И. М. Миргалеев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 12 (150). — История. — Выпуск 31. — С. 94—98.

10. *Очир А.* Монгольские этнонимы : вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов / А. Очир. — Элиста : КИГИ РАН, 2016. — 286 с. — ISBN 978-5-903833-93-1.

11. *Туаллагов А. А.* Монгольская империя Юань и аланы-асы / А. А. Туаллагов // Северная Осетия. Республиканская ежедневная газета. — 2019. — № 219 (27938). — С. 222—227.

12. *Чибиров А. Л.* Аланы на службе империи Юань. Восточные хроники / А. Л. Чибиров // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. — 2019. — № 33 (72). — С. 5—17. — DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35251.

13. *Alemany A.* Alans contra Catalans a Bizanci (I) : l' origen dels Alans de Girgon / A. Alemany // Faventia. — 1990. — Vol. 12. — Pp. 269—278.

14. *Gaubil A.* Histoire de Gentchiscan et de toute la Dinastie des Mongous ses successeurs conquérans de la chine: tirée de l'histoire chinoise / A. Gaubil. — Paris : Briasson, Piget, 1739. — 317 p.

15. *Minorsky V. F.* Caucasica III : The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns / V. F. Minorsky // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. — 1952. — Vol. 14. — № 2. — Pp. 221—238.

16. *Sprinkle J. L.* The Alan capital *Magas : A preliminary identification of its location / J. L. Sprinkle // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. — 2022. — Vol. 85. — № 1. — Pp. 1—20. — DOI: https://doi.org/10.1017/S0041977X22000453.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024,
одобрена после рецензирования 10.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

Aleman, A. (2003). *Alans in ancient and medieval written sources.* Moscow: Manager. 608 p. ISBN 5-8346-0252-5. (In Russ.).

Anninsky, S. A. (1940). News of the Hungarian missionaries of the XIII—XIV centuries about the Tatars and Eastern Europe. In: *Historical Archive, 3.* Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 71—112. (In Russ.).

Barbaro and Cantorini about Russia. On the history of Italian-Russian relations in the XV century. (1971). Leningrad: Nauka. 274 p. (In Russ.).

Be Clavijo 1881 — *De Clavijo Ruy Gonzalez. Diary of a journey to Timur's court in Samarkand in 1403—1406.* (1881). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 455 p. (In Russ.).

Bishop Theodore "Alan message". (2000). In: *Selected works on the history of the Alans and Sarmatia.* St. Petersburg: Aleteya. 194—218. ISBN 5-89329-303-7. (In Russ.).

Brun, F. K. (1867). Ivan Shiltberger's journey through Europe, Asia and Africa from 1394 to 1426. *Notes of the Imperial Novorossiysk University, 1 (1):* 1—156. (In Russ.).

CC — *Is a sacred legend. Yuan-chao bi-shi, 1.* (1941). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. 619 p. (In Russ.).

DAKP, 1867 — Ancient acts of the Patriarchate of Constantinople relating to the Novorossiysk territory. (1867). *Notes of the Odessa Society of History and Antiquity, 6:* 445—474. (In Russ.).

Dzhanashvili, M. G. (1897). News of the Georgian chronicles and historians about the North Caucasus and Russia. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus, 22:* 1—196. (In Russ.).

Georgius Pachymeres. (1835). *De Michaele et Andronico Palaeologis. Libri tredecim. Volumen Alterum.* Bonnae: Impensis ed. Weberi. 905 p. (In Latin.).

Journey to the Eastern countries of Plano Carpini and Rubruk. (1957). Moscow: State Publishing House of Geographical Literature. 270 p. (In Russ.).

Juveini 2004 — Genghis Khan. (2004*). The story of the conqueror of the world, recorded by Ala ad-din Ata-Melik Juveini.* Moscow: Magister-Press. 689 p. ISBN 5-89317-201-9. (In Russ.).

Kakabadze, S. S. (1970). Chronicle of the Ksani eristavs of the beginning of the XV century. In: *Written monuments of the East. Historical and philological research. Yearbook. 1968.* Moscow: Nauka. 103—126. (In Russ.).

KTs, 2008 — *Kartlis tskhovreba.* (2008). Tbilisi: Artanuji. 454 p. (In Russ.).

Kuchkin, V. A. (1999). A lengthy edition of the "Tale of Mikhail Tversky". In: *Medieval Rus, 2.* Moscow: Editorial URSS. 116—164. (In Russ.).

Novgorodskaya 1 chronicle of the elder and younger izvodov. (1950). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. 568 p. (In Russ.).

PSRL. Vol. 1 — *The complete collection of Russian chronicles. The Laurentian Chronicle, 1.* (1926—1928). Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 379 p. (In Russ.).

PSRL. Vol. 4 — *The Complete collection of Russian Chronicles. The Novgorod 4th Chronicle, 4 (1).* Petrograd: Printing house of Ya. Bashmakov and Co. 1—320. (In Russ.).

PSRL. Vol. 7 — *The complete collection of Russian chronicles. The chronicle of the Resurrection list, 7.* (1856). St. Petersburg: Printing house of Eduard Prats. 346 p. (In Russ.).

PSRL. Vol. 11 — *The complete collection of Russian chronicles. The eighth chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle, 11.* (1897). St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Printing House. 254 p. (In Russ.).

PSRL. Vol. 15 — *The complete collection of Russian chronicles. Rogozhsky chronicler, 15 (1).* (1922). Petrograd: [b. i.]. 216 p. (In Russ.).

Rashid al-din. (1946). *Collection of chronicles, 3.* Moscow-Leningrad: ANSSR. 340 p. (In Russ.).

Rashid al-din. (1952). *Collection of chronicles, 1 (2).* Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. 315 p. (In Russ.).

Rashid al-din. (1960). *Collection of chronicles, 2.* Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences. 253 p. (In Russ.).

Yaqut, 1861 — Yaqut ibn'Abd Allah al-Hamawi. (1861). *Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes, extrait du Mo'djem el-bouldan de Yaqout, et complété à l'aide de documents arabes et persans pourla plupart inédits, par Ch. Barbier de Meynard.* Paris: Impr. Impériale. 639 p. (In Frenc.).

Yazdi, 2008 — *Sharaf al-din Ali Yazdi. Zafar-name.* (2008). Tashkent: Publishing house of the magazine "SAN'AT". 486 p. ISBN 978-9943-322-13-4. (In Russ.).

YUSH — Song Lian. (1997). *The history of the Yuan, 1.* Beijing: Chinese Book Publishing House. 262 p. (In Russ.).

ZOI, 2003 — *The Golden Horde in sources (Materials for the history of the Golden Horde or ulus of Jochi).* (2003). Moscow: Center for the Study of Military and General History. 448 p. (In Russ.).

ZOI, 2009 — *The Golden Horde in the sources (Materials for the history of the Golden Horde and the ulus of Jochi), 3.* (2009). Moscow: Nauka. 335 p. (In Russ.).

ZOI, 2019 — *Golden Horde in the sources (materials for the history of the Golden Horde or the ulus of Jochi), 5.* Moscow: TSIVOI. 319 p. (In Russ.).

References

Alemany, A. (1990). Alans contra Catalans a Bizanci (I): l' origen dels Alans de Girgon. *Faventia, 12:* 269—278.

Bubenok, O. B. (2004). *Alans-aces in the Golden Horde (XIII—XV centuries).* Kiev: Istina. 324 p. ISBN 966-7613-53-4. (In Russ.).

Chibirov, A. L. (2019). Alans in the service of the Yuan Empire. Oriental Chronicles. *Proceedings of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies, 33 (72):* 5—17. DOI: 10.23671/VNC.2019.72.35251. (In Russ.).

Gaubil, A. (1739). *Histoire de Gentchiscan et de toute la Dinastie des Mongous ses successeurs conquérans de la chine: tirée de l'histoire chinoise.* Paris: Briasson, Piget. 317 p. (In Frenc.).

Kaziev, E. V. (2023a). Alans in Military-Administrative Structures of Great Mongol Empire in 1258—1291. *Nauchnyi dialog, 12 (1):* 351—365. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-1-351-365 (In Russ.).

Kaziev, E. V. (2023b). *Alan's participation in the conquest of the Mongol imperial Yuan Dynasty of the Chinese empire of the Southern Song (1265—1279).* PhD Diss. Vladikavkaz. 203 p. (In Russ.).

Kaziev, E. V. (2022). The Alanian campaign in the Western campaign of the Mongols (1238—1240). *Izvestia of the North Ossetian Institute of Humanities and Social Studies, 45 (84):* 5—17. DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.011. (In Russ.).

Kolesnikova, M. E., Babenko, V. A. (2023). Campaigns of Tamerlane's army in the Central Pre-Caucasus in 1395—1396 (localization, problems of study). *Oriental Studies, 16* (2): 252—267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267. (In Russ.).

Minorsky, V. F. (1952). Caucasica III: The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 14 (2);* 221—238.

Mirgaleev, I. M. (2009). The Golden Horde state in the system of international relations. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 12* (150). *History. №31:* 94—98. (In Russ.).

Mirgaleev, I. M. (2003). *The political history of the Golden Horde during the reign of Tokhtamysh Khan.* Kazan: Alma-Lit. 164 p. ISBN 5-98245-007-3. (In Russ.).

Ochir, A. (2016). *Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples.* Elista: KIGI RAS. 286 p. ISBN 978-5-903833-93-1. (In Russ.).

Sprinkle, J. L. (2022). The Alan capital *Magas: A preliminary identification of its location. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 85 (1):* 1—20. DOI: https://doi.org/10.1017/S0041977X22000453.

Tuallagov, A. A. (2019). The Mongolian Empire of the Yuan and the Alans-Aces. *North Ossetia. The Republican daily newspaper, 219 (27938):* 222—227. (In Russ.).

Varvarovsky, Yu. E. (1999). "Mamaeva Horde" according to written sources and numismatics. *Stratum plus, 6:* 276—287. (In Russ.).

Vernadsky, G. V. (2013). *Mongols and Rus.* Moscow: Lomonosov. 512 p. ISBN 978-5-91678-390-2. (In Russ.).

The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 10.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Корноухова Г. Г. Российско-персидские экономические отношения в начале XX века : дорожное строительство / Г. Г. Корноухова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 445—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462.

Kornoukhova, G. G. (2024). Russian-Persian Economic Relations in Early 20th Century: Road Construction. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 445-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Российско-персидские экономические отношения в начале XX века: дорожное строительство

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна
orcid.org/0000-0002-7553-1856
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории России
kornoukhova-gg@rudn.ru

Российский университет
дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648 «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX — начало XX в.)», https://rscf.ru/project/24-28-00648/

Russian-Persian Economic Relations in Early 20th Century: Road Construction

Gadiyla G. Kornoukhova
orcid.org/0000-0002-7553-1856
PhD in History, associate professor,
Department of Russian History
kornoukhova-gg@rudn.ru

Peoples' Friendship
University of Russia
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00648 "Development of the economic infrastructure of the Russian-Iranian transboundary area (second half XIX — early XX century)", https://rscf.ru/project/24-28-00648/

© Корноухова Г. Г., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история строительства одной из главных транспортных артерий современного Ирана: Энзели-Тегеранского шоссе с участком Казвин — Хамадан. Дорога была проложена на средства российской казны и призвана активизировать российско-персидскую торговлю за счет включения в ее орбиту, помимо северных провинций Персии, также и центральной части этого государства. Интенсификация товарообмена должна была осуществляться за счет запуска автомобильного движения по шоссе взамен архаичного караванного. В статье представлены взгляды как самого российского правительства того периода, так и предпринимательских кругов по вопросу о выборе направления дороги и оправданности перехода на новый способ доставки грузов. Делается вывод о серьезных расхождениях в позиции указанных сторон. Российское правительство, помимо соединения крупнейшего Энзелийского порта с Тегераном, видело большую геополитическую выгоду также и в строительстве казвин-хамаданской ветки, связывавшей север Персии с центральной ее частью. Предприниматели, напротив, усматривали в этом не столько перспективу расширения рынка для своих товаров, сколько угрозу проникновения европейской продукции на север Персии. Однако, к счастью, предпринимательское сообщество не было монолитным в своих суждениях, и в нем нашлась группа лиц решившаяся взяться за новое дело, которое обещало быть успешным и придать новый импульс российско-персидским торговым отношениям.

Ключевые слова:
российско-персидские отношения; российско-иранские отношения; история российского предпринимательства.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the history of the construction of one of the main transportation arteries in modern Iran: the Enzeli-Teheran highway with the Kazvin-Hamadan section. The road was funded by the Russian treasury and aimed to boost Russian-Persian trade by including not only the northern provinces of Persia but also the central part of the country. The intensification of trade was expected to occur through the introduction of automobile traffic on the highway, replacing the archaic caravan routes. The article presents the perspectives of both the Russian government of that period and entrepreneurial circles on the choice of road direction and the justification for transitioning to a new method of cargo delivery. It concludes that there were significant discrepancies in the positions of these parties. While the Russian government saw great geopolitical advantage in connecting the largest Enzeli port with Teheran and constructing the Kazvin-Hamadan branch linking northern Persia with its central part, entrepreneurs viewed it as a threat of European product penetration into northern Persia. Fortunately, the entrepreneurial community was not unanimous in its views, and a group emerged willing to embark on this new venture, promising to be successful and give a fresh impetus to Russian-Persian trade relations.

Key words:
Russian-Persian relations; Russian-Iranian relations; history of Russian entrepreneurship.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК [94(47).083:625.7/.8+94(55)]“191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-445-462

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Российско-персидские экономические отношения в начале XX века: дорожное строительство

© Корноухова Г. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Транспортная система играет первостепенную роль в торговой сфере. Хорошее или плохое состояние дорог, способ и скорость перевозки имеют определяющее значение для рыночной цены товаров и, как следствие, прибыли компании.

Во второй половине XIX века, по мере усиления российско-британского соперничества в Персии, представители российского дипломатического корпуса периодически указывали в своих депешах на полезность строительства шоссе в северной части этого государства. Так, генеральный консул в Тавризе сообщал российскому посланнику в Тегеране И. А. Зиновьеву в сентябре 1878 года о насущной необходимости в прокладке «колесной дороги» от Джульфы до Тегерана. Путь к успеху он видел в оказании всемерной поддержки в этом деле персидской стороне. Я. Кребель писал, в частности, что строительство дороги «могло бы совершиться очень легко и скоро, если бы мы согласились оказать помощь Персии высылкою необходимых инженеров», а также привлечением русских подданных и пр. [АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 388, л. 90].

Начиная с 1890-х годов, когда министр финансов С. Ю. Витте провозгласил курс на «капиталистическое завоевание Персии», российское правительство интенсифицировало свою политику поддержки частного капитала в соседнем государстве различными способами, в том числе вкладыванием финансовых средств в строительство дорог. Правда, первоначально право на ее прокладку было приобретено крупным российским концессионером Л. С. Поляковым, учредившим в 1892 году в Тегеране Персидское страховое и транспортное общество. Его акционерный капитал был определен в 2 млн франков (750 тыс. руб.), он был разделен на 4 тыс. акций по 500 франков. 25 акций давали право на один голос. В дальнейшем, согласно протоколу общего собрания акционеров от 8 марта 1901 года, был

CC BY

произведен дополнительный выпуск акций на 2 млн 400 тыс. франков, который в связи с изменением устава дал право держателям этих акций на ¾ голосов в общем собрании. Акции эти были приобретены Учетно-ссудным банком Персии, который находился в руках казны с 1894 года [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 456 б. л. 32, 36].

Таким образом, в начале XX века российское правительство через подконтрольное ему банковское учреждение осуществляло строительные работы по прокладке дорог в Персии, хотя формальным владельцем концессии являлось частное лицо — Л. С. Поляков.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Несмотря на многочисленность работ, посвященных российско-персидским отношениям [Бобынин, 1925; Куканова, 1977; Атаев, 1989; Истомина, 2013; Никонов, 2015; Гоков, 2019; Канукова, 2019; Ларин, 2021; Наумова, 2022; Dehqannejhad et al., 2012; Kazemzadeh, 2013; Firdous, 2017; Morshedloo, 2018; Seyyed Bonakdar, 2023], вопрос о развитии экономической инфраструктуры в Персии в целом и строительства дорог в частности не получил специального освещения. Намечены лишь контуры проблемы.

Так, в своем фундаментальном труде о торгово-экономических связях Ирана с Россией Х. А. Атаев совершенно справедливо указывает, что одним из главных препятствий развитию торговли в Персии было отсутствие на протяжении долгого времени хороших дорог. Он перечисляет ряд существовавших в стране путей сообщения, но на вопросе их развития специально не останавливается, указав лишь на факт получения Л. С. Поляковым от персидского правительства концессии на организацию страхового и транспортного дела в 1891 году [Атаев, 1991, с. 175, 344].

Б. В. Ананьич в своей широко известной работе «Учетно-ссудный банк Персии в 1894—1907 гг.» подробнейшим образом раскрывает механизм установления в 1902 году государственного контроля над частным предприятием Л. С. Полякова под названием «Персидское страховое и транспортное общество» [Ананьич, 1962, с. 299—302].

Современная исследовательница О. А. Красняк приводит отдельные факты о строившихся дорогах [Красняк, 2007], а Л. М. Кулагина составила таблицу, характеризующую их по грузообороту [Кулагина, 2009, с. 134—135]. Однако и этот материал также нельзя считать исчерпывающим.

Такое проблемное поле, как автомобильное движение в Персии на рубеже XIX—XX веков, можно вовсе считать неисследованным. По этому вопросу существует лишь электронная статья С. В. Кирилец, в которой речь идет о начале автоперевозок по Джульфа-Тавризскому шоссе [Кирилец, 2013].

CC BY

В нашей статье ставится задача рассмотреть историю строительства Энзели-Тегеранской дороги с ответвлением от Казвина до Хамадана; проанализировать ее качественные характеристики, эксплуатационные возможности, коммерческую целесообразность с целью определить эффективность построенных дорог с точки зрения увеличения российско-персидского товарообмена.

Источниковой базой исследования служат делопроизводственная документация, хранящаяся в фонде «Персидский стол» (Ф. 144) Архива внешней политики Российской империи, и публицистические статьи, печатавшиеся на страницах либеральной газеты «Новое время», буржуазного органа печати «Утро России» и официального печатного органа, издававшегося на территории современного Азербайджана, а также газеты «Каспий».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Энзели-Тегеранское шоссе

Согласно концессии, выданной 5 июня 1893 года, Персидскому страховому и транспортному обществу было предоставлено право постройки дороги от Казвина до Энзелийского залива, а вслед за тем был приобретен участок дороги от Казвина до Тегерана. Срок концессии истекал 26 июня 1970 года. Стоимость сооружения Энзели-Тегеранской дороги, включая платеж за участок от Казвина до Тегерана и дополнительные работы по ее перестройке и ремонту, составляла 7 564 213 руб. 30 коп. Длина линии от пристани речки Пир-Базар, впадающей в Энзелийский залив, до Тегерана составила 333 версты и 326 саженей (355,9 км) [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 456 б, л. 33].

Шоссе было готово к сдаче в августе 1899 года. Отечественная периодическая печать сразу же обрушилась на него с критикой. Так, газета «Новое время» в 1901 году писала, что общее начертание линии Энзели-Тегеранской дороги было крайне неудачное: была использована старая караванная тропа с самыми незначительными изменениями вместо того, чтобы проложить дорогу в более безопасном и подходящем месте. Новый путь повторил прежний рисунок и, в связи с этим, и прежнюю протяженность. Дорожное покрытие состояло из подручного местного материала — очень некачественной мелкой гальки. Корреспондент газеты выражал сомнение по поводу прочности такого покрытия и предполагал, что, пока грузовое движение будет вьючным, шоссе сохранит свою прочность, но при запуске по нему фургонов, запряженных четверкой лошадей с грузом в 60—70 пудов покрытие «неизбежно расползется». Самым существенным недостатком дороги была ее узость, порой до такой степени, что трудно было разъехаться навьюченным верблюдам. Даже в самых опасных местах шоссе не

CC BY

было расширено. Все небольшие мосты имели непрочные конструкции, будучи воздвигнутыми, по словам корреспондента, на «курьих ножках» «на цементе очень двусмысленного качества». «Можно ли после этого говорить о массовом перемещении грузов или войск по такому пути?» — ставил вопрос автор статьи [Новое дело…, 1901, с. 3].

Ставшее для всех очевидным несовершенство шоссе побудило российскую сторону вернуться к работе для устранения недочетов. К началу 1906 года работы были закончены, и состояние дорожного полотна, по свидетельству 1-го секретаря миссии в Персии А. С. Сомова в январе этого года, было улучшено. По свидетельству же российского посланника в Персии Н. Г. Гартвига, к 1907 году она была приведена «в относительно хорошее состояние» [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 458 б, л. 1, 9].

Гораздо благосклонней о шоссе стала отзываться и печать. В 1912 году газета «Каспий» благожелательно писала, что «при общем бездорожье Персии <…> отрадное впечатление представляет эта вполне благоустроенная дорога с ее каменными заставами, прочными железными и каменными мостами, правильно устроенными станциями почтового движения [С Казвинским отрядом…, 1912, с. 4].

Что касается динамики грузооборота на Энзели-Тегеранской дороге, то, в целом, она была положительная (табл. 1).

Таблица 1

Перевозка грузов по Энзели-Тегеранскому шоссе (в пудах)*

Годы	Груз
1900	5 780 914
1901	6 570 185
1902	6 590 000
1903	8 151 925
1904	7 187 095
1905	6 144 875
1906	7 516 460
1907	8 476 965
1908	10 969 710
1909	11 995 714

* *Источник:* [АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 456 б, л. 37 об.]

Как видно из таблицы 1, начиная с года официального открытия шоссе и до 1903 года, количество перевезенных грузов ежегодно возрастало. В 1904—1905 годах произошел спад грузооборота, что совпало не толь-

CC BY

ко с проведением ремонтных работ на Энзели-Тегеранском шоссе, но и с политическими волнениями в России, пагубно отразившихся на вопросе логистики: грузы не доставлялись из российских внутренних районов к границам Персии из-за массовых забастовок сотрудников транспорта. Так, газета «Новое время» сообщала 4 января 1906 года, что вследствие железнодорожной и почтовой забастовки прекратилось сообщение с российскими азиатскими окраинами, Кавказом и Восточной Сибирью [Персия ..., 1906, с. 3].

К счастью, все возникшие проблемы удалось решить уже в начале 1906 года, и показатели перевозимых грузов вновь стали неуклонно повышаться.

3.2. Казвин-Хамаданское шоссе

Вторая концессия — на постройку и эксплуатацию Казвин-Хамаданского шоссе — была выдана Л. С. Полякову 19 декабря 1895 года. Ее срок, как и у концессии на Энзели-Тегеранскую дорогу, истекал 26 июня 1970 года. Стоимость сооружения дороги составляла 2 468 867 руб. 47 коп. Длина дороги — 217 верст 405 саженей (232,4 км) [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 456 б, л. 33].

Шоссе было открыто в мае 1905 года. Дорога начиналась от Казвина, следовала в юго-западном направлении, пролегая первоначально по пригородным садам, а затем по совершенно ровной и бесплодной местности, окаймленной справа горами Беккендийского перевала. Ее строительство проходило при тяжелых условиях. Дорога прокладывалась в пустынной, малонаселенной местности с очень фанатично настроенным населением. Местные жители первоначально не пускали российских рабочих и служащих даже останавливаться в деревнях, совершали нападения и пр. В дальнейшем ситуация стала более благоприятной, и иранцы настойчиво интересовались временем открытия дороги, выражали свою озабоченность тем, что открытие откладывается, высказывали предположения, что причина этого в недостатке финансирования: должно быть, «денег не хватало» [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 456 б, л. 5, 11, 19 об.].

В действительности проблем с финансированием строившегося шоссе не возникало. Соответствующими были и результаты: шоссе было хорошо оборудовано, по его линии размещалось 10 каменных мостов, 388 различных сооружений по главному пути и 12 по подъездным путям. Покрытием дороги являлась щебенка, на которую было ассигновано 501 250 руб. при общей смете в 2 880 900 руб. [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 456 б, л. 19, 21 об.].

Когда шоссе открылось, то движение по нему началось тотчас же, ежемесячно прогрессируя (табл. 2).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Движение грузов по Казвин-Хамаданскому шоссе в 1905 году (в пудах)*

К Казвину	К Хамадану
Май — 3 660	Май — 4 285
Июнь — 6 035	Июнь — 6 245
Июль — 3 205	Июль — 5 615
Август — 4 400	Август — 7 480
Сентябрь — 4 670	Сентябрь — 6 985
Октябрь — 8 960	Октябрь — 10 065
Ноябрь — 10 760	Ноябрь — 19 385
Декабрь — 17 015	Декабрь — 22 675
Всего — 58 705	82 735

* *Источник:* [АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 456 б, л. 15].

Как видно из таблицы 2, всего за период с мая по декабрь 1905 года в обе стороны Казвин-Хамаданской дороги было перевезено 141 440 пудов различного груза. В последующие годы динамика тоже была положительной. В 1906 году грузопоток увеличился до 365 400 пудов, в 1907 году — до 505 875 пудов, в 1909 году — до 529 346 пудов. Однако достаточного дохода это российской казне не приносило. Одной из причин стало то, что колесного транспорта для построенной дороги не оказалось, а вьючные животные имели возможность свободно обходить шлагбаум, преграждавший вход на Казвин-Хамаданское шоссе, по близлежащим грунтовым дорогам, далее следуя по мягкой обочине платного тракта. В результате сборы дорожной заставы и после четырех лет эксплуатации оставались ничтожными и не покрывали даже содержание персонала [АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 456 б, л. 5, 37 об.].

Основной причиной, конечно, было то, что в отличие от двух других трактов Казвин-Хамаданская дорога традиционно была малопроезжей. Для того чтобы переломить ситуацию, необходимо было изменить направление грузов и вообще повысить товарооборот между Хамаданом и Россией. Таким образом, с коммерческой точки зрения линия была выбрана ошибочно. Однако у этого вопроса была и другая сторона. Еще до открытия дороги, в мае 1902 года российский посол в Персию К. Э. Аргируполо в своей секретной депеше отметил, что строительство данной дороги кажется ему «особенно заслуживающим внимание» ввиду планировавшейся прокладки Багдадской дороги к Ханекину и, как следствие, «грозящей оттуда германской конкуренцией, за коей последует, несомненно, и германское влияние» [АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 4089, л. 261]. Представитель российского ди-

CC BY

пломатического корпуса В. Ф. Минорский также очень высоко оценивал геополитический потенциал построенной дороги, который он характеризовал следующим образом: «Подойдя к Хамадану, мы уже зашли с юго-востока в тыл Курдистану, что открывает для нас возможность влиять на запад Персии не только с севера от Тавриза, но и с юга» [АВПРИ, ф. 144., оп. 489, д. 456 б, л. 23 об.].

Промышленно-торговые круги России это мнение не разделяли. В 1910 году на страницах буржуазной газеты «Утро России» утверждалось обратное. В статье констатировалось, что эта дорога облегчала проникновение европейских товаров, германских и австрийских. Сам по себе город Хамадан, находясь в центре транзитного пути Багдад — Тегеран, с давних пор служил главным распределительным пунктом европейских товаров, направлявшихся на север Персии со стороны Персидского залива. При строительстве же шоссе, с точки зрения газеты, «европейские товары получили прекрасное направление во все персидские пункты», даже те, которые достаточно долгое время находились под монопольным контролем России — Ардебиль, Тавриз, Решт. «Мы всегда считали Хамадан европейским нарывом в сфере русского влияния, а никак не важным пунктом сбыта русских товаров, — констатировала газета. — Господа же инженеры постарались этот нарыв вскрыть, чтобы заразить им здоровое русское торговое движение в северной Персии» [Казвин-Хамаданская …, 1910, с. 2].

Таким образом, ни представители царской бюрократии, ни буржуазии не признавали за Казвин-Хамаданской дорогой большой ценности с точки зрения коммерческой деятельности. При этом мнения относительно политической целесообразности строительства шоссе разделились. Если первые считали ее дорогой, открывавшей России путь в западные районы Персии, то отечественные предприниматели, напротив, воспринимали ее как дорогу, представлявшую путь для европейских конкурентов в северные районы монопольного господства российского капитала.

3.4. Работа российских транспортных компаний

Главными транспортными обществами, оперировавшими в Гилянской провинции, были фирмы Туманьянца, Арамианца, Тер-Серкисянца и Бюро персидских транспортов [Бобынин, 1923, с. 82]. Все они находились в зависимости от местных погонщиков вьючных животных «чарвадаров», которые при малейшем скоплении грузов повышали цены за их перевозку [АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 4020, л. 149].

Что касается сроков доставки, то товары, прибывавшие в Энзелийский залив, в течение 2—3 дней сначала перевозили от Энзелийского порта до Решта, а затем от Решта до Тегерана — в течение 10—12 дней. Итого для перевозки от Энзели до Тегерана или обратно требовалось до 15 дней. Од-

CC BY

нако порой на это уходило до двух месяцев из-за возникавшего конфликта интересов между фирмами и чарвадарами по вопросу о цене за грузоперевозку [АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 2869, л. 22 об.].

В 1903 году уполномоченный транспортного общества «Надежда» князь Шаховской при встрече с российским посланником в Персии П. М. Власовым поделился своими соображениями по вопросу улучшения транспортного дела в Северной Персии. По его мнению, проблему снижения цен и увеличения скорости перевозок можно было решить за счет запуска автомобильного движения по Энзели-Тегеранскому шоссе. Идея действительному статскому советнику Власову понравилась, и он сообщил о ней в Россию, направив из Тегерана секретную депешу со следующими словами: «Мысль князя Шаховского нова, оригинальна и заслуживает полного внимания» [АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 4020, л. 149 об.].

Далеко не сразу ее удалось реализовать. Для начала необходимо было решить вопрос о предоставлении права российским подданным на эксплуатацию автомобильного движения в Персии, являвшейся монополией министра двора Хакимуль-Мулька, и после этого приступить к разработке проекта по организации соответствующего предприятия. В 1906 году автомобильное движение по Энзели-Тегеранской дороге было запущено [Кирилец, 2013]. Однако очевидно, что оно не было достаточно успешным. Даже к началу второго десятилетия в распоряжении Общества Энзели-Тегеранской дороги находилось только 4 автомобиля, что, конечно, не могло кардинальным образом изменить ситуацию. Соответственно, в правительственных кругах вопрос о доходности построенных в Персии дорогах вызывал озабоченность. На особом совещании, состоявшимся 16 июля 1908 года, министр финансов В. Н. Коковцов посетовал на то, что «все прежние наши предприятия в Персии мало удачны и невыгодны». В частности, Энзели-Тегеранская дорога с ветвью Казвин-Хамадан, с точки зрения Коковцова, «в будущем может быть будет приносить доход, но пока приносит прямой денежный убыток, не говоря уже о произведенных значительных единовременных затратах» [АВПРИ, ф. 144, оп. 488, д. 2293, л. 7].

Наконец, 2 января 1913 года сроком до 31 декабря 1919 года между Обществом Энзели-Тегеранской дорогой и Товариществом автомобильного сообщения Энзели-Тегеранской дороги было подписано два договора. Первый назывался договором на грузовое и пассажирское автомобильное движение на участке Энзели — Решт. Согласно ему, правление Общества Энзели-Тегеранской дороги разрешало своим контрагентам в лице князя Павла Иосифовича Туманова, дворянина Акакия Мефодиевича Хоштарии и предпринимателя Степана Георгиевича Лианозова не позднее шести месяцев со дня подписания договора «начать дело с шестью грузовыми, <…>

CC BY

четырьмя легковыми и двумя запасными легковыми автомобилями», впоследствии увеличивая их количество. Правление общества разрешало возводить на полосе отчуждения нужные для автомобильного дела постройки и сооружения за счет товарищества по чертежам и в местах, утвержденных правлением общества и согласованных с ним проектам и планам. По окончании срока договора все возведенные постройки должны были безвозмездно перейти в собственность общества [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 37—38].

Второй договор предоставлял Товариществу автомобильного сообщения Энзели-Тегеранской дороги «исключительное право организации и эксплуатации автомобильного сообщения» между Энзели — Тегераном и Казвином — Хамаданом. При этом товарищество обязано было в двухгодичный срок поставить такое количество грузовиков и пассажирских автомобилей, которое способно было бы удовлетворить половину грузооборота и пассажирского движения. Поскольку, по подсчету договаривавшихся сторон, грузооборот дороги к этому времени доходит до 12 млн пудов, то товарищество обязано было поставить не менее 150 грузовиков и «значительное количество пассажирских автомобилей» [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 33, 34 об.].

Члены товарищества принялись за дело с энтузиазмом и, приобретя земельные участки в Энзели и в Реште, приступили к постройке гаража, мастерской и других сооружений, а также заключили договор с французской фирмой Пежо о поставке необходимого подвижного состава и инвентаря, внеся около 100 тыс. руб. задатка за первую партию автомобилей в количестве 30 штук [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 35 об.].

Однако почти сразу на пути реализации задуманного проекта стали возникать препятствия. Первым из них были высокие ввозные пошлины на французские автомобили и запасные части, которые персидское таможенное ведомство установило в размере 10 %. Такое удорожание подвижного состава и его комплектующих не было принято в расчет российскими предпринимателями. Компаньоны были уверены, что право беспошлинного ввоза, которым обладало Общество Энзели-Тегеранской дороги, распространится и на них. Неблагоприятный поворот событий заставил Товарищество автомобильного сообщения Энзели-Тегеранской дороги направить «Докладную записку» на имя самого министра финансов. Расчет был сделан правильный: В. Н. Коковцов очень ревностно отнесся к делу предприятия, и 13 сентября 1913 года он направил секретное письмо товарищу министра иностранных дел А. А. Нератову с просьбой поручить российской миссии в Тегеране добиться разрешения беспошлинного ввоза в Персию грузовых и пассажирских автомобилей, принадлежавших Об-

CC BY

ществу Энзели-Тегеранской дороги [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 33—34, 51].

Если российское руководство готово было оказывать всемерную поддержку автомобильному предприятию, то местное купечество, занимавшееся караванными перевозками, выражало непримиримый скептицизм по поводу успешности запускавшегося проекта и направляло в адрес российского правительства письма противоположного содержания с целью остановить его реализацию. В частности, рештские купцы утверждали, что автомобильный транспорт не пригоден для движения в горах в зимнее время года, поскольку из-за сильных буранов шоссе порой густо засыпалось снегом, в результате чего движение колесного транспорта останавливалось на 5—10 дней [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 489, л. 710].

Ряд товаров оценивался как совершенно не подходящий для автомобильных перевозок, в частности керосин. В грузовиках он транспортировался в жестяных бидонах и от слишком большой качки расплескивался либо вовсе разливался, если бидоны раскалывались. По этой причине традиционно керосин перевозили исключительно на верблюдах и ослах. Уже через две поездки автомобиль весь оказывался пропахшим керосином и становился непригодным для перевозки другого товара из-за опасения, что последний впитает в себя неприятный керосиновый запах. Выходом для сложившейся ситуации могли быть наливные автомобили, но в этом случае нужны были специальные резервуары, строительство которых могло быть оправдано для больших городов, в то время как в Персии таковых было немного [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 489, л. 714].

Невыгодными для автомобильной перевозки предприниматели считали также хлопок и спички. Дело в том, что тюки хлопка хоть и были очень объемными, но по весу они были легкими. То же касалось и коробов со спичками. При том, что грузоподъемность автомобиля составляла 240 пудов, вес хлопка при полной загрузке автомобиля достигал лишь 80—100 пудов, а спичек — и вовсе 70—80 пудов. То есть автомобиль ездил в этом случае недозагруженным, расходуя лишнее топливо, время, эксплуатационный ресурс [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 489, л. 709, 715].

Также сторонники традиционного способа перевозок указывали на ограниченность самого количества товара. Для того чтобы сделать караванный марш рентабельным, погонщики заходили не только в крупные города, но и в примыкавшие к ним окрестности, доступ к которым был закрыт для автомобилей из-за того, что дороги туда в большинстве своем представляли извилистые тропы, пригодные лишь для вьючных животных [АВПРИ, ф. 144, оп. 489, д. 489, л. 710].

CC BY

Совсем иной настрой был у членов Товарищества автомобильного сообщения Энзели-Тегеранской дороги П. И. Туманова, А. М. Хоштария и С. Г. Лианозова.

Они, в свою очередь были уверены, что при правильной организации автомобильного сообщения количество ввозимого и вывозимого товара могло удвоиться и даже утроиться. В своей докладной записке министру финансов В. Н. Коковцову они, в частности, писали: «Можно представить себе, с какой легкостью продукты легкой промышленности, ныне тщетно стучащиеся в двери обширного персидского рынка, найдут широкое поле для сбыта не только на севере, но и в центре самой Персии. Легко представить, как товары германской и английской промышленности, теснящие нас даже на севере, будут сами вытеснены из рынка и как это отразится на торговом балансе не только Персии, но и нашего государства» [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 33].

Не менее духоподъемный характер имела и докладная записка на имя российского консула в Реште В. И. Некрасова. В ней члены товарищества писали: «Не подлежит сомнению, что правильное установление автомобильного движения между Энзели — Тегеран и Энзели — Хамадан может в 3—4 раза усилить товарообмен. Теперь огромное количество хлопка, ковров, фруктов и т. д. портится за неимением достаточных средств перевозки в центральных областях Персии; при помощи же автомобильного движения все эти товары начнут циркулировать быстро, увеличится вывоз, удешевится товар, расширится рынок и пробудятся к жизни и деятельности дремлющие экономические силы Персии». Те же настроения компаньоны имели и в отношении ввозимых продуктов: керосина, сахара, чая, мануфактурных и пр. товаров [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 36].

Преисполненные оптимизма П. И. Туманов, А. М. Хоштария и С. Г. Лианозов в том же 1913 году учредили акционерное общество под названием «Персидское автомобильное акционерное общество» с основным капиталом в 2 млн 400 тыс. руб., разделенным на 4 тыс. акций по 100 руб. каждая. В уставе была указана цель организации — для «развития вообще в пределах Персии, входящих в сферу русского влияния и нейтральной зоны, перевозки почт, грузов и пассажиров автомобильными двигателями, для устройства с этой целью гаражей, складов, гостиниц и мастерских и для торговли автомобилями и их принадлежностями» [АВПРИ, ф. 144 б, оп. 489, д. 461 б, л. 95, 97].

4. Заключение = Conclusions

В конце XIX века российские предпринимательские и правительственные круги ясно осознавали потребность в интенсификации торгового вза-

CC BY

имодействия между Россией и Персией. Ключом к успеху должно было стать строительство дорог со щебневым покрытием для колесного транспорта: они должны были заменить собой караванные тропы с архаичными вьючными перевозками.

Запуск проекта потребовал от российской стороны немалых усилий. Построенные дороги пришлось дорабатывать, вкладывать дополнительные силы и средства. Далеко не сразу движение по ним, которое попрежнему оставалось вьючным, стало окупать расходы, хотя показатели грузооборота динамично увеличивались. К 1909 году, однако, на Энзели-Тегеранской дороге они достигли своего предела и оставались неизменными последующие годы. В связи с этим стало очевидно, что для того, чтобы переломить ситуацию, необходим был технологический прорыв: проект замены вьючной транспортировки товаров автомобильной надо было реализовывать без дальнейших отлагательств.

При этом рассчитывать на вовлеченность в данный процесс местных предпринимателей не приходилось. Они чрезвычайно скептично относились к идее автомобильной транспортировки, указывая на узость персидского рынка, что, с их точки зрения, не могло дать возможность обеспечить автомобильный транспорт необходимым количеством грузов.

К счастью, в самой России желающие заняться новым видом предпринимательской деятельности нашлись. П. И. Туманов, А. М. Хоштария и С. Г. Лианозов, создавшие в 1913 году Товарищество автомобильного сообщения Энзели-Тегеранской дороги, были исполнены оптимизма и выражали уверенность в совершенном успехе своего дела. Причиной столь различного отношения к вопросу о наличии груза было то, что местное купечество оценивало ситуацию и выстраивало свою бизнес-стратегию, не выходя за пределы северной части Персии, в то время как товарищество смотрело на проблему шире. Как и российское правительство, в свое время поддержавшее проект Л. С. Полякова на строительство шоссе в нерентабельном казвин-хамаданском направлении, члены товарищества намеревались осуществлять свои операции не только в северной, но и в центральной части Персии, объявленной нейтральной зоной согласно Англо-русскому соглашению 1907 года.

Вполне вероятно, что расчет товарищества и российского правительства, действительно, мог себя оправдать: объемы промышленного производства довоенного времени в России неуклонно повышались, российские товары в Персии завоевывали всё большую популярность, уверенно конкурируя с продукцией европейских экспортеров. Однако для того, чтобы воспользоваться плодами своих многолетних усилий, у России уже не осталось исторического времени: она стояла на пороге масштабных соци-

CC BY

ально-политических трансформаций, в ходе которых пришедшее к власти большевистское руководство отказалось от всех концессионных сделок и передало построенные шоссе на безвозмездной основе персидскому правительству.

Ныне Энзели-Тегеранская дорога с казвин-хамаданским ответвлением по-прежнему остается трассой № 1. Она, в совокупности с другими шоссе, проложенными российским капиталом, стала ценным вкладом в развитие экономической инфраструктуры ныне существующей Исламской Республики Иран и в настоящее время все более активно используется в рамках современного российско-иранского сотрудничества.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 144 (Персидский стол). Оп. 488. Д. 388, 2869, 4089 ; Ф. 144 б (Персидский стол Б). Оп. 489. Д. 456 б, 458 б, 489.

2. *Казвин-Хамаданская* шоссейная дорога // Утро России : [газета]. — 1910. — 22 декабря. — С. 2.

3. *Новое* дело на старой прокладке // Новое время : [газета]. — 1901. — 15 апреля. — С. 3.

4. *Персия* // Новое время : [газета]. — 1906. — 4 января. — С. 3.

5. *С Казвинским* отрядом // Каспий : [газета]. — 1912. — 10 января. — С. 4.

Литература

1. *Ананьич Б. В.* Учетно-ссудный банк Персии 1894—1907 / Б. В. Ананьич // Монополии и иностранный капитал в России / Б. В. Ананьич. — Москва-Ленинград : [б. и.], 1962. — С. 274—314.

2. *Атаев Х. А.* Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900—1917) / Х. А. Атаев. — Ашхабад : Ылым, 1989. — 149 с. — ISBN 5-8338-0255-5.

3. *Атаев Х. А.* Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII—XIX вв. / Х. А. Атаев. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 391, [1] с.

4. *Бобынин Н. Н.* Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901—1923 / Н. Н. Бобынин. — Тифлис : Народный комиссариат по внешней торговли З.С.Ф.С.Р., 1923. — 558 с.

5. *Гоков О. А.* Русская политика в Иране в начале 1890-х гг. : смена приоритетов / О. А. Гоков // Вестник университета Дмитрия Пожарского. — 2019. — № 4. — С. 40—100.

6. *Истомина Э. Г.* Каспийское море в геоэкономическом и политическом пространстве региональных процессов России XIX — начала XX в. / Э. Г. Истомина // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2013. — № 9 (110). — С. 153—168.

7. *Канукова З. В.* Персидская община во Владикавказе : механизмы сохранения этнической идентичности в инокультурной среде / З. В. Канукова, Б. В. Туаева // Вест-

CC BY

ник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2019. — Т. 18. — № 3. — С. 560—588. — DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-58812.

8. *Кирилец С. В.* Первые дальнобойщики международных перевозок [Электронный ресурс] / С. В. Кирилец // Грузовик пресс. — 2013. — Режим доступа : https://gruzovikpress.ru/article/1155-pervye-dalnoboyshchiki-mejdunarodnyh-perevozok/?ysclid=slrqjishi505608279 (дата обращения 15.02.2024).

9. *Красняк О. А.* Становление иранской регулярной армии в 1879—1921 гг. : по материалам архивов Русской военной миссии / О. А. Красняк. — Москва : URSS, 2007. — 158 с. — ISBN 978-5-382-00116-6.

10. *Куканова Н. Г.* Очерки по истории русско-иранских отношений в XVII — первой половине XIX века (По материалам русских архивов) / Н. Г. Куканова. — Саранск : Мордовское книжное издательство, 1977. — 286 с.

11. *Кулагина Л. М.* Торгово-экономические связи России и Ирана (XIX — начало XX в.) / Л. М. Кулагина // Иран. История, экономика, культура. Памяти С. М. Алиева. — Москва : ИВ РАН, 2009. — С. 118—140.

12. *Ларин А. Б.* Незадолго до бури : Россия и Британия в Иране в 1913 г. / А. Б. Ларин // ЭНОЖ История. — 2021. — Т. 12. — № 1 (99). — DOI: 10.18254/S207987840013829-0.

13. *Наумова Н. А.* Восточная Персия в последней трети XIX — начала XX вв. и ее роль в противостоянии России и Великобритании в Центральной Азии : диссертация кандидата исторических наук : 00.00.00 / Н. А. Наумова. — Ставрополь, 2022. — 265 с.

14. *Никонов О. А.* Политика Российской Империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. / О. А. Никонов. — Москва : Прометей, 2015. — 141 с. — ISBN 978-5-9905886-8-4.

15. *Федоров М. П.* Соперничество торговых интересов на Востоке : Докл. чл. Совета О-ва востоковедения М. П. Федорова / М. П. Федоров. — Санкт-Петербург : электротип. Н. Я. Стойковой, 1903. — 474 с.

16. *Dehqannejhad M.* Treaty of Turkman Chāy and the Problem of Succession : an Investigation of Russian Interference in Qājār's Succession Problem / M. Dehqannejhad, L. Dehqan Nayeri, I. Varfinejhad // Historical Studies. — 2012. — № 2. — Pp. 43—62.

17. *Firdous N.* Anglo-Russian imperialism in Iran / N. Firdous // Proceedings of the Indian History Congress. — 2017. — Vol. 78. — Pp. 864—68.

18. *Kazemzadeh F.* Russia and Britain in Persia : Imperial Ambitions in Qajar Iran / F. Kazemzadeh. — New York : I. B. Tauris, 2013. — xvii, 711 p.

19. *Morshedloo J.* Oriental Studies and Geographical Discoveries in Favor of Colonial Strategy : The Case of Russian Colonial Policy in the Southern Caucasus / J. Morshedloo // Central Eurasia Studies. — 2018. — № 2. — Pp. 491—512. — DOI: 10.22059/jcep.2019.258293.449771.

20. *Seyyed Bonakdar S. M.* The Role of the Great Game in the Inefficiency of the Formality System of the Iranian Court from 1796 to 1896 / S. M. Seyyed Bonakdar, M. Kamalvand // Geopolitics Quarterly. — 2023. — Vol. 18. — № 4. — Pp. 226—249. — DOI: 20.1001.1.17354331.1401.18.68.10.2.

Статья поступила в редакцию 23.02.2024,
одобрена после рецензирования 16.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

CC BY

Material resources

A new case on the old gasket. (1901). *Novoe vremya: [newspaper]. April 15.* P. 3. (In Russ.).
AVPRI — *Archive of the Foreign policy of the Russian Empire.* (In Russ.).
Persia. (1906). *Novoe vremya: [newspaper]. January 4.* P. 3. (In Russ.).
Qazvin-Hamadan highway. (1910). *Morning of Russia: [newspaper]. December 22.* P. 2. (In Russ.).
With the Qazvin detachment. (1912). *Kaspiy: [newspaper]. January 10.* P. 4. (In Russ.).

References

Ananyich, B. V. (1962). Accounting and loan Bank of Persia 1894—1907. In: *Monopolies and foreign capital in Russia.* Moscow-Leningrad: [b. i.]. 274—314. (In Russ.).
Ataev, H. A. (1989). *Political and trade and economic relations of Northeastern Iran and Russia at the beginning of the twentieth century (1900—1917).* Ashgabat: Ylym. 149 p. ISBN 5-8338-0255-5. (In Russ.).
Ataev, H. A. (1991). *Trade and economic relations of Iran with Russia in the XVIII—XIX centuries.* Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental Literature. 391, [1] p. (In Russ.).
Bobynin, N. N. (1923). *Persia, its economic situation and foreign trade 1901—1923.* Tiflis: People's Commissariat for Foreign Trade Z.S.F.S.R. 558 p. (In Russ.).
Dehqannejhad, M. (2012). Treaty of Turkman Chāy and the Problem of Succession: an Investigation of Russian Interference in Qājār's Succession Problem. *Historical Studies, 2:* 43—62.
Fedorov, M. P. (1903). *The rivalry of trade interests in the East: Dokl. chl. of the Council of the Institute of Oriental Studies M. P. Fedorov.* St. Petersburg: Electro-type by N. Ya. Stoykova. 474 p. (In Russ.).
Firdous, N. (2017). Anglo-Russian imperialism in Iran. *Proceedings of the Indian History Congress, 78:* 864—68.
Gokov, O. A. (2019). Russian policy in Iran in the early 1890s: a change of priorities. *Bulletin of Dmitry Pozharsky University, 4:* 40—100. (In Russ.).
Istomina, E. G. (2013). The Caspian Sea in the geo-economic and political space of regional processes in Russia of the XIX — early XX century. *Bulletin of the Russian State University. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies, 9 (110):* 153—168. (In Russ.).
Kanukova, Z. V., Tuaeva, B. V. (2019). The Persian community in Vladikavkaz: mechanisms for preserving ethnic identity in a foreign cultural environment. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia, 18 (3):* 560—588. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-560-58812. (In Russ.).
Kazemzadeh, F. (2013). *Russia and Britain in Persia: Imperial Ambitions in Qajar Iran.* New York: I. B. Tauris. xvii, 711 p.
Kirilets, S. V. (2013). The first truckers of international transportation. *Truck press.* Available at: https://gruzovikpress.ru/article/1155-pervye-dalnoboyshchiki-mejdunarodnyh-perevozok /?ysclid=lslrqjishi505608279 (accessed 02.15.2024). (In Russ.).
Krasnyak, O. A. (2007). *The formation of the Iranian regular army in 1879—1921: based on the archives of the Russian military mission.* Moscow: URSS. 158 p. ISBN 978-5-382-00116-6. (In Russ.).
Kukanova, N. G. (1977). *Essays on the history of Russian-Iranian relations in the XVII — first half of the XIX century (Based on the materials of Russian archives).* Saransk: Mordovian Book Publishing House. 286 p. (In Russ.).

Kulagina, L. M. (2009). Trade and economic relations between Russia and Iran (XIX — early XX century). In: *Iran. History, economics, culture.* Moscow: IV RAS. 118—140. (In Russ.).

Larin, A. B. (2021). Shortly before the storm: Russia and Britain in Iran in 1913. *ENOJ Istoriya, 12 / 1 (99).* DOI: 10.18254/S207987840013829-0. (In Russ.).

Morshedloo, J. (2018). Oriental Studies and Geographical Discoveries in Favor of Colonial Strategy: The Case of Russian Colonial Policy in the Southern Caucasus. *Central Eurasia Studies, 2:* 491—512. DOI: 10.22059/jcep.2019.258293.449771.

Naumova, N. A. (2022). *Eastern Persia in the last third of the XIX — early XX centuries and its role in the confrontation between Russia and Great Britain in Central Asia.* PhD Diss. Stavropol. 265 p. (In Russ.).

Nikonov, O. A. (2015). *The policy of the Russian Empire in the Middle East in the second half of the XIX century.* Moscow: Prometheus. 141 p. ISBN 978-5-9905886-8-4. (In Russ.).

Seyyed Bonakdar, S. M., Kamalvand, M. (2023). The Role of the Great Game in the Inefficiency of the Formality System of the Iranian Court from 1796 to 1896. *Geopolitics Quarterly, 18 (4):* 226—249. DOI: 20.1001.1.17354331.1401.18.68.10.2.

The article was submitted 23.02.2024;
approved after reviewing 16.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кругликов А. С. Деятельность приходских попечительств Тобольской епархии во второй трети XIX — начале XX веков / А. С. Кругликов, В. В. Цысь // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 463—487. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-463-487.

Kruglikov, A. S., Tsys, V. V. (2024). Activities of Parish Guardianships of Tobolsk Diocese in Second Third of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 463-487. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-463-487. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Деятельность приходских попечительств Тобольской епархии во второй трети XIX — начале XX веков

Кругликов Александр Сергеевич [1,2]
orcid.org/0000-0002-3661-3402
[1] руководитель отдела образования Нижневартовского городского благочиния;
[2] аспирант кафедры истории России и документоведения,
корреспондирующий автор
al.kruglickow1983@yandex.ru

Цысь Валерий Валентинович [2]
orcid.org/0000-0002-9695-3900
WoS ResearcherID O-2448-2015
ScopusAuthorID 56902637200
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения
roshist@mail.ru

[1] Ханты-Мансийская епархия Русской православной церкви (Ханты-Мансийск, Россия)

[2] Нижневартовский государственный университет (Нижневартовск, Россия)

Activities of Parish Guardianships of Tobolsk Diocese in Second Third of 19th — Early 20th Centuries

Alexander S. Kruglikov [1,2]
orcid.org/0000-0002-3661-3402
[1] Head of the Education Department of the Nizhnevartovsk City Deanery;
[2] PhD student of the Department of Russian History and Archival Studies,
Corresponding author
al.kruglickow1983@yandex.ru

Valery V. Tsys
orcid.org/0000-0002-9695-3900
WoS ResearcherID O-2448-2015
ScopusAuthorID 56902637200
Doctor of History, professor, Department of Russian History and Documentation
roshist@mail.ru

[1] Khanty-Mansiysk Diocese of the Russian Orthodox Church (Khanty-Mansiysk, Russia)

[2] Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russia)

© Кругликов А. С., Цысь В. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассмотрены вопросы создания, функционирования, основные направления деятельности приходских попечительств Тобольской епархии во второй трети XIX — начале XX веков. Основой для исследования послужили материалы федеральных и региональных архивов, а также «Тобольские епархиальные ведомости». Отмечено, что организация попечительств являлась частью церковных реформ периода правления Александра II, направленных на оживление приходской жизни. Делается вывод, что попечительства не оправдали возлагавшихся на них надежд. Несмотря на их количественный рост, прихожане предпочитали выделять деньги на украшение храмов, а не на повышение уровня жизни духовенства. Даже в наиболее зажиточных приходах расходы не касаются улучшения материального состояния причта. Причиной этого явления было отчуждение клира и мирян, недовольство епархиального начальства возможной утратой контроля над церковными доходами и расходами, опасения священников, что попечители могут попытаться изолировать их от приходских дел. Тем не менее работа попечительств дала импульс к переосмыслению прихожанами своих прав в вопросе приходского самоуправления и в этом отношении имела положительное значение.

Ключевые слова:
Русская православная церковь; православные общественные организации; синодальный период; приходские попечительства; благотворительность; духовенство; Тобольская епархия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the issues of creation, functioning, and main directions of activities of parish guardianships of the Tobolsk Diocese in the second third of the 19th — early 20th centuries. The study is based on materials from federal and regional archives, as well as the “Tobolsk Diocesan Gazette.” It is noted that the organization of guardianships was part of the church reforms during the reign of Alexander II aimed at revitalizing parish life. The conclusion is drawn that the guardianships did not live up to the expectations placed on them. Despite their quantitative growth, parishioners preferred to allocate funds for decorating churches rather than improving the clergy’s standard of living. Even in the most affluent parishes, expenses did not focus on enhancing the priests' material well-being. The alienation of the clergy and laity, dissatisfaction of diocesan authorities with the possible loss of control over church revenues and expenditures, and priests’ fears that guardians might try to isolate them from parish affairs were reasons for this phenomenon. Nevertheless, the work of the guardianships prompted parishioners to rethink their rights regarding parish self-government and had a positive impact in this regard.

Key words:
Russian Orthodox Church; Orthodox public organizations; Synodal period; parish guardianships; charity; clergy; Tobolsk Diocese.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).06/.08+364.044.66(571.1)“187/191”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-463-487

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Деятельность приходских попечительств Тобольской епархии во второй трети XIX — начале XX веков

© Кругликов А. С., Цысь В. В., 2024

1. Введение = Introduction

Синодальный период Русской православной церкви занимает особое место в научном дискурсе, привлекая к себе особое внимание исследователей благодаря своей огромной роли в истории государства и изменении социальных ландшафтов империи. Восшествие на престол молодого императора вызвало в обществе ожидания грядущих перемен, которые нашли отклик у всех сословий, в том числе и духовенства. В это время появились церковные периодические издания, ознаменовавшие начало дискуссий, в которых обсуждались многочисленные насущные вопросы общественной жизни.

Эти дискуссии охватывали широкий спектр проблем, касающихся деятельности приходских общин, социальных нужд духовенства и, в более широком смысле, сложных взаимоотношений между церковью, государством и сословными институтами. Разнообразие выявленных вопросов и аспектов их деятельности сыграло решающую роль в определении основных направлений церковной реформы. Центральное место в реформаторских начинаниях занимали глобальные изменения в социально-экономическом положении духовенства, реструктуризация системы управления приходами, а также реализация социальных и корпоративных инициатив.

Одним из направлений данных изменений стало создание сети приходских попечительств как организаций, которые должны были аккумулировать общественную активность религиозно настроенных русских людей, направить ее на решение задач православной благотворительности и созидания. Насколько успешными были эти усилия государства и Русской православной церкви? Ответ на указанный вопрос имеет значение для понимания характера и результативности церковных реформ второй половины XIX века в целом.

Великие реформы, как историческая эпоха, характеризовались сложными процессами, сформировавшими новый церковный облик. Противо-

CC BY

речивость и незавершенность, присущие этим преобразованиям, делают их предметом особого интереса и анализа в исторической науке. Несмотря на достаточно широкое внимание со стороны ученых к формам и методам приходской благотворительности в контексте работы церковно-приходских попечительств в Российской империи пореформенного периода, деятельность последних редко становилась предметом изучения.

Историография дореволюционного и советского периода содержит лишь отрывочные и общие сведения о церковно-приходских попечительствах в общероссийском масштабе, не отражая ситуации на региональном уровне. Обращение современных ученых к указанной проблематике сопряжено с решением ряда исследовательских задач, выходящих за рамки непосредственной работы приходских попечительств.

А. Л. Беглов предпринял попытку широкого, всестороннего анализа на общероссийском уровне деятельности приходских попечительств, которые рассматривались им в неразрывной связи с «критическим состоянием православного прихода» и приходской реформы. Автор отмечал, что реформаторская инициатива государства, учреждение приходских попечительств направлены «прежде всего на изменение статуса и материального положения православного духовенства империи, приход же рассматривался ими лишь как источник возможного повышения благосостояния священно- и церковнослужителей» [Беглов, 2014, с. 105]. А. Л. Бегловым впервые в историографии дан подробный анализ и структурированы мнения управляющих на местах епископов о положении дел в епархии относительно приходских попечительств и их предстоящей реформы, намеченной обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым в 1893 году. Автор справедливо отмечает возникновение конфликтных ситуаций между попечительством и крестьянским миром, членами которых зачастую являлись одни и те же люди. А. Л. Беглов заключает, что «к возрождению приходской жизни организация попечительств не привела, и к началу 1890-х годов их обычно уже не рассматривали как структуру, которая могла бы этому способствовать» [Там же, с. 127].

Благотворительная деятельность попечительств г. Москвы в контексте просветительской работы приходов представлена М. Е. Грабко. Автор употребляет термин «урбанизированное христианство», которое посредством благотворительных проектов осуществляет катехизацию прихожан. Прокладывая мост в современность, исследователь показывает неразрывную связь приходской благотворительной и миссионерской деятельности. Называя работу попечительств Москвы «примером уникальной благотворительной инициативы», М. Е. Грабко усматривает и основное направление деятельности приходской благотворительности — «совместное попечение

CC BY

о нуждающихся со стороны духовенства, прихожан и частных лиц» как организованная приходская инициатива в вопросе «выдачи ежемесячных и единовременных пособий неимущим, содержании богаделен и детских приютов, воскресных и церковно-приходских школ» [Грабко, 2015, с. 240—242]. Похожая оценка деятельности попечительств г. Москвы встречается в работах [Зубанова, 2014, с. 145—156; Дериземля, 2020, с. 133—143].

Н. И. Гавриловой и А. М. Адаменко дана характеристика деятельности церковно-приходских попечительств в Иркутске и Томске. Авторы подчеркивают их роль в развитии социальной помощи и активизации общественной жизни [Адаменко, 2011, с. 34—37], рассматривают организационно-правовые основы законодательства, приводят статистические данные о динамике изменения численности в городах. Особое внимание уделяется социальному составу обществ, где, что характерно для города, преобладало мещанство, средние и низшие чиновники, а также состоятельные лица из различных слоев населения. Н. И. Гаврилова характеризует попечительства «как структурный сегмент благотворительности, отвечающий принципам децентрализации и индивидуализации помощи», не сумевший, однако, реализовать свой огромный потенциал [Гаврилова, 2019, с. 65—71].

С. А. Иконников на основе материалов архивов Центрального Черноземья отмечает, что попечительства имели целевой характер и создавались под конкретные нужды «в ходе строительства храма или ремонта колокольни, а затем, после выполнения поставленной задачи, упразднялись, либо оставались на бумаге, реально не функционируя», за небольшими исключениями [Иконников, 2018, с. 80]. К аналогичным выводам приходит Т. А. Катцина [Катцина, 2015, с. 38—42] и А. А. Терскова [Терскова, 2010, с. 215—219], а также П. П. Пуглеев [Пуглеев, 2021, с. 8—14], характеризующие становление благотворительных приходских инициатив соответственно в Восточной Сибири и Калужской губернии. С. А. Иконников объясняет подобные процессы, характерные, впрочем, для всех епархий, все серьезнее назревавшим кризисом синодальной системы управления, когда безразличное отношение к церкви и приходским инициативам, противостояние с крестьянским миром не позволяли говорить об эффективности предложенных государством реформ [Иконников, 2018, с. 83].

Оценивая итоги работы Особого Присутствия по делам православного духовенства, М. Кокарев показал «неготовность государства к серьезным преобразованиям в духовном ведомстве», а организацию приходских попечительств характеризовал как малодейственную и малоэффективную инициативу. Несмотря на благоприятные географические условия расположения приходов Самарской епархии, «неплохие» результаты сборов на нужды приходских попечительств, автор обращает внимание на нередко

CC BY

возникавшие конфликтные ситуации между попечительством, причтом и старостой, в инструкции которых процесс взаимодействия с этими благотворительными обществами даже не упоминался [Кокарев, 2020, с. 3—14]. Распределение расходной части попечительств выглядит односторонне, что характерно для общероссийских показателей. Прихожане не стремились отдавать свои деньги на содержание причта. (Подобную же характеристику расходов приводит и М. В. Хланта [Хланта, 2016, с. 15—24]). Целевые поступления, направленные по трем различным статьям, показывают, что на содержание причта к концу XIX века тратилось не более 1/6 собранной суммы [Кокарев, 2019, с. 304—311], а к революционным годам этот показатель снижался еще больше. Вместе с М. Кокаревым к аналогичным выводам приходят В. Н. Якунин [Якунин, 2019, с. 23—26], А. И. Кошелева [Кошелева, 2015, с. 9—13] и Н. В. Федорова [Федорова, 2013, с. 200—204], рассматривающие деятельность попечительств в Пензенской, Самарской и Донской епархиях. Приходские попечительства характеризуются М. Кокаревым как ступень к приходскому самоуправлению, возрождению прихода, активному участию мирян в приходской жизни и деятельности.

Анализ историографии показывает, что в поле зрения исследователей церковно-приходские попечительства попадают в связи с раскрытием смежных тем, касающихся общих и частных вопросов реформ Александра II, приходской деятельности в сфере катехизации, миссионерства и социального статуса священнослужителей, а оценка эффективности их деятельности обнаруживает полярные суждения исследователей.

Поэтому раскрытие вопросов, связанных с созданием и функционированием приходских попечительств на материалах Тобольской епархии, представляется актуальной научной задачей.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой для настоящего исследования послужили материалы фондов, находящиеся в Российском государственном историческом архиве (ф. 796 — Канцелярия Синода, Ф. 804 — Присутствие по делам православного духовенства) [РГИА], Государственном архиве в г. Тобольске (ф. И694 — Тобольский Епархиальный Совет, ф. И78 — Тобольская Богоявленская (Богородская) церковь, ф. И539 — Попечительство Тобольского Кафедрального собора) [ГБУТО ГА] и Государственном архиве Тюменской области (ф. И114 — Тюменский Благочинный единоверческих церквей) [ГБУТО ГАТО].

Так, в фонде Присутствия по делам православного духовенства (ф. 804) содержатся важные сведения об истории разработки и утверждения «Положения об устройстве приходского управления», а в Канцелярии

CC BY

Синода (ф. 796) огромное внимание уделяется делу о пересмотре Положения о приходских попечительствах, где подробно изложены сведения епархиальных преосвященных, в том числе епископа Тобольского и Сибирского Агафангела (Преображенского), о деятельности указанных приходских структур и о связанных с этим нерешенных кадровых, организационных, административных и финансовых вопросах.

В государственном архиве Тюменской области в фонде Тюменского Благочинного единоверческих церквей (ф. И114) встречаются первые упоминания об открытии приходских попечительств в Тобольской епархии.

Государственный архив в г. Тобольске представлен несколькими фондами, в которых хранятся сведения о деятельности приходского попечительства Тобольской Богоявленской церкви (ф. И78), функционирование которого можно считать образцовым, и Попечительства Тобольского Кафедрального собора (ф. И539), которое, являясь центральным в епархии, прототипом для остальных приходских учреждений подобного рода, несмотря на использование административного ресурса, не смогло реализовать свой потенциал.

Привлеченные архивные источники, в том числе не введенные ранее в научный оборот, позволяют на региональном материале составить целостное представление об указанных благотворительных приходских учреждениях в Тобольской епархии, а также проследить результаты полемики вокруг деятельности этих обществ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Существующее до середины XIX века положение духовенства не устраивало ни светские власти, ни церковные. Низкий социальный статус священнослужителей ставил под сомнение проведение намеченных государством глобальных преобразований, так как разрыв между клиром, который являлся «официальным рупором власти», и миром уже было невозможно не заметить. Первые отголоски грядущей реформы прозвучали практически одновременно с разных окраин империи. Непримиримое противостояние православной и католической церкви на западе, а также крайняя бедность духовенства на востоке империи явились предпосылками будущих попыток изменить в лучшую сторону материальное положение священно- и церковнослужителей.

3.1. Разработка, утверждение и основные нормы Положения о приходских попечительствах

Разработка положения о приходских попечительствах проводилась на заседаниях особого Присутствия по улучшению быта православного духовенства, получив, после долгих дебатов, свое выражение в компромисс-

CC BY

ном для светской и духовной власти проекте, подписанном в конце мая 1863 года членами Присутствия, а в середине июня — императором.

В условиях проводимых государством реформ новая приходская структура должна была отвечать условиям, возникшим в стране в связи с отменой крепостного права. Проект направили на экспертизу, которая выявила существенные недостатки, требующие исправления или корректировки: повышение законодательного статута о приходских попечительствах; увеличение роли прихожан в управлении приходом; регламентирование состава попечительства и исключение священнослужителей из кандидатов на должность председателя; изменение регламента сборов на нужды попечительства, исходя из «уплачиваемого налога на земские повинности»; расширение полномочий приходских попечительств; возвращение выборного начала приходского духовенства посредством общего собрания попечительства; изменение названия проекта на «Положение об устройстве приходского управления» [РГИА, ф. 804, оп. 1, р. 3, д. 470, л. 182—186 об.]. После внесения небольших изменений с учетом высказанных замечаний 2 августа 1864 года «Положение о Приходских Попечительствах при Православных церквах» было утверждено.

Структура законодательного акта выглядит следующим образом: цель организации приходских попечительств, состав неизменных членов попечительства, председатель попечительства, порядок проведения заседаний и принятия решений, обязанности попечительства, взаимодействие с другими благотворительными учреждениями прихода, порядок делопроизводства и отчетности, состав общего собрания прихожан «по предметам ведомства попечительств», порядок созыва собрания прихожан, легитимность собрания, проверка отчетности деятельности попечительства, разрешение споров, находящихся вне компетенции попечительства, права и обязанности приходского попечителя [Положение ..., с. 688—691].

Организация работы приходских попечительств была возложена на епархиальных преосвященных, давая возможность постепенной реализации закона с учетом местных особенностей и «по мере удобств и возможности». Также Положение предусматривало перспективу изменения или дополнения к существующим правилам организации приходских попечительств, «испрашивая на то разрешение установленным порядком».

В п. 1 положения были регламентированы цели создания попечительств: «благоустройство и благосостояние приходской церкви и причта в хозяйственном отношении, а также устройство первоначального обучения детей и для благотворительных действий в пределах прихода» [Там же, с. 689], для чего необходимо было решить задачи, изложенные в п. 5: «Содержание и удовлетворение нужд приходской церкви и изыскание

CC BY

средств для производства нужных исправлений в церковных строениях и возведении новых вместо пришедших в упадок; Забота о пользовании приходским духовенством всеми, предоставленными ему средствами для содержания, а при необходимости поиске новых; Устройство домов для церковного причта; Изыскание средств для учреждения в приходе школы, больницы, богадельни, приюта и иных благотворительных заведений; Оказание бедным людям прихода возможных пособий, а также погребения неимущих умерших и содержание в порядке кладбищ» [Там же, с. 690], что отвечало насущным проблемам прихода.

3.2. Церковно-приходские попечительства Тобольской епархии: численность, отношения с крестьянским миром, реформа

Первые упоминания об открытии приходских попечительств в Тобольской епархии относятся к 1864 году [ГБУТО ГАТО, ф. И114, оп. 1, д. 313, л. 3]. Отчеты и извлечения из отчетов обер-прокурора Св. Синода, сведения об открытии попечительств из «Тобольских епархиальных ведомостей» за 1868—1914 годы показывают, что количество попечительств стабильно растет, что в целом соответствует общероссийской динамике (табл. 1).

Таблица 1

Численность приходских попечительств Тобольской епархии в 1868—1914 гг., шт.
= The number of parish trusteeships of the Tobolsk diocese 1868—1914

Год	Количество		
	Было	Открылось	Стало
1868	106	8	114
1869	114	5	119
1870	119	1	120
1871	120	0	120
1872	120	18	138
1873	138	0	138
1874	138	1	139
1875	139	3	142
1876	142	1	143
1877	143	11	154
1878	70	38	108
1879	108	11	119
1880	113	3	116
1881	115	4	119
1882	116	6	122

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Окончание табл. 1

Год	Количество		
	Было	Открылось	Стало
1883	122	2	124
1884	124	0	124
1885	124	2	126
1886	126	5	131
1887	130	10	140
1888	138	0	138
1890	138	3	141
1892	144	0	144
1894	157	0	107
1896	118	4	122
1898	122	3	125
1899	125	4	129
1901	143	10	153
1902	153	7	160
1903	160	55	215
1904	215	5	221
1905	221	4	225
1906	225	13	238
1907	238	6	246
1908	246	2	248
1909	248	5	253
1910	253	5	258
1911	258	4	262
1912	262	1	263
1913	263	3	266
1914	266	4	270

* Составлено по: Россия. Синод. Обер-прокурор. Извлечение… за 1868 г., с. 124—125; … за 1869 г., с. 122—123; … за 1870 г., с. 122—123; … за 1871 г., с. 120—121; … за 1872 г., с. 120—121; … за 1873 г., с. 118—119; … за 1874 г., с. 118—119; … за 1875 г., с. 118—119; … за 1876 г., с. 118—119; … за 1877 г., с. 118—119; … за 1878 г., с. 118—119; … за 1879 г., с. 118—119; …за 1880 г., с. 118—119; … за 1881 г., с. 118—119; … за 1882 г., с. 120—121; … за 1883 г., с. 120—121; Россия. Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет… за 1884 г., с. 120—121; … за 1885 г., с. 120—121; … за 1886 г., с. 122—123; … за 1887 г., с. 112—113; … за 1888 г., с. 202—203; … за 1890 г., с. 224—225; … за 1892 г., с. 150—151; …за 1894 г., с. 152—153; … за 1896 г., с. 60—61; … за 1898 г., с. 60—61; … 1899 г., с. 60—61; … за 1901 г., с. 60—61; … за 1902 г., с. 60—61; … за 1903—1904 гг., с. 80—81; … за 1905—1907 гг., с. 78—87; … за 1908—1909 гг., с. 92—99; … за 1910 г., с. 16—17; … за 1911—1912 гг., с. 26—33; … за 1913 г., с. 16—19; за … 1914 г., с. 16—19.

CC BY

Из представленных данных видно, что к началу 1868 года в Тобольской епархии действовали уже 106 приходских попечительств, которые были открыты за предшествующие три года с момента утверждения Положения. Однако за последующие 30 лет приходских попечительств открыто менее пятидесяти, к тому же резкая корректировка численности происходит к началу 1878 года. Это косвенно свидетельствует о применении административного рычага в решении этого вопроса со стороны епархиального руководства и лишь номинальном существовании попечительств на приходах.

Падение показателей в 1895 году связано с выделением из состава Тобольской епархии вновь образованной Омской. Кроме прямых указаний об открытии попечительств, епархиальное руководство через «Тобольские епархиальные ведомости» пыталось не только разъяснить священнослужителям основные нормы Положения, но и представить позитивный опыт деятельности уже организованных попечительств [Польза приходских …, 1882, с. 419—422; Обновление храма …, 1896, с. 500—502; Епархиальные известия, 1898, с. 54; о значении …, 1895, с. 246—248; Корреспонденция, 1883, с. 427—428; Церковно-приходские попечительства …, 1882, с. 247—250].

В 1895 году на страницах епархиального периодического издания помещена резолюция владыки на прошение об открытии очередного приходского попечительства, в которой преосвященный Агафангел (Преображенский) сетовал, что попечительства создаются с нарушениями закона, а попечители и председатели своих обязанностей не знают [Распоряжение …, 1895, с. 56.]. Эти критические замечания связаны с переоценкой эффективности деятельности попечительств со стороны обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева в 1893 году и возможной их реорганизации по новому образцу. Владыка Агафангел во исполнение циркулярного указа Св. Синода от 22 ноября 1893 года по делу о пересмотре Положения о приходских попечительствах доложил следующее: «К 1895 году в Тобольской епархии в 300 приходах попечительств не открыто. Прихожане не сочувствуют этим учреждениям, видя в этом лишнюю для себя службу, не освобождающую их от выбора на другие. Вследствие чего, прихожане избирают в члены попечителей лиц, не соответствующих своему назначению. А если и осознают важность и значение попечительств, и относятся к ним сочувственно, то при неимении каких-либо гражданских прав и за отсутствием в их распоряжении средств для уставных действий, уклоняются от выбора в состав сих учреждений. Попечительства — беспомощны. Председатель попечительства не имеет даже возможности собрать на общее собрание прихожан, так как право собирать мирские сходы предоставлено лишь волостным и сельским начальникам, а крестьяне-прихожане без распоряжения и понуждения не являются на сходы. Волостные же начальники

CC BY

сами не только не присутствуют в попечительствах, но и не принимают в интересах их никакого участия. Вследствие того, что прихожан на общие собрания является мало, становится невозможным установить какие бы то ни было обязательные сборы, в каких часто бывает надобность ввиду недостаточности добровольных пожертвований, ведь приговор о сборах обязателен только для подписавших его, поэтому, прихожане, не желающие сбора, не являются на сходы, чтобы не подписываться. Те же кто явился и подписал, тяготятся подобным неравноправным распределением налогов, что вызывает в них ропот и неприязнь к членам попечительства и ведет к разладу с духовенством и охлаждению к церкви и попечительству, как приходскому учреждению. Затем и лица, согласившиеся на налог, начинают отказываться, из-за чего попечительства вынуждены обращаться к содействию гражданских властей, которые принимают в уважение лишь постановления, утвержденные большинством голосов в каждом сельском обществе в отдельности, при чем православные и раскольники не разделяются» [РГИА, ф. 796, оп. 174, т. 2, д. 1292, л. 428—433 об.]. Таково было реальное положение дел, свидетельствующее о том, что система организации и управления попечительствами оценивалась Тобольским епархиальным начальством крайне низко.

3.3. Структура расходов приходских попечительств Тобольской епархии

Деятельность приходских попечительств невозможно рассматривать вне контекста отмены крепостного права, напрямую повлиявшей на приходские попечительства, поскольку крепостные крестьяне освободились от личной крепостной зависимости, но остались привязанными к крестьянской общине. Деревенский сход стал ключевой фигурой в жизни прихода, превосходящей влияние священника. Сход обладал властью над членами и его решения были обязательными даже для отсутствующих. Собрание имело право налагать «мирские пошлины» и обеспечивать выполнение таких обязательств, как поддержка церкви, духовенства и забота о незащищенных слоях населения, что совпадало с обязанностями приходских попечительств.

Несмотря на некоторую противоречивость проведенных реформ, попечительствам удалось реализовать себя в вопросе благоустройства и украшения храмов и храмовых территорий. Подробное рассмотрение расходной части бюджета попечительств наглядно характеризует процесс постепенного отчуждения духовенства от прихожан, которые были далеки от вопросов материального обеспечения священно- и церковнослужителей за крестьянский счет. В таблице прослежены расходы приходских попечительств Тобольской епархии по целевым направлениям в 1868—1914 годах (табл. 2).

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Таблица 2

Целевые расходы приходских попечительств Тобольской епархии в 1868—1914 гг. *
= Targeted expenditures of parish trusteeships of the Tobolsk diocese in 1868—1914

Год	Целевые расходы (руб.)		
	Церковь	Школы	Причт
1868	0	0	0
1869	2130	4818	76
1870	1345	97	19
1871	1649	26	33
1872	2744	51	294
1873	9277	4	5
1874	3918	29	254
1875	4675	31	1017
1876	4825	1501	96
1877	7754	152	411
1878	8257	577	484
1879	21863	905	1215
1880	15442	600	2242
1881	16995	1385	4448
1882	19174	1028	1271
1883	–	–	–
1884	13018	397	3496
1885	5996	1053	992
1886	9334	1347	542
1887	25457	1613	1170
1888	16844	670	2785
1890	15430	751	2324
1892	10550	689	1958
1894	12532	548	1578
1896	16062	782	1869
1898	17587	316	813
1899	22723	779	4853
1901	20200	2625	1674
1902	20314	2738	1535
1904	40327	2290	8198
1905	49956	4194	8308
1906	52663	2273	7849

CC BY

Окончание табл. 2

Год	Целевые расходы (руб.)		
	Церковь	Школы	Причт
1907	61575	3625	10130
1908	65522	7763	12200
1909	78860	2728	14684
1910	68528	4098	18123
1911	50409	3390	11744
1912	104023	24930	3612
1913	61301	4497	13759
1914	48994	2352	10310

* Составлено по: Россия. Синод. Обер-прокурор. Извлечение… за 1868 г., с. 124—125; … за 1869 г., с. 122—123; … за 1870 г., с. 122—123; … за 1871 г., с. 120—121; … за 1872 г., с. 120—121; … за 1873 г., с. 118—119; … за 1874 г., с. 118—119; … за 1875 г., с. 118—119; … за 1876 г., с. 118—119; … за 1877 г., с. 118—119; … за 1878 г., с. 118—119; … за 1879 г., с. 118—119; …за 1880 г., с. 118—119; … за 1881 г., с. 118—119; … за 1882 г., с. 120—121; … за 1883 г., с. 120—121; Россия. Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет… за 1884 г., с. 120—121; … за 1885 г., с. 120—121; … за 1886 г., с. 122—123; … за 1887 г., с. 112—113; … за 1888 г., с. 202—203; … за 1890 г., с. 224—225; … за 1892 г., с. 150—151; …за 1894 г., с. 152—153; … за 1896 г., с. 60—61; … за 1898 г., с. 60—61; … 1899 г., с. 60—61; … за 1901 г., с. 60—61; … за 1902 г., с. 60—61; … за 1903—1904 гг., с. 80—81; … за 1905—1907 гг., с. 78—87; … за 1908—1909 гг., с. 92—99; … за 1910 г., с. 16—17; … за 1911—1912 гг., с. 26—33; … за 1913 г., с. 16—19; за … 1914 г., с. 16—19.

Как видно, приходские попечительства Тобольской епархии направляли свои средства в основном не на содержание духовенства, а на благоукрашение храмов. Подобные тенденции были характерны и для общероссийского уровня. Представленная информация иллюстрирует изменение структуры расходов этих попечительств, при этом наблюдается постоянный рост расходов на украшение церквей, достигший максимума в 104 тыс. руб. в 1912 году. В этом же году расходы на причт составили всего 3612 руб., что составляет менее 3 % от общей суммы расходов, то есть в среднем 13,7 руб. на одно попечительство.

Такая динамика говорит о неравномерном распределении приоритетов при внесении целевых пожертвований на приходскую деятельность, в сравнении с которыми, взносы на поддержку духовенства вызывали меньший энтузиазм. Кроме перечисленных выше проблем разобщенности клира и мира, возможно, на это повлияли географические и экономические особенности Тобольской епархии. Несмотря на рост расходов приходских попечительств, основное внимание прихожан по-прежнему уделялось улучшению внешней архитектуры храма и решению хозяйственных

CC BY

нужд прихода, о чем свидетельствуют также и епархиальные ведомости. Имея ограниченные средства и выбирая между пожертвованиями на храм, школу или поддержку священника, прихожане, как правило, отдавали преимущество именно храму.

Среди активно действующих попечительств обращает на себя внимание работа попечительства при Богоявленской церкви г. Тобольска в решении хозяйственных задач. Оно было образовано 9 октября 1865 года и стало одним из первых, открывшихся в Тобольской епархии. Председателем избирается директор народных училищ Тобольской губернии, коллежский советник Филолог Васильевич Рудаков, а членами — городской глава Федор Иванович Кустарев, а также несколько купцов и государственных служащих, настоятель, староста [ГБУТО ГА, ф. И78, оп. 1, д. 43, л. 1об.-1а, 15—15 об.]. Сразу были намечены необходимые работы по исправлению причтовых домов, обивке колокольни железом, устройству угольника у колокольни и другие хозяйственные работы по благоукрашению храма и храмовой территории (за три года было собрано 1928 руб. 50 коп.) [ГБУТО ГА, ф. И78, оп. 1, д. 43, л. 7—8]. В 1867 году по «словесному желанию» архиепископа Варлаама (Успенского) обновить ветхий иконостас «с приличным благолепию христианских храмов украшению» для сбора денег были разосланы пригласительные листы [ГБУТО ГА, ф.-И78, оп. 1, д. 43, л. 14—14 об.]. Несмотря на активную деятельность попечительства, его расходы не касаются улучшения материального состояния духовенства.

Небольшим исключением из общего правила являлись единоверческие приходы в Курганском и Ишимском уезде, где структура расходов попечительства отличалась от общеепархиальной. Благочинный единоверческих церквей, священник Ермий Бердюгин во исполнение указа от 28 января 1917 года за № 2063 сообщал, что в «благочинии состояло 10 попечительств, которыми сделаны расходы на поддержание и украшение храмов в сумме 9921 рублей, на ремонт причтовых домов в сумме 926 рублей, на содержание причтов 11020 рублей» [ГБУТО ГА, ф.-И694, оп. 1, д. 237, л. 5—7]. Фактическая же сумма, потраченная на содержание причта, составила 11946 руб., что в процентном отношении составляет 54,5 % от общей суммы расходов.

Но в основном инициативы попечителей не смогли изменить экономическое благосостояние духовенства, и эти организации стали рассматриваться как чужеродные элементы в приходской структуре, вызывая подозрение как у духовенства, так и у многих прихожан, особенно крестьян. Священники опасались, что попечители могут попытаться изолировать их от приходских дел. Ограниченность средств прихожан, особенно в сельской местности, наряду с медленным принятием попечительств и внутренними разногласиями, еще больше снижали их эффективность.

CC BY

Все деньги, которые удавалось привлечь за счет разных источников финансирования, тратились в этом же году, в отдельных случаях образуя дефицит средств. Так, попечительство Тобольского кафедрального собора, являвшееся центральным в епархии и пользующееся административным ресурсом для пополнения своего бюджета, имело списки лиц, «уплачивающих гильдейские пошлины с обозначением годового оборота их капиталов и получаемой в год чистой прибыли на капитал, каким должны быть разосланы воззвания с подписными листами для сбора пожертвований» [ГБУТО ГА, ф.-И539, оп. 1, д. 1, л. 1-4 об.]. Однако и этих усилий было недостаточно, и к 1905 году дефицит «перерасходов против поступлений» доходил до 900 рублей [Там же, л. 8].

4. Заключение = Conclusions

Учреждение и деятельность церковно-приходских попечительств оценивалась неоднозначно как в дореволюционный период, так и сегодня. Ожидания, возложенные духовенством на улучшение материального состояния причтов посредством реформ, себя не оправдали, однако дали новый импульс к осмыслению прихожанами своих прав в вопросе приходского самоуправления, о чем свидетельствует структура расходов.

Положив начатки деятельного участия прихожан в приходской жизни, попечительства, однако, не смогли реализовать эти начинания в полной мере, еще более углубив отчужденность верующих и духовенства. Предполагаемая реформа попечительств в 1893 году охарактеризовала отношение епархиального руководства к деятельности попечительств как «подозрительное». Архиереи на местах стремились включить попечительства в структуру епархиальной благотворительности, лишив верующих возможности даже выбирать членов попечительства без присутствия благочинного и последующего епархиального согласования кандидатов.

Церковная благотворительность существовала на приходах до периода Великих реформ и продолжила существовать после неудавшихся попыток церковных преобразований, прихожане не стали меньше заботиться о благоустройстве своих церквей, призрении бедных и социально незащищенных братьев и сестер, а утвержденное в 1864 году Положение лишь кодифицировало уже существующие практики.

С началом XX века светская и церковная благотворительность проходят трансформацию, которая характеризуется не только усложнением структуры, но и переходом от институционального к корпоративному и даже частному уровню церковных благотворительных учреждений, смешиванию их задач и границ.

CC BY

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. И694 (Тобольский Епархиальный Совет) 1818—1922 гг. ; Ф. И78 (Тобольская Богоявленская (Богородская) церковь) 1789—1918 гг.; Ф. И539 (Попечительство Тобольского Кафедрального собора) 1898—1906 гг.

2. ГБУТО ГАТО — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области». Ф. И114 (Тюменский Благочинный единоверческих церквей. г. Тюмень Тобольской губернии.) 1823—1923 гг.

3. *Епархиальные* известия // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный. — 1898. — № 4. — С. 54.

4. *Корреспонденция* // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. — 1883. — № 20. — С. 427—428.

5. *О значении* церковно-приходских попечительств // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. — 1895. — № 13—14. — С. 246—248.

6. *Обновление* храма в селе пышминском, Тюменском округе // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. — 1896. — № 22. — С. 500—502.

7. *Положение* (Положение) о приходских попечительствах при православных церквях. 1864 // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание (1825—1881). — Т. 39. — Ч. 91. — № 41144.

8. *Польза* приходских попечительств // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. — 1882. — № 20. — С. 419—422.

9. *Распоряжение* епархиального начальства // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный. — 1895. — № 6. — С. 56.

10. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796 (Канцелярия Синода) 1720—1918 гг. ; Ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства) 1859—1882 гг.

11. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1884 год / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1886. — XI, 361, 111 с.

12. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1885 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1887. — X, 292, 127 с.

13. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1886 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1888. — X, 237, 129 с.

14. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1887 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1889. — X, 289, 123 с.

15. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1891. — XII, 472, 213 с.

CC BY

16. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1893. — XIV, 511, 235 с.

17. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1892 и 1893 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1895. — XV, 601, 157 с.

18. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1894 и 1895 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1898. — XIV, 427, 159 с.

19. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1896 и 1897 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1899. — XI, 279, 83 с.

20. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1899 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1902. — X, 272, 67 с.

21. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1901 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1905. — VII, 337, 73 с.

22. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1905. — VIII, 321, 83 с.

23. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903 и 1904 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1909. — XI, 352, 149 с.

24. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905 и 1907 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1910. — XII, 304, 268 с.

25. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908 и 1909 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1911. — XVII, 663, 266 с.

26. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 г. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1913. — X, 338, 131 с.

27. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 гг. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1913. — XIII, 3 36, 230 с.

28. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1915. — XI, 316, 142 с.

29. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1916. — X, 328, 144 с.

CC BY

30. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1868 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1869. — VIII, 270, 133 с.

31. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1870 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1871. — VIII, 284, 125 с.

32. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1871 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1872. — VIII, 242, 126 с.

33. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1872 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1873. — VI, 240, 123 с.

34. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1873 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1874. — VI, 246, 125 с.

35. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1874 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1876. — VI, 208, 125 с.

36. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1875 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1876. — VI, 286, 125 с.

37. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1876 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1877. — VI, 294, 125 с.

38. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1877 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1878. — VI, 298, 125 с.

39. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1878 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1879. — VI, 292, 125 с.

40. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1879 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1881. — VI, 280, 125 с.

41. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1880 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1882. — VI, 208, 125 с.

42. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1881 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1883. — VIII, 196, 125 с.

43. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1882 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1884. — IV, 186, 127 с.

44. *Россия.* Синод. Обер-прокурор. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1883 год. / Россия. Синод. Обер-прокурор. — Санкт-Петербург : Синод. тип., 1885. — VIII, 424, 127 с.

45. *Церковно-приходские* попечительства и приходские благотворительные общества // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный. — 1882. — № 21. — С. 247—250.

CC BY

Литература

1. *Адаменко А. М.* Образование и деятельность церковно-приходских попечительств на территории Томской епархии / А. М. Адаменко // Вестник Томского государственного университета. История. — 2011. — № 3 (15). — С. 34—37.

2. *Беглов А. Л.* Приходские попечительства при православных церквах Российской империи в 1890-е гг. : итоги 30-летней деятельности / А. Л. Беглов // Российская история. — 2014. — № 6. — С. 104—127.

3. *Гаврилова Н. И.* Церковно-приходские попечительства как структурная единица благотворительной деятельности локальных сообществ города / Н. И Гаврилова // Социальная компетентность. — 2019. — Т. 4. — № 1 (11). — С. 65—71.

4. *Грабко М. Е.* Церковное благотворение и миссия в городском пространстве : история и перспективы / М. Е. Грабко // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — 2015. — № 25. — С. 240—242.

5. Дериземля А. А. Роль приходских попечительств Москвы в социальном служении Церкви в начале XX в. / А. А. Дериземля // Церковный историк. — 2020. — № 2 (4). — С. 133—143. — DOI: 10.31802/CH.2020.4.2.008.

6. *Зубанова С. Г.* Социальная деятельность приходского духовенства в условиях огосударствленной православной церкви в Российской империи XIX в. / С. Г. Зубанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2014. — № 4. — С. 145—156.

7. *Иконников С. А.* Церковно-приходские попечительства и их роль в материальном обеспечении приходского духовенства центрального Черноземья во второй половине XIX — начале XX века / С. А. Иконников // История : факты и символы. — 2018. — № 4 (17). — С. 77—85. — DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-77-85.

8. *Катцина Т. А.* Становление православных приходских попечительств в Восточной Сибири (1864—1914 гг.) / Т. А. Катцина // Человек в Российской повседневности : история и современность : VIII Международная научно-практическая конференция : сборник статей, Пенза, 25—26 марта 2015 года. — Пенза : Пензенская государственная сельскохозяйственная академия, 2015. — С. 38—42.

9. *Кокарев М. С.* Приходское церковно-общественное самоуправление в России на рубеже XIX—XX вв. / М. С. Кокарев // Модернизация культуры: знание как инструмент развития : Материалы VII. — Самара : Самарский государственный институт культуры, 2019. — С. 304—311.

10. *Кокарев М.* Церковно-приходские попечительства в Русской Церкви во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах Самарской губернии) / М. Кокарев // Двадцать четвертые Иоанновские чтения : Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, Самара, 09 октября 2019 года / Составители : О. И. Радченко, Д. И. Овчинников. — Самара : ООО «Научно-технический центр», 2020. — С. 3—14. — ISBN 978-5-98229-434-0.

11. *Кошелева А. И.* Церковно-приходские попечительства в Пензенской и Самарской епархиях в 1880—1890-е гг. / А. И. Кошелева // Вестник Пензенского государственного университета. — 2015. — № 2 (10). — С. 9—13.

12. *Кругликов А. С.* К организационно-правовым аспектам деятельности церковно-приходских попечительств на примере Тобольской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. / А. С. Кругликов // Культура, наука, образование : проблемы и перспективы. — 2022. — С. 122—130. — DOI: 10.36906/KSP-2022/17.

13. *Пуглеев П. П.* Благотворительность церковно-приходских попечительств в конце XIX — начале XX века / П. П. Пуглеев // Наукосфера. — 2021. — № 4—1. — С. 8—14. — DOI: 10.5281/zenodo.4663373.

14. *Терскова А. А.* Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Енисейской губернии) / А. А. Терскова // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4—2 (68). — С. 215—219.

15. *Федорова Н. В.* Деятельность церковно-приходских попечительств Донской и Новочеркасской епархий в сфере благотворительности и общественного призрения в 1860—1870-е гг. / Н. В. Федорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 2—1 (28). — С. 200—204.

16. *Хланта М. В.* Материальное положение Православной Церкви в Российской империи во 2-ой половине XIX века / М. В. Хланта // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. — 2016. — № 1. — С. 15—24.

17. *Якунин В. Н.* Православные благотворительные и просветительские организации Самарской епархии во второй половине XIX — начале XX вв. / В. Н. Якунин // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : Материалы Международной научно-практической конференции, Чита, 16 мая 2019 года. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2019. — С. 23—26.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024,
одобрена после рецензирования 01.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

Correspondence. (1883). Tobolsk Diocesan Gazette. *The department is unofficial, 20:* 427—428. (In Russ.).

Diocesan News. (1898). Tobolsk Diocesan Gazette. *The department is official, 4:* S. 54. (In Russ.).

GBUTO GA — *The State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk". F. I694 (Tobolsk Diocesan Council) 1818—1922; F. I78 (Tobolsk Epiphany (Bogorodskaya) Church) 1789—1918; F. I539 (Guardianship of the Tobolsk Cathedral) 1898—1906.* (In Russ.).

GBUTO GATO — *The State budgetary institution of the Tyumen region "The State Archive of the Tyumen region". F. I114 (Tyumen Dean of co-religionist churches. Tyumen, Tobolsk province.) 1823—1923.* (In Russ.).

On the importance of parish guardianship. (1895). *Tobolsk diocesan Gazette. The department is unofficial, 13—14:* 246—248. (In Russ.).

Order of the diocesan authorities. (1895). *Tobolsk Diocesan Gazette. The department is official, 6:* S. 56. (In Russ.).

Parochial guardianship and parish charitable societies. (1882). *Tobolsk Diocesan Gazette. The department is official, 21:* 247—250. (In Russ.).

Regulation (Regulation) on parish guardianship of Orthodox churches. 1864. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Assembly (1825—1881), 39 (91) / 41144.* (In Russ.).

Renovation of the temple in the village of Pyshminsky, Tyumen district. (1896). *Tobolsk diocesan gazette. The department is unofficial, 22:* 500—502. (In Russ.).

CC BY

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 796 (Office of the Synod) 1720—1918; F. 804 (Presence on Orthodox clergy affairs) 1859—1882.* (In Russ.).

Russia. (1869). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1868.* St. Petersburg: Synod. type. VIII, 270, 133 p. (In Russ.).

Russia. (1871). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1870.* St. Petersburg: Synod. type. VIII, 284, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1872). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1871.* St. Petersburg: Synod. type. VIII, 242, 126 p. (In Russ.).

Russia. (1873). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1872.* St. Petersburg: Synod. type. VI, 240, 123 p. (In Russ.).

Russia. (1874). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1873.* St. Petersburg: Synod. Type. VI, 246, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1876). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1874.* St. Petersburg: Synod. type. VI, 208, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1876). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1875.* St. Petersburg: Synod. Type. VI, 286, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1877). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1876.* St. Petersburg: Synod. type. VI, 294, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1878). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1877.* St. Petersburg: Synod. Type. VI, 298, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1879). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1878.* St. Petersburg: Synod. type. VI, 292, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1881). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1879.* St. Petersburg: Synod. type. VI, 280, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1882). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1880.* St. Petersburg: Synod. Type. VI, 208, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1883). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1881.* St. Petersburg: Synod. Type. VIII, 196, 125 p. (In Russ.).

Russia. (1884). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1882.* St. Petersburg: Synod. type. IV, 186, 127 p. (In Russ.).

Russia. (1885). *The Synod. Chief Prosecutor. Extract from the report on the Department of Spiritual Affairs of the Orthodox Confession for 1883.* St. Petersburg: Synod. Type. VIII, 424, 127 p. (In Russ.).

Russia. (1886). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1884.* St. Petersburg: Synod. type. XI, 361, 111 p. (In Russ.).

Russia. (1887). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1885.* St. Petersburg: Synod. type. X, 292, 127 p. (In Russ.).

Russia. (1888). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1886.* St. Petersburg: Synod. type. X, 237, 129 p. (In Russ.).

Russia. (1889). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1887.* St. Petersburg: Synod. Type. X, 289, 123 p. (In Russ.).

Russia. (1891). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1888 and 1889.* St. Petersburg: Synod. type. XII, 472, 213 p. (In Russ.).

Russia. (1893). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1890 and 1891.* St. Petersburg: Synod. type. XIV, 511, 235 p. (In Russ.).

Russia. (1895). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1892 and 1893.* St. Petersburg: Synod. type. XV, 601, 157 p. (In Russ.).

Russia. (1898). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1894 and 1895.* St. Petersburg: Synod. type. XIV, 427, 159 p. (In Russ.).

Russia. (1899). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1896 and 1897.* St. Petersburg: Synod. type. XI, 279, 83 p. (In Russ.).

Russia. (1902). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1899.* St. Petersburg: Synod. type. X, 272, 67 p. (In Russ.).

Russia. (1905). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1901.* St. Petersburg: Synod. type. VII, 337, 73 p. (In Russ.).

Russia. (1905). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1902.* St. Petersburg: Synod. type. VIII, 321, 83 p. (In Russ.).

Russia. (1909). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1903 and 1904.* St. Petersburg: Synod. type. XI, 352, 149 p. (In Russ.).

Russia. (1910). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1905 and 1907.* St. Petersburg: Synod. Type. XII, 304, 268 p. (In Russ.).

Russia. (1911). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1908 and 1909.* St. Petersburg: Synod. type. XVII, 663, 266 p. (In Russ.).

Russia. (1913). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1910.* St. Petersburg: Synod. type. X, 338, 131 p. (In Russ.).

Russia. (1913). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on The Department of the Orthodox Confession for 1911—1912.* St. Petersburg: Synod. type. XIII, 336, 230 p. (In Russ.).

Russia. (1915). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on The Department of the Orthodox Confession for 1913.* St. Petersburg: Synod. Type. XI, 316, 142 p. (In Russ.).

Russia. (1916). *The Synod. Chief Prosecutor. The most comprehensive report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on The Department of the Orthodox Confession for 1914.* St. Petersburg: Synod. type. X, 328, 144 p. (In Russ.).

The benefits of parish guardianship. (1882). *Tobolsk diocesan Gazette. The department is unofficial, 20:* 419—422. (In Russ.).

References

Adamenko, A. M. (2011). Education and activities of parish guardianship in The territory of the Tomsk diocese. *Bulletin of Tomsk State University. History, 3 (15):* 34—37. (In Russ.).

Beglov, A. L. (2014). Parish guardianship of the Orthodox churches of the Russian Empire in The 1890s: The results of 30 years of activity. *Russian History, 6:* 104—127. (In Russ.).

Derizemlya, A. A. (2020). The role of Moscow parish guardianship in The social service of the Church at The beginning of the XX century. *Church historian, 2 (4):* 133—143. DOI: 10.31802/CH.2020.4.2.008. (In Russ.).

Fedorova, N. V. (2013). The activities of the parochial guardianship of the Don and Novocherkassk dioceses in The field of charity and public charity in The 1860s and 1870s. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 2—1 (28):* 200—204. (In Russ.).

Gavrilova, N. I. (2019). Parish guardianship as a structural unit of charitable activity of local communities of the city. *Social competence, 4 / 1 (11):* 65—71. (In Russ.).

Grabko, M. E. (2015). Church charity and mission in urban space: history and prospects. *Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for The Humanities, 25:* 240—242. (In Russ.).

Ikonnikov, S. A. (2018). Parish guardianship and their role in The material provision of the parish clergy of the central Chernozem region in The second half of the XIX — early XX century. *History: facts and symbols, 4 (17):* 77—85. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-77-85. (In Russ.).

Kattsina, T. A. (2015). The formation of Orthodox parish guardianship in Eastern Siberia (1864—1914). In: *Man in Russian everyday life: History and modernity: VIII International Scientific and Practical Conference: collection of articles, Penza, March 25—26, 2015.* Penza: Penza State Agricultural Academy. 38—42. (In Russ.).

Khlanta, M. V. (2016). The financial situation of the Orthodox Church in The Russian Empire in The 2nd half of the XIX century. *History. Historians. Sources: electronic scientific journal, 1:* 15—24. (In Russ.).

Kokarev, M. (2020). Parish guardianship in The Russian Church in The second half of the XIX — early XX centuries. (based on The materials of the Samara province).

In: The *Twenty-fourth St. John Readings: Materials of the scientific conference dedicated to The memory of His Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga, Samara, October 09, 2019.* Samara: Scientific and Technical Center LLC. 3—14. ISBN 978-5-98229-434-0. (In Russ.).

Kokarev, M. S. (2019). Parish church and public self—government in Russia at The turn of the XIX—XX centuries. In: *Modernization of culture: knowledge as a tool for development: Materials VII.* Samara: Samara State Institute of Culture. 304—311. (In Russ.).

Kosheleva, A. I. (2015). Parish guardianship in The Penza and Samara dioceses in The 1880s—1890s. *Bulletin of Penza State University, 2 (10):* 9—13. (In Russ.).

Kruglikov, A. S. (2022). On The organizational and legal aspects of the activities of parish curacies on The example of the Tobolsk diocese in The second half of the XIX — early XX centuries. *Culture, science, education: problems and prospects.* 122—130. DOI: 10.36906/KSP-2022/17. (In Russ.).

Pugleev, P. P. (2021). Charity of parish guardianship in The late XIX — early XX century. *Naukosphere, 4—1:* 8—14. DOI: 10.5281/zenodo.4663373. (In Russ.).

Terskova, A. A. (2010). Public and educational activities of clergy in parishes in The second half of the XIX — early XX century. (on The example of the Yenisei province). *Proceedings of the Altai State University, 4—2 (68):* 215—219. (In Russ.).

Yakunin, V. N. (2019). Orthodox charitable and educational organizations of the Samara diocese in The second half of the XIX — early XX centuries. In: *Strengthening The unity of the Russian nation and The ethnocultural development of the peoples of Transbaikalia: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Chita, May 16, 2019.* Chita: Zabaikalsky State University. 23—26. (In Russ.).

Zubanova, S. G. (2014). Social activity of the parish clergy in The conditions of the state-governed Orthodox Church in The Russian Empire of the XIX century. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: The History of Russia, 4:* 145—156. (In Russ.).

The article was submitted 07.02.2024;
approved after reviewing 01.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Лахтионова Е. С. Роль органов государственной власти в сохранении индустриального наследия Челябинской области (1960—1980-е годы) / Е. С. Лахтионова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 488—505. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-488-505.

Lakhtionova, E. S. (2024). Role of State Authorities in Preserving Industrial Heritage of Chelyabinsk Region (1960s-1980s). *Nauchnyi dialog, 13* (3): 488-505. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-488-505. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Роль органов государственной власти в сохранении индустриального наследия Челябинской области (1960—1980-е годы)

Лахтионова Елизавета Сергеевна
orcid.org/0000-0002-8414-4540
кандидат исторических наук, доцент, докторант, кафедра истории России
e.s.lakhtionova@urfu.ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Role of State Authorities in Preserving Industrial Heritage of Chelyabinsk Region (1960s-1980s)

Elizaveta S. Lakhtionova
orcid.org/0000-0002-8414-4540
PhD in History, Associate Professor, PhD student,
Department of Russian History
e.s.lakhtionova@urfu.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Лахтионова Е. С., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению роли и вклада органов государственной власти Челябинской области в 1960—1980-е годы в дело сохранения объектов индустриального наследия. Актуальность обусловлена настоятельной потребностью в настоящее время привлечь внимание государственных структур к проблеме разрушения оставшихся памятников промышленного прошлого. В качестве источников главным образом привлекаются архивные материалы, сосредоточенные в Объединенном государственном архиве Челябинской области. Многие документы вводятся в научный оборот впервые. Научная новизна статьи обусловлена отсутствием других исследований по данной тематике. Выявлены задачи государственных органов в сфере охраны памятников согласно существовавшим в указанный период нормативно-правовым актам. Проведенное исследование показывает, что наиболее весомым был вклад в процесс выявления, учета и изучения объектов индустриального наследия: к 1989 году статус памятника получили 43 объекта. Менее плодотворной оказалась деятельность по ремонту, восстановлению и музеефикации учтенных памятников: к 1989 году только один объект индустриального наследия подвергся музеефикации. Связано это было с недостаточным контролем со стороны органов государственной власти за процедурой сохранения и использования поставленных на учет памятников.

Ключевые слова:
индустриальное наследие; памятник; государственные органы; Челябинская область; Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры; ВООПИК.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article aims to identify the role and contribution of state authorities in the Chelyabinsk region during the 1960s-1980s in preserving industrial heritage sites. The relevance of this study is driven by the urgent need to draw attention of governmental structures to the issue of destruction of remaining monuments of industrial past. The primary sources utilized are archival materials concentrated in the Unified State Archive of the Chelyabinsk region, with many documents being introduced into scholarly circulation for the first time. The scientific novelty of the article lies in the absence of prior research on this topic. The tasks of state bodies in the field of monument protection according to existing regulatory acts of the specified period are identified. The research demonstrates that the most significant contribution was made towards identification, registration, and study of industrial heritage sites, with 43 objects receiving monument status by 1989. However, activities related to repair, restoration, and museumification of registered monuments proved less productive, as only one industrial heritage site had been museumified by 1989. This was attributed to insufficient oversight by state authorities regarding the preservation and utilization procedures of registered monuments.

Key words:
industrial heritage; monument; state authorities; Chelyabinsk region; All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 908(470.55):061.1+351.853.1(470.55)“196/198”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-488-505

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Роль органов государственной власти в сохранении индустриального наследия Челябинской области (1960—1980-е годы)

© Лахтионова Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

В советский период решающее значение в определении тенденций в культурной политике страны имели так называемые директивные органы, под которыми понимаются ЦК КПСС и органы государственной власти. Это касалось также сферы охраны памятников истории и культуры, активизация деятельности в которой относится к 1960-м годам, что было связано с принятием третьей Программы КПСС, выработкой ряда нормативно-правовых актов, созданием общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (далее — ВООПИК).

В дальнейшем все действия, связанные с выявлением, изучением, сохранением и популяризацией памятников, направлялись и контролировались именно директивными органами: политика партии реализовывалась через органы государственной власти.

Целью предлагаемой статьи является изучение истории и характера деятельности органов государственной власти, направленной на сохранение объектов индустриального наследия в Челябинской области.

Выбор в качестве географических рамок Челябинской области неслучаен: на ее территории имелось достаточно большое количество объектов индустриального наследия, которые нуждались в сохранении. Хронологические рамки — 1960—1980-е годы, когда в СССР активизируется деятельность по охране памятников, в том числе имеются зачатки работы по сохранению объектов, которые сейчас составляют отечественное индустриальное наследие.

Нужно отметить, что в советский период не было выработано понятий «индустриальное наследие» или «памятник индустриального наследия». Однако объекты, относящиеся к данному виду историко-культурного наследия, имелись в нашей стране в большом количестве [Лахтионова, 2023б].

В данном исследовании мы придерживались определения термина *индустриальное наследие*, выработанного современной исторической наукой:

CC BY

это «часть материального культурного наследия, совокупность строений, артефактов, произведенных обществом с использованием труда, которые считаются достаточно важными для сохранения их для будущих поколений» [Запарий, 2008, с. 79]. За основу был взят международный термин [Марискин, 2007], но его толкование расширилось: кроме материальных остатков учитываются также антропологический и социально-экономический факторы [Там же]. Эта специфика в формулировании термина была обусловлена историческими особенностями развития отечественной промышленности.

Согласно классификации, предложенной профессором В. В. Запарием, памятники индустриального наследия в соответствии с их функциями делятся на: «1) производственные центры: мастерские, металлургические заводы и фабрики, шахты и места, в которых есть какое-либо производство или процесс трансформации; 2) склады и хранилища: для хранения сырья, полуфабрикатов и готовой продукции; 3) энергия: места, где энергия генерируется, передается и используется, и места, которые предоставляют и используют воду; 4) транспорт: пассажирские и грузовые транспортные средства и их инфраструктура, состоящая из железнодорожных путей, портов, дорог и аэровокзалов; 5) социальная среда: места, где деятельность предприятия связана с определенными условиями, такими как поселения рабочих, услуги, школы или церкви» [Запарий, 2009, с. 36].

Актуальность темы обусловлена необходимостью интенсифицировать деятельность по сохранению объектов индустриального наследия в условиях их неотвратимого и постепенного исчезновения. Определяющую роль в этом направлении должны сыграть органы государственной власти. Как отмечает профессор Е. В. Алексеева, в последние годы активное участие в деятельности по сохранению объектов промышленного наследия принимают частные компании [Алексеева, 2017, с. 15], но этих усилий недостаточно в рамках целой страны или даже отдельного региона. Именно поэтому нужно изучить опыт, накопленный государственными структурами в предыдущие периоды в рамках деятельности по охране памятников индустриального наследия, с тем чтобы использовать его в настоящее время.

История охранной деятельности по отношению к памятникам индустриального наследия в советский период не единожды становилась объектом для изучения различными исследователями. Наиболее значительный вклад внесли такие ученые, как В. В. Алексеев [Алексеев, 1994; Алексеев и др., 1995], Е. В. Алексеева [Алексеева, 2010; Алексеева, 2017; Alekseeva, 2018], В. В. Запарий [Запарий, 2012; Zapariy at al., 2017], Е. А. Курлаев [Курлаев, 2012; Курлаев и др., 2014].

Роль и возможности государственных органов в деятельности по сохранению индустриального наследия в целом на Урале рассмотрел в своих

CC BY

работах В. А. Шкерин [Шкерин, 1995]. Он отмечал, что государственное управление и контроль в сфере охраны памятников истории и культуры осуществляло Министерство культуры, на местах — соответствующие государственные структуры. Все это происходило в тесном контакте с общественной организацией ВООПИК. Благодаря деятельности в такой связке осуществлялись выявление, обследование, учет памятников, определение их исторической, научной, художественной или культурной ценности, установление охранных зон вокруг наиболее ценных памятников.

Деятельность различных акторов по сохранению индустриального наследия в России также изучал В. В. Запарий [Запарий, 2014], выделяя среди них государственные (Министерство культуры РФ и его отделения на местах, музеи и музейные комплексы федерального и регионального значения, высшие учебные заведения, научные организации) и общественные (общества ветеранов, краеведов, ВООПИК, молодежные и познавательные общества). Он отмечал, что, несмотря на быстро растущий в 1990—2000-е годы интерес общественности к проблемам изучения и сохранения индустриального наследия, для достижения результата требуются еще большее включение в этот процесс и поддержка со стороны именно государственных органов, как это было в советский период по отношению к памятникам истории и культуры.

Однако, несмотря на имеющиеся вышеперечисленные работы, какого-либо детального разбора данного вида деятельности, осуществлявшейся органами государственной власти на региональном уровне, а также анализа нормативно-правового регулирования этой деятельности не проводилось. Все это обусловливает научную новизну проведенного автором исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании использовались главным образом архивные источники, находящиеся в Объединенном государственном архиве Челябинской области (Челябинск). Среди архивных материалов нужно выделить несколько категорий источников.

Во-первых, это ***делопроизводственная документация***, которую можно разделить на несколько групп.

1. Распорядительная документация (указания, решения, распоряжения исполкомов, Советов региональных отделений ВООПИК и т. д.). Данные документы содержат важную информацию о конкретных задачах и тех видах деятельности, которые выполнялись внутри того или иного органа власти в центре и на местах или внутри общественных организаций. Здесь особо нужно выделить решение Челябинского облисполкома № 154

CC BY

от 30.03.1971 года «Об охране памятников промышленной, гражданской и культовой архитектуры XVIII—XIX веков на территории Челябинской области» [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 92, л. 49—54].

2. Деловая переписка (письма директивных органов, госучреждений, общественных, научных и учебных организаций, докладные, объяснительные и служебные записки), например, переписка Президиума Челябинского областного Совета ВООПИК и Президиума Центрального Совета ВООПИК, переписка горисполкомов, облисполкомов. Информация, которая содержится в данных документах, очень важна для выявления или уточнения хронологии в процессе сохранения того или иного памятника индустриального наследия, определить действующих лиц данной деятельности, инициаторов сохранения.

3. Плановая документация, которую можно разделить на директивные документы планирования (квартальные, годовые планы отделов), а также текущие и перспективные планы. Отдельную категорию составляют перспективные планы реставрации и использования памятников истории и культуры, которые составлялись областными управлениями культуры, горисполкомами, областными отделениями ВООПИК начиная с 1980 года в Челябинской области [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 93]. Плановая документация отражает специфические черты командно-административного управления в СССР, которое было реализовано в том числе в сфере культуры. Данный вид источников интересен не только в связи с конкретной информацией, содержащейся в нем, но и в виду последующего анализа исследователем степени выполнения того или иного плана на практике.

4. Справочная документация, например, справки о работе различных государственных органов, справки о ходе выполнения различных постановлений директивных органов и ВООПИК.

Во-вторых, это группа ***справочных и статистических материалов***, которую представляют каталоги и перечни-списки памятников истории, промышленной архитектуры, науки и техники. Они содержат в себе достаточно подробные сведения об имеющихся в тот или иной хронологический период памятниках индустриального наследия, о степени их сохранности и дальнейших планах по их сохранению и использованию.

Кроме того, для проведения данного исследования были изучены ***опубликованные источники***. Во-первых, это комплекс законодательных актов об охране памятников истории и культуры начиная с 1960 года. В данных нормативных актах определены основные задачи, принципы и направления, стоящие не только перед государственными органами в рамках деятельности по охране объектов историко-культурного наследия, но и перед обществом. Это позволяет выявить соотношение ответственности,

CC BY

лежащей на государстве и обществе в интересующем нас виде деятельности. Анализ нормативно-правовых документов также дает возможность рассмотреть правовые условия осуществления деятельности различных акторов по сохранению индустриального наследия.

Во-вторых, для проведения сравнительного анализа степени участия и вклада органов государственной власти в Челябинской и Свердловской областях был привлечен документ «Комплексная программа выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области на период до 2000 года», в котором находится подробная информация о количестве объектов индустриального наследия, поставленных на учет, степени их сохранности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Выявление, изучение и учет объектов индустриального наследия

В рамках деятельности по сохранению индустриального наследия можно выделить шесть направлений: выявление объектов, изучение их состояния с целью определить степень ценности и сохранности, постановка на государственный учет, издание соответствующих нормативно-правовых актов, сохранение (ремонт, реконструкция, музеефикация), пропаганда идей по сохранению индустриального наследия. Далее будет рассмотрен вклад органов государственной власти в реализацию каждого из этих направлений.

Работа по выявлению, изучению и сохранению объектов историко-культурного, в том числе индустриального наследия лежала в русле государственной политики и инициировалась центральными (Советом Министров, Министерством культуры) и местными органами власти (исполкомами).

Нужно отметить, что деятельность органов государственной власти в отношении охраны памятников, впрочем, как и общественных организаций, регулировалась принятием на государственном уровне в 1960—1980-е годы соответствующих нормативно-правовых актов: Постановления Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 года № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» [Систематическое собрание…, 1977, с. 147—149], Постановления Совета Министров РСФСР № 473 от 24.05.1966 года «О состоянии и мерах улучшения памятников истории и культуры в РСФСР» [Охрана памятников…, 1973, с. 150—154], закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 года [Собрание…, 1978, с. 411—421], Конституции СССР 1977 года, Закона РСФСР от 15.12.1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Законодатель-

CC BY

ство…, 2002, с. 371—390], Постановления Совета Министров РСФСР от 25 января 1980 года № 54 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете Закона СССР и Закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры» [Систематическое собрание…, 1983, с. 333—340].

Изыскательская деятельность по выявлению и изучению объектов историко-культурного и индустриального наследия до 1965 года мало осуществлялась представителями органов государственной власти Челябинской области, так как последние просто не обладали необходимым количеством человеческих и финансовых ресурсов. Данная работа активизировалась в связи с созданием областного отделения ВООПИК. Решение об этом было принято Челябинским облисполкомом 16 декабря 1965 года за № 559 [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 113, л. 19]. К поиску объектов, которые нуждались в сохранении, активно приступили члены ВООПИК, ВЛКСМ, краеведческих и ветеранских обществ, а также отдельные жители-энтузиасты. На основании этих обследований ВООПИК составляло списки объектов и рекомендации о постановке того или иного объекта на учет и передавало эти материалы в органы государственной власти.

Постановка объекта на государственный учет, то есть присвоение ему статуса памятника через издание соответствующего нормативно-правового акта, является одним из важнейших элементов охранной деятельности, без которого, как правило, не осуществляются действия по реставрации и сохранению памятника. Поэтому самое первое, что нужно было сделать, чтобы начать деятельность по спасению объекта, — это поставить его на учет.

Этот очень важный для сохранения объекта историко-культурного значения этап целиком зависел от органов местной власти, которые принимали решение о придании объекту статуса памятника местного значения через издание соответствующих нормативно-правовых актов.

Касательно учета объектов индустриального наследия Челябинской области нужно особо отметить решение Челябинского облисполкома № 154 от 30.03.1971 года «Об охране памятников промышленной, гражданской и культовой архитектуры XVIII—XIX веков на территории Челябинской области» [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 92, л. 49—54]. Согласно этому решению были поставлены на учет как памятники местного значения ряд объектов. Ответственность за их охрану и содержание возлагалась на учреждения и предприятия, на территории которых они находились. Органам государственной власти (областному управлению культуры, горисполкомам и райисполкомам) предписывалось в течение 1971 года провести паспортизацию, заключение охранных обязательств и договоров по охране указанных в приложении памятников архитектуры [Там же, л. 49 об.]. Так-

CC BY

же рекомендовалось рассмотреть вопрос о возможности использования или перепрофилирования в музеи некоторых из перечисленных объектов.

К данному решению идет приложение, в котором перечислены в том числе объекты, относящиеся к индустриальному наследию: это здания, постройки и сооружения 11 заводов Челябинской области [Там же, л. 50—54]. Всего по данному решению было поставлено на учет 29 объектов в качестве памятников промышленной или гражданской архитектуры [Там же].

Нужно отметить уникальность данного документа. Во-первых, подобного решения не было издано в изучаемый период ни в Свердловской, ни в Пермской областях, также обладающих достаточно большим количеством объектов промышленного наследия. Это подчеркивает целенаправленность проводимой в Челябинской области работы по сохранению собственного индустриального наследия. Во-вторых, создание данного документа уже в начале 1970-х годов свидетельствует о передовых позициях Челябинской области в деятельности по охране памятников данной категории. Ведь постановка на государственный учет могла способствовать дальнейшему сохранению памятника, хоть и не гарантировала успех в этом направлении. В-третьих, этот нормативно-правовой акт повлек за собой цепную реакцию в виде издания подобного рода решений в других городах Челябинской области, например, в Верхнем Уфалее [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 92, л. 55], Миассе [Там же, л. 56—57], что означало усиление внимания к такого рода памятникам на уровне органов государственной власти.

Еще 12 объектов индустриального наследия были поставлены на учет согласно решениям Челябинского облисполкома № 371 от 20.11.1977 года и № 211 от 20.04.1978 года [Там же, д. 126, л. 1—34] Всего к 1989 году в Челябинской области на государственный учет было поставлено 43 объекта индустриального наследия: еще два объекта были поставлены на учет согласно решению Челябинского облисполкома № 960 от 31.08.1949 года. Для сравнения: к этому же году в Свердловской области статус памятников получили 33 объекта индустриального наследия [Комплексная программа…, 1989, с. 39—122].

Можно отметить, что учет памятников носил научный характер. На каждый памятник составлялась соответствующая учетная карточка, материал которой ложился в основу для создания каталога. Проводимая в 1970-е годы в Челябинской области активная работа по выявлению и учету памятников истории и культуры привела к тому, что в этом регионе появилась возможность подготовить и издать каталог памятников. Об этом свидетельствует решение Челябинского облисполкома № 483 от 15.11.1977 года «О составлении и издании каталога памятников истории и культуры области» [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 101, л. 21]. Во второй половине 1970-х

CC BY

годов принимались меры по изучению и учету памятников промышленной архитектуры, памятников науки и техники, а именно: постановка объектов на государственный учет, а также создание «Каталога памятников науки и техники на территории Челябинской области» [Там же, д. 122], в который его автором-составителем К. А. Шишовым было включено 13 объектов индустриального наследия [Там же, ф. Р-233, оп. 1, д. 13, л. 2—3].

К 1987 году большинство памятников истории и культуры, поставленных на учет в Челябинской области, были паспортизированы. Активное участие в этом принимали наряду с ВООПИК органы государственной власти (горрайисполкомы, органы культуры). По результатам этой деятельности был издан первый том Свода памятников и культуры Челябинской области, решение о создании которого было принято Челябинским облисполкомом за № 689-р от 01.06.1973 года [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 92, л. 65].

3.2. Деятельность по реставрации, ремонту и использованию памятников индустриального наследия

Однако постановка на учет объекта индустриального наследия — это хоть и важный, но не единственный этап, ведущий к его сохранению. Далее должна быть проведена реальная работа по реставрации, ремонту или музеефикации памятника. Участие в этой работе органов государственной власти реализовывалось в нескольких направлениях. Во-первых, это составление и утверждение плана мероприятий на определенный хронологический период по «приведению памятников в образцовое состояние». Перед этим специальной комиссией райисполкомов или горисполкомов проводилось обследование памятников, на основании чего давались рекомендации и составлялся план по восстановительным работам [ОГАЧО, ф. Р-1605, оп. 1, д. 229, л. 20]. Так, в отношении Челябинской области был составлен план выполнения реставрационных работ по памятникам истории и культуры на 1981—1990 годы. Он был подписан начальником производственной группы охраны памятников истории и культуры, начальником специализированного ремонтно-реставрационного участка, согласовывался с руководством областного отделения ВООПИК, а окончательное утверждение проходил у начальника управления культуры Челябинской области [Там же, ф. Р-233, оп. 1, д. 80, л. 12—14]. Эта процедура свидетельствовала о том, что органы государственной власти работали в связке с общественной организацией ВООПИК начиная с момента его создания.

Во-вторых, в каждом городе местным исполкомом при содействии городского отделения ВООПИК разрабатывался и утверждался перспективный план ремонта, реставрации и использования памятников истории и культуры на 1981—1990 годы (решение Челябинского облисполкома № 124 от 18.03.1980 года) [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 93, л. 33—35.] На основании

CC BY

этих документов был создан и принят к исполнению перспективный план на уровне области [Там же, ф. П-4, оп. 1, д. 199]. В 1980 году в него было включено три объекта индустриального наследия: памятник паровоз «Коммунар» (Челябинск), здание теплоэлектростанции (Челябинск), бывшая оружейная фабрика (Златоуст) [Там же, л. 1, 6, 10]. В наиболее плачевном состоянии находилась оружейная фабрика. Здание теплоэлектростанции планировалось отремонтировать и отдать под Музей науки и техники, создателем проекта которого был К. А. Шишов [Там же, д. 184, л. 1—16]. Для памятника трудовой славы — паровоза «Коммунар» — планировалось соорудить павильон. Нужно отметить, что к 1990 году намеченные планы выполнены не были.

В-третьих, на органах государственной власти лежала обязанность контролировать процесс охраны и использования памятников истории и культуры. Это было закреплено на общесоюзном уровне в статье 7 Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29.10.1976 года [Ведомости…, 1976, с. 730]. Было также установлено, что «предприятия, организации, учреждения, в собственности или пользовании которых находятся памятники истории и культуры, несут ответственность за их сохранность и обязаны соблюдать правила охраны, использования, учета и реставрации памятников» [Там же, с. 733]. Согласно статье 18 этого же Закона реставрация, консервация и ремонт памятников истории и культуры должны были осуществляться только с ведома органов государственной власти и под их контролем [Там же].

Решением Челябинского облисполкома № 468 от 08.07.1975 года в целях улучшения ремонта и реставрации памятников при областном управлении культуры была создана хозрасчетная производственная группа по охране и использованию памятников. Она должна была содержаться за счет специальных средств, получаемых от сдачи памятников в аренду. Однако по факту данное структурное подразделение не располагало ни возможностями, ни средствами для охраны, капитального или текущего ремонта, восстановления, реставрации или благоустройства того или иного памятника [ОГАЧО, ф. Р-1605, оп. 1, д. 201, л. 255]. Особенно это касалось памятников индустриального наследия. Об этом сообщалось в «Справке о работе советских и хозяйственных органов области по выполнению Закона РСФСР “Об охране и использовании памятников истории и культуры”», составленной в 1987 году в областном управлении культуры: «В области сосредоточено много памятников промышленной архитектуры, характерных для периода бурного развития уральской металлургии в начале XVIII—XIX веков. Осуществляемая повсеместно реконструкция заводов приводит в ряде случаев к необоснованному уничтожению или искажению ценных архитектурных памятников промышленного и гражданского характера. Так, в Нижнем Уфалее снесена

CC BY

заводская плотина XVIII века, находившаяся как памятник на государственной охране. К выдающимся архитектурным ансамблям принадлежит Златоустовский, Кыштымский, Верхнеуфалейский горные заводы с их знаменитыми предзаводскими площадями, отличающимися целостностью своего архитектурного стиля» [Там же, ф. Р-1589, оп. 1, д. 2351, л. 3—4]. Таким образом, органы государственной власти Челябинской области недостаточно контролировали работы, связанные с ремонтом, благоустройством, сносом или переносом, изменением внешнего и внутреннего вида памятников, что порой вело к утрате уникальных объектов промышленного наследия. Если сравнивать с той же Свердловской областью, то к 1990 году на ее территории три памятника индустриального наследия были не просто поставлены на учет, а полностью музеефицированы: Северская домна (Полевской), Невьянская наклонная башня и сооружения Невьянского механического завода, Екатеринбургский завод «Монетка» (Свердловск). Другие объекты подвергались частичной музеефикации [Комплексная программа…, 1989, с. 184—193].

3.3. Пропаганда и популяризация идеи о необходимости сохранения памятников индустриального наследия

Одно из направлений, которое в СССР с годами все более усиливалось, — это пропаганда и популяризация деятельности по сохранению памятников, воспитание в молодежи идеи о бережном отношении к историко-культурному наследию. Пропагандистское направление каждый раз закреплялось на законодательном уровне в издании вышеперечисленных постановлений Совета Министров СССР, Законах и Конституции 1977 года.

Роль органов государственной власти в реализации данного направления, естественно, была достаточно важна и высока, но невозможно было обойтись без активной поддержки со стороны ВООПИК, ВЛКСМ и других общественных организаций.

Пропаганда памятников индустриального наследия осуществлялась в разных формах. Во-первых, это организация научных и научно-методических мероприятий, касающихся изучения данных объектов. Так, в феврале 1977 года была проведена конференция на тему «Охрана и использование памятников промышленного зодчества и технического творчества» [ОГАЧО, ф. Р-12, оп. 1, д. 113, л. 13]. В рекомендациях этой конференции отмечалось, что «сохранение технического наследия — есть не только культурно-воспитательная миссия, но и рентабельное дело, если оно ведется на высоком научном уровне» [Там же]. В мае 1983 года был проведен семинар на тему «Проблемы охраны памятников науки и техники» [Там же, д. 101, л. 79]. Проведение подобных мероприятий в Челябинске подчеркивало особое значение области как важного индустриального региона нашей страны.

CC BY

Во-вторых, это систематическое чтение лекций, проведение выставок, публикация статей в газетах («Вечерний Челябинск», «Челябинский рабочий», «Комсомолец»), организация передач на телевидении и радио, издание тематических плакатов, брошюр, посвященных вопросам охраны памятников науки и техники, памятникам промышленной архитектуры [Лахтионова, 2023а, с. 128]. Планы по осуществлению данных мероприятий утверждались не только областным отделением ВООПИК, но и местным исполкомом.

В-третьих, подготовительная работа и издание «Каталога памятников науки и техники Челябинской области» способствовали не только учету и изучению объектов индустриального наследия, но и популяризации идеи об их сохранении. Аналогов подобному каталогу не имелось даже в Свердловской области. Нужно отметить, что все вышеперечисленные мероприятия проводились при активном участии секции памятников науки и техники Челябинского областного отделения ВООПИК, что еще раз подчеркивает тесную связь в деятельности по сохранению индустриального наследия между органами государственной власти и общественностью.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, роль органов государственной власти в деятельности по сохранению объектов индустриального наследия Челябинской области была очень важной, но не вполне завершенной. Согласно нормативно-правовому регулированию, местные органы власти должны были осуществлять контроль за всеми видами деятельности, связанными с охраной памятников истории и культуры. При этом согласование тех или иных документов или действий происходило при участии еще одного важного актора — ВООПИК, в связке с которым и осуществлялся процесс сохранения объектов индустриального наследия.

Наиболее результативной была работа по выявлению и постановке данных объектов на государственный учет в качестве памятника архитектуры местного значения. Так, к 1989 году было учтено 43 объекта индустриального наследия. В их число входили не только заводские цеха, склады, подсобные помещения, но и плотины, элементы социальной и транспортной инфраструктуры, без которых невозможно было успешное функционирование промышленного производства. Подобное количество учтенных объектов свидетельствует об усиленной систематической работе в этом направлении со стороны государственных органов и общественных организаций. В изучаемый хронологический период было выпущено достаточно большое количество решений Челябинского облисполкома по по-

CC BY

воду охраны памятников, в том числе три из них касались постановки на учет объектов индустриального наследия (1971, 1977, 1978 годы).

Процесс выявления и учета сопровождался исследовательской деятельностью. В Челябинской области это реализовалось в создании нескольких каталогов и списков памятников, в том числе «Каталога памятников науки и техники на территории Челябинской области», в который автором-составителем К. А. Шишовым было включено 13 объектов индустриального наследия.

Деятельность органов государственной власти относительно сохранения и использования памятников в Челябинской области была менее успешной, чем работа по их по учету. Она выражалась в составлении и утверждении планов ремонтно-реставрационных работ, в осуществлении тотального контроля за деятельностью общественных организаций, предприятий, учреждений и граждан в отношении памятников. Однако, как свидетельствуют документы, памятники индустриального наследия не получали должного внимания и продолжали разрушаться, а некоторые даже целенаправленно сносились. В итоге к 1989 году только один объект индустриального наследия в Челябинской области был музеефицирован: паровоз «Коммунар», отремонтированный еще в 1920 году, а через 40 лет открытый как памятник.

Работа по пропаганде и популяризации идеи о бережном отношении к памятникам историко-культурного, в том числе и индустриального наследия, была достаточно интенсивной. Она осуществлялась при активной поддержке членов секции памятников науки и техники при областном отделении ВООПИК, особенно К. А. Шишова. Можно сказать, что это направление в охране памятников индустриального наследия было достаточно насыщенным и разнообразным, но по факту не имело должных результатов: объекты не сохранялись, продолжали разрушаться, порой целенаправленно. Музей науки и техники в Челябинске, который мог бы привлечь еще больше внимания общественности к проблеме сохранения индустриального наследия, способствуя одновременно решению этой проблемы, так и не был создан.

Сравнивая роль органов государственной власти по сохранению объектов индустриального наследия в Челябинской и рядом лежащей Свердловской областях, можно сказать, что наиболее эффективной была деятельность в Свердловской области. В ней, несмотря на меньшее количество учтенных объектов индустриального наследия, к 1989 году было полностью музеефицировано три памятника.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. *Ведомости* Верховного Совета СССР. — 1976. — № 44. — С. 728—737.

2. *Законодательство* Российской Федерации в области сохранения и использования недвижимых объектов историко-культурного наследия. Сборник нормативных правовых документов. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. — 494 с. — ISBN 5-7584-0082-3.

3. *Комплексная программа* выявления, паспортизации, постановки на учет, реставрации, музеефикации, пропаганды и использования памятников истории и культуры Свердловской области. — Свердловск : [б. и.], 1989. — 203 с.

4. ОГАЧО — *Объединенный* государственный архив Челябинской области.

5. *Охрана памятников* истории и культуры : сборник документов. — Москва : Издательство «Советская Россия», 1973. — 192 с.

6. *Систематическое собрание* действующего законодательства РСФСР. Раздел XXV : Законодательство о культуре ; Раздел XXVI : Законодательство о здравоохранении, физической культуре и спорту / Министерство юстиции СССР. — Москва : Издательство «Советская Россия», 1977. — Т. 17. — 526 с.

7. *Систематическое собрание* действующего законодательства РСФСР. Дополнение первое / Министерство юстиции СССР. — Москва : Издательство «Советская Россия», 1983. — Т. 23. — 528 с.

8. *Собрание* действующего законодательства СССР. Дополнение первое к разделам XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI и XXXII (по состоянию законодательства на 1 января 1978 г.) / Министерство юстиции СССР. — Москва : Известия, 1978. — Т. 56. — 727 с.

9. *Ф. П-4* (Челябинский областной совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры). Оп. 1. Д. 184, 199.

10. *Ф. Р-12* (Загребин Сергей Иванович). Оп. 1. Д. 92, 93, 101, 113, 122, 126.

11. *Ф. Р-1589* (Главное управление культуры Челябинского облисполкома). Оп. 1. Д. 2351.

12. *Ф. Р-1605* (Отдел культуры Челябинского горисполкома). Оп. 1. Д. 201, 229.

13. *Ф. Р-233* (Шишов Кирилл Алексеевич). Оп. 1. Д. 13, 80.

Литература

1. *Алексеев В. В.* Проблемы изучения и сохранения индустриального наследия Урала / В. В. Алексеев // Сохранение индустриального наследия : мировой опыт и российские проблемы. Материалы международной научной конференции. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1994. — С. 47—56.

2. *Алексеев В. В.* Индустриальные памятники Урала / В. В. Алексеев, Е. В. Логунов, С. В. Устьянцев // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. — С. 29—36. — ISBN 5-85865-081-3.

3. *Алексеева Е. В.* Изучение и сохранение индустриального наследия в мире и на Урале : актуальные методологические проблемы / Е. В. Алексеева // Восьмые Татищевские чтения. Доклады и сообщения. — Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2010. — С. 41—45. — ISBN 978-5-8295-0039-9.

4. *Алексеева Е. В*. Ревалоризация индустриального наследия в России и странах Западной Европы : подходы, объекты, ландшафты, акторы / Е. В. Алексеева // Экономическая история. — 2017. — № 1. — С. 9—23.

CC BY

5. *Запарий В. В.* «Индустриальное наследие» и его современное толкование / В. В. Запарий // Академический вестник УралНИИпроект РАССН. — 2009. — № 1. — С. 34—38.

6. *Запарий В. В.* К вопросу об индустриальном наследии и его сохранении / В. В. Запарий // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2012. — № 3 (104). — С. 185—195.

7. *Запарий В. В.* Проблемы сохранения индустриального наследия на Урале и государственные структуры / В. В. Запарий // История техники и музейное дело : материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2—4 декабря 2014 г. — Москва : ИИЕТ РАН, 2015. — С. 22—26. — ISBN 978-5-98866-058-3.

8. *Запарий В.В.* К вопросу о понимании концепции «индустриальное наследие» в России и за рубежом / В. В. Запарий // Российский научный журнал. — 2008. — № 2. — С. 77—83.

9. *Курлаев Е. А.* Промышленная археология в системе изучения и сохранения индустриального наследия / Е. А. Курлаев // Вестник Уральского отделения РАН. — 2012. — № 2 (40). — С. 131—141.

10. *Курлаев Е. А.* Памятники индустриального наследия Урала. Современное состояние, пути изучения и сохранения / Е. А. Курлаев, А. Е. Курлаев // Вестник Уральского отделения Российской академии наук. Наука. Общество. Человек. — 2014. — № 4 (46). — С. 139—147.

11. *Лахтионова Е. С.* Секция памятников науки и техники ВООПИК : история и основные направления деятельности (на примере Свердловской и Челябинской областей) / Е. С. Лахтионова // Genesis : исторические исследования. — 2023. — № 6. — С. 122—133. — DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.41012.

12. *Лахтионова Е. С.* Теоретические подходы к вопросу об определении понятия «памятник индустриального наследия» в СССР / Е. С. Лахтионова // История и современное мировоззрение. — 2023. — Т. 5. — № 3. — С. 30—36. — DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-30-36.

13. *Марискин О. И.* Нижнетагильская хартия индустриального наследия / О. И. Марискин // Бюллетень научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. — 2007. — № 5. — С. 89—94.

14. *Шкерин В. А.* Новая ситуация в России и проблема сохранения Уральского индустриального наследия / В. А. Шкерин // Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1995. — С. 89—94. — ISBN 5-85865-081-3.

15. *Alekseeva E.* Ural works towns: history, landscape and heritage / E. Alekseeva // Pobles obrers. Congrés internacional. International convention on Workers' villages and factory towns. 4—6 October 2018. National Science and Technology Museum of Catalonia. — Terrassa. 2018. — Pp. 32—44.

16. *Zapariy V.* Industrial heritage of Russia and the urals : fixation, research, restructuring / V. Zapariy, E. Zaitseva // 4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Ancience science. Conference proceedings. Volume II. Anthropology, Archaeology, History, Philosophy medieval & renaissance studies. 24–30 August 2017. — Pp. 27—28. — DOI: 10.5593/sgemsocial2017/22. — ISBN: 978-619-7408-18-8.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024,
одобрена после рецензирования 02.04.2024,
подготовлена к публикации 08.04.2024.

Material resources

A comprehensive program for identification, certification, registration, restoration, museification, propaganda and use of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. (1989). Sverdlovsk: [b. i.]. 203 p. (In Russ.).

Collection of current legislation of the USSR. The first supplement to sections XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI and XXXII (as of January 1, 1978), 56. (1978). Moscow: Izvestia. 727 p. (In Russ.).

F. P-4 (Chelyabinsk Regional Council of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments). Op. 1. D. 184, 199. (In Russ.).

F. R-12 (Zagrebin Sergey Ivanovich). Op. 1. D. 92, 93, 101, 113, 122, 126. (In Russ.).

F. R-1589 (The Main Department of Culture of the Chelyabinsk Regional Executive Committee). Op. 1. D. 2351. (In Russ.).

F. R-1605 (Department of Culture of the Chelyabinsk City Executive Committee). Op. 1. D. 201, 229. (In Russ.).

F. R-233 (Kirill Alekseevich Shishov). Op. 1. d. 13, 80. (In Russ.).

Legislation of the Russian Federation in the field of preservation and use of immovable objects of historical and cultural heritage. Collection of regulatory legal documents. (2002). Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 494 p. ISBN 5-7584-0082-3. (In Russ.).

OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region.* (In Russ.).

Protection of historical and cultural monuments: a collection of documents. (1973). Moscow: Publishing house “Soviet Russia”. 192 p. (In Russ.).

Systematic collection of the current legislation of the RSFSR. Section XXV: Legislation on culture; Section XXVI: Legislation on healthcare, physical culture and sports, 17. (1977). Moscow: Publishing house “Soviet Russia”. 526 p. (In Russ.).

Systematic collection of the current legislation of the RSFSR. The first addition, 23. (1983). Moscow: Publishing house “Soviet Russia”. 528 p. (In Russ.).

Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, 44. (1976). 728—737. (In Russ.).

References

Alekseev, V. V., Logunov, E. V., Ustyantsev, S. V. (1995). Industrial monuments of the Urals. In: *Experience of studying and using monuments of industrial culture of Russia.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 29—36. ISBN 5-85865-081-3. (In Russ.).

Alekseev, V. V. (1994). Problems of studying and preserving the industrial heritage of the Urals. In: *Preservation of industrial heritage: world experience and Russian problems. Materials of the international scientific conference.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 47—56. (In Russ.).

Alekseeva, E. (2018). Ural works towns: history, landscape and heritage. In: *Pobles obrers. Congrés internacional. International convention on Worker’s villages and factory towns. 4—6 October 2018. National Science and Technology Museum of Catalonia.* Terrassa. 32—44.

Alekseeva, E. V. (2017). Revalorization of industrial heritage in Russia and Western European countries: approaches, objects, landscapes, actors. *Economic history, 1:* 9—23. (In Russ.).

Alekseeva, E. V. (2010). The study and preservation of industrial heritage in the world and in the Urals: current methodological problems. In: *The eighth Tatishchev readings.*

Reports and communications. Yekaterinburg: UMTS UPI. 41—45. ISBN 978-5-8295-0039-9. (In Russ.).

Kurlaev, E. A. (2012). Industrial archaeology in the system of studying and preserving industrial heritage. *Bulletin of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, 2 (40):* 131—141. (In Russ.).

Kurlaev, E. A., Kurlaev, A. E. (2014). Monuments of the industrial heritage of the Urals. The current state, ways of studying and preserving. *Bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Science. Society. Human, 4 (46):* 139—147. (In Russ.).

Lakhtionova, E. S. (2023). Section of monuments of science and technology VOOPIK: history and main directions of activity (on the example of Sverdlovsk and Chelyabinsk regions). *Genesis: historical research, 6:* 122—133. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.6.41012. (In Russ.).

Lakhtionova, E. S. (2023). Theoretical approaches to the definition of the concept of "monument of industrial heritage" in the USSR. *History and modern worldview, 5 (3):* 30—36. DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-30-36. (In Russ.).

Mariskin, O. I. (2007). Nizhnetagilskaya Charter of industrial heritage. *Bulletin of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on problems of Russian and world economic history, 5:* 89—94. (In Russ.).

Shkerin, V. A. (1995). The new situation in Russia and the problem of preserving the Ural industrial heritage. In: *Experience in studying and using monuments of industrial culture of Russia.* Yekaterinburg: Bank of Cultural Information. 89—94. ISBN 5-85865-081-3. (In Russ.).

Zapariy, V. (2017). Industrial heritage of Russia and the urals : fixation, research, restructuring. *4th International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts. Ancience science.* 27—28. DOI: 10.5593/sgemsocial2017/22.

Zapariy, V. V. (2009). "Industrial heritage" and its modern interpretation. *Academic Bulletin of UralNIIproekt RASSN, 1:* 34—38. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2012). On the issue of industrial heritage and its preservation. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1, Problems of education, science and culture, 3 (104):* 185—195. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2015). Problems of preserving industrial heritage in the Urals and state structures. In: *History of technology and museum business: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. December 2—4, 2014.* Moscow: IIET RAS. 22—26. ISBN 978-5-98866-058-3. (In Russ.).

Zapariy, V. V. (2008). On the question of understanding the concept of "industrial heritage" in Russia and abroad. *Russian Scientific Journal, 2:* 77—83. (In Russ.).

The article was submitted 25.01.2024;
approved after reviewing 02.04.2024;
accepted for publication 08.04.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Нестерова Т. П. «Одиночество Каталонии» : сепаратизм в регионах каталанского языка в Испании в XXI веке / Т. П. Нестерова, Д. В. Ушаков // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 506—525. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-506-525.

Nesterova, T. P., Ushakov, D. V. (2024). "Loneliness of Catalonia": Separatism in Catalan-speaking Regions in Spain in 21st Century. *Nauchnyi dialog, 13* (3): 506-525. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-506-525. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · NSD ERIH PLUS · eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Одиночество Каталонии»: сепаратизм в регионах каталанского языка в Испании в XXI веке

Нестерова Татьяна Петровна
orcid.org/0000-0002-1799-1897
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
зарубежного регионоведения
tpnesterova@yandex.ru

Ушаков Дмитрий Вадимович
orcid.org/0009-0008-5248-4779
ассистент кафедры
зарубежного регионоведения
udv1995@mail.ru

Уральский федеральный университет
имени первого президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

"Loneliness of Catalonia": Separatism in Catalan-speaking Regions in Spain in 21st Century

Tatiana P. Nesterova
orcid.org/0000-0002-1799-1897
PhD in History, associate professor,
Department of Foreign Region Studies
tpnesterova@yandex.ru

Dmitry V. Ushakov
orcid.org/0009-0008-5248-4779
assistant lecturer,
Department of Foreign Region Studies
udv1995@mail.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Нестерова Т. П., Ушаков Д. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются исторические, этносоциальные, экономические и политические причины формирования сепаратистских тенденций в регионах бытования каталанского языка в Испании: Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах. Принято считать, что у этих регионов много общего, однако на практике независимости добивается только Каталония. Выясняется, почему сепаратистские тенденции ярко проявляют себя лишь в одном из регионов функционирования каталанского языка. Основой исследования являются исторические факты, научные работы посвященные сепаратизму в регионах каталанского языка, статистические данные об экономике регионов и результатах выборов и голосований, новостные сводки. В ходе исследования сделан вывод, что регионы бытования каталонского языка имеют много отличных друг от друга черт: у них разная история, связанная со статусом регионов в прошлом; разное видение себя в Испании и в мире, разное экономическое состояние и, соответственно, разные политические тенденции. Доказано, что в силу исторических, этно-социальных, экономических и политических причин Валенсия и Балеарские острова не намерены отделяться от Испании, и Каталония в вопросе о провозглашении независимости остается одна.

Ключевые слова:
Испания; Каталония; Валенсия; Балеарские острова; каталанский язык, региональный сепаратизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article analyzes the historical, ethnosocial, economic, and political reasons for the formation of separatist tendencies in regions where the Catalan language is spoken in Spain: Catalonia, Valencia, and the Balearic Islands. It is commonly believed that these regions share many similarities, yet in practice only Catalonia seeks independence. The study investigates why separatist tendencies are prominently displayed in only one of the Catalan-speaking regions. The research is based on historical facts, scholarly works dedicated to separatism in Catalan-speaking regions, statistical data on the economies of the regions and election results, and news reports. The conclusion drawn from the study is that the Catalan-speaking regions have many distinct characteristics: they have different histories tied to their past status as regions; different self-perceptions within Spain and globally, varying economic conditions, and consequently different political tendencies. It is proven that due to historical, ethno-social, economic, and political reasons, Valencia and the Balearic Islands have no intention of separating from Spain, leaving Catalonia alone in its quest for independence.

Key words:
Spain; Catalonia; Valencia; Balearic Islands; Catalan language; regional separatism.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(460)“20”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-506-525

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

«Одиночество Каталонии»: сепаратизм в регионах каталанского языка в Испании в XXI веке

© Нестерова Т. П., Ушаков Д. В., 2024

1. Введение = Introduction

В XXI веке сосуществуют две тенденции взаимоотношений между государствами и внутри них. С одной стороны, это интеграция государств, которая подразумевает создание различных политических и экономических объединений. С другой, это сепаратизм и дезинтеграция, причем это касается как сепаратизма государств в рамках союзов (примером чего может считаться Brexit — выход Великобритании из состава Европейского Союза), так и сепаратизма внутри самих государств (примерами могут быть вопрос о выходе Шотландии из состава Великобритании, вопрос о разделении Бельгии на Фландрию и Валлонию). Внешний фактор тоже может оказывать существенное влияние на развитие сепаратистских явлений — так, при внешней поддержке добилось независимости Косово, подробнее см.: [Нестеров, 2015; Гузикова, 2015].

Термин *сепаратизм*, имеющий базовое значение ‘отделение’, на рубеже Средневековья и Нового времени приобрел религиозный характер и связь с протестантским движением, в современном политическом смысле он стал использоваться только в XX веке. Ученые сегодня не дают единого ответа на вопрос, что такое политический сепаратизм. Например, российский исследователь А. Крылов определяет сепаратизм как «политическое движение, целью которого является отделение от государства части его территории и создание на ней собственного независимого государства» [Крылов, 1990, с. 3]. Другой подход к пониманию сепаратизма включает не просто стремление к отделению, но и требование создания национально-культурной автономии для своего региона или расширения ее прав и т. д. Так, в частности, К. Пузырев рассматривает сепаратизм как «стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий» [Пузырев, 2014, с. 16—17].

CC BY

Наиболее точное определение сепаратизму дает В. Тишков: «Сепаратизм — политическая идеология и практика, направленные на отделение части страны от единого государства и обретение ею политической самостоятельности» [Тишков и др., 2011, с. 368]. Он же пишет, что современный сепаратизм как политическая программа основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения, согласно которому каждая этническая группа должна иметь собственную государственно оформленную территорию [Тишков, 2003, с. 211].

При этом необходимо подчеркнуть, что в документах Организации Объединенных Наций содержится коллизия, допускающая двоякое толкование принципов самоопределения и нерушимости границ. В Уставе ООН статья 6 закрепляет принцип нерушимости границ [Устав ООН], а «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятая ООН в 1960 году, закрепляет принцип права наций на самоопределение [Декларация…]. Вопрос о соотношении этих двух принципов подробно изучался в научной литературе, и было показано, что, как правило, тот или иной принцип выдвигается на первый план в зависимости от политической конъюнктуры [Буханова, 2011, с. 69].

Контекст сепаратизма характерен и для Испании. Стране присущи этническое разнообразие населения, множество исторических традиций, в том числе историческая память о самостоятельности отдельных регионов страны, а также сильные диспропорции в экономическом развитии разных регионов. В силу этих факторов в Испании сильны сепаратистские тенденции. Наиболее ярко такие тенденции проявляются в Каталонии.

В данной статье рассматривается вопрос о существовании и развитии сепаратистских тенденций в трех регионах (автономных сообществах) Испании, объединенных (хотя бы теоретически) общностью языка: Каталонии, Валенсии и Балеарских островах. Они расположены близко друг к другу: Каталония и Валенсия являются соседями, а Балеарские острова находятся в Средиземном море относительно недалеко от них — около 170 км до Валенсии и около 200 до Каталонии. Российские исследователи традиционно придерживаются точки зрения, что эти регионы населяет один каталонский народ, который говорит на диалектах одного каталанского языка. Но связь этих регионов непрочная, и валенсийцы и балеарцы, как правило, не согласны считать себя частью единого каталонского народа [Кожановский, 2007, с. 232—233]. Наиболее отчетливо это видно по сепаратистским тенденциям, которые ярко проявляются только в Каталонии, в остальных двух регионах таких тенденций нет. Возникает вопрос — почему у Каталонии нет тесных связей с этнически родственными Валенсией и Балеарами и почему в борьбе за независимость нет поддержки от других регионов каталанского языка?

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография вопроса о сепаратизме в Испании достаточно обширна. Особое внимание авторы исследований обращают на общие проблемы сепаратизма, а также на сепаратистские движения в двух регионах Испании — в Стране Басков и в Каталонии.

Исследованию сепаратизма как явления посвящены работы таких ученых, как А. Б. Крылов [Крылов, 1990], К. С. Пузырев [Пузырев, 2014], И. А. Конюхова [Конюхова, 2003, с. 167—186], В. А. Тишков [Тишков, 2003; Тишков и др., 2011], главное внимание они уделили проблемам этнического сепаратизма. Другие исследователи сосредоточили свое внимание именно на испанском сепаратизме: Н. Е. Аникеева [Аникеева, 2007, с. 91—102], С. П. Пожарская [Пожарская, 2002, с. 210—218], Е. А. Тюрин [Тюрин и др., 2022, с. 99—112], С. М. Хенкин [Хенкин, 2015, с. 117—138]. Работы этих авторов содержат анализ характера, истоков и факторов сепаратизма в Испании. Проблему межэтнических отношений в Испании подробно проанализировал А. Н. Кожановский [Кожановский, 2007]. Историческую основу регионального сепаратизма в Испании рассматривают испанские исследователи, такие как Х. Л. Мартин, К. Мартинес Шоу, Х. Тусель [Historia…, 1998] и Р. Де Ла Сьерва [De La Cierva, 2008]. Среди работ испанских авторов можно выделить исследования профессора университета Валенсии Ж. Регла и Кампистоля об истории королевства Арагон, в состав которого входили Каталония, Валенсия и Балеарские острова [Regla, 1979], и о ситуации в Валенсии [Regla, 1967].

Особое место среди ученых, сконцентрировавшихся на проблеме сепаратизма в Каталонии, занимает Нели де Жезуш Фонсека, чье исследование посвящено испанскому сепаратизму в XX—XXI веках в двух регионах страны: Каталонии и Стране Басков [де Жезуш Фонсека, 2017]. Вопрос о сепаратизме в Каталонии в своих работах поднимают многие российские авторы: В. Л. Верников [Верников, 2020], Г. В. Денисенко [Денисенко, 2017], Т. П. Нестерова [Нестерова, 2018], А. А. Орлов [Орлов, 2010], Г. А. Филатов [Филатов, 2018], С. М. Хенкин [Хенкин, 2020], П. П. Яковлев [Яковлев, 2020] и др. В 2020 году А. А. Орлов опубликовал монографическое исследование каталонского национализма как в исторической ретроспективе, так и в современности [Орлов, 2020]. В то же время в большинстве работ, связанных с регионами Испании, не рассматриваются в сравнении все регионы каталанского языка: как правило, авторы концентрируют свое внимание почти исключительно на Каталонии.

Источниковую базу исследования составляют прежде всего официальные материалы, опубликованные в «Официальном государственном бюллетене» (Boletin Official de Estado), статистические данные с официальных

CC BY

сайтов Испании, а также публикации в испанской прессе — газетах «El País», «El Diario» и др.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Каталония как основной каталанский регион

В основе каталонского сепаратизма лежат культурные, социально-психологические, экономические и политические факторы. В последние годы произошла радикализация сепаратистских настроений и влиятельные политические силы Каталонии встали на путь разрыва с Испанией и образования собственного независимого от Мадрида государства, что закономерно вызывало негативную реакцию со стороны центральных властей. Тем не менее взаимодействие каталонских политиков с центральной властью в последние годы показывает желание обеих сторон найти точки соприкосновения, хотя в то же время ни одна из сторон не намерена отступать от своей позиции [де Жезуш Фонсека, 2017, с. 99].

Каталонский сепаратизм в XXI веке не прибегал к насильственным методам борьбы, а осуществлял продвижение своих идей через выборные процедуры. Однако эти процедуры не приводили к практическому результату. Причина тому — унитарный характер испанского государства. Одним из важнейших правовых условий сецессии, то есть выхода региона из состава страны, является наличие специального закона, который бы регулировал данный процесс [Конюхова, 2003, с. 173]. В Испании, несмотря на то, что она в соответствии со статьей 2 Конституции 1978 года является сегодня государством автономий, такого закона нет и никогда не было, наоборот, в той же статье Конституции 1978 года закреплен унитарный характер испанской государственности [Constitución...].

Причины формирования сепаратистских настроений в Каталонии многообразны: культурно-языковое своеобразие каталонских провинций, социально-психологические причины, экономические и политические.

Для Каталонии крайне важен исторический контекст. В Средние века Каталония долгое время была самостоятельным графством. Графство Барселонское появилось в начале IX века, а в XII веке произошло объединение корон Барселоны и Арагона: Арагонская династия по мужской линии пресеклась, и наследница Арагона Петронилла была выдана замуж за графа Барселоны Рамона Беренгера IV, который и стал по праву жены королем Арагона. Сын Петрониллы и Рамона Беренгера Альфонс II Добродетельный унаследовал титулы короля Арагона и графа Барселонского и стал в собственном праве правителем объединенного Арагонско-Каталонского государства. После объединения обе территории сохранили собственные законы, обычаи, свои парламенты (Кортесы) и деньги. В исто-

CC BY

рии Арагонско-Каталонское государство обычно именуют «Арагон», так как королевский титул был закреплен именно за этим владением. Король Хайме I Завоеватель, внук Альфонса Добродетельного, отвоевал у арабов земли Валенсии и Мальорки (Балеарских островов). При этом и Валенсия, и Мальорка вошли в состав Арагонской короны как отдельное королевство также со своими Кортесами, сводом законов и своей денежной единицей [Regla, 1979]; в 1276 году Мальорка была выделена в качестве отдельного королевства младшему сыну Хайме I — Хайме II. Как отдельное королевство Мальорка существовала до 1344 года, когда король Арагона Педро IV завоевал Балеарские острова и принял титул короля Арагона, Валенсии и Мальорки. Формально структуры управления королевства Мальорки сохранялись в Испании вплоть до 1715 года, когда король Филипп V Бурбон официально объединил королевства Арагон и Мальорка.

Впоследствии короли Арагона — графы Барселонские расширяли владения, и Фердинанд II Католик (в Арагоне и Барселоне правил в 1479—1516 годах) к концу правления носил титулы короля Арагона, Валенсии, Мальорки, Гранады, Наварры, Андалусии, Сицилии, Сардинии, Неаполя, графа Барселонского, а также по праву жены короля Кастилии и Леона (интересно, что в каждом королевстве его нумеровали по-разному, в испанской истории он более известен как Фердинанд V — по титулу короля Кастилии). Между испанскими королевствами была установлена династическая уния, что привело к возникновению формального титула «король Испаний» (во множественном числе — Rey de las Españas). Только в середине XVIII века Испания из конфедерации королевств наконец-то стала единым королевством, и эта традиция регионализма сохранилась в Испании вплоть до настоящего времени. При этом следует отметить, что Каталония в XVII веке предприняла попытку отделиться от испанской короны, предложив титул графа Барселонского королю Франции Людовику XIII (в 1641—1643 годах он официально носил титул графа Барселонского, затем до 1652 года этот титул носил его сын Людовик XIV), однако попытка сепаратизма успехом не увенчалась, и в 1652 году Каталония вновь вошла в состав Испанского королевства [Historia…, 2001, p. 430—431].

В период гражданских войн XIX века Каталония стала одним из центров карлизма — движения, отстаивавшего права на престол одной из ветвей правящей в Испании династии Бурбонов. Участие каталонцев в карлистских войнах, их поддержка сперва дона Карлоса V в 1830-х годах, затем дона Карлоса VII в 1870-х годах была обусловлена не династическими интересами каталонцев, а обещаниями карлистских претендентов на престол восстановить каталонские региональные права и привилегии. Однако все эти войны завершились победой центральной власти Испании.

CC BY

Концепция независимости Каталонии вновь возникла в первой половине XX века. В 1922 году Франсеск Масиа основал партию «Каталонское государство», целью которой поставил достижение независимости Каталонии от Испании. После апрельских выборов 1931 года, которые привели к победе республиканских сил в Испании и провозглашению второй Испанской Республики, Франсеск Масиа, встав во главе каталонского правительства, попробовал провозгласить независимость Каталонии, однако вынужден был отказаться от полной независимости и согласиться на автономный статус. Уже после смерти Ф. Масиа (1933) новый лидер Каталонии Луис Компанис вновь предпринял попытку достичь независимости Каталонии: категорически отказываясь принять поворот властей Испанской Республики «вправо» и проведение ими политики «контрреформ», Л. Компанис 6 октября 1934 года провозгласил создание независимого Каталонского государства. Правительственные войска, которыми командовал генерал Франсиско Франко (будущий глава Испанского государства), осадили здание Генералидада, и 7 октября 1934 года Луис Компанис капитулировал, независимость Каталонии была уничтожена. В 1936—1939 годах автономия Каталонии вновь была восстановлена, но победа националистов в гражданской войне 1936—1939 годов и установление диктатуры Франко привели к ликвидации автономного статуса Каталонии и созданию в Испании унитарного государства [De La Cierva, 2008, p. 832—833, 897—898; Нестерова, 2018, с. 75—76].

Автономия была восстановлена лишь после смерти Франко во время демократического транзита. Таким образом, имеет место кризис легитимности — каталонцы не доверяют властям в Мадриде и боятся ущемления своих прав, поскольку такое уже бывало раньше. А великую историю Каталонии здесь помнят и чтут.

Политическая ситуация в Каталонии тесно связана не только с историей, но и с этническим вопросом. Каталонцы являются одним из народов Испании, со своей культурой и традициями, отличными от кастильских. В частности, каталанский язык является самостоятельным языком романской группы. Именно каталанский язык служил основной составляющей национальной идентичности [Тюрин и др., 2022, с. 101]. Местное население чтит традиции и остро реагирует на любые попытки какой-либо дискриминации каталонской культуры. Мадрид сегодня не угрожает идентичности каталонцев, более того во многом ее поддерживает. В 1979 году у Каталонии появился статут об автономии [Estatuto de autonomía de 1979], что было частью программы испанского правительства по превращению страны в государство автономий. Согласно этому документу, Каталония получала ряд прав, в первую очередь собственное правительство Женералитат и парламент. Парламент избирается населением Каталонии на 4 года, депутаты впоследствии

CC BY

формируют правительство. В обязанности местных органов власти входит принятие и реализация местного бюджета, разработка законопроектов для внесения их в Конгресс депутатов Испании, защита каталонской культуры. Еще с 1980-х годов Женералитат активно продвигал каталанский как язык ежедневного общения, который также начал преобладать в государственных школах, а испанский, в свою очередь, — терять свои позиции [Хенкин, 2015, с. 125]. В частности, Женералитат с помощью ряда образовательных программ транслировал идею о том, что каталанский язык — это историческое и культурное наследие, сохранение которого зависит от каждого носителя [Strubell et al., 2011, p. 158].

С точки зрения экономики Каталония — это мощный промышленный регион, во многом формирующий ВВП Испании. Так в 2018 году по доле ВВП в Испании Каталония была первой наравне с Мадридом (по 19 %), а по показателю ВВП на душу населения Каталония была четвертой после Мадрида, Страны Басков и Наварры [España en cifras 2019]. В Каталонии есть залежи урана, калия, бурого угля, нефти. Также в Каталонии располагаются штаб-квартиры крупных компаний, таких как SEAT, Naturgy Energy Group, Banco de Sabadell и Cellnex Telecom. Не стоит забывать, что Каталония привлекательна как туристическое направление: здесь много объектов культурного наследия и морских курортов. Туризм и торговля дают более трети ВВП Каталонии. Также значительная доля каталонского экспорта идёт в Европу. Таким образом, мы видим, что Каталония — это экономически сильный регион.

Однако в последние годы ситуация в экономике Каталонии изменилась в худшую сторону. В частности, с середины 2010-х в регионе наблюдается замедление роста реального ВВП, сокращаются иностранные инвестиции и экспорт каталонских товаров в другие регионы Испании [González-Villa et al., 2023, p. 89]. Эти неблагоприятные изменения тесно связаны с политическими событиями в Каталонии в последние десятилетия.

Политический аспект в Каталонии тесно связан со статутом региона, а точнее с расширением прав местных властей согласно этому документу. Так, в сентябре 2005 года каталонский парламент проголосовал за реформу статута. 2 ноября 2005 года запрос был отправлен в Генеральные Кортесы. Конгресс Депутатов Испании в целом одобрил проект, против высказалась только Народная Партия. Тем не менее Конституционный Суд Испании объявил 14 статей нового статута противоречащими Основному закону страны [Sentencia 31/2010], и проект был отправлен на доработку.

В январе 2006 года премьер Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро и лидер каталонских оппозиционеров председатель партии Демократическая Конвергенция Каталонии Артур Мас провели переговоры относитель-

CC BY

но нового статута. 18 июня 2006 года проходит референдум о новом Статуте, который бы расширял права автономии, прежде всего в финансовой сфере [Comparativa entre l'Estatut de 1979 i el nou Estatut].

В результате при явке 48,85 % проголосовало за проект 78,07 %, против высказались 21,93 % [Resultados del Referéndum]. Согласно закону, новый статут должен был быть утвержден [Ley Orgánica 6/2006], но процесс затормозился Конституционным Судом по требованию Народной Партии, депутаты которой называли проект нового статута «бомбой замедленного действия», призванной разъединить испанский народ [Аникеева, 2007, с. 100].

В сентябре 2009 года в городе Ареньш-да-Мун состоялся первый консультативный референдум о независимости Каталонии. В результате 96 % участвовавших проголосовали за независимость [Guanya el sí a Arenys de Munt]. 12 и 13 декабря того же года проходят аналогичные референдумы в других муниципалитетах Каталонии. 28 февраля и 24 апреля 2010 состоялись третья и четвертая волны референдумов. Итог один — везде голосуют за независимость.

В 2010 году Конституционный Суд Испании решает аннулировать или пересмотреть часть статей нового Статута, что приводит к манифестациям 10 июля. Участников по разным оценкам от 425 тысяч до 1,5 миллионов [Cálculo de asistentes]. В декабре 2010 Артур Мас стал президентом Женералитата.

11 сентября 2012 года в Каталонии прошли массовые демонстрации за независимость. Число митингующих — от 605 тыс. (по данным «El Pais») до 1,5 млн (по данным организаторов) [Cálculo de manifestantes].

23 января 2013 года парламент Каталонии принял Декларацию о суверенитете (85 голосов «за», 41 «против» и 2 воздержавшихся) [Un "Sí" crític de la CUP-AE]. В мае 2013 года Конституционный суд Испании объявил голосование противоречащим основному закону страны.

В ноябре 2014 года проводится опрос о политическом будущем Каталонии. Местные власти предложили три варианта: независимая Каталония, расширение прав Каталонии при сохранении региона в составе Испании, сохранение статус-кво. При явке в 37,1 % проголосовали за независимость 80,76 % [Consulta 9-N].

27 сентября 2015 года каталонский парламент 72 голосами против 63 принимает Декларацию о начале процесса независимости Каталонии [El parlament comença …].

В январе 2016 года на смену Артуру Масу пришел более радикальный Карлес Пучдемон. В июле он переформатировал партию Демократическая Конвергенция Каталонии в Каталонскую Демократическую Партию и стал ее лидером.

CC BY

1 октября 2017 года К. Пучдемоном был проведен референдум о независимости Каталонии. При явке в 43,03 % избирателей за независимость проголосовали 90,18 % [El Govern proclama…], то есть более 2,226 млн человек при том, что правом голоса обладало более 5,3 млн. Это подчеркивало разобщенность политической Каталонии: многие противники независимости просто не пошли на референдум, который посчитали незаконным. Тем не менее 10 октября парламент Каталонии принимает Декларацию о независимости [Declararció dels representants…]. 31 октября Конституционный суд Испании закономерно объявил каталонскую декларацию противоречащей Основному закону. Независимую Каталонию никто не признал, а лидер сторонников независимости К. Пучдемон под угрозой ареста эмигрировал в Бельгию.

На последних парламентских выборах в Каталонии в 2021 году первое место получили сторонники независимости — партия «Республиканские левые» во главе с Пере Арагонесом, который стал президентом Женералитата. Правительство сформировала коалиция левого меньшинства, его стабильно поддерживают 33 депутата из 135.

3.2. Валенсия: особенности развития

Ситуация в Валенсии значительно отличается от Каталонии.

Королевство Валенсия появилось лишь в XIII веке, после отвоевания ее территории у арабов. С 1237 года Валенсия стала королевством, объединенным династической унией с Арагоном. Таким образом, самостоятельности у Валенсии не было, хотя вплоть до XVIII века Валенсия считалась отдельным королевством. Автономные права Валенсии были восстановлены только Конституцией 1978 года. Статут Валенсии 2006 года давал региону больше прав и возможностей, чем у него когда-либо было [Estatuto de autonomía de 2006].

Валенсию и Каталонию разделяет этнически-языковой вопрос: кем являются валенсийцы и чем является их язык? Это народ со своим валенсийским языком или этническая группа каталонцев, говорящая на своём диалекте? Вопрос языка для этих мест относительно новый. Дело в том, что, хотя понятие «валенсийский язык» получает наиболее широкое распространение в XV веке, до XX века идеи разделять валенсийский и каталанский не было, единство языка не отрицалось [Денисенко, 2017, с. 91]. В 1962 году вышла книга Жуана Фустера «Мы, валенсийцы», где жителей региона называли каталонцами. Автор выдвигал идею панкаталонизма и предлагал все территории каталанского языка называть Каталонскими землями, валенсийцев же он призывал создать общее культурное и политическое пространство с каталонцами [Fuster, 1962]. В ответ возникло движение «блаверизм», которое выступало за собственную отдельную идентич-

CC BY

ность валенсийцев. Этому вопросу с языковой точки зрения посвятил свои работы в конце 1960-х — начале 1970-х валенсийский социолингвист Рафаэль Ниньолес и Монллор. Он полагал, что валенсийский язык самостоятелен, хоть и является родственным каталанскому. Такая позиция закреплена в валенсийских законах. По обновлённому статуту 2006 года именно валенсийский язык, а не каталанский указан в качестве государственного языка региона [Estatuto de autonomía de 2006]. Свой язык местные жители пытаются защитить, в первую очередь от кастильского и каталанского. Так, в 1998 году указом Женералитата Валенсии была создана Языковая Академия Валенсии, главной целью которой является выработка норм валенсийского языка. Решения Языковой академии Валенсии являются обязательными к исполнению всеми учреждениями правительства Валенсии, органами власти на местах, образовательными учреждениями, СМИ, предприятиями и т. п. Поэтому вектор движения Каталонии противоречит настроениям жителей Валенсии. Для многих из них каталонцы — это угроза собственной валенсийской идентичности [Regla, 1967, p. 55—56].

Экономически Валенсия не такой развитый регион, как Каталония. Ресурсная база более скудная: небольшие залежи нефти, мрамор провинции Аликанте. Из крупных корпораций в Валенсии штаб-квартира только у Каиша Банка и компании Меркадона (это крупнейший испанский ритейлер, который контролирует почти 25 % местного рынка). В целом Валенсия — это и менее промышленный регион, и менее туристический.

Валенсия более «кастильянизирована», чем Каталония. Тенденция сохранения статус-кво в отношениях с центром видна по составу парламента Валенсии: здесь нет сторонников независимости региона, а местные националисты (левая партия «Компромисс») имеют всего 15 мест из 99, остальные принадлежат общеиспанским партиям [Eleccions autonòmiques 2023]. Кроме того, согласно опросу, на валенсийском языке общаются около 29 % жителей, а на кастильском — более 56 % [Conocimiento y uso social del valenciano].

3.3. Балеарские острова: свобода от Испании или свобода от Каталонии?

Балеарские острова в семье каталонских регионов являются младшим братом. История этого региона — это история собирания земель. Отвоеванные у арабов острова стали владением Арагонской короны, затем стали отдельным королевством Мальорка, которое, как уже упоминалось, в 1344 году вновь объединилось с Арагоном — но уже в форме личной унии, и как отдельное королевство формально существовало до 1715 года. Однако в истории островов есть одна особенность, отличающая ее от истории других испанских земель: в 1708 году второй по величине остров архипелага, Менорка, был в ходе войны за Испанское наследство оккупирован

CC BY

англичанами (как и Гибралтар); британцы с перерывами владели островом до 1802 года, когда по условиям Амьенского мира остров был возвращен Испании. С этого времени Балеарские острова стали испанских владением в полном объеме и на автономию не претендовали.

Этнический вопрос для островитян отсутствует: в отличие от валенсийцев они признают себя балеарскими каталонцами и говорят на балеарском каталанском языке. Язык — важная часть самоидентификации островитян. Так, в 2021 году Институт статистики Балеарских островов провел исследование о том, на каком языке или языках говорят местные жители дома, с друзьями и на работе. Согласно данному исследованию, в семье 29 % опрошенных используют каталанский, с друзьями — чуть более 40 %, а на работе — 44 %, в то время как кастильский используют 68 %, 75 % и 74 % соответственно [Encuesta de características…]. Любопытно, что языки по-разному представлены на островах: если Мальорка представляет собой «кастильский» остров (68 % используют кастильский дома и 75 % — с друзьями), то Менорка нет — здесь кастильский используют дома чуть более 50 %, а с друзьями — 57 %, в то время как каталанский — 60 % и 61 % соответственно. Таким образом, в языковом плане Балеарские острова напоминают Валенсию. Местные националисты заняты укреплением балеарской культуры и языка, а не вопросами расширения политических прав или независимости.

Экономическая структура Балеарских островов самая простая: на островах развиты только торговля и туризм. Туристическое направление является визитной карточкой региона. Так, в 2019 году острова посетили 13,6 млн иностранных туристов (или 16,3 % от всего числа иностранцев Испании). Для сравнения: в Каталонию приехало 19,3 миллиона (23,1 %), а в Валенсию — всего 9,5 миллиона (11,4 %) [Estadística de Movimientos…]. По данным на 2018 год, Балеары дают всего 2,6 % ВВП Испании, по ВВП на душу населения занимают 7 место, уступая Каталонии, но значительно опережая идущую на 12 месте Валенсию [España en cifras 2019].

Политическая ситуация на Балеарских островах весьма интересна тем, что на каждом острове действуют свои политические партии. Это видно в парламенте Балеарских островов: среди 59 депутатов есть 4 представителя партии «Больше для Мальорки», 2 представителя партии «Больше для Менорки», 1 представитель партии «Союз» с острова Форментера. Остальные 52 места у общеиспанских партий [Los resultados de elecciones 2023]. Представители местных партий продвигают свои региональные интересы, причём нередко под регионом понимается один конкретный остров. Статут 2007 года закрепил 1 марта (день обновления документа) в качестве местного праздника под названием «День Балеарских островов» [L'Estatut d'Autonomia 2007].

CC BY

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что Каталония, Валенсия и Балеарские острова имеют много общего лишь на первый взгляд.

У Каталонии, Валенсии и Балеарских островов разное прошлое. Три региона каталанского языка сильно отличаются по своему историческому статусу и влиянию. Регионы в исторической традиции имели разные права и статусы, это предопределило разный уровень автономизации регионов сегодня и неодинаковое отношение населения к автономии своего региона.

У Каталонии, Валенсии и Балеарских островов разное экономическое положение. Если Каталония — это один из краеугольных камней испанской экономики, богатый регион, который считает, что тянет на себе всю страну и потому подумывает о независимости, то Валенсии и Балеарским островам отделение просто не по карману, а острова без поддержки центра и вовсе не смогут выжить.

Самое главное — у трех каталанских регионов разные люди, у них разная идентичность, не совпадает осознание себя в стране и мире. Это можно свести к формуле: для жителя Балеарских островов она звучит как «я балеарец, я каталонец, я испанец», для жителя Валенсии — «я валенсиец, я испанец», а для жителя Каталонии — «я каталонец». Потому если в экономической и отчасти культурной плоскости эти регионы могут взаимодействовать, у них есть общие интересы и даже некоторое родство, то в вопросе сепаратистской политики Каталония в обозримой перспективе будет одна.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Декларация* о предоставлении независимости колониальным странам и народам [Электронный ресурс] // Портал ООН. — Режим доступа : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения 13.03.2024).

2. *Устав* ООН : полный текст [Электронный ресурс] // Портал ООН. — Режим доступа : https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения 14.03.2024).

3. *Cálculo* de asistentes [Electronic resource] // El País (diario). — Access mode : https://elpais.com/diario/2010/07/11/espana/1278799221_850215.html (accessed 15.03.2024).

4. *Cálculo* de manifestantes [Electronic resource] // El País (diario). — Access mode : https://elpais.com/elpais/2012/09/13/defensor_del_lector/1347549569_134754.html (accessed 15.03.2024).

5. *Comparativa* entre l'Estatut de 1979 i el nou Estatut [Electronic resource]. — Access mode : http://www.iceta.org/comp7906.pdf (accessed 16.03.2024).

6. *Conocimiento* y uso social del valenciano [Electronic resource]. — Access mode : https://web.archive.org/web/20101210094400/http:/www.edu.gva.es/polin/docs/sies_docs/encuesta2010/index.html (accessed 18.03.2024).

7. *Constitución* Española. Texto consolidado. Última modificación : 27 de septiembre de 2011 [Electronic resource] // Boletin official del Estado. — Access mode : https://abcs-pain.ru/zakony-ispanii/konstitucia%20ispanii.pdf?ysclid=lugpd4man9681975944 (accessed 19.03.2024).

8. *Consulta 9-N :* 1,8 millones de personas votan por la independencia catalana en el 9-N [Electronic resource] // El País (diario). — Access mode : https://elpais.com/politica/2014/11/09/actualidad/1415542400_466311.html (accessed 14.03.2024).

9. *Declararció* dels representants de Catalunya [Electronic resource]. — Access mode : https://static1.ara.cat/ara/public/content/file/original/2017/1010/20/declaracio-d-independencia-signada-per-jxs-i-la-cup-0a28a46.pdf (accessed 16.03.2024).

10. *Eleccions* al Parlament de Catalunya 2021 [Electronic resource]. — Access mode : https://web.archive.org/web/20210228164833/https://resultats.parlament2021.cat/resultados/0/catalunya (accessed 10.03.2024).

11. *Eleccions* autonòmiques 2023 [Electronic resource]. — Access mode : https://dogv.gva.es/datos/2023/06/15/pdf/2023_6826.pdf (accessed 15.03.2024).

12. *El Govern* proclama los resultados del referéndum saltándose la ley aprobada en el Parlament [Electronic resource] // El Diario (diario). — Access mode : https://www.eldiario.es/catalunya/politica/govern-resultados-referendum-saltandose-parlament_1_3146133.html (accessed 14.03.2024).

13. *El parlament* comença la desconnexió d'Espanya [Electronic resource] // Vilaweb (diario). — Access mode : https://www.vilaweb.cat/noticies/declaracio-independentista-junts-pel-si-cup-parlament-aprovada-desconnexio-espanya/ (accessed 14.03.2024).

14. *Encuesta* de características esenciales de la población y las viviendas 2021 [Electronic resource]. — Access mode : https://ibestat.caib.es/ibestat/estadistiques/6e0bb203-bf26-45df-9343-c13476cf9e21/30c62c80-db01-4e1f-9d77-0d61cd021757/es/I101006_1017.px (accessed 17.03.2024).

15. *España* en cifras 2019 [Electronic resource]. — Access mode : https://ine.es/prodyser/espa_cifras/2019/30/index.html (accessed 25.03.2024).

16. *Estadística* de Movimientos Turísticos en Fronteras [Electronic resource]. — Access mode : https://www.ine.es/daco/daco42/frontur/frontur1219.pdf (accessed 19.03.2024).

17. *Estatuto* de autonomía de 1979 [Electronic resource]. — Access mode : https://web.archive.org/web/20070110144454/http://www.gencat.cat/generalitat/cas/estatut1979/index.htm (accessed 27.03.2024).

18. *Estatuto* de autonomía de 2006 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.congreso.es/constitucion/ficheros/leyes_espa/lo_001_2006.pdf (accessed 13.03.2024).

19. *Guanya* el sí a Arenys de Munt [Electronic resource] // Llibertat (diario). — Access mode : https://www.llibertat.cat/2009/09/guanya-el-si-a-arenys-de-munt-7535 (accessed 14.03.2024).

20. *L'Estatut* d'Autonomia 2007 [Electronic resource]. — Access mode : https://web.archive.org/web/20091211202308/http://nouestatut.caib.es/des/estatut2007.pdf (accessed 10.03.2024).

21. *Ley Orgánica* 6/2006, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña [Electronic resource]. — Access mode : https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2006-13087&tn=1&p=20060720 (accessed 16.03.2024).

CC BY

22. *Los resultados* de elecciones 2023 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.resultatseleccions2023.caib.es/ (accessed 10.03.2023).

23. *Resultados* del Referéndum sobre reforma del Estatuto de Autonomía para Cataluña [Electronic resource]. — Access mode : https://app.congreso.es/consti/elecciones/referendos/ref_cata_2006.htm (accessed 17.03.2024).

24. *Sentencia* 31/2010, de 28 de junio de 2010 [Electronic resource]. — Access mode : https://web.archive.org/web/20121204071339/http://www.tribunalconstitucional.es/es/jurisprudencia/Paginas/Sentencia.aspx?cod=16273 (accessed 18.03.2024).

25. *Un* "Sí" crític de la CUP-AE i dues abstencions a la Declaració [Electronic resource] // Llibertat (diario). — Access mode : https://www.llibertat.cat/2013/01/un-si-critic-de-la-cup-ae-i-dues-abstencions-a-la-declaracio-so-20594 (accessed 13.03.2024).

Литература

1. *Аникеева Н. Е.* Испания — государство автономий в объединенной Европе / Н. Е. Аникеева // Современная Европа. — 2007. — № 2. — С. 91—102.

2. *Буханова А. С.* Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения / А. С. Буханова // Право и управление : XXI век. — 2011. — № 4 (21). — С. 67—71.

3. *Верников В. Л.* Каталонский национализм как факт истории Испании / В. Л. Верников // Современная Европа. — 2020. — № 4. — С. 176—183. — DOI: 10.15211/soveurope42020176183.

4. *Гузикова М. О.* Концептуализация термина *суверенитет* в Международном суде ООН : обсуждение вопроса о соответствии провозглашения независимости Косово международному праву (2008—2010) / М. О. Гузикова, А. Г. Нестеров // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1. Филология. — 2015. — № 3 (76). — С. 6—14.

5. *Денисенко Г. В.* Каталония, Валенсия, Балеарские острова : к вопросу о культурно-языковом сепаратизме / Г. В. Денисенко // Иберoамериканские тетради. — 2017. — № 1. — С. 90—96.

6. *Де Жезуш Фонсека Н.* Особенности сепаратизма в Испании в конце XX — начале XXI веков : на примере страны Басков и Каталонии : диссертация … кандидата политических наук : 23.00.02 / Н. де Жезуш Фонсека. — Воронеж, 2017. — 176 с.

7. *Кожановский А. Н.* Испанский случай : этнические волны и региональные утесы / А. Н. Кожановский // Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. — Москва : Наука, 2007. — С. 227—258.

8. *Конюхова И. А.* Право народов на самоопределение как принцип федерализма / И. А. Конюхова // Политическая наука. — 2003. — № 3. — С. 167—186.

9. *Крылов А. Б.* Сепаратизм : истоки и тенденции развития (из опыта политического развития некоторых зарубежных стран) / А. Б. Крылов. — Москва : Знание, 1990. — 64 с.

10. *Нестеров А. Г.* Косово на пути к суверенитету : к истории вопроса / А. Г. Нестеров, М. О. Гузикова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 3 (68). — Т. 2. — С. 179—184.

11. *Нестерова Т. П.* Референдум о независимости Каталонии (2017) : исторические предпосылки и последствия / Т. П. Нестерова, Я. Э. Полякова // Danish Scientific Journal. — 2021. — № 50. — Pp. 74—79.

12. *Орлов А. А.* Национализм Каталонии — фактор риска для Испании / А. А. Орлов // Обозреватель — Observer. — 2010. — № 11. — С. 108—120.

13. *Орлов А. А.* Национализм в истории Каталонии : прошлое и настоящее / А. А. Орлов. — Москва : URSS, 2020. — 550 с. — ISBN 978-5-9228-2215-2.

14. *Пожарская С. П.* Унитарное государство совместимое с автономией / С. П. Пожарская // Опыт европейского федерализма. История и современность. — Москва : [б. и.], 2002. — С. 210—218.

15. *Пузырев К. С.* Региональный сепаратизм в странах Западной Европы : понятие, истоки и предпосылки / К. С. Пузырев. — Москва : МГУ, ТЕИС, 2014. — 96 с.

16. *Тишков В. А.* Реквием по этносу : исследования по социальнокультурной антропологии / В. А. Тишков. — Москва : Наука, 2003. — 376 с.

17. *Тишков В. А.* Этнополитология : политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. — Москва : Изд-во Московского университета, 2011. — 413 с. — ISBN 978-5-19-011367-9.

18. *Тюрин Е. А.* «Мягкая сила» в условиях сепаратистского конфликта : примеры Каталонии и Шотландии / Е. А. Тюрин, Е. Н. Савинова, О. В. Переверзева // Современная Европа. — 2022. — № 1. — С. 99—112. — DOI: 10.31857/S0201708322010089.

19. *Филатов Г. А.* Каталония, Страна Басков и Галисия : сепаратистские тенденции в начале XXI века / Г. А. Филатов // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — Т. 62. — № 11. — С. 43—53. — DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-43-53.

20. *Хенкин С. М.* Каталонский конфликт вчера и сегодня / С. М. Хенкин // Актуальные проблемы Европы. — 2015. — № 1. — С. 117—138.

21. *Хенкин С. М.* Каталонский конфликт : Национальное и международное измерения / С. М. Хенкин // Актуальные проблемы Европы. — 2020. — № 2 (106). — С. 94—121. — DOI: 10.31249/ape/2020.02.04.

22. *Яковлев П. П.* Каталония : от национализма к сепаратизму / П. П. Яковлев // Латинская Америка. — 2020. — № 8. — С. 104—110. — DOI: 10.31857/S0044748X0010349-2.

23. *Fuster J.* Nosaltres, els valencians / J. Fuster. — Barcelona : El Cangur, 1962. — 300 p.

24. *González-Villa C.* Too Little, Too Late : the Catalan Debacle in Light of the Slovenian Attainment of Independence / C. González-Villa, B. Radeljić // Современная Европа. — 2023. — № 6. — Pp. 81—95. — DOI: 10.31857/S0201708323060086.

25. *Història de España :* 1. De la Prehistòria al fin de Antiguo Régimen / Bajo la dir. J. Tusell. — Madrid : Taurus ed., 2001. — 607 p. — ISBN 84-306-0434-0.

26. *De La Cierva R.* Història total de España : Del hombre de Altamira al Rey Juan Carlos / R. de La Cierva. — Madrid : Fenix, 2008. — 1116 p. — ISBN 978-84-88787-49-1.

27. *Regla J.* El dualismo en Valencia y sus desequilibrios / J. Regla // Saitabi : revista de la Facultat de Geografia i Història. — 1967. — Nº17. — Pp. 51—69.

28. *Regla J.* Introduccio a la Història de la Corona d'Arago / J. Regla. — Palma de Mallorca : Editorial Moll, 1979. — 185 p.

29. *Strubell M.* Democratic Policies for Language Revitalisation : the Case of Catalan / M. Strubell, E. Boix-Fuster. — London : Palgrave Macmillan, 2011. — 254 p.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024,
одобрена после рецензирования 03.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

Cálculo de asistentes. *El País (diario).* Available at: https://elpais.com/diario/2010/07/11/espana/1278799221_850215.html (accessed 15.03.2024). (In Spanish.).

CC BY

Cálculo de manifestantes. *El País (diario)*. Available at: https://elpais.com/elpais/2012/09/13/defensor_del_lector/1347549569_134754.html (accessed 15.03.2024). (In Spanish.).

Comparativa entre l'Estatut de 1979 i el nou Estatut. Available at: http://www.iceta.org/comp7906.pdf (accessed 16.03.2024). (In Spanish.).

Conocimiento y uso social del valenciano. Available at: https://web.archive.org/web/20101210094400/http:/www.edu.gva.es/polin/docs/sies_docs/encuesta2010/index.html (accessed 18.03.2024). (In Spanish.).

Constitución Española. Texto consolidado. Última modificación: 27 de septiembre de 2011. *Boletin official del Estado.* Available at: https://abcspain.ru/zakony-ispanii/konstitucia%20ispanii.pdf?ysclid=lugpd4man9681975944 (accessed 19.03.2024). (In Spanish.).

Consulta 9-N: 1,8 millones de personas votan por la independencia catalana en el 9-N. *El País (diario)*. Available at: https://elpais.com/politica/2014/11/09/actualidad/1415542400_466311.html (accessed 14.03.2024). (In Spanish.).

Declararció dels representants de Catalunya. Available at: https://static1.ara.cat/ara/public/content/file/original/2017/1010/20/declaracio-d-independe-ncia-signada-per-jxs-i-la-cup-0a28a46.pdf (accessed 16.03.2024). (In Spanish.).

Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples. *The UN Portal.* Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (accessed 03/13/2024). (In Russ.).

El Govern proclama los resultados del referéndum saltándose la ley aprobada en el Parlament. *El Diario (diario)*. Available at: https://www.eldiario.es/catalunya/politica/govern-resultados-referendum-saltandose-parlament_1_3146133.html (accessed 14.03.2024). (In Spanish.).

El parlament comença la desconnexió d'Espanya. *Vilaweb (diario)*. Available at: https://www.vilaweb.cat/noticies/declaracio-independentista-junts-pel-si-cup-parlament-aprovada-desconnexio-espanya/ (accessed 14.03.2024). (In Spanish.).

Eleccions al Parlament de Catalunya 2021. Available at: https://web.archive.org/web/20210228164833/https://resultats.parlament2021.cat/resultados/0/catalunya (accessed 10.03.2024). (In Spanish.).

Eleccions autonòmiques 2023. Available at: https://dogv.gva.es/datos/2023/06/15/pdf/2023_6826.pdf (accessed 15.03.2024). (In Spanish.).

Encuesta de características esenciales de la población y las viviendas 2021. Available at: https://ibestat.caib.es/ibestat/estadistiques/6e0bb203-bf26-45df-9343-c13476cf9e21/30c62c80-db01-4e1f-9d77-0d61cd021757/es/I101006_1017.px (accessed 17.03.2024). (In Spanish.).

España en cifras 2019. Available at: https://ine.es/prodyser/espa_cifras/2019/30/index.html (accessed 25.03.2024). (In Spanish.).

Estadística de Movimientos Turísticos en Fronteras. Available at: https://www.ine.es/daco/daco42/frontur/frontur1219.pdf (accessed 19.03.2024). (In Spanish.).

Estatuto de autonomía de 1979. Available at: https://web.archive.org/web/20070110144454/http://www.gencat.cat/generalitat/cas/estatut1979/index.htm (accessed 27.03.2024). (In Spanish.).

Estatuto de autonomía de 2006. Available at: https://www.congreso.es/constitucion/ficheros/leyes_espa/lo_001_2006.pdf (accessed 13.03.2024). (In Spanish.).

Guanya el sí a Arenys de Munt. *Llibertat (diario)*. Available at: https://www.llibertat.cat/2009/09/guanya-el-si-a-arenys-de-munt-7535 (accessed 14.03.2024). (In Spanish.).

L'Estatut d'Autonomia 2007. Available at: https://web.archive.org/web/20091211202308/http://nouestatut.caib.es/des/estatut2007.pdf (accessed 10.03.2024). (In Spanish.).

Ley Orgánica 6/2006, de 19 de julio, de reforma del Estatuto de Autonomía de Cataluña. Available at: https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2006-13087&tn=1&p=20060720 (accessed 16.03.2024). (In Spanish.).

Los resultados de elecciones 2023. Available at: https://www.resultatseleccions2023.caib.es/ (accessed 10.03.2023). (In Spanish.).

Resultados del Referéndum sobre reforma del Estatuto de Autonomía para Cataluña. Available at: https://app.congreso.es/consti/elecciones/referendos/ref_cata_2006.htm (accessed 17.03.2024). (In Spanish.).

Sentencia 31/2010, de 28 de junio de 2010. Available at: https://web.archive.org/web/20121204071339/http://www.tribunalconstitucional.es/es/jurisprudencia/Paginas/Sentencia.aspx?cod=16273 (accessed 18.03.2024). (In Spanish.).

The UN Charter: full text. *The UN Portal.* Available at: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (accessed 03/14/2024). (In Russ.).

Un "Sí" crític de la CUP-AE i dues abstencions a la Declaració. *Llibertat (diario).* Available at: https://www.llibertat.cat/2013/01/un-si-critic-de-la-cup-ae-i-dues-abstencions-a-la-declaracio-so-20594 (accessed 13.03.2024). (In Spanish.).

References

Anikeeva, N. E. (2007). Spain is a state of autonomy in a united Europe. *Modern Europe, 2:* 91—102. (In Russ.).

Bukhanova, A. S. (2011). Conflict of principles of self-determination of peoples, territorial integrity of states and possible ways of its solution. *Law and Management: the 21st century, 4 (21):* 67—71. (In Russ.).

De Jesus Fonseca, N. (2017). *Features of separatism in Spain in the late XX — early XXI centuries: on the example of the Basque country and Catalonia.* PhD Diss. Voronezh. 176 p. (In Russ.).

De La Cierva, R. (2008). *Història total de España: Del hombre de Altamira al Rey Juan Carlos.* Madrid: Fenix. 1116 p. ISBN 978-84-88787-49-1. (In Spanish.).

Denisenko, G. V. (2017). Catalonia, Valencia, Balearic Islands: on the issue of cultural and linguistic separatism. *Iberoamerican notebooks, 1:* 90—96. (In Russ.).

Filatov, G. A. (2018). Catalonia, the Basque Country and Galicia: separatist trends at the beginning of the XXI century. *World economy and international relations, 62 (11):* 43—53. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-43-53. (In Russ.).

Fuster, J. (1962). *Nosaltres, els valencians.* Barcelona: El Cangur. 300 p. (In Spanish.).

González-Villa, C., Radeljić, B. (2023). Too Little, Too Late: the Catalan Debacle in Light of the Slovenian Attainment of Independence. *Modern Europe, 6:* 81—95. DOI: 10.31857/S0201708323060086.

Guzikova, M. O. (2015). Conceptualization of the term sovereignty in the International Court of Justice of the United Nations: discussion of the issue of compliance of the declaration of independence of Kosovo with international law (2008—2010). *Bulletin of the Minsk State Linguistic University. Series 1. Philology, 3 (76):* 6—14. (In Russ.).

Henkin, S. M. (2020). The Catalan conflict: National and international dimensions. *Actual problems of Europe, 2 (106):* 94—121. DOI: 10.31249/ape/2020.02.04. (In Russ.).

Henkin, S. M. (2015). The Catalan conflict yesterday and today. *Actual problems of Europe, 1:* 117—138. (In Russ.).

Història de España: 1. De la Prehistòria al fin de Antiguo Régimen. (2001). Madrid: Taurus ed. 607 p. ISBN 84-306-0434-0. (In Spanish.).

Konyukhova, I. A. (2003). The right of peoples to self-determination as a principle of federalism. *Political science, 3:* 167—186. (In Russ.).

Kozhanovsky, A. N. (2007). The Spanish case: ethnic waves and regional cliffs. In: *Nationalism in World History.* Moscow: Nauka. 227—258. (In Russ.).

Krylov, A. B. (1990). *Separatism: the origins and trends of development (from the experience of the political development of some foreign countries).* Moscow: Znanie. 64 p. (In Russ.).

Nesterov, A. G., Guzikova, M. O. (2015). Kosovo on the way to sovereignty: to the history of the issue. *Bulletin of Kemerovo State University, 3 (68) / 2:* 179—184. (In Russ.).

Nesterova, T. P., Guzikova, Ya. E. (2021). The referendum on the independence of Catalonia (2017): historical background and consequences. *Danish Scientific Journal, 50:* 74—79. (In Russ.).

Orlov, A. A. (2020). *Nationalism in the history of Catalonia: past and present.* Moscow: URSS. 550 p. ISBN 978-5-9228-2215-2. (In Russ.).

Orlov, A. A. (2010). Nationalism of Catalonia — a risk factor for Spain. *Obozrevatel — Observer, 11:* 108—120. (In Russ.).

Pozharskaya, C. P. (2002). A unitary state compatible with autonomy. In: *The experience of European federalism. History and modernity.* Moscow: [b. i.]. 210—218. (In Russ.).

Puzyrev, K. S. (2014). *Regional separatism in the countries of Western Europe: the concept, origins and prerequisites.* Moscow: Moscow State University, THEIS. 96 p. (In Russ.).

Regla, J. (1967). El dualismo en Valencia y sus desequilibrios. *Saitabi: revista de la Facultat de Geografia i Història, 17:* 51—69. (In Spanish.).

Regla, J. (1979). *Introduccio a la Història de la Corona d'Arago.* Palma de Mallorca: Editorial Moll. 185 p. (In Spanish.).

Strubell, M. (2011). *Democratic Policies for Language Revitalisation: the Case of Catalan.* London: Palgrave Macmillan. 254 p.

Tishkov, V. A., Shabaev, Yu. P. (2011). *Ethnopolitology: political functions of ethnicity.* Moscow: Publishing House of Moscow University. 413 p. ISBN 978-5-19-011367-9. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2003). *Requiem for ethnos: studies in socio-cultural anthropology.* Moscow: Nauka. 376 p. (In Russ.).

Tyurin, E. A., Savinova, E. N. "Soft power" in the conditions of the separatist conflict: examples of Catalonia and Scotland. *Modern Europe, 1:* 99—112. DOI: 10.31857/S0201708322010089. (In Russ.).

Vernikov, V. L. (2020). Catalan nationalism as a fact of the history of Spain. *Modern Europe, 4:* 176—183. DOI: 10.15211/soveurope42020176183. (In Russ.).

Yakovlev, P. P. (2020). Catalonia: from nationalism to separatism. *Latin America, 8:* 104—110. DOI: 10.31857/S0044748X0010349-2. (In Russ.).

The article was submitted 02.02.2024;
approved after reviewing 03.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]
Check for updates

Информация для цитирования:

Слезин А. А. Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого» / А. А. Слезин, В. Б. Безгин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 526—542. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-526-542.

Slezin, A. A., Bezgin, V. B. (2024). Activities of Rural Komsomol Members in 1920s to Overcome "Remnants of Past". *Nauchnyi dialog, 13* (3): 526-542. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-526-542. (In Russ.).

Clarivate Web of Science · Scopus · DOAJ · ERIH PLUS · eLIBRARY.RU · РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого»

Слезин Анатолий Анатольевич
orcid.org/0000-0002-9559-7553
WoS ResearcherID: A-8944-2018
ScopusAuthorID 57200087498
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
anatoly.slezin@yandex.ru

Безгин Владимир Борисович
orcid.org/0000-0002-7074-6823
WoS ResearcherID: A-8926-2018
ScopusAuthorID 56940690200
доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
vladyka62@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, https://rscf.ru/project/22-18-00132/

Activities of Rural Komsomol Members in 1920s to Overcome "Remnants of Past"

Anatoly A. Slezin
orcid.org/0000-0002-9559-7553
WoS ResearcherID: A-8944-2018
ScopusAuthorID 57200087498
Doctor of History, professor,
chief research scientist
anatoly.slezin@yandex.ru

Vladimir B. Bezgin
orcid.org/0000-0002-7074-6823
WoS ResearcherID: A-8926-2018
ScopusAuthorID 56940690200
Doctor of History, professor,
leading research scientist
vladyka62@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 22-18-00132, https://rscf.ru/project/22-18-00132/

© Слезин А. А., Безгин В. Б., 2024

CC BY
OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируются реалии комсомольской борьбы с культурной отсталостью деревни в 1920-е годы. Связывая окружающие недостатки с «пережитками прошлого», комсомол в своей деятельности отличался радикализмом, непродуманностью действий, игнорированием сельской специфики. Однако это не должно полностью заслонить те результаты преобразований молодежного союза, которые и сегодня можно оценить положительно. Авторы статьи пытаются выявить их, более объективно изучив влияние комсомола и пионерии на крестьянство. Проблема рассматривается с позиций «поколенческой» истории. Выясняя отношение крестьян к результатам «революции в быту», авторы в первую очередь обращают внимание на реакцию представителей поколения «революционного перелома» (родившихся в основном в 1890-е годы) на молодежные инновации. Хотя крестьяне в силу своего природного консерватизма часто отрицательно оценивали свершения комсомола, что объективно имело положительные последствия, постепенное возрастание симпатий крестьян к комсомольской «революции в быту» в целом очевидно. Небольшая разница в возрасте поколений «революционного перелома» и «детей революции» (комсомольцев того времени) способствовала привлечению крестьян из поколения «революционного переворота» на мероприятия, организуемые комсомольцами.

Ключевые слова:
село; крестьянство; поколения; революционный перелом; молодежь; дети; комсомол.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the realities of the Komsomol's struggle against cultural backwardness in the village during the 1920s. Connecting surrounding deficiencies with the "remnants of the past," the Komsomol stood out for its radicalism, lack of foresight in actions, and disregard for rural specifics. However, this should not overshadow the positive results of the transformations of the youth union that can still be appreciated today. The authors attempt to identify these results by objectively studying the influence of the Komsomol and the Pioneers on the peasantry. The problem is approached from the perspective of "generational" history. Examining peasants' attitudes towards the results of the "revolution in everyday life," the authors primarily focus on the reaction of representatives of the "revolutionary breakthrough generation" (mostly born in the 1890s) to youth innovations. Although peasants often negatively assessed the achievements of the Komsomol due to their natural conservatism, which objectively had positive consequences, a gradual increase in peasants' sympathies towards the Komsomol's "revolution in everyday life" is evident overall. The slight age difference between the "revolutionary breakthrough generation" and the "children of the revolution" (Komsomol members of that time) contributed to attracting peasants from the "revolutionary overturn generation" to events organized by the Komsomol.

Key words:
village; peasantry; generations; revolutionary breakthrough; youth; children; Komsomol.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.6
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-526-542

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Деятельность сельских комсомольцев 1920-х годов по преодолению «пережитков прошлого»

© **Слезин А. А., Безгин В. Б., 2024**

1. Введение = Introduction

В современной историографии, как правило, даются отрицательные оценки участия коммунистических активистов 1920-х годов в борьбе с «пережитками прошлого» [Кулинич, 2009; Панин, 2003]. В довоенном СССР действительно не только не были уничтожены причины объявленных «пережитками прошлого» девиантных форм поведения, но и были созданы новые формы. Однако при объективном взгляде на события 1920-х годов мы должны признать противоречивость процесса преодоления «пережитков прошлого». В данной статье мы ставим цель выявить те результаты данной деятельности, которые и с современных позиций можно оценить позитивно.

Для более взвешенной оценки роли комсомола в преобразованиях сельского быта мы используем сохранившиеся материалы об отношении к ним крестьянства. В этой связи будет использована методология поколенческой истории. Предметом нашего изучения являются взаимоотношения активных представителей младшего поколения («детей революции», или «сталинского», по определению Ю. А. Левады, вступивших в юношеском возрасте в комсомол), с крестьянами поколения «революционного перелома». Предложивший понятие «революционный перелом» Ю. А. Левада подразумевает под ним исторический период («условно») 1905—1930 годов. С его позиции, активные участники (и жертвы) «перелома» родились «примерно в 90-х годах XIX века» [Левада, 2001, с. 7]. Как и многие другие современные исследователи, допускаем расширение указанных хронологических границ «рождения поколения» [Вязинкин, 2022]. Ведь в определении поколения важны не столько даты рождения, сколько те исторические события, которые «связывают» отдельные личности в целое поколение, или, по словам К. Мангейма, «определенные образцы опыта и мысли», «участие в общей судьбе данной исторической и социальной общности». Немецкий социолог утверждал, что в каждом поколении может быть много разных секций (даже антагонистических), они могут быть

«ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [Мангейм, 2000, с. 26, 36, 40].

Прислушаемся к мнению Ф. Н. Козлова: «Юношеский максимализм приводил к радикальным реакциям на оказанное сверху “доверие” и провоцировал в социуме не только противостояние по классово-сословным признакам, но и по возрастным группам» [Козлов, 2014, с. 75]. В этой связи уже заметным становится внимание современных исследователей к конфликту крестьянских поколений в раннем советском периоде [Мищенко, 2020; Рожков, 2016].

Помня о вполне устоявшейся в современной науке позиции, согласно которой «каждое общество, находящееся в условиях трансформации и модернизации, сталкивается с расколом между “старым”, консервативным поколением и “новым”, новаторским» [Чистякова, 2016, с. 99], мы все-таки заметим, что постепенно полярные гиперболизации в понимании конфликта поколений преодолеваются [Гайлит, 2012; Лисовский, 2002; Сидоров, 2013]. Феномен конфликта поколений все в большей степени воспринимается как принимающий конструктивную или деструктивную форму в зависимости от конкретно-исторических условий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Именно в период нэпа на селе заметной политической силой становился комсомол. В начале нэпа, правда, его состав уменьшился. Сказались не только беды Гражданской войны, но и определенное разочарование молодежи в советской политике. У одних оно было связано с итогами первых лет, у других, наоборот, с нэповским отступлением. К концу 1922 года комсомольцы составляли лишь около 1 % молодежи [Статистический сборник …, 1924, с. 9]. IV и V съезды комсомола придерживались линии нерасширения деревенских ячеек, были установлены повышенные требования к вступающим в комсомол юношам и девушкам крестьянского происхождения. Кое-где это привело к сокращению комсомольской работы в деревне, что быстро было признано ошибочным. Распространение влияния комсомола на деревню связывалось с увеличением в целом коммунистического влияния на крестьянство.

К 1924 году доля комсомольцев среди молодежи увеличилась, но не превысила 1,6 %. Среди всей молодежи, занимающейся земледелием, комсомольцы составляли 0,9 %, а среди сельских девушек — и вовсе 0,16 % (16 тысяч из 10 миллионов) [Виола, 2010, с. 67]. Тем не менее, хотя комсомольские организации в деревне были еще немногочисленными, сельский комсомол представлял собой «для многих взрослых ненавистную силу крестьянской политики, которую, как правило, было слышно и видно лучше, чем сельский актив компартии» [Зиновьев, 1925, с. 5—6].

CC BY

В качестве задачи, которую по силам решить за год, партийные лидеры в 1924 году называли рост комсомольской организации в деревне до 2 миллионов. В реальности численность крестьян в комсомоле к началу 1925 года выросла до 800 тысяч. В комсомольском возрасте (16—23 года) в это время находились более 10 миллионов сельских жителей [Зиновьев, 1925, с. 2]. По РСФСР на 1 марта 1924 года насчитывалось 10 288 деревенских ячеек ВЛКСМ, к январю 1925 года — 18 893 [Кромер, 2019, с. 39]. За время с VI (июль 1924 года) по VI съезд (март 1926 года) комсомола союз вырос в 2,5 раза. Доля крестьян в союзе увеличилась с 39,4 до 46 %, батраков — с 5, 9 до 7,7 % [Комсомольцам…, 1926, с. 19, 24]. На 1 января 1927 года количество молодежи в СССР в возрасте от 14 до 23 лет составляло 29,7 млн человек. В комсомоле состояли 7,4 % (около 2 млн). Сельских комсомольских ячеек было на 27 950 больше, чем партийных [Подсчитано по: Отчет ЦК ВЛКСМ, 1928, с. 21; Справочник…, 1930, с. 379]. На 1 января 1928 года в союзе насчитывалось 700 ячеек при колхозах, в них — 36 468 человек [Итоги …, 1931, с. 66].

Политика искусственных задержек роста комсомола за счет крестьянской молодежи была признана ошибочной и политически опасной. В союзе пришли к выводу, что при закрытии дверей для широких масс сельской молодежи они попали бы под религиозное влияние. Вызывало беспокойство и появление различных альтернативных объединений крестьянской молодежи.

В отличие от первых лет советской власти, когда в самом комсомоле были и представители поколения «революционного перелома» (в основном родившиеся в 1890-е годы), в период нэпа после поворота власти «лицом к деревне» определяющей стиль молодежного движения стала деятельность поколения «детей революции».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Революция в быту» и взаимоотношения крестьянских поколений

Являвшаяся одним из главных направлений комсомольской работы борьба с религией пропагандировалась прежде всего как метод преодоления культурной отсталости масс. Неслучайно ее составной частью называли борьбу с «пережитками прошлого» в быту. А поскольку старики в бытовом отношении слишком консервативны, а в молодежь старые бытовые черты не вкоренились еще глубоко, то революция в быту, как говорил М. И. Калинин, «успешнее всего должна развиваться среди молодежи» [Калинин, 1969, с. 67—68]. Партийные лидеры на местах и вовсе заявляли, что «над стариками мы должны поставить крест, так как их все равно никакими методами не привлечь» [ЦДНИРО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 102].

CC BY

К середине 1920-х годов непримиримость в отношениях со старшими поколениями комсомол старался приглушить, осознавая: пока крестьяне не почувствуют, что к их мнению прислушиваются, не изменится к лучшему и их отношение к коммунистическим организациям. Шефствуя над пионерами, комсомол призывал их проводить коммунистическую линию в семье без хвастовства и наскока, осторожно. Начинать советовали с малого — с примерного поведения в семье самих пионеров. Необычно звучали для этого времени призывы внимательно прислушаться к проявлениям недовольства родителей. Причем подчеркивалось, что особая осторожность требуется, когда дело идет о больных сторонах деревенского быта. Если в начале 1920-х годов и в печати акцентировалось внимание на антагонизме поколений, то в середине десятилетия даже в стихотворной форме подчас говорилось о преемственности. Например, в сценарии «живой газеты» «Мужицкая смена» в качестве финала провозглашалось: «К свету, науке // Из темного плена // Смело шагает // Мужицкая смена. // Будем примером // Юных борцов // Продолжим дело // Наших отцов» [Юрцев, 1926, с. 7].

Чтобы смягчить конфликты, в ходе осуществления политики «лицом к деревне» власть поменяла формы и методы антирелигиозной деятельности. С весны 1923 года старались не отталкивать антирелигиозной работой и взрослых крестьян. Тамбовский губком РКСМ, например, прямо призывал: «Борьбу с “попами” нужно заменить борьбой с религией и проводить путем научных бесед и лекций» [Комсомол в деревне …, 1924, с. 4]. В агитационных материалах комсомола крестьянская молодежь называлась самой подходящей почвой для антирелигиозной пропаганды в деревне, но при этом подчеркивалось, что она находится на распутье, не знает, что противопоставить попам [Там же, с. 10].

Руководители комсомола пришли к правильным выводам: крестьянин только тогда поверит комсомольцам, когда на практике их хозяйствования увидит, как можно выйти из нужды; оказывать глубокое влияние на беспартийных комсомольцы могут только в том случае, если знают и умеют больше них; надо стремиться не в город, а стать примерным крестьянином.

В некоторых ячейках даже приходили к осознанию необходимости более тесных связей с крестьянами старших поколений, привлечению крестьян-передовиков к работе в сельскохозяйственных товариществах, кружках, секциях. В тех местах, где комсомол вел хорошую хозяйственную и культурно-просветительную работу, и сами крестьяне поколения «революционного перелома» легче шли на контакты с комсомольцами, уважительнее относились к молодежному союзу.

CC BY

3.2. «Читать — значит думать»

Приходится признать, что действительно далеко не все обычаи, сохранявшиеся в крестьянской среде, необходимо было сохранить. Безусловно, заслуживает одобрения стремление комсомольских и пионерских организаций воспитать любовь к книге, газете. Привлекают внимание многие тогдашние подходы к организации чтения. Например, «правила», пропагандируемые комсомолом: «Читать — значит думать с кем-нибудь, создавать собственные мысли при помощи мыслей чужих. Читать — ничто, читать и размышлять — все. Бери не количеством, а качеством, одна продуманная книга стоит сотни проглоченных. Старайся читать вслух. Обмен мнений и взглядов по поводу прочитанного ценно, как и само чтение. Хорошую книгу нельзя читать только один раз — перечитывай ее и обдумывай» [Книгу и газету …, 1924, с. 40].

В некоторых деревнях взрослые крестьяне с интересом слушали читки вслух материалов «Пионерской правды», которая почти в каждом номере публиковала страницу «Пионерская деревня», а в ней не только новости из сельских пионерских организация, но и советы агрономов, сообщения об успешном применении аграрных инноваций.

Заметные новшества в сельский быт вносила стенная печать. Так, в станице Дербентской стенгазета часто поднимала проблему борьбы со знахарством, а также темы разоблачения самогонщиков и борьбы с пьянством [Комсомол в деревне , 1926, с. 133—134]. Обычными темами газетных выступлений стали борьба за чистоту, пропаганда полезности физической культуры. Все чаще в деревнях выходили не периодические издания — газеты (для них, как правило, использовали большие листы бумаги, на которых рисовали, писали заметки или приклеивали к ним напечатанное на машинке), а так называемые «непрерывки». Как правило, бумага с информацией вкладывалась в специальные кармашки, то есть ее можно было свободно поменять. Затем стали использовать более твердую основу (картон или доску), где заранее размещали названия разделов и рубрик. Позже для лучшей сохранности менявшихся материалов использовали стекло. Так обновлять содержание стенгазеты было, конечно, легче.

Надо учесть, что статистика, показывающая рост количества стенгазет, вряд ли могла быть точной. Но если ей верить, то рост количества стенгазет в стране действительно был впечатляющим: 1924 год — 3 тысячи, 1928 год — 60 тысяч, 1930 год — 250 тысяч [Вертинский, 1931, с. 140, 151, 152]. Развитие сети селькоров, среди которых преобладала молодежь, но были и крестьяне поколения «революционного перелома», способствовало не только росту социальной активности крестьянства, но и обретению многими из них навыков элементарной литературной деятельности. Не-

CC BY

случайно из селькоровской среды вышли многие советские писатели. Фактически их взрастила, воспитала стенная печать.

Молодые этнографы, исследовавшие нэповскую деревню, признавали: «При умелой постановке стенгазеты она служит организатором всей работы в деревне и, выявляя недостатки крестьянской жизни, привлекает симпатии взрослого населения к комсомолу» [Комсомол в деревне, 1926, с. 139]. Новой смелой общественной силой деревни, из которой будут выковывать ее новый актив, этнографы называли селькоров. Обличая местные изъяны жизни, стенгазеты будоражили общественное мнение, их заметки нередко становились поводами к обсуждению на сельских сходах. Юмористический отдел на самом деле был, как правило, сатирическим, бичевал недостатки вокруг. Во многих газетах популярностью пользовались рубрики «Советы крестьянину», «Быт деревни», «Справочник» (с ответами на вопросы крестьян). Многим крестьянам очень хотелось быть в курсе событий у себя в округе, и знакомство с новостями местной жизни было оправданным поводом к обретению ими читательских навыков.

На VIII съезде ВЛКСМ специальное заседание посвятили участию молодежи в культурной революции. Каждый грамотный комсомолец обязывался найти одного неграмотного и обучить его читать и писать. В августе 1928 года дали старт Всесоюзному культпоходу. Регулярно проводились месячники и субботники в помощь ликвидации неграмотности. Комсомольцами засевались так называемые «культурные гектары», доходы от которых поступали в фонд борьбы с неграмотностью. Ячейки устраивали специальный сбор средств для детей бедноты, организовывали починку их одежды и обуви, чтобы дети могли ходить в школу. Осуществлялся сбор литературы для обучения грамоте. Многие юноши и девушки по решению комсомольских органов были направлены на работу в школы, на учебу в педагогические техникумы и институты.

Позже было записано множество воспоминаний крестьян 1920-х годов, с благодарностью отзывавшихся об усилиях комсомольцев именно в деле ликвидации неграмотности. Как показывает анализ частушек, подмечена крестьянами и неразрывная связь ликбеза с политической и антирелигиозной пропагандой.

3.3. За чистоту и здоровье

В ряде регионов комсомольцы принимали активное участие в работе «венерических отрядов». В целях профилактики венерических заболеваний комсомольцы выступали с лекциями, пропагандировали элементарные навыки личной гигиены. Зачастую комсомольцы сами изготовляли плакаты, готовили представления живых газет, театральные санитарные постановки.

CC BY

Борьба за гигиену была призвана способствовать искоренению массовых венерических заболеваний. Комсомольцы и пионеры многократно переписывали санитарно-просветительные листовки, настойчиво зачитывали их для крестьян. Например, в целях борьбы с гриппом крестьянам советовали во время чихания и кашля закрывать нос и рот носовым платком, не дышать друг другу в лицо, не плевать на пол, не щелкать семечки, регулярно проветривать помещения, пользоваться отдельными полотенцами и посудой, спать в отдельных кроватях, обязательно тщательно мыть руки перед едой, соблюдать чистоту одежды, не пить спиртных напитков. В тогдашних условиях эти элементарные советы тоже вызывали недовольство консервативно настроенных крестьян, хотя на самом деле спасали жизни от эпидемий.

Фактически вся санитарно-гигиеническая работа пионеров и комсомольцев сводилась к привитию простейших навыков гигиены себе и своей семье, а также к санитарному просвещению взрослых. Действуя по поговорке «капля воды камень долбит», молодые просветители, игнорируя насмешки, делали небольшие ящички и насыпали в них влажный песок, меняя его 2—3 раза в неделю: приучали родных не плевать на пол. Изготавливали железные скребки и размещали их вместе с тряпками у порога, чтобы обувь чистили при входе в дом. Подавали пример в мытье ног перед сном. Заводили носовые платки (или просто клали в карманы чистые тряпки). Уговаривали родителей не держать в избах домашних животных. Показывали пример в еде из отдельной миски, в стрижке волос и ногтей. Настаивали на выделении им отдельной постели, отдельного полотенца. Возмущение многих крестьян вызывала процедура чистки зубов. Причем часто зубного порошка и щетки не было, поэтому молодые «передовики быта» натирали пальцы мылом, толченым мелом или березовым углем и чистили зубы.

Молодежь оказалась все-таки более восприимчивой к санитарной пропаганде, и сама старалась внушить старшим, что болезнь легче предупредить, чем лечить. Некоторые из гигиенических правил напоминали местные крестьянские традиции. Но для многих крестьян пропагандируемые гигиенические правила (особенно в сфере половой гигиены) звучали непривычно и приживались болезненно.

Отдельным направлением работы стала борьба за снижение высокой детской смертности. В 1924 году в СССР из каждой тысячи новорожденных умирало 260 человек [Женщина и быт ... 1926, с. 124]. Поэтому не только правила личной гигиены, но и пропагандируемые правила жилищной гигиены были направлены на создание комфорта для рожениц. Другое дело, что реальные жилищные условия просто не позволяли выполнить

CC BY

данные планы и вызывали у крестьянок чаще всего нескрываемые раздражение и горечь, неприязнь по отношению к юным «умникам».

Все большее распространение на селе получали летние детские ясли. Рассматриваемые в качестве зародыша более широкой системы детского дошкольного воспитания, они явно способствовали не только высвобождению женщин для общественно полезного труда, но и разрушению патриархальных традиций деревни. Даже в учебной литературе подчеркивалось, что путь освобождения женщины от «домашнего рабства» «лежит через общественную столовую и прачечную, через детский сад, ясли». Освобождение от домашнего рабства подавалось как «необходимое условие освобождения от религиозного дурмана» [Учебник для рабочих… 1929, с. 318]. В некоторых комсомольских ячейках призывали своих членов не ждать, когда сестра или мать помоют пол, искоренять неопрятность собственным примером. Там, где ясли и детские площадки организовать не сумели, комсомольцы и пионеры сами устраивали дежурство девушек-нянечек для помощи трудящимся матерям. Иногда именно комсомольцы становились руководителями и нянечками в летних яслях, предоставляя матерям спокойно уходить на целый день на работу, не боясь, что ребенка покалечит 7—8 летняя нянька из числа «старших» детей.

Как противовес религии и прочим «пережиткам прошлого» преподносились и занятия спортом. Показательна иллюстрация в предпасхальном номере спортивной газеты: в сидящего на облаках Бога летит с земли футбольный мяч. Заголовок гласил: «Спорт небесный и земной меж собой вступили в бой» [Красный спорт ..., 1925, с. 2]. Крестьянам внушалось, что до революции их нарочно «дурманили религией», а теперь можно будет заниматься полезным отдыхом, в том числе физкультурой и спортом. С другой стороны, именно в физкультуре видели «активированную гигиену», средство повышения производительности труда и инструмент понижения вредности трудовых нагрузок.

Однако рассчитывать на быстрое развитие физкультуры и спорта в деревне не приходилось. Занятые на сельскохозяйственных работах, даже молодые крестьяне физкультурой обычно занимались неохотно. Отсутствие инструкторов или каких-либо опытных руководителей, инвентаря и денежных средств еще более усугубляло ситуацию. В Брянской губернии, например, большим достижением считали образование к началу 1927 года 10 физкультурных кружков, в которых занимались 357 человек [Отчет… 1927, с. 41]. Еще более высоким достижением считалось наличие в кружках хотя бы нескольких девушек.

Впрочем, когда не хватало инвентаря или не было подготовленных спортинструкторов, комсомольцы пытались упростить физкультурные за-

CC BY

нятия. Зимой по вечерам и в праздничные дни организовывали катания на санях, прогулки на самодельных лыжах, заливали горки и небольшие катки, играли в упрощенное подобие хоккея (на Смоленщине его называли «ковена»). Обычным делом стало изготовление своими силами шашек и даже шахмат, проводились состязания между отдельными кружками.

3.4. Досуг по-советски

Пытаясь расширить влияние комсомола на молодежь, XIV съезд ВКП(б) заявил о праве юношества на «минимум развлечений» [КПСС в резолюциях… т. 3, с. 463]. Культурно-просветительная работа стала восприниматься как наиболее приемлемый для молодой деревни способ ее социалистической переделки, и поэтому руководство комсомола всячески пыталось переориентировать внимание местных организаций на более серьезное отношение к ней.

Постепенно уходили в прошлое комсомольские разгоны посиделок. В оценках комсомольцев и тем более — несоюзной молодежи прослеживается тенденция к признанию правильности непримиримых действий несоюзной молодежи по отношению к идейным противникам посиделок. Все-таки в деревенской жизни для молодежи посиделки были чуть ли не главным развлечением.

В некоторых местах комсомольцы еще боролись с посиделками, но закамуфлированно. В основном же комсомольские организации стремились изменить содержание посиделок. В большинстве своем комсомольские лидеры на местах осознали, что в культурно-просветительной работе в деревне надо покончить с сухостью, официальностью, напряженностью. Из посиделок, вечерок, супрядок пытались сделать очаг разумного и культурного, но одновременно веселого, живого, интересного деревенской молодежи досуга. Ставилась задача изжить из крестьянского отдыха руготню, издевательства над девушками, игру в карты, всякую похабщину.

Для того чтобы завоевать доверие девушек, комсомольцам предписывалось не хулиганить, не браниться, к девушкам относиться потоварищески. Неформальными лидерами тогдашних деревенских посиделок были, как правило, гармонисты. Поэтому комсомольцам настоятельно рекомендовалось самим учиться играть на гармони. Стали издавать специальные сборники, которые советовали использовать для организации читок и инсценировок на посиделках. Комсомольцам рекомендовали даже взять на себя хотя бы часть расходов на содержание помещений, где проходили посиделки. Но при этом не забывать, что комсомольскими посиделки могут называться только тогда, когда веселье сопровождается полезными играми, беседами, когда в песни и частушки тоже вкладывается советское содержание.

CC BY

Интересен опыт комсомола по выявлению деревенских молодежных лидеров и переманиванию их на свою сторону. Осознав, что роль заводил играют гармонисты, в ряде сел проводили конкурсы гармонистов. А после конкурсов, проведя учет всех местных гармонистов, комсомольцы старались не выпускать их из-под своего влияния, активно вовлекать в подготовку концертов художественной самодеятельности.

Во второй половине 1920-х комсомольские руководители стали все настойчивее отстаивать тезис о том, что в деревне не должно быть ни одной «некрасной» посиделки. Прежде всего, речь шла о помощи молодежи освобождаться от похабщины, безалаберности, пьянства, азартных игр. Комсомольскими лидерами обычно признавалось, что нужны и вечеринки-гулянки. Ведь молодежь нуждается в развлечениях и общении. Но чтобы молодежь не отсиживалась на вечеринках, прячась от более культурных форм досуга, призывали «медленно, постоянно и обдуманно вводить … новое содержание» [Зорина, 1926, с. 7]. Раздавались также призывы отказываться от надуманности, официальщины, придавать вечеркам больше веселости. Именно на вечерках кое-где зарождались образовательные кружки.

4. Заключение = Conclusions

В свое время один из авторов настоящей статьи доказал, что многие действия комсомола 1920-х годов вели к обострению конфликта поколений в российской деревне [Слезин, 2023]. Однако сегодня мы продвинулись в более объективном освещении влияния коммунистической молодежи и пионеров на межпоколенческие отношения крестьян. Появилась уверенность в том, что данные организации имели огромный созидательный потенциал, воплощавшийся и в конкретные дела, многие из которых вызывали симпатии крестьян старших поколений, в том числе и поколения «революционного перелома».

При этом нельзя отрицать того, что крестьяне (особенно в сфере быта) в силу своего природного консерватизма нередко негативно оценивали свершения комсомола, на самом деле помогавшие селу освободиться от плохого по своей сути наследия. Безусловно, это также вносило свой вклад в формирование межпоколенческого разлома.

Однако мы не должны сбрасывать со счетов и явные симпатии крестьянства по отношению к молодым организаторам ликвидации безграмотности и широкой культурно-просветительной, санитарно-гигиенической, оздоровительной деятельности. Видя, что пионеры и комсомольцы пополняют фонды изб-читален за свой счет, помогают избачам в украшении и уборке помещений, в топке печей, в ремонте книг, доставке почты, крестьяне осознавали реальную пользу от их дел. В мелочах повседневной

CC BY

жизни детские и молодежные объединения демонстрировали крестьянам свою пользу больше, чем в массовых мероприятиях.

Когда комсомольцы старались изжить не только в своих рядах, но и в целом в молодежной среде хулиганство, пьянство и прочие девиантные проявления, показывали пример в организации досуга, полезного для общекультурного развития, крестьяне ставили в пример членов местных ячеек. Маленькая разница в возрасте поколений «революционного перелома» и «детей революции» способствовала тому, что крестьяне из поколения «революционного перелома» более охотно, чем крестьяне старших возрастов, участвовали в мероприятиях, организуемых комсомолом, особенно в избах-читальнях. Некоторые приобщались и к занятиям спортом. По крайней мере, своим детям, младшим братьям и сестрам крестьяне поколения «революционного перелома», как правило, не препятствовали участвовать в «красных посиделках», внимательно относились к агропропаганде.

Именно позитивные изменения в отношении крестьянства к комсомолу способствовали тому, что и сам комсомол, помня о своем предназначении «моста от партии к широким массам крестьянства» как бы делал «шаги навстречу», изменяя характер своей деятельности, постепенно все же освобождаясь на многих участках от радикализма и непримиримости.

Заявленный вклад авторов: **Слезин А. А.** — концепция исследования; развитие методологии написание текста; итоговые выводы. **Безгин В. Б.** — доработка текста; итоговые выводы. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** **Anatoly A. Slezin** — research concept; development of text writing methodology; final conclusions. **Vladimir B. Bezgin** — text revision; final conclusions. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Вертинский Н. С.* Газета в России и СССР. XVII—XX вв. / Н. С. Вертинский. — Москва-Ленинград : ОГИЗ, 1931. — 168 с.

2. *Женщина* и быт : Материалы по работе среди женщин в клубе, красном уголке, общежитии, женкружке и пр. — Москва : Пролеткульт, 1926. — 174 с.

3. *Зиновьев Г. Е.* Комсомол и партия / Г. Е. Зиновьев. — Ленинград : Прибой, 1925. — 19 с.

4. *Зорина.* Вечеринка / Зорина // Деревенский Театр. — 1926. — № 11. — С. 7.

5. *Итоги* девятого съезда ВЛКСМ. — Москва : ОГИЗ «Молодая гвардия», 1931. — 87 с.

6. *Калинин М. И.* О молодёжи. Избранные статьи и речи / М. И. Калинин. — Москва : ЦК ВЛКСМ, 1969. — 400 с.

7. *Книгу* и газету рабочей и крестьянской молодежи. — Хабаровск, 1924. — 24 с.

8. *Комсомол в* деревне. Очерки / Под. ред. В. Г. Тана-Богораза. — Москва–Ленинград : Госиздат, 1926. — 202 с.

9. *Комсомол* в деревне : (Сборник материалов по работе ячеек Р.К.С.М. В деревне). — Тамбов : Издание Тамбовского Губкома Р.К.С.М., 1924. — 75 с.

10. *Комсомольцам* о VII съезде ВЛКСМ. — Москва-Ленинград : Молодая гвардия, 1926. — 96 с.

11. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК : (1898—1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 9-е изд., доп. и испр. — Москва : Изд-во полит. Лит., 1984. — 494 с.

12. *Красный* спорт : [газета]. — 1925. — 19 апреля. — С. 2.

13. *Отчет* Брянского губкома ВЛКСМ к XI Губернской конференции комсомола (Февраль 1926 г. — Февраль 1927 г.). — Брянск : Издание Брянского Губернского Комитета ВЛКСМ, 1927. — 69 с.

14. *Отчет* ЦК ВЛКСМ. VIII Всесоюзный съезд. — Москва : Молодая гвардия, 1928. — 152 с.

15. *Справочник* партийного работника. — Москва-Ленинград : Гос. изд-во, 1930. — Выпуск 7. — Ч. 2. — 193 с.

16. *Статистический с*борник о состоянии РКСМ за период с 1 окт. 1922 г. по 1 янв. 1924 г. — Москва : [б. и.], 1924. — Выпуск 1. — 104 с.

17. *Учебник* для рабочих антирелигиозных кружков — Москва : Безбожник, 1929. — 336 с.

18. ЦДНИРО — *Центр* документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 102.

19. *Юрцев Б.* Мужицкая смена / Б. Юрцев // Пионер. — 1926. — № 1. — С. 7.

Литература

1. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 366 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.

2. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // Вопросы истории. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46.

3. *Гайлит О.* Религия в «молодом» обществе : заметки о становлении советской повседневности / О. Гайлит // Антропологический форум. — 2012. — № 16. — С. 288—308.

4. *Козлов Ф. Н.* Молодежные реакции на инновационный концепт советского безбожия : Историко-психологический аспект / Ф. Н. Козлов // PolitBook. — 2014. — № 3. — С. 68—79.

5. *Кромер Л. В.* Участие комсомола в выборах в сельсоветы РСФСР (1924—1925 гг.) / Л. В. Кромер // Гуманитарные науки в Сибири. — 2019. — Т. 26. — № 4. — С. 37—43. — DOI: 10.15372/HSS20190406.

6. *Кулинич Н. Г.* Дальневосточные города в 1920—1930-е гг. : «пережитки прошлого» в жизни населения / Н. Г. Кулинич // Новый исторический вестник. — 2009. — № 2. — С. 25—36.

7. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : Возможности исследования / Ю. А. Левада // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2001. — № 5. — С. 7—14.

8. *Лисовский В. Т.* «Отцы» и «дети» : за диалог в отношениях / В. Т. Лисовский // Социологические исследования. — 2002. — № 7. — С. 111—116.

9. *Мангейм К.* Очерки социологии знания : Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. / К. Мангейм. — Москва : ИНИОН РАН, 2000. — 162 с. — ISBN 5-248-01334-8.

10. *Мищенко Т. А.* Молодое поколение в конструировании новой политической идентичности в 1920-е гг. В деревне Юго-Запада России / Т. А. Мищенко // Манускрипт. — 2020. — Т. 13. — № 10. — С. 34—40. — DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7.

11. *Панин С. Е.* «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы / С. Е. Панин // Вестник Евразии. — 2003. — № 4. — С. 135—154.

12. *Рожков А. Ю.* Трансформация ценностных ориентаций сельской молодежи Кубани в условиях межпоколенческого разрыва (1920-е гг.) / А. Ю. Рожков // Голос минувшего. — 2016. — № 3—4. — С. 164—182.

13. *Сидоров Е. С.* Конфликт поколений в контексте процесса развития культуры и общества / Е. С. Сидоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 2. — С. 175—178.

14. *Слезин А. А.* Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.

15. *Чистякова Д. П.* Типологизация поколений по Ю. Леваде : социолого-культурологический аспект / Д. П. Чистяков // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. — 2016. — № 9. — С. 99–103.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024,
одобрена после рецензирования 06.04.2024,
подготовлена к публикации 22.04.2024.

Material resources

A book and a newspaper for working and peasant youth. (1924). Khabarovsk. 24 p. (In Russ.).

CDNIRO — Center for documentation of the modern history of the Rostov region. F. 4. Op. 1. D. 4. L. 102. (In Russ.).

Handbook of a party worker, 7 (2). (1930). Moscow-Leningrad: State Publishing House. 193 p. (In Russ.).

Kalinin, M. I. (1969). *About youth. Selected articles and speeches.* Moscow: Central Committee of the Komsomol. 400 p. (In Russ.).

Komsomol in the village: (Collection of materials on the work of R.K.S.M. cells in the village). (1924). Tambov: Edition of the Tambov Gubkom R.K.S.M. 75 p. (In Russ.).

Komsomol in the village. Essays. (1926). Moscow–Leningrad: Gosizdat. 202 p. (In Russ.).

Komsomol members about the VII Congress of the Komsomol. (1926). Moscow-Leningrad: Molodaya Gvardiya. 96 p. (In Russ.).

Krasny sport: [newspaper]. April 19. (1925). P. 2. (In Russ.).

Report of the Bryansk Gubernatorial Committee of the Komsomol to the XI Provincial Conference of the Komsomol (February 1926 — February 1927). (1927). Bryansk: Publication of the Bryansk Provincial Committee of the Komsomol. 69 p. (In Russ.).

Report of the Central Committee of the Komsomol. VIII All-Union Congress. (1928). Moscow: Molodaya Gvardiya. 152 p. (In Russ.).

Results of the ninth Congress of the Komsomol. (1931). Moscow: OGIZ "Molodaya Gvardiya". 87 p. (In Russ.).

Statistical collection on the state of the RKSM for the period from October 1, 1922 to January 1, 1924, 1. (1924). Moscow: [B. I.]. 104 p. (In Russ.).

Textbook for workers of anti-religious circles. (1929). Moscow: Godless. 336 p. (In Russ.).

The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee: (1898—1986). (1984). Moscow: Publishing House of Political Literature. 494 p. (In Russ.).

Vertinsky, N. S. (1931). *Newspaper in Russia and the USSR. XVII—XX centuries.* Moscow-Leningrad: OGIZ. 168 p. (In Russ.).

Woman and life: Materials on work among women in the club, the red corner, the hostel, the women's club, etc. (1926). Moscow: Proletkult. 174 p. (In Russ.).

Yurtsev, B. (1926). Muzhik shift. *Pioneer, 1:* P. 7. (In Russ.).

Zinoviev, G. E. (1925). *Komsomol and the party.* Leningrad: Priboy. 19 p. (In Russ.).

Zorina. (1926). Party. *Village Theater, 11:* P. 7. (In Russ.).

References

Chistyakova, D. P. (2016). Typologization of generations according to Yu. Levada: a sociological and cultural aspect. *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice, 9:* 99—103. (In Russ.).

Gailit, O. (2012). Religion in a "young" society: notes on the formation of Soviet everyday life. *The Anthropological Forum, 16:* 288—308. (In Russ.).

Kozlov, F. N. (2014). Youth reactions to the innovative concept of Soviet atheism: A historical and psychological aspect. *PolitBook, 3:* 68—79. (In Russ.).

Kromer, L. V. (2019). Participation of the Komsomol in the elections to the village councils of the RSFSR (1924—1925). *Humanities in Siberia, 26 (4):* 37—43. DOI: 10.15372/HSS20190406. (In Russ.).

Kulinich, N. G. (2009). Far Eastern cities in the 1920s—1930s: "remnants of the past" in the life of the population. *New Historical Bulletin, 2:* 25—36. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2001). Generations of the XX century: Research opportunities. *Monitoring public opinion: economic and social changes, 5:* 7—14. (In Russ.).

Lisovsky, V. T. (2002). "Fathers" and "children": for dialogue in relationships. *Sociological research, 7:* 111—116. (In Russ.).

Mannheim, K. (2000). *Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations. Competitiveness. Economic ambitions: translated from English.* Moscow: INION RAS. 162 p. ISBN 5-248-01334-8. (In Russ.).

Mishchenko, T. A. (2020). The younger generation in the construction of a new political identity in the 1920s. In the village of the South-West of Russia. *Manuscript, 13 (10):* 34—40. DOI: 10.30853/manuscript.2020.10.7. (In Russ.).

Panin, S. E. (2003). "The master of urban streets". Hooliganism in Soviet Russia in the 1920s. *Bulletin of Eurasia, 4:* 135—154. (In Russ.).

Rozhkov, A. Yu. (2016). Transformation of value orientations of rural youth of Kuban in the conditions of the intergenerational gap (1920s). *Voice of the past, 3—4:* 164—182. (In Russ.).

Sidorov, E. S. (2013). The conflict of generations in the context of the process of development of culture and society. *Historical, philosophical, political and legal sciences,*

cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 2: 175—178. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of "Anti-Religious Offensive" of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog, 12 (3):* 446—477. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477 (In Russ.).

Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the era of Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance.* Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of the "revolutionary turning point" in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of history, 7—2:* 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

The article was submitted 31.01.2024;
approved after reviewing 06.04.2024;
accepted for publication 22.04.2024.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

CC BY

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

CC BY

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.
Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

CC BY

Литература
(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(3), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Labunets, N. Y., Ertner, D. E., Ertner, E. N. Linguosemiotics of Proper Names in Novel 'Night Watch' by S. Lukyanenko 9

Leontyeva, E. V. 'My Roman Empire': From Flashmob to Idiomatic Expression 31

Pozdnyakova, E. Yu., Shpilnaya, N. N. Actualization of Interpretational Potential of a Common Noun with Abstract Semantics (based on an Associative Experiment). 54

Remkhe, I. N. Matrix-Network Modeling of Translation Communication from Perspective of Eco-Translatology 72

Selemeneva, O. A., Potekhina, P. S. 'Eastern' Onomasticon of I. A. Bunin Prosaist: Hierarchy and Systematicity 89

Media communications and journalism

Griber, Yu. A. Peach Fuzz: Conceptual Engineering of Color Categories 109

Gukosyants, O. Yu. Stylistic Techniques in Demotivational Posters During COVID-19 Pandemic and Self-Isolation Period 127

Shakenova, M. T., Aitmagambetova, M. B. Manipulative Techniques in Media Texts: A Case Study of Russian-Language Media in Kazakhstan 149

Literary studies. Folklore

Bauer, T. V. Oath in Legal Tradition as a Reflection of Value System of Russian Peasantry (Mid-19th to Early 20th Century). 170

Bogdanova, O. V., Baranova, T. N. Motif of Mask in Joseph Brodsky's 'Great Elegy for John Donne'. 190

Drozdova, A. O. 'Best Known Example of Relativity in Literature': Personal Supertext of L.N. Tolstoy in V.V. Nabokov's Novel "Pnin". 215

Plotnikova, A. G. Genre Features of Professional Screenplays in Russia in 1910s: Theory and Practice 233

Serdechnaya, V. V., Zhatkin, D. N. Evolution of Literary-Critical Method of Julius Aikhenvald and His Views on Shakespeare's Creativity 251

Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. Works of R. Edelbauer in Context of Contemporary Austrian Literature of Early 21st Century 267

CC BY

History

Archipova, N. E. Behavior of Nizhny Novgorod Diocese Clergy during First Russian Revolution 289

Buslaev, G. N., Nemudrov, K. A. Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s-2010s: Formation Paths and Development Features 308

Egorov, A. A., Boyko, O. O. Escalation of Anglo-German Relations Amidst Strengthening of 'War Party' in Germany during Crisis Period of 1908—1911 331

Egorova, K. B. Commemorating Jubilee of Jan Hus in Russian Empire: Preconditions, History, Cultural Context 348

Eldinov, O. A. Motivation of Volunteers during Great Patriotic War (Case Study of Rostov Region). 365

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. Administration of Alexandrovskaya Central Penal Colony (1873-1917). 384

Ippolitov, V. A. "Agrarian Unrest" in Central Black Earth Region in Autumn 1905 405

Kaziev, E. V. Alans and Chingizid States in 13th-15th Centuries 427

Kornoukhova, G. G. Russian-Persian Economic Relations in Early 20th Century: Road Construction 445

Kruglikov, A. S., Tsys, V. V. Activities of Parish Guardianships of Tobolsk Diocese in Second Third of 19th — Early 20th Centuries 463

Lakhtionova, E. S. Role of State Authorities in Preserving Industrial Heritage of Chelyabinsk Region (1960s-1980s) 488

Nesterova, T. P., Ushakov, D. V. "Loneliness of Catalonia": Separatism in Catalan-speaking Regions in Spain in 21st Century 506

***Slezin, A. A.*, Bezgin, V. B.** Activities of Rural Komsomol Members in 1920s to Overcome "Remnants of Past". 526

TO AUTHORS 543

ПОДПИСКА

на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Научный диалог

Том 13, выпуск 3, 2024

Nauchnyi Dialog

Volume 13, Issue 3, 2024

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 23.04.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,19. Тираж 500 экз. Заказ 23/04-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Свободная цена